

**ИСТОРИЯ
РОССИИ**

*С начала
XVIII
до конца
XIX века*

ИСТОРИЯ РОССИИ

*С начала XVIII
до конца XIX века*

ISBN 5-17-009096-X

9 785170 090969

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

ИСТОРИЯ РОССИИ

С древнейших времен
до конца XX века

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

член-корр. РАН А. Н. Сахаров (отв. редактор),
докт. ист. наук В. П. Дмитренко (зам. отв. редактора),
академик РАН И. Д. Ковальченко,
член-корр. РАН А. П. Новосельцев

ИСТОРИЯ РОССИИ

С начала XVIII
до конца XIX века

Ответственный редактор
член-корр. РАН А. Н. Сахаров

*Рекомендовано Государственным комитетом
Российской Федерации по высшему образованию
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по направлению и специальности
«История»*

*Рекомендовано Министерством образования
Российской Федерации в качестве
учебного пособия для системы
педагогических вузов России*

Москва
АСТ
2001

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
И90

Авторы:

член-корр. РАН А.Н. Сахаров (предисловие),
член-корр. РАН Л.В. Милов (разделы I, II),
докт. ист. наук П.Н. Зырянов (раздел III, гл. 17–23),
докт. ист. наук А.Н. Боханов (раздел III, гл. 24).

Подбор иллюстративного материала Г.Я. Данилина

Художник Б.С. Казаков

Рецензенты: докт. ист. наук В.Г. Тюкавкин,
докт. ист. наук Б.С. Илизаров

И90 История России: С начала XVIII до конца XIX в./
А.Н. Сахаров, Л.В. Милов, П.Н. Зырянов,
А.Н. Боханов; Отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.:
ООО «Издательство АСТ», 2001. – 544 с., ил.

ISBN 5-17-009096-X (ООО «Издательство АСТ»)

УДК 94(47)
ББК 63.3 (2)

ISBN 5-17-009096-X
(ООО «Издательство АСТ»)

© Коллектив авторов, текст, 1996
© ООО «Издательство АСТ», 1997

Предисловие

Эта книга охватывает период истории России с начала XVIII в., со времени знаменитых петровских преобразований, и до рубежа XX в., когда нарастание глубокого экономического, политического, социального, национального кризиса в стране привело к крушению исторической российской государственности, всего миропорядка и традиционного жизненного уклада России, которые формировались столетиями.

По существу, эти два столетия в истории России как в зеркале отразили весь трудный, противоречивый путь страны, вобрали в себя и все наиболее славные ее страницы, связанные в первую очередь с борьбой за ключевые геополитические позиции, со взлетами в области культуры, с религиозно-нравственными исканиями, и все исторические издержки в деле создания одной из самых крупных, амбициозных и экономически и политически отстающих европейских империй своего времени.

Как и в предшествующей книге, авторы, раскрывая эволюцию российского общества в целом, тесно увязывают ее со всей прежней историей страны, со спецификой ее геополитической ситуации, оказавшей известное, а порой и решающее, влияние на социально-экономические и политические процессы.

Это общество продолжает рассматриваться как обреченное существовать в суровых природно-географических условиях, что приводит к получению лишь минимума совокупного прибавочного продукта, определяет фатальную склонность к преимущественно земледельческому хозяйству, в рамках которого отсутствуют необходимые условия для благоприятного и активного развития промышленности и городских структур, а внутренняя торговля имеет

в основном континентальный характер. Это общество уже в XVII—XVIII вв. рождало «механизмы» для создания более или менее нормальных условий развития государства и всех связанных с ним экономических и политических компонентов на уровне возможностей общественной среды и времени. Таким «механизмом» в России стал режим крепостного права, который на долгие десятилетия окрасил в соответствующие тона всю жизнь страны и вызвал яростные социальные взрывы, такие, как восстание Пугачева.

Усиление режима крепостничества, подчеркивается в книге, произошло отнюдь не в силу кровожадности помещиков-крепостников или безропотной пассивности крестьянства, а благодаря прежде всего объективным причинам, главной из которых стало бедственное положение громадной массы крестьянских хозяйств. Природные условия при тогдашнем уровне земледелия делали труд крестьян в основном убыточным. Поэтому все правительства XVIII в., создавая условия для торгово-промышленной деятельности крестьянства, одновременно тормозили слишком стремительное переключение огромной массы жителей Нечерноземья на истинно городские «занятия», так как это могло бы катастрофически подорвать интересы основной части землевладельцев — русского дворянства, бывшем со времен реформ Петра I оплотом славы и мощи страны.

В книге впервые в столь обнаженной форме утверждается, что крепостное право во второй половине XVIII — начале XIX в. еще нельзя было отменить. Отсюда — несколько иные, чем ранее, оценки характера развития «просветительской мысли» и роли «просвещенного абсолютизма», который отнюдь не был лицемерной игрой Екатерины II, а стал важным этапом в модернизации законодательной основы государства как механизма не только подавления одного класса другим, но и саморегуляции общества. Что касается просветителей, то они были не борцами с «прогнившим крепостничеством», как это часто утверждалось прежде, а лишь благородными критиками этого режима с морально-нравственных позиций.

Важное место в книге уделено борьбе России за выход к незамерзающим портам Балтики и Черного моря. Поколения русских людей сложили в этой борьбе свои головы, чтобы обеспечить благоприятные условия экономического развития страны, возмнанной соседями в глубь огромного континента Евразии.

Но многом по-новому освещается в книге история России в XIX в.

В соответствии с общими научно-методологическими установками издания, в основу которых положены принципы объективности, историзма, многофакторного подхода к истории страны, создатели книги отказались от понимания истории России XIX в. исключительно сквозь призму борьбы прогрессивных сил общества против царского режима, от крайне тенденциозного, только негативного освещения фигур русских царей и государственных деятелей, от исторического оправдания крайних методов борьбы с правительством. Охавались либералы, готовые пойти на «сговор» с режимом. Культивировалась легенда о декабристах как о революционерах и предтечах большевиков. Односторонне изображались такие сложные и многогранные общественные деятели, как В.Г. Белинский и А.И. Герцен. Да и В.И. Ленин преподносился не как живой человек с собственной сложной судьбой, а как «явь» едва ли не с самого рождения. Все это было далеко от объективного отражения истории.

В книге сделан акцент на те стороны русской жизни, которые в прежних учебных курсах подавались крайне слабо (например, история культуры) либо вовсе не освещались (история церкви).

Авторы отказались от преувеличения масштабов крестьянского и рабочего движения в XIX в. В реальности это был век сравнительно «тихий». Плохо это или хорошо, но народ наш весьма терпелив. Только крайние обстоятельства способны подтолкнуть его на бунт, но тогда он действительно становится, как писал Пушкин, бессмысленным и беспощадным.

Отношения между государством и обществом — это одна из коренных проблем XIX в. Не надо закрывать глаза на то, что эти отношения часто до предела обострялись. И не всегда правда была на стороне носителей государственной власти. Но при этом надо помнить, что государство, каковы бы ни были личные качества стоящих у власти людей, — неизбежный спутник цивилизации, что безгосударственное устройство общества невозможно, что в государстве должна существовать стройная система законов, обязательная для всех, включая тех, кто стоит у власти.

Не следует идеализировать, подчеркивается в книге, и просвещенное российское общество XIX в. При всей его приверженности идеям гуманизма и свободы нельзя за-

бывать о таких его чертах, как доктринерство, склонность к экстремизму, неумение слушать оппонента.

Отказываясь от многих стереотипов, свойственных историкам прошлых лет, авторы этой книги далеки от мысли зачеркнуть всю историческую науку предшествующей поры. Золотым фондом отечественной историографии остаются исследования героических страниц нашей истории, таких, как Отечественная война 1812 г. или русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. Немало было сделано и в освещении труда и быта простых людей — рабочих и крестьян. Авторы старались сохранить эти достижения, чтобы не прерывалась нить исторического мышления народа, не создавались новые барьеры непонимания между старшим и подрастающим поколениями.

Впервые в подобной обобщающей работе затронуты такие прежде «неприкасаемые» темы, как трудное становление в самодержавной России демократических норм жизни, появление ростков правового государства, характер и историческая роль представительных учреждений, величественность и трагизм российского реформизма, соотношение нравственности и политики, и многие другие.

Мы не собираемся в очередной раз «вбивать» в головы читателей набор неких «бесспорных» истин. Мы пытаемся показать все основные стороны исторического процесса, предложить свои ответы на дискуссионные вопросы, пробудить у читателя прежде всего желание подумать, поразмыслить над трудной, величественной, уникальной судьбой нашего Отечества в эти два поистине переломных века.

А.Н. Сахаров

Россия при Петре I

Глава 1

Первые шаги в государственной деятельности Петра I. Азовские походы и начало Северной войны

Оглядываясь на прошлое в преддверии знаменитого в истории России XVIII столетия, бросим еще раз свой взор на потекший «бунташный век», уясняя важнейшие «болевые точки» в судьбе страны.

Это было горестное для России столетие. Начало его ознаменовалось грандиозной трагедией в жизни российского общества так называемым Смутным временем. К Смуте Россию привел сложнейший комплекс противоречий, противостояний и искривлений, возникших в ходе развития общества в течение XVI века. В глубине этого запутанного клубка антагонизмов были объективно развивающиеся процессы становления единого Русского государства и его важнейшей подосновы в лице неотвратимого наступления режима крепостничества. Крепостные отношения были отнюдь не «зловещим порождением Москвы», как полагают некоторые резво пишущие историки. Они были необходимейшим рычагом политической организации российского общества, специфичность которой заключалась в необычайно малом размере получаемого им совокупного прибавочного продукта.

Дело в том, что при сложившемся в предыдущий период (до XV в.) типе организации труда и хозяйства русское об-

щество располагало весьма низким объемом средств и ресурсов для создания необходимого уровня государственного управления, организации суда, финансовой системы, поддержания достаточной обороноспособности и развития армии, для удовлетворения, наконец, минимальных запросов общества в области культуры, искусства, развития религиозных учреждений и т.п.

Причиной этому были крайне неблагоприятные природно-климатические условия на большей части Восточно-Европейской равнины: обилие малоплодородных, а то и просто бесплодных земель, сильно укороченный, по сравнению с остальной Европой, период сельскохозяйственных работ, усугубленный коварством ранних осенних и поздних весенних заморозков, губящих и урожай и весенние всходы многих зерновых культур. В таких условиях основной производитель материальных благ общества — русский крестьянин — пахал гораздо меньшую площадь и получал в итоге гораздо меньший урожай, чем это требовал объективный процесс не только развития общества, но и его самосохранения в жестком режиме тогдашних международных взаимоотношений. Зловещий опыт недавнего монголо-татарского ига был ярким наглядным примером бесперспективности прежних традиций и мощным стимулом новых преобразований, важнейшим из которых было объединение русских земель в единое государство.

Неумолимая логика развития общества еще в период до начала активного объединительного процесса обнаружила первые признаки становления режима извлечения прибавочного продукта путем жесткого внеэкономического принуждения. Именно этот режим в лице складывающегося крепостничества в конечном счете и создавал минимально необходимые условия для жизнедеятельности российского общества в целом, хотя само общество в силу этих новых условий режима крепостного права обретало облик, отнюдь не напоминавший западноевропейский тип общества.

Процесс становления российского общества, основанного в той или иной степени на режиме крепостничества, сопровождался в XVI столетии целой чередой драматических внутриклассовых и классовых конфликтов, а равнодействующий им вектор вызревал как гигантская власть самодержавия. Внезапный обрыв династической нити создал зловещий политический вакуум как раз на той стадии развития, когда еще не только не сложилась иерархия господствующего клас-

са, но не завершилось и становление режима крепостного права.

Жестокая Смута начала XVII в. привела Российское государство на край гибели. Мгновенное ослабление власти в России неминуемо разожгло политические аппетиты ближайших соседей.

Наконец, российская Смута была не просто периодом жестоких военных действий. Это была «гражданская» война, и материальные и людские потери этой войны были неизмеримо более тяжкими, чем при обычном ходе средневековых военных действий. Смута принесла России грандиозную хозяйственную разруху, запустение почти всех пашенных угодий, а главное, резкое уменьшение населенности основной территории государства.

К счастью для России, в ту далекую эпоху обескровленной страна добилась мира и оказалась предоставленной самой себе. В силу этого процесс восстановления и жизни на земле, и хозяйства стал реальной перспективой. Правда, был он и слишком длительным (вплоть до второй половины XVII в.), и весьма болезненным и сложным. Объяснение этому кроется, в частности, в сугубо экстенсивном характере российского земледелия. Постоянный риск оказаться без урожая в глазах многих и многих земледельцев делал бесперспективным тяжелый труд восстановления прежних пашен. К тому же отсутствие кормов для нормального скотоводства лишало крестьян наиболее радикального средства повышения плодородия путем внесения навозного удобрения. По-прежнему важную роль в поддержании плодородия играл запуск земель и длительный перелог, залежь и т.п. Такой тип хозяйства поддерживал постоянное стремление людей сменить место жительства, уйти на новые земли. Ослабление крепостнического законодательства в период Смуты, да и довольно долгое время после нее, благоприятствовало такой миграции. Пролетая из России в течение века достигли Камчатки, Приморья и Приморья, то массовая миграция осваивала земли Среднего Поволжья, южных уездов России (Воронеж, Пенза, Тамбов и др.), а также районов Урала и Сибири.

Вовлечение в хозяйственный оборот новых земель в целом позволило восстановить продовольственную базу страны, хотя урожайность по-прежнему оставалась очень низкой. В итоге почти все население должно было заниматься сельским хозяйством.

И тем не менее XVII век имел заметные сдвиги в общественном разделении труда. В ряде городских центров резко сокращается роль земледелия, хотя во многих городах земледельческие функции концентрируются на огородничестве и садоводстве. В российских городах во второй половине XVII в. растет число ремесленников, расширяется круг ремесленных специальностей. Существенное развитие получает мелкотоварное производство. Специфичность его в России заключается в том, что оно во многом напоминало сезонное производство, т.е. промышленники работали с большими временными перерывами. В значительной мере такой ритм работы был свойствен и ремеслу. Посадский ремесленник копал огород, иногда пахал поле, сеял, жал, косил сено, ловил рыбу, заготавливал дрова и только какую-то, хотя и значительную часть времени уделял своему ремеслу. В этом российский город сильно отличался от западноевропейского города.

Вместе с тем, такой способ производственной деятельности пагубно влиял на возможность накопления денежных средств и укрупнения масштабов производства. Немалую роль в подобной ситуации играло отсутствие в стране рынка рабочей силы. Как правило, он ограничивался узкой прослойкой пауперов — внезапно, в силу тех или иных причин, разорившихся и выбитых из колеи нормальной жизни людей. Однако рано или поздно и такие люди возвращались к основному для общества виду деятельности — земледелию.

В то же время государству необходимы были не только ремесло и промыслы, оно остро нуждалось в продукции крупного производства. Поэтому одной из характернейших черт XVII столетия явилось форсированное усилиями государства развитие крупного промышленного производства, прямо или косвенно связанного с военно-хозяйственными потребностями страны. В XVII веке таких предприятий было очень немного и экономический эффект их был ограниченным. Важнейшее место среди них занимали концессии иностранцев и прежде всего доменно-молотовые комплексы А. Виниуса, а потом П. Марселеса, А. Бутенанта и Ф. Акемы.

В течение века (точнее, его последней трети) с разной продолжительностью в России действовало свыше трех десятков таких предприятий, получивших в литературе не вполне точное название «мануфактур». По отношению к основной экономике страны эти «мануфактуры» были достаточно изолированным явлением. Тем не менее их роль в ук-

реждении обороны страны, едва вернувшейся во второй половине XVII в. в стадию нормального развития, нельзя недооценивать.

Довольно сложны и неоднозначны итоги развития торговли. Вплоть до середины века городской посад был объектом тяжелейшего налогообложения. Это препятствовало массовому вовлечению в крупную торговлю представителей посадов, и она традиционно сосредоточивалась в руках привилегированного купечества: гостей и гостиной сотни.

В средневековье наибольший экономический эффект для страны, государства и общества в целом давала лишь крупнооптовая торговля с ее громадной прибылью. Но такая торговля во всем мире существовала почти исключительно как регулярная морская торговля. Не случайно, наиболее богатыми и развитыми в экономическом отношении странами в средние века в Европе, да и во всем мире, были почти исключительно крупные морские державы (Англия, Голландия, Бельгия, Франция, некоторые государства Италии и др.). Такого экономического эффекта сухопутная торговля никогда не давала.

В России же сухопутная торговля носила исключительно вынужденный, преимущественно сезонный характер из-за неблагоприятных природно-климатических условий. Длительный зимний период, распутицы межсезонья, отсутствие и экономическая невозможность создания хороших дорог и магистралей — все это обрекало страну на далеко не лучшую жизнь. К тому же Россия XVII в. имела единственный порт на суровом северном берегу Белого моря — Архангельск.

Вместе с тем объективные потребности экономики страны с исключительным господством земледельческого производства требовали вовлечения в экспортную торговлю не только мехов (а запасы соболя к концу века в Сибири заметно истощились) и иной уникальной продукции, но и массовой продукции сельского хозяйства (зерно, пенька, масло, сало и т.д.). Однако это крупногабаритный товар, и перевозка его была выгодна только большими партиями. А это ни экономически, ни технологически не под силу сухопутной торговле с ее тужевым транспортом. Единственная оптимальная перспектива ее развития была объективно связана с обретением морских портов и водных артерий, ведущих к таким портам.

То и другое можно было обрести только силой. Однако Смуты и разорение страны привели Россию к потере огром-

ной территории западнорусских земель вплоть до Смоленска, к потере выхода страны к Финскому заливу. Провал попытки вернуть Смоленск показал, что даже в 30-е годы Россия все еще была разоренным и слабым государством. При Михаиле Федоровиче обращения украинского казачества о российском подданстве оставлены были без последствий. Однако самоотверженная освободительная борьба Украины во главе с гетманом Б. Хмельницким в конечном счете поставили все еще ослабленное Российское государство перед необходимостью решить вопрос о воссоединении России и, как неизбежное следствие, вступить в длительную и изнурительную войну с Польшей, осложненную к тому же вступлением в Польшу и Прибалтику шведских войск и активизацией их действий против России. Объединенными усилиями казаков и русских была освобождена, а потом утеряна Белоруссия и часть Прибалтики. России удалось закрепиться лишь на части возвращенных русских земель. Включение Киева и Левобережной Украины в систему ослабленной экономики России, с ее тяжелым налоговым гнетом и неурядицами государственного управления, вскоре вызвало серьезные трения с казачьей верхушкой, привело к политической интриге ее гетманов, что еще более осложнило ситуацию на южных и юго-западных рубежах России. В 50—80-е годы Россия предпринимает колоссальные усилия для укрепления южных границ строительством гигантских оборонительных засечных полос и «черт», с большим количеством крепостей, с привлечением огромного числа людских ресурсов. К концу XVII в. основные усилия России сосредоточены на южных рубежах — в борьбе за Киев, Левобережную Украину против Турции и Крыма. Но общий итог этой политики был минимальным. Весь груз стратегических задач страны остался практически нерешенным.

§ 1. «Двоецарствие» Ивана и Петра. Стрелецкие бунты и политика Софьи

30 мая 1672 г. у Алексея Михайловича родился последний, шестой сын — Петр, бывший четырнадцатым ребенком царя. Мать его, вторая жена царя, Наталья Кирилловна Нарышкина, была вдвое моложе 42-летнего мужа. Со второй женой Алексея Михайловича отношения в его многодет-

ном семействе, окруженном целым кланом родственников умершей первой жены, резко обострились. Немногочисленные родственники молодой жены оттеснили Милославских от трона и государственного управления. Однако так было недолго. В 1676 г. еще далеко не старый 47-летний царь внезапно умирает. Попытки Нарышкиных и Артамона Матвеева продвинуть на престол малолетку Петра Алексеевича кончились неудачей. Царем стал старший сын, 14-летний Федор Алексеевич. Это был неглупый, довольно образованный юноша, хорошо знавший польский и латинский языки и даже пробовавший свои силы в виршах, но он был большим человеком, неспособным ходить на сильно опухших ногах. Он пробыл на троне шесть недолгих лет при полном господстве у трона Милославских со всеми царскими тетками и царевнами. Нарышкины же с приходом Федора были отставлены от двора и сосланы кто куда. Воспитатель молодой царицы-вдовы, А.С. Матвеев, поначалу был отправлен в Верхотурье. Но в результате гнусной интриги он был сослан в печально знаменитый и суровый Пустозерск. Лишь к концу правления царя Федора судьба выдвинула на видные роли такие фигуры, как И.М. Языков, А.Т. Лихачев, отчасти В.В. Голицын.

Языков, Лихачевы и внезапно ставшая второй женой царя Федора Марфа Апраксина несколько изменили придворную атмосферу в пользу опальной Натальи Кирилловны Нарышкиной, облегчили судьбу А.С. Матвеева. Причиной тому, видимо, были явно слабеющее по прошествии 6-ти лет здоровье царя Федора и внезапная смерть после родов царицы Агафьи Грушевской с младенцем-наследником. А из двух оставшихся потенциальных наследников живой и энергичный десятилетний умница Петр был, по сути, вне конкуренции по сравнению с больным и слабоумным братом Иваном.

Однако все было не столь просто. Окружению Федора все-таки зрела оппозиция, выбравшая в качестве козырной фигуры в своей политической борьбе самую видную и энергичную из многочисленных дочерей Алексея Михайловича — царевну Софью. Так сформировалась «партия» В.В. Голицына — И.А. Хованского — И.М. Милославского. И когда на площади Кремля криками толпы было высказано предпочтение не старшему Ивану, а Петру, эта «партия» стала действовать.

В качестве «порохового заряда» для взрыва в Москве были избраны московские стрельцы, которые оказались жертвами понуждений, поборов и грабежей со стороны стрелец-

кого начальства, использовавшего федоровское безвременье для собственного обогащения. В ход были пущены слухи, провокации и т.п., возбудившие стрельцов и давшие выход стрелецким застарелым обидам и злобе на начальство. Оказавшаяся на верху власти Наталья Кирилловна удовлетворяла все поначалу правдивые, а потом все более нахрапистые претензии стрельцов. Расправа и праведж над стрелецкими полковниками отнюдь не успокоили стрелецкие массы. В то же время внезапное возвращение ко двору Нарышкиных и серия пожалований пятерым братьям Натальи Кирилловны сильно озлобили Милославских.

Срочно возвращенный 13 мая из дальней ссылки А.С. Матвеев не успел освоить ситуацию, а уже в полдень 15 мая 1682 г. стрелецкие полки ринулись в Кремль, узнав, что якобы «задушили» царя Ивана. Живые и невредимые Иван и Петр, показанные стрельцам, не успокоили последних. Появился список «изменников-бояр», и кровавая расправа стала неминуема. В ней погибли А.С. Матвеев, И.М. Языков, М.Ю. Долгорукий, Ф.П. Салтыков, А.К. Нарышкин, Л. Иванов и др. 17 мая были убиты И.К. Нарышкин и немец-лекарь Д. фон Гаден. Всех оставшихся в живых Нарышкиных вновь выслали в глухие углы страны. Возбужденные массы «утвердили» на троне двух братьев, сделав слабоумного Ивана первым из них. Фактически же у власти стала царевна Софья Алексеевна.

Буйство стрельцов, возглавляемых Иваном Хованским, и их амбиции достигли апогея к 6 июня 1682 г., когда специальным указом московских стрельцов возвели в ранг «надворной» пехоты, а на Красной площади воздвигли «столп», запечатлевший имена всех изменников и врагов трона. С этого момента Софья поняла, что она может быть уже и простой игрушкой в руках этой грозной силы, и приступила к решительным, хотя и «мягким» контрмерам против тех же стрельцов.

Важным переломным моментом в стрелецком восстании была виртуозно устроенная Софьей буквально на проезжей дороге стремительная казнь поднявших на бунт стрелецкие полки отца и сына Хованских. Движение с этого момента резко пошло на убыль. Уже 2 октября патриарх потребовал от стрельцов челобития с повинной. В конце декабря были казнены зачинщики и «пущие возмутители», а вплоть до мая следующего года «подчищали» последние следы окончившегося бунта.

Так уж распорядилась судьба, что с подавлением волнений стрельцов у власти стала поднявшая их на бунт царевна Софья. Правила она Россией семь лет. Умная, образованная, самостоятельная, она между тем не была готова к подлинно государственной деятельности. Тем не менее на ее правление пришелся важный и крупный успех: заключение «вечного мира» с Польшей в 1686 г. Это было достигнуто путем длительнейших и изнурительных дипломатических усилий, ибо и слишком тугой и сложный узел сплелись интересы и противоречия России и Украины, с одной стороны, Польши — с другой, и Крыма и Турции — с третьей.

По миру с Речью Посполитой 1667 г. Киев был формально отдан России всего на 2 года, и именно Киев был на переговорах 1680 г. камнем преткновения. В итоге все же Польша уступила древнейшую русскую столицу, хотя Москва вынуждена была уплатить за это Польше гигантскую сумму в 146 тыс. золотых руб. Так был осуществлен второй важный шаг в решении многовековой стратегической цели Русского государства, которая исчерпывающе была изложена в 1685 г. гетманом Иваном Самойловичем в одном из посланий в Москву: «А так как вся тамошняя сторона Днепра, Подолия, Волянь, Подгорье, Подлясье и вся Красная Русь всегда к монархии Русской с начала бытия здешних народов принадлежали, то безгрешно бы было свое искони вечное, хотя бы и потихоньку, отыскивать, усматривая способное время».

Далее Россия обязалась разорвать мир с турецким султаном и крымским ханом и послать войска к Перекопу для защиты польских войск. Наступили тяжелые переговоры с гетманом И. Самойловичем, который изо всех сил убеждал не разрывать мир с Турцией и Крымом и предупреждал о возможном коварстве Польши (ведь папа легко отпустит грех клятвopеcтyплeния!).

Тем не менее первый крымский поход состоялся в мае — июне 1687 г., а второй — в феврале — мае 1689 г. Оба они были неудачными и повлекли тяжкие потери. Слишком тяжелы были условия похода в бескрайних, безлюдных, опаленных солнцем степях, о чем в свое время предупреждал тот же гетман Самойлович. Для завоевания Крыма необходима была и иная армия, и иное снабжение, и иное ведение войны.

Между тем в стороне от круговорота больших и малых событий, вдалеке от придворной суеты рос и мужал будущий

Петр Великий. Положение царевича «третьей руки», шансы которого на престол были весьма невелики, создало обстановку относительно вольной жизни подростка, лишенной каких-либо регламентов. С детства необычайно темпераментный, энергичный, он отличался не только любознательностью, пытливостью, но и практической сметливостью.

Сильнейшими увлечениями Петра были ремесла (плотничье, кузнечное, столярное и др.), он страстно любил, еще с детства, корабельное дело и мореплавание. Наконец, всепоглощающей страстью отрока и юноши Петра было военное дело. С детства Петр уже обладал изрядным опытом общения с сотоварищами уличных игр и затей, а потом с ремесленным людом, огромной массой участников организуемых для него военных игр. Именно отсюда пошла уникальная «приземленность» Петра, умение видеть вещи и обстоятельства с практической точки зрения, дать им оценку, близкую к оценке простолудина, горожанина, купца и т.п.

Пытливый юноша, обучаемый с детства отнюдь не лучшими учителями, с жадностью обретал знания в самых различных отраслях тогдашней науки и инженерной практики. Так исподволь поднималась уникальная личность, вышедшая из недр еще молодого царствующего дома Романовых, личность, для которой неотложные дела государства постепенно становились центром всех ее помыслов.

Если не считать бесконечные и скучные для подростка и юноши придворные церемонии, дипломатические приемы, богомольные шествия и поездки, то в целом Петр практически не касался государственных дел. Однако с годами он с очевидной беспощадностью обнаруживал для себя свою незавидную роль при полновластной Софье. Противоречия с ней нарастали. Когда-нибудь это должно было так или иначе кончиться. Нужен был лишь повод, интрига для открытого противостояния.

В августе 1689 г. вызов вновь бросила Софья, опиравшаяся, по слухам, на близкого ее сердцу человека: главу Стрелецкого приказа Федора Шакловитого. Интрига снова, как две капли воды, была похожа на интригу 1682 г. Снова в дело были пущены своевольные московские стрельцы. Сначала среди стрелецких начальников тайно апробировали текст челобитья о венчании Софьи на царство. А потом снова пошли в ход слухи, что «царя-де Иоанна Алексеевича ставят ни во что, а меня-де (т.е. Софью. — *Авт.*) называют там (в кругах Петра и Нарышкиных. — *Авт.*) девкою, будто-де я и

не дочь царя Алексея Михайловича». Были пущены в ход приемы провокации, озлоблявшие стрельцов по отношению к Наталье Кирилловне и Льву Кирилловичу Нарышкиным. В ночь на 8 августа стрельцов резко возбудил слух о том, что потешные полки Петра идут на них из села Преображенского, бывшего постоянной резиденцией Петра. Поднятые среди ночи стрельцы стали спешно готовить Кремль к обороне.

Однако сторонники Петра сообщили ему, что, наоборот, стрельцы идут на Преображенское, что на самом деле не соответствовало истине. Тем не менее, подняв с постели Петра, ему мигом дали одежду и коней, и с небольшой группой Петр вскачь домчался до могучих стен Троице-Сергиева монастыря. Вряд ли это поспешное действие было продиктовано страхом. Скорее всего, Петр, или его советчик, мгновенно использовал хороший повод, чтобы сделать противостояние не интригой, а реальным действием.

Отъезд из столицы, разединение официальной правящей верхушки имело громадное политическое значение. Это было открытое объявление борьбы, образовались два политических центра. Теперь дело было в «перетягивании каната», т.е. в решении вопроса, на чью сторону встанут бояре и дворяне, население столицы и т.д. Риск, конечно, был велик. Недаром у царя уже смолоду подрагивала голова, а лицо временами искажала судорога. Началась политическая дуэль посланиями, запросами и т.п. В ходе ее влияние Софьи постепенно падало. А когда на сторону Петра перешел даже патриарх Иоаким, Софья поняла, что, несмотря на стрелецкие полки в Кремле, она проиграла. И правительница решилась сама отправиться в Троицу.

Резкая перемена в соотношении сил мгновенно сделала Софью беспомощной. Теперь ей диктовал уже Петр (главным референтом которого был, по-видимому, князь Б.А. Голицын). И вот, Петр уже приказывает царевне вернуться в Москву. Вернувшись с дороги в Москву, она обнаружила, что и стрельцы от нее уже отвернулись. Стрелецкое начальство потянулось в Троицу. Начались разоблачения замыслов Софьи и Ф. Шакловитого. 6 сентября те же стрельцы потребовали выдачи Ф. Шакловитого. 7 сентября он был перевезен в Троицу и через 5 дней казнен с группой сообщников. Став отныне «засорным лицом», Софья Алексеевна была заточена в Новодевичьем монастыре в Москве, где и умерла в 1704 г.

Придя к власти, Петр отнюдь не погрузился в текущее государственное управление. Этим занималось новое правительство (Л.К. Нарышкин, Б.А. Голицын, П.А. Лопухин, Т.Н. Стрешнев и др.). Сам же семнадцатилетний царь по-прежнему был целиком поглощен любимыми занятиями: военными играми и строительством кораблей. В последнем случае он как бы на ощупь двигался ко все более масштабным делам. Началось с найденного среди старья в амбаре Н.И. Романова маленького ботика, который после ремонта был спущен на р. Язузу. А зимой 1692 г. он уже строит на Плещееве озере почти вполне серьезные корабли. В следующем же году Петр отправляется с многочисленной свитой в Архангельск — настоящий порт, где знакомится с голландскими, английскими и иных стран кораблями, закладывает свой первый морской корабль.

Игра в сухопутные войны со временем также обретает все более серьезный объективный смысл, хотя внешне это вроде бы была потеха, в коей участвовали шутейные «генералиссимусы», карлы, в ходу были карикатурные гербы и знамена. В течение пяти лет Петр разыгрывал сражения, где с традиционными «стрелецкими» формированиями (из придворных конюхов, новых охочих людей и т.п.) сражались войска нового строя. Объективно же военные маневры служили прекрасной школой для рождавшейся новой армии и прежде всего потешных Преображенского и Семеновского полков. Учебные бои были далеко не безопасны. В одном из «боев» в июне 1690 г. порохом опалило лицо и самому Петру Алексеевичу.

Самые грандиозные многодневные маневры состоялись 23 сентября — 18 октября под селом Кожуховом у Москвы-реки.

В годы своеобразных «петровых университетов» вокруг царя сплотилась неформальная, внешне эпатирующая своим поведением московскую традиционную знать «компания», с нарочитым демократизмом как бы установившая «рядовое положение» в ней царя, который был как бы и не царь вовсе, а просто «господин капитан» Петр Алексеевич. В этой компании был свой, ходульный, конечно, король или «князь-кесарь». Им был князь Ф.Ю. Ромодановский. Правила игры были таковы, что «князь-кесарь» мог даже призвать к почтению по отношению к своей особе и «капитана Петра Алексеевича».

Конечно, такая форма общения позволяла молодому царю действительно, без обиняков, овладевать навыками простого командира в бою, выслушивать и резкие замечания, что во много крат ценнее пустого угодничества. Вместе с тем петровская компания постоянно чередовала военные игрища и будничный труд с бурными застольями, сопровождавшимися инсценировками и экспромтами в шутовском иронично-саркастическом стиле. Пиршеством командовал «всеулыбийный отец Иоанникий, Пресбургский, Кокуйский и Всеяузский патриарх» Никита Зотов. Вполне возможно, что такой стиль был избран молодым Петром как стихийная реакция на весь уклад жизни старого московского царского двора, когда безумная роскошь, громоздкость и мучительнейшая величавая занудность придворных торжественных церемоний грозила утратить саму логику и цель этих действий.

В немалой степени этому способствовало и тесное общение юного царя с иностранцами, которые еще со времен царя Михаила Федоровича стали все чаще наезжать в Москву, где в итоге образовалась обширная Немецкая слобода (Кокуй). Здесь было множество разных типов: и заезжие авантюристы, и любители легкой наживы, но много было и классных специалистов-ремесленников, были и заводчики, купцы и т.п. Среди них у молодого Петра появилось множество знакомых, а потом и друзей, была и пассия: Анна Монс. Возможно, что именно этот круг людей принес Петру простоту и демократизм в обращении, зачатки которого он усвоил еще мальчишкой в свободном уличном общении, живя без особой опеки и присмотра в Воробьеве, Измайлове, Преображенском.

В числе ближайших сподвижников молодого царя был народ различного происхождения — русские и иностранцы, знатные и простолюдины. Достаточно упомянуть лишь часть из них: Б.П. Шереметев, Ф.М. Апраксин, Г.И. Головкин, И.И. Бутурлин, Ф.Ю. Ромодановский, Ф.А. Головин, А.И. Репнин, А.Д. Меншиков, П.П. Шафиров, П.И. Ягужинский, А.А. Курбатов, А.А. Виниус, Ф. Лефорт, П. Гордон, Я. Брюс и др.

§ 2. Азовские походы. «Великое посольство»

В начале 1695 г. наступило время реальных действий Петра как государя, и этими действиями стали военные по-

ходы против Азова. Почему именно Азов?! Ответ на это следует искать в соотношении тогдашних сил в Европе. В 80-х годах в борьбе против грозной Османской империи сложился союз Польши и Австрии, к которому присоединилась долгие годы воюющая с турками Венецианская республика. После заключения с огромным трудом достигнутого мира с Польшей в 1686 г. Россия должна была выступить против Крыма и Турции, хотя и сил и средств для этого было явно недостаточно (походы В.В. Голицына вполне доказали это).

Успехи объединенных сил Австрии и Польши в Европе в борьбе с османами заметно ослабили Турцию. У православных народов Порты окрепли надежды на Россию, на близкое с ее помощью освобождение. Возросла активность православных балканских и иных иерархов церкви в переговорах с московской патриархией и государственными властями. От России ждали действий, и в 1694 г. вопрос об азовском походе был решен.

Сам же поход был как бы двойным. Огромная 120-тысячная поместная конница под командованием Б.П. Шереметева и Запорожское войско устремились в низовья Днепра. В то же время другая армия численностью всего в 31 тыс. человек под руководством не одного, а трех генералов (Ф. Лефорта, Ф.А. Головина и П. Гордона) направилась к Азову. Войско П. Гордона было передовым и пешим строем достигло окрестностей Азова к 29 июня 1694 г. Остальное войско, в том числе и бомбардирская рота во главе с Петром Алексеевым, отправилось водным путем. Все боеприпасы, снаряжение и продовольствие заранее были отправлены на судах. Иначе говоря, ситуация на сей раз весьма выгодно отличалась от голицынских попыток движения через страшную из-за безводья и жары степь.

Начался многодневный артиллерийский обстрел Азовской крепости и одновременно земляные работы по подготовке штурма. Серьезнейшим препятствием стали построенные турками на обоих берегах Дона две каменные каланчи. Протянутые между ними три огромные цепи перегородили проход для судов по реке, и осаждающие лишились бесперебойного снабжения боеприпасами и продовольствием. 14—15 июля обе башни были заняты казаками. 6 августа произошел первый штурм крепости. Но плохая подготовка и разобщенность действий Головина, Лефорта и Гордона привели к провалу штурма. В итоге 27 сентября было принято мучительное решение снять осаду и вернуться в Москву.

Однако, по словам С.М. Соловьева, именно с неудачи первого азовского похода и «начинается царствование Петра Великого». Провал похода удесятерил энергию и напор молодого царя. Были выписаны с Запада инженеры, «подкопные мастера», корабельные плотники. В Москве построили 22 галеры и 4 брандера и по частям доставили на Дон. Близ Воронежа, Козлова и других городков тысячи работных людей должны были сделать 1300 стругов, 300 лодок, 100 плотов. Прележав в январе почти месяц больной, Петр вскоре после похорон старшего брата Ивана, умершего 20 января, уезжает на верфь участвовать в фантастически быстрой стройке. В апреле 1696 г. суда с войском двинулись вниз по Дону. Теперь уже русский флот смог закрыть устье Дона и прервать всякое снабжение крепости. Началась осада Азова. 16 июня был произведен обстрел крепости из пушек, и две тысячи донских и украинских казаков пошли на штурм. В канун всеобщего наступления, 18 июля, турки, проявив благоразумие, сдали крепость.

Опустевший и разрушенный Азов решено было заселить тремя тысячами семей из низовых городов и четырьмя сотнями калмыцких всадников. Решено также было строить новый флот.

Серьезные задачи, поставленные перед Россией, требовали новых людей, людей со знаниями, полученными на Западе. Молодой царь первый отправляется в ученье. Так в марте 1697 г. началось «Великое посольство». Формально великими послами были Франц Яковлевич Лефорт, Федор Алексеевич Головин и Прокопий Богданович Возницын. С ними было 20 дворян и 35 волонтеров, а между ними, как бы в толпе, был и ...Преображенского полка урядник Петр Михайлов. А что до «царя», то о нем было сказано уже в Риге, что он едет в Воронеж для корабельного дела.

Этот стиль был в Европе принят, что позволило Петру большей частью сохранять инкогнито и на практике реализовать девиз на печати своих писем: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую». Как правило, Петр обгонял «Великое посольство», без проволочек делая самое важное. Затем примыкал к посольству, какое-то время был вместе. Но потом снова уезжал. Как частное лицо, он из Риги проехал в Митаву и Либаву, откуда один морем отплыл в Кенигсберг, где учился артиллерийскому делу. Разумеется, были в Кенигсберге и дипломатические переговоры. В Амстердаме Петр был поначалу в сопровождении всего десяти

человек. В местечке Саардам и в Амстердаме Петр Михайлов работал на верфях плотником. Прожив в Голландии 4,5 месяца, Петр затем 3 месяца живет в Англии, работая на верфях, нанимая в Россию специалистов, овладевая ремеслом часовщика, проявляя интерес к астрономии и т.д. Далее путь его лежал в Вену. Перед ним стояла задача склонить Австрию на продолжение войны с Турцией. Сделать это было очень трудно, так как в Европе затевалась война за «испанское наследство».

Австрийский император на все справедливые упреки Петра обещал лишь поддержать Россию на переговорах с Турцией и ничего не совершать без согласия царя. Следующая задача Петра — переговоры с Венецией. Однако тревожная весть, хотя и с месячным опозданием, об очередном волнении стрельцов заставила Петра выехать из Вены 19 июля 1698 г. и вернуться в Москву (хотя о подавлении волнений он узнал еще в пути).

Перед длительной поездкой за рубеж Петр принял все меры, дабы гарантировать стольному граду вообще и Кремлю в частности полную безопасность. Уезжая, Петр, например, дал срочные назначения на службу в далекую провинцию всем родичам своей уже опостылевшей жены Евдокии Лопухиной, на которой его женили в 17 лет, но отношения с которой дошли до полной отчужденности. Тем более Петр был предусмотрителен, когда речь шла о стрельцах. После взятия Азова ни одно формирование московских стрельцов в столицу не вернулось. Когда «Великое посольство» отъезжало за рубеж, стрельцов в Москве вообще не было! Четыре полка из-под Азова были отправлены в Великие Луки, а потом в Торопец. Оторванные на месяцы и годы от семей, от домов, от промыслов, стрельцы роптали. Около полутора сотен их бежало в конце концов в Москву. Разумеется, снова возникла интрига вокруг Софьи, к ней как будто подключилась и другая сестра — Марфа. В итоге стрельцов из Москвы выгнали. Но в Торопце, когда начался сыск беглых стрельцов, возник бунт. Теперь уже все торопецкие полки направились в Москву. Под Воскресенским монастырем боярин А.С. Шейн с войском разбил стрельцов, многих поймали и казнили.

Однако по возвращении гневного царя из-за рубежа начался грандиозный сыск стрельцов четырех бунтовавших полков. Это было начало кровавого террора. В сентябре в Москву свезли в общей сложности более 1700 стрельцов. С

17 сентября начались массовые казни. 30 сентября казнили 201 человека, за октябрь было казнено около 1 тыс. человек. Возле стен Новодевичьего монастыря, у окон кельи царевны Софьи было повешено 195 стрельцов. Несколько месяцев в Москве не прикасались к останкам зарубленных топорами и повешенных людей. В казнях участвовал сам Петр и некоторые его сподвижники. Софья была пострижена под именем Сусанны и оставлена в монастыре. Сестру Марфу постригли и отправили в Александровскую слободу. Наконец, еще в сентябре, в канун массовых казней, Петр насильно постриг монахини свою опостылевшую супругу, преодолев при этом сопротивление церковных иерархов (ведь у Петра от Евдокии был маленький сын Алексей). В следующем 1699 г. в Москву привезли и казнили еще около семи сотен несчастных стрельцов. Отныне стрельцам и их женам запрещено было жить в Москве, а стрельцам даже поступать в солдаты.

§ 3. Первые реформы

Говоря о первых преобразованиях Петра I, необходимо помнить, что их корни находились в уходящем XVII веке. Уже тогда были введены полки нового строя (солдатские, рейтарские, драгунские), основаны первые крупные железоделательные производства. В том же XVII в. обозначились и сдвиги в области быта и культуры: при Федоре, в 1681 г., было приказано являться при дворе в коротких кафтанах, а не в традиционных охабнях и однорядках, появились немецкое платье, первые бритобородые щеголи; основана Славяно-греко-латинская академия и т.д.

Преобразования Петра I начались со строительства азовского флота с помощью натуральной государственной повинности и чрезвычайных поборов — способах, типичных для деспотического крепостнического государства. Организация постройки возлагалась на сформированные усилиями самих дворян, духовных чинов и горожан (по указу царя!) специальные «кумпанства». Всего их было создано более 30.

Строительство велось на Дону, в воронежских лесах. Лес готовили в соседних с Воронежем уездах. Срок работ по указу царя был чудовищно малым — 2 года. Столь стремительные темпы работ обеспечивались огромной массой насильно согнанных рабочих людей. Из-за рубежа были наняты за огромные деньги специалисты, но далеко не все из

них оказались подлинными мастерами. В работе активно участвовал и сам царь: и как «проектировщик», и как простой плотник, и как «менеджер».

Одновременно со строительством, и даже чуть раньше, Петр I обеспокоился о кадрах морских офицеров: для их подготовки было отправлено учиться за рубеж пятьдесят командных стольников и спальников.

В итоге, если не весь задуманный флот, то целая эскадра была все-таки построена в срок. В марте 1699 г. уже готовились к предполагаемому Керченскому походу, ибо Петр I считал, что, не владея Керчью, флоту нельзя было войти в Черное море.

Эскадра уже в конце апреля вышла из Воронежа и через месяц была у Азова. Летом же, 18 августа 1699 г. 22 российских корабля при громе пушечного салюта бросили якорь близ Керчи. В истории России это было великое событие, удивившее и озадачившее, в частности, и османского султана и крымского хана.

Преобразования затронули также и армию. В ноябре 1699 г. появились указы о комплектовании профессиональной армии путем насильственного набора «даточных людей» (будущих рекрутов). Почти одновременно началось формирование полков из наемных вольных людей. Платили им в год до 11 руб., т.е. почти вдвое больше, чем стрельцам. В феврале 1700 г. было обнародовано устное разрешение царя отпускать на волю холопов и крестьян, с тем чтобы они шли на службу в солдаты.

В итоге первых шагов по созданию новой армии было сформировано 29 пехотных и два драгунских полка. Наряду с бывшими потешными полками (Преображенским, Семеновским, Лефортовым полками) они составили костяк новой армии.

Одновременно в новые земли Приазовья и в Азов отправляли всякого рода несостоятельных должников; а также осужденных разбойников и грабителей (кроме убийц) на поселение и заведение хозяйства в тех краях. Введены были в Азове и каторжные работы для строительства необходимых сооружений.

В области государственного управления важнейшей и первоочередной мерой стала реформа суда и налогообложения городского населения. Это была попытка введения своеобразного городского самоуправления. Прекрасно понимая крепостническую суть статуса посадского человека (и купца,

и ремесленника), которого нещадно давила законными и неконституционными поборами архаичная машина государственного управления, Петр I решил изъять города из-под воеводского и приказного управления в собственное, царское, подчинение, рассчитывая при этом получить от налогов в бюджет больше денег, чем раньше. И это была главная задача. 30 января 1699 г. Петр издал указ о самоуправлении городов и выборах бурмистров. Избранники образовывали собой бурмистерские палаты или ратуши, отныне ведавшие сбором доходов и управлением в городах. Главная Бурмистерская палата (Ратуша) в Москве ведала всеми выборными людьми в городах России, а ее члены с докладом прежде всего о денежных поступлениях входили прямо к государю.

Сначала система бурмистерских палат вводилась на местах на добровольных началах и с условием уплаты двойных налогов. В конечном счете жизнь заставила и добровольность самоуправления, и двойные поборы отменить. Только тогда реформа городского управления получила реальное воплощение.

В первые годы царствования Петра I громоздкая и рыхлая приказная система государственного управления структурно почти не изменялась; первые преобразования лишь намечали контуры будущих отраслей государственного управления. Например, Иноземный и Рейтарский приказы слились в новый Приказ Военных дел, вместо Стрелецкого возник Приказ Земских дел и т.д. Наряду с новыми приказами (Морской, Артиллерии, Провиантский и др.) возникли некоторые канцелярии (Главная Ближняя Канцелярия, мундирная, банная и т.п.). Плавному изменению подверглось и ключевое звено государственного управления — Боярская дума. Из сосредоточения родовитости и знатности это учреждение превращалось в собрание деятелей разного происхождения: все больше появлялось выходцев из рядового дворянства и приказных людей. Первым лицом в Думе стал простой стольник — князь Ф.Ю. Ромодановский. В думные бояре теперь почти не возводили, а в силу возраста прежние думные бояре становились меньшинством. Да и практическая деятельность Думы шла на убыль.

Немалая забота была проявлена и о казне. С легкой руки Алексея Курбатова, безвестного дотоле дворецкого Б.П. Шереметева, введена была гербовая бумага для деловых документов, что дало казне немалую выгоду: цена бумаги зависела от суммы заключаемой сделки. В 1700 г. у владельцев

территории торжков было отнято право сбора пошлин, отменены архаичные тарханы. В 1704 г. все постоянные дворы были взяты в казну (как и доходы с них).

Важные коррективы внесли в денежную систему. В конце XVII в. серебряных копеек и денежек не хватало и вместо них распространились суррогаты: разрубленные пополам или на трети копейки, а также кожаные «жеребьи» («доли» копейки). По указу царя с марта 1700 г. были введены вместо суррогатов медные денежки, полушки и полуполушки. С 1700 г. стали входить в оборот и крупные золотые и серебряные монеты. За 1700—1702 гг. денежная масса в стране резко увеличилась (почти в десять раз). Началось неизбежное, хотя и медленное обесценивание монеты.

Важнейшим направлением реформ было форсированное строительство казной железодельных заводов (доменных и молотовых комплексов, оружейных мастерских). Их строительство велось на северо-западе России (в Карелии на Олонце, Белозерье и в Устюжском крае). Но особенно активно велось строительство на Урале, где уже в 1701 г. начали действовать Каменский и Невьянский заводы.

На манер судостроительных компаний была попытка (бесплодная) основать и купеческие компании, что растревало западных негоциантов. Только на уровне проекта остались и намерения Петра I объединить управление городов и уездов, основав так называемые провинции.

§ 4. Создание Северного союза и осада Нарвы

В период «Великого посольства» Петр I довольно четко осознал ситуацию и расстановку сил в Европе. Главная неприятность для него — явный отход от совместных действий против турок Австрии, которую Франция втягивала в готовящуюся войну за «испанское наследство» против Голландии и Англии. А без этого серьезного союзника Россия не могла воевать с Османской империей. Таким образом, принятая была стратегия выхода к южным морям становилась реальной.

Вместе с тем Петр I выявил иные возможности усиления России и стимулирования развития ее экономики. Они заключались в возвращении северо-западных земель, утраченных по несчастливому Столбовскому миру. Однако война с такой военной державой, как Швеция, в одиночку была так-

же неравной. Дипломатическое зондирование позволило Петру I определить возможных союзников. Ими были курфюрст Бранденбургский и Август II (курфюрст саксонский и король польский).

С конца 1698 г. Август II, опираясь на договоренность с Петром, вступил в переговоры с Данией, имевшей к Швеции значимые земельные притязания из-за отторгнутых территорий. Немало средств потратил Август II и для привлечения на свою сторону политических верхов Польши (ведь Август II вел переговоры от имени Саксонии), убедив их в выгодах возможного присоединения к Польше Лифляндии. Предстоящие переговоры с Россией были наиболее трудными, ибо курфюрст саксонский и лидер лифляндского рыцарства Маггин фон Паткуль желали сильно ограничить выгоды России в будущей победе, суля ей только Карелию и Ингерманландию (чтобы русский царь «не шел дальше Наровы и Пейпуса»).

В первую очередь Петр I провел переговоры с Данией, и уже в апреле 1699 г. по сути был заключен договор о действиях против Швеции. Дело оставалось лишь за ратификацией. В сентябре 1699 г. в Москву от Августа II прибыли генерал-майор Карлович и И. фон Паткуль под именем Киндлера. Начались довольно длительные переговоры. Одновременно через датского посла Гейнса шли заключительные переговоры с Данией. Все беседы проходили в с. Преображенском в самом узком кругу полномочных лиц (Ф.А. Головин, переводчик П.П. Шафиров, Карлович и Гейнс). Был на заседаниях и Петр I. Сохранение полной тайны было крайне необходимым. Тогда же в Москву прибыла большая делегация шведов для получения подтверждения Россией условий Кардисского мира 1661 г., в свою очередь закреплявшего поражение шведские условия Столбовского мира, по которому к Швеции отошли российские земли по Неве и побережью Финского залива. Русские дипломаты и сам царь проявили недюжинную изворотливость и хладнокровие, пристливно и лицемерно встречая шведское посольство. Наиболее жаркие дебаты касались требования шведов от русского царя закрепления договора крестоцелованием, т.е. присягой. После длительных споров шведскую сторону убедили в том, что поскольку Петр I дал клятву еще в 1684 г., при короле Карле XI, то сейчас, при Карле XII, необходимости в этом нет. Больше того, русским дипломатам удалось

вставить в документы для Карла XII очень важную деталь: прямое указание на то, что при посещении русским царем в составе «Великого посольства» Риги шведские власти своим поведением оскорбили честь Петра I. Это был весьма многозначительный момент, использованный Петром I позднее, при объявлении Швеции войны.

В итоге в ноябре 1699 г. Россия имела против Швеции договоры и с Саксонией и с Данией.

Исполняя условия договора, войска Саксонии (без согласия Польши!) уже в феврале 1700 г. вступили в Ливонию и, взяв Динабург, неудачно осадили Ригу. Еще раньше Дания открыла военные действия против Голштинии, союзницы Швеции. Заняв несколько крепостей, датчане застряли на осаде сильнейшей крепости Теннинген. Тут против них уже выступили и шведы. Август II требовал от Петра I вступления в войну. Но русский царь не мог это сделать до заключения мира с Турцией и проявлял заурядное лицемерие в неизбежных напряженных разговорах со шведским посланником Книперкроном.

А в отношениях с Турцией усилия России заключить мир начались еще с участия думного советника Прокофия Возницына в конгрессе в Карловице, близ Белграда, в октябре 1698 г., где при содействии Англии и Голландии Австрия быстро договорилась на выгодных ей условиях о мире с Турцией. Здесь же, на конгрессе, добилась мира с Турцией и Польша. России же предстояла еще нелегкая дипломатическая борьба. Усилия Возницына, несмотря на увещевания и подношения, были тщетными. В конце концов османы признали переход к России Азова и согласились с существованием новых городков Таганрога и Павлова. В свою очередь, П. Возницын уступил Керчь, но о принадлежности нижнеднепровских городков страны не договорились. Достигнутое 14 (24) января 1699 г. перемирие не удовлетворяло Россию.

Стремясь закрепить приобретенное, Петр отправил в Константинополь нового полномочного представителя, думного дьяка, главу Посольского приказа Емельяна Украинцева и дьяка Ивана Чередеева. Чтобы воздействовать на османов психологически, послы отправились из Азова на 46-пушечном корабле «Крепость» в сопровождении эскадры из 10 кораблей, и на одном из них был сам Петр. Турки исполошились и пытались, правда, безуспешно остановить в Керчи посольство, требуя следовать сухим путем. Но требование

было отклонено и военно-дипломатическая демонстрация состоялась.

Начались долгие девятимесячные переговоры. В итоге Россия сохранила Азов и приазовские земли по р. Миус. С кубанской стороны к России перешла территория с границей в 10 часах конной езды от Азова. Нижнеднепровские городки все-таки отошли к Турции, правда, с условием разрушения всех укреплений. Ежегодные платежи Крыму (позорные для России, но убедительно доказывавшие постоянную опасность крымского хана) были отменены. Русские корабли могли торговать только в Керчи. Все это Е. Украинцев утвердил, памятуя наказ Петра: «Только конечно учини мир: зело, зело нужно».

Примерно через месяц, 8 августа 1700 г., весть о 30-летнем мире с Турцией достигла Москвы, и уже 9 августа, собрав Августу II, Петр приказал новгородскому воеводе двинуть войска к шведским границам. Война была объявлена за многие неправды шведского короля и «рижское оскорбление».

Первоочередной целью царя был захват Нотебурга (Орешка) и Нарвы (Ругодива). Посланники же Дании и Польши в России всячески стремились отвлечь Петра I от нарвского направления действий. Опасность этого для союзников четко обрисовал И. фон Паткуль: «В Нарве он (русский царь. — Авт.) получит такое место, откуда может захватить Ревель, Дерпт и Пернау прежде, чем узнают об этом в Варшаве, а потом и Ригу и всю Ливонию». В принципе, лифляндец четко прогнозировал стратегию Петра. Однако на практике сложилось все далеко не столь просто. Предстояла долгая, тяжелая для России и ее народа война.

Фактическая численность войск, осадивших Нарву, была чуть более 40 тыс. человек. Причем около 11 тыс. составляло дворянское конное ополчение. Наиболее подготовленными были лишь три полка (Преображенский, Семеновский и бывший Лефортов полк).

Все войска разделены были на три группы («генеральства») с тремя командующими (А.М. Головин, А.А. Вейде и Н.И. Репнин). Общее, правда, чисто формальное руководство было за А.М. Головиным.

Города Ям, Копорье и Сыреноу сразу же добровольно сдались русским, и 22 сентября передовой отряд вместе с Петром I появился под Нарвой.

Лагерь осаждавших крепость охватил ее полукругом на левом берегу реки. Однако напротив средней, основной линии укреплений в крепости находилась высокая гора, с нее легко было расстрелять русский лагерь, левая часть которого плохо сообщалась с правой. Поскольку вся линия осадного лагеря была слишком растянута, то плотность огня резко упала. И это было большой ошибкой русского командования. Под Нарвой выяснилась слабость и разнокалиберность русской артиллерии. За два месяца осады не было пробито ни одной бреши в крепостных укреплениях. Петр пытался взять Иван-город, но не удалось и это. Значительная часть русских войск (в том числе и казаков-запорожцев) не прибыла к Нарве даже к злосчастному ноябрю 1700 года.

А тем временем беспечный Август II 15 сентября снял безуспешную осаду Риги. Карл XII неожиданно (при поддержке английских и голландских кораблей) высадился у Копенгагена, когда датское войско было в Голштинии под Тоннингеном. Копенгаген вынужден был сдаться, а король Фредерик IV заключил мир со Швецией и расторгнул союз с Августом II. Впрочем, еще на пути к Нарве Петр I понял, что датский король сдался шведам, но иного выбора уже не было. Ситуацию усугубляло и другое: посланный к Ревелю Б.П. Шереметев под угрозой превосходящего войска 18-летнего Карла XII быстро отступал к Нарве.

Самое печальное стряслось при неожиданной контратаке шведов 19 ноября (а Петра I в это время в лагере не было! Он отправился за войсками к Новгороду). Имея от перебежчика-лифляндца точные данные о расположении осаждающих, шведы Карла XII, скрытые от русских завесой снегопада, прорвали тонкую, растянутую на 7 верст линию осаждающих и ворвались в лагерь. Тотчас началась массовая измена офицеров-иностранцев, включая и главнокомандующего в тот момент войсками герцога фон Круи. Оборону стойко держали лишь бывшие потешные полки. На другой день русские генералы капитулировали с условием свободного, с сохранением оружия и знамен (но без артиллерии), перехода на правый берег Нарвы. При отходе русских шведы, нарушив договоренность, напали на переправлявшихся и обобрали их до нитки. Это было полное поражение, принесшее около 6 тыс. погибших. Главное же: армия лишилась всей с таким огромным трудом созданной артиллерии.

§ 5. Первый период Северной войны. Полтавская битва

Точно так же, как и после неудачи первого азовского похода, поражение у Нарвы буквально удесятерило энергию и организаторскую деятельность Петра I. В первую очередь его усилия были устремлены на восстановление боеспособности армии, пополнение ее рядов. Не менее важной задачей было создание (практически заново) артиллерии. На все это нужны были огромные деньги.

Международное положение России стало весьма сложным: Дания вынуждена была включиться в войну с Францией и стала для Петра бесполезной. Август II смог обеспечить безопасность Саксонии (но не Польши), лишь отдав часть своих войск Австрии. В этих условиях Петр I предпринимает энергичные усилия, чтобы удержать в союзниках Августа II (отдал в его распоряжение 20-тысячный корпус Н.И. Репнина, обещал денежную помощь в течение двух лет по 100 тыс. руб). По договору с ним Россия отказалась от притязаний на Лифляндию и Эстляндию и ограничилась интересами в Ингерманландии и Карелии.

Между тем Карл XII нанес Августу II сокрушительное поражение под Ригой и направился в Польшу, где, по словам Петра I, надолго «увяз». Отток шведских войск в пределы Речи Посполитой создал более благоприятную обстановку для России. Часть русских солдат во главе с Б.П. Шереметевым в течение ряда лет действовала в ближних районах Лифляндии, постепенно набирая опыт в стычках и боях с хорошо вооруженными и сильными войсками шведов. Вскоре Шереметев стал одерживать и победы. Отбита была попытка шведского десанта в Архангельске, а еще раньше отбиты попытки захватить Гдов и Печерский монастырь. Таким образом, армия постепенно обретала опыт, силу и боевой дух.

Для создания мощной артиллерии было развернуто строительство доменных и молотовых заводов на северо-западе России и на Урале. Особенно важным был ввод в 1701 г. Каменского и Невьянского заводов на Урале, ибо пушки из уральского металла были прочными и дальнобойными. Для пушек нужен был не только чугун, но и медь. Царь-новатор рассылает по стране повеление собрать часть... колоколов. К маю 1701 г. их скопилось в Москве около 90 тыс. пудов. Цифра громадная, но скандала в стране не вызвала — цер-

ковь не сочла себя ограбленной. В конечном счете русская армия получила действительно мощную артиллерию, и это сказалось на ближайших результатах войны.

Верно оценив обстановку, Петр I решает сосредоточить войска для наступления в Ингерманландии и Карелии. В августе 1702 г. русские вытеснили шведов с Ладожского озера и района р. Ижоры. После этого была стремительно организована осада Нотебурга (острова-крепости в истоке Невы), которой руководил сам царь. 1 октября начался многодневный обстрел крепости мощной артиллерией, и к 5 октября в крепостных стенах были проломы, а две башни сильно разрушены. Добровольцам раздали штурмовые лестницы, были заготовлены и многочисленные лодки. Ночью 11 октября в крепости возник пожар, а утром начался штурм, длившийся целых 13 часов. В итоге шведы капитулировали. Им было позволено уйти из Нотебурга с почетом (т.е. сохранив знамена, вооружение, имущество и пушки). Число жертв у осаждавших было очень велико. Однако русские воины сделали почти невероятное: они одолели могучие стены Нотебурга с одними лестницами. С тех пор Нотебург (Орешек) стал именоваться Шлиссельбург, т.е. ключ-город, а на памятной медали была выбита надпись: «Был у неприятеля 90 лет».

В апреле 1703 г. после мощного артиллерийского обстрела сдалась крепость Ниеншанц в устье Охты, впадающей в Неву у самого ее устья. Новую крепость решено было основать ближе к морю. Так 16 мая 1703 г. была заложена Петропавловская крепость, положившая начало Санкт-Петербургу. В мае же были взяты древнерусские крепости Ям и Копорье. Через год была укреплена артиллерией крепость в заливе напротив устья Невы. Названа она была Кроншлот и защищать ее было приказано до последнего человека.

В 1704 г. укрепшая в боях русская армия подвергла осаде и штурму Дерпт. Шведы сдались, что позволило быстро перебросить полки под Нарву. Теперь уже тактика русских войск была иной. Русские генералы лишили шведов возможной помощи с моря. Саму Нарву окружили 4 полка. Кроме того, два полка осадил Ивангород. При артобстреле Нарвы важнейшую роль играли батареи за рекой, почти недостижимые для шведских крепостных орудий. Брешли теперь были пробиты всего за неделю, и 9 августа три колонны осаждающих (1600 человек) пошли на приступ. Бой длился 45 минут и кончился бегством шведов с позиций. Город был взят. Вскоре русские овладели и Ивангородом. В конечном счете

к концу 1704 г. русские войска овладели практически основной территорией Лифляндии и Эстляндии. В руках шведов остались лишь три крупных города: Рига, Ревель и Пернау. Все побережье Невы было также в руках России.

Между тем в Польско-Литовском государстве Карл XII имел немалый успех. Он вторгся в Литву, он занял Варшаву, а после блестящей победы над Августом II в Кличовской битве взял и Краков. В Польше и Литве нарастало движение сопротивления, но отсутствие сильной государственной власти и вечные противоречия магнатских группировок мешали организации мощного сопротивления шведам. Если Люблинский сейм летом 1703 г. вроде бы ориентировался на борьбу со Швецией (на основе его решений Литва заключила союз с Россией против Швеции), то уже в конце 1703 г. возникает прошведская Варшавская конфедерация, объявляющая Августа II низложенным. Вскоре ею был даже избран еще один король — познанский воевода Станислав Лещинский. Однако большая часть польского войска оставалась по-прежнему верной Августу II, и в августе 1704 г. между Польско-Литовским государством и Россией был заключен Нарвский договор. Таким образом, России удалось избежать угрозы сепаратного мира Швеции с Августом II, и это помешало Карлу XII сосредоточить все силы против России.

В 1705 г. после некоторых неудач русские войска взяли Митаву и Гродно, были отбиты морские атаки шведов на Кроншлот и наступление на Шлиссельбург. К осени этого года совместными усилиями русских, польских и украинских войск от шведов были освобождены Литва, Курляндия, Малопольша и Украина. Но эти успехи, как ни странно, породили вновь трения между союзниками. Поэтому при приближении большого войска Карла XII к Гродно, где к зиме 1706 г. сосредоточились главные силы русских и польско-литовские формирования, Август II спешно ушел с частью своих войск. К тому же в феврале шведы разбили 30-тысячное саксонское войско, шедшее навстречу Августу II. Оборона Гродно в этих условиях была очень рискованна, и Петр I приказал русским войскам отступить к Волыни. Маневр был успешно осуществлен, и к 8 мая 1706 г. русская армия вышла к Киеву.

Карл XII с войском долгое время был на Волыни, а затем разгромил Августа II в Саксонии в сентябре 1706 г. В итоге Август II, отказавшись от союза с Россией, предоставил Карлу XII всю Саксонию как базу для ведения войны. В то же время с русскими Август II вел себя коварно. Он, как и

прежде, играл роль союзника и соратника. Обнаружилось его лицемерие далеко не сразу.

Со своей стороны, Петр I, как только Карл XII ушел за Одер, стремительно вторгся в Польшу и освободил территорию вплоть до Вислы, что помогло более или менее наладить (теперь уже без Августа II) отношения с поляками, и «про-русская» партия в Польше сохранила силу и влияние. Усилия русских дипломатов восстановить Северный союз оказались бесплодными, но тем не менее шведы не получили поддержки ни от Польши, ни от Турции, ни от Крыма.

Замысел Петра I в новых условиях сводился к тому, чтобы в Польше «томить неприятеля», а «дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет». Началась длительная стадия подготовки и выбора момента для генерального сражения. Уже весной 1708 г. на широком пространстве от Пскова до Украины на полосе в 200 км шириной всюду был спрятан от шведов в лесах хлеб и фураж, устроены засеки и завалы. Подготовлены были к обороне Великие Луки, Смоленск, Псков, Новгород, Петербург, а также Москва и Киев. Главные же силы русских были в Полесье, чтобы иметь возможность двинуться к неприятелю в любом возможном направлении.

Карл XII в январе 1708 г. овладел Гродно, а летом занял Минск и дал бой преградившей ему путь русской армии у села Головчина, после которого русские отошли под Смоленск. Заняв тем временем Могилев, Карл XII стремился обходным маневром выйти на дорогу в Москву. Однако бои у села Доброго, а потом у дер. Раевки отбили у шведов охоту идти на Москву. Тогда Карл XII, рассчитывая на помощь гетмана И. С. Мазепы, а также и крымских татар, решил двинуться на Украину, а на соединение с ним из-под Риги спешил корпус Левенгаупта. Такое изменение планов шведского короля было большим успехом русских стратегов (и прежде всего Петра I).

В сентябре шведы после неудачных попыток отрезать русским путь на Украину остановились в Костеничах, ожидая Левенгаупта, имевшего не только большое войско, но и обоз боеприпасов и продукты. Однако русские решили разгромить Левенгаупта до соединения с главными силами. У дер. Лесной (на пути из Шклова в Пропойск) 28 сентября в лесисто-болотистой местности состоялось крупнейшее сражение. Понеся огромные потери, шведы отступили к Пропойску, но и там на другой день были разбиты. «Мать Пол-

тавской баталии» — так назвал позднее Петр I битву у Лесной. Но сама «Полтава» была еще впереди.

Тем временем главные силы шведов пытались занять Стародуб, Мглин, Новгород-Северский, Почеп, Погар и др., но были встречены объединенным отпором и русских войск, и казаков, и местного населения, вставшего на борьбу с иноземцами. Украина решительно поднялась на борьбу со шведами. Об этом, в частности, выразительно сообщал А. Д. Меншикову его адъютант: «А от черкаса (так называли тогда жителей Украины. — *Авт.*) худова ничево нет, служат верно, а шведам продавать ничего не возят, а по лесам, собравшись компаниями, ходят и шведов зело много бьют, и в лесах дороги зарубают».

Гетман Мазепа после 5 лет тайных связей с Лещинским и шведским королем 28 октября 1708 г. открыто присоединился к шведам, поправ интересы своего народа. Разумеется, Иван Степанович был довольно сложным и далеко не прямолинейным человеком. «Хитростен же вельми был, как пристрастия людские узнавать», — отмечал хорошо знавший гетмана Феофан Прокопович. С. М. Соловьев привел любопытный эпизод из ранней молодости гетмана. Молодой польский шляхтич Ян Мазепа тайно ухаживал, если не сказать больше, за соседкой по имению. И однажды та, в очередной отъезд мужа по делам, послала Мазепе тайную весточку. Но письмо было перехвачено супругом. Вернувшись с дороги, он остановил на пути к своей супруге молодого Мазепу. На вопрос слуге, как часто Мазепа посещал его жену, слуга ответил: так много, как много волос на голове. Разъяренный супруг раздел догола Мазепу, привязал незадачливого любовника к его же лошади лицом к хвосту, нахлестал ее, и в таком виде Иван Степанович приехал к себе домой, вызвав весьма изрядный переполох у домочадцев. Карьера на службе у короля Польши была с позором прервана, и из Варшавы бывший комнатный дворянин попал на Украину.

Украинский народ не разделил симпатий гетмана Мазепы. Из оказавшихся вместе с Мазепой 4—5 тыс. человек многие вскоре покинули шведский лагерь. А ведь Петр I беспредельно верил коварному лицемеру и оставлял без внимания в течение целого ряда лет немало серьезнейших предупреждений о готовящейся измене и, в частности, от генерального судьи Василия Кочубея. Впрочем, в искренности последнего, может быть, усомнились из-за скандального романа старого Мазепы с дочерью Кочубея Матреной. Во вся-

ком случае, слепо и безгранично доверявший Мазепе Петр I способствовал чисто формальной проверке этих доносов и даже сообщал Мазепе (!) о всех доносчиках. Больше того, после пыток над доносчиками Петр I выдал Кочубея и его соратника Искру для казни самому Мазепе. В июле Мазепа им отрубил головы, а в конце октября открыто перешел в лагерь шведов.

Упреждая шведов, ошарашенный изменой Петр I послал А.Д. Меншикова взять ставку Мазепы г. Батурин. После штурма крепость, город и замок были разрушены и сожжены «в знак изменникам». Для шведов это была тяжелая потеря, и дело было не в самой крепости, а в огромных запасах оружия и продовольствия, заготовленного для них Мазепой. Как пишет Н.И. Павленко, когда случай привел Мазепу на пепелище, он воскликнул: «О, злые и несчастные наши початки! Вижу, что Бог не благословил мое намерение».

После измены началась борьба за влияние на народные массы. Гетман и король издавали универсалы. Издавал указы и царь, и сила доказательности последних, раскрыв коварство и предательство Мазепы, оказала на украинский народ огромное влияние. 6 ноября 1708 г. избран был новый гетман — Иван Скоропадский. В русских войсках резко повысили воинскую дисциплину, жестоко пресекая любые попытки пограбить местное население.

Осень 1708 и зима 1709 г. прошли в попытках Карла XII пробить себе путь на Москву по линии Белгород — Тула. На Украине тем временем все шире развивалась партизанская война со шведами: «...малороссияне везде на квартирах и по дорогам тайно и явно шведов били, а иных живых к государю привозили..., и от того много войска шведского уменьшилось». В ожесточении шведы, да и мазепинцы, которые воевали теперь под новым знаменем, практически не отличавшимся от шведского по рисунку и расцветке, сжигали села и города, убивали местных жителей, угоняли в плен.

К апрелю 1709 г. маневры шведских войск привели к ситуации, когда взятие ими Полтавы могло открыть им возможность соединения с войсками С. Лещинского и шведского генерала Крассова. Кроме того, здесь близки были Запорожская Сечь и крымские татары. В начале апреля шведы осадили Полтаву с ее 4-тысячным гарнизоном и вооруженным (около 2,5 тыс.) боеспособным населением. Город отбивался от атак в течение двух месяцев.

Тем временем русское командование сосредоточило по возможности свои главные силы. А помощь Карлу XII не пришла, потому что в Польше успешно действовал русский корпус Голицына, связавший войска С. Лещинского и шведские войска Крассова. По сути шведы были под Полтавой в окружении. Однако в мае 1709 г. ситуация ухудшилась, так как осложнились отношения с Запорожской Сечью. В годы войны казаки, рискуя посорить Турцию с Россией, дважды грабили греческих купцов из Порты. Султан потребовал за это огромной компенсации. Россия выполнила требование, но взамен лишила казаков жалованья. В ответ же в марте 1709 г. начался переход казаков к Мазепе. Поэтому Петр в мае 1709 г. приказал разгромить Сечь. В итоге 8 тыс. лишенных жалованья запорожцев оказались в лагере Карла XII.

Так или иначе, но к середине июня был решен вопрос о генеральном сражении. 15 июня часть русских войск перешла Ворсклу, отделявшую их от шведской армии, осаждавшей Полтаву, и возвела у переправы укрепленные позиции. Перед фронтом и на правом фланге перед русскими была открытая местность. Левый фланг позиции уходил в густой лес, простиравшийся до самой Полтавы. Там, у дер. Яковцы русские возвели другие укрепления под углом к основным. В итоге часть поля боя была лесистой, что было невыгодно шведам, предпочитавшим открытую местность. К тому же на поле будущей битвы русскими были сделаны отдельные укрепления-редуты.

А.Д. Меншиков командовал 24 полками кавалерии, вся пехота подчинялась Б.П. Шереметеву, а артиллерия — Брюсу. Всего регулярных войск у России было около 42 тыс. человек и 5 тыс. — нерегулярных формирований. В армии шведов в целом было около 48 тыс. человек, из них боеспособных оказалось около 30 тыс. Незадолго до битвы сам король в одной из кавалерийских летучих стычек с казацким пикетом был ранен. Мчась на лошади, он получил пулю в пятку, в итоге чего вся ступня была раздроблена. Мужественный король выдержал жестокую операцию и остался в войсках. Но командующим стал фельдмаршал Рейншильд.

Боевые действия начал Карл XII, назначив атаку на 27 июня. В ночь перед атакой, пишет Н.И. Павленко, шведы сидели «без огня, без соломы, сена, еды и питья».

Внезапная и бесшумная ночная атака шведов была обнаружена разведкой А.Д. Меншикова, и противник был опрокинут. Но тут же начался яростный натиск шведской армии

на основные укрепления русских. Часть шведов сумела, неся потери, пробиться сквозь них, но, оторвавшись от основных сил, они погибли в лесу у Яковцов. Затем была отбита еще одна атака. С большими потерями основная часть шведского войска скрылась в лесу у Малых Будищ. Вот тогда на следующий день пошли в 2 линии в атаку 42 батальона русских в центре поля боя, а кавалерия — на флангах. Одновременно в атаку пошли от будищинского леса и шведы. Отбив шведов, русские начали наступление по всему фронту. Завязался жестокий рукопашный бой. Решающей была стремительная атака конницы А. Д. Меншикова в правый фланг шведов. Войско Карла XII побежало. К 11 утра исход боя был решен. Шведы оставили на поле боя более 9 тыс. убитых. Около 3 тыс., вместе с фельдмаршалом Рейншильдом, было взято в плен. У русских было свыше 1300 убитых и более 3 тыс. раненых.

Шведов преследовали 2 гвардейских и 2 пехотных полка, посаженных на коней. Гнали шведов и на другой день. Остатки их были перехвачены у Переволочны при впадении Ворсклы в Днепр. Здесь сдалось в плен около 17 тыс. солдат и захвачены 127 знамен и штандартов и 28 орудий. Карл XII и Мазепа с 2 тыс. шведов и казаков все же перешли на другой берег Днепра. Остатки их Волконский настиг уже на р. Буг. В схватке было убито до 200 человек и 260 взято в плен. Но Карл XII и Мазепа бежали в Турцию.

Так была сломлена военная мощь Швеции и наступил решающий перелом в ходе Северной войны. Так засияла и слава русского оружия. Россия заявила свои права на статус великой европейской державы.

Глава 2

Политика и экономика

§ 1. Царь и сельское хозяйство

Становление абсолютистского государства еще более усилило традиционное вмешательство государства в разви-

тие экономики, и это было необходимым условием форсированных темпов развития.

Великая деятельность великого государя была поистине всеобъемлющей. Даже такая неуправляемая сфера жизни общества, как сельское хозяйство, оказалась также предметом его внимания. Важнейшая мера Петра — внедрение в практику жатвы хлеба вместо традиционного серпа — литовской косы, несколько тысяч которой по его приказу разослали по губерниям. Экономия труда была десятикратной, и всего за несколько десятилетий действительно стала широко распространенным орудием, но лишь в черноземных и степных районах.

Другим важным новшеством Петра I было упорное и настойчивое внедрение новых пород скота (рогатый скот из Голландии). Для производства тонких высококачественных овец правительство постоянно выписывало мериносовых баранов из Испании и Силезии. Было организовано большое число овчарных заводов (особенно в Азовской губ.), разработаны правила содержания, кормления, стрижки овец и т. п. С 1722 г. казенные овчарни стали передаваться в частные руки. Такая раздача проводилась иногда и насильственно.

Казна энергично организовывала и конные заводы (в Лвовской, Киевской и Казанской губерниях). В Астрахани в 1720 г. был устроен конный завод лошадей черкасской и персидской породы. Постепенно умножалось число и частных помещичьих конных заводов с «персидскими», «немецкими», «ногайскими», арабскими породами лошадей.

Большие усилия предприняла казна для резкого расширения посадок на юге страны тутовых деревьев и разведения шелковичных червей. Были основаны шелковые «заводы» в Москве и под Царицыном.

В период правления Петра I казна энергично содействовала расширению посевов льна и конопли, развитию садоводства. Образцово-показательные и экспериментальные баи садоводства были в Астрахани, Красном Яру, под Киевом, в Чугуеве, на Дону и других местах. Поощрялось и частное (купеческое и дворянское) садоводство. «Аптекарские огороды» были заведены в Лубнах, Астрахани, Петербурге, расширены были такие «огороды» в Москве.

Наконец, при Петре I были предприняты первые попытки государственной охраны лесов. В 1703 г. было запрещено рубить лес толщиной в полметра в пределах 50-верстной прибрежной зоны больших рек и 20-верстной — малых. Штраф

полагался за рубку огромный — 10 руб. Для нужд населения разрешены были рубки таких пород деревьев, как ольха, ива и др. В 1719 г. лесами стало ведасть Адмиралтейство, а в 1722 г. была введена должность вальдмейстера в районах крупных лесных массивов.

§ 2. Роль государства в развитии крупного производства

Стратегические цели молодого царя, связанные с задачей выхода страны к морю и развития эффективной торговли, можно было реализовать только средствами победоносной войны, а боеспособность армии в эту эпоху уже напрямую зависела от уровня экономики и прежде всего от степени развития металлургической, текстильной, суконной и других отраслей промышленности.

Поэтому первые годы XVIII в. связаны с активным строительством «железных заводов», почти на каждом из которых делали пушки, ядра и т.п. В дополнение к старым заводам XVII в. в 1702—1707 гг. строятся Липецкие, Козминские и Боринские заводы. В Карелии в 1703 г. строятся крупные Петровский и Повенецкий заводы. Чуть позднее, в 1704—1705 гг. появился Кончезерский завод, а в Белозерском уезде — Тырпицкие заводы боеприпасов. Обонежские Устрецкие заводы Бутенанта были переведены в казну и перестроены. Там же, на севере России, заведено было медеплавильное производство.

Одновременно правительство Петра I развертывает строительство металлургических заводов на Урале. В 1700 г. основаны строительством Невьянский и Каменский заводы, с 1702 г. стал действовать Уктусский железный завод, в 1704 г. — Алапаевский завод. Наконец, в 1704 г. в далеком Нерчинске был основан крупный завод по добыче серебра, что имело огромное значение для развития монетного дела и экономики страны. В итоге этого строительства была создана основа для кардинального оснащения армии мощной артиллерией и другими видами оружия. Уже после окончания Северной войны в 1723—1725 гг. была построена новая группа уральских заводов (Екатеринбургские заводы, Толмачевский и Аннинский железные заводы), что выдвинуло Россию в число крупнейших производителей черных металлов (третье

место в Европе). Строительство железных заводов было дополнено созданием крупных верфей в Петербурге, Воронеже (Гаврине), Москве, Архангельске, на Олонце и Сяси.

Этот успех дался России немалой ценой. Ведь в стране, получающей низкие урожаи, почти всегда была постоянная нехватка в расширении сферы земледелия, но увеличить пахотные угодья можно было только увеличивая число крестьян-земледельцев. Поэтому рынок труда в области промышленности практически отсутствовал. В первые годы строительства заводов основным резервом рабочей силы были люди пауперов, так называемых «гуляющих людей», в силу тех или иных причин оторвавшихся от хозяйства, крестьянской общины и т.п. Однако этих ресурсов не хватало, так как металлургическое производство требовало огромного количества вспомогательных работников с частичной занятостью на заводских работах. Государство еще в XVII в. решило эту проблему путем применения грубого насилия, принуждения, путем «приписки» государственных крестьян к заводским работам в счет уплаты государственных налогов и выполнения натуральных повинностей. В первой четверти XVIII в. на Урале число «приписных крестьян» достигло 25 тыс. душ мужского пола. Положение их было очень тяжелым. Ведь только до места работы многим приходилось проделывать путь до 100—200 верст, покидая свое хозяйство на 4 и более месяцев в году.

Государственная власть играла решающую роль в форсированном развитии крупного производства. В 1719 г. для руководства промышленностью создается Мануфактур-коллегия, а для горной отрасли — специальная Берг-коллегия (первоначально Берг-привилегия). Оба ведомства следили за размерами производства, его устройством, следили за качеством продукции. Берг-коллегия особое внимание уделяла поиску руд, поощряла рудоискателей и рудознатцев, ссужала строительство горнорудных заводов.

Особую роль обе коллегии играли в развитии частного производства. Они ссужали предпринимателей на льготных условиях, освобождали числящихся в посадских людях и купцов от государственных служб («тягловые» натуральные повинности). Существенную роль коллегии играли в обеспечении предприятий рабочей силой. Они вербовали по контрактам иностранных специалистов, организовывали обучение за рубежом и т.д. Все функции коллегий отражены были в особых документах — «регламентах». В необходимых случа-

ях государственные ведомства способствовали передаче и казенных заводов в частные руки (как, впрочем, и возврат в казну). Так, один из первых уральских заводов (Невьянский) уже в 1702 г. был передан Никите Демидову.

Частное строительство металлургических заводов началось еще в конце XVII в. При Петре I оно велось как в центре страны, так и на Урале и в Сибири. В 20-е годы на Урале резко возросло число медных заводов. Казна на базе богатых месторождений меди в Кунгурском уезде построила медные заводы в Верхотурском уезде: Ягушихинский, крупный Ялинский, Вышне-Пыскорские, Полевский. В это же время на Урале появились и частные медные заводы.

В центре страны небольшие частные и «компанейские» железные заводы появились в самых разных районах: в Боровском и Малоярославецком уездах два завода Меллеров, их же «меньшовский» старый завод в Оболенском уезде; в Лихвинском уезде завод крепостного человека Одинцова; в Муромском — два завода Александра Халтурина, в Переяславле-Рязанском — три завода Якова Рюмина, Льва Логинова и К. Семенникова и т.д.

Всего в пределах центральной России в первой трети XVIII в. возникло свыше 28 частных и компанейских и 7 казенных железных заводов, один казенный и два компанейских медных заводов. На Урале же — около полутора десятков медных казенных и частных заводов, около десятка частных и пять казенных железных заводов. В Петербурге, на Левобережной Украине и Подмоскovie развилось довольно крупное производство пороха.

Таким образом, страна совершила за четверть века громадный скачок в своем экономическом развитии, создав огромную отрасль мануфактурной промышленности с использованием энергии воды — металлургическое производство.

Практика использования «приписных крестьян» на частных заводах не решала всех проблем. Владельцы мануфактур все чаще требовали закрепления и квалифицированных рабочих за производством. Нанятые государством многочисленные иностранные специалисты были в России лишь временно. Постепенно создавались свои кадры высокой квалификации, но их было мало. В конечном итоге в 1721 г. впервые недворянам (а это основная часть заводладельцев) дано было право покупки крестьян «к фабрикам». Так постепенно стала формироваться категория «посессионных крестьян» (название это появилось много позже, а тогда их

называли «купленными»). Они были навечно закреплены за конкретным заводом или фабрикой, независимо от того, что сам владелец завода мог смениться. Такой способ закрепления работников не всем был по силам, и дело кончилось тем, что в 1736 г. был издан указ, навечно закрепивший всех наемных работников за теми предприятиями, где они были в момент издания указа. В итоге в промышленности (и не только в металлургии, но и во всех отраслях крупного производства) стал господствовать подневольный крепостной труд.

В первой четверти XVIII в. в силу резкого увеличения численности армии и флота быстрыми темпами стала развиваться текстильная и особенно парусно-полотняная промышленность. В 20-х годах число текстильных мануфактур достигло 40 (из них 24 только в Москве). Ряд казенных предприятий был передан купеческим компаниям, иногда принудительно созданным государством (Суконный двор в Москве в 1720 г. был отдан компании Щеголина, Полотняный скатертный завод в 1711 г. — компании А. Турчанинова). Среди владельцев были и дворянство, и новая знать (А. Меншиков, А. Макаров, Ф. Апраксин, П. Шафиров, П. Толстой и др.). Некоторые частные фабрики были весьма крупными предприятиями (например, шелковая мануфактура Ф. Апраксина в Москве имела более 200 ткацких станков, в 20-х годах переданная из казны полотняная мануфактура И. П. Тамеса имела более 30 станков). Полотняная мануфактура Затрапезных в Ярославле насчитывала 250 ткацких станков. Парусно-полотняное производство постепенно появлялось и в других регионах.

Под влиянием войны и армейских нужд в первой четверти XVIII в. зарождалось и суконное производство. В 20-х годах на Московском суконном дворе работало свыше 1 тыс. человек. Крупное суконное производство возникло в Казани, Липецке и в Путивльском уезде.

За весь период деятельности Петра Великого в России возникло около 180 сравнительно крупных мануфактур, половина из которых принадлежала казне. Важно подчеркнуть, что Мануфактур- и Берг-коллегии допускали к строительству заводов и фабрик людей всех чинов и званий. Нужды крупного металлургического и текстильного производства, строительства крупнейших верфей в Петербурге, Воронежском крае, в Москве и т.д. вызвали к жизни целый ряд химических предприятий (небольшие серные, купоросные, скипидарные, стеклянные, красочных производств)

Квалифицированные рабочие мануфактур, практически полностью оторванные от натурального крестьянского хозяйства, получали плату за свой труд. Однако эта оплата не имела ничего общего (при полном внешнем сходстве) с капиталистической заработной платой, ибо платили крепостным, подневольным рабочим, а сама оплата являлась как бы компенсацией утраченных прав на жизненные средства, которые тот или иной работник в прошлом всегда имел в собственности как крестьянин. На металлургических заводах ученики получали в год 12—17 руб., квалифицированные русские работники — 15—18 руб., иногда до 30 руб. Работники высокой квалификации получали в год на сдельной работе от 70 руб. и более. В текстильной промышленности прядильщик шерсти получал в год от 9 до 20 руб., ткач — от 17,7 до 23,5 руб.

Однако сравнительно высокая оплата не шла ни в какое сравнение с тяжелыми условиями труда. В среднем за год длина рабочего дня составляла чуть более 12 часов. У домны и коваленных горнов работали сутками. К этому следует добавить жестокую палочную дисциплину, телесные наказания и т.д. Таковым был крепостнический режим, ценою которого страна шла к своему могуществу.

§ 3. Мелкое производство и ремесло в петровской России

Говоря о процессе отделения промышленности от земледелия, не следует забывать о специфичности условий России как внутриконтинентальной страны с низким объемом совокупного прибавочного продукта, как страны, основой хозяйства которой было, главным образом, земледелие. Хозяйству в суровых климатических условиях, население страны не могло довести земледелие до той степени эффективности, когда значительная часть людских ресурсов могла бы переключиться с земледелия на занятия ремеслом, стать горожанами и т.п. Отсюда сравнительно скромные темпы развития ремесла и роста самого городского населения. Городской ремесленник в значительной мере был связан с земледелием (имел огород, скот, иногда сеял зерновые и т.д.). А сельский житель, имея громадное количество времени (6—7 месяцев в году), лишь частично идущее на воспроизводство крестьян-

нского хозяйства, также занимался промышленным трудом либо у себя дома, либо отходя в города, крупные промышленные районы и т.п. В итоге предложение ремесленного труда часто было больше спроса. Нередко заказы на изделия шли от случая к случаю. Все эти факторы существенно влияли на темпы и характер социально-экономического развития России.

Сравнительно небольшие, сосредоточенные не только в северо-западной части России, но и во многих районах центральной страны, «гнездоватые» и болотные железорудные месторождения давно уже стали основой для традиционных крестьянских промыслов и ремесленных занятий горожан. Кузначное и плавильное дело было сосредоточено в ряде промышленных сел (Ворсма, Павлово, Норская слобода и др.) и городов (Устюжна Железопольская, Тихвин, Белоозеро, Галич, Серпухов, Дедилов, Тула, Елец, Липецк, приуральские города и т.д.). В большинстве своем изделия городских и сельских ремесленников — это предметы домашнего обихода и крестьянского хозяйства. В Ярославле особо развивалось производство медной, оловянной посуды, литье колоколов. В Павлове многочисленны замочки, ножевщики. В Туле и Москве издавна сосредоточено оружейное дело. С основанием Петербурга там получают развитие корабельное дело и производство корабельных снастей. В Москве и ряде других центров сильно развивается серебряное и ювелирное дело. В конце первой четверти XVIII в. в Москве сосредоточено было около 7 тыс. ремесленников, не считая пришлых из села на заработки. Даже в Петербурге в это время было уже свыше 2,5 тыс. ремесленников.

В 1722 г. в России было введено цеховое устройство. Не все понятно в причинах такого шага государства. Ведь в Западной Европе цехи в этот период уже были архаикой. Не исключено, что цеховое устройство ремесла было в этот период одним из путей завершения формирования сословного строя общества, ликвидации архаичного сословия «посадских людей», закрепощенных самодержавием. Немаловажным, видимо, было и стремление государства создать систему контроля за качеством ремесленной продукции: отныне мастер обязан был ставить личное клеймо на изделия. Важнейшим следствием цеховой структуры ремесла было упорядочение практики ученичества.

Однако усилия властей по организации городского ремесла в значительной мере ослаблялись вследствие развития

крестьянских промыслов. В межсезонье города России принимали значительную массу мастеров-сезонников из деревни. Казна стремилась упорядочить мелкое производство, издавая указы с разрешением деятельности того или иного заведения («указное производство»). «Неуказные» же могли преследоваться казной.

Давление на городское ремесло сильнее всего ощущалось в текстильных промыслах. Стремясь резко увеличить экспорт холста и полотна, правительство в 1715 г. запретило крестьянам ткать узкий холст (а широкий ткать они не могли из-за крайней тесноты в избе), но уже в 1718 г. был сделан шаг навстречу крестьянским интересам и некоторые разновидности узких холстов были легализованы.

Широко распространена была выделка домашних серых сукон, особенно в южнорусских и украинских регионах. В мелком производстве выделывали не только сермяжное (грубое) сукно, но и такие материалы из шерсти, как каразей, камлот, стамед и др.

Еще в XVII в. в России стала развиваться выделка кожи для экспорта через Архангельск. Это была так называемая юфть — гладкая выделанная кожа белого, красного, синего, черного и других цветов, а также сафьян, подошвенные кожи и т.п. Спрос на эти кожи в Европе был очень большим. Делали ее главным образом в Ярославле, куда буквально «по крупинке» свозили зимним путем огромное количество невыделанных кож. В первой четверти XVIII в. в связи с открытием Петербургского порта ареал распространения кожевенных «заводов» стал расширяться. Много кожи закупала казна на армейское обмундирование.

В числе массовых ремесел была выделка мехов и шкур. По всей центральной России в городах и селах выделывали шкуры волков, лисиц, корсаков, зайцев, не говоря уже о более дорогих мехах белки, куницы, бобра и т.д. Шубы и шапки, мерлушка на разные цели из овец романовской породы были на торгах и ярмарках многих городов страны. Массовым ремеслом было сапожное дело. В одной только Москве в 20-е годы было около 1,5 тыс. сапожников.

Важно отметить, что география промыслов по обработке кожи отчасти совпадала с основными маршрутами прогона скота из южнорусских и украинских районов к главным торгово-промышленным центрам страны. Много скота забивали в ближнем регионе Подмоскovie (Калуга, Кашира, Зарайск и др.), а также в направлении городов Верхнего и Среднего

Поволжья. Здесь же множились и «попутные промыслы» в виде салотопен, мыловарен, свечных заводов и т.д. (особенно много салотопен было в Татарии и Чувашии, расположенных на маршрутах прогона скота из калмыцких, оренбургских, башкирских степей и т.п.).

§ 4. Торговля

Внутренняя торговля на базе географического разделения труда в значительной мере опиралась на торговлю зерном. В начале XVIII в. главный зерновой поток был связан с Москвой и Московским регионом. По Оке и Москве-реке зерновые товары, пенька, конопляное масло, мед, сало, шкуры и т.п. доставлялись сюда из ближайшего Черноземья. Хлебный поток через Нижний Новгород и Вышневолоцкий канал устремился и к Петербургу. В центральные губернии шел хлеб из Поволжья. С Украины в центр страны везли пеньку, шерсть, сало и другие продукты животноводства, а также воск, поташ, селитру.

Внутренняя торговля петровской эпохи, как и в XVII в., состояла из нескольких уровней. Низший ее уровень — сельские и уездные торжки, куда 2—3 раза в неделю съезжалось крестьянство, мелкое местное купечество. А высший уровень торговли — оптовая торговля крупного купечества. Основными проводниками ее были ярмарки. Важнейшие из них в первой четверти XVIII в. — это Макарьевская ярмарка под Нижним Новгородом и Свенская — у стен Свенского монастыря близ Брянска.

Разумеется, наряду с ними функционировала огромная сеть мелкой ярмарочной торговли по всей России. Однако насыщенность торговли операциями тех или иных районов была различной. Самым насыщенным был огромный регион Промышленного центра России.

Косвенный показатель интенсивности движения товаров — размеры годовых сумм таможенных платежей. По данным таможенных платежей за 1724—1726 гг., отмечает И.К. Кириллов, из внутренних провинций наибольшую сумму сборов имела Московская провинция — 141,7 тыс. руб., что намного превосходило сборы в остальных районах. В Нижегородской провинции сбор был равен 40 тыс. руб., в Севской — 30,1 тыс., в Ярославской — 27,7 тыс. руб. Далее идут Новгородская провинция — 17,5 тыс. руб., Калужская — 16,5

тыс., Симбирская — 13,8 тыс., Орловская 13,7 тыс., Смоленская — 12,9 тыс. и Казанская — 11 тыс. руб. (подсчет наш. — Авт.). В остальных российских провинциях интенсивность товарооборота была, в основном, в 2—3 раза слабее (3—6 тыс. руб. таможенных сборов).

Для развития торговли Петр I предпринимает строительство ряда каналов, объединяющих водные пути разных речных бассейнов. Так, в 1703—1708 гг. был построен Вышневолоцкий канал, в 20-х годах через Ивановское озеро были соединены бассейны рек Оки и Дона, выполнены проекты Тихвинского и Мариинского каналов, начато строительство Волго-Донского канала. Правда, последняя стройка заглохла.

Огромную роль в экономике России петровской эпохи стала играть внешняя торговля. До 1719 г. Архангельский порт имел годовой оборот 2 млн. 942 тыс. руб. (из них экспорт 74,5%). К 1726 г. оборот Петербургского порта достиг 3 млн. 953 тыс. руб. (экспорт около 60%). Правда, оборот Архангельска упал к этому времени в 12 раз.

Традиционным центром торговли со странами Востока была Астрахань. В середине 20-х годов XVIII в. таможенный годовой сбор достигал здесь 47,7 тыс. руб. Если назвать сумму такого сбора по Петербургу (218,8 тыс. руб.), то станет ясно, что обороты астраханского порта были раза в четыре меньше. Но вместе с тем одних «рыбных пошлин» здесь платили до 44,2 тыс. руб., что почти не уступает таможенному сбору и подчеркивает огромную роль астраханских рыбных промыслов.

Особо следует отметить возрастающую роль Рижского порта, годовой оборот которого в середине 20-х годов был свыше 2 млн. руб. (сумма таможенных сборов — 143,3 тыс. руб.). Он стал важнейшим после Петербурга центром внешней торговли России, открывшим путь к европейскому рынку огромному юго-западному региону страны. Через Западную Двину за рубеж пошли большими партиями такие громоздкие товары (невыгодные в сухопутном торге), как пенька, лен, парусина, кожи, сало, мед, воск, зерно и т.п. Ведь в те времена торговый путь по Днепру был тупиком не только из-за днепровских порогов, но и из-за враждебности сопредельных государств. Впрочем, в Левобережной Украине был ряд городов, имевших зарубежный торг через осевших там греческих торговцев и местное купечество (Киев, Нежин,

Чернигов и др.). По И.К. Кирилову, на Балтийском побережье России стали использовать и такие порты, как Ревель (таможенный сбор 15,7 тыс. руб.), Нарва (10,4 тыс. руб.), Выборг (13,9 тыс. руб.).

Внешняя торговля играла очень существенную роль в доходах казны. При Петре I число товаров, которыми торговала только казна, заметно возросло. Это не только икра, рыбий клей, ремень, смольчуг, поташ, но и пенька, семя льняное и конопляное, табак, юфть, мел, соль, деготь, ворванное и качественное сало, воловья шерсть, щетина, рыбий жир и др. Купцы, когда могли, откупали у казны право торговли тем или иным товаром и становились монополистами. Нередко царь и сам раздавал такие монопольные права. Так, А.Д. Меншиков имел монополию на вывоз дегтя, тюленьих шкур и архангельских рыбопродуктов. С 1719 г. список казенных товаров стал быстро сокращаться. При неурожае государство запрещало вывоз за границу хлеба (правда, торговля зерном была еще очень невелика). Запрещен был вывоз за рубеж украинской селитры.

Уже в ходе строительства крупных мануфактур Петр I стремился защитить молодое предпринимательство, отдельными указами запрещал ввоз из-за рубежа той или иной продукции. Запрет ввоза металлических игл последовал сразу вслед за постройкой игольного завода Рюминых и Томилина. Стоило наладить русское производство полотна, изделий из шелка и чулок, как тотчас ввоз этих товаров из-за рубежа был запрещен. В интересах отечественной суконной промышленности запрещен был вывоз шерсти. Покровительственная по отношению к русским промышленникам политика (совпадающая с принципами меркантилизма) завершилась созданием Таможенного тарифа 1724 г. Этот интереснейший законодательный акт был весьма гибким инструментом торговой и промышленной политики. Он ставил прочный заслон от проникновения даже высококачественных изделий западных стран, если отечественная промышленность вполне удовлетворяла внутренний спрос (пошлина в этом случае составляла 75%).

Этот тариф, конечно, не отвечал потребностям дворянства, заинтересованного в иностранных товарах, да и купечество хотело иных тарифов. В 1731 г. был принят иной тариф, не имевший столь ярко выраженного покровительственного характера.

§ 5. Положение крестьянства, дворянства, купечества

Крестьяне. Тяжелейшее бремя форсированного развития экономики страны, да еще в период тяжелой войны, не сла, конечно, основная масса населения — крестьянство. Оно составляло в это время 92% всего населения России и было разделено феодальными распорядами на целый ряд категорий (государственные, дворцовые, монастырские и помещичьи).

Внедрение капиталистических технологий в феодальную страну вызвало к жизни еще более тяжелые и изощренные разновидности крепостного состояния: «купленные» к заводам (посессионное крестьянство), вечно отданные и др.

Расселение крестьян на территории страны к концу первой четверти XVIII в. сложилось следующим образом.

Если государственные крестьяне жили в основном в Черноземье (342 тыс. душ мужского пола), Среднем Поволжье (336 тыс.), Приуралье с Сибирью (292 тыс.) и на севере Европейской России (около 120 тыс. душ мужского пола), то помещичьи крестьяне были сосредоточены в историческом центре страны. В Центрально-промышленном регионе их насчитывалось 1 млн. 465 тыс. душ мужского пола. Заметно меньше помещичьих крестьян было в Центрально-земледельческом регионе (893 тыс. душ мужского пола). Наибольшее число крепостных крестьян сосредоточено было в будущих Орловской, Тульской, Курской и Рязанской губерниях. Почти вдвое слабее была населена Тамбовщина, а освоение будущей Воронежской губернии при Петре I, по существу, только начиналось (38 тыс. душ мужского пола), и основным тормозящим фактором заселения была, несмотря на оборонительные линии, опасность татарских и ногайских набегов с юга. В силу этой же причины очень слабо заселялись регионы Саратова и Астрахани (в будущей Саратовской губернии была всего 1,1 тыс. душ мужского пола помещичьих крестьян и около 500 государственных). Когда в 1718—1720 гг. после жестокого рейда кубанской орды ногайцев, проникнувших до Пензы, Петром I была построена между Царицыном и Доном укрепленная черта (земляной вал и ров с оборонительными городками), в регионе сразу же стала «селиться умножаться» и появилось земледелие («ныне хлеба довольно родиться»). «Итак з Божьею помощию Низовая

Гарбина от тех кубанских набегов успокоена». Очень мало помещичьих крестьян было на севере Европейской России — всего чуть более 68 тыс. душ мужского пола (Олонец, Архангельск и Вологда). Зато на северо-западе (в регионе Петербурга — Новгорода — Пскова) их было свыше 254 тыс. душ мужского пола. Дворцовых крестьян было в России в целом 509 тыс. душ мужского пола.

На особом положении была Прибалтика, давшая приращение населения России всего около 278 тыс. душ мужского пола. Население Левобережной Украины в пределах Киевской губернии, поделенной на десять полков, составляло 220 282 душ мужского пола (включая казацких вдов). Из них посполитых (крестьян) было 106 тыс., а казаков около 69 тыс. душ мужского пола. Наконец, на землях Войска Донского всего 29 тыс. душ мужского пола вольных казаков. Край эти постоянно подвергались набегам, и поэтому обжились с большим трудом.

Таким образом, в конце XVII — первой четверти XVIII в. интенсивно осваивались, в основном, земли Центрально-земледельческого региона и Среднего Поволжья (2,3 млн. душ мужского пола) и лишь отчасти — Северного Приуралья (Вятская и Пермская губ. — 277 тыс. душ мужского пола) и Сибири (будущие Тобольская, Томская и Иркутская губернии имели свыше 241 тыс. душ мужского пола, а так называемое иноверческое население достигало 71,7 тыс.). В будущей Оренбургской губернии крепостных крестьян было всего 16 тыс. душ мужского пола и свыше 92 тыс. душ мужского пола неподатного населения. В итоге в России в целом к началу 20-х годов XVIII в. общая численность населения была равна 15,6 млн. человек (подсчитано В.М. Кабузаном).

Совершенно очевидно, что, несмотря на всю привлекательность безлюдных плодороднейших, хотя и засушливых южных районов Причерноморья, освоение их Россией было еще делом преждевременным и непосильным. Надо было обладать в Причерноморье не только людскими ресурсами, продовольственной и промышленной базами, но и гораздо более могучими, чем созданные Петром I, военными силами, чтобы выйти не только в Черное море, но и добиться возможности прохода судов через проливы. А этому противилась не только Турция, но и Европа.

Поэтому переориентация Петра I на освоение Балтийского побережья не была случайной, хотя, в свою очередь, ори-

ентация экономики страны на выход к балтийским портам была сопряжена с громадными трудностями.

Одна из них — необходимость строительства и усовершенствования водных путей и выхода их к новому Петербургскому порту. Десятки тысяч крестьян, насильно мобилизованных государством, в течение многих лет рыли огромные каналы, строили верфи, шлюзы и плотины, мостили дороги, строили большое количество крепостей, заводов, фабрик. В болотах и болотистых равнинах в устье Невы огромные массы крестьян, собранных со всей страны, строили новую столицу России — Санкт-Петербург.

Крестьяне России составляли и основной костяк армии и отчасти флота. С 1699 по 1714 г. в армию было забрано свыше 330 тыс. даточных людей и рекрутов. А ведь это были, как правило, самые крепкие и самые активные по характеру люди. С 1705 г. одного рекрута забирали от 20 дворов, что для крестьянства было немалой нагрузкой на людские ресурсы. Лишь с 1714 г. норма снизилась до уровня: один рекрут от 40 дворов, а с 1715 г. — даже от 75 дворов. На государственных крестьян легла особо тяжелая в период Северной войны подводная повинность (доставка в армию продовольствия, фуража, боеприпасов и т.д.) Десятки городских посадских общин, не говоря уже о крестьянах, несли постоянную повинность, помещая в свои дома офицеров, солдат, рекрутов, снабжая кормом лошадей и т.п.

Организация основной системы водного транспорта, сводящаяся главным образом к подъему судов против течения рек, вызвала к жизни все время возрастающий отход больших масс крестьянства на речной судоходный промысел. С далекого Урала накопленный за целый год запас железной продукции на тысячах подвод подтягивался к рекам и речкам, мало-мальски пригодным к сплаву, погружался в суда и барки и по весенней воде буквально в 12—15 дней спускался по Чусовой и Каме в Волгу. Опоздаешь — жди следующего года.

Тяжесть труда, жестокие условия вечно скитальческой, полевой жизни на работах, недостаток питания — все это уносило тысячи и тысячи жизней. Казалось бы, цель была предельно проста: взять у Западной Европы передовую технику и технологию. Но на деле это обернулось резким ужесточением крепостного режима, появлением на свет такого феномена, как промышленный труд на крепостной основе.

Есть основания предполагать, что первое десятилетие Северной войны привело к заметному сокращению населения страны. С 1678 по 1710 г. податное население сократилось с 791 тыс. до 637 тыс. в дворовом исчислении. В районах, ближайших к военным действиям, эта убыль доходила до 40%.

К концу второго десятилетия, по данным первой ревизии 1719—1722 гг., общее число всех крестьян России, платящих государственную подать, составило 6 552 377 душ мужского пола. Из них только помещичьих крестьян было 3 193 085 душ мужского пола. Введенная Петром I подушная подать для огромного числа государственных крестьян (1 млн. 700 тыс. душ мужского пола) означала резкое увеличение платежей. Ведь помимо обычного семигривенного подушного оклада, на них возложили «вместо помещикова дохода» еще четыре гривны. Иначе говоря, государственные крестьяне стали платить и налог и феодальную ренту (оброк) в пользу государства.

Механизм взимания подушной подати был сведен к тому, что после первой ревизской переписи населения, а она учитывала поголовно все мужское население, было введено понятие «ревизская душа». Такая «душа» платила подати вплоть до следующей ревизии («платила» она, даже если реальный человек умер).

Реально размеры платежей с каждого крестьянского двора устанавливала, исходя из спущенной сверху суммы, крестьянская община (ведь формально подать платили и грудные мальчики и глубокие старики). В реальности же платежи государству были выше и усугублялись произволом и лихоимством сборщиков податей. Так, крестьяне Иверского монастыря в Старорусском уезде за 1700—1708 гг. фактически заплатили с каждого двора по 16 руб. 12 коп. В 1719 г. в кашинской вотчине П. Бутурлина итоговые затраты двора на казну достигали 15 руб., а в его воротынской и перемышльской вотчинах — 12 руб. в год. А ведь у помещичьих крестьян, платящих в казну подать 74 коп. с души мужского пола, были немалые повинности в пользу своего феодала-владельца. Помещичий оброк был часто равен не 40 коп., а выше. Основная масса крестьян (около 62%) помимо оброка выполняла на помещика и барщинные работы. Там же, где был денежный оброк, крестьяне поставляли помещику еще и столовые припасы. Самым тяжелым бременем для крестьян была помещичья барщина, особенно в период летних работ.

Вполне логично, что бремя эксплуатации крестьяне часто не выдерживали и пускались в бег. И, конечно, бежали на юг: туда, где была воля, туда, где было больше земли, туда, где было теплее. Только за 1719—1727 гг. было зафиксировано при проверке ревизии 198,8 тыс. душ беглых крестьян. Однако уже к концу правления Петра I система сыска была столь сильна, что довольно часто беглого возвращали владельцу. Кроме того, целая серия указов ужесточила наказание за утайку беглого крестьянина (от штрафа, конфискации имущества до ссылки на галеры). В 1700—1710 гг. было издано 6 указов о беглых, в 1711—1720 гг. — 10, а в 1720—1725 гг. — 30 указов.

Города и купечество. По данным И.К. Кирилова, в России было 336 городов. В 125-ти из них были деревянные, а изредка и каменные крепости. Свыше 30 городов имели земляные укрепления и валы, остальные либо вообще не имели укреплений, либо утратили их в результате пожаров. Часть городов представляла собой сугубо военные крепости. Торгово-промысловое население было лишь в 189 городах России. В начале XVIII в. население городов было небольшим, да и сами города, как правило, были невелики. По итогам первой ревизии с восполнением всех сокрытий податное городское население (торгово-промысловая его часть) насчитывало всего 295 793 человек мужского пола (включая сюда Левобережную Украину). Таким образом, посад составлял лишь около 3—4% населения страны. В среднем на один город приходилось чуть более 1,5 тыс. душ мужского пола. Более двух тысяч душ мужского пола имело в России лишь три десятка городов.

Русские города были, как правило, без плотной застройки. Точнее, такая застройка занимала лишь центр города. В остальной части это были довольно просторные поселения с многочисленными садами, огородами. В малых городах были и пашни и выгоны для скота.

Распределение посадского населения по регионам (в рамках границ будущих екатерининских губерний) было следующим. В Центрально-промышленном регионе (7 губерний) насчитывалось 80 151 душ мужского пола (3,5% всего населения региона). Наибольшая численность посадского населения приходилась на Московскую (5,3%), Ярославскую (4,25%), Калужскую (4%) и Тверскую (3,9%) губернии. Меньше всего посадских было во Владимирской (1,9%) и Нижегородской (2,3%) губерниях. Вместе с тем именно в

этом регионе еще с XVII в. большое развитие получили торговые и промышленные села.

Примерно тот же удельный вес городское податное население имело и в Центрально-земледельческом регионе (на 572 человек мужского пола, или 3,5%). На первом месте здесь стоят Тульская (6,4%), Воронежская (4,58%) и Орловская губернии (4,1%). Меньше всего численность посадского населения была в Курской (2%) и Рязанской губерниях (2,2%). Северо-запад России (будущие Петербургская, Псковская, Новгородская и Олонецкая губернии) имел наименьший процент посадского населения — 5 (в Олонецкой даже 6,6%). Однако в последнем случае повышение доли городского податного населения объясняется общей слабой населенностью края. То же характерно и для Нижнего Поволжья, где посадское население достигло 9,2% (а в пустынной Саратовской губернии — даже 66%!). Особенно высок в силу тех же причин был удельный вес городского податного населения в Восточной Сибири (Томская губерния — 14%, Иркутская — 20%). Вековые порядки городского самоуправления местечек во многом объясняют высокий удельный вес податного населения на Левобережной Украине (7%).

Хотя в целом доля городского населения в России оставалась очень небольшой, фактическая населенность городов была существенно большей из-за сезонного притока в город торгово-промыслового крестьянства. Формально не принадлежа к городскому населению, многие тысячи крестьян значительную часть года жили и работали в городах.

К сожалению, нет данных о неподатной, привилегированной части населения городов России. Ее долю можно определить лишь очень приближенно. По наиболее полным данным доля неподатного населения всей страны (по первой ревизии) достигала 6,1%, или 444 тыс. человек мужского пола (Н.И. Павленко дает цифру 5,5 тыс. душ мужского пола). В городах, конечно, жила только часть его. Например, по данным 1728 г. неподатная часть населения г. Твери составляла 31,1%, а в 1701 г. в Москве податное население посада составляло около 42% (6 903 дворов), неподатное население — 53,7%. Разумеется, в большинстве городов России неподатное население было очень небольшим. Но в южных городах России его доля резко возрастала за счет военного люда.

Как уже говорилось, в конце XVII в. посадская структура управления подверглась существенным переменам. Земские

старосты, таможенные и кабацкие головы сменились бурмистрами и земскими избами. Но в 1708—1710 гг. земские выборные бурмистры стали подчиняться губернаторам, а сбор налогов перешел к губернским канцеляриям. «Храмина российского купечества» была «рассыпана». Примерно через 8 лет снова грянули перемены. Были созданы городские магистраты. Выборы в них проходили под наблюдением местных губернаторов, итоги утверждали в столице, в Главном магистрате. Бурмистры и ратманы выбирались пожизненно, а за заслуги могли быть пожалованы в шляхетство (т.е. в дворянство).

Магистраты вели статистический учет населения, распределяли налоги и повинности, размещали войска на постоянной, следили за деятельностью предприятий города, руководили избранием городских старост и старшин, устраивали ярмарки и т.п. В магистратах велись и решались уголовные дела, различного рода тяжбы; они контролировали процедуры взвешивания и измерения габаритов товаров и т.д. На магистраты была возложена функция контроля въезда и выезда из города, паспортный контроль и т.п. В 1727 г. магистраты вновь превратили в ратуши.

По регламенту Главного магистрата 1721 г. все население делилось на неподатное и податное. К первым относились дворяне, духовенство, военные, иностранцы и наиболее искусные ремесленники, получившие статус мастера (с момента организации цехов). Остальное население города, платящее государству подать в 1 руб. 20 коп., делилось на «регулярное» и «подлое». К регулярному, состоящему из двух гильдий, относились наиболее состоятельные люди. К первой гильдии были причислены наиболее крупные купцы (гости), ростовщики, а также серебряники, золотари, иконники, живописцы, аптекари, доктора и т.д. Во вторую гильдию входили мелочные торговцы и ремесленники. С 20-х годов в особую организацию — цехи — выделились ремесленники. Остальной люд города — «кормящиеся черною работою», лишённые права участвовать в посадском самоуправлении.

Купцы и ремесленники судились в своих городских магистратах, однако купцы-промышленники, владельцы мануфактур подлежали суду в Берг-коллегии и в Мануфактур-коллегии. Больше того, они освобождались от казенных и от городских служб.

Положение торгово-ремесленной части города в эпоху Петра I было необычайно тяжелым. На посад, как и на кре-

постничество, были взвалены большие налоги и повинности. С начала века наряду со старыми налогами (стрелецкие деньги, именные деньги, полоняничные деньги и т.п.) были возложены новые (драгунские деньги, корабельные, рекрутские и т.п.). Кроме постоянных, хотя и менее многочисленных налогов, горожан донимали разного рода «запросные сборы». Новые платежи изобретали специальные «прибыльщики». Например, знаменитые петровские взимания за ношение старой русской одежды, за ношение бород — с купцов по 100 руб., с дворян по 60, с простых горожан по 30 руб. Вместе с тем были упорядочены торговые сборы. Пестрота их сменилась единой «рублевой пошлиной» (5% с цены сделки). Тяжким бременем на посадской общине лежали различного рода мобилизации на работы и службы в казенных и городских структурах.

Многолетний тяжелейший налоговый пресс и груз повинностей привели к тому, что в начале века население городов, как и крестьянство, стало изрядно убывать. Лишь к концу правления царя-преобразователя уровень городского населения стал постепенно восстанавливаться.

Дворянство. По неполным и не вполне точным данным, в конце XVII в. дворян-землевладельцев было свыше 15 тыс. человек. В их собственности было, по явно заниженным сведениям, 360—380 тыс. дворов. У духовенства в конце XVII в. было 126—146 тыс. дворов.

Уже к концу XVII в. резко выделяется очень небольшое число крупнейших землевладельцев и собственников крепостных душ. По 500 дворов и более имели всего 69 человек (0,46%), а владельцев 1—2 тыс. дворов было всего 13 человек (0,09%). Самых же крупных магнатов, имевших более 2 тыс. дворов, было всего 5 человек (из них князь М.Я. Черкасский имел более 9 тыс. дворов). В число двух десятков крупнейших душевладельцев входили представители старинных княжеских кланов: П.А. Голицын, П.М. Долгорукий, Ю.Ю. Одоевский, Я.Н. Одоевский, А.П. Прозоровский, П.И. Прозоровский, А.И. Репнин, Н.П. Репнин, И.Т. Троекуров и др. К ним примыкали менее родовитые, но близкие царю Петру родичи (Нарышкины — свыше 7 тыс. дворов, Лопухины — свыше 3 тыс. дворов и т.д.). В 1696—1698 гг. дворян, владевших 100 и более дворами, было 535 человек (3,5%). У них было 45% всех дворов (170 тыс.). Оценивая численность двора в 6 душ мужского пола, мы получили

общее число крепостных у этой группы дворян — 1 млн 20 тыс. (что, видимо, близко к истине).

К сожалению, данные о владении крепостными крестьянами не могут быть дополнены сведениями о землевладении, поскольку специфичность российского общества состояла в частности, в том, что очень многие владения были совместными или частично совместными для двух—трех—четырех и более помещиков.

Тем не менее, основная особенность в развитии дворянского земле- и душевладения за первую четверть века видна довольно четко. Прежде всего, размеры крупнейшего душевладения остались почти неизменными. Эта группа дворянства в 1719—1727 гг. насчитывала 617 человек, и, видимо, увеличение ее произошло за счет ближайшего окружения царя. У них к началу 20-х годов было 788 тыс. душ мужского пола, что в переводе на дворы, считая на двор по 4 души мужского пола, составит примерно 197 тыс. дворов. В среднем на владельца придется по 319 дворов (или 1277 душ мужского пола). При очень незначительном увеличении этой группы характер распределения крепостных душ не изменился (как, вероятно, не изменилось и землевладение).

Разумеется, рост дворянского душевладения и землевладения шел за счет государственного и дворцового крестьянства. За 28 лет (1682—1710) было роздано 273 дворцовых волости, в которых находилось 43,9 тыс. дворов. Петр I в начале века щедро одаривал своих приближенных отнюдь не знатного происхождения (А.Д. Меншиков до 1710 г. получил 2157 дворов, Б.П. Шереметев — 2408, адмирал Ф.А. Головин — 110, Я.В. Брюс — 634 двора и т.д.). Проводя широкие дипломатические маневры, Петр I одаривал и знатных иммигрантов (грузинский царь Арчил Вахтангович получил 3,3 тыс. дворов, молдавский господарь Дм. Кантемир — 700, сыновья князя М.Я. Черкасского — 7 тыс. дворов, получили русских крестьян грузинские князья Дадановы, Багратионы, Манвеловы и др.). К концу правления Петра I его фаворит, светлейший князь А.Д. Меншиков, приобрел всеми правдами и неправдами около 100 тыс. душ мужского пола. Есть мнения ученых, что только из дворцового фонда Петр I раздал около 175 тыс. душ мужского пола. За 1719—1727 гг. есть данные и о среднем слое дворян-землевладельцев, имевших от 100 до 500 душ мужского пола. Их было 5019 человек (7,9%). В то же время помещиков, имевших не более 100 душ мужского пола, в начале 20-х годов насчитыва-

лось 88 836 человек, или 91,3% всех землевладельцев в Европейской России. Среди них подавляющая масса помещиков — 30 300 человек, или 59,5% — имела не более 20 душ мужского пола. Им принадлежало в общей сложности 304 874 души мужского пола (9,5% всех крепостных помещичьих крестьян).

Здесь мы сталкиваемся с главной особенностью в развитии класса дворян — резким увеличением его численности (хотя определять точные цифры роста рискованно). К 1719—1727 гг. общее число землевладельцев в России достигло цифры 64 471 (с конца XVII в. увеличение в 2—4 раза). вполне понятно, что интенсивная колонизация и земельные приобретения России в первой четверти XVIII в. лежат в основе столь стремительного увеличения дворянства. Ряды петровского дворянства, видимо, в немалом числе дополнили ратные люди. Наконец, еще один солидный источник роста мелких душевладельцев состоял в процессе дробления поместий.

Во всяком случае, изданный 23 марта 1714 г. указ о едином наследии был продиктован реальными процессами в среде господствующего класса. Петр I стремился прекратить стихийное измельчание поместий введением правила передачи поместья только одному из сыновей (а если в семье лишь одна дочь, то ей), с тем чтобы остальные шли на государственную, гражданскую или военную службу. Однако дворяне дружно игнорировали нововведение, и уже в 1739 г. оно было отменено. Зато положение указа об окончательном уравнивании статуса поместья со статусом вотчины было решительно поддержано. Несмотря на то, что в этой части указ практически осуществлен был лишь в 30-е годы XVIII в., он имел громадное значение в укреплении материального и социального статуса широких кругов дворянства и прежде всего того мелкого и мельчайшего дворянства, которое получало в раздачу вновь обретаемые земли юга и Среднего Поволжья.

Уравнивание статуса поместья и вотчины имело немалое экономическое значение, стимулируя развитие вотчинного господского хозяйства. Ведь в XVII в. в большей части поместий, особенно мелких, не было господских усадеб, т.е. не было собственно господского хозяйства. С указом 1714 г. появился стимул для роста числа таких хозяйств. В первой четверти XVIII в. появляются первые хозяйственные инструкции владельцев поместий для своих управителей-приказчиков.

Среди важнейших событий в жизни российского дворянства петровской эпохи было принятие 24 января 1722 г. «Табели о рангах» — государственного закона, создавшего единообразную иерархию служебных разрядов и систему продвижения государственных чиновников, военных и лиц, состоящих при царском дворе. Все должности были поданы на две категории: военные и штатские. В каждой из категорий было 14 рангов, или классов, строго соотносящихся между собой, каждая штатская должность имела определенный военный эквивалент. Первый ранг во всех категориях был высшим (генерал-фельдмаршал, генералиссимус, адмирал, генерал-адмирал, генерал от инфантерии, от артиллерии, от кавалерии, а также действительный статский советник и канцлер). Последний, 14, класс составляли соответственно должности корнета, прапорщика и коллежского регистратора. Отныне принцип приоритета знатности и родовитости при занятии должности навсегда уступил место принципу выслуги и полной последовательности прохождения всех рангов.

Петр I вводит ряд мер, заставляющих дворян соответствовать тем рангам, которые они в силу обязательной службы должны были занимать. С 1714 г. все дворянские дети должны были обучаться цифири и геометрии. Хотя большинство дворян должны были начинать воинскую службу с солдатского «фундамента», перед ними была открыта дорога в Морскую, Артиллерийскую и Военную академии. Служба в привилегированных полках (Преображенском, Семеновском и др.) тоже служила своего рода образовательным этапом в карьере. Функции контроля за дворянской службой и обучением выполняли дворянские смотры (например, смотры 1721—1722 гг.) и герольдмейстерская служба.

С «Табелью о рангах» чиновничий класс резко обособился от низшей бюрократии. При Петре I чиновник уже с 14-го класса получал личное, а с 8-го — потомственное дворянство. Для военных чинов потомственное дворянство обреталось уже с 12-го класса.

Чиновники всех рангов так же, как и дворяне-землевладельцы, входили в разряд неподатных групп населения. Эта группа составляла, включая женщин в количестве, равном числу мужчин, примерно 7—8% населения России. А ведь основная часть ее являлась своего рода несущими конструкциями всей структуры самоорганизации общества, выполняла все государственные функции (административное и хо-

зяйственное управление, судебное-правовое регулирование, внутренняя и внешняя безопасность, религиозно-культурные функции и т.д.). Столь незначительная численность этого слоя ярко отражает крайнюю упрощенность самодержавной системы самоорганизации российского общества. Такая примитивность была прямым следствием слабого развития производительных сил, низкого объема получаемого общественного совокупного прибавочного продукта. В канун реформы 1721 г. на долю этих групп общества приходилось уже около 10% населения страны.

Ничто случайно, что в силу этой упрощенности из функций самоорганизации общества в начале XVIII в. и в более ранние эпохи резко всего проявляли себя военная, карательная, охранительная и религиозная. А государственные рычаги, производные функции управления, уходили в толщу многочисленных структур общинного самоуправления. Это, видимо, представляло важнейшую особенность российской государственности.

Констатация примитивности структур самоорганизации российского общества еще резче подчеркивает колоссальную эффективность петровских преобразований, приведших к такому подъему важнейших отраслей промышленности, наращиванию военной силы государства и созданию пространственно-географических условий своего экономического развития. Немалую роль в этом наряду с народом-тружеником, крестьянством, сыграло и российское дворянство.

Глава 3

Реформы органов управления и суда

§ 1. Губернская реформа

Мы уже упоминали о том, что во второй половине XVII в. и особенно на грани XVII—XVIII вв. в системе центральных государственных учреждений происходили частичные изменения. Часть центральных приказов, общее число которых приближалось к 70, сливалась в более крупные образо-

вания, часть же создавалась заново. Изменения эти касались прежде всего группы приказов военно-оборонительного профиля и территориально-региональных приказов. Так, слились с Посольским приказом Приказ Великой России, Малороссийский приказ, Приказ Великого княжества Смоленского и так называемые четверти. С Приказом Большого дворца слились Конюшенный приказ, Дворцовый судный приказ и Приказ каменных дел. Создание Бурмистерской палаты (с 1 сентября 1699 г. она стала называться Ратушей) и придание ей функций центрального финансового учреждения привело к окончательной ликвидации областных финансовых органов («четвертей») и изъятию финансовых операций из сферы действия нового объединенного Посольского приказа, а также Разрядного приказа, приказов Большого дворца и Казанского дворца. Вместе с тем финансовые функции все еще оставались у Приказа Большой казны и др. К 1708 г. Ратуша собирала около половины всех доходов казны.

Надо отметить, что изменения в центральных органах до 1712—1715 гг. носили спонтанный характер и далеко не всегда давали необходимый результат. Это объясняется тем, что все силы и внимание самодержца занимала тяжелейшая война. Так, созданный для управления «потешными полками» Преображенский приказ лишь постепенно, под влиянием событий, превратился в главный орган политического сыска. Так или иначе, в связи с войной появились Адмиралтейский и Военный приказы, Приказ рудокопных дел, Приказ артиллерии и т. д.

Первой попыткой кардинальных административных реформ была губернская реформа 1708—1710 гг. Страна была разделена на 8 губерний, далеко не одинаковых по размеру территории (Петербургская, Архангелогородская, Смоленская, Московская, Казанская, Киевская, Азовская и Сибирская). Во главе губернии стояли генерал-губернаторы и губернаторы. Разумеется, должности губернаторов занимали особо доверенные лица из окружения царя. Глава губернии, сосредоточивший в своих руках высшие военные и гражданские функции, имел помощника (вице-губернатора), обер-коменданта (ведал военными делами), обер-комиссара и обер-провиантмейстера (денежные и хлебные сборы) и так называемого ландрихтера (ведал правосудием). Губернии первоначально делились на «уезды» с «комендантом» (т. е. по-старому воеводой) во главе. Однако губернская канцелярия явно не справлялась со множеством уездов, и поэтому

заставлена была новая, как бы промежуточная административная единица — «провинция» во главе с обер-комендантом. В 1713—1714 гг. появилось еще 3 губернии (Нижегородская, Астраханская и Рижская). С 1715 г. губернии стали делиться на провинции (числом — 50), а провинции делились уже не на уезды, а «доли» во главе с ландратом (в каждой доле по 5536 дворов). Ландрат был лицом выборным от дворян, хотя всецело подчинялся высшей инстанции. Спустя некоторое время вместо «долей» появились «дистрикты», в каждом из которых теперь должно было быть 2 тыс. дворов. Отметим, что при проверке итогов первой ревизии военной администрации появился еще один дистрикт — полковой, где размещался тот или иной полк, на содержание которого шли налоги данного дистрикта.

В провинции основными административными звеньями были комендант, камерир, организующий сбор налогов, и рентмейстер, возглавлявший местное казначейство (рентерю). В дистриктах земские комиссары в первую очередь отвечали за сбор налогов и выполняли полицейские функции.

§ 2. Сенат и коллегии

Знаменитый Сенат был «рожден» Петром I как бы экспромтом. Отправляясь в Прутский поход в феврале 1711 г., Петр обнародовал указ: «Определили быть для отлучек наших правительствующий Сенат, для управления...». Состав его был невелик (9 сенаторов), да и создан он был как бы временно. Вдогонку первому указу 2 марта пришел второй с перечнем полномочий (попечение о правосудии, об устройстве государственных доходов, общем управлении, о торговле и хозяйстве). Вскоре Сенат стал высшим судебным и управленческим органом. Поначалу Сенат был коллегиальным органом из 9 сенаторов, обладавших равными голосами. Связь Сената с губерниями осуществляли губернские комиссары.

Практически одновременно с Сенатом Петр I основал новый контрольно-ревизионный институт так называемых фискалов. Это была целая армия официальных лиц, действовавших тайным образом и выявлявших все несправедные действия, наносившие ущерб государству (казнокрадство, взяточничество, нарушение законопорядка и т. д.). Во главе

фискалов стоял обер-фискал при Сенате. У него в подчинении было 4 фискала (два от купечества и два от дворянства). При губернских правлениях было также по 4 фискала, в городах — 1—2 фискала. Фискалы не получали жалованья, а награду за труды им полагалась в первые годы половина, а потом треть конфискованного имущества. Фискалы все свои наблюдения отправляли в Расправную палату, откуда дела поступали в Сенат. Над самим Сенатом с 1715 г. надзирал специальный сенатский генерал-ревизор, а с 1721 г. контроль вели помесечно штаб-офицеры гвардии.

Постепенно пробивала себе дорогу и такая форма государственного управления, как коллегия. Еще в 1711 г. был подан проект организации особой коллегии для руководства горной промышленностью. В следующем году появились проекты организации Коммерц-коллегии и Ревизион-коллегии, а в 1715 г. Коммерц-коллегия стала уже функционировать. Тогда же, в 1715 г., начата была проработка вопроса об организации центральных органов управления и изучения опыта Дании, Швеции и Австрии. Три наиболее важные коллегии (Военная, Адмиралтейская и Иностранная) стали работать уже в 1718 г. Всего было учреждено 11 коллегий (остальные восемь: Берг-коллегия, Мануфактур-коллегия, Коммерц-коллегия, Камер-коллегия, Штатс-контор-коллегия, Вотчинная коллегия, Ревизион-коллегия и Юстиц-коллегия). Структура и функции коллегий вплоть до организации делопроизводства, процедуры заседаний были подробно разработаны в Генеральном регламенте и регламентах отдельных коллегий. Так была заложена основа унификации и бюрократизации государственного управления.

К числу центральных учреждений должен был принадлежать Синод, или Духовная коллегия. В свое время после смерти патриарха Адриана царь назначил на этот пост лишь исполняющего обязанности (местоблюстителя), а выборы патриарха не провел. Причиной тому было сдержанное, если не враждебное, отношение духовенства к преобразованиям царя, причастность духовенства к делу царевича Алексея. В итоге в 1721 г. был образован Синод во главе с президентом, бывшим местоблюстителем престарелым Стефаном Яворским. Фактическим главой Синода был вице-президент псковский архиепископ Феофан Прокопович. Именно он составил Духовный регламент — свод важнейших организационных и идеологических установлений церковной организации в новых условиях абсолютизма. По Регламенту члены

Синода присягали, как и все чиновники, на верность царю и обязались «в мирские дела и обряды не входить ни для чего». За всем этим незримо стояла не забытая опасность для патриарха Никона. Теми же мотивами были продиктованы принципы коллегиального управления церковью и возложено в обязанность священникам нарушение тайны исповеди в случаях, «грозящих государственным интересам». Внешне все это, по рассказам, выглядело довольно устрашающе. Как пишет Н.И. Павленко, царь, на встрече с иерархами церкви уяснив, что они хотят избрать патриарха, поднял Духовный регламент и заявил: «Вы просите патриарха — вот вам духовный патриарх!» А на ропот недовольных он обнавил кортик и со словами: «А противомыслящим вот булатный патриарх», — ударил им в стол.

В 1718—1722 гг. Сенат был реформирован. В частности, его членами стали все президенты коллегий. Была введена должность генерал-прокурора. С появлением его стала действовать целая армия прокуроров во всех центральных и губернских учреждениях. Ему же подчинялись и все фискалы империи. Генерал-прокурор и обер-прокурор Сената подчинились только государю. Он мог опротестовать и приостановить решение Сената. Основная функция прокурорского контроля — забота о соблюдении правопорядка. Первым генерал-прокурором был Павел Иванович Ягужинский.

В 1720 г. в Петербурге был воссоздан на правах центрального учреждения Главный Магистрат, а на местах вновь образованы городские магистраты, в какой-то мере отражавшие сословные интересы купечества. Наконец, в дополнение к Преображенскому приказу для решения дел политического сыска в Петербурге была учреждена Тайная Канцелярия.

§ 3. Реформа местного управления

Реформа центральных и местных органов власти была огромным шагом вперед по сравнению со старой приказно-воеводской системой государственной власти. Создана была система органов управления, каждое звено которой отличалось от других строго определенными функциями на всей территории страны. Новые органы управления имели коллегиальный характер. При этом все члены коллегии — от президента до ассессора — были наемными чиновниками, получившими государственное жалованье. Такое положение в

свою очередь подразумевало профессионализм каждого чиновника. Это коренным образом отличало новую систему управления абсолютной монархии от старой феодальной системы. В новой системе логика развития чиновной бюрократии начисто отвергала старые порядки. Отныне попытки исполнять власть, должность, чин в корыстных целях были уже правонарушением.

Однако строительство новой бюрократической машины государственного управления шло отнюдь не гладко. Первая губернская реформа очень скоро выявила свою неэффективность. Трехуровневое управление оказалось излишне сложным. Поэтому уже с 1719 г. стала проводиться в жизнь вторая губернская реформа. Губернии были сохранены, но основной административной единицей становится провинция. Из 50-ти провинций наиболее важные, «знатные», возглавлялись генерал-губернатором, губернатором, вице-губернатором или обер-комендантом. Во главе остальных стояли воеводы. Провинции, созданные реформой 1719 г., стали предшественницами екатерининских губерний. Губернаторы всех 11-ти губерний имели реальную власть лишь в губернском городе и одноименной провинции. Круг полномочий воеводы был теперь очень широк: «во всем царского величества интерес и государственную пользу тщательно остерегать». Это финансовые, военно-хозяйственные, полицейские, торговые и многие другие направления деятельности. Число и структура провинциальных контор при воеводе не только сохранились, но умножились.

Провинция, как и в первой реформе, по-прежнему делилась на дистрикты. Во главе их теперь стояли земские комиссары. Они собирали налоги, передавая их в рентерею, ведали полицией. Им подчинялись так называемые нижние земские комиссары, у которых, в свою очередь, были в подчинении сельские сотские и десятские, старосты и разного рода выборные люди, т.е. общинные структуры поддержания порядка.

Поначалу воеводам подчинялись города и городские магистраты. Но с 1721 г. магистраты подчинялись только главному магистру и городское население было исключено из ведения воевод. В период проведения первой ревизии система гражданской власти была существенно деформирована. В провинциях были созданы переписные канцелярии, а в дистриктах — полковые дворы со штаб- и обер-офицерами и воинскими командами. Переписные канцелярии главенствова-

ли над гражданской администрацией. Помимо прямой обязанности контролировать сбор подушной подати, полковые дворы, подменяя гражданскую власть, выполняли полицейские и даже судебные обязанности. Правда, у воеводы оставалась судебная власть.

Важнейшим звеном административных реформ было создание системы судебных органов. На верху этой системы были Сенат и Юстиц-коллегия. В провинциях — хофгерихты, или надворные апелляционные суды в крупных городах России, и так называемые провинциальные коллегияльные нижние суды, которые тоже функционировали в крупных городах. В ведении провинциальных судов были гражданские и уголовные дела всех сельских жителей (исключая монастырских крестьян), а также горожан, не входящих в посад. Во всех остальных случаях действовал городской (или земский) судья. Это был так называемый единоличный (тоже нижний) суд.

Таким образом, реформаторы стремились создать суд, независимый от исполнительной власти. Но на практике из этого ничего не вышло. Очень скоро воевода обрел право контроля за судебными инстанциями провинции. В 1722 г. нижние суды были уничтожены. В тех же провинциях, где не было надворных судов, были введены новые провинциальные суды, возглавляемые уже воеводой.

В начале петровских преобразований были попытки внедрить в систему государственного управления сословно-выборное начало (с выборностью бурмистров и товарищей воевод). Однако в итоге лишь в городских магистратах уцелели принципы выборности бурмистров и ратманов. Главной тенденцией являлось усиление жесткой структуры власти, возглавляемой «самовластным монархом, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен». А из всех функций системы нового государственного управления наиболее широко были представлены фискальная, оборонительная и карательно-охранительная.

§ 4. Финансы и бюджет

Как уже упоминалось, с конца 90-х годов началась перестройка денежной системы. К 1704 г. вместо примитивной монетной системы, представленной одной лишь изготовлявшейся из серебряной проволоки однокопеечной монетой и

ее частями, сложился полновесный набор серебряных монет в одну копейку, алтын (3 коп.), пятачок (5 коп.), гривенник (10 коп.), полуполтину (25 коп.), полтину (50 коп.) и, наконец, рубль. Вместо серебряных деньги (0,5 коп.) и полушки (0,25 коп.) стали выпускать медные монеты этого же достоинства. С 1718 г. из меди стали делать алтыны и полуполушки, а с 1723 г. — пятачки, которые и стали в итоге самой мелкой медной монетой.

Чеканка монет еще с конца XVII в. сопровождалась уменьшением содержания серебра и меди в монетах. С 1711 г. серебряные монеты стали выпускаться 70-й пробы. При рыночной цене пуда меди в 6—8 руб., с 1704 г. из пуда стали делать медных монет на целых 20 руб. (38-я проба), а с 1718 г. — на 40 руб. Наконец, была введена в обращение золотая монета рублевого достоинства, а с 1718 г. ее сменил двухрублевик 75-й пробы. За 25 лет XVIII в. «денежные дворы» отчеканили серебряной монеты на 38,4 млн. руб., а медной — на 4,3 млн. руб.

Итогом денежной реформы стало создание полноценной монетной системы, основанной на десятичном принципе и полностью удовлетворявшей потребности экономики. Общий доход казны от выпуска монет составил 10,7 млн. руб. Таким образом, денежная реформа решающим образом действовала успеху первого, наиболее тяжелого периода Северной войны. Ведь правительство Петра обошлось без иностранных займов. Между тем военные расходы в первый период войны достигали 70—80% бюджета. В первые годы денежная реформа улучшила и бюджет. В 1680 г. прямые налоги составляли 33,7%, косвенные — 44,4%, а монетная регалия всего 2,7%. В 1701 г. доля прямых налогов сократилась до 19,8%, доля косвенных почти не изменилась (40,4%), а доля монетной регалии возросла до 26,8%.

К концу второго десятилетия XVIII в. монетная регалия уже не давала прежнего эффекта, а огромное количество налогов дошло до возможного максимума. Вот тогда-то и пошли в ход идеи «прибыльщиков» о переходе от подворного к подушному обложению прямым налогом, что дало бы возможность резко увеличить число налогоплательщиков. В 1718 г. 28 ноября вышел указ о переписи всего податного мужского населения. С 1722 г. началась проверка результатов переписи — «ревизия». Она дала поразивший умы итог — было выявлено около 2 млн. душ мужского пола, не попавших в перепись. С тех пор и сами переписи стали назы-

вать «ревизиями». Общее число податного населения — 5,4 млн. душ мужского пола. На них был положен расход на армию и флот. В частности, в 1724 г. он составил 62,82% от всех расходов (6,24 млн. руб.). Весьма знаменательным было появление государственных расходов на школы, академии и медицину — 64,7 тыс. руб. (1%). В доходной части бюджета 1724 г. подушный налог составил 4,6 млн. руб. (54% всех доходов, равных 8,5 млн. руб.). Косвенные налоги составили 2,13 млн. руб. (24,9%). Монетная регалия — 2,5% всех доходов, пошлины — 1,8%. Но соляной доход был очень существенным — 7,76%. Особо следует отметить фактическое сокращение такого прямого налога, как ясак. Сумма его с конца XVII в. осталась почти неизменной (103 тыс. и 116 тыс. руб.). Однако учитывая, что реальная стоимость денег к концу первой четверти XVIII в. снизилась вдвое — вдвое снизились и ясачные платежи. Это еще раз подчеркивает своеобразие новой русской империи — коренная основная нация в ней находилась в положении гораздо худшем, чем окраинные народы. Отметим, что реальные доходы государства за период 1680—1724 гг. в постоянных ценах возросли с 24,9 до 76,7 млн. руб., т.е. в 3 раза.

Наконец, о налогах, придуманных «прибыльщиками» и собираемых провинциальными конторами. Всего их насчитывалось около 70 видов. Однако реальное значение для бюджета имели немногие.

Глава 4

Рождение петровской армии и флота

§ 1. Формирование новой армии

Мы уже говорили о том, что ядром будущей армии Петра I стали его потешные полки. В принципе же петровская армия практически рождалась в огне долгих лет Северной войны.

На основе опыта XVII столетия армия формировалась путем принудительного набора «даточных людей» из числа помещичьих крестьян, дворовых людей и городского посада.

Термин «рекрут» вместо «даточного человека» появился в 1705 г., с тех пор и наборы стали называться «рекрутскими». Всего за период с 1699 по 1725 г. было произведено 53 набора (21 основной и 32 дополнительных), и в армию взято в общей сложности 284 187 человек. Военная служба в то время была пожизненной и добровольцев было слишком мало. Поэтому наборы превращались в довольно жестокую экзекуцию. Рекрутов заковывали в кандалы и помещали в тюрьмы. Хотя в 1712 г. царь запретил заковывать рекрутов и помещать их в колодки, массовое бегство рекрутов заставляло это делать.

С годами к рекрутским наборам приспособились и крестьянские общины. Общинный сход, «лучшие люди» общины (старосты, десятские, сотские) норовили сплавить в рекруты наиболее строптивых членов общины, всякого рода смутьянов, буйных людей и т.п. В итоге в русскую армию попадал весьма своеобразный контингент, включавший в себя немало число отчаянно смелых, порывистых, незаурядных по характеру людей. Армейская муштра, бои и походы делали из них в конечном счете смелых и отличных воинов.

В 1708 г. Петр I довел число пехотных полков до 52-х, а кавалерийских — до 33-х. К 1725 г., т.е. уже после окончания Северной войны, полевая армия насчитывала всего 73 полка (около 130 832 человек). В первой четверти XVIII в. на вооружении пехоты состояла главным образом фузея (гладкоствольное семимлинейное ружье). По тем временам это было лучшее оружие, хотя реальная дистанция огня составляла всего 60 шагов (при общей дальности боя в 300 шагов). Фузея с 1704 г. была снабжена модернизированным штыком для рукопашного штыкового боя.

Важнейшим моментом организации новой армии были артиллерийские части. У пехоты — это легкие мортиры, пушки «калибром» (т.е. по весу ядра) в 3 фунта, в гренадерских ротах — тяжелые гранаты, а гаубицы и мортиры — у кавалерии. В полевой артиллерии к 1725 г. было 2620 человек. Два больших оружейных завода в Туле и Сестрорецке, два крупных пороховых завода в Петербурге и на Охте, а также большая группа железоплавильных комплексов в центре страны, на севере и на Урале вполне удовлетворяли нужду армии в оружии и боеприпасах. В сравнительно быстрое время государство наладило производство обмундирования для армии. Армия при Петре впервые имела единую форму (пехота — зеленые кафтаны и черные шляпы, кавалерия — синие кафтаны и черные шляпы).

Помимо полевой армии в стране была создана система разбросанных по селениям военных гарнизонов. В 1725 г. было 55 гарнизонных полков, состоящих из солдат и отчасти стрельцов, с общей численностью 74 127 человек. Гарнизонные полки имели мощные артиллерийские подразделения (2295 человек). В гарнизонах России к 1725 г., по данным И.К. Кирилова, было 9891 пушка и 788 мортир, считая мелких орудий и гаубиц. Такого мощного артиллерийского парка Россия никогда не знала (а ведь с учетом армейской артиллерии это составляло как минимум свыше 15 тыс. орудий). Российская армия стала одной из сильнейших в Европе.

Помимо регулярной армии в состав вооруженных сил входили и так называемые нерегулярные части. Это ландмилиция, слободские полки, формирования яицких, донских, гребенских казаков и частей казанских пригородов и сибирских городов. Численность нерегулярных войск доходила до 112,7 тыс. человек (не считая 30 тыс. калмыков). Всего под ружьем было свыше 339 тыс. человек. А ведь был еще и могучий флот.

В ходе военных действий обрелся опыт ведения войны и постепенно выявлялись основные принципы стратегии и тактики. В основе их был поиск момента и места для решающего удара по врагу, поиск момента для генерального сражения и активное маневрирование на всех участках войны. В господствующий в мире принцип линейной тактики ведения боя Петр внес решительные изменения, применяя и линейные, и двухлинейные боевые порядки, а иногда и более сложные построения. Причем важнейшим моментом сражения была огневая артиллерийская подготовка, а завершающим этапом — штыковой бой, которого обычно избегали наемные войска западных стран. Маневр в русской армии был лишь способом занять наиболее выгодную для боя позицию. Причем ключевую роль в маневрировании играла созданная Петром I легкая кавалерия (корволант).

Накопление опыта обучения войск и боевых действий отливало в форме уставов, инструкций и наставлений. Они стали появляться с первых же лет Северной войны («Строевое положение», «Краткое обыкновенное учение», «Учреждение к бою», «Для военной битвы правила» и др.). В составлении их непосредственное участие принимал царь. В 1716 г. был издан «Устав воинский», состоящий из трех книг. Огромное внимание в уставе уделено морально-нравственным

аспектам воспитания русского воина. «Всякий начальник человек и солдат, — говорилось в Уставе, — должен и обязан быть имеет товарища своего от неприятеля выручать, пушечный снаряд оборонять, и прапорец и знамя свое, елико возможно, боронить так, коль ему люб живот и честь его». Таковы лишь отдельные, весьма яркие положения, воспитывавшие ратный дух россиянина.

§ 2. Создание флота

Как уже говорилось, в конце 90-х годов XVII в. был создан внушительный азовский флот. С началом Северной войны необходимым стал и балтийский флот. В 1702—1704 гг. строительство кораблей развернулось сразу в нескольких местах: на реках Сясь, Свирь, Луга, Волхов, Ижора. Кроме семи фрегатов (первый из которых, «Штандарт», имел 28 орудий) было построено 91 судно. В конце 1704 г. созданная Петром на острове Котлин крепость имела уже более 70 орудий. К 1710 г. в состав флота на Балтике входило уже 12 линейных кораблей. Сильный флот ускорил взятие русскими войсками Выборга, Риги, Ревеля.

Новый этап резкой активизации в строительстве новых кораблей наступает в 1711—1713 гг. На русских верфях уже строили мощные 52- и даже 60-пушечные корабли. В 1714 г. русский флот одержал 27 июля крупную морскую победу над шведами у полуострова Гангут (Ханко). Победа позволила русскому флоту контролировать Аландские шхеры и побережье. Стремясь перенести войну на территорию врага, российский царь наращивал численность и мощных линейных кораблей и шхерного флота. Окончательное утверждение на Балтийском море может быть приурочено к победе у Гренгама 27 июля 1720 г. К моменту окончания войны Россия имела на Балтике 29 линейных кораблей, 6 фрегатов, 208 галер и другие суда. И после войны, постоянно наращивая численность кораблей, Россия имела на Балтике самый мощный флот.

Создание каспийского флота произошло уже в 20-е годы XVIII в. До этого времени в Астрахани были, главным образом, традиционные струги и бусы. К началу Каспийского похода 1722—1723 гг. у России было около 300 судов.

В первые годы создания русского флота помимо сложнейших экономических и технических проблем были огромные

трудности с кадрами для флота. Это ведь только поначалу можно было нанять 600 зарубежных моряков (в основном славяне) и переквалифицировать армейских гвардейцев в моряки. С 1705 г. начались наборы специально для флота. В дальнейшем до 1715 г. было 5 наборов, примерно по 1—1,5 тыс. человек каждый. Однако полностью комплектование флота стало реальностью только начиная с 1718 г.

В течение всех лет строительства флота разрабатывались его теоретико-организационные и военно-тактические основы. В 1706 г. появился «Артикул корабельный», в 1710 г. — Инструкция и артикулы военные Российскому флоту». В 1718—1722 гг. подготовлен фундаментальный «Устав морской» и «Регламент адмиралтейский», ставшие подлинным постижением русской военно-теоретической мысли, обобщением огромного боевого опыта Балтийского флота.

Важнейшим средством создания сильной и боеспособной армии и могучего флота было налаживание системы профессионального военного образования. Первой военной школой была бомбардирская школа при Преображенском полку (1698—1699). В 1701 г. открылась первая большая (на 300 человек) артиллерийская школа в Москве. В 1712 г. стала действовать артиллерийская школа в Петербурге. В 1721 г. там же открылась артиллерийская школа для кадровых артиллеристов. Были организованы и две военно-инженерные школы. Наконец, в 1721 г. для подготовки низшего командного состава (унтер-офицеров) была создана огромная сеть гарнизонных школ (число их достигало 50-ти).

Первое мореходное училище было организовано еще в 1698 г. в Азове. В 1701 г. в Москве открылась школа «математических и навигацких» наук, готовящая кадры и для армии, и для флота. Вначале она была рассчитана на 200, а с 1701 г. — уже на 500 человек. В 1715 г. стала действовать петербургская Морская академия офицерских кадров. В 1716 г. была организована так называемая гардемаринская рота. Разумеется, практиковались и командировки на учебу в страны Западной Европы (в Голландию, Францию, Италию и другие государства). В конечном итоге к 20-м годам Россия могла полностью обеспечивать и армию и флот своими кадрами морских, пехотных, артиллерийских и инженерных офицеров. В 1714 г. все иностранные офицеры, не выдержавшие экзамен, были уволены со службы. В 1720 г. Военная коллегия запретила принимать на службу офицеров из других государств. Правда, в 1722 г. в службу разрешено было при-

нимать лишь при условии, «что по смерти им здесь остануться».

§ 3. Волнения и восстания низов

Мятеж Астрахани. В первые годы петровских реформ, в наиболее тяжелое время Северной войны на народные массы свалились непосильные тяготы повинностей и налогов. Жестокая палочная дисциплина на крупных частных и казенных заводах и фабриках, пражеж налогов и мобилизации на службу в городе — все это то в одном, то в другом месте вызывало острое сопротивление народа, сопровождавшееся волнением или бунтом. В 90-х годах тяжесть служебных повинностей и неурядиц с выплатой жалованья вызвали волну беспорядков и острых восстаний во многих городах, крепостях и острогах Западной и Восточной Сибири.

В 1705 г. вспыхнуло восстание в Астрахани, крупном торговом пограничном городе с пестрым многонациональным населением. В нем жили индийские, армянские, бухарские, иранские купцы и ростовщики. Большое количество гулящих и беглых людей привлекали сюда обильные рыбные запасы Каспия и дельты Волги. В городе был и ряд небольших предприятий. Но как «украинный» город Астрахань имела немало стрельцких и солдатских формирований.

Воинское начальство, как и во многих местах России, отличалось жестокостью обращения с подчиненными, самовольно использовало солдат и стрельцов в своем хозяйстве. Воевода Ржевский был грубым самодуром, занимавшимся явным самоуправством. Злоупотребления офицерства, произвол и издевательства на фоне резкого увеличения количества налогов, стремительного роста цен закладывали основу для возмущения и беспорядков. Враждебные настроения против местной власти резко усилились среди стрельцов в связи с бесцеремонными акциями борьбы со старой русской одеждой, ношением бород. В довершение по городу внезапно пронесся нелепый слух о том, что все молодые женщины будут выданы замуж за иностранцев. В воскресенье 30 июля спешным образом было справлено 100 свадеб, и перепившиеся стрельцы ночью зазвонили в набатные колокола и начали расправу с начальным людом и иностранцами. Гнев восставших был настолько велик, что стрельцы убили и казнили в первый же день восстания (30 июля) около 300 человек (ко-

ндаширов полков, офицеров, приказное начальство и иностранцев и др.).

Во главе восстания стояли наиболее активные участники движения Григорий Артемьев, Гурий Агеев, Иван Шелудяк. Среди них были и стрельцкие богачи-старообрядцы (Яков Цетов и др.). Горожане в активности намного уступали стрельцам. Да и само движение преследовало главным образом стрельцкие интересы и цели. Высшим органом восставших был сход, или казачий круг. Исполнительную власть возглавила избранная сходом старшина. Были задействованы и все прежние органы городского управления. Восставшим удалось наладить жизнь города, собирались доходы от казенных заведений, с продажи соли, с таможен, налажена была полицейская служба, судебные разбирательства и т.д.

Однако стремление восставших привлечь к движению другие города Нижнего Поволжья и Дон потерпели неудачу.

Весть об астраханском восстании застала Петра I в тольском взятый русскими войсками Митаве. На другой же день (12 сентября) царь поручил подавить восстание наиболее авторитетному полководцу Б.П. Шереметеву. Вместе с тем Петр параллельно предпринимал попытки уладить конфликт мирным путем. Делегация астраханцев во главе с конным стрельцом И.Г. Кисельниковым встретилась с царем в Гродно 24 ноября. Петр снабдил его умиротворяющей грамотой, что в самой Астрахани вызвало у восставших некое раскаяние. Уже 13 января 1706 г. астраханцы целовали крест на верность царю. Однако фельдмаршал предпринял штурм Астрахани. Под следствием оказалось более 500 человек, в том числе 227 астраханских стрельцов, 174 — из других городов Нижневолжья и 120 солдат. Казнено было 314 человек, а 45 умерли под пытками.

Восстание Кондратия Булавина. Среди причин восстания, конечно же, было резкое ухудшение условий жизни («годы де ныне стали голодные, а подати с нас великие», «какой де это царь, мироед, выел свое царство все... и он де выел мирской корень»). Кроме того, немалую роль сыграло отчаяние тех, кто ушел на Дон в поисках воли. Дело в том, что после овладения Россией Азовом и строительства городов по Нижнему Дону и Приазовью органы сыска беглых стали активно прочесывать весь бассейн Дона, те места, где с конца XVII в. в вольных казачьих городках была принята в казачество масса новопришлых. Еще в 1684 г., готовя почву для войны с Османской империей и Крымом и беседа о том

с гетманом Иваном Самойловичем, умнейший дипломат, думный дяк Емельян Украинцев, по сути, предсказал будущее волнения на Дону: «Теперь многие люди ищут и желают службы, без войны жить не привыкли, а прокормиться им нечем. Донские казаки беспрестанно бьют челом великим государям, что у них река улюднела. Беспрестанно казаки думают о войне, без которой прокормиться им нечем. Если не послать их на войну, то надобно давать большое жалование. Если теперь службы (т.е. войны. — *Авт.*) не будет, то опасно от такого многолюдства, что ратные люди и донские казаки не начали какого-нибудь нового дела. Да и в малороссийских городах большое многолюдство, охочие и городовые полки желают службы. Чтоб они не встали и над тобою какого зла не сделали — подумайте об этом!» Так прониновенно говорил думный дяк войсковому гетману, прекрасно понимая экономические причины острых социальных противоречий в обществе и беды вспышек классовой борьбы.

Война с Турцией и Крымом и взятие Азова отодвинули опасность взрыва. Но в начале XVIII в. «река улюднела» хуже прежнего. Массы вольнопоселенцев, вчерашних крестьян, ощущали резкое ухудшение своего положения, ибо рыбные и иные угодья ограничены в своих возможностях. Им противостояла прослойка зажиточных казаков-старожильцев, сосредоточенных, в основном, в нижнем течении Дона, в районе казачьей столицы — Черкаска. Кроме того, в громаднейшем регионе возле Дона, включая воронежские и тамбовские уезды и Нижнее Поволжье, народ был доведен до критического состояния бесконечными мобилизациями на строительство воронежского, а потом азовского флота, стремительно растущим числом налогов, изобретаемых петровскими «прибыльщиками», и, конечно, жестким гнетом помещиков. Жизнь казаков резко изменилась, а тут еще угроза потери бород и старорусских кафтанов. Отсюда зрело острое желание вернуть старину, вернуть старое правило — «с Дона выдачи нет».

Когда с большой группой казаков в поисках беглых отряд гвардейского майора князя Ю.В. Долгорукого стал лагерем у Шульгина-городка, на него напал огнем и мечом прошедший по Дону бывший бахмутский «солеварный атаман» Кондратий Афанасьевич Булавин, родом из Трехизбянской станицы на Северском Донце. Отряд Долгорукого был уничтожен. Это было 9 октября 1707 года. Так начался первый этап

восстания. Однако довольно быстро войсковой атаман Лукьян Максимов с большим казачьим подразделением, отрядом из Азова и при поддержке калмыков разбил войско Булавина около городка Закотного. Мятежный атаман бежал в Запорожскую Сечь. Вскоре центром булавинских формирований становится Пристанский городок на р. Ворона. Отсюда во все концы Подонья, в Козловский и Тамбовский уезды полетели булавинские «прелестные письма» с призывом к восстанию и казаков и крестьян. Вскоре волнения охватили Тамбовский, Воронежский, Борисоглебский, Верхнеломовский, Нижнеломовский уезды. К апрелю 1708 г. восстание охватило Слободскую Украину.

Восставшие 9 апреля разбили казачье войско атамана Лукьяна Максимова, и 7 тыс. повстанцев двинулись на Черкасск, подойдя к нему 28 апреля. В самом Черкасске вспыхнул мятеж, и Булавин вошел в город, казнив Л. Максимова и ипать старшин. Раздав народу казну и понизив цены на хлеб, Булавин созвал казачий круг, где был избран войсковым атаманом. Но в Черкасске оказалось много лишь временно примкнувших к Булавину. Они только выжидали удобного для измены момента.

Тем временем восставшие разбились на ряд отрядов и начали походы на Изюм, где к ним присоединилось 1,5 тыс. запорожцев, к Саратову, где ими был взят Дмитриевск, и на Азов, куда направились основные силы во главе с Булавиным. Под Азовом восставшие потерпели неудачу и понесли большие потери. Еще до выхода из Черкаска сил Булавина на Азов в городе созрел заговор 30 знатных казаков. После возвращения Кондратия Булавина они напали на его курень и убили атамана 7 июля 1708 г.

Однако восстание продолжалось. Атаман И. Некрасов с казаками и атаман И. Павлов с голытьбой захватывали на Волге суда и двигались вверх по Волге к Среднему Поволжью, где действовали восставшие башкиры. Павлов осаждал Саратов, а Некрасов — Царицын, который был взят около 7 июня. Здесь вскоре узнали о гибели Булавина. Некрасов потом ушел в городок Голубые, а Павлов остался в Царицыне, где его разгромили войска полковника Левингстона, прибывшие из Астрахани. Вскоре Волга была очищена от повстанцев. Под Бахмутом были разбиты запорожцы. А брат убитого Ю. Долгорукого, тоже гвардейский майор В. Долгорукий, в июле 1708 г. начал наступление на Черкасск. Но новый войсковой атаман Зарыщиков со всей старшиной принес повин-

ную. 28 июля основная масса казаков целовала крест, а 20(ж) булавицев были казнены. Остатки повстанцев действовали еше на Средней и Нижней Волге вплоть до марта 1709 г.

Восстание К. Булавина было разгромлено на фоне продолжающихся то там, то здесь крестьянских выступлений и волнений. Они были в Смоленском, Дорогобужском, Вяземском, Переславль-Залесском, Тверском, Старицком, Новоторжском, Серпуховском, Тарусском, Каширском, Лухском, Кинешемском, Нижегородском, Костромском, Унженском, Галичском, Устюжском, Ярославском и других уездах. Крестьянскими волнениями в 1709—1710 гг. было охвачено около 60 уездов. Новые вспышки волнений были в 1719, 1720—1725 гг.

Излишне напоминать, что работные люди заводов и промышленных заведений, живя далеко не сладко, тоже поднимались на борьбу. Волновались и бунтовали в конце XVII в. и в 20-х годах XVIII в. приписные крестьяне Олонецких заводов. Летом 1703 г. были волнения в Кунгурском уезде. Острейшую борьбу вели работные люди московского Суконного и Хамовного дворов в 20-х годах XVIII в.

§ 4. Оппозиция в верхах. Трагедия царя и трагедия наследника

После массовых жесточайших казней московских стрельцов в самой столице сопротивление политике Петра I было надолго сломлено, если не считать дела «книгописца» Г. Талицкого, раскрытого летом 1700 г.

Бесперывно разъезжающий по стране царь-труженик с нарастающей тревогой обнаруживал духовный разлад в собственной семье. Неладное происходило с сыном от первого брака с Евдокией Лопухиной — Алексеем. Отец царь, не понимая шока, испытанного маленьким царевичем от насильственной разлуки с матерью, упрятанной в монастырь, все время требовал от сына «служения отечеству». Десять лет отец боролся за сына, проявляя порой грубую настойчивость. Все было напрасно, Алексей лишь норовил уклониться от всякого дела. Арифметику он одолел лишь к 18-ти годам, хотя свободно владел немецким и отчасти французским языками. Три года стажировки за рубежом знаний ему прибавили немного. Уже взрослому молодому человеку царь-отец

стался поручать ответственные дела (заготовка провианта в Смоленске, укрепление обороны Москвы и т.д.), но выполнял он их плохо и ничем не интересовался всерьез. Еще юношей он окружил себя «компанией» по образцу петровской «компании», стал пить, причем помногу. В окружении людей близких и глубоко враждебных делам царя-отца Алексей все более «радел» о старине. Отчужденность отца и сына нарастала год от года. Насильственная женитьба на брауншвейг-вольфенбюттельской принцессе Софье-Шарлотте, высокой, худой девице с оспинами на лице, ничего не изменила («жену мне на шею чертовку навязали»). К тому же принцесса умерла от родов через четыре года (1715). Сразу же после похорон царь-отец поставил в письме к сыну вопрос весьма круто: либо кардинально изменить поведение, либо постричься в монахи. Окружавшие Алексея в Петербурге «компанейцы» посоветовали податься в монахи, а там видно будет: «клубок не гвоздем к голове прибить».

Петр тяжело переживал безволие сына, тянул со своим решением и вновь пытался вразумить сына. Будучи в Копенгагене, он пригласил Алексея к себе, надеясь убедить сына переломить себя. Но окружение Алексея и прежде всего бывший главный интендант Адмиралтейства А.В. Кикин уговорили царевича использовать письменное приглашение в Копенгаген для бегства за рубеж (в Рим или Вену). Немалым стимулом к этому было желание Алексея сохранить любовную связь с крепостной Никифора Вяземского — Ефросиньей Федоровой. Кикин подготовил побег, и 10 ноября 1716 г. в дом вице-канцлера венского двора Шенборна вошел русский царевич и заявил, что «император должен спасти» его и что он хочет царствовать.

Тем временем в Копенгагене Петр так и не дождался исчезнувшего сына. Начался долгий розыск, и только в марте 1717 г. порученцы Петра установили, что Алексей находится в Эренберге. Однако на запрос Петра Карлу VI положительного ответа не получили. Предстояла сложная дипломатическая борьба с венским двором, который намеревался в защиту Алексея объединиться с Англией.

Австрийцы перевели царевича в Неаполь, где и содержали под видом важного государственного преступника. Они даже инспирировали письменные обращения Алексея к российскому Сенату и архиереям. Это была уже серьезная, враждебная России акция.

Убедившись в лояльном отношении к себе со стороны Франции и отчасти Англии, Петр посылает в Вену П.А. Толстого и гвардейца А.И. Румянцева с жестким приказом вернуть Алексея в Россию. В Вене отказали требованиям Петра выдать Алексея, но, однако, П.А. Толстому разрешили вступить в переговоры с беглым царевичем. В долгих многоточных переговорах Толстой проявил недюжинную изворотливость и настойчивость. Он пошатнул уверенность Алексея в прочности австрийской опеки, при этом, видимо, сумел также склонить на свою сторону девицу Ефросинью. В итоге 3 октября 1717 г. Алексей объявил о согласии вернуться в Россию, где уже велась подготовка суда над ним. 3 февраля 1718 г. царевич въехал в первопрестольную Москву.

Следствие над царевичем и розыск по делу о его матери были масштабными мероприятиями. В состав суда было назначено 127 человек. На первой встрече царя с беглым сыном царевич умолял о прощении и о даровании ему жизни. Царь же потребовал отречения, на что царевич тут же согласился и подписал присягу новому наследнику (Петру Петровичу).

Получив от сына сведения о сообщниках, Петр возглавил следствие. Сразу же было взято под стражу 50 человек. Среди них были А.В. Кикин, И. Афанасьев, сенатор Михаил Самарин, шурин царя по первой жене Авраамий Лопухин, сибирский царевич Василий, брат адмирала Апраксина Петр Апраксин, князь Василий Долгорукий и много других известных стране лиц. Допросы и пытки выявили, что Алексей открыл отцу едва ли половину своих замыслов. Тут же в Москве произведены были первые казни. А.В. Кикина колесовали, причем руки и ноги отрубали в замедленном темпе, голову водрузили на кол.

18 марта весь двор отправился в Петербург. Там были продолжены следствие и суд. Причем, как пишет Н.И. Павленко, теперь уже все дело было передано в руки «вернолюбивых господ министров, Сената и стана воинского и гражданского». Поступая так, Петр был предельно честным и проявлял величайшее мужество: «Я с клятвою суда Божия письменно обещал оному своему сыну прощение..., ежели истину скажет, хотя он сие и нарушил...». Обращаясь к духовенству, Петр сказал: «Смотрите, как зачерствело его сердце... Соберитесь после моего ухода, спросите свою совесть, право и справедливость, и представьте... ваше мнение о наказании... Я прошу вас не обращать внимания ни на личность, ни на общественное положение виновного... и прои-

звести ваш приговор над ним по совести и законам. Но вместе с тем я прошу также, чтоб приговор ваш был умерен, и милосерден...». 14 июня царевич перевели в Петропавловскую крепость. Начались средневековые жестокие пытки. На первом допросе был отец, а также А.Д. Меншиков, Я.Ф. Долгорукий, Ф.М. Апраксин, П.А. Толстой, П.П. Шафиров и др. Царевичу дали 25 ударов. Эзекуция длилась один час. Спустя 10 дней был объявлен приговор, скрепленный 127-ю подписями: царевич достоин смерти и как сын и как подданный. Церковные иерархи от категоричности уклонились. Однако приговор не был приведен в исполнение. Царевич, не выдержав пыток и стресса, умер 26 июня пополудни в 7-м часу.

Так завершилась великая трагедия царя-преобразователя, положившего на алтарь Отечества всего себя, без малейшего остатка, не остановившегося даже перед нетленными отношениями отцовства.

Суздальский розыск подтвердил догадки царя о связях петербургских сторонников царевича с окружением его матери, хотя причастность самой Евдокии доказана не была. Главный грех бывшей царицы — блуд с неким капитаном Степаном Глебовым — был доказан неопровержимо. Глебова посадили на кол. Бывшую царицу на этот раз по-настоящему сделали монахиней, сослав в Ново-Ладожский монастырь. Оттуда она была освобождена лишь при царствующем внуке Петре II в 1727 г.

Глава 5

Война и дипломатия после Полтавы. Ништадтский мир

§ 1. Итоги Полтавы и присоединение Прибалтики и Карелии

Полтавская виктория кардинально изменила международное положение России. В Польше сразу же укрепилось положение Августа II, а Станислав Лещинский вынужден

был бежать. В Торуне в октябре 1709 г. Петр I заключил с Августом II новый оборонительно-наступательный договор против Швеции и шведского ставленника С. Лещинского. Между прочим, был заключен и тайный артикул о разделе Прибалтики. По нему к России отходила не только Ингрия, но и Эстляндия с Ревелем. Польше же, точнее, Августу II как саксонскому курфюрсту, доставалась Лифляндия.

Резко изменила свою позицию Дания, пойдя на открытый союзный договор с Россией (11 октября 1709 г.). Причем без всякой военной и финансовой помощи. Таким образом, Северный союз был восстановлен. Больше того, 21 октября 1709 г. был совершен оборонительный договор с Пруссией. После конца войны за «испанское наследство» Пруссия сулила Северному союзу еще более тесное сотрудничество. Наконец, 3 июля 1710 г. Россией была заключена на 12 лет конвенция с Ганновером, что тогда казалось очень важным ввиду перспектив курфюрста Ганновера стать королем Англии.

Французское правительство тоже стало искать пути сближения с Россией. Оно было готово даже уговорить султана на проход русских через проливы в Средиземное море. Наконец, даже Турция, пусть на короткое время, была под впечатлением Полтавской виктории.

В весьма невыгодном положении очутились Голландия и Англия, не приняв на себя посредничество в замирении Швеции и России. Да и победа России не соответствовала интересам этих держав. Поэтому их дальнейшие усилия были направлены лишь на срыв мира России и Швеции.

Между тем Б.П. Шереметев по приказу Петра осадил Ригу, а войска А.Д. Меншикова устремились в Польшу. Быстрые и энергичные боевые действия русских войск в 1710 г. привели к целому ряду побед над шведами. В руки победителей перешли такие крупные крепости, как Ревель, Выборг, Рига, Пернов и Кексгольм. К осени 1710 г. Эстляндия, Лифляндия и Карелия были освобождены от шведских войск. Поскольку политика изъятия имений немецких баронов в шведскую казну, реализованная в конце XVII в., вызвала сильное недовольство господствующих слоев Прибалтики, а тяготы шведско-русской и шведско-польской войн разорили крестьян, то антишведские настроения прибалтийско-немецкого дворянства к моменту изгнания шведов были очень сильны. А крестьянство даже оказывало русским войскам поддержку. Россия же вернула редуцированные имения, вос-

становила сословные учреждения дворянства. На российской военной и гражданской службе охотно пошло местное дворянство.

Успехи русских войск способствовали резкому усилению влияния России в Курляндии, что закреплено было браком герцога Фридриха-Вильгельма с племянницей Петра I Анной Иоанновной.

§ 2. Война с Турцией

Эйфория побед на Балтике сменилась новой военной грозой на юге России. Турецкие правящие круги и крымский хан желали взять реванш за поражение в годы Азовских походов. Немалые усилия прилагал к этому и Карл XII, находившийся в Турции. Приложили здесь руку и Франция, и Англия, да и Австрия, и Венеция... Ведь никто не хотел видеть Россию сильной. Осенью 1710 г. Турция объявила России войну, а российский посол П.А. Толстой был посажен в турецкую тюрьму.

Готовясь к войне, российское командование сделало все, чтобы не допустить прорыва Карла XII в Польшу, а турецких войск — в Заднепровскую Украину.

В январе 1711 г. стремительный рейд крымского хана к Харькову был отбит, как разбиты были силы поляков, татар и части запорожцев в Правобережной Украине.

Рассчитывая на обещанную помощь валашского господаря Бранкована, молдавского господаря Д. Кантемира, на помощь австрийских сербов и Августа II (а это в общей сложности более 80 тыс. человек), русская армия устремилась к югу, рассчитывая, что полки Б.П. Шереметева к 15 мая из-под Риги будут у Днестра. Начался печально знаменитый Прутский поход. Однако все планы рухнули. Шереметев опоздал почти на 2 недели, а 120-тысячная турецкая армия в конце мая уже построила через Дунай мосты. Бранкован же выдал русские планы визирю и не пропустил через свои земли отряды сербов. Дмитрий Кантемир пришел к Шереметеву лишь с небольшим отрядом, а Август II не прислал никого. Столь неблагоприятную ситуацию усугубила ошибка Б.П. Шереметева, который не выполнил приказ Петра I отправить главные силы у Днестра и стремительным броском 15-тысячного соединения пытался предупредить появление турок у Дуная. Узнав, что турки уже на Дунае, Шереметев

медленно двинулся вниз вдоль Прута. Вместо Шереметева Петр все же посылает к Дунаю конный корпус Ренне, а главные силы русских концентрируются на Днестре возле Сорочин (лишь к началу июня (12 июня был только сооружен мост через Днестр).

Таким образом, русские войска потеряли выигрыш и во времени, и в маневре. Тем не менее Петр посылает от Сорочин к Пруту по уже выжженным голым степям главные силы армии. Это было страшное испытание, так как в голой степи не было ни капли воды. Как пишет Н.И. Павленко, «у солдат от действия жажды из носу, из глаз и ушей шла кровь». Дойдя до воды, «многие опивались ею и умирали». 29 июня войска, сделав мост, потянулись на правый берег. Войдя в Яссы, они не обнаружили обещанный Д. Кантемиром провиант (в то лето был сильный неурожай). А ведь хлеба не было уже на подходе к Днестру. Молдавский господарь все же умудрился поставить русским войскам мясо, но хлеба так и не было. Движение вниз по течению Прута было продолжено. Но, не попав на Дунай, русские лишили себя поддержки славянских народов. Роковую же роль сыграло отсутствие должной разведки. Соединившиеся вместе войска Репнина, Вейде и Шереметева, численностью в 38 тыс. человек, 8 июля обнаружили себя окруженными огромными силами врага (100—120 тыс. человек). 9 июля началось сражение. Вместе с тем в стане врага не было согласия. Утром 10 июля янычары отказались идти в бой. Начались переговоры. Наконец, 11 июля из лагеря турок вернулся П.П. Шафиров и доложил Петру I о заключенном мире.

Мир, подписанный Шафировым и визирем, предписывал возврат туркам Азова, разрушение Таганрога, Каменного затона. Россия отныне не должна была вмешиваться в проблемы Польши и обязалась пропустить Карла XII в Швецию (что только разъярило шведского короля).

В целом трагическая неудача Петра I в Прутском походе обошлась России минимумом потерь да сдачей Турции двух заложников (П.П. Шафирова и сына Б.П. Шереметева Михаила). Правда, многочисленные сбои в армейском механизме Петр стал лечить весьма кардинально: число иностранцев в полках было ограничено одной третью, а в дальнейшем подозрительность к ним резко возросла.

Турция еще дважды (в конце 1711 г. и в конце 1712 г.) пыталась объявить России войну, и лишь в 1713 г. был под-

писан Адрианопольский мир, подтвердивший условия мира на Пруте

§ 3. К господству на море

Пока шла война с османами, русские дипломаты в Европе в середине августа добились от Англии и Голландии согласия на возможность ввода русских войск в Померанию для действий в германских владениях Швеции. Еще в конце мая 1711 г. была достигнута договоренность с Августом II о совместных действиях в Померании. Реальные военные действия начались лишь в июне 1712 г. с блокады Штеттина и Штральзунда. После разгрома шведов русскими при Фридрихштадте и капитуляции шведов, укрывшихся в Тонингене, армия А.Д. Меншикова вернулась на восток. Из-за несогласия союзников «компания пропала даром». За всем этим в большинстве случаев стояла Англия и отчасти Голландия. Морские державы никак не хотели пускать Россию на Балтику, а России крайне необходимы были незамерзающие порты.

В марте 1713 г. Утрехтским миром был положен конец войне за «испанское наследство». Казалось бы, угроза создания новой антирусской коалиции вполне реальна. Однако попытки Англии поднять против России Голландию, Пруссию и Австрию провалились. Наоборот, в июне 1714 г. Россия заключила с Пруссией договор о союзе и гарантиях (Пруссия гарантирован Штеттин, а России — Ингрия, Карелия, Эстляндия с Ревелем и в перспективе новые захваты у Швеции).

Все это позволило России сосредоточить свои действия в Финляндии, подготовив для этого специальный галерный флот (около 200 единиц). В ходе этих действий русские войска заняли Гельсингфорс, а вскоре и город Ваза, и, таким образом, все важнейшие опорные пункты на восточном побережье Ботнического залива были к началу 1714 г. в руках России.

На следующем этапе войны решающие действия были за флотом, поскольку предстояло еще раз атаковать Або и Аландские острова. Шведская эскадра (17 линейных кораблей, 5 фрегатов и более десятка других кораблей) стояла у мыса Гангут. Русские же решили применить галерный флот, стоявший в бухте Твереминде. Перехитрив шведов, русские заблокировали в шхерах часть шведского флота. Трехчасо-

вое ожесточенное сражение окончилось победой русского флота (27 июля 1714 г.). 3 августа российские войска заняли Або. За ним последовал Умео.

В итоге кампании 1714 г. не только Финляндия, но и все южное побережье Балтики было освобождено от шведов. Уже в 1713 г. указом Петра I вся архангельская торговля была переведена в Петербург. «Окно в Европу» стало действовать при продолжающемся сопротивлении Карла XII, захватывающего голландские и английские корабли на Балтике. Им в 1715 г. был издан «Каперский устав», открывший войну против всех нешведских торговых судов. В ответ Англия направила свой флот на Балтику, а в октябре 1715 г. был заключен союз между Петром I и новым английским королем Георгом I (ганноверским курфюрстом) ценой согласия России на захват последним герцогств Бремен и Верден. В итоге этого доброжелательства России, несмотря на привлечение к Северному союзу Пруссии и Ганновера, уже с конца 1716 г. определился резкий поворот Англии к открытой вражде с Россией (резервы курфюрста были исчерпаны, он уже отражал интересы Англии).

§ 4. Завершение Северной войны

1716 год, казалось, был годом максимального успеха войны и политики России. К завоеванным территориям прибавились Финляндия, Курляндия, Данциг. Войска России были в бывшей шведской Померании, в Дании. Одно время соединенная эскадра России, Дании, Англии и Голландии была под командованием самого Петра I. Однако усилиями Англии Северный союз снова распался. Данию толкали к нападению на русских. Георг I сам отдал приказ адмиралу Норрису напасть на русский флот и войска (правда, адмирал не выполнил его). Пожалуй, лишь Пруссия была за сохранение русских войск в Мекленбурге и Империи. К сближению с Россией стремилась и Франция. 15 августа 1717 г. в Амстердаме был заключен договор России, Франции и Пруссии, дававший гарантию существующих владений заинтересованных сторон.

Изменение политики Франции заставило Карла XII пойти на переговоры с Россией. 10 мая 1718 г. был открыт Аландский конгресс. К осени державы вроде бы договорились. Тем не менее шведы тянули время, пока неожиданно все не обор-

отилось: 30 ноября 1718 г. при осаде норвежской крепости Або убит Карл XII, а вслед за этим глава шведской делегации на конгрессе Герц был арестован и казнен.

Тем временем в Европе против русских заключили договоры Георг I, Август II и Австрия. В дипломатических борениях прошел весь 1719 г., продолжались и аландские переговоры. Англия добивалась уступок от Швеции и в августе 1719 г. заключила с ней договор. Так был положен конец Аландскому конгрессу. Английская эскадра Норриса вошла в Балтийское море.

На этом фоне заключение с Портой в ноябре 1720 г. вечного мира было явным успехом России. А сближение с Францией и мирное сотрудничество с Голландией внушали России новые надежды. Пруссия и Польша заняли по отношению к России весьма осторожную позицию, хотя в июне 1720 г. Пруссия заключила договор со Швецией. С военной точки зрения 1720 год был для России успешным. Десанты на западном побережье Ботнического залива разгромили шведские гарнизоны, напали на Умео и ряд иных пунктов. А 27 июля 1720 г. российский флот одержал блестящую победу над шведами при Гренгаме, захватив 4 фрегата, 104 пушки, 407 пленных. Английский флот, будучи в Балтийском море, не рискнул предотвратить поражение шведов. Российский флот на Балтике сохранял свою грозную силу.

С этого момента шведы, в конце концов, решились на мирные переговоры. На них решено было собраться в г. Ништадт (Финляндия). Конгресс открылся в конце апреля 1721 г., но война не прекратилась. В 1721 г. новый 5-тысячный десант под командованием П. Ласси вторгся в шведские земли, пройдя по ним около 300 км. Английский флот вновь попытался сразиться с русскими. После четырехмесячных переговоров мир со Швецией был заключен 30 августа 1721 г. Швеция уступила России в «совершенное непрекословное и вечное владение и собственность Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с Выборгом и его округом, с городами Ригою, Динамюндом, Перновом, Ревелем, Дерптом, Нарвою, Кексгольмом и с островами Эзелем, Даго и Меном и всеми другими землями от курляндской границы до Выборга».

Россия в итоге долгой и мучительной войны заняла важнейшее место в Европе, а положение морской державы способствовало развитию ее экономики.

§ 5. Каспийский поход

После 1721 г. и мира со Швецией внешняя политика Петра I обретает уже черты имперской. Расширяя круг своих экономических интересов, российское правительство пыталось найти торговый путь в далекую Индию. Россия стремилась установить более тесные связи со Средней Азией. Однако экспедиция А. Бековича-Черкасского была уничтожена хивинцами. Пристальный интерес проявляла Россия к ситуации в Закавказье и Иране. Власть Сефевидов переживала острый кризис, что ослабило Иран и создало угрозу свержения династии и нападения соседей. Еще в 1717 г. в Иран направлен был в качестве посла Артемий Волинский с задачей налаживания торговли с Ираном и Индией. От зорких глаз посла не ускользнули все признаки кризиса власти в стране, что рождало идеи присоединения к России смежных с ней территорий, подвластных Ирану. А. Волинским был заключен торговый договор, по которому российские купцы получили свободу закупки шелка-сырца.

Тем временем в Иране восстали афганцы, шахский престол захватил афганец Мир-Махмуд. В Ширване и Дагестане вспыхнули протурецкие восстания. С падением шаха Хоссейна Османская империя стремилась к захвату всего Ирана, а это создавало еще более серьезную угрозу российским интересам в Закавказье, где ждали помощи России армяне и грузины, а также на побережье Каспия.

В этих условиях Россия предприняла дипломатический нажим, потребовав от Турции отказа от претензий на владение Закавказьем. Зрела война. Для похода в Иран была снаряжена 46-тысячная армия и создана каспийская флотилия. Поход начался летом 1722 г. Вскоре русские войска заняли все западное побережье и юг Каспия, включая Решт. Тем временем турецкая армия захватила Грузию. Это сделало сына свергнутого шаха Хоссейна Тахмаспа согласным на все условия России. Его посол заключил в Петербурге союзный договор (12 сентября 1723 г.), по которому русские принимали участие в отражении афганцев, получая взамен провинции Дагестан, Ширван, Гилян, Мазендаран, Астрабад с городами Баку и Дербент.

Это создало угрозу новой русско-турецкой войны. Однако в июне 1724 г. удалось заключить в Константинополе русско-турецкий договор. Державы сошлись на том, что Грузия

и Армения оставались у Турции, но Россия получала западное побережье Каспия, хотя и очень ненадолго. Для прочных успехов на южных границах у России было слишком мало сил.

Глава 6

Ломка старых традиций и зарождение новой культуры

§ 1. Политические идеи. Инициативы. Проекты

Крутые реформы в широких массах крестьян вызвали глухое брожение, ропот и недовольство. Русские бабы говорили о Петре: «Какой он царь? Он крестьян разорил с домами, мужей наших побрал в солдаты, а нас с детьми осиротил и заставил плакать век». И это все было правдой. Не случайно, что булавинские «прелестные письма» находили широкий отклик в крестьянстве, несмотря на то, что основные требования восставших отражали чисто казацкие интересы.

Естественно, такой образ мыслей властями отнюдь не поощрялся и свидетельств подобных рассуждений сохранилось очень мало. Но главное, что такие мысли не были единственными. Реформы в целом все-таки отражали общую заинтересованность общества в прогрессе. Поэтому в той же народной памяти сохранились и иные аспекты духовной жизни крестьян. Это циклы песен о Полтавской победе, о Ладожском канале, стоившем тысяч крестьянских жизней, различного рода «плачи», в том числе о «царе» и т.п.

Представителей более состоятельных слоев общества обуревали иные идеи, идеи преуспевания государства. До нас дошли подобного рода проекты, связанные с именами Федора Степановича Салтыкова и Ивана Тихоновича Посошкова. Первый был дворянином, активным деятелем петровских преобразований. Второй был из дворцовых крестьян, человек, сменивший много видов занятий, ставший купцом-вино-

торговцем, владельцем винокурни, обладателем крепостных душ.

Будучи в Англии с поручением закупки для флота кораблей, Ф.С. Салтыков создает два трактата о реформах: «Про позиция» (1713) и «Изъявления, прибыточные государству» (1714). Идеи прожектера были весьма близкими реальным мерам Петра I и носили подражательный характер. Он выступал за устройство мануфактур. Он сторонник устройства купеческих компаний, расширения экспорта и сокращения импорта. В ряде случаев он предвосхищал и реальные реформы (идея о должности референдаря и государственного регента при Сенате, что потом было реализовано в виде поста генерал-прокурора, идея введения майората, идея введения гербов и чинов, идея монополии купечества на торги и промыслы). Салтыков выдвинул предложение об экспедиции вдоль побережья Ледовитого океана с целью выяснения «есть ли проход до Китая и Японии». С его именем связана идея экспедиций в Среднюю Азию и на Дальний Восток. Важны были рассуждения Салтыкова об организации губернских учебных заведений, губернских библиотек.

Другой идеолог, Иван Тихонович Посошков, создал несколько проектов — «Письмо о денежном деле» и «О ратном поведении» (1701), «Зеркало очевидное» (1708), «Завещание отеческое сыну» (1719), «Книга о скудости и богатстве» (1724) и др. Важнейший из них, «Книга о скудости и богатстве», представляет собой интереснейшее разноплановое сочинение, отстаивающее идеи меркантилизма. Посошков считал, что избавить страну от бедности следует реформой управления. Для этого от всех сословий необходимо избрать выборных для создания единого свода законов — нового Уложения, а само Уложение подвергнуть одобрению народа «самым полным голосом». Посошков выступал за точную фиксацию в законе размеров крестьянских повинностей, придавал огромное значение купечеству, которому только и должно принадлежать право на торговлю. Публицист предлагал даже создать единую купеческую организацию, резко сократить импорт, а экспорт — увеличить. Для этого необходимо форсировать строительство фабрик и заводов. Посошков выдвинул идею всеобщего обязательного обучения.

Однако власти страны с подозрением отнеслись к проектам всеобщего «народосоветия», ограничения эксплуатации крестьян, привлечения их к участию в законодательстве. В результате Посошков был в августе 1726 г. схвачен Тайной

канцелярией и в конечном счете умер через полгода в камере Петропавловской крепости. Познакомили ли Петра с «Книгой о скудости и богатстве» — неизвестно (опубликована она впервые в 1842 г., но, в частности, М.В. Ломоносов был с ней знаком и распорядился снять с нее копию).

Крупнейшим идеологом петровской эпохи заслуженно считается Феофан Прокопович. Подлинное имя его Елеазар, а Феофаном Прокоповичем он стал в память своего дяди, которому сирота Елеазар обязан решающей помощью в жизни. Феофан смолоду был далеко не ординарным человеком. Окончив Киевскую духовную академию, он вдруг становится учеником и перебирается на учебу в Польшу, а потом и в Рим, в иезуитскую школу, принимает монашество. Однако глубокое знание католицизма порождает в Ф. Прокоповиче неодолимое желание возврата в православие. В Киеве он становится в 1704 г. преподавателем духовной академии, с 1711 г. — ее ректор. Там же, в Киеве на торжественной церемонии встречи победителей Полтавской битвы он, как истинный россиянин, произнес яркую, вдохновенную проповедь и вызвал восторг царя, распорядившегося опубликовать эту речь Ф. Прокоповича. Вскоре, учреждая Синод, царь назначает Ф. Прокоповича его вице-президентом. В 1713 г. Прокопович завершает исторический труд «История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской битвы». Наиболее известны два политических сочинения Ф. Прокоповича — «Духовный регламент» и «Правда воли монаршей». В них он обосновывает монархическую систему правления как наиболее целесообразный тип государства в России.

В «Духовном регламенте» основная идея состоит в отстаивании приоритета светской власти над духовной. Идея независимости церкви от государства — это явный католицизм, «папешский дух». Обосновывая замену патриаршества Синодом, Прокопович подробно останавливается на достоинствах коллегиального управления церковью, отвечающего принципам «соборного правления».

«Правда воли монаршей», как и «Духовный регламент», написана по поручению Петра I для обоснования указа 1722 г. об изменении принципа престолонаследия. Однако Ф. Прокопович ставит вопрос шире и рассматривает такие формы правления, как «народодержавство», при котором важнейшие вопросы решаются «согласием всех жителей», и аристократия, когда «несколько избранных мужей сословием правится отечество». В «Правде воли монаршей» отстаива-

ется идея наследственной монархии, где престол завещивается наследнику независимо от степени родства.

В первые десятилетия правления Петра I нередки случаи антипетровской пропаганды под знаменем апокалиптических идей пришествия Антихриста. В ответ на них появилось обширное сочинение рязанского митрополита и мученика патриаршего престола Стефана Яворского «Знамение пришествия антихриста и кончины века». Вместе с тем сам С. Яворский был противником петровских преобразований. В 1712 г. в Успенском соборе Москвы он многозначительно назвал царевича Алексея «единою нашею надеждою». С. Яворский стал автором и другого богословского полемического сочинения — «Камень веры», в котором остро критиковал лютеранство и его последователя в России Дмитрия Тверитинова.

§ 2. Просвещение и наука

Петр I заставил российское дворянство учиться. И это его величайшее достижение.

В течение первой четверти XVIII в. была создана целая сеть школ начального обучения. Прежде всего это цифирные школы, первоначально предназначенные для дворянских, приказных, дьяческих и подьяческих детей 10—15 лет. К концу первой четверти XVIII в. открыто было 42 таких школы, главным образом, в провинциальных городах. Но уже в 1727 г. их число сократилось до 27. Ведало ими Адмиралтейство, а учились уже только дьяческие и подьяческие дети. Широкое распространение получили епархиальные школы для детей представителей духовенства, начало которым было положено еще в XVII в. По Духовному регламенту такие школы стали в епархиях обязательными для подготовки «лучшего и исправного священства». К концу правления Петра I число таких школ достигло 46. Наконец, среди школ начального обучения заметное место заняли и гарнизонные школы для солдатских детей.

Особое значение приобрели специальные школы, дававшие молодым людям профессию в области промышленности. В 1716 г. появилась горная школа при Олонецких заводах. В 1721 г. была учреждена школа для будущих канцелярских служащих. По инициативе В.Н. Татищева при уральских заводах основали школы для детей мастеровых и подьячих (Ут-

рва и Кунгурская школы). В начале XVIII в. при Посольском приказе была открыта школа переводчиков.

Особую группу учебных заведений составляли школы, готовящие высокообразованные кадры духовенства. Прежде всего это Славяно-греко-латинская академия в Москве, основанная еще в XVII в. Переданная в 1727 г. Синоду, она теперь именуется теперь «школами», первая из которых Славяно-латинская. В 1727 г. в ней было 357 учеников. Вторая — Славяно-российская (143 ученика), а третья — Еллино-греческая (41 ученик). Последняя школа при Стефане Яворском была ущемлена и едва сохранялась. Другим крупным центром духовного образования был Киев, где на Подоле, в Братском монастыре действовала Киево-Могилянская академия. В 1727 г. в ней училось более 500 человек (малороссы, великороссы и «ис Польши»).

Наконец, самыми важными в системе петровского просвещения были технические специальные учебные заведения. Самая известная из них — Навигацкая школа в Москве. В нее принимали детей от 12 до 17, а позже и до 20 лет. Приготовишки учили в двух классах русскую грамоту и арифметику. Потом — геометрию, тригонометрию с приложениями в геодезии, астрономии, навигации и мореплавании. В числе предметов были живопись и «рапирное дело». Из Навигацкой школы вышли сотни инженеров, мореходов, гидрографов, топографов, бомбардиров и т.п. Вскоре подобные школы были открыты в Ревеле, Нарве и Новгороде.

В 1715 г. указом царя в Петербурге была основана Морская академия. Штат ее (305 учеников) был укомплектован из учеников Навигацкой школы, а также из Новгородской и Нарвской навигацких школ. Учились там в основном дети из знатных семей от 10 до 18 лет. Среди специальных предметов были навигация, фортификация, артиллерийское, мушкетное дело и т.п. Главное же, здесь учили кораблестроению. Как и в Навигацкой школе, в Морской академии первое время основными учителями были иностранные профессора. В Навигацкой школе долгое время работал Магницкий, автор известнейшего учебника «Арифметика». Авторами ряда учебников были также В. Куприянов («Новый способ арифметики»), Г. Скорняков-Писарев («Наука статическая или механика»). Но, конечно, основная масса учебников была либо переводами, либо результатом работ иностранных педагогов.

В 1701 г. в Москве на новом Пушечном дворе было построено «построить деревянные школы». Это была Артиллерийская школа, куда сразу же набрали 180 учеников. В 1712 г. в Москве стала действовать Инженерная школа, а в Петербурге в 1719 г. соответственно — Инженерная рота, куда принимали окончивших Инженерную школу. Наконец в 1707 г. в Москве было открыто Медицинское училище (сражались против Немецкой слободы).

Помимо учебников стали издаваться книги по естественному и техническому знанию. Это работы по астрономии, гидростроительству, медицине, фортификации, артиллерии, мореплаванию, кораблестроению, архитектуре. Появились книги и по гуманитарному знанию. Огромное значение в деле просвещения имела реформа гражданского шрифта. Словолитопись Михаила Ефремова создал первые образцы букв гражданского шрифта. Окончательный их выбор (как и арабских цифр) был сделан в 1710 г. самим Петром I. Столь радикальная реформа способствовала более массовому потреблению книжной и печатной продукции. Книги по истории («Синописис» И. Гизели, «Введение в историю европейскую» С. Пуффендорфа, «Феатрон» Стратемила и др.), переводы античных авторов (Иосифа Флавия, Юлия Цезаря, Эзопа, Овидия и др.) печатались тиражом не 200—500 экземпляров, а во много раз больше. Огромное значение имело издание печатной газеты «Ведомости», тираж которой первые годы колебался от 100 до 2500 экземпляров. Главной типографией страны был Московский печатный двор.

Наука в петровское время прежде всего развивалась нуждами практики. Истощение пушных богатств освоенной в XVII в. части Сибири (соболя практически выбили) заставило русских людей искать новые земли, новые пушные и рыбные запасы. Одновременно велись и поиски новых путей в далекие восточные страны. Так, уже с XVII в. российские землепроходцы подбирались к Камчатке. В конце века это были Морозко Старицын и Владимир Атласов, собравший огромный материал и летом 1699 г. построивший Нижне-Камчатский острог. В 1716 г. на Камчатку была предпринята первая морская экспедиция. В 1711 г. были разведаны Курилы и составлен чертеж всей Курильской гряды. В 1711 г. у чукчей Анадыри были получены первые сведения о земле за проливом (первые сведения об Америке). В 1719 г. экспедиции И. Евреинова и Ф. Лужина поручили узнать, «сошлись ли Америка с Азией». В 1720—1724 гг. экспедиция Д. Мес-

серина дошла до Лены и Забайкалья. В 1714 г. была начата подготовка экспедиции А. Бековича-Черкасского в Индию и Бухару для поиска путей в Индию. В 1718 г. через Кавказ в Персию в Бухару отправился Ф. Беневенни, а в 1716 г. — Гурьев доставил материалы о Хиве, Бухаре и старом русле Аму-Дарьи. В 1722—1724 гг. Иван Унковский с казаками описал земли по р. Или и оз. Иссык-Куль. Начато изучение земель возле р. Терек и т.п.

Итогом многих экспедиций было составление географических карт (например, «Большой чертеж» Сибири С. Ремизова). В 20-е годы шла огромная работа по подготовке «Атласа Всероссийской империи» И.К. Кирилова. Соимонов и Вердан составили карту Каспийского моря и т.д.

Набывалого размаха в петровский период достигли геологические разыскания. За 1700—1711 гг. в Европейской России было открыто 121 рудное месторождение. Среди них много месторождений железа, меди, серебра, угля, серы, нефти и т.п.

Большие успехи были в развитии практической механики. Это оригинальный оружейный завод по проекту М.В. Сидорова, машина Якова Батищева по обработке ружейных стволов и машины дляковки ствольных досок. Это изобретение выполняющимся русским механиком Андреем Нартовым токарных, токарно-копировальных, зуборезных и винторезных станков, а также создание самоходного суппорта. Несмотря на то, что это были выдающиеся изобретения, общий технический уровень западных стран был, конечно, выше, чем в России.

Россия может гордиться и другим выдающимся мастером-гидростроителем — И.И. Сердюковым. В 1702 г. начато было строительство Вышневолоцкой системы каналов. Открытый в 1709 г. новый водный путь обнаружил множество изъёмов. Сердюков же осуществил кардинальную реконструкцию водного пути, и к середине века система стала пропускать до 12 млн. пудов грузов.

Огромная работа была проведена по созданию и собиранию научных коллекций по минералогии, металлургии, ботанике, биологии и т.п. Была организована астрономическая обсерватория. Предпринимались попытки организации лингвистических и этнографических экспедиций. Широко известен петровский указ 1720 г. о собирании по монастырям древних рукописей, хронографов, летописцев и степенных книг. В 1716 г. была сделана копия Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи, стали создаваться и исторические труды

(работы по истории Ф. Поликарпова, «Рассуждения о причинах Свейской войны» П. Шафирова, «Марсова книга» и др.).

Наиболее масштабным достижением реформ Петра I было создание Академии наук. Мысль о ней великий реформатор высказал в 1718 г. 28 января 1724 г. Сенат огласил проект об Академии, который и был по исправлению утверждён царем.

В начальном варианте Академия как организация была синкретична (это и научно-исследовательское сообщество, и университет, и гимназия). В Академии было три отделения: математическое, физическое и «гуманиора» (гуманитарных наук). Первые члены Академии (а их было 12 вместе с секретарем) должны были следить за всей новой литературой по специальности, делать «изобретения» и выступать с докладами и «советами». Наряду с русскими учеными и способными к науке людьми в Академию были приглашены иностранцы, в ряде случаев очень крупные ученые (математик И. Герман, физиолог и математик Д. Бернулли, математик Н. Бернулли, астроном и географ И. Делиль и др.).

К Академии были присоединены библиотека и музей (Кунсткамера), созданные в 1714 г.

§ 3. Литература. Театр

Этот пласт российской культуры был самым пестрым, самым мозаичным и разнородным, что было вполне логично, ибо отражал великую сложность внедрения иноземной культуры в толщу общинного крестьянского мира, который за многие столетия не до конца усвоил даже богатства византийского православного культурного наследия. Поэтому в литературе петровской эпохи пласт народного творчества мало соприкасался с творчеством элиты.

Петровское время освободило крестьянство от мрачного и унылого преследования церковными догматиками сохранившихся компонентов архаичного славянского язычества. Стало меньше гонений на традиционные языческие празднества с их бурными гудениями, плясками, хороводами и т.п. По мере отдаления от жгучих баталий великой войны народная память запечатлевала эти события в традиционной форме «старин» (былин), исторических песен (преимущественно солдатских), в форме сказок, притчей и т.п. В них отражены и Полтавская баталия, и взятие Азова, и Нарва. Тема войны

запечатлелась в памяти народа прежде всего как подвиг русского солдата и его героизм и жертвенность. Разумеется, в былинах, исторических песнях, своеобразных сказках отражалась, уже как легенда, и фигура Петра I (белорусский сказ «Петро Велики», «Плач войска», «Смерть Петра», «Как на коню Петр ездил» и др.). Сохранился в фольклоре и «образ смерти» («пропал как швед под Полтавой»), и образ изменника Матвея (в цикле песен об украинском герое Семене Палие), и образы казнокрадов и угнетателей (князь Гагарин и др.).

Вместе с тем круг чтения русского крестьянина сохранил и традиционную литературу. Это духовно-учительная литература, «жития», включая и новейшие, полемические сочинения (особенно популярные у старообрядцев), сборники духовных стихов, наговоров, лечебники, календари и т.п.

В петровский период дворянство и отчасти горожане были непосредственными свидетелями заметного увеличения печатных книг нерелигиозного содержания. Причем это были не только научная литература и словари, но и книги чисто светского назначения. В 1708 г. вышли «Приклады, как пишутся комплименты...» Это был новейший вариант формулярника (образцов) писем различного содержания с употреблением новейшей лексики. А лексика петровского времени испытывала огромное влияние Запада. Правящий класс и особенно его верхушка говорили на удивительном языке, где избыливали голландские, немецкие и т.п. слова, термины, выражения! И, конечно, это имело прямое влияние на литературу петровской эпохи.

В соотношении литературных жанров наблюдались те же процессы. Наряду с религиозно-церковной мистикой и средневековой схоластикой, панегириками и кантонами зарождался русский классицизм. Видное место в литературе занимают теперь публицистические ораторские произведения. Известнейшими среди них являются творения Феофана Прокоповича («Слова и речи», «Первое учение отрокам», трагедокомедия «Владимир», «Епиникион» и др.). Основная тема Прокоповича — прославление армии, реформ и России. «Как внезапно, — писал Прокопович, — да вельми знатно ... стала в славу и пользу возрастати Россия! Растет человек, растет дерево, ведаем, да никакими очима не можем усмотрети... А мир весь ясно видел, как народ российский, когда весьма ему исчезнути многии провещали, возрастал высоко и аки бы подымался, от гнушения в похвалу, от презрения в страх, от немощи в силу!..»

В петровскую эпоху развивался жанр художественной прозы, в частности, повести, раскрывающие реалии новой русской жизни («Повесть о Фроле Скобееве», «Гистория о ростийском матросе Василии Кориотском», «История о Александрии российском дворянине» и др.). Наконец, большой популярностью пользовалась западноевропейская литература.

В 1702 г. на Красной площади Москвы был сооружен театр, открывший двери простой публике. Играли там немецкие актеры (труппы И. Кунста, О. Фюрста), и репертуар состоял из немецких, французских, испанских и т.п. пьес. Однако такой театр был еще редким явлением. Как и в XVII в. театры заводила знать для узкого круга зрителей (театры в с. Преображенском и Измайлове). В петровскую эпоху театром увлекались ученики различных академий, духовных семинарий и т.п. Хотя репертуар таких театров был большей частью возвышенно-религиозный, однако нередко в пьесах такого рода отражались события современности. Театры ставили и чисто исторические по тематике пьесы (наиболее знаменита трагедокомедия Ф. Прокоповича «Владимир» и др.). Основными центрами театральной деятельности были Киево-Могиланская академия, Славяно-греко-латинская академия в Москве, Московский «гофшпиталь» и др. Много сил театру отдавали Ф. Прокопович, доктор Бидлон, Федор Журовский.

В петровскую эпоху зарождается интерес к светской музыке, любительскому музицированию, развивается профессиональное хоровое искусство. Завоевывает популярность бравурная военно-строевая музыка.

§ 4. Трансформация придворного быта

Новые бытовые формы культуры властной рукою великого царя были жестоко внедрены в жизнь дворянской элиты, да и не только элиты. Как уже говорилось, все началось с новой одежды, с бритья бород и ношения париков. В Москве новая мода «насилу установилась за три года». Жители сибирских городов выпросили освобождение от новой одежды «по скудости» своей. Да и портным было много мороки. В 1700 г. у ворот Кремля были даже выставлены манекены с образцами новой одежды (венгерской, саксонской и французской). В конечном счете дворянство восприняло нововве-

дения ведь реформы возбудили в первую очередь в дворянстве желание даже внешне выделиться из общей массы.

Оригинальная фигура царя, соблюдавшего поначалу традиционные церемонии лишь на дипломатических приемах, внесла разительные перемены в дворцовый быт. Знаменитая дружеская «компания», состоящая из ближайших сподвижников царя, практически не различала деловые совещания и дружеские пирушки. Внешняя фамильярность обращения «компанейцев» с царем вносила в придворный быт новые черты. Хотя придворному быту царя не чужды были и забавы с шарликами, и юмор шутов. Упрощались традиции, исчезала скованность. С 1718 г. по указу царя введены были «ассамблеи», которые узаконили формы царского общения с нужными и приятными ему людьми. Вскоре «ассамблеи» получили довольно широкое распространение. На этих вечерах все было необычно: гостей не встречали и не провожали, компания мог быть, но мог и отсутствовать. Были игры, были танцы, был чай, лимонад, шоколад и т.д. Причем каждый мог уйти в любое время. Конечно, в первые годы чувствовали себя скованно, особенно женщины.

Наконец, нельзя не вспомнить и о народных гуляньях в столицах по торжественным датам, в честь той или иной «виктории» в Северной войне (взятие Азова, победа под Полтавой, годовщина Ништадтского мира и т.п.). Тогда устраивались торжественные процессии со множеством украшений, макетами замков, кораблей. В моде были красочные фейерверки, грандиозные маскарады. На площадях выставлялись угощения (фонтаны из вина, жареные туши). Однако участниками всего этого была лишь ничтожная часть общества.

§ 5. Живопись и архитектура

Наиболее близким к повседневности был жанр гравюры, имевший довольно большой круг ценителей. Ведь очень многие книги имели гравированные изображения. Гравюры-картины проникали в интерьеры домов и т.д. Тематика гравюр была довольно разнообразной, большое распространение получили гравюры с изображением во множестве вариантов Полтавского боя. По гравюрам того времени можно создать довольно полное представление не только о битвах, но и о триумфах побед с торжественными колоннами войск, толпа-

ми пленных. Популярностью пользовались изображения известных крепостей и особенно строительства и видов новой столицы. Среди наиболее искусных граверов можно назвать Л. Бунина, А. Зубова, Ф. Зубова, А. Ростовцева, И. Адольфского, В. Киприанова и др.

С конца XVII в. интенсивно трансформируется русское живописное искусство. Традиции иконописи имеют тенденцию перехода в реалистическое отображение мира и людей. Развивается так называемый жанр парсуны — реалистического портрета, создаваемого в традиционной плоскостной манере. Художники этого жанра (Иван Безнин, Лука Смольянинов, Ерофей Елин, Михаил Челнаков и др.) находились под явным влиянием западноевропейской живописи. Создаются интересные «парсуны» и в начале века (например, портрет Нарышкиной с детьми, портрет Якова Тургенева).

В первые годы XVIII в. издаются специальные указы, касающиеся подготовки и воспитания художников. Традиционным российским способом (царским волеизъявлением) большую группу «мастеровых людей разных художеств» переселили («депортировали») в новую столицу, где был обширный фронт работ (росписи церквей, плафонов новых дворцов, станковая живопись, мелкая пластика). За счет казны наиболее талантливых посылали в длительные командировки за границу (А. Матвеев, И. Никитин, Р. Никитин, гравер С. Корвин и др.).

Еще до поездки в Италию Иван Никитин создает ряд интересных портретов (цесаревны Анны Петровны, царевен Прасковьи Ивановны и Натальи Алексеевны). Из работ более поздних заметно выделяется портрет канцлера Г.И. Головкина. Широко известна его работа «Портрет наполеона гетмана» и, наконец, знаменитая работа «Петр I на смертном одре» (1725). Вторым виднейшим живописцем был Андрей Матвеев, становление которого происходило в Голландии. Им был создан ряд остро индивидуальных портретов (И.А. Голицына, А.П. Голицына), но особенно известен его «Автопортрет с женой». Последняя работа удивляет социальной смелостью, ибо, занимая как художник довольно низкое положение в обществе, в автопортрете он использовал композицию, типичную для изображения знатных персон.

В Россию приглашается и ряд иностранных художников, оставивших заметный след в истории искусства России. Это Луи Каравак, И.-Г. Таннауэр и др.

Архитектура переживала в петровское время переходный период, так или иначе отражавший западноевропейское влияние. Наиболее заметно оно в становлении в конце XVII — начале XVIII в. так называемого нарышкинского стиля, или «московского барокко» церковной архитектуры. Прежде всего здесь меняется конструкция храма. Появляются храмы центрической композиции, устремленные вверх, светлые и торжественные. Правда, нередко «запад» тонул в традиционном московском узорочье. Башнеобразные храмы дошли до нас в основном в подмосковных барских усадьбах. Это церковь в Троице-Лыкове, в Уборах (обе постройки архитектора Я. Бухвостова), это изящнейшая церковь Покрова в Филях, усадебный храм Л.К. Нарышкина. Шедевром храма башнеобразного типа является церковь в Дубровицах. Блестящим образцом сочетания элементов ордерной системы и помосковского барокко являлась церковь архангела Гавриила или так называемая Меншикова башня (архитектор И.П. Зарудный). Не менее интересны образцы «нарышкинского стиля» в виде традиционных пятиглавых храмов Москвы. Это, в частности, изумительная по изяществу церковь Воскресения в Кадашах.

Появилась и принципиально новая архитектура, основанная на ордерной системе (колонны, портики, фронтоны и т.п.). Скромные элементы этой системы свойственны церкви Ивана Воина в Москве (1708—1714). Новшеством были и компактные храмы в виде ротонды, свойственные усадебным постройкам таких «западников», как Б.А. Голицын, князь Г.Ф. Долгоруков (храм в Подмоклове, 1714 г., церковь в Петрове, 1715 г. и др.).

Интерьеры церковных храмов стали украшаться многорукими деревянными иконостасами со сложнейшей декоративной резьбой, лучшими исполнителями которой были белорусские резчики по дереву. Одним из блестящих мастеров резьбы был и архитектор И.П. Зарудный.

Гражданская архитектура, наиболее ярко передающая новые тенденции в архитектуре, может быть представлена Палатами дьяка Аверкия Кириллова, что на Берсеневской набережной в Москве. Новшества имели и здания административно-хозяйственного назначения (например, здание Арсенала начала XVIII в. в Кремле).

Принципиально новая архитектура создала основу новой столицы России — Петербурга. Здесь с самого начала получил развитие северо-немецкий (голландский) вариант барок-

ко со сдержанным суховатым декором, со стремлением к максимальной рациональности. Носителем этой тенденции был Д. Трезини. В первую очередь, это знаменитый собор Петра и Павла (1712—1732). Трезини принял активное участие и в планировке Петербурга, в частности, его Васильевской части. Временный деревянный Петербург быстро сменился «мазанковым», а этот последний уступил место каменному городу регулярной планировки (для этого во всем государстве было запрещено каменное строительство: Россия была бедна строительным камнем). Облик города создавали общественные здания (Адмиралтейство, Кунсткамера, Гостиные дворы, Петровские коллегии 1723—1734 гг.). В облик Петербурга вложили труд такие архитекторы, как Жан-Батист Леблон, Варфоломей Растрелли, А.Д. Захаров, И. Коробов и др.

§ 6. «Всяк человек смертен»

Примерно с 1723 г. великий венценосный труженик России стал серьезно недомогать, хотя болезнь его тлела уже многие годы. У Петра I резко возрос острый интерес к минеральным водам и их источникам. Недомогание, видимо, усилилось к началу 1724 г. В феврале Петр I проводит с необыкновенным размахом и торжеством официальную коронацию своей супруги Екатерины Алексеевны, ибо безрадостная ситуация с наследниками трона заставляла его сделать хотя бы такой шаг. Однако судьба и здесь нанесла ему страшный удар. Подозрение в измене уже через полгода пало на императрицу: правитель ее канцелярии Вилим Монс был казнен якобы за материальные злоупотребления.

Несмотря на усиливающуюся болезнь, мужественный император не меняет своего образа жизни без крайней необходимости (минеральные воды в 1724 г. он посещает дважды, в феврале и июне, в августе он затворяется в домашних покоях на 4—5 дней, в сентябре это затворничество с приемом лекарств длится гораздо больше, недомогание преследует его в течение почти целого месяца). Царь вершит все дела, «для людей народа своего, не жалея здоровья», он не оставляет вниманием даже житейские праздники своего окружения (именины, свадьбы и проч.). Н.И. Павленко замечает, что ритм жизни царя наводит на мысль, что государь чуть ли не намеренно пренебрегает болезнью, идя навстречу смерти: «Болезнь упряма, знает о натуре, что творит, но о

...е государстве пещись надлежит неусыпно, доколе силы... В этой емкой по содержанию фразе Петра отразилась суть характера и устремлений великого русского самодержца, любившего свое Отечество больше самого себя и отдавшего все свои незаурядные и могучие силы на «пользу государства». В двадцатых числах января 1725 г. болезнь резко обострилась, у Петра I случилась «неотступная» задержка мочи («запор» от «урины», «водяной запор»). Это вызвало нечеловеческие муки. В минуту покоя царь с горькой умиренной сказал окружающим, «что из меня де можно познать, сколь бедное животное есть человек смертный». В течение нескольких дней из покоев Петра I доносился непрерывный страдальческий крик, слышимый далеко вокруг. Поэтому истерзанный болью и мучениями больной настолько ослабел, что не мог уже кричать и глухо стонал. 22 января он исповедался. 26 января он успевает помиловать всех каторжан, кроме убийц и злостных разбойников, 27 января — осужденных на смерть и каторгу по воинским артикулам. Под утро 28 января муки довели царя до смерти. Его сердце перестало биться рано утром, в пятнадцать минут шестого. Вскрытие, свидетельство о котором дошло до нас через третьи руки, показало «антонов огонь (т.е. очень острое воспаление. — Авт.) в частях около пузыря», сопровождавшееся отвердением части тканей. Собрав все дошедшие до нас сведения о болезни, Н.И. Павленко организовал, привлекая современных специалистов, своеобразный ретроконсилиум. Итоги его неоднозначны, хотя и вполне определены: великий государь страдал либо аденомой простаты, либо опухолью мочевого пузыря, либо мочекаменной болезнью. Эти факты свидетельствуют о ложности слухов, пущенных французским пошляком при дворе Кампредоном, о том, что российский император якобы страдал какой-то венерической болезнью (у европейских государей это, кстати, встречалось).

Поздние домыслы коснулись и вопросов политических. Спустя 36 лет после кончины Петра появились «Записки Г.Ф. Бассевича, где фигурирует эпизод с попыткой полуживого Петра Великого распорядиться о наследовании престола (знаменитые якобы написанные им слова «Отдайте все...»). Данная фальсификация была акцией, подкреплявшей легитимность Петра III. Позднее же появилась еще одна фальсификация — так называемое завещание Петра. Однако в реальности было одно: 53-летний Петр субъективно не был готов к смерти, ибо «надежда умирает последней».

С уходом из жизни Петра Великого окончилась, пожалуй, самая важная эпоха в развитии Российского государства. Петр Алексеевич совершил крутой переворот в политической культуре государства, ибо вместо священной особы самодержца всероссийского перед обществом явился «первый гражданин» этого общества, гражданин властный, энергичный, тянущий в гору за десятерых, как точно сказал о нем И. Г. Посошков, в то время как под гору тянули миллионы. Поражающий воображение народа имидж царя — труженика, бывшего и плотником, и кузнецом, в сочетании с яркими проявлениями фанатичного служения Отечеству имел в ту эпоху огромное вдохновляющее воздействие, играл роль мощного импульса активизации огромных масс людей.

Великий преобразователь сделал гигантский вклад в создание могучей России, обладающей сильной армией и флотом. В тщетных назиданиях сыну Алексею он подчеркивал, в частности, трагичность распада Византийской империи: «не от сего ли пропали, что оружие оставили, и единым миролюбием побеждены, и, желая жить в покое, всегда уступали неприятелю, который их покой в нескончаемую работу тиранам отдал». В конце своей деятельности он горделиво назвал Россию Империей, хотя эта историческая реальность не вполне соответствовала данному определению. Скорее, это был некий «симбиоз» империи и деспотии, социально-политический организм, где центральное звено конструкции (Великороссия) не имело практически никаких привилегий, а основной класс великороссийского общества — крестьянство — находилось в положении, гораздо более тяжелом, чем положение народов иных присоединенных к России территорий.

Главный вклад великого преобразователя — это создание в государстве промышленного производства, способствовавшего гигантскому скачку в развитии производительных сил страны. Однако форсированное строительство производительных сил путем заимствования «западных технологий» таким архаическим социумом, как Россия, дало вместе с тем и чудовищный социальный эффект: были вызваны к жизни еще более жесткие, более грубые формы эксплуатации, чем самые суровые формы феодальной зависимости. Ведь посессионные крестьяне, порожденные петровской эпохой, — это практически «instrumentum mundi» («говорящие орудия»), это люди, являющиеся принадлежностью фабрики и продающиеся в комплекте с фабрикой. От классического рабства

отличается лишь тем, что, принадлежа фабрике, эти люди не могут быть убиты хозяином фабрики безнаказанно.

Как уже говорилось, в основе появления столь одиозного института — архаизм русского общества (его исключительно аграрный характер, слабость ремесленно-промышленного развития, отсутствие аграрного перенаселения и, наоборот, постоянная нехватка рабочих рук в земледелии и т. д.). Форсированная (любыми реформами) «европеизация» такого общества неизбежно сопровождается явлением наиболее грубых, но эффективных в этих условиях форм эксплуатации. Таков драматизм исторической судьбы архаичекого общества, втянутого в орбиту более высокой цивилизации.

Выдающейся заслугой Петра I является и модернизация государственной машины, хотя во многом и преждевременная (создание чиновной бюрократии, создание механизма юридически разработанного функционирования государственного аппарата и т. п.). Российское общество первой половины XVIII в., видимо, не обладало достаточными условиями, чтобы обеспечить такого рода государственную и политическую надстройку. Главная же причина состояла в его неподготовленности к такой системе государственного управления, к идее разделения властей, ибо последняя реализуема лишь в гражданском обществе.

Наконец, еще один исторически значимый аспект петровских преобразований — крутые реформы в области культуры. Это, пожалуй, единственный, далеко не бесспорный аспект деятельности Петра I. Слов нет, необходимость преобразований здесь вполне очевидна. Однако примитивно-варварский характер их реализации, сводящийся к механическому, буквальному перенесению культурных стереотипов Запада, способствовал подавлению потенций развития национальной культуры (каких-либо шедевров средневековой русской культуры в XVIII в. так и не появилось). К тому же столь резкое насильственное приобщение к внешней культуре Запада способствовало в дальнейшем ущербному для нации цивилизационному обособлению господствующего класса от коренных культурных традиций русского и иных народов России. Ведь только в XIX столетии, после национальных потрясений Отечественной войны 1812 года господствующий класс страны вновь проявляет интерес к национальным истокам и формам народной культуры.

Россия при преемниках Петра I и в правление Екатерины II

Глава 7

Дворцовые перевороты

§ 1. Борьба придворных партий за власть

Бурная реформаторская деятельность, проникшая во все поры экономической, социальной, политической, общественной и культурной жизни, со смертью Петра Великого как бы застыла, застигнутая врасплох. Внезапная смерть главы абсолютистского государства парализовала прежде всего инициативу верховных органов государственного правления. На ступицу так называемая эпоха дворцовых переворотов. На вершине воздвигнутого гигантскими усилиями преобразователя дворянского государства началась мышьяная возня в виде борьбы скоропалительно формирующихся дворцовых партий за власть.

Объединение партий диктовала сама действительность. С одной стороны, постепенно концентрировались элементы, издавна враждебные преобразованиям первой четверти века, недовольные режимом власти, окружением царя, с другой — внезапно потерявшие опору сподвижники Петра, люди, которых создало бурное время. Размежевание шло по вопросу о престолонаследии. Из претендентов на трон по мужской линии был лишь один внук Петра I, сын царевича Алексея — Петр Алексеевич (будущий Петр II). По женской линии

наибольшие шансы имела последняя супруга Петра, так называемая «мариенбургская пленница» — Екатерина Алексеевна Скавронская. Несмотря на последствия интриги с братом Анны Монс, жена покойного царя сохранила свое влияние и вес как коронованная супруга государя.

Немало способствовал неясности общей обстановки и указ 5 февраля 1722 г., отменивший старые порядки престолонаследия и утвердивший в закон личную волю завещателя. Вечно враждовавшие между собой деятели петровской эпохи на время сплотились вокруг кандидатуры Екатерины (А.Д. Меншиков, П.И. Ягужинский, П.А. Толстой, А.В. Макаров, Ф. Прокопович, И.И. Бутурлин и др.). Вокруг внука Петра группировались главным образом представители родолюбивой феодальной аристократии, теперь уже немногочисленные боярские фамилии. Среди них ведущую роль играли Голицыны и Долгорукие, к ним примыкали и некоторые соратники Петра I (фельдмаршал князь Б.П. Шереметев, фельдмаршал князь Никита Репнин и др.). Усилия А.Д. Меншикова и П.А. Толстого в пользу Екатерины были поддержаны гвардией.

Придворная гвардия — Семеновский и Преображенский полки — в этот период представляла собой наиболее привилегированную и щедро оплачиваемую прослойку армии. Однако наиболее важное обстоятельство — ее социальный состав. Оба полка были сформированы преимущественно из дворян. Причем дворянами были не только офицеры, но и огромное большинство рядовых. В частности, при Петре I в лейб-регimente среди рядовых одних лишь князей было до 300 человек. Вооруженное дворянство при императорском дворе было важным орудием в борьбе придворных группировок. Социальное единство всех этих прослоек было важным обстоятельством, облегчавшим так называемые дворцовые перевороты.

Итак, вопрос решила в первый, но далеко не в последний раз гвардия. В ходе совещания в одной из дворцовых комнат речь П.А. Толстого в пользу Екатерины была шумно поддержана присутствовавшими здесь гвардейскими офицерами. Барабанный бой за окном возвестил о прибытии обоих гвардейских полков. Высокомерный фельдмаршал Н. Репнин воскликнул: «Кто осмелился привести их сюда без моего ведома? Разве я не фельдмаршал?» В ответ на это Иван Бутурлин, подполковник Семеновского полка, громко заявил: «Я не смею предтти им сюда, по воле императрицы, которой всякий

подданный должен повиноваться, не исключая и тебя!» Агитация в полках за Екатерину, уплата жалованья за 1,5 года, денежные раздачи увенчались полным успехом. Спротивление прекратилось. Был составлен акт, подписанный Сенатом и высшими сановниками. Вопрос о престоле был решен. Так был впервые опробован немудреный механизм дворцового переворота, который, как мы увидим далее, с небольшими модификациями еще неоднократно исправно служил тому, кто овладевал его рычагами.

Воцарение Екатерины I означало прежде всего усиление власти А. Меншикова. Уже в марте 1725 г. саксонско-польский посланник Лефорт писал: «Меншиков всем ворочает». Ему были прощены денежные растраты, отдан еще один город. Но честолюбивый фаворит мечтал о звании генералиссимуса и требовал его.

Наследница Петра I, женщина, умевшая жить всеми интересами и помыслами своего мужа, оказавшись на престоле, явила свою полную беспомощность. Первые активные действия императрицы были связаны исключительно с давним планом устройства дочек-царевен, родившихся до брака. Уже вскоре после похорон Петра I была выдана замуж за голштинского герцога Карла-Фридриха старшая дочь Анна Петровна. В донесениях французского посланника Кампредона отразились настойчивые, хотя и бесплодные, усилия заботливой матери выдать замуж другую дочь — Елизавету Петровну.

Тем временем сплоченность партии Екатерины I с утверждением ее на троне мгновенно улетучилась. «Светлейший князь» А. Д. Меншиков явно подминал под себя других. Уже 31 марта Павел Иванович Ягужинский прибежал в ярости в Петропавловский собор к гробу Петра I излить свои жалобы на Меншикова. Роптали и сенаторы. Среди представителей Голицыных, Долгоруких, Репниных, Апраксиных было постоянное брожение. Выход из этой сложной ситуации был найден ловким и изворотливым П. А. Толстым. По его предложению при императрице был создан Верховный тайный совет.

Идея совета сама по себе была не нова. Еще в последние годы правления Петра I был создан Тайный совет для более оперативного руководства главы государства. Однако теперь роль его должна была быть иной. При слабости положения Екатерины I на троне значение деятельности будущего Совета неизбежно возрастало. Председателем Совета назначалась сама царица, членами его были Ф. М. Апраксин, А. Д. Мен-

шиков, П. А. Толстой, Г. И. Головкин, А. И. Остерман и Д. М. Голицын. Вскоре к общему неудовольствию в Совет был введен герцог Голштинский, зять царицы, ставший вместе со своим министром Г. Ф. Бассевичем играть видную роль в приговорных делах. Практически делами Совета руководили три наиболее влиятельных фигуры: А. Д. Меншиков, Г. И. Головкин и А. И. Остерман.

Вновь созданный Совет умалил и значение Сената, так как отныне предписывалось без ведома и санкции Тайного совета «никаким указом прежде не выходить». Тайный совет вел надзор «над всеми коллегиями и прочими учреждениями». Таким образом, все важнейшие нити государственного управления были сосредоточены в этом учреждении.

Поручив виднейшим сановникам государства собрать и представить письменные мнения о государственных делах и вносимых переменах, Екатерина нашла уладу и утеху в личной жизни и разнообразных развлечениях. Невиданная роскошь, празднества, пиры стали постоянным явлением царского двора.

Непрочный трон в руках женщины усилил своекорыстные стремления временщиков, устраивавших свои дела. Уже в июле 1725 г. Лефорт в сердцах писал: «Невозможно опираться на поведение этого двора: со дня на день не будучи в состоянии позаботиться о нуждах государства, все страдают, ничего не делают, каждый унывает и никто не хочет приняться за какое-либо дело, боясь последствий». Хотя на экзотических маленького Петра упоминали только после цесаревен, честолюбивый А. Д. Меншиков, понимая растущую популярность малолетнего внука Петра, задумал женить мальчика на своей дочери Марии. В ход были пущены все средства вплоть до подкупа за 30 тыс. червонцев фаворитки Екатерины I некоей Анны Крамер. Довольно быстрому согласию Екатерины I на этот брак способствовало и желание умалить значение Петра как претендента на трон. Так или иначе, но Меншиков добился, казалось бы, невозможного — помолвка Марии с внуком Петра I была предрешена. Торжество Меншикова ускорило его разрыв с П. А. Толстым, прошлое которого было неотделимо от смерти царевича Алексея, отца малолетнего Петра. Понимая опасность этой оппозиции, «светлейший князь» уже в момент предсмертной болезни царицы с помощью одной из гнуснейших провокаций, так называемым «делом Девиера», политически уничтожил П. А. Толстого, И. И. Бутурлина и др.

В начале мая 1727 г., на третьем месяце болезни Екатерины I, решался вопрос о престолонаследии. Итогом его был известный «тестамент» Екатерины, который вместо ослабевшей царицы был публично подписан за нее дочерью Анной. В этом своеобразном документе наследники разбиты были на три группы: а) Петр Алексеевич (лишь с 16-ти лет) и будущие потомки его, б) Анна Петровна и будущие потомки ее, в) Елизавета Петровна и ее будущие потомки. И, наконец, старшая сестра маленького Петра — Наталья Алексеевна. Переход престола от первого наследника к последующим обуславливался бездетностью. Этот проект, зачеркнутый указом Петра I, был компромиссом между сторонниками Петра Алексеевича и его противниками. Д.М. Голицын и его приверженцы уже готовы были даже женить Петра Алексеевича на Марии Меншиковой, так как иного для него пути на престол не видели.

В мае 1727 г. Екатерина умерла от «фомиков» в легких (по-видимому, от туберкулеза) и на престол вззошел одиннадцатилетний мальчик Петр II.

Временщику А.Д. Меншикову теперь уже нетрудно было получить из рук мальчика, к тому же величавшего его «бабушкой», желанный сан генералиссимуса, как нетрудно уже было и совершить помолвку мальчика с Марией, получившей и титул, и двор, и содержание в 30 с лишним тысяч в год.

Однако Меншиков, желавший закрепить свои позиции в кругах старой феодальной знати, немного промахнулся, дав незаметное начало тому ходу событий, которое привело его потом к гибели. Он приблизил ко двору Долгоруких: сделал, в частности, князя Ивана Алексеевича Долгорукого товарищем малолетнего Петра по играм, а князя Алексея Григорьевича Долгорукого, его отца, поставил во главе двора сестры Петра II — Натальи Алексеевны.

Наспех получив кое-какие начатки образования, Петр II лишь очень короткий период занимался плодотворно под руководством А.И. Остермана. Ранняя половая зрелость, влияния, которым был подвержен мальчик, привели к тому, что главным интересом его жизни стала не учеба, а отнюдь не детские забавы и игры. Немало этому способствовал и благодушный, но, видимо, беспутный повеса князь Иван Долгорукий.

Мальчик и его сестра скоро стали избегать требовательного и строгого Меншикова. Немало, видимо, этому способствовал умный и вкрадчивый воспитатель Петра А.И. Остер-

ман, под большим влиянием которого была и сестра мальчика — великая княжна Наталья. Приступы чахотки, ододевание Меншикова, еще больше способствовали этому отдалению. Довершило дело раннее, но сильное увлечение Петра II новой теткой — семнадцатилетней рыжеволосой красавицей Натальей Петровной.

Так или иначе, влияние Меншикова падало с нарастающей быстротой. Сначала мальчик-царь не реагировал на приглашения к праздникам в доме Меншикова, а кончилось тем, что потом последовал арест генералиссимуса. Могучая натура Меншикова не выдержала — его хватил удар, правда, не слишком опасный. 9 сентября 1727 г. указом Петра II, который был составлен коварным А.И. Остерманом, все семейство Меншикова ссылалось в свое Раненбургское поместье, что под Рязанью. Через месяц огромные владения временщика были конфискованы (свыше 90 тыс. крепостных, 6 городов и др.), в его петербургских дворцах изъято около 5 млн. руб. различными, огромное число драгоценностей, конфисковано около 9 млн. руб. в английском и голландском банках. Сам «светлейший князь» был отправлен с семьей в далекую сибирскую ссылку — в Заполярье, в крепость Березов на одном из притоков р. Оби. Уже и прежде страдавший открытой формой туберкулеза Меншиков недолго протянул в ссылке и умер 12 ноября 1729 г. По словам Феофана Прокоповича, «этот колосс из пигмея, оставленный счастьем, которое дошло его до опьянения, упал с великим шумом». Это был, в сущности, еще один дворцовый переворот с традиционным механизмом действия.

24 февраля 1727 г. в Москве Петр II был торжественно коронован. Князь Иван Долгорукий был сделан обер-камергером. Его отец Алексей Григорьевич и князь Василий Лукич Долгорукий, виднейший дипломат петровской эпохи, были назначены членами Верховного тайного совета, а В.В. Долгорукий и Ив.Ю. Трубецкой — фельдмаршалами.

Новые фавориты, новые кутежи и пиршества, новые развлечения... Князь Иван увлек молодого императора новой забавой, ставшей вскоре буквально страстью Петра II. То была охота. При дворе были заведены гигантские псарни от 400 до 800 собак. За императором на охоту выезжало до 500 экипажей. Иностранные послы в своих депешах изливали жалобы по поводу долгих (до 50 дней) и частых отлучек молодого царя. С февраля 1728 г. до ноября 1729 г. охота занимала 243 дня, т.е. 8 месяцев из 12. Великолепные охот-

ничьи угодья вокруг Москвы привлекли царствующего мальчика, и он остался на неопределенное время в Москве. Румеется, временщики не тянули государя ни в Петербург, ни к государственному делу. Английский посланник Клавдий Рондо в июле 1729 г. писал: «Вблизи государя нет ни одного человека, способного внушить ему надлежащие, необходимые сведения по государственному управлению, ни малейшая доля его досуга не посвящается совершенствованию его в познании гражданской или военной дисциплины».

Логика развития событий повела Долгоруких туда же, куда и Меншикова. С тою же дерзостью возник проект женитьбы тринадцатилетнего Петра II на красивой 17-летней дочери князя Алексея Григорьевича — Екатерине. Пылкого не по летам мальчика, видимо, несложно было завлечь. И вот после одной из долгих охотничьих поездок, где были и дочери Долгоруких, 30 ноября 1729 г. в зале Лефортовского дворца в Москве состоялось обручение. Круг замкнулся. Но свадьбе помешала поистине трагическая случайность. На церковный праздник Водосвятия 6 января император прибыл, видимо, недомогая. По свидетельству современников, был крепчайший мороз. Легко одетый в военную форму Петр застудился, и итог был трагичным и неожиданным — злоежащая оспа скрутила мальчика в 2 недели, и он умер 18 января 1730 г.

§ 2. Кондиции 1730 г. и бироновщина

И снова началась возня вокруг престола. Петр II еще лежал на смертном одре, а судорожно хватавшиеся за соломинку временщики Долгорукие готовы были на подлог, благо князь Иван, как выяснилось, обладал великолепным почерком Петра. На предварительном совещании в ночь на 19 января князь Алексей Григорьевич Долгорукий, по свидетельству Феофана Прокоповича, представил «якобы Петра II завет, прежде кончины своей от него написанный, которым будто бы он державы своей наследие невесте Екатерине укрепил». Попытка эта провалилась.

Верховный тайный совет к моменту смерти императора довольно сильно изменился в своем составе, пополнившись представителями старой феодальной аристократии. На «восьмиличном», как его назвал Феофан Прокопович, совещании пятеро представляли семейства Долгоруких и Голи-

циных и их влияние было заметным. Именно поэтому в числе кандидатов на престол первенствовали потомки брата Петра I — Ивана. Из потомков Петра I была предложена Елизавета, к тому времени все еще не вышедшая замуж. Вследствие этого ее кандидатура была, казалось бы, наиболее подходящей. Однако ее не поддержали. Назывались и другие кандидаты. Наконец, Д.М. Голицын красноречиво убедил в том, что вдова герцога Курляндского Анна Ивановна — кандидатура наиболее подходящая.

В самом деле — в Анне Ивановне все, как будто, устраивало феодальную аристократию. Средняя дочь царя Ивана, красивая по природе, но не получившая никакого, в сущности, образования, 17-ти лет она была выдана замуж за герцога Курляндского, будучи одной из деталей в грандиозном плане балтийских «альянсов» Петра I. Почти сразу овдовев, так как муж ее, перепив спиртного на своей собственной свадьбе, вскоре умер, Анна 19 лет почти безвыездно прожила довольно скромной жизнью в Курляндии. Материально герцогиня зависела от русского двора, а сама Курляндия служила постоянным объектом борьбы между Россией, Швецией, Польшей и Пруссией. К моменту выбора ей было уже под сорок, а место мужа прочно занял давний фаворит Э.И. Бирон.

Когда присутствующие сошлись на кандидатуре Анны Ивановны, Д.М. Голицын незаметно приступил к самому сокровенному звену своего маневра. Его речь окончилась, казалось бы, туманным, восклицанием: «Воля ваша, кого изволите, только надобно нам себе полегчить». — «Как себе полегчить?» — спросил тут кто-то. «Так полегчить, чтоб воли себе прибавить», — был ответ Голицына. Видимо, представители феодальной аристократии в конце концов поняли, в чем дело. После недолгих споров было приступлено к составлению «кондиций» или «пунктов», ограничивающих власть новой государыни. Хотя некоторые источники создание «кондиций» приписывали Д.М. Голицыну, видимо, «дитя» это было плодом совместных усилий.

Итак, что же такое «кондиции»? Какова социальная, классовая подоплека этого движения?

20-е годы XVIII столетия были временем острейшего напряжения социальных классовых противоречий. Стремительные преобразования петровской эпохи требовали огромных материальных и людских ресурсов, что в конечном итоге сказывалось на положении крестьянства. Массовое бегство крестьян, волнения рабочих людей и приписных крестьян, по-

явление «разбойных» отрядов — все это вкупе с острым финансовым кризисом и кризисом государственного управления ставило вопрос о путях решения всех этих проблем. Феодалная аристократия тяготела к ограничению самодержавия, видя в этом залог того, что «впредь фаворитов... от которых все зло происходило» не будет, что «отселе счастливая и царствующая Россия будет». Чиновно-дворянская верхушка тяготела к тому же. Но дворянство в целом было сторонником самодержавия. Иногда движение 1730 г. называют «конституционным». Однако оно имело лишь внешнее сходство с буржуазным конституционным движением. Это было чисто феодальное движение и притом феодальной верхушки. Права и власть императрицы предлагалось существенно сократить. Согласно «кондициям» она не могла решать вопросы войны и мира, назначать высших чиновников, жаловать имущество дворянам и лишать их имений, не могла командовать войсками и т.д.

Итак, когда согласие на кандидатуру Анны Ивановны было получено на совещании Верховного тайного совета, Сената, Синода и генералитета с представителями гвардии и коллегий, составленные «кондиции» решено было направить в Митаву к Анне Ивановне. В качестве представителя «верховников» отправился искусный дипломат Василий Лукич Долгорукий.

Надо сказать, что в Москве в это время было огромное стечение представителей и знати, и рядового дворянства. (Ведь должна была быть свадьба Петра II, а не похороны!) «Затейка» «верховников» каким-то образом стала известна более широкому кругу, хотя «верховники» предпочли не оглашать «кондиций», заручиться сначала согласием Анны Ивановны, а потом уже выдать это за ее добровольное желание. Нашлись желающие предостеречь Анну, но та, дабы приехать в Москву, сочла возможным подписать «кондиции» и, выпросив 10 тыс. подъемных, отправилась в путь. В Москве тем временем обстановка накалялась. По словам Феофана Прокоповича: «Куда не прийдешь, к какому собранию не пристанешь, не иное что было слышно, только горестные нарекания на осмилчных оных затейщиков». Великолепный полемист, Феофан был, наряду с Антиохом Кантемиром, князем А.М. Черкасским и В.Н. Татищевым, одним из активных «оппозиционеров». Уже в январе 1730 г. появился проект «оппозиции» «верховникам», «сочиненный обществом». В нем предлагалось упразднить Верховный тайный совет, а на

это место поставить Сенат из 30 человек, где бы императрица была председателем и имела 3 голоса. Вражда к «верховникам» повлияла и на рядовое дворянство, поначалу примкнувшее к проектам «оппозиции».

1 февраля прибыл гонец из Митавы и привез «кондиции», написанные Анной, и ее письменное согласие. Наконец, «верховники» осмелились теперь обнародовать свой проект. 2 февраля был собран Верховный тайный совет, Сенат, Синод и генералитет и оглашены «кондиции» и письмо Анны. «Кондиции» были читаны дважды. Реакция была очень сдержанной, а подписать протокол отказались — решили все обдумать сначала. По словам Феофана Прокоповича, «опустив уши, как бедные ослики... И дивное всех было молчание!»

В течение последующих дней стали появляться дворянские проекты, рождавшиеся в жарких спорах. 5 февраля поступило «мнение 39 дворян» во главе с А.М. Черкасским.

Потом появились другие проекты. Всего было подано, согласно новейшим исследованиям, 7 проектов, которые подписало в общей сложности свыше 400 дворян. Большинство из них мирилось с ограничением самодержавия в лице Верховного тайного совета, но только при условии его расширения до 12—21 члена. В других проектах, в частности, в проекте А.М. Черкасского, основное место предоставлялось Сенату в составе 21—30 членов. Все проекты поддерживали идею выборности членов Сената и высших учреждений от «общества», т.е. дворянства. Некоторые проекты предлагали важнейшие государственные вопросы решать «общим советом» правительству, генералитету и шляхетству.

Узкословный характер всех проектов бросается в глаза, так как ни один из них не затрагивает вопроса о положении и правах крестьянства. Лишь два проекта робко намекали на желательность облегчить положение купцов. Во многих дворянских проектах звучали призывы отменить злосчастный закон о единонаследии, ограничить срок дворянской военной службы, дать сроки выслуги лет и т.п. «Верховники» же заботились о льготах для знати. Отсюда и резкое осуждение «верховников». 10 февраля Анна прибыла под Москву, в с. Всесвятское. Почти тотчас к ней явились гвардейцы Преображенского полка и кавалергарды. Прием был очень милостивым: Анна не поленилась каждого угостить чаркой и объявила себя полковником преображенцев. Видимо, Анна знала, с чего нужно начинать. Узнав об этом, «верховники» встревожились. К тому же на их приеме во Все-

святском при вручении ордена св. Андрея Анна Ивановна подчеркнуто сама надела орден на себя. Торжественный въезд Анны в Москву состоялся 15 февраля.

Меж тем брожение среди дворянства, упорство «верховников» привели к подаче 25 февраля 1730 г. Анне петиции с просьбой дать возможность рассмотреть дворянские прокаты для выработки единого. По совету сметливой сестрицы Екатерины, герцогини Мекленбургской, Анна подписала петицию, но обратила внимание на бурное неодобрение гвардейцев, призывавших ее стать самодержицей. Оценив ситуацию, Анна тут же публично распорядилась, чтобы гвардейская охрана дворца подчинялась только генералу С.А. Салтыкову.

Это был весьма расчетливый ход. Дворянству дали до смешного малый срок (до обеда!) для обсуждения проектов. Кончилось тем, что после обеда Анне был предложен текст за подписью князя Ивана Трубецкого, князя Григория Юсупова, князя Алексея Черкасского, Григория Чернышева и других (около 150 подписей), где рекомендовалась самодержавная форма правления, уничтожение Верховного тайного совета, восстановление правительствующего Сената с 21 персоною и выборность высших чинов дворянством с утверждением императрицей. При подаче петиции произошла перепалка В.Л. Долгорукого с А.М. Черкасским, в коей Черкасский публично заявил, что «верховники» составили «кондиции» без согласия дворянства. Анна вдруг страшно удивилась, как будто впервые узнала об этом, и воскликнула: «Так, значит, ты меня, князь Василий Лукич, обманул?!» Тут же был послан Маслов, секретарь Совета, за «кондициями» и письмом Анны, и документы были публично порваны.

Таков финал этого скоропалительного движения кругов феодальной аристократии за олигархический строй. Анна Ивановна стала самодержицей. И снова, как и в прошлом, немалую роль здесь сыграла придворная гвардия.

Новая государыня учла требования дворянства, выявленные в бурные дни февраля 1730 г. Верховный тайный совет был ликвидирован. Вскоре, правда, возник при императрице так называемый Кабинет из трех министров. С 1735 г. указы Кабинета вновь были приравнены к именным указам, т.е. он стал напоминать Верховный тайный совет. Сенат в соответствии с проектом был доведен до состава в 21 персону (правда, никакое «общество» его не выбирало!). Был ограничен 25 годами срок дворянской службы, разрешено дробить дворян-

ские поместья между наследниками. Наконец, было учтено и стремление дворян поступать на службу офицерами. Для этого трудами А.И. Остермана был создан кадетский дворянский корпус, по окончании которого присваивались офицерские звания.

Не забыла Анна февральские дни и по другим причинам «верховники» должны быть наказаны! Расправа началась не сразу. На первых порах Голицыны даже получили пожалования от новой царицы. Быть может, Анна понимала еще, что Д.М. Голицын отстоял именно ее среди многих претендентов. Что же касается Долгоруких, то у них сразу были отобраны драгоценности, награбленные из казны. Потом началось так же, как с Меншиковым. Сначала Долгорукие получили назначения губернаторами и воеводами в отдаленные края (Сибирь, Астрахань, Вологда). Внезапно во исполнение решения их отправили в дальние собственные поместья. Через короткое время новые изменения — ссылка в Березов, Пустозерск, Соловецкий монастырь и т.д. Затем состоялась конфискация имущества, и, наконец, по доносам в 1739 г. на оставшихся в живых Долгоруких было заведено новое «дело»: их жестоко пытали и казнили в Новгороде (Ивана Алексеевича Долгорукого четвертовали, Ивану и Сергею Григорьевичам и Василию Лукичу отрубили головы). Дмитрий Михайлович Голицын, как будто забытый, долгое время жил под Москвой в с. Архангельском. Но вот, в 1737 г. по какому-то навету его сажают в Шлиссельбургскую крепость, где старец и погиб.

В.О. Ключевский дал Анне Ивановне ядовитую, но чрезвычайно меткую характеристику: «Рослая и тучная, с лицом более мужским, чем женским, черствая по природе и еще более очерствевшая при раннем вдовстве среди дипломатических козней и придворных приключений в Курляндии, где ею помыкали, как русско-пруско-польской игрушкой, она, имея уже 37 лет, привезла в Москву злой и малообразованный ум с ожесточенной жадной запоздалых удовольствий и грубых развлечений».

Увеселения при Анне достигли буквально фантастических масштабов. Это была бесконечная вереница праздников, балов и маскарадов, каждый из которых мог продолжаться до 10 дней подряд. Содержание двора стало обходиться впятеро-шестеро дороже, чем при Петре I. Беспрестанно меняющиеся костюмы, крикливая роскошь стали общей чертой двора. Английский посланник Клавдий Рондо пишет:

«Ваше превосходительство, не можете вообразить себе, до какого великолепия русский двор дошел в настоящее царствование, несмотря на то, что в казне нет ни гроша, а потому никому не платят». Любительница шутовских драк, диких шутовских свадеб, езды на козлах и пр., Анна завела шутов из знатнейших феодальных фамилий (князь М.А. Голицын, князь Н.Ф. Волконский, граф А.П. Апраксин), низведенная до этого положения за какие-то проступки. В обществе Анны постоянно крутились всякого рода приживалки, юродивые, шутихи, рассказчицы, без умолку болтавшие возле царской постели. Во дворе Зимнего дворца были заведены тир и «охота». Сюда для любительницы пострелять привозили и волков, и медведей.

Из причудливых развлечений двора той эпохи наиболее известность получила свадьба шута князя М.А. Голицына, дошедшего к тому времени до состояния, близкого к идиотизму, состоявшаяся зимой 1740 г. в знаменитом ледяном доме. К сожалению, это интереснейшее творение исчезло бесследно почти тотчас после его создания.

Наиболее часто употребляемая характеристика царствования Анны Ивановны может быть выражена одним словом — «бионовщина».

С воцарением герцогини Курляндской, по образному выражению В.О. Ключевского, «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении». Во главе этой иноземной корпорации, состоящей главным образом из прибалтийских дворян, стоял фаворит Эрнст Иоганн Бирон (измененное от Бирен), с 1718 г. служивший при курляндском дворе Анны Ивановны.

При Анне Ивановне Бирон находился в зените власти, ибо царица всецело была под его влиянием. Не занимая официальных государственных постов, Бирон фактически направлял всю внутреннюю и внешнюю политику России. Его фавор отмечен грубым произволом, массовыми арестами и пытками, взяточничеством и казнокрадством, засильем разного рода проходимцев из числа прибалтийских немцев.

Императрица была буквально тенью своего фаворита. Вкусы Бирона были ее вкусами. Бирон не любил мрачные темные цвета — и весь двор, начиная с императрицы, одевался в пестрые, светлые тона, вплоть до старцев вроде Остермана. Бирон обожал лошадей — и императрица полюбила их и даже научилась гарцевать амазонкой. Императрица на-

правила Курляндию русскими войсками, когда «убеждала» курляндское дворянство выбрать Бирона герцогом Курляндии, дабы исполнить его желание. В хищениях и произволе Бирон шел по стопам Меншикова и Долгоруких. У супруги Бирона, бывшей фрейлины Анны Ивановны, одних драгоценностей было на сумму свыше двух миллионов червонцев. Не считая времени даром и подручные Бирона. Его ближайший соратник Липман, придворный банкир, открыто продавал должности в пользу фаворита и занимался ростовщичеством в тесных связях с Бироном.

На первый план выдвигаются такие фигуры, как братья Рейнгольды и Карл Левенвольде, К.Л. Менгден, И.А. Корф, Г.К. Кайзерлинг, Г.Р. Ливен, К. Бреверн, Штемберг и др. Видимо, желая укрепить свое положение, Анна Ивановна создает третий лейб-гвардейский Измайловский полк. Офицерские кадры для него поручено было набрать графу Карлу Густаву Левенвольде, полковнику воссозданного полка, из лифляндцев, эстляндцев и курляндцев и прочих наций иноземцев и из русских». К концу царствования Анны Ивановны все три гвардейских полка находились под начальством иностранцев. Великолепно знавший механизм дворцовых переворотов, французский посланник Шетарди объяснял: «Эта гвардия... составляет здесь главную опору власти, поэтому она вся поручена ведению иностранцев, чтобы на нее более можно было полагаться».

По словам В.О. Ключевского, «над кучей бионовских ничтожеств высились настоящие заправилы государства, вице-канцлер Остерман и фельдмаршал Миних», поскольку фаворит не утруждал себя государственными делами. Правительственный курс при Анне определял А.И. Остерман. Вопросы военные сосредоточил в своих руках фельдмаршал Б.Х. Миних (выходец из семьи ольденбургского инженера, он с 1721 г. находился на русской службе, руководя строительством Ладожского канала).

Для бионовщины, помимо чрезвычайно характерного презрения к представителям российского дворянства и засилью иностранцев, присуща обстановка полного произвола. Повсюду рыскали шпионы, ложные доносы губили любого, кто попадал в стены Тайной канцелярии. Тысячи людей гибли от жесточайших пыток. Произвол чинили и местные правители. В армии царили жесточайшая палочная дисциплина и муштра по прусскому образцу. И все это на фоне непосильных поборов, голода и нищеты народных масс. Уродливые

черты бироновщины вызвали в среде дворянства, особенно его верхушки, глубокое недовольство режимом. Еще в 1738 г. наблюдательный английский посланник Карл Рондо писал: «Дворянство, по-видимому, очень недовольно, что ее величество окружает себя иноземцами». Недовольство возрастало. Вскоре вокруг одного из преуспевающих политических деятелей этого времени — бывшего астраханского и казанского губернатора, а ныне кабинет-министра А.П. Волинского стали собираться своего рода кружок недовольных. Среди близких А.П. Волинскому так называемых конфидентов были советник экипаж-мейстерской конторы и горный офицер А.Ф. Хрущев, президент Коммерц-коллегии П.И. Мусин-Пушкин, архитектор П.М. Еропкин, обер-прокурор Сената Ф.И. Соколов.

Энергичный талантливый администратор, А.П. Волинский быстро продвинулся по служебной лестнице и с 1738 г. стал кабинет-министром. Вскоре он стал ведущей фигурой Кабинета и чуть ли не единственным докладчиком императрице. К моменту так называемого «дела» А.П. Волинский трудился над проектом государственных реформ, получившим название «Генеральный проект о поправлении внутренних государственных дел». В кругу «конфидендов» часто обсуждались в связи с этим различные аспекты государственной деятельности и внутриполитической жизни. Здесь высказывались весьма резкие суждения о засилье иностранцев. Сам А.П. Волинский скоро стал в весьма натянутых отношениях и с Бироном, и с Остерманом. Будучи в придворном чине обер-егермейстера, А.П. Волинский уволил из Конюшенного ведомства двух немцев, чем дал начало активному наступлению своих противников. В ответ на жалобы А.П. Волинский написал на имя Анны Ивановны письмо, представляющее своего рода кредо по вопросу об иностранцах в России: «Какие притворства и вымыслы употребляемы бывают при ваших монаршеских дворах, и в чем вся такая закрытая безсовестная политика состоит». Вызов, таким образом, состоялся, так как все в один голос говорили, что Волинский написал про Остермана. Одно шло к другому. Письмо было встречено очень холодно. На «ледяной свадьбе» Волинский избил придворного поэта, потом нашли, что Волинский незаконно выдал своему дворецкому из Конюшенного ведомства пятьсот рублей. Но дело довершило другое. В Кабинете шло обсуждение вопроса о денежной компенсации Польше за проход русских войск. Поляки заломили вы-

соответствующую сумму. Бирон поддержал их. Вспыльчивый Волинский считал, что «не будучи ни владельцем в Польше, ни вассалом польского короля, не имеет побуждений угрожать исстари враждебному народу». Таким образом, Бирон был сильно уязвлен, и он представил Анне ультиматум: «Либо он, либо я». Вскоре состоялся арест дворецкого Волинского и его самого. Дворецкий под пытками передал все когда-либо высказанные Волинским и его «конфидентами» недовольствия иностранцам и императрице: «Государыня у нас дура, если не докладываешь, резолюции от нее никакой не добьешься». Последовали аресты «конфидентов». Было объявлено о раскрытии огромного заговора. Аресты распространялись и в провинцию. После недолгого следствия с жесточайшими пытками последовал приговор и казнь на Сытном дворе. Там А.П. Волинскому отрезали язык, отрубили правую руку, а потом голову, П.М. Еропкина и А.Ф. Хрущева обезглавили, другим «урезали» языки и отдали в каторгу. Так погибли один из наиболее ярких политических деятелей той эпохи и его соратники.

§ 3. Дворцовые перевороты середины века

Осенью 1740 г. императрица, уже давно страдавшая мочекаменной болезнью, серьезно занемогла, возбудив толки о будущем российского престола. Правда, вопрос о самом наследнике престола уже был как будто решен. Еще задолго до этого момента один из приближенных Анны, К. Левенвольде, был послан по европейским дворам присмотреть жениха для племянницы Анны Ивановны — мекленбургской принцессы Анны Леопольдовны.

Так в России появился 19-летний принц Антон-Ульрих Брауншвейгский, где его приняли на службу и после нескольких лет закалки в военных действиях с Турцией женили летом 1739 г. на царицыной племяннице, весьма недалекой, флегматичной, хотя и миловидной девушке. 12 августа 1740 г. появилось на свет дитя, с пеленок именуемое Иваном Антоновичем. Анна Ивановна именно в нем видела будущего наследника престола. Французский посланник Шетарди пытался в предсмертные часы Анны Ивановны: «Я вижу, что иностранный народ близится к моменту освобождения от ига иностранного министерства, чтобы подчиниться господству иностранной династии».

Главный же нерешенный вопрос был в другом — кем быть регентом, до того как младенец станет мужчиной. Самим родителями младенца в качестве возможных кандидатур не фигурировали. Ближайшие же подручные Бирона постепенно склонялись к мысли назначить регентом его. Кабинет-министры А.П. Бестужев (выдворенец Бирона) и князь А.М. Черкасский убеждали сенаторов в целесообразности этой кандидатуры. Б.Х. Миних, трезво оценивая ситуацию, видимо не возражал, а А.И. Остерман, как всегда в таких случаях был болен и отлеживался дома. Сама же императрица, подписав поднесенный ей манифест о наследнике, вопрос о регентстве не поднимала. И только, когда медик, португалец Рибейра, объявил о безнадежном положении царицы, давно заготовленный и обсужденный в кругу высших сановников (ставленников Бирона) манифест о регентстве Бирона был подан умирающей императрице на подпись. Анна Ивановна дважды откладывала подписание манифеста, но, в конце концов, он был подписан.

Регентом стал Э.И. Бирон. Подвластный ему Сенат на другой день преподнес ему титул высочества и назначил полмиллиона рублей в год. Впереди были 17 лет полного господства, ибо Иван Антонович, по манифесту, должен был стать совершеннолетним лишь по истечении этого срока. Если с младенцем что-нибудь случится, наследниками должны стать его братья, а регентом опять тот же Бирон. Все, казалось, было прочно, на «законном основании»... Однако давно зревшее недовольство временщиком не угасло, а все более разгоралось. Уже вскоре после назначения регента вокруг принца Антона-Ульриха стали собираться недовольные. Это были в основном гвардейцы Семеновского полка, подполковником которого он был. Недовольство было быстро подавлено, виновные казнены. Принцу Антону-Ульриху публично в Сенате зловецким А. Ушаковым была прочитана мораль, а в итоге принц подал в отставку со всех постов. И, тем не менее, у временщика не было никакой опоры ни при дворе, ни в гвардии, которой командовали, казалось, верные ему иностранцы.

И действительно, регентство Бирона продолжалось до смешного короткое время — 3 недели! 8 ноября никто иной, как честолюбивый фельдмаршал Миних и его адъютант подполковник Манштейн, вступив в контакт с Анной Леопольдовной и вырвав у нее благословение, с группой гвардейцев в 80 человек ночью приступили к Летнему дворцу, где жил

Бирон. Охрана дворца не препятствовала, и разбуженный регент, быстро связанный офицерским шарфом, был доставлен в Зимний дворец.

Таким был еще один дворцовый переворот.

Так пал зловещий временщик, ловкий интриган и деспот, убиравший тысячи людей на смерть и пытки.

С падением Бирона взаимная грызня придворной клики прекратилась. Принц Антон-Ульрих теперь постоянно жаловался, что он генералиссимус, а все дела идут по-прежнему старым Б.Х. Миниха. А.И. Остерман остался также недовольным, так как первым министром стал Б.Х. Миних, а ему дали лишь чин великого адмирала.

Весьма существенную роль играла и внешнеполитическая ориентация Б.Х. Миниха. Почти одновременно с Анной Ивановной скончался другой европейский скипетродержатель, австрийский император Карл VI. Назрела война Австрии и Пруссии, которая решила захватить у Австрии Силезию. Фельдмаршал Б.Х. Миних настоял на нейтральной позиции России в предстоящей войне за «австрийское наследство». Больше того, фельдмаршал добился заключения с Пруссией союза в декабре 1740 г. Это вызвало недовольствие в придворных кругах, включая и Брауншвейгскую ветвь, которая держала сторону Австрии. В итоге правительница издала указ, где полномочия Б.Х. Миниха были резко сокращены. Миних остался недоволен, заговорил об отставке, будучи уверенным, что ее не примут. Но отставку все-таки приняли и фельдмаршал оказался не у дел. Теперь старый А.И. Остерман стал первым. Но тотчас началась новая борьба. Обозначался и основной соперник Остермана — вице-канцлер граф М.Г. Головкин. Правительница Анна Леопольдовна также стала с Остерманом в прохладных отношениях. Один лишь принц Антон-Ульрих все еще подчинялся его влиянию.

Тем временем полным ходом развивалась придворная дипломатическая интрига, главным вдохновителем которой был французский посланник маркиз Ла Шетарди. Шетарди прибыл в Россию с заданием любыми средствами содействовать войне России и Швеции, кроме того, французская дипломатия пыталась втянуть Турцию в войну с Россией. Франция в войне за «австрийское наследство» была союзницей Пруссии и стремилась укрепить прусский тыл, подогревая реваншистские устремления шведских правителей. Однако подробнее об этом будет идти речь в другой главе. Сейчас

нам важно отметить, что в феврале 1741 г. Шетарди получил задание подготовить «дворцовый переворот» в пользу Елизаветы Петровны.

Интрига с Елизаветой началась с помощью ее придворного лекаря Лестока, который связал ее с Шетарди. Вскоре присоединился и другой партнер, шведский посланник Полькен. Оба дипломата усиленно делали вид, что из-за Елизаветы готовы объявить войну Швеции с Россией, где (подумать только!) Швеция выступит защитницей наследия Петра I. Из донесений Шетарди явственно выступает весьма сдержанная линия поведения Елизаветы, которая то и дело «охладевала» к замыслам переворота. Летом 1741 г., когда переговоры подошли к решительной стадии, а Швеция уже объявила войну России, Елизавета стала требовать обещанного ей шведского манифеста, где было бы объявлено, что война идет за освобождение русского престола от иностранцев. Елизавете нужны были и деньги — 15 тыс. червонцев, а Шетарди лишь туманно обещал 2 тысячи. Манифест от имени главнокомандующего действующей армией Левенгаупта был все же издан, однако практического значения он не получил.

Оба дипломата вытягивали из будущей императрицы письменное обещание льгот для Швеции, имея в виду главное — территориальные уступки. Надо сказать, что такового обязательства Елизавета упорно не давала и переговоры уже шли на убыль. В октябре 1741 г. А.И. Остерман, чувствуя недоброе, уже требовал, чтобы Шетарди был отозван французским правительством. Наконец, в конце ноября 1741 г. сама правительница Анна Леопольдовна имела «крупный» разговор с Елизаветой. Это был тревожный сигнал. Но это было не самое опасное, ибо переговоры с дипломатами и так были бесплодными. Дело в том, что Елизавета с помощью Лестока постепенно приводила в порядок традиционный механизм дворцовых переворотов — придворную гвардию.

С молодых лет отличавшаяся весьма вольным поведением принцесса Елизавета была в тесном контакте с гвардейцами, дружа с красавцами-гренадерами. Великолепно сложенная, живая, веселая и, как говорят, ослепительно красивая, она пользовалась большой симпатией среди гвардейцев. В годы мрачной бироновщины и засилья иностранцев связи Елизаветы с гвардией крепились. Дворянская гвардия видела в ней наследницу Петра I, символ раскрепощения от господства иностранцев. Число сторонников Елизаветы среди дворян-гвардейцев росло.

И вот наступила главная опасность для предстоящего переворота. 24 ноября был отдан приказ всем гвардейским полкам (около 5 тыс. человек) быть готовыми к выступлению против шведов, чтобы отразить их наступление на Выборг. Ближайшее окружение Елизаветы — М.И. Воронцов, А.Г. Рагуманский, П.И. и А.И. Шуваловы и Г. Лесток настаивали на немедленном перевороте.

Момент был критический, и Елизавета решилась. В первом часу ночи легкие сани понесли Елизавету к гвардейским казармам Преображенского полка. Войдя туда в сопровождении преданных ей гвардейцев, Елизавета обратилась к ним с речью, содержание которой нетрудно угадать. Около 200 присутствующих здесь гвардейцев присягнули Елизавете. Полки в течение часа были собраны на дворцовой площади. Тем временем с большой группой гвардейцев Елизавета направилась к Зимнему дворцу. Отдельные отряды были посланы для ареста А.И. Остермана, Б.Х. Миниха, М.Г. Головкина, барона Х.В. Миниха, генерал-майора Альбрехта, обергофмаршала Левенвольде и генерал-комиссара Лопухина, шуринов Остермана братьев Стрешневых и др. Главный отряд стремительно направился в кордегардию Зимнего дворца, неся будущую императрицу на руках. Охрана дворца, за исключением четырех офицеров, перешла на сторону Елизаветы. Легко и быстро произошел арест четы Брауншвейгской — сонные люди не оказали сопротивления. Главным арестантом стал несчастный младенец, которому был 1 год 3 месяца.

Переворот совершился. Ночной дворец осветился огнями и стал наполняться толпами знати, спешившими поздравить новую императрицу. Был собран совет, где приняли участие канцлер, князь А.М. Черкасский, тайный советник Бреверн, фельдмаршал И.Ю. Трубецкой, адмирал Н.Ф. Головин, генерал-прокурор Сената Н.Ю. Трубецкой, вернувшийся из ссылки А.П. Бестужев, обер-штальмейстер Куракин.

Как видно из списка, здесь были и бывшие подручные Бирона и люди, не стоявшие близко к новой императрице. Подлинные сотрудники Елизаветы были еще в тени. Совет принял текст присяги. На другой день под грохот пушек царица вступила во дворец и началось приведение гвардейских полков к присяге. А фельдмаршал Б.Х. Миних, барон Менгден, граф А.И. Остерман и граф М.Г. Головкин были заключены в Шлиссельбург.

Брауншвейгское семейство вместе с фрейлиной Юлией Менгден поначалу было отправлено за границу (они уже добрались до Риги). Потом решение было внезапно изменено. Около года семейство прожило в Динамюнде (под Ригой), а затем, в январе 1744 г. было отправлено в Раненбург, а оттуда — в Холмогоры (под Архангельск). В Холмогорах у семейства было уже, не считая первенца, четверо детей. После родов четвертого ребенка Анна Леопольдовна скончалась 28-ми лет. Здесь, в Холмогорах осиротевшее семейство прожило на полутюремном режиме до 1780 г., когда по приказу Екатерины II детей (принц Антон уже умер к тому времени) вывезли в Данию.

Что же касается низвергнутого младенца-императора, то он пробыл в Холмогорах в полном одиночестве под надзором некоего майора Миллера до 1756 г. Затем внезапно Иван Антонович был тайно переведен в Шлиссельбургскую крепость. Долгие годы мальчик-узник рос в невыносимых условиях. По инструкции надзирателю — гвардейскому капитану и его сменщику — прапорщику предписывалось постоянно быть в «казарме» с арестантом. «Акроме ж вас и прапорщика, — говорилось в инструкции, — в эту казарму никому ни для чего не входить.... когда ж для убирания в казарме всякой нечистоты кто впущен будет, тогда арестанту быть за ширмами, чтоб его видеть не могли». Нетрудно понять, что в этих условиях юноша вырос физически и морально надломленным, человеком с расшатанной, болезненной психикой. Офицерская охрана еще к тому же постоянно издевалась над ним. Это проглядывает в донесениях некоего охранника Овцына о том, что «хотя в нем болезни никакой не видно, только в уме несколько помешался». Мальчик что-то еще смутно помнил о прошлом и в припадке гнева называл себя великим человеком, принцем. «Дня три как в лице кажется несколько почернел, — пишет перепуганный Овцын об одном из таких припадков, — и чтоб от него не робеть... воздержаться не могу; один с ним остаться не могу; когда станет шалеть и сделает страшную рожу, отчего я в лице изменюсь — он, то видя, более шалит». Так продолжалось долгие годы, вплоть до 1764 г., когда при попытке Миновича освободить Ивана Антоновича, последний был убит охраной, выполнявшей инструкцию.

Итак, 28 ноября был издан манифест, обосновавший все права на престол новой императрицы. Новая государыня раз-

дала милости направо и налево. А.Г. Разумовский, П.И. и А.И. Шуваловы, М.И. Воронцов были сделаны камергерами.

Гвардейские офицеры всех полков и офицеры Ингерманландского и Астраханского полков получили желаемое — треть годового жалованья, щедро одарены были и солдаты. Гранднерская рота преображенцев была отмечена особо — получила звание «лейбкомпани», а капитаном ее стала сама царница. Всем им пожаловано было потомственное дворянство и деревни (каждый рядовой лейбкомпани получил по 29 душ крепостных). Итак, механизм, исправно сработавший, был, так сказать, вознагражден.

Сразу же было объявлено об уничтожении Кабинета и восстановлении в правах Сената. Сенат был обновлен, в него вошли: фельдмаршал князь Ив.Ю. Трубецкой, тайный советник А.П. Бестужев-Рюмин, обергофмейстер С. Салтыков, генерал-прокурор князь Н.Ю. Трубецкой, обер-прокурор Брыльцов, великий канцлер князь А.М. Черкасский, адмирал граф П.Ф. Головин и др.

Наряду со старыми выдвигались и новые фигуры. После торжественной коронации 25 апреля 1742 г. родственник царницы принц Гессен-Гамбургский стал генерал-фельдмаршалом, А.Г. Разумовский — обер-егермейстером, в графское достоинство возведены Бестужевы-Рюмины, генерал Чернышев и т.д. Однако эти выдвижения еще не остановили ожесточенной реакции против иностранцев. В январе 1742 г. Б.Х. Миних был приговорен к четвертованию, А.И. Остерман — к колесованию, К. Левенвольде, Менгден, М.Г. Головкин — к отсечению головы. После инсценировки приготовлений к казни осужденным была объявлена милость Елизаветы: казнь заменена ссылкой Б.Х. Миниха — в Пелым, А.И. Остермана — в Березов, К. Левенвольде — в Соликамск и т.д.

Итак, на трон взошла дочь Петра Великого. В ходе нашего изложения мы уже не раз касались облика Елизаветы. Теперь это была не юная дева, ей было уже 32 года. Она так и не вышла замуж, хотя в списке ее женихов были Людовик XV, и герцог Шартрский, и герцог Бурбонский, и инфант дон Карлос, и граф Мориц Саксонский, и герцог Курляндский, и маркграф Карл Бранденбургский, и Людовик Брауншвейг-Люнебургский, и принц Конти и др.

По-прежнему веселая и живая Елизавета без ума любила празднества. Мастерница танцевать, она была способна провести в танце весь бал, меняя несколько платьев кряду. Как истая женщина, Елизавета любила наряды, в ее гардеробе

было около 15 тысяч платьев (дважды она их не надевала). Новая императрица окружала себя атмосферой беспрепятственных маскарадов, оперных и комических спектаклей. Она любила наряжаться, особенно в мужское платье, любила сама наряжать актеров, особенно молодых людей. Русский двор теперь не видел грубых и жестоких развлечений, должность шута Елизавета устранила вскоре вовсе. Отлично владевшая французским, неплохо — немецким, императрица слыла образованным человеком, хотя до конца жизни была искренне уверена, что в Англию можно проехать каретой.

Поначалу императрица старательно вникала в государственные дела. За конец 1741 и за 1742 г. она семь раз побывала на заседаниях Сената, в 1744 г. зафиксировано уже только 4 посещения. Несмотря на внешнюю простоту поведения, Елизавета была далеко не простодушна и не легко подчинялась влиянию. Не сразу, например, были подобраны кадры на важнейшие государственные посты. Почти тотчас же по вступлении на престол Елизавета снова подверглась сильнейшему дипломатическому давлению со стороны Франции. С воцарением дочери Петра на престоле Швеция прекратила войны, разоблачив тем самым всю фальшь своего лозунга борьбы за наследников Петра I.

Однако Елизавета, поставив вопрос о войне согласно предсловутому манифесту Левенгаупта, объявила, что отныне причины для войны нет, и просила французского посланника Шетарди о посредничестве. Сделав головокружительное сальто, Шетарди объявил теперь Елизавете истинные причины войны Швеции — реванш за поражение от ее отца. Теперь он угрожал ей шведским оружием, если не будет требуемых территориальных уступок. Одна из влиятельнейших и самых близких к Елизавете фигур, лейб-медик Г. Лесток употребил все свои силы, дабы склонить Елизавету к выгодному для Франции решению. Ведь недаром Г. Лесток получал «пенсию» от французского короля в 15 тыс. ливров ежегодно. Шетарди и Лесток решили привлечь нового вице-канцлера А.П. Бестужева. Однако А.П. Бестужев в присутствии Елизаветы решительно заявил Шетарди, «что он заслуживал бы смертную казнь, если бы стал советовать уступить хотя бы один вершок земли — надобно вести войну!»

Напор на Елизавету возрастал. Позиции были неравны, так как, по словам Бестужева, «медик имеет возможность говорить с нею по целым часам наедине». И тем не менее Елизавета приняла сторону А.П. Бестужева — военные дей-

ствия во Швецией были продолжены. Вернув из ссылки и приняв участие жертв бироновского режима (в частности, были восстановлены в чинах В.В. и М.В. Долгорукие), Елизавета рискнула вместе с тем смягчить участь и Э.И. Бирона, переведя его из сурового Пельма в Ярославль. Она, видимо, ни на минуту не забывала и о существовании Ивана Антоновича. Почти тотчас по восшествии на престол Елизавета выехала в Россию своего племянника герцога Голштинского Петра-Ульриха.

Герцог был то самое «кильское дитя», призрак которого витал при воцарении Анны Ивановны, и тот «чертенюк», о котором с беспокойством вспоминала Анна Леопольдовна. Петр-Ульрих прибыл в Россию в феврале 1742 г. 14-летним мальчиком. Это был противовес свергнутому Ивану Антоновичу. Это было и исполнение знаменитого «тестаментария» Елизаветы. Правда, по «тестamentу» герцог Голштинский имел первенство перед Елизаветой как потомок Анны Петровны, но он тогда не был православным. Теперь же Елизавета крестила мальчика и, став Петром Федоровичем, он приобрел все, так сказать, права на престол. Уже 7 ноября 1742 г. он был официально объявлен наследником. Причем это назначение было неожиданностью для всего окружения Елизаветы. Об этом знали лишь Лесток, Брюммер (гофмаршал герцога) да новгородский архиепископ Амвросий Юшенич. В таких делах Елизавета не советовалась. Первое стремление добросердечной императрицы — освободить Брауншвейгское семейство — сменилось потом твердым решением отправить их в неизвестность.

Меры по отношению к низвергнутой чете были усилены после так называемого заговора де Ботта в июле 1743 г. Этот австрийский посланник в кругу лиц, пострадавших от елизаветинского переворота, высказался в пользу Ивана Антоновича и, видимо, встретил словесную поддержку. Аресты и допросы охватили более десятка лиц, главным образом, родственников бывшего генерал-кригс-комиссара Степана Лопухина и жены Михаила Петровича Бестужева. Виновным урезали языки либо сослали в отдаленные места. «Заговор» был великолепным поводом для Г. Лестока погубить обоих братьев Бестужевых. Однако Елизавета твердо верила в невинность обоих братьев и, несмотря на неоднократные нажимы, даже не сняла их с ответственных постов. Вскоре после заговора Ботта, в 1744 г. семейство Брауншвейгского принца переводят в Холмогоры, а в 1756 г. принц Иван Антонович

попадает в Шлиссельбург. Веселая, добродетельная императрица, бывшая на троне 20 лет, имела постоянную привычку засыпать лишь на заре, даже тогда, когда этот образ жизни стал сказываться на цвете ее лица, и это при ее буквальной болезненном отношении к своей красоте. К этой привычке примыкала и другая странность — Елизавета обожала, чтобы перед сном ей щекотали пятки, что часто длилось до самого утра. Видимо, страшны были ночи царственных особ в эпоху дворцовых переворотов.

Поставившая было управление на серьезную основу Елизавета с течением времени уделяла государственным делам все более ничтожное время. Бумаги лежали годами. Известно, например, что ответ на письмо Людовика XV о рождении у него сына она подписала через 3 года.

Фаворитизм как закономерное явление эволюции дворянского государства неизбежно развивался и при Елизавете. Фаворитом номер один был Алексей Григорьевич Разумовский. До него, правда, у Елизаветы также были фавориты (А.Б. Бутурлин, гофмейстер С.К. Нарышкин, гвардейский сержант Шубин), но певчий императорской капеллы, надолго завоевавший сердце Елизаветы. Простой черниговский казак привлек внимание Елизаветы задолго до ее восшествия на трон, сделавшись вследствие этого управителем ее имений. Фавор Разумовского был долгим — до самой смерти Елизаветы. Некоторые историки потратили немало сил для доказательства тайного брака Елизаветы и Разумовского. Немало мифов и о детях от этого брака.

Так или иначе, фаворит имел немногих и недолгих соперников. Простой казак был удостоен звания фельдмаршала, ни разу не командовавший даже полком. По свидетельству современников, А.Г. Разумовский обладал большой трезвостью ума и многое воспринимал с иронией. Не скрывая своего происхождения, он навещал своих родных и принимал их в Петербурге. Младший брат его после отбытия срока обучения в Берлине и Геттингене еще совсем юношей был заботливо устроен президентом Академии наук. Фаворит был сыном своего времени — богатство его было сказочным, но это был не Бирон. Наоборот, внешнее бескорыстие его было на устах современников.

Под неустанной опекой Елизаветы находился наследник престола будущий Петр III Федорович. Императрица саживала над ним часами во время его болезней, потом стреми-

тельными темпами стала искать ему достойную невесту. Деятельности маркиза де Ботта и Лопухиных подстегнуло ее еще больше. Изначально было две кандидатуры: саксонская принцесса Марianne, дочь польского короля Августа III, и София-Августа-Фредерика, дочь Ангальт-Цербстского принца. Менее важное происхождение последней советницы Елизаветы сочли более подходящим, к тому же принцесса Цербстская не была католичкой, а это для набожной Елизаветы было очень важно. Принцессе было послано 10 тыс. руб. и приглашение приехать в Россию. В феврале 1744 г. принцесса была уже в Москве, в июне ее окрестили и появилась Екатерина Алексеевна, будущая Екатерина II. Летом 1745 г. состоялась свадьба.

Внук Петра Великого и внучатый племянник Карла XII, Карл-Петр-Ульрих имел равные шансы быть наследником как русского, так и шведского престолов. Циничные воспитатели юного герцога, рано оставшегося круглым сиротой, старались на всякий случай создать в голове мальчика двойственное мировоззрение — с одной стороны, лютеранское, с другой — православное, ибо учение о религии было составной частью мировоззрения тогдашнего человека. Подобный опыт привел к плачевным результатам. Бездарный по природе, слабый умом мальчик на всю жизнь затаил ненависть к книгам, особенно на латинском языке. Уже будучи императором, Петр III запретил держать во дворце книги на латинском. Брюммер, воспитатель Карла-Петра-Ульриха, был человеком крайне ограниченным, круглым невеждой, разбиравшимся лишь в лошадях. Забитый им мальчик, а потом уже юноша, рос человеком со странной психикой и причудливыми интересами.

Здесь, однако, мы должны оговориться, что для характеристики личности Карла-Петра-Ульриха историки пользуются главным образом мемуарами Екатерины II, т.е. источника, явно пристрастного к этой личности. Так, Екатерина отмечает, что поздними вечерами и далеко за полночь супруг заставлял супругу играть с ним в куклы, причем это скрывалось от Елизаветы. У Петра Федоровича была и другая страсть — он любил дрессировать собак и мучил их целыми днями где попало: и на даче, и в комнатах дворца. Научившись играть на скрипке, он был способен долгими часами изводить слух окружающих его. По словам В.О. Ключевского, «его образ мыслей и действий производил впечатление чего-то удивительно недодуманного и недоделанного. На

серьезные вещи он смотрел детским взглядом, а к детским затеям относился с серьезностью зрелого мужа. Он походил на ребенка, вообразившего себя взрослым; на самом деле это был взрослый человек, навсегда оставшийся ребенком». Петр Федорович с детства обожал прусского короля Фридриха II и мог дни и ночи напролет играть в деревянных солдатиков. Когда супруга его собралась рожать, Петр Федорович явился на помощь к ней в полной военной форме с огромной шпагой на боку. Потом у Петра Федоровича появились любовницы из фрейлин его супруги. Наследник стал часто напиваться и т.п.

Ко всему прочему, наследник престола питал отвращение к России и ко всему русскому. Сам он ходил в голштинском мундире, окружил себя голштинскими офицерами, пренебрегал русской церковью, на богослужениях мог смеяться, показывал язык священнослужителям — все это, разумеется, не ускользало от внимания придворных кругов, высших государственных сановников и от самой Елизаветы. Императрица порою чисто по-женски приходила в отчаяние. Однажды в беседе с австрийским послом Эстергази Елизавета жаловалась на слабость рассудка великого князя.

Так или иначе, но со смертью Елизаветы, наступившей 22 декабря 1761 г., императором стал Петр III. Первым актом нового императора было прекращение всех военных действий против Пруссии. При Петре III была уничтожена злоедающая Тайная канцелярия. В развитие законодательства Анны Ивановны и Елизаветы при нем был принят важнейший государственный акт — манифест о вольности дворянской. В короткое шестимесячное царствование Петра III была начата секуляризация церковных имений.

Важность этих мероприятий, их немалое историческое значение для судеб дворянской империи историки давно подтвердили. Несомненно, что государственная политика при Петре III и характеристика личности этого государя находятся в довольно сильном несоответствии. Но роль Петра III как личности при проведении этих указов была ничтожна. Дворянский историк М.М. Щербатов рассказал одну из ядовитейших легенд о том, как был принят манифест о вольности дворянской. Стремясь избавиться от наскучившей ему любовницы Е.Р. Воронцовой и собираясь веселиться с Е.С. Куракиной, Петр III объявил, что будет работать со своим секретарем Д.В. Волковым в особой комнате. Последнего действительно заперли в комнате и дали распоряжение

подготовить какой-нибудь важный закон. Волков собрался с соображениями, вспомнил то, о чем чаще всего говорили сановники, и написал проект манифеста о вольности дворянской. Государь же веселился с княжной Куракиной. Разумеется, это легенда, но весьма правдоподобная.

И тем не менее Петр III был личностью глубоко несимпатичной, а его прусская ориентация, равнодушие и нелюбовь к России, к официальной русской церкви возбуждали в среде дворянства недовольство, создавая шансы для очередного дворцового переворота. Все это отлично понимала его унылая супруга.

Софья-Августа-Фредерика, Екатерина Алексеевна в православии, была из рода владетелей одного из бесчисленных мелких немецких феодальных княжеств, тем не менее традиционно котирующихся в среде крупнейших европейских царствующих династий. Неудивительно, что с раннего детства Екатерина готовила себя к судьбе царственной особы. Обладая природным расчетливым умом, она еще в детстве решила, как писала о том позже, что наиболее подходящая партия для нее в Европе — это Карл-Петр-Ульрих, наследник российского престола. Брак по расчету, оказавшийся несчастливым и бывший, по ее уверению, фактически фиктивным около 9-ти лет, тем не менее не поверг ее в уныние и отчаяние. Волевая женщина все свои силы и способности употребила, по ее словам, на достижение трех целей: «1) нравиться великому князю, 2) нравиться императрице, 3) нравиться народу», т.е. высшему придворному обществу. Она мужественно терпела все дикие выходки своего супруга. Никто, как она, не был так старателен в выполнении обычаев православной церкви, что очень нравилось набожной Елизавете. Наконец, она была весьма скромна, тактична при дворе с его сложной сетью хитросплетений интриг. Честолюбивая молодая женщина в конце концов завоевала прочное расположение императрицы и в придворных кругах. Отлично владевшая французским и немецким Екатерина прилежно и быстро выучилась русскому языку, хотя всю жизнь потом писала с большими ошибками. Она довольно много, хотя и беспорядочно, читала. Тут были и античные авторы, и довольно модные тогда французские энциклопедисты.

Прожив долгую жизнь при русском дворе, Екатерина отлично усвоила его нравы, небезызвестны ей стали и тайные пружины власти. Когда Петр III вззошел на престол, положение Екатерины стало весьма непрочным. Отношения ее с

супругом, которого она, видимо, ненавидела всю душою, стали весьма прохладными. Петр III публично третировал и оскорблял ее. Придворные поговаривали о предстоящем заточении ее в монастырь и женитьбе Петра III на Е.Р. Воронцовой. В этой обстановке Екатерина постепенно собирает приводные нити старого механизма государственных переворотов. Поведение императора было настолько вызывающим, что в недовольных не было недостатка. Окончив войну с Пруссией, Петр III пустился защищать интересы своего родного карликового государства — Голштинии и объявил войну Дании. Он распорядился во всех российских православных церквях снять все иконы, кроме икон Спасителя и Богоматери. Он одел войска в прусскую форму; на одном из званых обедов встал на колени перед портретом короля Фридриха II, называя его своим государем. Терпение дворянства лопнуло.

Среди недовольных был человек, близкий Екатерине, — воспитатель ее сына Павла граф Никита Панин, известный дипломат елизаветинской эпохи, человек с большими связями и влиянием. Немалую роль в начальной стадии подготовки переворота сыграла княгиня Е.Р. Дашкова, урожденная Воронцова. Через ее мужа Екатерина устанавливала свои связи с гвардией. Из высших сановников ей симпатизировали генерал-прокурор Глебов, генерал-фельдцейхмейстер Вильбуа, князь М.Н. Волконский, директор полиции Ник. Корф. По мнению В.О. Ключевского, большую роль в заговоре сыграл малороссийский гетман граф Кирилл Григорьевич Разумовский. Он был полковником и любимцем лейб-гвардии Измайловского полка, а это в заговоре весьма важное обстоятельство. В гвардии сторонниками Екатерины являлись офицеры — преображенцы Пассек и Бредихин, братья Рославлевы и Ласунский из Измайловского полка. Наиболее активным был офицер конной гвардии 27-летний Григорий Орлов с братьями Алексеем и Федором. В конной гвардии активно действовали 17-летний унтер-офицер Г.А. Потемкин, 22-летний офицер Хитрово и др. К июню, по словам Екатерины, на ее стороне были около 40 гвардейских офицеров и до 10 тыс. солдат.

Толчком к выступлению послужила сумасбродная война из-за Шлезвига. Гвардии было приказано выступить. К тому же 27 июня из-за волнений и выкриков солдат в пользу Екатерины был арестован Пассек. Это было сигналом для активных действий. В самом Петербурге царственных особ не бы-

ли. Император веселился в Ораниенбауме, а Екатерина была в Петергофе, где оба 29 июня должны были встретиться. Пораженный арестом Пассека Преображенский полк посылает гонца Алексея Орлова к Екатерине, который привозит ее в Петербург. В дело включились Дашкова и Панин. Был снят Измайловский полк, в казармы которого привезли Екатерину. В присутствии самого К.Г. Разумовского солдаты присягнули новой императрице. Затем последовали в Семевский полк. Тотчас после этого в Казанском соборе в экстазе была упомянута самодержица Екатерина II. Все полки были направлены на окружение и захват караула Зимнего дворца. В нем Екатерина встретила Сенат и Синод, которые в полном составе присягнули новой императрице. Дело было сделано. Механизм, хорошо подготовленный, сработал четко и без осечек.

Тем временем самодовольный и ни о чем не подозревавший Петр III со своим ближайшим окружением приехал в Петергоф и вместо торжества по поводу завтрашних своих именин (29 июня) увидел опустевший старый дворец Монплезир. Кто-то сказал, что Екатерина тайно уехала в Петербург. Петр III, недоумевая, послал гонцов разузнать, в чем дело. Это были М.И. Воронцов, Н.Ю. Трубецкой и Александр Шувалов. Их привели к присяге и гонцы обратно не вернулись, и все стало ясно. Петр III решил защищаться с голштинским отрядом, но его отговорил присутствовавший там фельдмаршал Б.Х. Миних. Решено было ехать в Кронштадт. Однако, подплыв на яхте с кучкой приближенных к Кронштадту, Петр III был встречен грубым окриком коменданта Талызина, уже назначенного Екатериной. Талызин заявил, что будет стрелять из пушек, если яхта не удалится. Приказавший командовать лишь на вахт-парадах Петр растерялся, забился в трюм и более ничего не предпринимал. Яхта отплыла вновь в Ораниенбаум. Отсюда был послан А.М. Голицын с предложением Екатерине разделить власть, но из этого ничего не вышло. Тогда Петр III написал отречение, войска императрицы заняли Петергоф, а вечером Петра увозят в Ропшу, где он 6 июля, через 6 дней после переворота, был удушен. В манифесте была объявлена другая причина смерти — геморроидальные колики. Естественно, участники переворота были щедро вознаграждены как деньгами, так и «крепостной собственностью», т.е. крепостными крестьянами. Раздачи были невероятно щедрыми — по 300—800 душ крестьян. Григорий Орлов стал камергером, Алексей Орлов —

майором Преображенского полка, Федор — капитаном Семеновского полка. Всем им дано по 800 душ крестьян. Книжник Е.Р. Дашкова получила 10 тыс. руб., вскоре еще 24 тыс. руб. Гетман К.Г. Разумовский, Никита Иванович Панин, Михаил Никитович Волконский — пожизненные пенсии по 5 тыс. руб. в год. Следуя всем правилам, выработанным столь долгой практикой дворцовых переворотов, Екатерина II вернула ссыльных и опальных. 6 июля в Сенате был написан манифест о восшествии Екатерины II на престол. 1 сентября Екатерина выехала в Москву на коронацию, которая произошла 22 сентября 1762 г.

Таков был последний дворцовый переворот из серии переворотов середины века.

Глава 8

Государственные преобразования и финансовая политика

§ 1. Органы государственного управления

После смерти Петра I созданная им бюрократическая машина дворянского государства должна была пройти сквозь испытания контрреформ. В итоге всех административных изменений система центральных учреждений осталась почти неизменной. Во главе государства стояла фигура императора. При нем в виде совещательного органа попеременно возникали либо Тайный совет, либо Верховный тайный совет, либо Кабинет ее императорского величества, либо, наконец, так называемая Конференция при высочайшем дворе.

При слабости или прямой неспособности к государственной деятельности той или иной царственной особы эти совещательные органы превращались фактически в высшие органы государственной власти. В их состав входили, как правило, влиятельнейшие сановники. В стенах Тайного совета, Верховного тайного совета и Кабинета решались все крупнейшие вопросы внешней и внутренней политики. Да и не

были крупнейшие. В частности, в сохранившихся протоколах Верховного тайного совета есть множество свидетельств о том, что наряду с законодательной деятельностью и государственным контролем в Совете решались многочисленные вопросы текущего характера по управлению государством. В этой области и Верховный тайный совет, и Кабинет сплошь и рядом подменяли не только Сенат, но и коллегии. С 1735 г. постановления Кабинета за подписью трех его министров стали заменять указы императорской особы. С этого момента он стал расширять свои функции за счет сферы непосредственного управления. Сенат и коллегии ежемесячно подавали в Кабинет рапорты о своей деятельности.

В 40-х годах XVIII в. многое было восстановлено из практики государственного управления Петра I. Сенат, в частности, был восстановлен в своих правах. Однако и в этот период постепенно нарастала необходимость существования Совета при императорской особе.

В том же направлении эволюционировала и елизаветинская «Конференция при высочайшем дворе». Функции ее в 40-х годах ограничивались лишь рекомендациями и решениями в области международных сношений. Собиралась она от случая к случаю. Но уже с началом Семилетней войны «Конференция» расширила свои права и стала постоянно собирающимся коллективным органом для руководства военными действиями русских войск. В конце 50-х годов «Конференция» превращается в государственное учреждение типа Кабинета или Верховного тайного совета, ибо здесь уже фактически решаются и важнейшие вопросы внутренней политики.

Созданный Петром I Сенат — высший правительственный орган, непосредственно подчиненный императору, должен был сосредоточить в своих руках чисто административную власть по руководству всеми государственными учреждениями. Однако во второй четверти XVIII столетия мы постоянно сталкиваемся с ущемлением прав Сената со стороны либо Верховного тайного совета, либо его наследников. Лишь в 40-х годах XVIII в. Сенат сравнительно долгий период имеет всю полноту своих прав. Такого рода нарушения при условии полной или частичной бездарности царствующих особ в области государственного управления, видимо, были следствием постоянно возникающих олигархических тенденций. Та или иная группировка временщиков стреми-

лась к власти любой ценой и была заинтересована в существовании всякого рода тайных советов.

Степень влияния и могущество того или иного сановника иногда сказывались и на роли тех или иных коллегий. В целом их число и состав оставались во второй четверти XVIII в. те же, как и при Петре I. Однако при всем этом в 1727 г. Военная коллегия вышла из-под контроля не только Сената, что было узаконено в 1722 г., но и Верховного тайного совета. Это был период всемогущества Меншикова. Им подчинялись Сенату и были поставлены выше других Адмиралтейская коллегия и Коллегия иностранных дел. Немалую роль при этом сыграло и то, что во главе их стояли «верховники» Ф.М. Апраксин и А.И. Остерман.

В эпоху засилья временщиков весьма характерные меры предпринимались по отношению к институту прокуроров надзиравших за интересами казны. Во второй четверти столетия их дважды отменяли, а окончательно восстановили лишь при Елизавете.

Так называемые контрреформы, последовавшие после смерти Петра I, имели в виду не столько уничтожение его наследия в преобразованиях дворянской империи, сколько стремление любыми путями преодолеть тот тяжелый финансовый кризис, который разразился в 20—30-е годы XVIII в. Главное стремление реформаторов — упрощение, удешевление государственной машины. На практике это приводило иногда к нарушениям экономических и иных интересов государства.

В области финансов при Петре I Коммерц-коллегия ведала приходом, а Штатс-контора — расходом денежных средств. Теперь же оба учреждения были объединены в одно. В 1727 г. Мануфактур-коллегия была соединена с Коммерц-коллегией под тем предлогом, что члены ее без Сената ни одного важного решения принять не могут и потому даром хлеб не едят. В 1731 г. эта мера была усугублена уничтожением Берг-коллегии, которая также была слита с Коммерц-коллегией. Все это надолго, вплоть до 1742 г., когда обе эти коллегии были восстановлены, нарушило ход решения важнейших экономических проблем. Деятельность же Генерал-берг-директориума (с 1736 по 1741 г.) во главе с К.А. Шемберггом нанесла ущерб развитию горных заводов, не говоря о колоссальных хищениях, совершенных руководителями директориума (за 2 года более 400 тыс. руб.).

В системе центральных учреждений в эпоху дворцовых переворотов были и нововведения. В 1731 г. было образовано первое из новых мрачных учреждений эпохи дворцовых переворотов — Канцелярия тайных розыскных дел. Она просуществовала на правах коллегии до 60-х годов XVIII в. Через это учреждение прошли десятки тысяч битых кнутом, вздернутых на дыбу, подвергшихся пыткам каленым железом. В 1736 г. создана Канцелярия конфискации. Это учреждение отбирало в казну имущества и имущество опальных князей, дворян, представителей крестьянства и городского посада. Наконец, весьма характерное явление эпохи — Доимочная канцелярия, усилия которой в течение нескольких десятилетий были направлены на выжимание недоплаченных налоговых денег из крестьян.

Значительно большим изменениям была подвергнута система местных учреждений. Цель этих изменений двоякая — укрепление власти дворянского государства на местах в обстановке постоянных волнений подневольного населения и облегчение острейшего финансового кризиса, разразившегося в 20—30-е годы XVIII в.

2. Финансовый кризис 20—30-х годов XVIII в.

Крестьянство встретило подушную подать Петра I упорным сопротивлением, которое обнаружило себя уже при проведении первой ревизии. Жители той или иной местности при прибытии переписчиков либо убегали, либо утаивали часть населения. К утайке душ прибегали и сами помещики, стремясь тем самым увеличить свои собственные поборы. В начале 20-х годов систематически издавались указы, санкционировавшие различного рода наказания помещикам, вплоть до наказания кнутом и ссылки на каторгу. Однако все эти меры были малоэффективны и вскоре от них отказались. Добавим к этому, что несколько лет подряд (1723—1726) перед началом сбора подушных денег обширные территории России постигал неурожай, что резко ухудшило положение крестьян. Уже первый сбор подушного налога дал огромную недоимку (30%) всей суммы налога.

На 1725 год правительство вынуждено было понизить подушный оклад до 70 коп., но это не спасало положения. Недобор всей суммы налога вновь составил 30%. По данным Военной коллегии, к 1739 г. общая задолженность по поду-

шной подати достигла фантастической цифры — около 1 млн. руб., что служит важнейшим показателем явного разорения крестьянства. В такой обстановке правительство даже было неоднократно «великодушно» прощать недоимки. Так, в частности, треть сборов была отменена на 1727, 1728 и 1730 г. Сокращали сборы и в 30—40-х годах XVIII в. В 1754 г. правительство вынуждено было «простить» старую недоимку с 1724 по 1746 г. (что составило около 2,5 млн руб.). Вместе с тем в 50-х годах намечается тенденция к постепенному понижению подушного оклада: в 1751 и 1752 г. оклад был понижен на 3 коп. с души, в 1753 г. — на 5 коп. и т.д. Впрочем, у этого на редкость щедрого маневра царского правительства была довольно мрачная закулисная сторона, но об этом чуть позже.

Крайне разорителен был и сам порядок сбора подушной подати. Стремясь сломить сопротивление крестьянства, царское правительство поначалу передало функции сбора подати в руки армии. Стало быть, помимо местных учреждений, подчинявшихся Камер-коллегии, к этому делу были привлечены офицеры полков, расквартированных в той или иной местности. Это повлекло за собой огромные злоупотребления солдат и офицеров.

В записке императрице Екатерине I, составленной осенью 1726 г., озабоченные высшие сановники (Меншиков, Остерман, Макаров, Волков) приоткрывали завесу над действительным состоянием дел. В частности, имея в виду сбор налогов, они писали, что «мужикам бедным страшен один въезд и проезд офицеров и солдат, комиссаров и прочих командиров, тем страшнее правож и экзекуция». Впрочем, занимались хищениями не только они, но и чиновники местных учреждений, из которых «иные не пастырями, но волками, в стадо ворвавшимися, называться могут».

§ 3. Областная контрреформа

Итак, молчаливо охраняя интересы помещиков, заправила государства обратили свои взоры на государственный аппарат, на систему государственного управления. Все центральные коллегии должны были сократить свои штаты до минимума в 6 персон (президент, его заместитель, два советника и два их помощника — ассессоры). Больше того, сами чиновники могли теперь удаляться от службы в свои поме-

стья при условии, что половина штата коллегии присутствует при работах, а другая находится в отпуске. Правда, последним не платили жалованье.

В 1727 г. была в сущности ликвидирована петровская система местных учреждений. Эта система была, безусловно, весьма дорогостоящей. На территории только лишь такой административной единицы, как провинция, концентрировалось множество местных учреждений, функции которых на практике взаимно переплетались. Кроме того, были учреждения в губерниях и в дистриктах. Все это после смерти Петра I было подвергнуто пристальному критическому пересмотру, в итоге которого был принят ряд мер.

Полки из крестьянских селений перемещались теперь в города, причем преимущественно приграничные и в хлебородных районах. Полковое начальство было отставлено от сбора подушных денег. Перестроены были и финансовые органы. Штатс-конторы подчинили Камер-коллегии, а функции ратмейстера и камерира объединили (остался лишь камерир). В 1727 г. было решено «как надворные суды, так и всех нижних управителей и канцелярии, и конторы камериров, земских комиссаров и прочих тому подобных вовсе отставить». Вальдмейстеры с их конторами были также уничтожены. Короче говоря, система петровских учреждений в провинции, по существу, была ликвидирована. Мотивировка при этом была лишь одна — «в делах непорядки... в даче жалованья напрасные убытки». Что же предлагалось теперь взамен? Ответ был также прост: «А понеже прежде сего бывали по всех городах одни воеводы и всякие дела... отправляли одни и были без жалования, и тогда лучшее от одного правление происходило и люди были довольны». Таким образом, в какой-то мере это был возврат к практике XVII столетия. Количество городов, где «сидели» воеводы, было восстановлено по-старому, т.е. их число заметно увеличилось. Не осталось и следа от едва намечавшегося разделения судебной и исполнительной функций. Не осталось и следа от зарождавшегося самостоятельного управления городского посадского населения, поскольку Главный магистрат был уничтожен, городские магистраты подчинены воеводе, а потом уничтожили и их, сохранив лишь ратуши. Важнейшие уголовные дела у посадского населения (тяжба, разбой и убийство) были снова в компетенции одного лишь воеводы. Власть самого воеводы вновь стала единоличной, с 1727 г.

так называемые ассессоры («товарищи») воеводы были ликвидированы.

Низшие чиновники были лишены теперь жалованья и вновь кормились за счет подношений населения. Так были вновь вызваны к жизни старинные феодальные поборы «железное», «езд» и т.п. Большую деградацию, пожалуй, трудно представить.

При всем этом областная контрреформа не была сплошным отрицанием. Кое в чем изменения имели позитивный характер и были предприняты отнюдь не во имя срочного исправления тяжелого финансового положения. При всей широте замыслов Петра I вторая областная реформа 1719 г. осталась сооружением, не приведенным в систему. Введя три ранга учреждений (губерния, провинция, уезд) Петр I не привел в порядок их субординацию. Губернские учреждения во многом оказывались лишними либо дублировали центральные инстанции. Создалось такое положение, когда провинциальные органы управления сносились прямо с центральными коллегиями, минуя губернские инстанции, так как подчинялись в равной мере и тем, и другим.

Перестройка 1727 г. установила строгую последовательность подчинения: воевода уездный зависел только от провинциального воеводы, а последний подчинялся только воеводе губернскому. Это была строгая иерархия. Центром тяжести, основной ячейкой на местах стала губерния. Полномочия губернатора резко возросли. Он имел теперь даже право утверждения смертных приговоров. Это положение просуществовало вплоть до областной реформы 1775 г.

§ 4. Эволюция финансовой политики

Ликвидация системы петровских учреждений, разумеется, не решила всех острых вопросов, хотя в итоге административных реформ расходы на госаппарат сократились более чем вдвое. По-прежнему огромные средства требовало содержание армии и флота, грандиозными темпами росли расходы императорского двора. По-прежнему росли недоимки по подушной подати. Правительство лихорадочно шаркалось от одной меры к другой. Как мы видели, армия в 1727 г. от сбора подушных денег была отстранена. При воеводе был лишь один штаб- или обер-офицер для помощи. Основная роль в сборе денег была возложена на земских комиссаров.

Причем задолженность стали взыскивать не с самих крестьян, а с помещиков или со старост и приказчиков. Однако в 1730 г. сбор подушных податей был снова передан в руки помещиков, расквартированной в данном районе. И это вновь не помогло. Даже самые страшные экзекуции не могли выжать деньги у истощенного и разоренного населения.

В 1733 г. вдруг снова меняется система сбора подушного налога. Теперь сбор недоимок и подати возлагается на самих помещиков, что неумолимо приводило к усилению их власти над крестьянами, росту произвола и злоупотреблений. В сущности и эта мера не дала эффекта. В 1736 г. было снова объявлено, что сбор подушных денег передается оставшимся офицерам.

Долголетний «анализ» причин финансового кризиса наконец-то привел высших сановников к справедливому заключению. Так, в предложениях обер-прокурора Сената А. Маслова, поданных Анне Ивановне в 1734 г., была весьма трезвая догадка, что причиной недоимок по государственным налогам был рост эксплуатации крестьян самими помещиками. Маслов предлагал ограничить эту эксплуатацию. Но что же могло сделать дворянское государство по отношению к своей классовой опоре?! Правительство и не хотело, и не могло пойти на ущемление прав помещиков. Анна Ивановна поставила робкую и туманную резолюцию: «обождать». Тем дело и кончилось.

В конце концов, в 40—50 годах в области финансовой политики все-таки наметился существенный поворот. Царское правительство берет курс на повышение роли косвенных налогов, считая, что этот путь пополнения казны должен быть наиболее «безболезненным». Уже в 1742 г. были повышены цены при продаже вина на 10 коп. с ведра. В конце 40-х годов цены на вино были еще раз повышены и введена единая цена. Уже в первый год это дало казне около полу-миллиона рублей прибыли (примерно 30% от всего дохода с вина). В дальнейшем цены на вино повышали в 1756 и в 1763 гг. и цена ведра вина стала таким образом равной 2 р. 53 коп.

Со времен Петра I была введена другая казенная монополия — на продажу соли. В 1728 г. соляная монополия была отменена, что привело к падению доходов казны. В 1731 г. монополия на продажу соли была вновь восстановлена. В 1749 г. по проекту П.И. Шувалова продажная цена на соль была резко повышена (до 35 коп. за пуд), что сразу же дало

повышение дохода казны до 0,5 млн. руб. в год. В 1756 г. соль стоил уже 50 коп., что привело к сокращению производства соли. В 1762 г. правительство вынуждено было снизить цены до 40 коп. за пуд.

В 40-х годах XVIII в. был введен еще ряд монополий вплоть до монополии на продажу табака, хотя существенной роли в бюджете они не играли.

Существенные изменения претерпела политика царства в области торговли (как внутренней, так и внешней). При Петре I в области внешней торговли проводилась яркая протекционистская политика защиты внутреннего рынка от иностранных товаров. Однако в 1731 г. петровский тариф 1724 г. был отменен, а пошлины на ввозимые товары значительно снижены. Это не могло способствовать быстрому развитию промышленности, так и торговли. Явным препятствием этому была и целая сеть условных границ, пересечение которых торговцами сопровождалось уплатой пошлин за провозимый товар.

Тем временем в России в производство огромной массы предметов народного потребления вовлекалось крестьянство. В стране постепенно росло число деревень и сел, жители которых получали доход не столько от земледелия, сколько от промышленных занятий («промыслов»). Вместо традиционного натурального оброка, вместо работы крестьян на барских полях все большую роль стал играть денежный оброк.

И вот под давлением этих обстоятельств в 50-х годах многочисленные таможенные перегородки внутри страны, сильно затруднявшие широкое развитие торговли, были отменены. Вместе с тем, чтобы государственная казна не претерпела убытки, соответственно были повышены пошлины на ввоз и вывоз товаров из страны за границу. Эта реформа имела существенное значение в развитии единого рынка.

Стремясь выбраться из крепких тенет финансового кризиса, правительство в 1727—1731 гг. стало энергично портить медную монету, уменьшая ее действительную стоимость. Эта практика началась еще с Петра I. При цене пуда меди в 6—8 руб. из него стали чеканить медных пятаков в 5 с лишним раз больше, чем следовало, т.е. на 40 руб. В итоге внутренний рынок стал наводняться легковесными пятаками, что вызвало немедленный рост цен на предметы торговли и в конечном счете ухудшило положение крестьянства и горожан. Правительство же увеличило массу денег и получило «из ничего» 2 млн. руб. прибыли. Вторично к этому же маневру прибегли в

60-х годов XVIII в., что окончательно привело в расстройство денежное хозяйство страны.

Глава 9

Социально-экономическое развитие России и социальные взрывы во второй четверти XVIII века

§ 1. Земледелец и его труд

В ходе исторического процесса, как уже говорилось, развилась общественное разделение труда. В силу этого происходит постепенная множественная специализация производства, взаимосвязь между отраслями которого осуществляется через рынок. В области сельского хозяйства эти процессы специализации происходят крайне медленно и гораздо позже, чем в промышленности. Тем не менее, в XVIII столетии крестьянское хозяйство постепенно перестает быть хозяйством абсолютно замкнутым. Крестьяне покупают теперь и орудия своего труда (телеги, сани, бочки, сохи, косы, топоры и т.п.), и некоторые предметы домашнего обихода. Переход государства на сбор денежных, а не натуральных налогов усиливает нужду крестьянина в деньгах, заставляет его вывозить на рынок продукты своего труда, втягивает в систему товарно-денежных отношений. Этот процесс был постепенным и длительным. В описываемое нами время он, как и в XVII в. находился где-то в пределах своей начальной стадии. Основа хозяйства крестьянина все еще оставалась натуральной.

Специфика природно-климатических условий России предоставляла местному населению весьма неблагоприятные условия для земледелия. Русский крестьянин занимался земледелием не с февраля по ноябрь, как в Западной Европе, а лишь с апреля—мая по август—сентябрь, ибо остальное время принадлежало либо холодной с заморозками погоде, либо суровой зиме. В силу этого земледелец мог более или менее

нормально вспахать и проронить очень небольшой участок земли, да и выбор культур был невелик: рожь, чаще всего озимая, которая сеялась осенью, зимовала в виде всходов под снегом и созревала к июлю—августу следующего лета, и овес, который сеялся в апреле—мае и созревал в августе—сентябре. Эти две культуры занимали до 80% пашни, они были самыми важными и вместе с тем неприхотливыми и выносливыми культурами. А ведь житель Восточно-Европейской равнины имел чаще всего скудную подзолистую почву. Урожайность на таких землях была большей частью сам-3 и лишь иногда сам-4. Следовательно, имея посев в озимом и яровом полях 2,5 дес., семья из 4 человек (муж, жена и двое детей), т.е. 2,8 полных едоков, при норме посева в 16 пудов на десятину имела чистый сбор зерна в расчете на одного едока: а) при урожае сам-3 всего лишь 27,4 пуда, б) при урожае сам-4 — 41,1 пуда. Годовая норма расхода зерна на едока в XVIII—XIX вв. (и ранее) была равна 24 пудам (с расходом на скот). Таким образом, при урожае сам-3 крестьянин практически еле сводил концы с концами, а при урожае сам-4 мог продать около 17 пудов зерна. Однако урожай сам-3 был тоже не всегда, а часты были (раз в 3—4 года) неурожаи, и тогда крестьянин из нового зерна не мог собрать даже на семена. Князь М. М. Щербатов, делая подобный расчет, пришел к выводу, что страна практически постоянно была на грани голода. Выручали ее погода и труд.

Трехпольный севооборот ставил на пути товарности и изменения профиля крестьянского хозяйства. Ведь озимое поле занимала рожь. До 50% ярового поля занимал овес, а остальной клочок земли делили ячмень, лен, горох, чечевица, греча, просо, конопля и др. Крестьянин не мог, скажем, отказать от озимой ржи, не мог вместо овса засеять яровое поле одним льном, так как без овса невозможно прожить, хотя лен он, может быть, и продал бы с прибылью. Рынок в XVIII столетии не был настолько развит, чтобы удовлетворять потребности самих крестьян в той или иной сельскохозяйственной продукции. Он удовлетворял потребности лишь немногочисленного неземледельческого населения и, прежде всего, населения городов. Таким образом, специализация крестьянского хозяйства шла очень медленно, сохраняя свою натуральную основу.

И все-таки специализация постепенно развивалась. Крестьянство Центральной России издавна уделяло внимание посевам льна, расширяя их в яровом поле и тесня другие

культуры. Отличным льном славились районы вокруг Пскова и Ярославля. Скупщики собирали по деревням и селам мелкие партии льна, а купцы в огромных количествах отправляли их за границу или на ткацкие фабрики Ярославля, Кострома, Владимира, Москвы и других городов.

Не менее важной культурой, рано ставшей предметом торговли и сырьем для промышленности, была конопля, которую можно сеять на одном и том же поле многие десятки лет подряд при обильном удобрении земли. Крестьянство районов Калуги, Брянска, Орла, Курска и других заводило специальные поля под коноплю («конопляники») и получали обильные урожаи этой культуры. Огромные партии конопляной пеньки шли, так же как лен, и на вывоз, и на нужды текстильно-полотняной промышленности внутри страны.

Наконец, еще один важный момент в развитии товарности сельского хозяйства страны в XVIII столетии. Речь идет о развитии процесса освоения обширных малозаселенных, но плодородных территорий на юг и юго-восток от центра страны. В XVIII в. продвижение крестьянства на южные плодородные земли активизировалось. Русское население было уже значительным в Заволжье, нижнем течении Дона, районах Предкавказья, Башкирии и т.д. Территория, где жили татары, чуваша, марийцы, башкиры, в описываемое время имела уже большую прослойку русского населения. Русские крестьяне мирно жили бок о бок с татарами, башкирами, чувашами и другими народностями и даже вступали с ними в родственные связи. Конфликты возникали, как правило, тогда, когда вслед за крестьянской колонизацией в этих землях появлялись российские феодалы, начинались захваты земель и т.д.

Сельское хозяйство вновь осваиваемых территорий имело значительные отличия от земледелия нечерноземной полосы. Довольно широкое распространение в этих районах получают пестрополье и залежная система. Залежная система была методом борьбы с главным врагом этих мест — сорняками. Плодородная почва, давая обильный урожай, из года в год зарастала все большим количеством сорняков, и поле приходилось бросать на 5—10 лет.

Итак, освоение плодородного чернозема было еще одним важным фактором в вовлечении в орбиту товарно-денежных отношений крестьянского хозяйства, в преодолении его былой замкнутости. Несмотря на то, что районы черноземов часто страдали от засухи, плодородие их было настолько вы-

соким, что урожайный год не только покрывал скудные неурожайные сборы, но и давал излишки зерновой продукции. Урожай ржи иногда достигали сам-10, сам-15, пшеницы — сам-5, сам-8, проса — сам-20, сам-30 и более. Кроме того, более свободное маневрирование посевной площадью, чем при обычном трехполье, давало возможность выделять большие массивы земель под пшеницу, просо, гречу и т.д.

Однако наиболее серьезной проблемой развития русского земледелия был острый дефицит времени и малые ресурсы земли, урожая с которой едва хватало на собственное содержание. В то же время объективные потребности развивающегося Российского государства требовали гораздо большего по объему валового земледельческого продукта.

Так исподволь возникала задача увеличения трудовой нагрузки крестьянина, причем увеличения этой нагрузки в тот короткий сельскохозяйственный сезон, которым Природа одарила Россию. Отсюда проистекали и характерные для XVIII в. процессы резкого усиления эксплуатации подневольного российского крестьянства.

§ 2. Помещик и крестьянин

Послепетровское время ознаменовалось рядом событий, которые привели к усилению крепостной зависимости от помещиков-феодалов. Уже говорилось о том, что в 20-е годы XVIII в. помещики стали ответственны за своих крестьян и сборе подушной подати. Вслед за этим и сам сбор подушных денег был передан в руки помещиков. В итоге власть помещиков над крепостными крестьянами стала безраздельной. Они стали для крестьян и судом, и полицией. В 1747 г. помещикам разрешили продавать крестьян в рекруты.

Вскоре после проведения переписи тяглого населения (первой ревизии) все шире распространяется практика продажи крестьян без земли. Теперь помещики торговали не только деревнями и семьями, но и крепостными поодиночке. Помещику были даны права: в 1736 г. — определять меру наказания за побег крестьян; в 1760 г. — ссылать крестьян в Сибирь; в 1765 г. — ссылать на каторжные работы. В итоге крепостные крестьяне стали мало чем отличны от рабов.

Суровость мер к крепостному крестьянству была ярким контрастом по отношению к росту привилегий помещиков. Крупные изменения в экономике страны, рост промышлен-

ности и торговли, увеличение неземледельческого населения — все это создавало предпосылки для роста интереса дворянина помещика к своему собственному хозяйству, к увеличению его дохода. При Анне Ивановне в 1736 г. срок службы для них сокращен до 25 лет, а один из сыновей мог вообще оставаться при имении. Таким образом, дворянин в 35—45 лет раньше мог целиком сосредоточиться на хозяйственной деятельности в своих имениях (с гражданской службы отставка была лишь с 55 лет). Указом не замедлили воспользоваться, и после русско-турецкой войны, в 1739 г. около половины офицерского состава сразу же ушло в отставку. В 1762 г. был издан манифест о вольности дворянской. Отныне помещики беспрепятственно могли посвятить себя хозяйственной деятельности в своих имениях.

С важнейшими льготами дворянству сочетается и ряд других мер, усиливающих положение дворянства как господствующего класса.

В 1730 г. был отменен Указ о единонаследии 1714 г. (кроме части, уравнивающей в правах поместье с вотчиной). С этого момента активизируется перераспределение земельной собственности, сопровождаемая заметной концентрацией земель в руках крупнейших владельцев-латифундистов, ибо земля по-прежнему была источником и хозяйственного, и политического могущества. В 1739 г. подтверждено монопольное право дворян на владение «крещеной собственностью», т.е. крестьянами. В 1762 г. купечеству окончательно запрещено покупать крестьян к заводам. Наконец, чисто хозяйственные привилегии. В 1726 г. за дворянством закреплено право продажи продукции собственных хозяйств. В 1755 г. им было передано монопольное право на винокурение. В 1762 г. дворянам разрешен свободный вывоз хлеба за границу. В итоге этих мер дворяне устремились в поместья.

Резкое возрастание интереса дворян к своему хозяйству, стремление к повышению доходов своего имения не замедлило сказаться на усилении эксплуатации крестьян.

Прежде всего помещики там, где зерновое земледелие было выгодным, стремились расширить свою часть пашни. Это вело к расширению барских запашек и сокращению крестьянских наделов до 1,5 дес. на мужскую душу и менее. Пашня же крестьян уменьшалась.

Помимо сокращения надела тягчайшим бременем для барщинных крестьян были работы на помещичьем поле. Эти работы, как правило, достигали трех дней в неделю. В неко-

торых же районах, в частности, в Вологодском уезде, барщина достигала в середине XVIII в. чудовищных размеров — 5—6 дней в неделю. Особенно крупные запашки дворники вносили в плодородных краях Черноземного центра (Губернии Орел, Рязань, Тамбов, Сергач и т.д.). При этом помещики все более ориентировались на производство хлеба на продажу. Однако, сокращая крестьянский надел, помещик рубил лес, на котором сидел сам. Деградация крестьянского хозяйства была проявлением кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства. В XVIII в. проявления этих кризисных черт наблюдаются главным образом в нечерноземной полосе в районах выгодного сбыта хлеба. Но в XVIII в. эти кризисные явления кончаются без последствий. Это объясняется рядом обстоятельств.

§ 3. Крестьянские промыслы в XVIII в.

Издавна крестьяне Нечерноземья, получая мало прибыли от земледелия, свое свободное время (а им были осень, зима и часть весны) употребляли для приработков. Крестьяне изобретались, «примысливая», т.е. изобретая способы своего более-менее сносного существования. Отсюда побочные занятия крестьянства получили названия «промыслов». Жители многочисленных сел Ярославской, Костромской, Владимирской и других губерний пряли льняную пряжу и продавали ее владельцам ткацких промышленных заведений — мануфактур. Жители западных районов Московской губернии, обильной лесами, занимались заготовкой леса для строительства изб, амбаров и прочего. Здесь делали и телеги, и сани, и бочки, и дуги, и колеса, и деревянную посуду. Все это шло на продажу. В Дмитровском уезде получил развитие гребенный промысел (расчески и гребни из коровьих рогов). В Семеновском уезде Нижегородской губернии расцвел ложкарный промысел. В тверском селе Кимры и ближайших селах крестьяне занимались шитьем сапог. Крестьяне Карелии, Тульско-Каширского, Муромского и других районов выплавляли кричное железо из болотных железных руд и мастерили косы, топоры, ножи, серпы и другую металлическую утварь. Нижегородские села Павлово, Безводное, Ворема и другие стали известны своими изделиями из металла (замки, ножи, кольца, крестики и т.д.). Крестьяне многих сел Владимир-

ской губернии (и среди них в первую очередь с. Иваново) занимались ткацким промыслом. В итоге в промышленную деятельность были вовлечены массы крестьянства.

Несколько местных промыслов крестьяне занимались отходными промыслами, т.е. уходили на заработки в города или в другие местности. Могучим потребителем крестьян-отходников была р. Волга и приволжские города Тверь, Рыбная Слобода, Ярославль, Нижний Новгород, Астрахань и т.д. Десятки тысяч крестьян работали бурлаками, были заняты на рыбных промыслах Астрахани и Гурьева. Тысячи крестьян уходили на заработки в Петербург. Много рабочего людского труда шло на проводку судов из Волги в Неву. Наконец, серьезным потребителем рабочей силы была Москва и ее промышленность.

Кроме отхода промышленного в России развивался отход ремесельческий. Из тульских, рязанских, тамбовских селений, а также из районов Нечерноземья тысячи крестьян уходили на летние работы в южные черноземные районы.

Барщинное крестьянство Нечерноземного центра страны использовало осенне-зимний период для отхода на промыслы. И теперь помещики, не довольствуясь барщиной, стали выполнять ее денежным оброком. Больше того, ввиду перестройки крестьянских промыслов многие помещики стали переводить крестьян с барщины на денежный оброк. Таким образом, намечавшиеся симптомы кризиса феодального хозяйства были в XVIII в. на время преодолены.

Однако эксплуатация крестьян путем денежного оброка лишь скоро также перестала отвечать «нормативам» типичного феодального хозяйства. Помещик уже получает увеличенные суммы оброка лишь в силу личной крепостнической зависимости крестьянина, земельные отношения здесь утрачивали свое прежнее значение.

Так или иначе, а отходничество крестьян на заработки получает все большее развитие. Дворянское государство, охраняя интересы крепостников-помещиков, вводит отход на промыслы в рамки полицейских ограничений. Но число отходников резко возрастает с середины XVIII столетия. К концу века в одной лишь Московской губернии ежегодно выдавалось свыше 50 тыс., а в Ярославской — около 75 тыс. паспортов.

Темпам роста крестьянских промыслов сопутствуют и стремительные темпы роста денежного оброка. Так, в 60-х

годах XVIII в. помещики брали в среднем 1—2 руб. с души мужского пола в год, в 70-х — 2—3 руб., в 80-х — 4—5 руб., а в 90-х годах в некоторых районах центра страны достигал 8—10 руб. с души мужского пола.

§ 4. Развитие внутреннего рынка сельскохозяйственной продукции

К середине XVIII столетия подходит к концу период более или менее гармоничного сочетания в эксплуатации помещиками крестьян всех трех разновидностей феодальной эксплуатации: отработочной, натуральной и денежной. Мы уже видели, что помещики нечерноземной полосы России постепенно переходят на оброк. Вместе с тем вырисовываются и те районы, где преимущественной формой эксплуатации крестьян служит барщина. Роль натуральных поборов становится все более и более степенной.

Барщинная форма эксплуатации в XVIII в. стала преобладающей в зоне наиболее плодородных земель. Это районы Тульской, Рязанской, Тамбовской, Орловской, Курской, Воронежской, Пензенской и других губерний. В этих районах дворянство заводит крупные барские запашки в 1000, 2000 и даже 3000 десятин. Так, в Веневском уезде Тульской губернии в вотчине Шереметевых запашка помещика в 60-х годах XVIII в. возросла до 700—1000 десятин, в Тамбовском уезде у братьев Архаровых запашка достигала 3 тыс. десятин, в Севском уезде Орловской губернии в имениях князя Н.П. Голицына запашка достигала 2400 дес., в Луганском уезде той же губернии в вотчинах С.С. Апраксина было до 5 тыс. десятин запашки. Однако столь крупные запашки в XVIII в. встречаются еще сравнительно редко. Чаще всего величина их достигает 100—300 десятин, но и этот хлеб мелких и средних помещиков также шел на рынок.

Итак, с середины XVIII столетия районы черноземных губерний становятся средоточием барщинного хозяйства помещиков с ориентацией производства зерна на рынок. Это приводит к резкому увеличению эксплуатации крестьян. Именно в эту эпоху был дан толчок тому процессу, который в середине XIX столетия привел к крушению феодально-крепостнического строя.

Главным фактором углубления и развития внутреннего рынка явился рост неземледельческого населения, занятого в основном промышленной деятельностью. Этот рост осуществлялся в основном за счет промыслового крестьянства. Внешний рынок хлеба в XVIII в. составлял лишь от 3% до 7% общего зернового баланса. Вместе с тем помещики не являлись главными поставщиками товарного хлеба. Основную массу хлеба продавали крестьяне, все более втягиваясь в систему товарно-денежных отношений. С середины XVIII в. резко возросли хлебные грузопотоки. По данным Н.Л. Рубинштейна, годовая баланс хлебобродных провинций во второй половине XVIII в. давал ежегодно от 3 до 10 млн. пудов товарного хлеба.

Из черноземных районов, а также из украинских провинций в центр страны тянулись гурты мясного скота. Только лишь через г. Коломну в Москву из степных уездов приходило в сезон до 30 тыс. голов скота. В пределах Воронежской губернии в год заготавливалось свыше 200 тыс. пудов говядины. Через Оренбург в Россию проходило до 60 тыс. голов выменных у казахов баранов. Всего мена у казахов в 80-х годах достигала 350 тыс. голов.

Крупная роль в товарных грузопотоках принадлежала продукции технических культур — льну и конопле. Экспорт льна по России в целом в 1749 г. достигал 1,3 млн. пудов, в 1778—1780 гг. — 2,7 млн., а в 90-х годах — свыше 3 млн. пудов. Экспорт льна составлял соответственно около 500 тыс. пудов, около 900 тыс. и свыше 1 млн. пудов.

Грузопотоки, подобные приведенным, пересекали гигантскую территорию России из конца в конец. Это было ярким показателем развития внутреннего рынка, свидетельством развития товарно-денежных отношений.

§ 5. Развитие промышленности в XVIII в. Формирование капиталистического уклада

Кардинальные изменения, которые мы видим в сельском хозяйстве, происходили не сами по себе. Они были вызваны бурным процессом общественного развития труда и ростом производительных сил страны. Первенствующее, определяющее звено этого процесса принадлежит прогрессирующему развитию промышленности, индустрии страны.

В эпоху Петра I Россией был сделан громадный шаг на пути промышленного развития. К 1750 г. действовало около ста металлургических заводов, а выплавка чугуна достигала приблизительно 2 млн. пудов. Основными владельцами заводов были по-прежнему Демидовы, которым принадлежало до 60% выплавки чугуна. На Урале они построили 9 новых заводов. Кроме них в металлургии также действовали Строгановы, Баташевы, Масловы, появились фамилии и новых предпринимателей — Осокины, Гончаровы. В середине XVIII в. по выплавке чугуна Россия вышла на первое место в мире.

Несмотря на хищения возглавлявшего отечественную металлургию Шемберга, увеличивала свою продукцию и качество медеплавильная промышленность. Стремительно развивались частные медные заводы (Твердышев, Мясников). До 1750 г. продукция медных заводов выросла втрое.

Серьезное развитие получила текстильная промышленность. А с 1725 по 1750 гг. возникло 62 новые текстильные мануфактуры (шелковые, полотняные, суконные). Правда в суконной промышленности, наиболее привилегированной, были постоянные перебои. Продукция этих мануфактур шла на поставки в казну. Однако условия закупок были невыгодными и суконные мануфактуры хирели. Резкий контраст составляли шелковые заведения, работавшие на свободную продажу. Число их неуклонно возрастало. Основным центром шелковой промышленности были Москва и Подмоскowie.

Развивалась и парусно-полотняная промышленность. Русская парусина пользовалась большим и неизменным спросом в Англии и других морских державах. Новые предприятия этой отрасли возникали в таких городах, как Ярославль, Вологда, Калуга, Боровск. Крупным центром полотняного производства стал Серпухов. В этой отрасли промышленности процветали купцы-предприниматели Затрапезный, Тамес, Щепочкин и др. К 1750 г. уже действовало 38 парусно-полотняных мануфактур.

Получает развитие производство бумаги, кожевенное, стекольное, химическое и т.п. К середине XVIII в. в России действовало 15 бумагоделательных, 10 стекольных, 9 химических мануфактур и др.

Производственные отношения послепетровского развития характеризуются усилением подневольных форм труда. Промышленность испытывала жесточайший голод на рабо-

руки. В эпоху петровских преобразований, как уже говорилось, даже на металлургических заводах Урала наемный труд был нередким явлением, но чем дальше, тем труднее было вести дела с помощью найма. Уже в 1721 г. выходит указ, разрешающий мануфактуристам-купцам покупать к фабрикам и заводам крепостных крестьян, а в 1736 г. заводчики наемные становятся крепостными («вечноотданными»). В 40—50-е годы промышленники широко пользуются правом приписки крестьян к мануфактурам, расширяя сферу принудительного труда в промышленности.

Эксплуатация на таких мануфактурах была чудовищная, крепостные крестьяне не отдавались в рекруты и имели право подачи челобитной в Берг- и Мануфактур-коллегии, которая и была подсудна. В 1752 г. правительство пыталось регулировать меру эксплуатации на «посессиях», устанавливая число непосредственно работающих на фабрике не более 1/4 всех посессионных крестьян данной фабрики (для полотняных) или не более 1/3 (для шелковых).

Таким образом, сфера крепостного труда резко расширилась. «Посессии» были распространены главным образом в текстильной (полотняной и суконной) промышленности.

Дворянское государство в XVIII в. резко расширяет практику приписки государственных крестьян к фабрикам и заводам.

Приписные крестьяне работали главным образом на уральских металлургических заводах (по 100—150 дворов на доменную печь, по 30 дворов на молоте и по 50 дворов на медеплавильной печи). Работы их были вспомогательными, а шкала оценки работ в 2—3 раза ниже расценок для наемных рабочих.

Наконец, еще одна сфера применения принудительного труда — помещичьи вотчинные предприятия. В России существовала государственная винная монополия и поставка вина казне являлась делом очень доходным. Это скоро поняли владельцы таких имений, которые были расположены в плодородных, но отдаленных от рынков сбыта районах: юг Тамбовской губернии, Воронежская, Курская, Пензенская губернии, Слободская Украина и т.д. Здесь очень быстро возникают крупные винокуренные заводы с применением труда своих же крепостных.

Другая отрасль промышленности, где проявилось дворянское предпринимательство, — суконная и отчасти парусно-полотняная промышленность. Организованная на основе

крепостного труда, дворянская суконная промышленность получила распространение в основном в южных районах страны: Воронежская, Курская, частично Тамбовская губернии и др. Здесь были, как правило, мелкие предприятия — 2—3 десятка станков. Но были и крупные. К концу 60-х годов общее число суконных мануфактур в стране достигает единич.

Все названные нами разновидности крепостного подневольного труда в промышленности иллюстрируют одну из своеобразнейших черт российской экономики XVIII столетия. Заимствование капиталистической технологии, по сути, привело к созданию в промышленности особых форм труда, почти ничем не отличимых от рабства. Во второй половине XVIII в. резкое усиление в стране крепостничества было продиктовано в немалой степени необходимостью поддерживать эти очаги «рабства».

Наличие в России XVIII в. широкого распространения в промышленности крепостных форм труда вовсе не означало отсутствие эволюции капиталистических отношений. Основным руслом развития капиталистических отношений была уже знакомая нам сфера крестьянских промыслов.

В условиях крайнего ограничения свободы передвижения населения внутри страны, резкой изоляции городского населения от сельского, фактического отсутствия притока сельского населения в города городское население в России увеличивалось крайне медленными темпами (а в 40—50-х годах даже уменьшилось). В целом же оно составляло не более 4% населения страны. Город, с точки зрения экономической, был довольно слабым, и его промышленность далеко не отвечала потребностям развивающегося народного хозяйства.

Одной из ярчайших особенностей экономического развития России являлось появление промышленных центров не столько в городе, сколько в селе. Так, с конца XVII — начала XVIII столетия появились десятки торгово-промышленных поселений, где население сосредоточивало свое внимание не на земледелии, а на «промыслах». Это — владимирские села Дунилово, Кохма, Палех, Мстера, Холуй, нижегородские села Павлово, Ворсма, Безводное, Лысково, Богородское, Городец, Работки, множество ярославских, костромских, тверских и т.д. сел и деревень. К середине XVIII столетия многие из них по количеству населения были крупнее, чем иной город. В с. Павлове, например, к середине века население составляло свыше 4 тыс. человек. И, по словам Страленбер-

... жители этого города все суть замощники или кузнецы... известны всей России». Иначе говоря, процесс общественного разделения труда сложился так, что в каждом конкретном селе развивалась специализация преимущественно какого-то одного вида производства. В таком селе все или почти все были либо сапожниками, либо бондарями, либо ткачами и т.д.

Это было типичное мелкотоварное производство. Иногда мелкие товаропроизводители нанимали дополнительно 1—2 рабочих. С течением времени практика употребления неоплачиваемого труда расширялась. Так, в г. Павлово-Вохна в 80-х годах XVIII в. употреблялся наемный труд в 141 мастерской. В процессе конкурентной борьбы неизбежно выделяются две группы: одна из них состоит из вынужденных жить лишь продажей своего труда; вторая группа очень немногочисленна, но ее составляют товаропроизводители, употребляющие наемный труд. Со временем из них выделяются более крупные. Так из недр мелкого товарного производства постепенно вырастает производство мануфактурное, появляются капиталистические мануфактуры. Однако из-за сезонности производства и краткосрочности найма рабочих процесс укрупнения проходил очень медленно и численность крупных производств оставалась небольшой.

Ярким примером подобного процесса служит история текстильного производства с. Иваново Владимирской губернии. Все жители этого села с конца XVII столетия занимались ткачеством. Основная продукция — холсты, а главное — ивановское полотно. К 80-х годам XVIII в. у 37 владельцев текстильных заведений работало уже от 2 до 15 наемных рабочих.

Первые мануфактуры с. Иванова появились в 40-х годах XVIII в. Владельцами их были Гр. Бутримов и И. Грачев. Выделение крупных предприятий из массы мелких активно идет примерно с 60-х годов.

Разумеется, указанное развитие протекало в обстановке крепостного права. Богатые капиталисты-крестьяне, подмявшие под себя десятки разоренных, стяжавшие капиталы через торговые махинации и грязное ростовщичество, в свою очередь, оставались крепостными своего барина, целиком зависели от его произвола.

И тем не менее, подобный процесс развития капитализма наблюдается и в других районах. Концентрация шелкоткацкого производства и появление мануфактуры происходят в

подмосковных селах. Текстильные мануфактуры появляются в Костромской губернии (например, предприятия Талановых в Кинешме). Большое место здесь занимает так называемая рассеянная мануфактура, работники которой работают у себя по домам, в светелках.

Укрупнение мелкотоварного производства, растущее применение наемного труда в XVIII столетии можно наблюдать и в других отраслях производства — в металлургии и металлообработке, кожевенном деле, химической промышленности и т.п. Встречаются предприятия капиталистического типа и в крупнейших городах России (Москва, Ярославль, Нижний Новгород, Казань и др.). В стране постепенно формируется капиталистический уклад.

§ 6. Социальные взрывы и национальные движения после Петра I

Тяжелый хронический финансовый кризис, усиление эксплуатации крестьян, жесточайшее угнетение рабочих людей, приписных и посессионных крестьян на мануфактурах — все это не могло не отразиться на положении народных масс. Оппозиционно настроенные современники отмечали, что в 30-х годах XVIII в. «непрерывные брани, алчное и ничем не обузданное лихоимство Бироново, неурожай хлебные в большей части России привели народ в крайнюю нищету. Для понуждения к платежу недоимок употребляли ужаснейшие бесчеловечия, приводящие в содрогание и помышляющих об оных, уныние, стон, слезы, вопль распространились по всей империи». Разумеется, крестьяне боролись против угнетения и лихоимства, боролись как умели и как могли. Они бежали на юг и на север, бежали за рубеж и «к башкирцам», бежали и от помещиков и от монастырей, бежали дворовые люди и солдаты, бежали рабочие с заводов и мануфактур, бежали мобилизованные на строительные работы. Число беглых росло, несмотря на свирепые законы и наказания, несмотря на устройство застав и кордонов. Ингерманландия, остзейские губернии, Украина, низовья Дона, Яик, Урал, Башкирия, Сибирь — вот районы оседания масс беглого крестьянства. С 1719 по 1727 г. только по официальным данным было зарегистрировано около 200 тыс. беглых. Крестьяне бежали порою целыми деревнями. В 1735 г. в двор-

ных селах Морозовской волости Можайского уезда ушло более половины всего населения. В 1742 г. только в одном Череславль-Залесском уезде остались пустыми 68 помещичьих деревень. В 20—30-х годах из 16 вотчин князя А.М. Черкасского бежали свыше 11 тыс. человек, т.е. почти каждый пятый крестьянин. Официальные указы признавали, что «из дворянских, архиерейских, монастырских, ясачных, так и из помещиковых крестьян в бегах великое множество». Кары за укрытие беглых становились все более суровыми. В 1726—1728 гг. за укрывательство беглого мужика был предписан штраф в 100—200 руб. (за женщину 50—100 руб.), но уже в 1731 г. за сокрытие беглецов и «разбойников» полагалась смертная казнь, без всякой пощады». За поимку беглого платили по 10 руб. награды. Волна побегов постепенно затухает лишь в конце 40-х — начале 50-х годов. Если с 1725 по 1745 г. в борьбе с бегством издано 84 указа, то в следующие 10 лет — лишь 23. С 40-х годов штраф за удержание беглых уже снижается.

Самих же беглых неизменно подвергали жесточайшим наказаниям: били кнутом, вырывали ноздри, клеймили, отдавали в рекруты, на галеры, на строительство крепостей и т.д.

Наивность крестьянского мировоззрения была своего рода предпосылкой для другой формы протеста — подачи жалоб, в изобилии поступававших в Сенат и Синод. Искать правды у правительства царской России было делом очень нелегким и всегда бесполезным. Даже тогда, когда под напором жалоб Сенат назначил в 1758 г. комиссию для разбора челобитий крестьян целого ряда монастырей, то, просуществовав 4 года, она оставила все жалобы без последствий. Крестьяне, пришедшие в отчаяние от произвола и эксплуатации помещиков, вступали и на путь активной борьбы. Они уходили в леса и образовывали «разбойничьи» отряды. Во второй четверти XVIII в. это движение охватило 54 уезда в 10 губерниях Центральной России.

В 40—50-х годах, особенно в конце 50-х годов по всей стране прокатывается могучая волна выступлений монастырских крестьян. Эта категория крестьянства, насчитывающая к середине века около 1 млн. душ мужского пола, принадлежала монастырям, церквам, церковным иерархам (архиереям и т.д.). Положение монастырских крестьян в этот период отличается особой тяжестью. С них требовали и исполнения барщинных работ, и поставки продуктов сельского хозяйст-

ва, промыслов, и денежных поборов. Так, в челобитной крестьян Савво-Сторожевского монастыря названо до 30 денежных и натуральных поборов. Крестьяне Волосова монастыря Владимирского уезда должны были платить до восьми разных видов денежных поборов, обрабатывать свыше 80 десятин пашен и поставлять в монастырь продуктовый оброк (скот, птицу и т.п.). Подобное положение было в сотнях монастырских вотчин. Резко возросли во второй четверти XVIII в. различного рода работы крестьян по заготовке строительного материала для монастырских построек, по заготовке дров, ремонту церквей и хозяйственных помещений.

Просвещенная монастырская братия наряду с традиционным хлебом в зерне и печеным хлебом, наряду с мясом, медом, крупами, куриными и гусиными яйцами, солеными и сушеными грибами требовала с крестьян и такие оригинальные поборы, как ягоды шиповника или живые муравьи по полфунту с души мужского пола.

Монастырская система управления вотчинами имела множество мелких, но отвратительных кровососов и пиявок в лице приказчиков, сотских, различного рода посыльных от монастырской братии и т.д. Пожалуй, нигде в это время так не расцвело взяточничество и лихоимство, как в монастырских деревнях. Прозивол и угнетение монастырских крестьян в 50-е годы достигло высшей точки. В это время резко увеличивается и число крестьянских волнений. В 50-х годах их втрое больше, чем в 30-х (свыше 60 восстаний).

Крестьянские выступления в качестве главного «программного пункта» обычно выдвигали отказ от выполнения повинностей. Так, крестьяне Боровенского монастыря в сентябре 1730 г. отказались от выполнения всех своих повинностей в пользу монастыря. В 1734 г. крестьяне огромной Присекинской вотчины Троице-Сергиевой лавры также отказались подчиняться монастырским властям. В 1742 г. крестьяне Боголюбского Владимирского монастыря начали волнения с отказа от работ и т.д.

В 50-х годах основным требованием почти всех крестьянских выступлений был уже переход на положение государственных крестьян (волнения крестьян Ново-Спасского, Иосифо-Волоколамского, Троице-Калязинского, Спасо-Преображенского, Хутынского Новгородского и других монастырей).

Во всех этих волнениях крестьянский отказ от работ обычно завершался жестокими порками и экзекуциями при-

казанных воинских команд. Однако в некоторых случаях возникали острые схватки и с солдатами. Крестьяне Шацкого уезда Ново-Спасского монастыря, например, взяли в плен одну воинскую команду и сумели удержаться с августа 1756 по февраль 1757 г., когда восстание было жестоко подавлено.

Массовые волнения монастырских крестьян привели в конце концов к обсуждению вопроса о них в правительственных кругах. С 1757 г. появились проекты секуляризации церковных имений, а в 1762 г. Петр III подписал указ о секуляризации, практическое осуществление которого задержалось на 2 с лишним года.

Активные крестьянские выступления характерны не только для монастырских крестьян. Восставали и помещичьи крестьяне. В вотчине Бестужева в Псковском уезде 2-тысячная толпа устроила настоящее сражение с карателями. Одних убитых крестьян было свыше 50. После подавления движения свыше 400 крестьян были жестоко биты плетью и снутом.

Волнения были и среди народов Поволжья и др. Так, в 1743 г. вспыхнули волнения мордвы в Терюшевской волости Нижегородской губернии. Поводом послужил приказ разрушить мордовские молельни и сжечь «священные рощи». Среди восставших было и мордовское население, и русское население дворцового ведомства, и, наконец, помещичье крестьянство. Число участников достигло 6 тыс.; из Терюшевской волости восстание быстро перекинулось в соседние Арзамасский и Ардатовский уезды. Затем вспыхнули волнения в Керенском и Верхнеломовском уездах Воронежской губернии, в Царевококшайском и Цивильском уездах Казанской губернии. С оружием в руках крестьяне боролись за свою свободу и сумели продержаться около двух лет. Вождями восстания были Несмеян Кривой, Шатрес Плакидин и др. Царизм жестоко подавил восстание, а Несмеяна сожгли на костре.

Бурное сопротивление среди работных людей вызвал указ 1736 г. о «вечноотданных» к фабрикам и заводам. Еще вчера свободные, а теперь низведенные до положения крепостных, работные люди долгое время стремились вернуть себе былую свободу. В 1748 г. вспыхнуло волнение работных людей на парусно-полотняной мануфактуре А.А. Гончарова в Малоярославецком уезде Калужской провинции. Они объявили акт 1736 г. незаконным. Во второй четверти XVIII в., начиная с 1722 г., почти непрерывно продолжались волнения

работных людей на Московском суконном дворе — большой суконной мануфактуре. Они боролись уже не за возвращение в былое состояние, а за улучшение условий труда. В 1740-е около 800 человек бросили работу на мануфактуре. Жестокими наказаниями плетью, батогами, заключением в тюрьму власти подавили сопротивление восставших. Тем же кончились и волнения на казанской суконной мануфактуре Дрилова, происходившие в конце 30-х—40-х годов. Тем же кончались и волнения приписных крестьян уральских горных заводов, особенно широко развернувшиеся в конце 50-х — начале 60-х годов.

Непременным элементом в разнообразных формах крестьянской борьбы с феодальным гнетом было самозванчество.

Таковы были разнообразные формы борьбы народных масс со своими угнетателями. Все они были выражением того безысходного горя, нужды и отчаяния, в котором находилось российское крестьянство.

§ 7. Национальное движение в Башкирии

Тесно переплетается с классовой борьбой против эксплуатации дворян-помещиков борьба против национального угнетения. Наиболее остро в этот период она развернулась в Башкирии. Кроме 100 тыс. башкир здесь уже жило много русских, татар, чувашей и представителей других народностей. В частности, в 1744 г. русских здесь насчитывалось уже около 75 тыс. душ. В северной и западной части Башкирии к данному периоду уже сложилось оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство. В других же более отсталых районах еще преобладало полукочевое скотоводство.

С 30-х годов XVIII в. началось активное горнозаводское строительство на Южном Урале. Это вызвало приток населения из других областей России. В новые формы трудовой деятельности втягивалось и башкирское население, все больше убеждаясь в преимуществах оседлого земледельческого хозяйства. Развивается и башкирское феодальное землевладение. Башкирские феодалы, находившиеся на русской службе (тарханы), вводят те же формы эксплуатации, что и русские помещики. Вместе с тем у башкир еще бытовало и рабство.

Русская администрация стремилась привлечь на свою сторону феодальную верхушку башкир. Служилые башкиры-тарханы не платили ясак, полностью распоряжались землями своих волостей. Административная верхушка башкирского населения — старшины — к этому времени стала уже опорой царизма (особенно на севере и западе). Башкирское население входило в число ясачных людей и платило в начале века сравнительно легкий ясачный оклад (около 30 коп. с человека), несло военную службу в армии и на местных оборонительных линиях. С 30-х годов ясачный оклад начинает расти, и, в конце концов, в 1747 г. русское правительство ввело подушную подать в размере 80 коп. с души. Вместе с тем указ 1736 г., разрешивший продажу общинных башкирских земель, усилил земельные захваты русских дворян и служилых башкир. Наконец, активизация строительства оборонительных пограничных линий и крепостей легла огромной тяжестью на население. В 1734 г. началась деятельность Оренбургской экспедиции во главе с И.К. Кириловым. В связи с этим значительная часть башкирских земель была изъята, а повинности населения резко возросли.

В итоге, в 1735—1736 гг. вспыхнуло восстание, целью которого было сопротивление строительству крепостей. В 1737—1740 гг. возникает новый очаг восстания на востоке края. Восставшие нападали на русские, чувашские, марийские селения, совершили набег на Воскресенский медный завод, нападали и на башкир, оставшихся верными правительству России. Восстание уже в 1738 г. пошло на убыль и скоро потухло.

Развитие феодализма в Башкирии вызывало движение тептярей (зависимых от башкирских феодалов выходцев из других земель), вспыхнувшее в 1747 г. Оно было направлено против башкирских феодалов и усиления налогового обложения государством. В восстании участвовали удмурты, татары, мари и чуваше.

Наконец, в 1755 г. возникает новое движение, во главе которого встает мусульманское духовенство. Башкиры в качестве культового пользовались арабским языком, а их религией был ислам. В связи с попытками запрета мусульманской религии, закрытия мечетей и мусульманских школ нарастало сопротивление духовенства. И вот мулла Батырша (Абдулла Алеев) возглавил движение в защиту мусульманства, пытаясь вовлечь в «священную войну» всех мусульман. Батырша полагался на вмешательство Турции. Характерно,

что на «священную войну» народ не пошел. Да и началось само движение независимо и раньше лозунгов Батырши. Руководили восстанием Джилян Иткул и Худайберда. Крупные башкирские феодалы участия в движении не приняли, многие феодалы выступили против восставших. Для подавления движения было послано мощное 50-тысячное войско. Царское правительство объявило наряду с прямым подавлением амнистию всем сдавшимся, и восстание скоро заглохло. Однако царская администрация заметно изменила политику. Прекращена была насильственная христианизация, разрешено строительство мечетей. Вместе с тем правительство устраивало в Башкирии школы «для обучения инородцев русскому языку». Две школы были при Оренбургской экспедиции, одна в 1739 г. была организована в г. Уфе.

Глава 10

Россия и европейские державы после Петра I

В итоге Северной войны Россия заняла прочное положение великой европейской державы. Теперь, по выражению французского посланника Кампредона, «при малейшей демонстрации его (т.е. Петра I. — *Авт.*) флота, при первом движении его войск ни шведская, ни датская, ни прусская, ни польская корона не осмелятся сделать враждебного ему движения, ни шевельнуть с места свои войска... Он один из всех северных государей в состоянии заставить уважать свой флаг». После смерти Петра I на его преемников объективно легла сложнейшая задача — сохранить и закрепить положение великой державы. Эта задача состояла из трех слагаемых: 1) сохранение выхода к Балтийскому морю; 2) укрепление своего влияния во взаимоотношениях с Польшей и 3) решение черноморской проблемы, оставленной Петром I своим наследникам.

Укрепление позиций на берегах Балтики, стремление воссоединить исконные земли Древней Руси (белорусские и

украинские), ликвидация постоянных угроз с юга и выход к Черному морю — эти генеральные направления во внешней политике имели для России, несомненно, исторически прогрессивное значение. Однако решать все вопросы предстояло в сложной не только международной, но и, как мы уже видели, внутривнутриполитической обстановке.

Дело в том, что недавние успехи России в европейских делах встревожили и даже настроили весьма враждебно ряд крупных европейских держав. Довольно открыто проявила свою враждебность Англия, боясь ослабления своей посреднической торговли с Россией и укрепления ее морского и военного могущества. На недружелюбные позиции встала и Франция, которой были выгодны и сила Швеции, и могущество Турции. Не в восторге была и Австрия, ведь сила России ослабляла ее исконного врага — Турцию, но та же сила России тревожила Австрию в балтийском и польском вопросах. Однако, несмотря на все это, многие страны Европы искали теперь союза с могучей Россией и уж во всяком случае пристальнейшим взором следили за ее действиями.

Для создания благоприятных условий на Балтике российской дипломатии еще предстояло много работы, и прежде всего — выполнение замысла Петра I сделать Курляндию, Голштинию и Мекленбург дружественными государствами. Первым шагом к этому были династические связи царствующим семейств. Именно сюда была направлена целая «обойма» царственных невест — Анна Ивановна, Екатерина Ивановна и Анна Петровна.

Первым же дипломатическим актом правительства Екатерины I была попытка поддержать претензии голштинского герцога на Шлезвиг, захваченный Данией. Весной 1726 г. русская эскадра собралась в поход на Копенгаген, готовилась к войне и гвардия из 20 тыс. армейской пехоты. Но объединенная англо-датская эскадра вскоре встала в виду Ревеля. Теперь благоприятная для России ситуация стала молниеносно ухудшаться. Оказалось, что Швеция согласилась на ввод английской эскадры в Балтику и тем самым пошла на встречу ликвидации заключенного еще в 1724 г. союза с Россией. Для этого усиленно старались в Стокгольме и английский посол С. Поинтц и французский — Бранкас-Серест. Разумеется, Швеции сулили при этом возврат всех территорий, потерянных в Северной войне. Россия же стремилась привлечь Австрию к шведско-русскому союзу, усиливая эту ко-

алицию. В апреле 1726 г. такой акт с Австрией был даже подписан (и там был «голштинский вопрос!»).

Швеция, впрочем, и раньше согласилась на поддержку претензии Голштинии. Но теперь в Швеции брали верх сторонники Англии и Франции. Она стала сближаться с другой крупнейшей европейской коалицией держав — Ганноверским союзом. Таким образом, в «голштинском вопросе» появились и опасные стороны.

Так или иначе, визит английского адмирала У. Вейгеля на Балтику вызвал оборонительные меры России, но тем не менее не ликвидировал угрозу новой войны. Россия ответила Англии энергичной нотой. Вместе с тем русские постоянно подтверждали в дипломатических документах сохранение привилегий английским купцам в торговле с Россией.

Следующим актом русской дипломатии в области балтийского вопроса были «выборы» курляндского герцога. Курляндия в этот период была постоянной ареной борьбы русских, прусских, польских и шведских интересов. Конкретное столкновение русской и польской дипломатий произошло по поводу кандидатуры жениха вдовствующей герцогини Анны Ивановны Морица Саксонского — внебрачного сына польского короля Августа II. Но планы России были иными, русское правительство выдвинуло свою кандидатуру — князя А. Д. Меншикова (не трудно догадаться, что светлейший князь выдвинул себя сам!). Когда сейм взял сторону Морица Саксонского, Меншиков под благовидным предлогом сам отправился в Митаву. По пути он остановился в Риге, куда поспешно в коляске с одной лишь девушкой прибыла Анна Ивановна с единственной просьбой утвердить герцогом Курляндским князя Морица. Анна Ивановна была готова вступить с ним в супружество. Но Меншиков был непреклонен, грозя сейму визитом 20-тысячного войска. Вместе с тем, как ни силен был временщик, осторожные расчеты влиятельных лиц из русских государственных деятелей взяли верх. Из-за опасности нападения Турции Меншиков не стал Курляндским герцогом. Правда, в следующем 1727 г. войска все же были введены, и Мориц Саксонский не стал курляндским герцогом, и Анна Ивановна не могла простить этого Меншикову. В итоге всех этих действий влияние России на курляндские дела по сравнению с Польшей стало преобладающим.

Тем временем с помощью Англии и Франции колеблющаяся было Швеция в марте 1727 г. вступила в Ганноверский союз. Чуть позже к Ганноверскому союзу присоединилась и

Дания. С этого момента завершается перераспределение основных европейских держав на два больших блока: Венский союз, куда входили Австрия, Россия, Пруссия и Испания, и Ганноверский союз, составленный из Англии, Франции, Швеции, Дании и Голландии.

Внутреннее положение России (вступление на престол малолетнего царя, тяжелый финансовый кризис, резкое ухудшение состояния балтийского флота и т. д.) и осложнение внешнеполитического положения, выразившееся в объединении «северных» противников России (Англии, Дании и Швеции), заставило русских дипломатов резко изменить тактику. А. И. Остерман, фактически руководивший всей внешнеполитической линией правительства, берет курс на умиротворение Англии и Дании. Важную роль при этом играл фактор экономический — выгодность балтийской торговли.

Эта линия проводилась русскими дипломатами (А. Г. Головкиным и др.) на Суассонском конгрессе в 1728—1729 гг. Русские вскоре даже отказались от забот о Шлезвиге. И все же общая идея конгресса — умиротворение двух блоков — не нашла своего воплощения. Более того, в ходе конгресса от Венского союза вдруг была оторвана Испания. Англия и Франция, уступив по всем спорам, заключили в 1729 г. с ней Севильский трактат. В 1731 г. Австрия заключила с Испанией второй Венский договор, куда вошли и Англия, и Голландия. Франция оказалась в положении блестящей изоляции. Таким образом, Ганноверский союз все-таки распался.

Все эти довольно резкие изменения европейской ситуации были на руку российской дипломатии.

В то же время на долгий десяток лет усилия Франции сосредоточились теперь на создании враждебного России «восточного барьера» из Швеции, Польши и Турции. Важнейшим объектом в этом барьере была Швеция. Однако при дружеских отношениях России и Англии, при потеплении атмосферы русско-датских связей Швеция нашла выгодным союз с Россией, который и был возобновлен в 1735 г. Положение России на Балтике снова укрепилось, хотя и ненадолго.

§ 1. Война за «польское наследство»

Французская дипломатия, потерпев временное поражение в попытке обострить шведско-русские отношения, сосредоточилась на Польше. В начале 30-х годов XVIII в. европей-

ские державы активно обсуждали вопрос о наследнике польского короля Августа II Сильного. Австрия и Россия довольно единодушно выступали по польскому вопросу еще с 20-х годов. Обе державы были заинтересованы в сохранении независимой шляхетской «демократии» в Польше, гарантировавшей положение Польши в качестве слабой державы. Правда, Австрия, равно как и Пруссия, была не прочь устроить «раздел» Польши. Однако Россия, несмотря на свои претензии к Польше по невыполнению условий договора 1686 г. о гарантии свободы вероисповедания протестантов и прав славных, была против подобного раздела.

В числе претендентов на польский престол фигурировали прусско-австрийская кандидатура португальского принца Эммануила, французская — тестя Людовика XV Станислава Лещинского и русский кандидат — сын польского короля Августа II Август-Фридерик. С 1733 г., после смерти польского короля, европейские державы активизировались в своих действиях. На дипломатических приемах в Варшаве шли откровенные торги.

Австрия и Россия заключили с саксонским курфюрстом оборонительный союз на 18 лет. При этом Август обязывался сохранить, если станет королем, «образ правления» Польши.

Тем временем Франция лихорадочно побуждала Швецию вступить в войну за Станислава Лещинского. Обильные подкупы (что было широко распространено в дипломатии XVIII в.) сделали свое дело. В сентябре 1733 г. в широком поле под Варшавой, где собралось до 60 тыс. шляхты на конях, под проливным дождем, в течение 8 часов примас Федор Потоцкий объезжал ряды шляхты, громкими криками выражая свою волю. Большинство было избран Станислав Лещинский. Но меньшинство, пользуясь знаменитым правилом «liberum veto», требующим полного единогласия в делах сейма, тем временем отправило в Россию оригинальнейший документ — «Декларацию доброжелательности» с призывом защитить «форму правления» в Польше. В числе «доброжелательных» были: великий маршалок — Мнишек, епископ Краковский — Липский, Радзивиллы, Любомирские, Сапеги и др. Россия получила, таким образом, реальный повод для вмешательства, чем и не замедлила воспользоваться. Началась война за «польское наследство».

Русский 20-тысячный корпус под командой генерала П.П. Ласси занял предместье Варшавы — Прагу. Тем временем в Грохове, что также под Варшавой, польским королем

«курфюрдерация» избрала Августа III Фридерика (саксонского курфюрста).

Лещинский был вынужден удалиться в Гданьск, надеясь привлечь на военную помощь Франции. В январе 1734 г. по инициативе Торна русские войска осадили Гданьск. В апреле 1734 г. сюда прибыла французская эскадра, но русский флот обратил ее в бегство. В плен был взят и 2-тысячный десант. Гданьск сдался и признал Августа III. Станислав Лещинский тайно бежал во Францию. Таким образом, русские войска утвердили своего кандидата на польский трон.

Австрия практически не участвовала в военных действиях, так как была вовлечена в скоропалительную войну с Францией (1733—1735). Верная австро-русскому союзу Россия успела оказать помощь и Австрии. Появление русских войска на Рейне произвело большое впечатление и способствовало окончанию этой войны.

Победив в борьбе за «польское наследство», Россия ухудшила свое положение в отношениях с Англией. Примирительная политика России по отношению к Англии должна была завершиться союзным договором. Но дело испортил Бирон, поспешно заключивший (разумеется, за огромную мзду) выгоднейший для английской торговли договор на 15 лет, отдалив тем самым заключение необходимого России политического трактата.

Французская дипломатия, проиграв в Польше, тем временем перенесла свои усилия на южное звено антирусского «восточного барьера» — на Турцию.

§ 2. Восточный вопрос и русско-турецкая война 1735—1739 гг.

На юге России тем временем давно уже складывалась сложнейшая и опасная обстановка.

Здесь необходимо вернуться назад, к первым годам после смерти Петра I, к его наследию в виде итогов Персидского похода. Экономическое развитие огромного государства необходимо требовало выхода к Черному морю для налаживания регулярных торговых связей с Европой и странами Ближнего Востока. Юго-восточные окраины России развивались главным образом по линии традиционных торговых связей с Востоком. Султанская Турция, подвергая постоянной

угрозе южные окраины Европейской России и ведя упорную борьбу с Персией, грозила перерезать все торговые пути на Восток. Поэтому возник вопрос о прикаспийских провинциях. Поход Петра I дал России обширные территории на западном и южном побережьях Каспия. Однако экспансия Турции в Закавказье и в Персии грозила потерей для России не только их, но и всех ее юго-восточных владений вплоть до Астрахани. Это было чревато огромным политическим и экономическим ущербом. Экспансию Турции активно поощряли, с одной стороны, Англия, а с другой — Франция. Не прочь была обострить отношения России с Турцией и Швейцария. В персидско-турецком конфликте 1724—1727 гг. Россия заняла сторону Персии.

Персидское государство переживало в этот период тяжелую внутреннюю усобицу между афганцем Ашрафом, захватившим столицу Исфахан и трон, и законным шахом Тахмаспом. А Турция тем временем занимала одну персидскую провинцию за другой. На предупреждение России о том, что захваты Турции приближаются к русским владениям, а этого Россия не потерпит, великий визирь цинично отвечал: «Сами вы ничего не делаете и Порте советуете, чтоб сложа руки сидела». И тем не менее Россия выжидала, хотя армяне неоднократно просили русской помощи в борьбе с турками.

В 1725 г. в турецко-персидской войне произошел перелом. Султанские войска были изгнаны из Армении, потерпели ряд поражений в Персии и были оттеснены к берегам Тигра. В итоге был заключен мир, которому способствовали Франция, Англия и даже Швеция, стремясь переключить силы Турции на Россию. Однако Турция, опасаясь за захваченную ею Грузию, пока воздерживалась от конфликта с Россией. Тем временем новый персидский шах Ашраф примирился с отходом к России всех территорий, захваченных Петром I. Правда, Россия добровольно вернула Персии провинции Мазендаран и Астрабад. Этот редко встречающийся в истории акт был подсказан следующим: 1) целесообразностью возврата их Персии, а не захвата их Турцией, 2) для укрепления этих территорий России нужны были большие средства, а их не было. Взамен этих потерь по договору 1729 г. Россия получала свободную торговлю через Персию с Индией и Бухарой. Однако, едва договорившись с Ашрафом, России пришлось вести заново вторичные переговоры с вернувшимся на шахский престол Тахмаспом. В итоге этих переговоров по Рештскому договору 1732 г. Россия передавала

Персии не только Мазендаран и Астрабад, но и Гилян. Более того, в тексте договора было обещано в дальнейшем вернуть Баку, и Дербент.

Наконец, после очередного свержения Тахмаспа и разгрома турок в ирано-турецкой войне 1730—1736 гг. новым шахом Надиром России пришлось в третий раз идти на переговоры по тем же вопросам. Теперь пришлось уже не обещать, а отдать окрепшей Персии по условиям нового Гянджинского договора 1735 г. и Баку, и Дербент, и крепость Святого Креста с территорией на север от нее вплоть до р. Терек. Торговые привилегии за Россией сохранились, и тем не менее в целом это было отступление российской дипломатии, слишком глубоко увязшей в борьбе за «польское наследство». Правда, в русско-персидских договорах 1732 г. и 1735 г. Персия в случае войны России с Турцией обязывалась действовать против турок.

Турция и ее сильнейший форпост Крымское ханство издавна вели постоянную агрессивную политику по отношению к России. Давно пало татарское иго. Русское государство стало могучим и независимым. Но его южные границы в широких просторах степей, полностью лишенных каких-либо естественных преград, были слабейшим и легко уязвимым местом. Парадокс развития заключался в том, что с освоением безлюдных степных просторов крестьянской мирной колонизацией, с развитием земледелия в этих краях, с увеличением плотности населения ущерб, наносимый грабительскими набегами татарской конницы, не уменьшался. Каждый такой набег уносил тысячи русских пленных в рабство. В 1725—1735 гг. набегами неоднократно подвергались территории вокруг Полтавы, Миргорода, Бахмута и других районов. Страдали от набегов Дон, Правобережная Украина, степное Предкавказье и др. Борьба с сильнейшей конницей крымского хана, с огромной армией султанской Турции была долгой, тяжелой и изнурительной, унесшей сотни тысяч русских солдат. Вместе с тем эта борьба была жизненно необходимой проблемой.

После смерти Петра I на южных границах России армия была растянута в гигантскую нить. Этот тонкий кордон был легко пробиваем, и для предупреждения внезапных набегов татарской конницы крайне необходимы были форпосты. Один из таких важнейших форпостов — Азов — был потерян по Прутскому договору 1711 г. Разумеется, кардинальным решением вопроса была бы ликвидация агрессии Крыма.

Но это было в ту пору почти невыполнимой задачей. Крым представлял собой естественную неприступную крепость. Во-первых, он был отделен от земледельческих окраин Персии широкой каймой безводных жарких степей, пройти которые само по себе было крайне трудно. Во-вторых, с северной территория Крыма, как известно, неприступна для враждебных войск — узкий перешеек был превращен в сплошную крепость с валом в 7 верст длиной и глубоким рвом. В-третьих, за Перекопским валом вновь шла безводная степная часть Крыма, завершавшаяся горной местностью. Даже если проникнуть внутрь полуострова, то татарские конники ускользали в горы. А ведь в ту эпоху вопрос окончательной победы — это вопрос о генеральном сражении.

После заключения Гянджинского договора 1735 г. Турция сразу же попыталась через Северный Кавказ проникнуть на Каспийские земли Персии. Но тут позиция русской дипломатии стала непримиримой. Русский посланник в Константинополе И.И. Неплюев передал визирю: «Я не ручаюсь за последствия, если татары не переменят этой дороги и коснутся земель ее величества». Татары все-таки совершили свой переход, пройдя русскими владениями и имея сражения с пограничными войсками. Вскоре стало известно о предстоящем новом, втором, переходе 70-тысячного войска крымских татар. Таким образом, конфликт был налицо, и из Петербурга был дан приказ войскам о походе на Крым.

Осенью 1735 г. корпус генерала М.И. Леонтьева спешно ринулся было к Крыму в тот момент, когда полчища Каплан-Гирея двигались к Дербенту. Однако плохо подготовленное войско еле двигалось, и, потеряв тысячи людей и лошадей от болезней и голода, генерал вернулся, не дойдя до Перекопских укреплений.

В следующем году военные действия возглавил фельдмаршал Б.Х. Миних. Поход был более подготовлен — на пути к Перекопу оборудованы опорные пункты. Оставив резерв в Казыкермене, Миних, построив свыше 50 тыс. войска в нескладнейший гигантский четырехугольник с обозом в середине, едва двигался к Перекопу, отбивая постоянные мелкие налеты татар. В конце концов лавина русских солдат смяла Перекопские укрепления. В мае 1736 г. Миних, оставив небольшой гарнизон у Перекопа, пошел внутрь полуострова. Вскоре была взята столица татар Бахчисарай и город Султан-Сарай. Но Миних не одержал ни одной серьезной победы, так как главные силы татар ускользнули. Истощен-

ной жарой и нехваткой продовольствия русские войска, не сумевшие оказаться запертыми с севера возвращавшимся с Кавказа крымским ханом, покинули Крым, потеряв только от болезни почти половину состава, т.е. около 25 тыс. человек.

В 1736 г. кроме крымского похода развернулась осада Азова. В марте были взяты две наблюдательные каланчи на берегах Дона вверх по течению от крепости Азов и форт Лопатки. Затем в течение двух месяцев более 20 тыс. русских войск возводили осадные укрепления. К середине июня часть орудий крепости была уже в руках русских, и комендант Мустафа-ага сдал крепость на милость победителя.

В 1737 г. Россия сделала два главных удара: поход в Крым П.П. Ласси и действия Б.Х. Миниха по освобождению Вассарабии. В июле сильно ослабленная при плохо подготовленном походе через степь 90-тысячная армия Миниха стала сразу же штурмовать крепость Очаков. Только отвагой солдат крепость в итоге была взята, потери были огромны и вновь не столько боевые, сколько из-за болезней и голода. Наступление заглохло.

В это же время П.П. Ласси с 40-тысячным войском снова проник в Крым, перейдя вброд и на плотах Гнилое море (Сиваш). После ряда крупных сражений с татарским ханом русская армия взяла Карасу-Базар. Но жара и безводная степь вынудили Ласси вновь оставить Крым.

С целью захвата Валахии и Молдавии Австрия начала военные действия лишь летом 1737 г. Другой удар по Турции должен был быть нанесен в Боснии, которую Австрия была намерена присоединить к себе. В Боснии успехи австрийцев были незначительны. В Валахии они взяли ряд городов. Из Белграда третья часть армии двигалась по Дунаю и осадила г. Видин.

Серьезные потери и крымских татар и турок заставили последних выступить с мирной инициативой. В местечке Немирове в августе 1737 г. собрался конгресс воюющих сторон — Турции, России и Австрии, который окончился безрезультатно. Война продолжалась. В 1738 г. русские войска в третий раз вступили в Крым и снова из-за бескормицы и отсутствия воды вынуждены были его покинуть. Летом 1738 г. 100-тысячная армия Миниха попыталась проникнуть за Днестр, но поход оказался неудачным и Миних ушел к Киеву. В сентябре из-за жестокой эпидемии чумы русские войска оставили удерживаемые до тех пор Очаков и Кинбурн.

Снова начались переговоры, но теперь уже надвигалась новая опасность с севера. Франция и Турция вели дипломатическую подготовку нападения на Россию Швеции. В этих условиях А.И. Остерман готов был вернуть Турции Очаков и Кинбурн, оставив за Россией лишь Азов. А Австрия уже сама нуждалась в русской помощи.

Весной 1739 г. состоялась последняя попытка России и Австрии оружием вырвать «пристойный мир». Армия Миниха двинулась к Хотину через Черновицы и 17 августа 1739 г. встретила войска Вели-паши под Ставучанами. Сражение было выиграно благодаря отваге солдат и умелому действию ряда генералов (например, А.И. Румянцева и др.). Вскоре сдался и Хотин, русские вступили в Молдавию. Это привело к добровольному переходу Молдавии в российское подданство с сохранением внутренней самостоятельности. С молдавской депутацией 5 сентября 1739 г. был заключен договор.

Тем временем Австрия, терпя одно поражение за другим, заключила с Турцией сепаратный мир, позорно изменив всем договоренностям с Россией. В этих условиях Россия вынуждена была пойти на заключение мира, отдав почти все, что с такими огромными жертвами было завоевано. Азов остался за Россией, но все его укрепления были скрыты. Россия не могла держать корабли ни на Черном, ни на Азовском морях.

§ 3. Русско-шведская война 1741—1743 гг.

В конце 30-х годов обстановка на западных и северо-западных рубежах России вновь стала осложняться. Росла опасность со стороны Пруссии Фридриха II Великого.

В Швеции постепенно зрели реваншистские планы. Со смертью австрийского императора Карла VI в октябре 1740 г. развернулась борьба вокруг австрийского престола, который Карл VI завещал своей дочери Марии-Терезии. Пользуясь обстановкой, Пруссия стремилась захватить у Австрии Силезию. Для этого Фридрих II решил нейтрализовать Россию, которая была в союзе с Австрией, и предложил ей свой союз. Он был заключен в декабре 1740 г. стараниями Б.Х. Миниха и А.И. Остермана. Но Фридрих II вторгся в Силезию чуть раньше. А Россия оказалась в двусмысленном положении, хотя в ее интересах следовало бы держать сторону Австрии. Это был крупный дипломатический просчет.

Правда, в апреле 1741 г. Россия заключила русско-английский союз сроком на 20 лет. Этого она добивалась долгие годы. Но слабым местом союза было продление бироновского соглашения.

Высшие российские сановники довольно быстро осознали, что Пруссия активно подталкивала Швецию к войне с Россией. Миних был удален от дел. Напрасной оказалась попытка Франции заставить Россию выступить против Австрии. Но французский посланник маркиз де Шетарди по поручению Версаля в то же время, как мы видели, завел интригу с Елизаветой Петровной, замышляя дворцовый переворот. Расчеты французской дипломатии были довольно просты — заставить будущую государыню отказаться от завооеваний Петра I в Прибалтике. Как уже было показано, и этот расчет не удался.

Тем не менее 27 июля 1741 г. Швеция объявила войну России под флагом защиты наследников Петра I. Пруссия тут же отказалась от помощи России. Шведские войска вступили в Финляндию двумя корпусами. Но 20-тысячный корпус П.П. Ласси в августе 1741 г. быстро разбил шведов. Дворцовый переворот в ноябре 1741 г., казалось, ликвидировал повод для войны, но война продолжалась. Шведские войска в течение 1742 г. все время отступали, сдавая крепость за крепостью.

В августе 1742 г. под Гельсингфорсом шведская армия капитулировала. Важным моментом была поддержка русских войск местным финским населением. Еще в марте 1742 г. Елизавета издала манифест с обещанием независимости Финляндии. Десять финских полков после капитуляции шведской армии сдали оружие и разошлись по домам. Начались долгие переговоры в Або, временами сопровождаемые военными действиями. 7 августа 1743 г. был заключен выгодный для России мир, получившей ряд финских крепостей.

§ 4. Россия и война за «австрийское наследство» (1743—1748 гг.)

В международных отношениях в Европе на протяжении 40-х — начала 50-х годов XVIII в. наблюдался процесс постепенной, но кардинальной перегруппировки сил и создания новых коалиций. Четко и надолго определились австро-прусс-

ские противоречия, так как Пруссия отняла у Австрии важнейшую часть ее — Силезию. В России постепенно выросло антипрусское направление внешнеполитической деятельности. Вдохновителем этой политики был выдающийся русский дипломат граф А.П. Бестужев-Рюмин.

После некоторого охлаждения отношений с Австрией («заговор» маркиза Ботта д'Адорно) в 1745 г. был заключен новый Петербургский договор сроком на 25 лет. Он был направлен против прусской агрессии. Одновременно Россия пошла на заключение ряда соглашений о помощи Англии войсками (за деньги) для защиты европейских владений Англии от Франции и Пруссии. Это способствовало окончанию войны за «австрийское наследство». В 1748 г. был заключен Аахенский мир. Отношения же России с Пруссией просто прервались. Это произошло в 1750 г.

§ 5. Семилетняя война (1757—1763 гг.)

В 50-х годах произошло резкое изменение в отношениях бывших яростных врагов и соперников в Европе — Франции и Австрии. Сила англо-французских и острота австро-прусских противоречий заставили Австрию искать в лице Франции союзника. Им неожиданно помог давний союзник Франции прусский король Фридрих II. Пруссия охотно пошла на соглашение с Англией, обещая ей помощь войском (в обмен на деньги!) для охраны английских владений от Франции. Король прусский при этом рассчитывал лишь на одно: соглашением с Англией обезопасить себя от грозной России, в которой Англия в дружбе. Но вышло все иначе. В 1756 г. Англия вела с Россией новые переговоры об охране (опять за деньги) английских владений в Европе от Франции. Но теперь русские дипломаты согласились на помощь Англии только от угрозы со стороны Пруссии, стремясь укрепить антипрусскую коалицию Англии, Австрии и России. Но буквально через 2 дня, 27 января 1756 г. Англия заключает с Пруссией соглашение о ненападении. Это вызвало бурю негодования французских дипломатов. В итоге, в мае 1756 г. Мария-Терезия заключает договор с Людовиком XV о взаимопомощи при нападении любого агрессора. Итак, новые коалиции вполне определились: с одной стороны Пруссия и Англия, а с другой — Австрия, Франция, Россия, Саксония.

При всем этом державы антипрусской коалиции не вполне доверяли друг другу.

19 августа вероломно, без объявления войны, прусские войска напали на Саксонию и заняли Лейпциг и Дрезден. На помощь выступили австрийцы, но были разбиты. Саксония капитулировала. Но война продолжалась. Налет взаимного недоверия в антипрусской коалиции теперь исчез, и Россия присоединяется к австро-французскому союзу. Франция и Австрия заключают в мае 1757 г. вторичное соглашение. В коалицию вступает, наконец, Швеция.

В июле 1757 г. русские войска под командованием фельдмаршала С.Ф. Апраксина вступили в Восточную Пруссию и заняли ряд городов (Мемель, Тильзит и др.), взяли курс на Кенигсберг. Под Кенигсбергом стояла прусская отборная 40-тысячная армия фельдмаршала Левальда. 19 августа 1757 г. состоялось крупнейшее сражение возле местечка Гросс-Тегердорф. Несмотря на неблагоприятную роль фельдмаршала, пытавшегося прекратить бой, русские одержали победу. Причем судьбу сражения решил внезапный удар резервной армии П.А. Румянцева. Вскоре Апраксин, для которого Фридрих II был кумиром, был арестован и предан суду. Новый командующий Фермор в январе 1758 г. взял Кенигсберг и вскоре всю Восточную Пруссию.

Боясь успехов русских, Австрия и Франция неустанно просили у них помощи для боев в Силезии, поэтому главный удар в кампании 1758 г. был уже южнее Померании и Восточной Пруссии. Русские войска осадили крепость Кюстрин. Узнав об этом, Фридрих II совершил стремительный бросок под Кюстрин. Растерявшийся Фермор снял осаду и увел все войско под деревню Цорндорф на довольно неудачную позицию (впереди были холмы), где произошло кровопролитное сражение. И снова в ходе битвы командующий русскими войсками фельдмаршал Фермор бежал с поля боя (!). Правда, солдаты мужественно отбили атаку и в итоге обратили Фридриха II в бегство. Фельдмаршала сняли. Во главе войск встал П.С. Салтыков.

Тем временем успех не сопутствовал ни французам, ни австрийцам.

На следующий 1759 г. совместный план союзников предусматривал захват русскими и австрийскими войсками Бранденбурга. В июне Салтыков вступил в Бранденбург, а 12 июля возле деревни Пальциг был разбит корпус Веделя. В бою с русской стороны отличились артиллеристы, ведя

огонь из новых шуваловских гаубиц и единорогов. Вскоре русские войска овладели Франкфуртом-на-Одере и стали реальной угрозой для Берлина.

Отчаянно сопротивлявшийся, вынужденный бороться временно в трех направлениях прусский король Фридрих II решает бросить под Берлин почти 50-тысячную армию. Прусским войскам в это время вместо подхода главных сил австрийцев присоединился лишь 18-тысячный корпус Лавиньяна. Фридрих II атаковал русскую армию 1 августа 1759 года при деревне Кунерсдорф, но теперь позиция русских была отличной. Они закрепились на высотах.

Фридрих II решил зайти с тыла, но русское командование разгадало его планы. Прусский полководец без устали бросал свои полки в атаки, но все они были отбиты. Две энергичные контратаки русских войск определили дальнейший ход ожесточенного сражения. Общей штыковой контратакой Салтыков смял пруссаков, и они в беспорядке вместе с полководцем бежали с поля боя. Однако австрийцы не только не подержали войска Салтыкова, но стремились всячески отвлечь их от Берлина в Силезию. Салтыков отказался следовать австрийским требованиям. Тем временем, получив передышку, Фридрих II вновь собрался с силами и продолжил тяжелую для него войну, которая затягивалась из-за нерешительных действий и бесплодных продвижений союзных России войск.

Венский двор и Версаль, конечно, были за победу над Фридрихом II, но не за усиление России. Отсюда и проволочки, и бесплодные итоги блестящих побед русских войск. Не желая далее терпеть это, Салтыков уходит в отставку. Во главе войск становится бездарный фельдмаршал А.Б. Бутурлин.

В конце сентября 1760 г., в то время, когда основные силы Фридриха II были скованы австрийцами, русские полки устремились к Берлину. На 28 сентября был назначен штурм Берлина, но город сдался. Через 3 дня русские войска покинули город, так как сильно оторвались от своих тылов. Война продолжалась.

В 1761 г. основные силы русских войск были вновь направлены в Силезию. Лишь корпус П.А. Румянцева действовал в Померании. Взятие Румянцевым при поддержке флота крепости Кольберг создало возможность полного захвата Померании и Бранденбурга и новой угрозы Берлину. Это грозило Пруссии полным поражением.

К началу 1762 г. положение для Пруссии стало безнадежным. И вот, когда Фридрих II готов был отречься, неожиданная смерть русской императрицы Елизаветы 25 декабря 1761 г. спасла его от неминуемого разгрома. Новый император России Петр III немедленно прекратил все военные действия, заключил с Фридрихом II союз, по которому русские войска должны были воевать теперь уже с бывшими союзниками. Так или иначе, но Россия вела эту войну на чуждой территории, хотя была вынуждена к этому расстановкой политических сил в Европе. Пронемецкие настроения Петра III, все его поведение вызывало, как мы знаем, острое недовольство русского дворянства. Дворцовый переворот 28 июня 1762 г. сверг императора. На престол была возведена его супруга Екатерина II. Новая государыня разорвала союз с Пруссией, но войны не возобновила. В ноябре 1762 г. заключили мир и союзники России — Франция и Англия.

Так окончилась тяжелая война с Пруссией. Российская империя не достигла своих целей — не присоединила Курляндию, не смогла продвинуться в решении вопроса о белорусских и украинских землях. Правда, в итоге блестящих военных побед международный престиж России поднялся на небывалую высоту. В военной мощи Российской империи в Европе теперь никто не сомневался.

Глава 11

Россия в эпоху Екатерины II. «Просвещенный абсолютизм»

§ 1. Императрица и трон

Первые же царственные распоряжения новой императрицы Екатерины Алексеевны обнаруживают ее сметливый ум и умение ориентироваться в сложной внутривластной и придворной обстановке.

Помимо амнистий и награждений, столь обычных для любого переворота, Екатерина II предпринимает ряд экстрен-

ных мер. Почти тотчас всю армейскую пехоту Петербурга и Выборгского гарнизонов она подчиняет лично преданному ей Кириллу Разумовскому, а кавалерию — графу Бутурлину. Немедленно в армии были отменены все нововведения прусских порядков. Уничтожена зловещая Тайная канцелярия. Запрещением вывоза хлеба довольно быстро ликвидируется резкий взлет цен на хлеб в Петербурге. Кроме того, новая императрица 3 июля снижает и цены на соль (на 10 коп. с пуда).

Шестого июля был издан манифест о воцарении Екатерины II. В сущности, это был памфлет против Петра III. Выпав все наиболее «противная» тогдашнему обществу поступки Петра III, новая императрица с большим «душевным надрывом» расписала недостойное отношение бывшего императора к русской церкви и православию вообще. Екатерина II отменяет и указ Петра III о секуляризации церковных имений.

И все же первое время взнесенная на трон Екатерина II чувствует себя неуверенно и крайне боится придворных интриг. Она делает отчаянные попытки задушить готовый вот-вот вспыхнуть вновь свой старый роман со Станиславом Понятовским.

И все же главная опасность в придворной ситуации была не в Понятовском — был живой, хотя и бывший уже император Петр III. Именно это обстоятельство гложет новую императрицу первые дни и ночи после переворота. Для ликвидации отрекшегося Петра III не нужны были специальные заговоры: вдохновители переворота 28 июня с первого взгляда понимали желания новой царицы. Ход дела в Ропше до сих пор неизвестен, но то немногое, что историкам известно, заставляет не сомневаться в убийстве Петра Федоровича. Отправленный в Ропшу, Петр III был в трансе, все время недомогал. 3 июля к нему был послан лекарь Лидерс, а 4 июля — второй лекарь — Паульсен. Весьма симптоматично, что 6 июля утром, в день убийства из Ропши был похищен камердинер Петра III, вышедший в сад «подышать чистым воздухом».

Вечером того же дня всадник доставил Екатерине II из Ропши пакет, где была записка с пьяными каракулями Алексея Орлова. В ней, в частности, говорилось следующее: «Матушка! Готов идти на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка — его нет на свете. Но никто сего не думал, а как нам заду-

вать поднять руки на государя! Но, государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором; не успели мы заметить, а его уже и не стало».

Момент был критический, ведь «милосердная государыня» могла и прогневаться и даже наказать виновных, погубивших несчастного Петра III. Но она этого не сделала — никто из присутствовавших в Ропше ни в июле 1762 г., ни потом наказаны не были. Скорее наоборот, все успешно продвигались по служебным и иным ступеням. Само убийство было скрыто, так как было объявлено, что Петр III скончался от геморроидальных «прежестоких колик». Вместе с тем записка Орлова свято хранилась Екатериной II более тридцати лет в особой шкатулке, где и нашел ее сын, император Павел. Видимо, это должно было служить свидетельством (весьма шатким, конечно) личной невинности перед сыном.

Торжественный въезд Екатерины II в Москву произошел 13 сентября. 22 сентября в Успенском соборе Московского Кремля состоялся традиционный пышный спектакль коронации, в котором громогласные духовные иерархи лицемерно призывали: «Гряди, защитница отечества, гряди защитница благочестия, вниди во град твой и сяди на престоле предков(!) твоих». Провозглашалось это с полной серьезностью, хотя, разумеется, ни один из предков Екатерины не сидел на русском престоле.

Дворянские аристократические круги как раньше, так и теперь не замедлили обратиться к проектам ограничения самодержавной власти. В частности, Никита Панин неутомимо стал добиваться утверждения проекта ограничения власти самодержца так называемым императорским советом. Когда нажим Панина достиг максимума (в декабре 1762 г.), Екатерина II была вынуждена подписать указ в целом. Но в тот же день, решившись пойти на риск, она рвет его.

Наконец, еще один штрих в придворной борьбе за трон — «дело Мировича». Еще в сентябре 1762 г. в Москве на обеде у поручика Петра Хрущова зашла речь о правах на престол печально знаменитого Ивана Антоновича. Один из офицеров Измайловского гвардейского полка, некий И. Гурьев неосторожно заметил, что уже около 70 человек стараются об «Иванушке». В итоге же и Хрущов, и Гурьев были сосланы навечно в Сибирь. Настороженная императрица через Никиту Панина дала строжайшие инструкции по охране Ивана Антоновича. Приказ гласил теперь о немедленном уничтожении знатного арестанта при малейшей попытке к

его освобождению. Но не прошло и двух лет, как такая попытка состоялась.

На охране Шлиссельбургской крепости стоял в те годы Смоленский пехотный полк. Подпоручик этого полка Василий Минович случайно узнал, что в крепости заключен бывший император Иван Антонович. Честлюбивый подпоручик вскоре решил освободить узника и провозгласить его императором. Заготовив подложный манифест и присягу и найдя немногих сторонников в полку, в ночь на 5 июля с небольшой командой он арестовал коменданта Бередникова и напал на гарнизонный караул, угрожая ему незаряженной пушкой. Но все было тщетно. Как потом выяснилось, капитан Власов и поручик Чекин, увидав происходящее, тотчас убили заключенного. Верховный суд приговорил Миновича к смертной казни. На петербургском обжорном рынке палач отрубил ему голову. Труп казненного и эшафот были тут же сожжены. По сути, это была неудачная попытка типичного дворцового переворота, с той только разницей, что руководитель готовил его неумело, не сосредоточив в своих руках основные рычаги механизма переворота.

Все эти, иногда и острые, дворцовые интриги и конфликты, хотя и создавали вокруг трона обстановку неуверенности, но отнюдь не определяли сложности социально-политической обстановки в стране в целом.

§ 2. Российское дворянство и проблемы социально-экономического развития страны

В конце 50-х — начале 60-х годов XVIII в. обстановка в стране была обусловлена несколькими главными факторами. В первую очередь среди них следует отметить рост крестьянских волнений. Екатерина II вынуждена была признать, что в момент ее прихода к власти «отложились от послушания» до полутораста тысяч помещичьих и монастырских крестьян («заводские и монастырские крестьяне почти все были в явном непослушании властей и к ним начинали присоединяться местами и помещичьи»). И всех их, по выражению императрицы, «усмирить надлежало». Среди крестьян получили особое распространение различного рода подложные манифесты, указы, в силу которых крестьяне отказывались работать на своих прежних господ. Монастырские крестьяне

шли в свою пользу хлеб, сено, рубили лес и т.д. Отказ от феодальной зависимости вызвал новую гигантскую волну отчаянной борьбы. В 1762—1763 гг. волнения распространились на огромную территорию, охватывающую одиннадцать губерний Центральной России. Начались вооруженные выступления крестьян.

В связи с манифестом «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» в 1762 г. поднялись на борьбу и помещичьи крестьяне, возбужденные слухами о предоставлении «воле». В начале 1762 г. в 9 центральных уездах вышло свыше 7 тыс. крестьян, принадлежавших 9 помещикам. В Вяземском уезде князь А.А. Вяземский против крестьянских толп использовал пушки. В 1763 г. массовый характер приняли волнения в Новгородском, Пошехонском, Великоколмаиском, Уфимском уездах. В 1766—1769 гг. движение вспыхнуло в Воронежской и Белгородской губерниях. Борьба почти повсеместно сопровождалась массовым бегством крестьян, потоком челобитий, насчитывавшихся тысячами, вереницами крестьянских ходоков.

В этой столь грозной обстановке Екатерина II в манифесте от 3 июля 1762 г. решительно объявила свою генеральную линию: «Намерены мы помещиков при их имениях и владениях ненарушимо сохранять, а крестьян в должном повиновении содержать». Законодательная практика правительства Екатерины II полностью подтверждает этот тезис. Исключительно в интересах дворянства новая императрица реально осуществила так называемое «генеральное межевание», укрепившее земельные права дворян. При этом она подарила дворянам огромный фонд государственных земель, самовольно захваченных помещиками в предшествующий период. Ни Анна, ни Елизавета, ни даже Петр I не рискнули это сделать. Екатерина II безвозмездную передачу дворянам захваченных ими земель представила в виде награды за быстрое и бесспорное («полюбовное») установление границ их владений. И это имело грандиозный успех у дворянства, хотя чисто техническое оформление этого соглашения (само межевание) длилось около ста лет.

Одновременно с укреплением дворянского землевладения шло неуклонное наступление на крестьянские права. Запрет крестьянам жаловаться на помещиков был установлен еще в 1649 г. и с тех пор многократно подтверждался. Но при Екатерине II за нарушение этого запрета крестьяне уже жестоко наказывались, вплоть до ссылки в Нерчинск. В ян-

варе 1765 г. «за продерзостное состояние» «вредных обыва- ству людей» помещикам разрешено было не только ссылать в Сибирь (а это было узаконено еще в 1760 г.), но и отдавать в каторжные работы. Порядку и регламентации процедур управления крестьян в ссылку и их содержанию посвящена была целая серия указов.

С другой стороны, законы смягчали наказания дворян за истязания и убийства своих крепостных, а при Екатерине II наказанием дворян стали лишь церковные покаяния. Легализована была практика продажи крепостных крестьян оптом и в розницу. Дети крестьян, взятых в рекруты, оставались теперь в собственности помещика. Резко ограничилась сфера дееспособности крепостных крестьян. Сбор государственных податей с крестьян был возложен на помещиков (ранее за ними была лишь ответственность за недоимки). Помещичьим крестьянам было запрещено принимать присягу. Запрет был наложен даже на вступление в монашество. Их лишали права брать откупа и подряды. Им (а также государственным крестьянам) запрещено было вступать в обывательские отношения, их денежные обязательства были объявлены недействительными. Без разрешения помещика крестьянину не выдавали паспорт и т.п.

Наступление на права крестьян шло и по иным направлениям. Стремительно развивался процесс утеснения однодворцев, когда-то бывших сословием «служилых людей по прибору» и защищавших южные границы Российской государственности. Легализован был захват помещиками однодворческих земель. Рядом указов однодворцы превращались в казенных крестьян. Наступление на права крестьян распространилось и на южные регионы России. Господствующему классу Малороссии была предоставлена юридическая база для закрепощения крестьян. Сначала в 1763 г. это был указ о переходе крестьян «с места на место» лишь письменным отпуском прежнего хозяина с одновременным запретом перехода для тех, кто прожил на одном месте 10 и более лет. А в 1783 г. крепостное право на Украине было окончательно оформлено. Наконец, крайне суровыми были меры правительства по сыску беглых крестьян.

Однако слишком просто было бы оценить политику правительства Екатерины II как прямолинейное стремление к ужесточению эксплуатации крестьян путем грубого насилия. Ведь тогда гигантски лицемерным покажутся и созыв Уложенной комиссии, и конкурс Вольного Экономического об-

щества, и кампания свободы слова в конце 60-х — начале 70-х годов, и многое другое. Больше того, ведь в реальном законодательстве самодержавия была и качественно иная линия, которую иногда называют «экономическим либерализмом».

Постепенный «либеральный» поворот в экономической политике правительства приходится на середину XVIII в. Ужесточение всего круто изменена была политика традиционного ограничения казенных торговых монополий. В 50-е годы разрешен был свободный отпуск из всех портов и таможен водки, клея, льна, пеньки, смольчуга, поташа, дегтя, юфти и других товаров, бывших прежде предметом казенной монополии. В 1755 г. был принят важнейший указ, объявлявший свободную продажу за границу, запрещенную Петром I в 1715 г., узкого крестьянского холста и практически установленный «безуказное», т.е. свободное, производство на экспорт этого материала. В 1758 г. разрешено было свободное производство «всякому, кто пожелает, пестредей» (набоечной илиняной ткани) и шляп, а в 1760 г. — свободное производство веревок и канатов.

Одновременно намечается некое стремление властей ограничить применение крепостного труда в частной промышленности. В 1752 г. было ограничено право купцов покупать крестьян к мануфактурам. Введены были количественные ограничения на людские ресурсы подневольного труда «вечноотданных». В следующем 1753 г. сенатским указом предписано было изъять с фабрик и заводов лишних (по вновь установленным нормам) приписных крестьян. Логическим завершением этой политики был указ о запрещении покупки крестьян к частным фабрикам и заводам как с землей, так и без земли, что, видимо, хотели еще сделать при Петре III.

Самым кардинальным актом правительственной политики 50-х годов была отмена внутренних таможенных и мелочных сборов указом от 20 декабря 1753 г. В 1760 г. в Сенат уже был подан проект указа об уничтожении всех монополий и откупов, а 10 октября был разослан на места, хотя и не опубликован, указ о свободе торговли всеми изделиями русского производства.

Таким образом, перед нами явные признаки демонтажа (либерализации?!) традиционной политики феодальной регламентации в области экономики. Причем постепенность изменений и их явная противоречивость свидетельствуют, скорее всего, о чисто прагматическом характере этой поли-

тики, т.е. об отсутствии в ее основе каких-либо теоретических концепций.

С вступлением на престол Екатерины II отказ от традиционной политики «насилованного» посословного «разделения труда» стал еще очевиднее. Хотя поначалу в указах сильнее были чисто декларативные моменты, а не реальные действия. Вслед за провозглашением отказа от системы монополий в промышленности и торговле 28 марта 1762 г. в июле того же года было объявлено о свободе производства ситца по всей стране, кроме Москвы и Петербурга. Чуть раньше разрешен был вывоз хлеба за рубеж. А с 1766 г. в 1772 г. был введен беспошлинный вывоз пшеницы и пшеничной муки почти изо всех портов империи. В 1763 г. снова был провозглашен принцип свободы промышленной деятельности, т.е. полной нецелесообразности держать «в одних руках, чем множество желающих пользоваться могут». В апреле 1767 г. был издан весьма лаконичный указ, объявлявший полную свободу «рукоделу и рукоделию» в городах России. А 10 сентября 1769 г. был издан указ о свободе заводных ткацких станы с одним лишь условием: уплаты сбора в 1 рубль за стан.

В 70-е годы правительство Екатерины II идет на еще более кардинальные решения. Указом от 17 марта 1775 г. была объявлена свобода заведения промышленных предприятий для всех отраслей промышленности, отменены были все сборы от мелких промыслов. В 1777 г. были отменены сборы с домашних станов, принадлежащих фабрикам, т.е. резко улучшены были условия деятельности так называемых раскопанных мануфактур. В 1784 г. снова был издан указ о поощрении местной легкой промышленности.

Таким образом, усиление крепостничества и поощрение промыслов практически происходило одновременно.

Историки в попытках объяснения причин столь сложного явления прибегали к весьма разным интерпретациям и трактовкам. Часть из них считала Екатерину II просто лицемерным политиком, надевшим на себя маску либерала, но по своей внутренней сути являвшимся завзятым крепостником. Другие считали либеральные реверансы великой императрицы вполне искренними, но целиком разбивавшимися о реакционные силы помещичьего класса. Корень зла подобные историки видели (и видят) в постоянном стремлении помещиков к безмерной эксплуатации крепостных крестьян. Именно под нажимом помещичьего сословия екатерининское прави-

тельство и привело к резкому усилению режима крепостничества, к установлению диктатуры помещиков, их полному господству в стране, обществе, государстве.

Подобная оценка социально-экономической политики в России во второй половине XVIII в. оставляет слишком много вопросов. Главное же остается неясным: как могли ужиться в политике единой правящей элиты столь принципиально различные направления — субъективно осознанный либерализм и столь же осознанное «реакционное» феодально-крепостническое начало.

Между тем, на наш взгляд, есть вполне реальная возможность дать наиболее убедительную оценку такой политике как вполне целостному явлению. Для этого необходимо еще раз осознать кардинальнейшую особенность истории Российского государства, заключающуюся в том, что природно-климатические условия создавали в стране из века в век крайне неблагоприятную обстановку для развития основы основ ее существования — сельского хозяйства.

Российское общество вплоть до XX века развивалось как общество с относительно низким объемом совокупного прибавочного продукта, что в принципе навсегда обрекало бы его на судьбу примитивного земледельческого социума.

Поэтому историческая необходимость уже в средневековье привела в России к формированию особого, необычного для запада Европы типа государственности с весьма жесткими рычагами государственного механизма, ибо основной функцией Российского государства были концентрация и перераспределение относительного минимума прибавочного продукта в интересах развития и самого общества и его господствующего класса. Поэтому далеко не случайна была на востоке Европы многовековая традиция централизованной, самодержавной, по сути своей деспотической власти. Не случаен был и необычайно суровый режим крепостного права. Долгие века этот режим был призван обеспечивать поступательное развитие и общества и государства. Это развитие осуществлялось главным образом путем использования сверхнапряженного труда крестьянства, экономическое положение которого было на грани потери собственного воспроизводства.

Огромные пространства российского Нечерноземья веками были аренной практически убыточного сельского хозяйства. Во второй половине XVIII в. во Владимирской губернии лишь один уезд из 12-ти (Покровский) имел некоторый из-

лишек зерна (по сравнению с тем количеством зерна, которое шло на собственное потребление). В четырех уездах своего зерна хватало лишь на 6—8 месяцев в году. Такое же положение было и в соседней Ярославской губернии. Здесь лишь три уезда обходились «своим хлебом» и в случае удачного урожая могли иметь некоторый товарный излишек зерна. В Тверской губернии в 80-е годы XVIII в. «по расчислению на несколько лет» годовой бюджет средней крестьянской семьи из 4-х человек (глава семьи, жена и двое детей) по расходам должен был составлять 26 руб. 43 с половиной копейки. В то же время реальный доход такой семьи был в год не более 6—10 руб. Остальные надо было добывать путем различного рода промыслов или жить впроголодь, разоряя свое собственное хозяйство. Последнее встречалось нередко. Достаточно сказать, что в среднем потребление всей зерновой продукции составляло лишь 1500 килокалорий на человека в сутки (норма 3—4 тыс. килокалорий).

Видимо, такая же ситуация была почти на всем пространстве Нечерноземья России. Во всяком случае, в одном из докладов комиссии о коммерции (от 21 июня 1764 г.) общая оценка состояния земледелия в России такова: «крестьянин, трудясь через целое лето, насилиу на платеж своих оброков может заработать». Иначе говоря, большую часть необходимой для расходов суммы русский крестьянин должен был добывать на стороне, точнее, вне сферы сельского хозяйства. Поэтому в Нечерноземье России издавна были развиты различного рода крестьянские промыслы.

С основанием новой столицы на берегу Финского залива, с сооружением сети каналов, соединяющих Петербург с остальной частью страны, возможности применения крестьянского труда резко расширились. Это способствовало усилению развития мелкой промышленности в виде различного рода ремесленных заведений, а в некоторых случаях капиталистических коопераций и даже мануфактур.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что продукция земледелия Нечерноземья оставалась общественно необходимой. Иначе говоря, о сокращении объема сельскохозяйственного производства в этом гигантском регионе не могло быть и речи! Однако сравнительно быстрый процесс развития крестьянских промыслов и торговли объективно создавал условия для сокращения объема земледельческого производства на территории исторического ядра Российского государства.

В то же время помещики стремились не только сохранить традиционную запашку, но кое-где и увеличить. Отсюда и необычайно резкий протест крестьян (хотя эксплуатация еще отнюдь не становилась «непомерной»).

Именно эта сложная и противоречивая ситуация и лежала в основе правительственной политики монархов середины и второй половины XVIII в. Основной массе населения страны нужны были условия для приложения своего труда в сфере промышленности как способ дополнительного к сельскохозяйственному производству заработка, и политика правящей верхушки должна была отвечать этим потребностям. Больше того, политика правительства конца 50-х — начала 60-х годов, запрещая промысловые монополии и отменяя, часто поощряла в первую очередь именно мелкие промыслы, а не развитие крупных мануфактур. В одном из сенатских указов об этом заявлено со всей откровенностью: «а в введении для того фабрик не позволять, дабы чрез то у мастеровых людей пропитание отъемлемо не было». Таким образом, прямое поощрение вовлечения основной массы крестьянства в торгово-промышленную деятельность было продиктовано суровой необходимостью помочь выживанию громадной массы населения Нечерноземья. Это была чисто прагматическая линия правительственной политики.

И эта политика принесла плоды уже в ближайшие 15—20 лет. Об этом говорят данные об уровне оброчной эксплуатации помещичьих крестьян и обеспеченности этих же крестьян пашней. Так, сведения о крестьянах (3759 душ мужского пола) Егорьевского уезда Московской губернии свидетельствуют о том, что в 1769—1773 гг. их хозяйство носило чисто земледельческий характер (что следует из четко проступающей закономерности: чем больше у крестьянина пашни, тем выше сумма оброка с души мужского пола, который он платит). Спустя примерно 15—20 лет у тех же 3759 душ мужского пола, живущих в тех же селах, характер соотношения размера оброка и размера пашни резко меняется: наибольший оброк платят уже те крестьяне, у которых пашни меньше. И наоборот, наименьший оброк платят те крестьяне, у которых пашни больше. Произошел, таким образом, своеобразный «промысловый переворот». Центр тяжести хозяйственной деятельности крестьян этого региона перемещается в промысловую деятельность, и от нее в первую очередь зависит размер дохода крестьянина (а значит, и размер обро-

ка). В 80-х годах этот процесс коснулся крестьян многих районов Нечерноземья.

Таким образом, преследуя чисто практические цели, дворянское правительство Екатерины II сумело создать условия для крутого поворота путей развития крестьянского хозяйства обширнейшего региона России.

Между тем традиционно бедствующее земледелие центральной России мгновенно ощутило даже самые незначительные перемещения центра тяжести крестьянского труда в области торговли и промышленности. В этих условиях хоть как-то удержать былой уровень развития земледелия в Нечерноземье можно было только внешнеэкономическим принуждением, т.е. общим ужесточением режима крепостного права. Ярким примером эту сложную ситуацию отразил известный дворянский публицист М.М. Щербатов, имя которого в литературе последних десятилетий практически безоговорочно сопровождалось такими эпитетами, как «крепостник», «реакционер», в лучшем случае «консерватор». Щербатов в течение двух десятков лет (60 — 80-е годы XVIII в.) неустанно повторял, что русское земледелие находится в критическом состоянии, что оно «совершенно упало» и т.д. Корень зла он видел в нехватке рабочих рук и низкой производительности труда в земледелии. Щербатов прекрасно понимал негативную роль неблагоприятных природно-климатических условий основной территории тогдашней России — ее Нечерноземья, в силу чего тяжкий, надрывный труд не давал достойного вознаграждения.

Вместе с тем сочинения М.М. Щербатова переполняют ощущение роковой опасности от перспективы отмены крепостного права и перемещения крестьян в сферу промышленности. По его мнению, это лишь губительно скажется на судьбах и без того неудовлетворительного земледелия и грозит крахом государству (даже «малая убавка земледельцев становится чувствительной государству»).

Думается, что при выработке основных направлений социально-экономической политики правительственные верхи государства Российского в конечном итоге принимали решения в духе Щербатова, несмотря на излишнюю категоричность его позиции. Слишком рискованны были бы иные решения. Однако при всем этом Екатерина II отчетливо сознавала недостаточность и даже опасность столь прямого курса репрессий, предназначенных к укреплению крепостни-

чества, и необходимость более гибкой политики дворянского правительства уже в первые годы своего долгого царствования. Такая своеобразная ситуация складывалась в отношении российского купечества. В XVIII в. российское правительство предпринимало лишь робкие попытки выделения профессиональных представителей торгового капитала в качестве самостоятельного сословия, предпочитая в большей или меньшей мере сохранять купечество в общих рамках сословного посадского населения городов. В этих рамках при Екатерине, Анне Ивановне и Елизавете Петровне и осуществлялась традиционная политика охраны монопольных прав городского посада на торговую и ремесленную деятельность. Запись крестьян «в купечество» была максимально затруднена. Крестьянам запрещена была не только торговля в городе, но и устройство промышленных заведений.

Принимая эту политику, представители торгового капитала вместе с тем стремились к полному обособлению от городского посадского населения, к сохранению только за купечеством монопольного права на торговлю и промышленность, на владение откупными и подрядами на поставку в казну различных предметов потребления. Российское купечество по-прежнему было заинтересовано в обретении исключительных привилегий феодальной корпоративности не потому, что оно было «реакционным», а потому, что в составе городского посада, даже будучи выделенным в ранг «регулярных» граждан, даже получив первую купеческую гильдию, оно оставалось по существу бесправным. А права эти можно было обрести, лишь приближаясь к статусу дворянства.

Некоторым исключением являлись представители купеческих слоев, вложившие свой капитал в производство. Будучи, как правило, крупным, это производство быстро становилось привилегированным, опекаемым феодальным государством, и в итоге — монопольным. Такого рода купцы-заводчики и купцы-фабриканты были выделены из посада. Основная же масса купечества по-прежнему была в состоянии «рассыпанной хранины».

К противоречиям, разделявшим представителей торгового капитала и посадский ремесленный люд, к противоречиям посада в целом и торгово-промышленного крестьянства добавлялись и противоречия купечества и дворянства. Как уже говорилось, жесткая прагматическая политика правительст-

ва Екатерины II привела в конце концов к отмене средневековых монополий, к отмене сословных ограничений в области торговли и промышленности, что с конца 60-х годов способствовало быстрому росту не только промышленной и торговой деятельности крестьянства, но и активизации промышленного предпринимательства, в которое втягивались купечество, и зажиточная прослойка торгующего крестьянства, и отчасти представители дворянства.

Если в конце 60-х годов в текстильной промышленности было 231 крупное предприятие, в том числе 73 суконных мануфактуры, 85 полотняных и 60 шелковых, то в конце XVIII в. число предприятий текстильной промышленности достигло 1082, из них суконных — 158, полотняных — 311 а шелковых — 357. За три с небольшим десятилетия рост более чем в 4,5 раза. В области металлургического производства и металлообработки в конце 60-х годов насчитывалось 182 предприятия, а в конце XVIII в. — около 200. Рост небольшой, однако теперь это были более крупные предприятия. В конце XVIII в. в горной и металлургической промышленности было занято свыше 100 тыс. крепостных мастеровых и 319 тыс. приписных крестьян. Доля наемных рабочих была невелика. Общее число предприятий с конца 60-х годов выросло с 683 до 2094. Среди них немало очень крупных предприятий. Уже в 60-е годы встречаются текстильные производства с числом рабочих от 2 до 3 тыс. На Украине также появились весьма крупные суконные предприятия (такие как Ряская, Путивльская, Лутковская мануфактуры и др.). В Литве и Белоруссии интенсивно развивались стекольное, поташное, зеркальное производства, основывались текстильные мастерские.

К концу XVIII в. весьма заметен был и рост числа мелких предприятий, пользующихся только свободным наемным трудом. Общее число наемных выросло за вторую половину века с 25 тыс. до 50 тыс. человек. В области судостроения число наемных к концу века возросло до 30 тыс. человек. В горнодобывающей промышленности — до 15 тыс. человек. На предприятиях Мануфактур-коллегии число вольнонаемных к концу века составило около 60 тыс. человек (а в такой отрасли, как хлопчатобумажное прядение, наемные составляли 90% рабочей силы). Если к этому добавить, что судоходный промысел собирал ежегодно к концу века до 200 тыс. наемных, то общее количество лиц наемного труда приблизится

к 1 млн. человек. Таким образом, к концу XVIII в. можно говорить о складывающемся типе капиталистических производственных отношений (капиталистическом укладе).

Настает с тем, подавляющая масса рабочих российской промышленности оставалась в крепостной зависимости. Приписки государственных крестьян к казенным заводам и фабрикам продолжались. Промышленное предпринимательство дворянства продолжало развиваться вопреки интересам купечества. В XVIII в. и особенно после 1765 г. дворяне энергично вторглись в сферу винокурения и продажи казенного вина. «Бесчисленное множество корыстолюбивых дворян... — с гневом писал А.Т. Болотов, — давно уже грызут и губы и зубы от зависти, видя многих других от вина получающих страшные прибыли». Новые правила негласно позволяли теперь дворянам-заводовладельцам, сдавая в казну всего лишь 100—200 ведер вина, одновременно производить и сбывать тысячи ведер «левой» продукции. Дух наживы давно уже подвигнул дворян и на заведение домашних вотчинных «фабрик» по производству полотен, сукон и т.п. Число таких фабрик неуклонно увеличивалось. Ряды дворян-предпринимателей ширились и росли. Активно включались дворяне и в торговые обороты, брали подряды у казны и т.д. Крупнейшие елизаветинские фавориты и вельможи Воронцовы, Шуваловы и другие почти все были втянуты в крупную предпринимательскую деятельность. Другие же группировки дворянства, в основном, живущие за счет промысловой деятельности своих крепостных, были непрочь ослабить ограничения для крестьян и в области торговли и в области промышленной деятельности.

В 40—50-е годы XVIII в. в Сенат и другие правительственные учреждения поступали различного рода проекты социальных и экономических реформ как консервативного характера, так и идущих навстречу объективному ходу развития страны. Правительство Елизаветы пыталось решить некоторые из этих вопросов, но большей частью безуспешно.

Все эти вместе взятые моменты сложной социально-экономической ситуации обусловили постепенное формирование новым екатерининским правительством нового курса, получившего в истории квалификацию «политики просвещенного абсолютизма».

§ 3. Политические иллюзии и реальная политика Екатерины II. «Просвещенный абсолютизм»

«Просвещенный абсолютизм» — явление общеевропейское, составившее закономерную стадию государственного развития многих стран Европы. Проводниками этой политики были и шведский король Густав III, и австрийский император Иосиф II, и прусский король Фридрих II, и некоторые крупные государственные деятели таких стран, как Дания, Португалия, Испания и др. Этот вариант государственной политики возник под непосредственным влиянием идей французского Просвещения XVIII в. Идеи эти получили широчайшее распространение в Европе в тот период, когда на историческую арену выступил новый класс — класс буржуазии, открыто боровшийся за свое экономическое и политическое господство.

Носительница новых производственных отношений, буржуазия той эпохи сыграла в истории чрезвычайно прогрессивную роль. В качестве идеологической подготовки своей борьбы за власть она развернула острейшую критику загнивающего феодального строя и его институтов. Все громче, все сильнее раздавалась критика в адрес католической церкви, в адрес деспотических режимов правления. «Религия, понимание природы, общества, государственный строй — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него... Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены, как старый хлам», — так писал об идеях французского Просвещения Фридрих Энгельс.

Сословный строй средневековья подвергался осуждению прежде всего с точки зрения «естественных», прирожденных прав любого человека — его свободы и его равенства.

В эту эпоху далеко за пределами Франции стали широко известны сочинения таких мыслителей, как Вольтер и Монтескье, Дидро и Д'Аламбер, Ж.Ж. Руссо и др. Идеи французского Просвещения обладали огромной притягательной силой и с удивительной быстротой проникали во все уголки континента.

Растущее крестьянское движение против дворян-эксплуататоров превращало напряженную обстановку всеохватывающей критики в обстановку, чреватую революционным взрывом. Во Франции в конце концов это так и случилось. Однако в более отсталых странах, где феодализм имел еще твердую опору, наиболее дальновидные государственные деятели стали стремиться к укреплению основ абсолютной монархии путем ликвидации наиболее устаревших атрибутов строя. В рядах французских просветителей они нащупали вскоре целое звено из наиболее умеренных деятелей, готовых пойти на своего рода компромисс.

Объективная необходимость преобразований, отвечающих «духу времени», была осознана Екатериной II как задача не только практическая, но и теоретическая. Именно поэтому царствующая особа, еще в молодости почитывавшая Ш.Л. Монтескье, вновь берется за проработку его трудов и трудов Д'Аламбера, Ч. Беккария, Вольтера, Я.Ф. Бильфельда и др., а с некоторыми из них даже вступает в переписку (Вольтер, Д'Аламбер, Дидро). В конечном счете система взглядов императрицы нашла отражение в «Наказе Уложенной комиссии, работа над которым заняла у нее около двух лет. Это объемистый труд из 20 глав, поделенных на 526 статей, раскрывающий принципы организации государства и роль государственных механизмов, основы правовой политики и законодательства, судопроизводства, уголовного права, а также основы общественной структуры и сословной политики. Автор «Наказа» не скрывает, что на 90% текст его основан на «Духе законов» Монтескье и работе Беккария «О преступлениях и наказаниях». Однако это не помешало автору провести в «Наказе» свою политико-правовую концепцию, существенно деформированную при этом идеи французского Просвещения.

Приспособление революционизирующих идей Просвещения шло, главным образом, в русле теоретического обоснования монархического государства как способа самоорганизации общества. Издержки такого приспособления сводятся к тому, что Екатерина II полностью игнорировала просветительскую теорию «естественного права» и тесно связанную с ней теорию происхождения государства как акта «общественного договора» о разделении функций между членами сообщества (одним предназначена функция производительного труда, другим — функция управления и защиты общества от врага и т.п.). Отказ этот был молчаливо мотивирован

тем, что монарх-самодержец (и в его лице государство) не может иметь какие-либо обязанности перед своими подданными (ибо взаимные обязательства государства и подданных могут быть воплощены в жизнь только в свободном, гражданском обществе, а не в обществе, где более 90% населения скованы крепостным правом).

Тем не менее теоретическое осмысление предназначения государственной машины как средства самоорганизации общества было объективно необходимым даже для феодально-крепостнического государства. По мысли императрицы, лучший способ самоорганизации общества — это разработка идеальной системы законов. «Правильно» составленные законы — гарантия четко действующего государства, делающего достижимым «блаженство каждого и всех». Отсюда решающая роль не просто монарха, а «просвещенного монарха», способного одарить общество «правильными законами», отсюда и идея «просвещенного абсолютизма» с его теорией «общего блага» как цели самоорганизации общества.

К числу специфических моментов исторической судьбы России Екатерина II отнесла неизбежность монархического устройства Российского государства. Это и есть основной «фундаментальный закон» России, ее «вечное право». Однако это положение привело императрицу к необходимости отстаивать и неограниченность власти самодержца. Монарх становится самым «источником всякой государственной власти», и здесь позиция Екатерины II полностью совпала с позицией Петра I. «Просвещенный монарх» издает «наилучшие законы», направляет все действия «к получению самого большого ото всех добра». Правительство и «средние власти» (т.е. органы государственного управления) являются прямыми исполнителями воли монарха и изданных им законов. В трактовке Екатерины II «граждане» являются таковыми лишь в той мере, в какой они равны перед законами государства. Однако это не исключает их весьма различных ролей и функций в этом государстве. Все они делятся на тех, кто повелевает, и тех, кто повинуется. Отсюда разная роль сословий общества и разный их статус.

«Дух времени» имел существеннейшее влияние на формирование отношения государства к церкви, ибо духовному сословию в будущем устройстве практически уже не было места.

Стремление создать законопослушное сообщество выразилось в формулировке ряда принципов организации судеб-

ной власти. Это четкое ограничение судебной власти неукоснительным исполнением законов, исключаящих самостоятельное правотворчество. Вторым важнейшим принципом должна быть строжайшая централизация и унификация судебной практики и судопроизводства. Императрица допускала при этом и практику «совестного суда», внимавшего к судьбам, вызванным исключительными ситуациями жизни, и выделение сословных судов. Важнейшей мыслью «Наказа» было исключение из практики суда присяги как метода доказательства (таковым может быть лишь свидетельство) и попытки как метода, «противного здравому естественному рассуждению».

«Наказ» пронизывает идея первенства дворянского сословия, перерастающая в идею создания дворянского государства. В целом «Наказ» вполне удовлетворял задачам создания политической доктрины дворянской крепостнической монархии, оснащенной вполне современными для той эпохи и наиболее подходящими для России постулатами Просвещения. Так была создана идейно-политическая основа модернизации России под эгидой «просвещенного абсолютизма». Разумеется, во всем этом была и изрядная доля пустой фразеологии.

§ 4. Секуляризация церковных земель

Важной составной частью политики «просвещенного абсолютизма» была передача в государственное управление монастырских и церковных имений (так называемая секуляризация). Европейские буржуазные революции решительно расправлялись с церковными земельными владениями, конфискуя или национализируя их. Приобщались к этому и «просвещенные монархи», преследуя иезуитов, закрывая различные монашеские ордена, проводя секуляризацию церковных имуществ. В России, где совокупный прибавочный продукт едва достигал допустимого минимума, проблема приращения доходов казны за счет церкви была особенно актуальна. Идея секуляризации церковных владений постоянно маячила в России чуть ли не с начала XVI столетия. Наиболее серьезные попытки к ее реализации предпринимал Петр I. Однако реальным актом секуляризация стала лишь в эпоху «просвещенного абсолютизма».

Подготовка секуляризации была начата в конце 50-х годов XVIII в., а при Петре III был издан и указ о передаче в ведомство Коллегии экономии монастырских и церковных владений. После переворота 28 июня 1762 г. Екатерина II поначалу приостановила реализацию этого указа. Заигрывая с духовенством, она открыла вновь домашние церкви, запечатанные при Петре III, способствовала возрождению влияния духовенства в вопросах цензуры и т.д. Однако отмена секуляризации вызвала огромную вспышку волнений монастырских крестьян. К тому же оплот монархии, дворянство весьма сочувственно относилось к идее секуляризации, видя в этом пополнение запаса казенных земель для новых пожалований.

Все это, вместе взятое, повлияло на принятие Екатериной II нового решения: в конце 1762 г. меры, останавливающие секуляризацию, были объявлены временными. Одновременно была создана комиссия для изучения вопроса.

К этому моменту новая императрица убедилась в слабом влиянии духовенства как политической силы. И действительно, хотя распоряжения Екатерины II вызвали в среде духовенства, особенно высших иерархов, сильный ропот и даже негодование, открыто выступить никто не решился. Исключением явился ростовский архиепископ Арсений Мацеевич, назвавший секуляризацию «игом мучительским, которое лютее ига турецкого», действия же императрицы сравнил с поступками Иуды Искариотского.

§ 5. Уложенная комиссия 1767 г.

Весьма существенным звеном в екатерининской политике «просвещенного абсолютизма» стал пересмотр обветшавшего средневекового кодекса законов, Соборного Уложения 1649 года.

Актуальность и важность сего дела были всем очевидны, так как над проектами нового Уложения в течение ряда лет трудились еще елизаветинские сановники. Но то была работа безвестная, в тиши кабинетов. Екатерина II же придала этому мероприятию всероссийский размах и с невероятной пышностью и шумихой поставила его в центр внутривнутриполитической жизни России. Внешние формы, в которые она облекла разработку нового Уложения, напоминали что-то вроде созыва древних земских соборов. Центром работы должна

была стать особая Уложенная комиссия, члены или депутаты которой выбирались от всей страны. Звание депутата давало избываемые привилегии. Депутаты были под «собственным охранением» императрицы, они освобождались пожизненно от смертной казни, пытки и телесного наказания, «в какое бы преступление не впали». Их личная безопасность обеспечивалась двойной карой покушавшемуся. Все это должно было придать работе Комиссии значение «великого дела».

Представительство в Уложенную комиссию внешне выглядело почти всеобщим: тут были и дворяне, и горожане, и даже крестьяне, да и Екатерина II уверяла, что выборы организованы так, «дабы лучше нам узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа». Однако это лишь первое впечатление. В Комиссии господствовало дворянство. Вместе с прочими дворянскими депутатами (от украинских полков и от государственных ведомств) дворянство в целом было представлено 228 депутатами (40% мест в Комиссии). Города избирали по одному депутату от каждого города. Всего от них было избрано 208 человек (из них 12 дворян). Таким образом, от дворянства и городов было избрано 424 депутата, хотя они представляли едва 4% от населения страны. Основное же население России было крестьянским (93%).

Помещичьи крестьяне (53% всего крестьянского населения) не имели права участвовать в работе Комиссии. Зато с большой шумихой было заявлено об участии в работе Комиссии представителей нерусских народов Поволжья, Приуралья и Сибири. Число депутатов от этих народов достигало 50. При максимальном внешнем эффекте участие депутатов от «иностранцев» практически сводилось к нулю: ведь почти никто из них не знал русского языка.

Самой большой группой крестьянства, посылавшей своих депутатов, были чернососные крестьяне и однодворцы. Однодворцы имели 43 депутата, а чернососные с приписными крестьянами — 23. Но вместе взятые, они имели лишь около 12% всех депутатских мест.

Не участвовало в работе Комиссии ни дворцовое крестьянство, ни бывшие монастырские (теперь «экономические») крестьяне, ни крестьянство Прибалтики, Дона, Украины. 45 депутатских мест имело лишь казачество.

Таким образом, в Комиссии подавляющее большинство составили представители господствующего класса дворян и горожане. Это определило и весь характер ее работы.

Процедура выборов депутатов предусматривала составление письменных наказов от их избирателей. В итоге в Комиссию было подано около 1,5 тыс. наказов от дворян, горожан (точнее, от купечества), от черносошных, ясачных, приписных крестьян, однодворцев, от пахотных солдат и т.д. Этот огромный материал практического применения в работе «Комиссии об Уложении» не нашел, хотя он в известной мере отражал требования и устремления многих сословий тогдашнего общества. Особенно важны указы различных групп государственных крестьян — это живые свидетельства горестей и чаяний огромных масс сельских тружеников. Наказы крестьян полны жалоб на произвол и несправие, гнет тяжелых налогов и повинностей, острое малоземелье, захваты земель дворянами, жесткие ограничения крестьянской торговли и др.

У помещиков тоже были свои «жалобы»: на побег крестьян из вотчин, разбой и воровство, на недостатки в системе подушной подати. Дворяне требовали расширения своих привилегий в области торговли и промышленности, открытия банков, дворянского самоуправления, выборного дворянского суда, усиления и укрепления власти над крестьянами, сохранения жестоких пыток и наказаний и т.д. Городские же указы отражали главным образом сословные требования купечества: предоставления им исключительных монопольных прав на торговлю и промышленность за счет ограничения в этой области прав дворянства и крестьян. Купечество требовало освобождения от многочисленных служб и повинностей, от телесных наказаний, рекрутчины и т.д. Наказы купцов пестрят требованиями разрешить им покупку крепостных.

Торжественное открытие Комиссии состоялось в Москве 30 июля 1767 г. В Успенском соборе была совершена церемония богослужения и приведения депутатов к присяге. На другой день в Грановитой палате был избран маршал (председатель) Комиссии. Им стал костромской депутат генерал-аншеф А.И. Бибииков, известный и в прошлом и в будущем жестокими подавлениями крестьянских волнений. Затем депутатам был прочтен екатерининский «Наказ комиссии».

По прочтении «Наказа» в торжественной обстановке лести и лицемерия (правда, протоколы свидетельствуют, что у многих лились слезы) депутаты преподнесли императрице титул «Великой и Премудрой Матери Отечества». Скромная государыня приняла лишь титул «Матери Отечества», что было, однако, вполне достаточно для безупречной легитим-

ности императрицы, оказавшейся на троне в результате дворцового переворота. Представительнейшее собрание «всего Отечества» сделало власть императрицы Екатерины II отныне гораздо более прочной.

Большое собрание провело с 31 июля 1767 г. по 12 января 1769 г. 203 заседания. Оно обсудило целый ряд законодательных проблем (законы о дворянстве с особым выделением проблем остзейского дворянства, законы о купечестве и городском населении, о судеустройстве). Обсуждены были вопросы о положении государственных крестьян и положении всего крестьянства. Помимо Большого собрания в Комиссии работало 15 частных комиссий (государственного права, юстиции, о соотношении воинских и гражданских законов, о городах, о размножении народа, земледелии и домостроительстве, о поселении, рукоделии, искусствах и ремеслах и др.). Большое собрание прекратило работу в январе 1769 г., последний протокол № 204 был составлен 8 июля 1770 г. Частные комиссии работали до конца 1771 г. До 1776 г. кое-где еще проходили довыборы депутатов. С 1775 до 1796 г. Комиссия существовала как чисто бюрократическая инстанция.

Несмотря на пышное торжественное открытие Уложенной комиссии и огромное внимание к ней различных слоев общества, она не была ни парламентарным, ни каким-либо иным законодательным собранием. Политическая функция Комиссии состояла в приобщении прежде всего дворянства к проблемам государственного управления. По отношению же к обществу в целом основная цель работы Комиссии состояла, по всей вероятности, в «приуготовлении» «умов людских» для введения «лучших законов». Само по себе устройство такого грандиозного общественного собрания имело весьма существенное значение для укрепления и авторитета и власти самодержицы, создавало ей весьма благоприятный имидж в просвещенной Европе. Наконец, далеко не последнюю роль работала Комиссия и особенно ее Большое собрание сыграла для глубокого знакомства Екатерины II и ее правительства с «состоянием умов», с расстановкой классовых сил в стране.

Особенно важно отметить, что время от времени в стенах Комиссии раздавались весьма резкие суждения по крестьянскому вопросу. Казак А. Алейников выступил с яркой речью против крепостного права. Белгородский однодворец А.Д. Маслов, раскрыв перед депутатами картину жесто-

кого угнетения и «безмерного отягощения» крепостных крестьян их господами, попытался дать реальную программу освобождения крестьян. Разумеется, уникальный по своему радикализму проект не нашел никакой поддержки. Интересным проектом выступил дворянин от Козловского уезда Г.С. Коробьин. Он предложил дать крестьянам право собственности на часть земли с правом ее продажи и наследования. Выступления отдельных депутатов против крепостного права сочетались с предложениями мер по ограничению эксплуатации крестьян. Лишь максимум два дня в неделю предлагал установить крестьянскую работу на барщине дворянин Я.Н. Козловский.

Подобные выступления весьма насторожили руководителей Комиссии. А число их тем временем росло. В 1768 г. состоялось 58 антидворянских выступлений. Права дворян и их привилегии подвергались нападкам и критике. Лавирования с повесткой дня заседаний не могли продолжаться бесконечно. В конце концов создалась такая ситуация, что прения стали просто бояться. В последние три месяца работы выступило всего 16 ораторов, а время их речей заняло не более 2-х часов. На что же ушло остальное? Очень просто. Маршал А.И. Бибиков распорядился прочитать депутатам на заседаниях все законы об имущественных правах с 1740 по 1766 г. Им читали и Соборное Уложение 1649 г., им читали и инструкцию о генеральном межевании, им трижды читали «Наказ» Екатерины II, и, наконец, тексты 578 указов. Бибиков неоднократно предлагал Екатерине прекратить работу Комиссии. И подходящий случай подвернулся — в связи с началом русско-турецкой войны Комиссия была временно распущена.

Таким образом, общение царизма с просветительскими идеями имело, помимо позитивной модернизации в духе «просвещенного абсолютизма», весьма щекотливый побочный итог — в России публично был поставлен вопрос о ликвидации или реформировании системы крепостного права, а идеи французских просветителей стали находить отклик и в более широких кругах русского общества.

§ 6. Конкурс Вольного Экономического общества

В политике «просвещенного абсолютизма» 60-х годов XVIII столетия важно отметить еще один штрих — органи-

зацию Вольного Экономического общества. Здесь новое было реально призвано на помощь старому. Достижения европейской агрономической науки, эксперименты пытливых деятелей сельского хозяйства самой России — все было призвано на помощь феодалу-помещику.

Заинтересованный отныне и впредь в производстве хлеба и других культур на продажу, помещик уже не хотел мириться с постоянными неурожаями и общей низкой урожайностью. Но он не знал иного средства в борьбе с этим недугом, кроме расширения посевных площадей, т.е. увеличения эксплуатации крепостного крестьянства. «Просвещенный абсолютизм», понимая опасность этого пути, пытается показать помещику иной путь — рационализацию и повышение уровня агрикультуры. Это и служило главной целью Вольного Экономического общества, образованного в 1765 г. Его учредителями были виднейшие екатерининские сановники Г.Г. Орлов, Р.И. Воронцов и др. Общество стало издавать свои «Труды», которые регулярно выходили с 1766 по 1855 г. (около 30 томов), где печатались разнообразные работы по экономике, агрономии, селекции сельскохозяйственных культур, по животноводству и другим отраслям сельского хозяйства.

Однако начало деятельности Вольного Экономического общества послужило одним из звеньев идеологической политики «просвещенного абсолютизма». В Обществе было получено письмо от «неизвестной особы» за подписью «И.Е.» (т.е. от Екатерины II), которое послужило толчком к объявлению конкурса сочинений на тему: «Что полезнее для общества, — чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны?»

Обсуждение проблемы крестьянской собственности на землю имело чисто теоретический характер. Это был еще один небольшой шаг в медленном движении на пути к «европеизации» России. Это была еще одна иллюстрация тезиса императрицы: «весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями».

В конкурсе участвовали выразители различных точек зрения. В числе умеренных реформаторов был француз Беарде де Лабей, который предлагал освобождение крестьян с небольшими наделами, дабы создать для помещиков слой арендаторов, вынужденных нанимать помещичьи земли для

поддержания баланса своих хозяйств. Эта работа заняла на конкурсе первое место.

На конкурс были присланы работы и других французов, среди которых были такие знаменитости, как Вольтер, Монтаньон и др. Их идеи были весьма радикальны и сводились к необходимости полного уничтожения крепостничества и наделения бывших помещичьих крестьян правами полной собственности на землю и имущество.

Из русских конкурсных работ было удостоено награды сочинение А.Я. Поленова, предлагавшего смягчить режим крепостного права, выделив крестьянам достаточное количество земли в наследственное владение, обязав их взамен строго определенной суммой повинностей в пользу помещиков. Работа Поленова имела ярко выраженный публицистический характер и содержала резкую критику антигуманных, бесчеловечных обычаев крепостной России. Кураторы конкурса потребовали отредактировать столь возмутительное сочинение, но даже после переработки оно не было опубликовано.

Разумеется, конкурс не принес каких-то практических результатов. Однако дворянская элита была поставлена перед необходимостью размышления о будущем крепостнической России. Больше того, некоторые ее представители и сами стали выступать с проектами такого рода.

§ 7. Полемика сатирических журналов

В конце 60-х годов, следуя политике «просвещенного абсолютизма», императрица инициирует «либерализацию» издательского дела, предоставляя полную свободу частной инициативе в издательском деле. Сама Екатерина II основывает сатирический журнал с небрежно-ироническим названием «Всякая всячина». Таким способом августейшая особа решила сама разоблачать пороки общества, нести свет разума «в народные массы». Надо сказать, что в личной жизни Екатерина II была большая охотница до всякого рода шуток, сочиняла эпиграммы, пародии и т.д. Теперь государыня стала писателем-сатириком. Всего с 1769 г. вышло около 150 номеров журнала. Его форма и характер материалов весьма напоминали лондонский журнал Аддисона, выходивший в начале XVIII в. Сатира анонимного издателя (т.е.

Екатерины II) была легковесной. Это была так называемая унылительная сатира.

Но, разрешив анонимные издания журналов, Екатерина II оказалась втянутой в игру с огнем. Среди десятков различных журнальчиков, таких же пустых и легких, как и «Всякая всячина», появились и иные, в которых зазвучали нотки гнева против крепостного строя России. В первую очередь ими являлись журналы «Трутень», «Смесь», «Адская почта» и «Живописец». В них, а особенно в «Трутне» и «Живописце», которые издавал выдающийся русский просветитель Н.И. Новиков, была развернута с морально-нравственных позиций острейшая критика крепостничества. Эпиграфом «Трутня» были многозначительные слова «Они работают, а вы их труд ядите».

Разгневанная жужжанием «Трутня», августейшая писательница резко прикрикнула на Новикова со страниц своей «Всякой всячины». Мужественный издатель принял вызов, и началось беспримерное единоборство двух журналов, двух мировоззрений. Отчаянно рискуя, Новиков создает в одном из выпусков «Трутня» прозрачно-сатирический портрет издателя «Всякой всячины», скрывающейся под именем «прабабки». Он анализирует стиль произведений «Всякой всячины» и всему миру отчетливо показывает, что «пожилая дама» не знает русского языка, но «так похвалами избалована, что теперь и то почитает за преступление, если кто ее не похвалит». Все узнали в этих намеках портрет государыни-императрицы. Полемика обострилась. Тираж «Трутня» постоянно увеличивался. В сентябре 1769 г. Новиков уже открыто пишет о некоем коронованном авторе, открыто пародирует этого автора, изображая его как «неограниченного самолюбца». Было более чем очевидно, что полемика с издателем «Трутня» превращается в позор для Екатерины. Больше она во «Всякой всячине» не отвечает. «Всякая всячина» закрылась. Но власть имущие так дело не оставили, и в начале 1770 г. «Трутень» был закрыт.

Мужественная полемика Н.И. Новикова в «Трутне» имела большой резонанс. Его открыто поддерживали такие журналы, как «Смесь» и «Адская почта». Сам Новиков не сложил оружия, и в 1772 г., незадолго до Крестьянской войны появляется новый сатирический журнал «Живописец». Критика крепостничества на страницах новиковского журнала была более зрелой и более острой, чем в «Трутне». «Живописец» уже не разменивался на описание деталей, подробностей, а

давал критику крепостничества в целом. В знаменитых публикациях журнала — «Отрывке из путешествия», «Письмах к Фалалею», «Письмах дяди к племяннику» показана аморальность, бесчеловечность господствующего в России крепостного права. В конце концов «Живописец» был так же, как и «Трутень», закрыт. Однако с обличающей сатирой новиковских журналов ознакомились довольно широкие круги тогдашнего общества. В 1770 г. Новикову удалось предпринять второе издание «Трутня», в 1773 г. — появилось второе издание «Живописца».

К середине 70-х годов наиболее крупные акты идеологической политики «просвещенного абсолютизма» были завершены. Разумеется, во всех этих конкурсах, комиссиях, дебатах, журнальных перепалках было немало шумихи, пустозвонства и откровенной демагогии. Однако при всем этом «в рамках дозволенного законами» происходила неуклонная трансформация общественного мнения в сторону критического отношения к крепостным российским порядкам.

Глава 12

Крестьянская война 1773—1775 гг.

§ 1. Предвестники восстания

Политика «просвещенного абсолютизма» не была способна ликвидировать противоречия, раздиравшие тогдашнее общество. Действуя в «духе времени», создавая новые формы влияния на общество, она в низах общества оставляла все почти без изменений. Удерживая крестьян Нечерноземья на земле при непременно необходимых занятиях промысловым отходом, эта политика делала положение крестьян критическим. Политика «просвещенного абсолютизма» не способствовала улучшению положения многочисленных государственных крестьян. Свирепые законы, несущие народу кнут и плеть, тюрьму и ссылку, каторгу и рекрутчину, составляли характернейшую теневую сторону этой политики. Все это не могло не вызывать постоянный протест угнетенных масс, ко-

торый в результате которого были открытые вооруженные восстания крестьян.

В конце 60-х — начале 70-х годов развернулось крупное восстание приписных крестьян Олонецкого края. Весной 1774 г. волнения стали перерастать в вооруженное восстание. Клету число сопротивлявшихся достигло 7 тыс. В июне около 2 тыс. крестьян, собравшихся на Кижском погосте, были обращены в бегство карателями. Вожакам восстания — Клименту Соболеву, Андрею Сальникову и Семену Косову — вырвали ноздри и по наказанию кнутом сослали на каторгу в Нерчинск.

Однако волнения, подавленные в одном месте, с неумолимой закономерностью возникали в другом. В том же 1771 г. в таком огромном городе, каким была Москва, с ее скученными строениями и антисанитарными условиями, вспыхнула чудовищная эпидемия чумы, пришедшая с юга из районов Украины. Болезнь косила десятки тысяч людей, смерть ставала их повсюду: на улице и дома, на мануфактурах и торговых площадях. Обезумевшие от горя и страха горожане толпами устремились к знаменитой «чудотворной» иконе Богородицы, что у Варварских ворот. Боясь усиления эпидемии, архиепископ Амвросий велел убрать икону. Доведенный до отчаяния «черный люд» поднял восстание. Три дня в Москве шли бои, пока прибывшие в Москву гвардейцы во главе с екатерининским фаворитом Григорием Орловым не подавили восстание.

Но и теперь в России не наступил покой. На далеком Яике волновались казаки. Еще недавно вольное, столетиями самоуправляемое казачье войско Яика с приближением укрепленных пограничных линий Российского государства, с появлением Оренбурга как центра края и оренбургского губернатора с его огромной властью стало постепенно лишаться былых привилегий. Казаки перестали выбирать своих атаманов, на них было взвалено тяжелое бремя службы в войсках империи, и старинные казачьи промыслы (добыча соли, рыболовство) стали также подвергаться ограничениям. Это дополнялось резким возрастанием розни между богатой казачьей «старшиной» и остальным «войском». В 1771 г. вспыхнул острый конфликт в связи с набором казаков в Московский легион для войны с Турцией. В Яик были введены правительственные войска, казачий круг был ликвидирован вместе с канцелярией, виновным рвали ноздри, били кнутом,

ссылали в Сибирь. На все войско был наложен тяжелый денежный штраф.

Подавленный Яик затаился, но огонь восстания не погас. Загнанный вглубь, он в любую минуту мог вспыхнуть с новой силой.

Важнейшим элементом ситуации накануне восстания была вновь охватившая Россию эпидемия самозванчества. В 1765 г. однодворец Гаврила Кремнев объявляет себя Петром III. Он ездит по селам Воронежской губернии и при торжественном богослужении приводит к присяге народ, обещая освобождения от рекрутчины, подушной подати и т.п. Сажаясь к власти, он был жестоко бит по всем тем селам, где ему присягали, клеймен и отправлен на вечную каторгу в Нерчинск.

Но снова на сцене появляется другой самозванец. Им оказался армянин Асланбеков, объявивший себя Петром III. Он был бит плетью и сослан в Нерчинск. Но Россия снова неумолимой настойчивостью выдвигает нового самозванца. Это был беглый солдат Лев Евдокимов, назвавшийся Петром II. Почти одновременно в Слободской Украине беглый солдат брянского полка Петр Федорович Чернышев (из однодворцев) также объявил себя Петром III, и вновь осмелившийся присвоить имя царя был бит плетью и сослан на каторгу в Нерчинск. В Исетской провинции казак Каменьщик распространял слухи о том, что Петр III жив и заточен в Троицкой крепости. Беглый солдат Мамыкин был пойман под Астраханью и наказан за распространение слухов о Петре III.

Наконец, за год до появления Пугачева на Дону объявился беглый крестьянин Федот Богомолов, выдавший себя за Петра Федоровича. Богомолов умер во время следствия, но в районе его действий и в Заволжье все время ходили о нем различного рода толки и слухи.

Этим впоследствии и воспользовался Е.И. Пугачев.

§ 2. Е.И. Пугачев и его скитания по России

Емельян Иванович Пугачев был родом донской казак из станицы Зимовейской (той самой, которая на век раньше подарилась России Степаном Разиным). В течение трех лет Пугачев храбро сражается, участвуя в Семилетней войне. С объявлением русско-турецкой войны Пугачев снова садится в седло. Вскоре за храбрость он получает чин хорунжего. На зимних квартирах возле Елизаветграда у Пугачева «загнили» ноги и

руки. После тяжелой болезни он побывал на Дону, пытаясь добиться отставки. Потом Таганрог — там впервые Пугачев задумал бежать в «вольные земли». Но куда? В Сечь — с желанием пельзя, «в Прусь» — далеко. После его помощи нескольким казакам уйти на Терек, он бежит и тайно скрывается до мая. В 1770 г. Пугачев сам попадает на Терек и выступает там под именем за казаков. В Моздоке его схватили, но сметливый и ловкий казак снова бежит. С тех пор аресты чередуются с побегам. Пугачев становится известным всей округе бунтарем, его постоянно ищут. Прибыв 22 ноября 1772 г. в Яицкий городок, Пугачев лично убедился, в какой напряженной и тревожной обстановке находилось казачество в ожидании репрессий за убийство представителя царской администрации Трубенберга. По городку ползли слухи о государе Петре Федоровиче (объявившемся самозванце Федоте Богомоллове). Постепенно созрел план действий. И вот, в беседе с хозяином дома, казаком-старовером Д.С. Пьяновым, Пугачев выдает себя за императора Петра Федоровича. Поверил Д.С. Пьянов или нет, но казакам об этом рассказал, и они вместе решили «принять» императора на Рождество, когда масса казаков соберется на лов рыбы. Тем временем Пугачев по доносу был арестован и привезен в Казань; 29 мая 1773 г. колодники Пугачев и Дружинин, напоив одного из охранников, с другим бежали в кибитке. Пока вели розыск, Пугачев был уже вновь на постоялом дворе Ереминой курицы. Но теперь это был уже «государь Петр Федорович».

Разумеется, первых яицких казаков, примкнувших к Пугачеву, «государь Петр Федорович» не обманывал: Д. Караванов, М. Шигаев, И.Н. Зарубин-Чика, И. Ульянов, Д. Лысов и другие узнали, что перед ними простой донской казак, бежавший из казанской тюрьмы. Но казакам это было безразлично, главное заключалось в том, что Пугачев становился ярким знаменем в их борьбе за волю: «лишь бы быть в добре... войсковому народу». Однако для широких кругов казачества, присоединившегося позже, он был и оставался «российским императором» Петром III. Впоследствии у него были и торжественные выходы, ему целовали ручку, сажали на «трон», оказывали иные почести.

§ 3. Начало восстания и осада Оренбурга

Поначалу Е. Пугачев направился на хутор Толкачевых — там былолюдно и можно было увеличить отряд. В дороге

обнаружилась необходимость иметь хоть какую-то программу действий, причем закрепленную в документе. Пугачев обратился к одному из верных своих людей: «Ну-ка, Почитайлин напиши хорошенько!» И Почитайлин тут же написал. Прочитав вслух — «пондравилось больно». Так родился первый манифест Крестьянской войны. В нем казак Почитайлин писал о думах казацких, о думах и чаяниях местных народов (татар и калмыков). В манифесте Петр Федорович жаловал их «рякою с вершины и до уся, и землю, и травами, и денежным жалованием, и свинцом, и порохам, и хлебным правиянтоном». На хутор отряд прибыл в ночь на 16 сентября, а утром 17 сентября после публичного чтения манифеста перед собравшимися шестью десятками казаков, калмыков и татар отряд двинулся на Яицкий городок.

Отряд Пугачева рос с быстротой снежного кома. Отошедшему к нему стекался бедный люд. Под знамена восставших стекались все обездоленные — русские и калмыки, татары и казахи, башкиры и марийцы.

Взять с ходу Яицкую крепость не удалось — не было пушек, и пугачевцы пошли вверх по реке. Скоро в их руках были Илецкий городок, Рассыпная, Нижне-Озерная, Татищевая крепость, Кирсановский и Гниловский форпосты, Сакмарский городок и др. Гарнизоны, как правило, переходили без боя к восставшим. Взяв Чернореченскую крепость, войско Пугачева, насчитывающее уже 2,5 тыс. человек, подошло к Оренбургу. Штурм Оренбурга был неудачным, и войско перешло к осаде крепости. Главным лагерем Пугачева стала слобода Берда, которую «государь» назвал «новой Москвой». Ряды восставших росли и множились. Пришли башкиры во главе с Кинзей Арслановым, марийцы во главе с Мендеем, калмыки под командой Федора Дербетева. В ноябре под знамена восставших встала башкирская конница Салавата Юлаева. В отряды Пугачева влилось множество татар.

Тем временем осада продолжалась. На помощь генералу Рейнсдорпу, оренбургскому губернатору, Петербург послал генерал-майора В.А. Кара, но на подходах к Оренбургу Кар был разбит отрядами А. Овчинникова и И. Зарубина-Чики.

В середине ноября под самым Оренбургом Пугачев разбил царские войска полковника Чернышева. Причем почти все солдаты разбитого полковника перешли на сторону восставших.

В период многомесячной осады Оренбурга руководители восстания провели организацию пугачевского войска. Основ-

ными подразделениями в армии были теперь полки. Полки в свою очередь делились по-казацки на сотни и десятки; формировались они преимущественно по национальному признаку или по сходству социальной среды. При особе «государя-генератора» стал формироваться своеобразный государственный аппарат. Речь идет об образовании в ноябре 1773 г. Государственной военной коллегии.

Функции Военной коллегии были неизмеримо шире, чем у той, что была в Петербурге. Коллегия стала и главным штабом, и главным интендантством, и высшей гражданской властью, и высшим судом. В числе обширного круга ее дел были боевые приказы, связь между отрядами, вопросы снабжения армии продовольствием и боеприпасами, организация литья пушек и изготовления пороха, вопросы казацкого самоуправления, назначения и перемещения командиров. Коллегии принадлежало право награды отличившихся, присвоение воинских званий. Она вела огромную агитационную работу, рассылая указы и манифесты во многие концы Поволжья, Урала, Казахстана и Западной Сибири. Вместе с тем Военная коллегия имела административную власть над освобожденной восставшими территорией. Указы и манифесты пугачевцев имели и подписи и специальные печати из меди или серебра.

Осада Оренбурга продолжалась: все туже, все крепче стягивалось кольцо вокруг крепости. Разбитый генерал В.А. Кар бежал в Казань, затем быстро появился в Москве. Российское дворянство было в панике. Тревога докатилась и до Петербурга. Екатерина II была вынуждена убедиться, что это не столь уж «глупая казацкая история», а грозная, всевозрастающая сила.

Между тем восстание постепенно перерастало в Крестьянскую войну, захватывая все новые и новые территории. Эмиссары Пугачева, его ближайшие сподвижники были посланы в разные края для организации новых полков и расширения сферы действий. В декабре 1773 г. Зарубин-Чика направился на уральские заводы для организации литья пушек, а потом двинулся на штурм г. Уфы. Придя сюда с 4 тыс. человек, уже через 10 дней он имел в своих отрядах свыше 10 тыс. воинов. Штурм был отбит, но за ним последовала тщательная организация нового приступа, состоявшегося 25 января 1774 г. Однако 12-тысячная армия Зарубина не сумела взять Уфу с ее гораздо менее многочисленным гарнизоном. Разгадка этой неудачи проста — у восставших не бы-

ло современного оружия. Подавляющее большинство имело лишь луки и стрелы, но против пушек и ружей это было слишком слабым средством. Уфа подвергалась, как и Оренбург, осаде вплоть до марта 1774 г.

Положение в стране стало еще более тревожным — против угнетателей поднялся работный Урал. Посланный Зарубиным Чикой казак Иван Кузнецов поднял на восстание работных людей Катав-Ивановского, Саткинского и других заводов. Еще раньше к восставшим присоединился Воскресенский завод.

На Среднем Урале в октябре — ноябре 1773 г. образовался самостоятельный обширный район восстания, включавший Пермский край и Кунгур. Руководителем всех войн здесь был опытный артиллерист, хорошо знавший военное дело Иван Наумович Белобородов.

На сторону восставших переходили работные люди и приписные крестьяне. К февралю 1774 г. знамя восстания было поднято в 92 заводах Урала, т.е. 3/4 горнозаводского центра страны перешли на сторону Пугачева. Белобородов стал угрожать Екатеринбургу.

В Поволжье, в Ставропольско-Самарском крае еще к декабрю 1773 г. действовало более 10 крупных отрядов (Дербетева, Арапова, Давыдова). В руках повстанцев были Бузулук, Самара и ряд крепостей.

Территория Крестьянской войны стала огромной, она раскинулась от Самары на западе до Тобола на востоке и от Гурьева на юге до Кунгура и Екатеринбурга на севере страны.

Правительство теперь уже понимало всю глубину опасности этого восстания. Царица назначила за голову Е. Пугачева 10 тыс. руб. награды, хотя А.И. Бибииков писал: «На Пугачев важен, важно в с е о б щ е е негодование» (разрядка моя. — Авт.).

Предпринимались и срочные военные меры, в районы восстания было послано множество отрядов правительственных войск. Императрица из чувства солидарности с оказавшимся в опасности поволжским дворянством объявила себя «почетной казанской помещицей». Главнокомандующим войсками, действовавшими против пугачевцев, она назначила энергичного и опытного карателя, генерала А.И. Бибиикова.

В ходе осады Оренбурга, в один из наездов Пугачева в отряд Толкачева, яицкие казаки уговорили его жениться, похитили и жену — молодую казачку Устинью Петровну Куз-

нецову. Свадьба Пугачева вызвала большие толки, пересуды и даже ропот.

В марте 1774 года восставшие потерпели ряд крупных поражений. В конце февраля — начале марта правительственные войска сожгли основную базу Белобородова на Среднем Урале — Шайтанский завод, и в конце марта восстание в этом районе оказалось в основном подавленным. После полного поражения под Татищевой крепостью, потеряв множество людей, Пугачев был вынужден прекратить почти полугодичную осаду Оренбурга. В начале апреля 1774 г. с небольшим отрядом в 500 казаков предводитель восстания уходит на Урал.

§ 4. Второй этап восстания

Начался второй этап Крестьянской войны. Силы народного еще не иссякли. Не было больше Хлопуши (Афанасия Соколова), Подурова, Почиталина, Толкачевых, Витошнова, не было больше Зарубина-Чики, но продолжали сражаться И.Н. Белобородов, Кинзя Арсланов, Салават Юлаев.

Людские потери быстро восполнялись притоком новых сотен и тысяч угнетенных. «Народу у меня как песку, — подбадривал своих близких Пугачев, — и я знаю, что чернь меня с радостью примет».

Шествие Пугачева по заводам Урала было победным, но по пятам, не давая закрепиться на месте, шли правительственные войска. Пугачев вынужден был оставлять за собой сожженные крепости, разрушенные мосты, запруды и т.п. Храбрый, неутомимый, находчивый, Пугачев дрался в первых рядах. Восстание вновь стало нарастать. Центром его стал теперь Южный Урал и Башкирия.

После взятия крепости Магнитной произошло объединение армий Пугачева. Сюда пришел Белобородов, пришли казаки А. Овчинникова и А. Перфильева. Армия Пугачева насчитывала теперь свыше 10 тыс. человек, но это было крайне плохо вооруженное (дубьем, дрекольями, пиками да кистенями) и плохо обученное войско. Наиболее организованным был лишь полк работных людей Белобородова. В мае 1774 г. под Троицкой крепостью состоялось ожесточенное сражение с войсками генерала Деколонга. Восставшие потерпели крупное (уже четвертое) поражение: 4 тыс. убитых и пленных, потеря огромного обоза и всей артиллерии. Это было

21 мая 1774 г., но уже ровно через месяц у Пугачева было войско в 8 тыс. человек. Такая поразительная быстрота роста численности могла быть свойственна только крестьянскому восстанию — плоть от плоти своего народа.

В июне 1774 г. после соединения с 3-тысячной колонией Салавата Юлаева было принято решение двинуться на запад в крестьянские районы Поволжья. В связи с этим в рядах восставших резко возрастает и удельный вес крестьянства. Армия Пугачева, снова насчитывающая около 20 тыс. человек, взяла направление на Казань.

Под Казанью разыгралось одно из самых крупных сражений Крестьянской войны. Пугачев нанес удар с четырех сторон. 12 июля 1774 г. его армия ворвалась в Казань. Правда, Казанский кремль продолжал обороняться. Повстанцы уже начали штурм кремля, но к Казани подошли правительственные войска под командой И.И. Михельсона, до сих пор искавшего Пугачева под Уфой.

Повстанцы вынуждены были дать бой Михельсону. Пройдя в обход и уже отступив, Пугачев сделал отчаянную попытку 15 июля снова овладеть Казанью. Но что можно сделать имея хотя и 20-тысячное, но почти безоружное войско. Крестьянская армия была разбита. С небольшим отрядом казаков (около 400 человек) Пугачев переправился на правобережье Волги.

§ 5. Третий этап восстания

Начался третий, последний этап Крестьянской войны. Приход Пугачева в Поволжье послужил сигналом к огромной вспышке крестьянского движения. Масштабы его далеко превосходили все, что было до сих пор за 8 месяцев войны. При первых слухах о приближении армии Пугачева, при появлении его знаменитых манифестов, обращенных теперь главным образом к крепостному крестьянству, крестьяне убивали помещиков и их приказчиков, вешали чиновников уездной администрации, жгли дворянские усадьбы. Только по данным официальной статистики крестьяне расправились с 3 тыс. представителей господствующего класса, большую часть которых составляли дворяне, казненные грозным летом 1774 г.

При приближении армии повстанцев крестьяне расправлялись с местными властями, часть крестьян, как правило,

приглашала по-казацки, формировала отряды и уходила к Пугачеву. Во многих уездах образовывались самостоятельные отряды. Восстал г. Инсар и его уезд, Краснослободск и его уезд, города Троицк, Наровчат, Нижний Ломов, Темников, Тамбовский, Новохоперский и Борисоглебский уезды Воронежской губернии и др.

На пути движения армии Пугачева, на правобережье Волги почти нигде не оказано было какого-либо сопротивления. Идя на запад от Казани, Пугачев только под Курмышом имел жестокий бой. Дворяне ожидали похода на Москву. Но, видимо, Пугачев понимал, что численность его огромного войска не заменит военной выучки, а главное, оружия, которого у крестьян не было. Повернув на юг от р. Суры, Пугачев решил идти на Дон, к казакам. Поволжские города сдавались без боя: 23 июля — Алатырь, 27 июля — Саранск, 1 августа — Пенза, 5 августа — Петровск, 6 августа — Саратов, 11 августа — Дмитриевск (Камышин). Движение Пугачева было поистине стремительным. Останавливаясь в городах и селах, он раздавал соль и деньги, освобождал заключенных из тюрем, раздавал конфискованное имущество господ-дворян, устраивал суд и расправу, забирал пушки, порох, включал добровольцев в «казаки» и уходил, оставляя горящие дворянские усадьбы. Движение Пугачева по землям, буквально переполненным толпами крестьян, встречавших его с восторгом, было поистине трагичным. Он спешил, он даже не брал с собой всех добровольцев (только конных!).

А по пятам Пугачева шел И.И. Михельсон с отборным, хорошо вооруженным войском, пытаясь все время догнать его. 21 августа, измотанный и почти без оружия, Пугачев подошел к Царицыну, но не взял его. 24 августа у Черного Яра его настигла армия Михельсона. Последнее в истории Крестьянской войны крупное сражение восставшие проиграли, несмотря на то, что сражались они доблестно. Лишь только убитыми Пугачев потерял 2 тыс. человек, 6 тыс. было взято в плен. Войска больше не было. С отрядом в две сотни казаков Пугачев ушел в Заволжские степи.

Между тем среди казаков зрел заговор, сети которого плели Творогов, Чумаков, Железнов, Федульев и Бурнов. На двенадцатый день пути, улучив момент, когда Пугачев поехал из лагеря на бахчу за дынями, за ним увязались заговорщики. Пугачева схватили за руки. Вырвавшись, он ловко вскочил в седло и понесся к камышам, но его поймали и

связали. Так закончилась кипучая деятельность предводителя Крестьянской войны.

15 сентября Пугачева доставили в Яицкий городок, а оттуда в специальной железной клетке в Москву.

В канун нового 1775 года, 31 декабря, начался суд, а 1 января Пугачева приговорили к четвертованию; тело его до 14 января в Москве на Болотной площади состоялась казнь. Пугачев вел себя спокойно и мужественно. Взойдя на эшафот, он поклонился во все стороны — «прости, народ православный!» Палач отрубил ему голову (не желая создавать Пугачеву ореол мученика, Екатерина II отменила четвертование).

Вместе с Пугачевым казнили его соратников Перфильева, Шигаева, Подурова и Торнова. Еще раньше, 30 июня 1774 г., в Оренбурге был казнен Хлопуша (Соколов), 5 сентября в Москве — И.Н. Белобородов, 10 февраля в Уфе — И.Н. Зарубин-Чика. Юный поэт и мужественный полководец Салават Юлаев был бит кнутами по многим башкирским селениям, ему вырвали ноздри и сослали на каторжные работы. Тысячи участников были подвергнуты казням и репрессиям. По Волге вереницами плыли виселицы на плотках.

Но долго еще не затихали отголоски восстания. В 1775 г. по всей стране, а особенно на Верхнем Дону и в Поволжье, действовало множество отрядов.

§ 6. Идеология восставших.

Причины крушения замыслов Е. Пугачева

О чем же мечтали казачество, работный люд, крестьяне России, поднявшись на великую, но полную драматизма войну? Какова была их идеология и программа?

История оставила нам манифесты и указы Пугачева и его Военной коллегии. Эти драгоценные крупицы прошлого помогают нам составить представления о замыслах руководителей Крестьянской войны. В начальный период войны цели восставших не шли далее предоставления яицкому казачеству свободы их хозяйственной и промысловой деятельности, т.е. в сущности возвращения им былых привилегий. На основе казацких льгот (довольствие в свинце, порохе, провианте, жалованье, обещания одеть с головы до ног и т.п.)

шли манифесты, обращенные к башкирам и калмыкам, татарам и казахам и другим народам. Ничего более нет, чем туманный образ дикой первобытной свободы («и вы тоже подобными степными зверями»), идеологи движения идти не могли. Однако с расширением масштаба Крестьянской войны, с вовлечением в нее работных людей, приписанных, а главное, помещичьих крестьян характер требований восставших существенно меняется. Он постепенно приобретает антикрепостническую, антидворянскую направленность. Если раньше манифесты обещали волю вообще, землю вообще, то теперь они четко указывают на корень зла — на помещиков.

Но все это была программа отрицания старого общества, программа, поднимавшая до отрицания целого класса-эксплуататора, но все же программа отрицания. Программы нового будущего общества идеологи Крестьянской войны не дали и дать не могли. Крестьянское общество неминуемо должно было прийти к тому же самому феодальному строю, породить новых господ и новых эксплуататоров.

Глава 13

Преобразования государственной машины и социальная политика

§ 1. Губернская реформа

Потрясенная до основания гигантским социальным взрывом дворянская империя Екатерины II почти сразу же приступает к своеобразному ремонту своей государственной машины.

В первую очередь было реорганизовано ее наиболее слабое звено — местные органы власти. Умудренные опытом Крестьянской войны крепостники подвергли местное управление кардинальной перестройке. Активнейшую роль в этом сыграла и сама Екатерина II. В письме к Вольтеру в конце 1775 г. она сообщала: «Я только что дала моей империи «Уч-

реждение о губерниях», которое содержит в себе 215 печатных страниц... Это плод пятимесячной работы, исполненной мною одной». Конечно, Екатерина разрабатывала этот проект не одна. Было подано 19 проектов, составленных видными сановниками и государственными деятелями.

По проекту вся Россия делилась теперь на 50 губерний вместо 23 прежних. Основной фигурой в губернии являлся отныне губернатор, стоявший во главе «губернского правления». Функции губернского правления были довольно обширны, но главная из них — широкое объявление законов и правительственных распоряжений, надзор за их выполнением и, наконец, право отдачи под суд нарушителей закона. Губернскому правлению подчинялись все местные суды и полиция. Всеми расходами и доходами в губернии, ее промышленностью, сбором налогов ведала казенная палата. Она же брала на себя часть функций центральных коллегий. Со всем новым учреждением был «приказ общественного призрения». За столь безмятежным названием, звучащим на манер благотворительного заведения, скрывались довольно прозаические функции — охрана «порядка» в интересах господства дворян. Приказ общественного призрения был помощником губернской полиции, хотя ведал он и народным образованием, и охраной здоровья населения, и общественной благотворительностью, и смиренными домами. Наконец, в губернии были губернский прокурор и целая система судебных учреждений с приданными к ней прокурорами. Самыми высшими из судов были две палаты: палата гражданских дел и палата уголовных дел, имеющие право пересмотра дел губернских и уездных судов. Сами же губернские суды были сословными, т.е. для дворян был свой суд (он назывался «верхний земский суд»), для купцов и мещан свой («губернский магистрат»). И, наконец, был губернский суд для «свободных» (государственных) крестьян («верхняя расправа»). В каждом из этих судов были два департамента с двумя председателями (по уголовным и гражданским делам). Уголовные дела из всех судов попадали для утверждения в палату уголовных дел. Но в палату гражданских дел попадали лишь те дела, по которым иск был ценой не ниже 100 руб., притом если тяжущийся вносил еще и в залог 100 руб. Для подачи апелляции в Сенат иск должен был быть не менее 500 руб., а залог — 200 руб. Вот здесь и выходит наружу классовый характер суда, так как право апелляции могли осуществить практически лишь представители имущего класса.

Спустимся теперь на ступеньку ниже, в уезд. В каждой губернии было теперь в среднем 10—15 уездов. Главным исполнительным органом был здесь так называемый «нижний земский суд». Он вместе со стоящим во главе его капитан-исправником имел всю полноту власти в уезде. Наблюдение за выполнением законов, исполнение распоряжений губернских властей, исполнение судебных решений, розыск беглых крестьян — вот лишь важнейшие функции этого учреждения. Огромную власть имел теперь капитан-исправник, принимавший любые меры для восстановления порядка в уезде. Капитан-исправник и два-три заседателя нижнего земского суда выбирались только дворянами и только из местных помещиков.

Судами в собственном смысле слова в уезде были «уездный суд» (для дворян) и «нижняя расправа» (для государственных крестьян). Дворяне практически господствовали не только в своем суде, но и в «нижней расправе». О дворянских вдовах и сиротах заботилась теперь «дворянская опека».

Для выборов кандидатов на многочисленные должности собирались уездные и губернские дворянские собрания, руководимые уездным предводителем дворянства и губернским предводителем.

Такова структура новых местных учреждений, обеспечившая, как нетрудно убедиться из прочитанного, прочное господство дворянства во всех звеньях этого аппарата.

Город по реформе 1775 г. стал самостоятельной административной единицей. Основными учреждениями в городе были: городской магистрат, совестный суд и ратуша в посадах. Компетенция городского магистрата с городским головой во главе была аналогична компетенции уездного суда, а состав городского магистрата выбирался местным купечеством и мещанством. У купечества и мещанства появилась теперь и своя опека на манер дворянской опеки — городской сиротский суд. Таким образом, на первый взгляд, в городе была создана своя сословная полноправная система выборов учреждений. Но это только на первый взгляд. Если дворяне в уезде избирали капитан-исправника и у него была полнота всей власти, то во главе города стоял городничий, которому также принадлежала огромная власть, но... городничий назначался Сенатом из дворян.

Совершенно необычным учреждением стал «совестный суд». Он подчинялся генерал-губернатору, а в его функции входило лишь примирение сторон, контроль за арестами.

Все эти преобразования, ускоренные Крестьянской реформой, назревали еще до нее. Но, идя навстречу интересам помещиков, проведением губернской реформы Екатерины II одновременно существенно усилила государственную власть на местах.

В 1789 г. были введены городские полицейские управления, получившие трогательное, но лживое наименование «управления благочиния». Эти управы в Москве и Петербурге возглавляли полицмейстеры, а в остальных городах — городничие. В состав управ входили два пристава (по уголовным и гражданским делам) и два советника (ратманы). Каждый город делился на участки в 200—700 домов, а каждый участок — на кварталы по 50—100 домов. Во главе участков стоял частный пристав, а во главе кварталов — квартальный пристав. Под зорким наблюдением полиции был теперь каждый дом, каждый горожанин.

Децентрализуя управление, царица сохранила вместе с тем мощный и действенный контроль центральной власти над губерниями. Над каждым 2—3 губерниями Екатерина II поставила наместника или генерал-губернатора с неограниченными полномочиями.

Система местных губернских учреждений оказалась настолько прочной, что просуществовала в своей основе вплоть до реформы 1861 г., а в некоторых деталях вплоть до 1917 г.

§ 2. Реформа центральных учреждений

Теснейшим образом с губернской реформой 1775 г. были связаны и преобразования центральных учреждений. Их общая тенденция одна — освобождение центральных учреждений от дел текущего управления и сосредоточение власти в руках императрицы.

Еще в 1763 г. Сенат окончательно утратил свои широкие полномочия. Тогда он был разделен на 6 департаментов. Два из них (один в Петербурге, а другой — в Москве) занимались судебными делами, один ведал делами Украины и Прибалтики, еще один департамент выполнял функции Московской сенатской канторы и т.д. Лишь один из шести департаментов сохранил за собой какое-то политическое значение (публикация законов). Таким образом Сенат стал высшим судебным-апелляционным учреждением.

Одновременно резко возросла роль генерал-прокурора Сената и обер-прокурора. Через генерал-прокурора (ка императрице Екатерине II долгие годы был князь А.А. Вяземский) императрица и сносилась теперь с Сенатом. У генерал-прокурора была огромная власть. Вяземский сконцентрировал в своих руках функции министра финансов, юстиции и государственного казначея.

Важнейшим звеном государственного управления стал Кабинет Екатерины II с его статс-секретарями. В Кабинете рассматривались теперь многие вопросы внутренней политики (сенатские дела, вопросы промышленной политики и т.д.). Важнейшими фигурами стали статс-секретари Екатерины II, такие как А.В. Олсуфьев, А.В. Храповицкий, Г.Н. Теплов и др. Через них Екатерина II вела основную часть дел по управлению государством. Некоторые екатерининские вельможи выполняли персональные поручения в определенной части внутренней политики. Так, И.И. Бецкой был главной фигурой в области просвещения, Л.И. Миних — в области таможенной политики и т.д. Так постепенно зарождался принцип единоличного управления, что впоследствии вылилось в организацию министерств. С течением времени обнаружилась необходимость в создании совета при императрице из ближайших и влиятельных сановников. С 1769 г. стал действовать Императорский совет.

В связи с передачей большей части дел текущего управления на места, в губернские учреждения роль коллегий резко снизилась и в 80-х годах назрела необходимость их ликвидации. Из коллегий продолжали сохранять прочное положение лишь три — Иностранных дел, Военная и Адмиралтейская. Сохранил свое положение в качестве одной из коллегий и Синод, но теперь Синод находился в полнейшем подчинении светской власти.

В итоге всех этих преобразований окрепла самодержавная власть абсолютного монарха, окрепла и диктатура дворянства на местах, создана была прочная полицейско-бюрократическая система учреждений, просуществовавшая вплоть до эпохи падения крепостного права.

§ 3. Жалованная грамота дворянству 1785 г.

Помимо реформирования государственного механизма управления Екатерина II огромное внимание уделила сословной политике.

Начнем с кодекса прав и привилегий дворянства — так называемой «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», изданной в 1785 г. Это был систематический свод всех прав и привилегий, которые в течение десятилетий одну за другой получали дворяне в XVIII столетии. В Жалованной грамоте подтверждались вольность дворянства от обязательной государственной службы, свобода от уплаты податей, постоя в дворянских домах, от нанесения дворянам телесных наказаний за какие-либо преступления. Вместе с тем в Грамоте подтверждалась исключительная прерогатива дворянства во владении населенными имениями, т.е. землей и крестьянами (так называемой крепостной собственностью). Дворянине имели право судить только равные ему. Именья дворян не подлежали конфискации, даже если владелец оказался преступником, — они передавались его наследникам. Жалованная грамота закрепляла за дворянами право заниматься торговлей, иметь в городах дома, строить промышленные заведения и т.д.

Важным моментом в Жалованной грамоте была кодификация дворянского самоуправления. У дворян, имеющих обер-офицерский чин, было право организации дворянских обществ (дворянского собрания) в уездах и губерниях, что стимулировало государственную службу. Участвовали в дворянском собрании лишь владельцы населенных имений. Право быть избранным на выборные должности в губернии или в уезде имели теперь лишь дворяне, обладавшие доходом не менее чем в 100 руб. Это отсекало от дворянской корпорации прослойку деклассированного и разорившегося дворянства.

Вместе с тем по Жалованной грамоте сословное самоуправление дворянской корпорации было поставлено под контроль государственной власти. Право созыва дворянских собраний (раз в 3 года) принадлежало лишь генерал-губернатору и губернатору. Губернатор утверждал результаты выборов дворян вплоть до выборов губернского предводителя.

Роль губернских и уездных предводителей дворянства с течением времени получала все большее значение. Это были покровители и защитники дворян, всюду охранявшие их монопольные права и привилегии.

§ 4. Жалованная грамота городам 1785 г.

Одновременно с Жалованной грамотой дворянству в 1785 г. была утверждена «Грамота на права и выгоды городам

русской империи». Важнейшим ее положением было деление всех городских жителей на шесть групп или разрядов. В первой, высшей группе или разряде принадлежали все горожане — домовладельцы и землевладельцы. Сюда же включались и владельцы городских строений. Поскольку домами и землей в городе владели главным образом дворяне, чиновники и духовенство, они и составили высший разряд городского населения. Во вторую группу или разряд объединялись купечество всех трех гильдий. Но имущественный ценз для зачисления в купцы был резко увеличен (до 1000 руб.). Горожане второго разряда наряду с уже состоявшимися льготами по уплате подушной подати, по рекрутской повинности освобождались теперь от некоторых казенных служб (продажа соли, вина и т.д.). Первые две гильдии были освобождены от телесных наказаний. И это вновь давало иллюзию их приближения к дворянам.

Третий разряд городского населения составляли все ремесленники, записанные в цехи (мастера, подмастерья, ученики). Четвертый разряд — иногородные и иностранцы, проживающие в данном городе. В пятую категорию горожан были зачислены «именитые граждане». Ими были крупнейшие торговцы и предприниматели с объявленным капиталом более 50 тыс. руб., банкиры с капиталом от 100 тыс. руб. Сюда же входили бургомистры, городские головы, заседатели магистратов и т.п., прослужившие более двух сроков, ученые, художники, музыканты.

Наконец, о шестом разряде. Это основная масса горожан — простые «посадские люди». Наиболее острый вопрос о крестьянах, ставших фактическими жителями городов, остался по-прежнему нерешенным. Оставались в действии и все прежние преграды на пути перехода крестьян в городские сословия.

Наиболее интересная часть законодательства в городах — городское самоуправление. На смену городскому магистрату, совестному суду и ратушам как единственным органам самоуправления пришли теперь «общая городская дума», «шестигласная дума» и «Собрание градского общества».

Право участия в «Собрании градского общества» (а его значение в городском самоуправлении было немаловажным) имели лишь горожане, имевшие процентное отчисление с капитала (введенное вместо подушной подати) не менее 50 руб. Это значит, что нужно было иметь капитал не менее 5 тыс. руб. Таким образом, в общее городское собрание могла

войти лишь богатейшая городская верхушка. Туда не имели доступ даже купцы третьей гильдии! «Собрание граждан общества» избирало городского голову, бургомистров и других должностных лиц в органах самоуправления. Наряду с «Собранием» в городе существовала теперь «Общая градская дума». Ее выбирали граждане всех разрядов, но и компетенция думы была не весьма широкой. Она ведала нуждами городского хозяйства и проводила выборы в третий орган городского самоуправления — «шестигласную думу». Это официальное название дал думе ее состав — шесть человек от каждого разряда. В думу входил городской голова. В ведении шестигласной думы были нужды населения, городское хозяйство.

Наряду с новыми учреждениями был сохранен и городской магистрат. К судебным его функциям добавились некоторые административные. Губернский магистрат контролировал городские органы самоуправления. Но главный контроль и руководство над городскими учреждениями осуществляли органы государственного местного управления. По-прежнему огромны были полномочия губернатора, губернского правления, городничего с его командой, уездного благочиния и т.д. вплоть до квартального надзирателя. В их руках была вся власть.

§ 5. Управление окраинами империи

Абсолютистская монархия в течение всего XVIII столетия неуклонно проводила политику ликвидации остатков бывшей самостоятельности некоторых пограничных и окраинных районов. Путем реформ в таких районах царизм укреплял свою социальную опору в лице местной знати и имущих слоев. Процесс феодализации приводил к слиянию местной власти с российским дворянством, к консолидации всего господствующего класса, независимо от национальности отдельных его представителей.

Во второй половине XVIII в. екатерининское правительство взяло твердый курс на ликвидацию некоторых привилегий в трех важнейших районах Российской империи — на Украине, в Финляндии и Прибалтике.

Украина в XVIII в. и отмена гетманства. Левобережная Украина и в XVIII столетии оставалась почти исключительно земледельческим краем, но с развитым скотоводством.

Природно-климатические условия здесь были более благоприятны, чем в Центральной России, так как здесь преобладали плодородные черноземы. Однако отличия эти были принципиальными, ибо сезон сельскохозяйственных работ здесь был не намного более длительным, чем в России. Несмотря на высокое плодородие почв, урожайность была здесь подвержена резким колебаниям, а излишки зерна не были постоянным явлением и уходили главным образом на винокурение. Эти условия, а также трудности сбыта зерна отнюдь не стимулировали развитие зернового производства. Помещичье и крестьянское хозяйства в основном сохраняли натуральный характер. Вместе с тем, несомненно, развивалась торговля продуктами сельского хозяйства. Отсюда в Россию поступали скот, пенька, табак, воск, мед и т.п. Получило развитие ремесленно-промышленное производство. Помещики заводили стекольные, свечные, зеркальные, селитряные заводы. Была развита первичная обработка кож. В 1776 г. на Гетманщине одним только кожевен насчитывалось до полутора тысяч. Быстро развивались такие торговые центры, как Полтава, Сумы, Ромны, обгоняя по оборотам такие центры, как Кролевец, Стародуб и др. Из центра России на Украину шел железный товар обширного ассортимента, российские и импортные ткани и т.п. Торговые связи резко усилились после отмены в империи внутренних таможенных пошлин.

Однако земледелие оставалось почти исключительным занятием основной массы населения, и рост его численности неуклонно вел к расширению прежде всего земледелия, ибо процесс отделения промышленности от земледелия развивался весьма медленно. Вместе с тем Левобережная Украина и в XVIII в. сохраняла и в социальном облике, и в экономике, не говоря уже о политической организации, устойчивые черты вековых традиций.

Нельзя забывать, что регион Левобережной Украины — это южная окраина восточноевропейской земледельческой ойкумены, граничащая с остатками скотоводческих обществ архаического типа с их традиционной воинской организацией как рычагом, способствующим восполнению дефицита совокупного прибавочного продукта путем воинского промысла. Россия веками имела контакты с сообществами такого типа не только в Причерноморье, но и в пределах обширнейшей зоны к востоку от него (вплоть до Урала и Зауралья). «Вольное казачество» Днепра и Дона постепенно включилось в выполнение оборонительных функций и сохранения

земледельческой ойкумены Восточной Европы от набегов кочевников. Однако вольное казачество, взяв на себя такие функции, стало получать от Москвы (а в более ранний период от Польши) денежное и натуральное жалованье, одновременно сохраняя старинное право свободы занятий рыбными, бортными и другими промыслами. Вместе с тем казацкие промыслы не могли стать основой производственной деятельности казаков, они были лишь вспомогательным способом жизнеобеспечения. Да и государево жалованье по размерам своим оставдало желать большего, поскольку Россия была бедным государством, едва сводившим концы с концами в своем бюджете. Организация Петром I постоянной армии не исключила необходимости воинских формирований нерегулярного типа, и нужда в казачестве оставалась острой еще долгие десятилетия. Но это отнюдь не исключало периодически возникающую (не от хорошей жизни!) потребность казачества либо в войнах, либо в военных грабежах. Это было фактом реальной жизни и на Дону, и на Днепре.

С другой стороны, с момента получения земельного обеспечения казачество Левобережной Украины как воинское сословие получило льготы, но все же так и не стало собственно земледельческим сословием. Привилегированное положение позволило казакам, и особенно казачьей старшине, иметь в качестве рабочей силы для земледельческих работ «посполитых», т.е. крестьян. Однако специфика украинского пограничного региона состояла в том, что сословная перегородка между посполитым и казаком была часто весьма условной. В годину тяжких войн она исчезала, и многие посполитые становились казаками, а вернуть посполитого на прежнее место было очень нелегко. К тому же в первой половине XVIII в. и самих посполитых в регионе было очень мало. В частности, по подсчетам И.К. Кирилова, в 1725 г. на 69 тыс. казаков приходилось всего 126 тыс. посполитых, а в четырех полках на одного казака в среднем было едва ли не по одному посполитому. Правда, среди казаков было много безземельных и «убогих», но кардинальных изменений это не производило.

В этих условиях естественные процессы социальной дифференциации и расслоения не приводили к наиболее суровым формам эксплуатации. А при коротком сезоне земледельческих работ рост совокупного прибавочного продукта, обеспечивающий должный уровень потребностей складывающегося на Левобережной Украине господствующего класса,

было обеспечить либо резким увеличением числа занятых посполитых или даже наемных рабочих рук, что в условиях XVIII века было нереальным, либо резким ужесточением форм внеэкономического принуждения, позволявшего увеличить объем земледельческого производства. Объективный процесс шел в направлении усиления эксплуатации путем установления крепостнического режима. Кстати, на пути ужесточения эксплуатации опосредованно стояли казацкие традиции первобытного демократизма, но и это не стало непреодолимым препятствием. Объективный ход истории был таков, что прогресс в развитии производительных сил того или иного сообщества был достижим только через усиление классового антагонизма, антагонизма производственных отношений. А первобытный демократизм, к сожалению, лишь замедлял этот прогресс. Стремление ряда историков изобразить ситуацию таким образом, что-де крепостничество было навязано Левобережной Украине Москвой, свидетельствует лишь о поверхностном понимании процесса развития либо о политическом лукавстве.

С петровских времен Левобережная Украина была с административной точки зрения поделена на полки и сотни. На территории Гетманщины было десять полков. С 1734 по 1750 г. должность гетмана оставалась незанятой, а управление осуществлялось так называемой Малороссийской коллегией в Глухове. С 1750 г. должность гетмана стала действующей. По соглашению с Петербургом ее занял (был избран) брат елизаветинского фаворита Кирилл Григорьевич Разумовский. Однако правление его было чисто номинальным. Гетман «страдал» от влажного (!) климата Глухова и предпочитал более петербургский климат. При Разумовском казачья старшина заметно усилила свои позиции. Вместе с местными феодалами она захватывала общинные и войсковые земли, усиливала гнет посполитых и т.д. Еще в 1739 г. генеральная войсковая канцелярия запретила переход крестьян с места на место, ссылаясь на сильный отток людей за рубеж, но в 1742 г. генерал-прокурор отменяет это распоряжение. Однако под напором старшины в 1760 г. гетманский универсал наложил запрет на крестьянские переселения без разрешения их владельца под угрозой конфискации имущества. Это был шаг к полному закрепощению крестьян. Видимо, под тем же напором проведена была и судебная реформа, восстанавливающая тип польских шляхетских судов. Вместе с тем проник-

новение на малороссийские земли российских феодалов вызвало недовольство старшины. Больше того, казаки стали зазывать в новоформируемые шкиперские полки, а некоторые территории переводить на положение однодворчества. Напрасные слухи о закрытии на Украине порохового производства усилили брожение старшины, а Разумовский пытался использовать брожение для усиления своего влияния. Процесс этот достиг пика, когда в 1764 г. на генеральном собрании старшины возникло движение за превращение должности гетмана в наследственную должность рода Разумовских.

Екатерина II, остро почувствовав опаснейший момент, одним махом порушила эти планы. На встрече с Разумовскими она решительно предложила ему отказаться от гетманства, что Разумовский и сделал.

17 января 1764 г. вновь учреждена Малороссийская коллегия во главе с выдающимся полководцем П.А. Румянцевым. Началась полоса «вхождения» Левобережной Украины в систему российской государственной машины. Румянцев быстро расправился с оппозицией, тем более что старшину рядовое казачество поддерживало не ахти как активно, ибо это был период резкого усиления феодального гнета. Полковое управление было ликвидировано. Возникло пять провинций с центром в Харькове. Вместо казацких были сформированы новые гусарские полки, а старшина, перешедшая в эти полки, была включена в дворянство. Рядовое казачество стало «войсковыми обывателями». На территории Гетманщины в 1782 г. образовано три наместничества (Киевское, Черниговское и Новгород-Северское). В 1783 г. все казацкие полки заменены были армейскими частями. Наконец, в том же 1783 г. были окончательно запрещены переходы крестьян и крепостное право стало реальным фактом. По Жалованной грамоте дворянству украинское шляхетство обрело все права и привилегии русского дворянства.

Интенсивно развивался процесс феодализации казацких общин и в Запорожье. Здесь выделялась богатая старшина, злоупотреблявшая своей властью и правами. Казаки занимались земледелием и скотоводством. На рынок шли тысячи голов лошадей, крупного рогатого скота, овец, а также шерсть, мясо, сало и т.п. Запорожские лошади продавались и в Великороссии, и в Западной Европе, хлеб шел в Крым, к ногаям и т.д. Развиты были и рыбные промыслы. Среди

запорожского населения Запорожья, как и всюду на Украине, заметна имущественная дифференциация. Категории казаков и посполитых не были однородными, а выделяли богатую верхушку и беднейшую часть населения.

Военная помощь запорожских казаков царскому правительству, борьба с турецко-татарской агрессией — все этоставляло считаться с Сечью. Однако царизм тяготился ее существованием, и дело было не только в эпизодических разбоях. Сечь все еще была символом вольности и свободы. Сюда направлялись потоки беглых крестьян и казаков из пределов панской Польши, да и из приграничных областей России. Огромную роль сыграла Запорожская Сечь в народном восстании на Правобережной Украине в 1768 г., известном под названием «Колиивщины». Нередки были волнения гайдамаков и в самой Сечи. В конце декабря 1768 г. здесь вспыхнуло восстание. Каратели из казацкой старшины и царского гарнизона с трудом подавили восстание. Но в следующем 1769 г. в Сечи начались новые беспорядки. Весьма беспокойной была обстановка в Запорожье в период Крестьянской войны 1773—1775 гг., участились нападения казаков на правительственные отряды.

С освобождением по Кючук-Кайнарджийскому миру от турецко-татарской власти территории Причерноморья значение Сечи как важнейшего форпоста России в борьбе с турками и татарами упало. Все это побудило Екатерину II в кратчайший срок покончить с опаснейшим запорожским казачьим войском. Летом 1775 г. крупный отряд войск генерала П.А. Текели занял Сечь, а 3 августа вышел манифест об упразднении Запорожского войска. Верхушка запорожской старшины получила российское дворянство, чины и земли. Рядовые казаки и посполитые превратились в крепостных. Аналогичные преобразования были проведены и на Дону. В 1775 г. под названием «Войсковое гражданское правительствование» здесь введена была обычная система губернских учреждений.

В последней четверти XVIII в. Южное Причерноморье начинает активно заселяться, а общая численность населения возрастает в несколько раз. Возникают новые села. На юг Украины устремился колонизационный поток крестьян из России, бежавших от эксплуатации помещиков-крепостников. Но царизм щедро раздавал помещикам и земли юга Украины и России. В 1778 г. был основан Херсон, в 1784 г. —

Мариуполь, в 1787 г. — Екатеринослав, в 1789 г. — Николаев, в 1794 г. — Одесса.

Наряду с процессом стихийной колонизации активную роль в освоении новых земель играли царские администраторы. В частности, в этой деятельности принял активное участие фаворит Екатерины II князь Г.А. Потемкин, получивший впоследствии титул князя Таврического.

Обладая огромными средствами, Г.А. Потемкин не щадил ни сил, ни денег, ни труда, ни людей. Князь стремился тотчас превратить пустынный край в страну, изобилующую городами, селами, садами и т.п. Одновременно закладывались города, разводились леса, виноградники, плантации тутовых деревьев для шелководства, начиналось строительство фабрик, корабельных верфей, школ, типографий и т.д. и т.п. Разумеется, часть этого осталась лишь в проектах. Многие силы и энергии отдал Потемкин строительству линейного флота на николаевских верфях. Подобно Петру I он столь глубоко вник в вопросы кораблестроения, что стал, по сути, настоящим специалистом. Вместе с тем Потемкин делал немало лишнего, второстепенного, многое было показным, что сделалось очевидным во время путешествия Екатерины II по югу России в 1787 г.

Прибалтийский край в XVIII в. и реформы Екатерины II. Коснемся, наконец, политики царского правительства в Прибалтике — Эстляндии и Лифляндии. В XVIII столетии Эстония постепенно восстанавливалась от того разорения, в которое ее ввергло шведское владычество. Испытывало заметный подъем сельское хозяйство, продукты которого в значительной мере вывозились на внутренний и внешний рынки. Получили развитие и разнообразные сельские промыслы (производство сукон, бочек, парусных судов и т.п.). Во второй половине XVIII в. значительного развития достигли мануфактурные заведения, производившие стекло, зеркала, изделия из фаянса, кожевенные изделия и т.п. В Эстонии увеличивается сеть базаров и ярмарок, крупнейшая из которых была в Тарту. Под влиянием экономических связей с Россией быстро выросли эстонские порты Таллин и Нарва, где ежегодно бывало свыше 200 кораблей в каждом. Экономика Эстонии постепенно прочно срасталась с российским рынком. Из Эстонии шли такие товары, как стекло, бутылки, зеркала, водка, парфюмерия, крахмал и т.д. Из России в Эстонию привозили железо, медь, кожи, меха, свечи, мыло,

разную посуду, гвозди и т.д. Крупными городскими центрами стали Таллин, Тарту, Пярну, Нарва и др.

Развитие экономики Эстонии во второй половине XVIII в. было по-прежнему сопряжено с резким увеличением барщинной эксплуатации непосредственных производителей в связи с товарным производством зерна. Помимо классового угнетения для Эстонии было характерно и национальное, осуществлявшееся немецким остзейским дворянством. В городах, магистратах и судах, в цеховых организациях ощущалось засилье немцев. Задавленный двойным гнетом эстонский народ поднимался на борьбу. Для этого времени характерны массовые побег крестьян, поджоги усадеб, убийства помещиков и т.д.

Примерно такая же картина характерна для северной части Латвии, находившейся в пределах Российской империи. К XVIII в. здесь было также развито товарное производство зерна на продажу и на винокурение, которое помещики взяли в свои руки. Было связано с рынком и сильно развитое скотоводство. Развивалась и мануфактурная промышленность. Это было полотняное производство, поскольку Латвия была льноводческим районом. Это были и стекольные заведения, чулочные и суконные мануфактуры, бумажные мельницы. В Риге в 80-х годах возникло предприятие по изготовлению сахара. На всех промышленных предприятиях значительное место занимал наемный труд, хотя применялся и труд крепостных. Заметного развития достигла и торговля. Огромное значение для Латвии имел Рижский порт, расцвет которого начался с 1710 г., с момента присоединения к Российской империи, ибо Рига стала одним из главных портов России. Уже в середине XVIII в. Рига далеко обогнала все прибалтийские порты. Ежегодно в нее заходило более 500 кораблей. В конце века их число возрастает до одной тысячи.

Во второй половине XVIII в. в Латвии, как и в Эстонии, резко возрастает барщинная эксплуатация крестьянства.

Стремясь к стабилизации положения в этих столь важных в стратегическом отношении районах, Екатерина II и ее правительство выступают подчас с довольно неожиданными предложениями и реформами. Стремясь предотвратить взрывы классовой борьбы в Прибалтике, правительство выступает здесь, как это ни парадоксально, за регламентацию крестьянских повинностей. В 1765 г. Екатерина II через генерал-губернатора Ю.Ю. Брауна рекомендует прибалтий-

Формирование различных тенденций в общественно-политической мысли России

§ 1. Критика «просвещенного абсолютизма» Екатерины II М.М. Щербатовым

ским помещикам ограничить эксплуатацию крепостных крестьян и даже обеспечить крестьянам право на движимую собственность и т.д. Несмотря на протесты прибалтийского дворянства, лифляндский ландтаг в 1765 г. под нажимом генерал-губернатора принимает эти советы-приказы. Крестьянам разрешено жаловаться на помещиков в местный суд. Однако бароны-крепостники просто не выполняли этих постановлений ландтага. В итоге, в 1771 г. в Латвии были крупные волнения крестьян в районе Алуksне и всего Цесисского уезда. В 1776—1777 гг. — в Лифляндии новая вспышка крестьянского движения. Наконец, в 1784 г. вспыхнуло мощное крестьянское движение, охватившее всю северную Латвию и южную Эстонию. Только после этого правительство запретило произвольное увеличение норм барщины и повинностей крестьян.

После введения новой системы губернского правления во внутренних губерниях России постепенно были преобразованы и органы местного управления на окраинах. В Прибалтике был упразднен «Особый прибалтийский порядок», олицетворявший автономные права Эстляндии и Лифляндии. Первые меры правительства прибалтийское дворянство встретило с восторгом. В 1782 г. были отменены таможенные барьеры между Россией и Прибалтикой. Осуществлена была перепись податного населения и введена подушная подать с населения. Вместе с тем утверждены как наследственные, т.е. приравнены к вотчинам, имения дворян.

В 1783 г. наступил второй этап в ликвидации местных особенностей края. Прибалтика была разделена на две губернии — Рижскую и Ревельскую. Во главе их встал наместник. Высшие чины управления и суда теперь не избирались дворянством, а назначались правительством. В системе местного управления был реорганизован ландтаг. Распространение действия Жалованной грамоты дворянству ликвидировало в Прибалтике засилье дворянской олигархии. Городская реформа лишила монопольного господства в органах самоуправления верхушку немецких бюргеров. С введением Жалованной грамоты городам появилась возможность всякому свободному человеку без каких-либо национальных ограничений получить право горожанина. Тем самым реформа способствовала увеличению притока населения в города Прибалтики.

Начнем с отношения к событиям общественно-политической и экономической жизни страны представителей родопитой дворянской знати и так называемого консервативного лагеря российского дворянства, выступавших против основной массы реформаторских шагов Екатерины II, отстаивавших исключительные привилегии и права дворянства как опоры нации и государства.

Наиболее выдающимся представителем этого направления общественно-политической мысли был князь М.М. Щербатов — русский историк, экономист, публицист, депутат Комиссии о новом Уложении, член Комиссии о коммерции и президент Камер-коллегии. В 60—80-е годы, как уже говорилось, он неустанно бьет тревогу по поводу кризисного состояния сельского хозяйства страны, резко выступает против форсированного развития городов, торговли и промышленности, становясь при этом на чисто физиократические позиции. Благодаря работам французских просветителей Щербатов обращает пристальное внимание на специфику природно-климатических условий России и прежде всего на краткий рабочий сезон в земледелии и плохое плодородие почв. В силу этих условий земледелие России находится в критическом состоянии и эффективность труда земледельца чрезвычайно низка. Как знаток экономики земледелия и практик-помещик, он предпринял в одной из своих работ глобальную оценку эффективности земледелия страны и пришел к выводу, что Россия при урожае ржи сам-5 имела чистый сбор примерно в 504 млн. четвериков (пудов), из которых на нормальное питание необходимо свыше 432 млн. пудов, и товарный излишек не превышал 72 млн. пудов (или по 4 пуда на человека). Эта «товарность» настолько ничтожна, писал Щербатов, что «в случае хотя бы незначительного недороду должен наступить голод».

Отсюда огромная тревога дворянского публициста по поводу серии мероприятий правительства Екатерины II, цель которых в развитии торговли и промышленности, выгнавших, по мнению Щербатова, отток крестьянских рабочих рук из земледелия. Этот отток был тем более опасен, поскольку труд в городе, и в торговле, и в промышленности, легче труда в земледелии. Кстати, эти же аргументы были в ходу и при спорах в стенах Уложенной комиссии.

Поэтому, обсуждая «либеральные идеи» своего времени в центре которых постепенно становилась проблема освобождения крестьян от крепостной зависимости, Щербатов считал безусловно необходимым ее сохранение. В тех реальных экономических условиях острой нехватки рабочих рук в земледелии и одновременно его низкой эффективности и в крайне тяжелых условиях труда освобождение крестьян он считал преступлением, ибо оно, по словам публициста, приводит к краху основы государственного благополучия — сельского хозяйства страны. А центр империи просто опустеет.

Как уже говорилось, правительство Екатерины II в конечном счете с пониманием относилось к аргументам такого рода и в крестьянском вопросе проводило линию Щербатова. Однако общая линия императрицы основывалась на учете баланса всех сил.

В публицистике М. М. Щербатова четко выделяется и линия защиты дворянства, и протест против отстранения его от государственного управления. Он выступает против ущемления полномочий Сената и приращения власти генерал-прокурору. Он негодует по поводу огромной власти наместников, «через что они почти деспоты в своих наместничествах учинились». Он обвиняет в деспотизме саму государыню, поскольку она ущемляет олигархические претензии родовитого дворянства. Остро ненавидя «худородных» дворянских выскочек и фаворитов, он критикует все звенья государственного аппарата «за накопление их незнающими и мало советскими имеющими людьми». Главный же упрек Щербатова состоит в том, что Екатерина II способствует ущемлению прав и привилегий дворянства.

Наконец, третье направление критики Щербатова — обличение нравов. Олицетворяя стремление возратить времена предков, князь Щербатов многие явления жизни объяснял одним лишь «повреждением нравов». Основные обвинения Щербатова в адрес Екатерины II суть следующие: «славолю-

бия», «любострастна», имела множество любовников. О последних годах жизни Екатерины II он писал на редкость язвительно: «Хоть при поздних летах ее возрасту, хотя седина покрывают уже ее голову и время нерушимыми чертами ознаменовало старость на челе ее, но еще не уменьшается в ней любострастие. Уже чувствует она, что тех приятностей, каковыя младость имеет, любовники в ней находить не могут, и что ни награждения, ни сила, ни корысть не может замешать в них того действия».

Достается от Щербатова и многочисленным екатеринским фаворитам: «каждый любовник, хотя уже и коротко их время было, каким-нибудь пороком за взятые миллионы одолжил Россию». Строгий разбор дворцового разврата, выражаясь словами Герцена, был так ярок, что памфлет Щербатова выглядел как обвинение не только Екатерины II и ее окружения, но и всего самодержавно-крепостнического строя.

§ 2. Борьба двух тенденций в критике крепостничества. Формирование просветительства в России

Что же касается другого крыла общественной мысли России второй половины XVIII в., именуемого в нашей литературе просветительством, то его появление было во многом итогом иных процессов.

Реальным итогом развития России в XVI—XVIII вв. при всей отталкивающей жестокости крепостничества были весьма существенные достижения. Среди них обширная территория, создавшая в конечном счете минимально приемлемые условия для развития экономики и роста народонаселения. Более того, Россия стала великой европейской державой. Начиная с эпохи Петра Великого и его реформ, российская дворянская элита восприняла европейскую культуру в самых разнообразных ее проявлениях. Российская общественная мысль и общественное сознание в немалой степени имели в качестве эталонов своего развития европейские стандарты жизни, культуры, науки и т.п. Отсюда и развитие демократических, либеральных, просветительских идей, которые лишь постепенно обретали прочность бытия своего на русской почве.

Однако во второй половине XVIII в. эти идеи имели в большей мере лишь нравственную основу.

Драматург и поэт А.П. Сумароков был одной из влиятельных фигур придворного общества, к его советам прислушивалась и Екатерина II. Вместе с тем Сумароков был одним из критиков крепостничества. В его сочинениях и, в частности, в записке «О домостроительстве» была дана резкая критика вопиющих злоупотреблений крепостным правом. Но позиции критика четки и недвусмысленны — он защищает крепостное право от злоупотреблений, он доказывает заинтересованность помещика в благополучии своих крестьян.

Однако среди группы критиков, охраняющих крепостничество, были и такие, которые предлагали реформы. Одним из них был П.И. Панин.

П.И. Панин, брат воспитателя цесаревича Павла Н.И. Панина, был крупным военным деятелем. После участия в работе комиссии о несостоятельных должниках он подал в 1763 г. на имя императрицы записку по крестьянскому вопросу. В ней были изложены советы по борьбе с крайними злоупотреблениями помещиков. П.И. Панин предлагал, в частности, прекратить практику продажи крепостных поодиночке и продавать их только семьями, запретить торговлю рекрутами, установить губернаторский надзор над наиболее жестокими помещиками. Наконец, П.И. Панин предлагал установить максимум в крестьянских повинностях.

В проекте И.П. Елагина, поданном царице в январе 1767 г., выдвигалась идея передачи крепостным крестьянам земли в потомственное владение и определения объема их повинностей в пользу помещика. Но все это Елагин предлагал сделать лишь в будущем.

Весьма интересными были соображения о судьбах крепостного права, высказанные Д.А. Голицыным в его письмах к брату А.М. Голицыну, поскольку сам Д.А. Голицын почти четыре десятка лет был на дипломатической службе. В 50-х годах, живя в гуще общественно-политической жизни парижских салонов, водя дружбу с Вольтером, Дидро и другими философами и общественными деятелями Франции, Д.А. Голицын был наиболее радикален в своих взглядах. Тогда он писал о необходимости безусловной отмены крепостного права как экономически невыгодной формы организации хозяйства и предоставлении крестьянам полного права собственности, т.е. собственности на имущество и землю. Однако позже Д.А. Голицын резко меняет свои взгляды. Он считает,

что крестьяне должны выкупать свою свободу за огромные деньги (по 200 руб. за душу). Земля остается у дворян, и богатые крестьяне могут ее арендовать или купить у помещика. Безвозмездно крестьянам дается лишь право собственности на движимое имущество. Людей, обладающих лишь движимым имуществом и занимающихся торгово-промышленной деятельностью, Д.А. Голицын называл третьим сословием.

Так же как и другие прожектеры, Д.А. Голицын предлагал установить государственный контроль над помещиками для пресечения злоупотреблений властью. А все дело облегчения положения крестьянства осуществлять лишь постепенно. В качестве объекта для эксперимента Д.А. Голицын, как и И.П. Елагин, предлагал Екатерине II ее «домен», т.е. дворцовых крестьян.

Все упомянутые выше проекты реформ явились, пожалуй, единственным реальным плодом распространения идей французского Просвещения в среде, окружавшей Екатерину II. Дворянская аристократия в подавляющем большинстве лишь играла с трудами французских философов. Для них это была мода.

Беспрепятственное издание произведений французских философов способствовало проникновению просветительских идей в широкие круги дворянской и разночинной интеллигенции. Сочинения французских просветителей ходили по рукам в студенческой среде Петербурга и Москвы, в среде дворянской молодежи. Довольно большими тиражами издавались лучшие произведения Вольтера, Монтескье, Руссо и др. Их можно было найти в Оренбурге, Казани, Симбирске, Орле. С 1767 по 1777 г. было переведено и издано отдельными сборниками свыше 400 статей из знаменитой «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. Исключительно важную роль для широкого русского читателя сыграли сочинения Вольтера, написанные в простой и доходчивой форме.

Широкое распространение идей Просвещения способствовало выдвижению целой плеяды оригинальных русских мыслителей, произведения которых олицетворяли иную тенденцию в критике крепостнического строя. В противоположность дворянским проектам, стремящимся оградить самодержавно-крепостнические порядки, эти мыслители стояли прежде всего на позициях человеческой нравственности и морали, их резко отличали беспредельная ненависть к кре-

постничеству, горячая забота о несчастном положении крепостных крестьян.

В ряду ярких критиков крепостнического строя мы упоминаем А.Я. Поленова, автора конкурсной работы «О крепостном состоянии крестьян в России», депутатов Уложенной комиссии И. Чупрова, Г.С. Коробьина, Я.П. Козельского, А. Алейникова, А.И. Маслова, чья мужественная критика крепостничества и проекты ограничения крепостного права явились значительным этапом в развитии русской общественно-политической мысли. В этом же ряду следует назвать одного из первых критиков крепостничества в Лифляндии Иоганна-Георга Эйзена. Пастор в приходе Торма, а потом профессор елгавской Петровской академии, Эйзен был автором интереснейшей работы, в которой он доказал непродуманность барщинного труда, столь стремительно распространявшегося в Прибалтике. В этой работе предлагалась отмена крепостного права и передача земельных наделов в собственность крестьянам.

Ярким представителем передовой общественной мысли был и Я.П. Козельский — автор «Философических предложений», явившихся наиболее радикальным выражением просветительских идей в России. Козельский протестует против распространенного в дворянском обществе понятия о крестьянах как о низшей породе людей. Следуя теории естественного права, он считает, что люди равны от природы: «Подлым является не тот, кто беден, а тот, кто совершает подлые дела».

Одним из глубоких русских мыслителей этой поры был профессор Московского университета С.Е. Десницкий. Он осуждал крепостной строй, доказывал необходимость его изменения с помощью реформ политического строя (учреждение выборного сената как высшего законодательного и судебного органа, введение бессловного, гласного суда с адвокатурой и присяжными, устройство купеческого самоуправления, равноправие мужчин и женщин, устранение вмешательства церкви в просвещение и науку и т.д.). Основная направленность предложений носила буржуазный характер.

Если упомянутые нами деятели русского просветительства свое главное внимание в критике крепостничества уделяли вопросам юридического и экономического характера, то деятельность такого выдающегося писателя, публициста и издателя, каким был Н.И. Новиков, наносила основной

удар по моральным устоям крепостничества. В острой сатирической манере Новиков дал яркие обобщенные образы чужеземных столпов крепостничества. А их у Новикова — целая портретная галерея: Змеяны, Глупомыслы, Плутовы, Броужжаловы, Бранниковы, Недоумы, Злорады.

Наряду с острейшей критикой и развенчанием крепостничества важнейшим звеном просветительской деятельности Н.И. Новикова была его издательская работа. Книгоиздательская деятельность его была весьма многообразной. Тут были и сатирические журналы «Трутень», «Пустомеля», «Жизнописец», «Кошелек». Тут были и исторические издания, вроде многоотомной «Древней Российской вивлиофики», и журналы научно-популярного характера, типа «Экономического магазина», который вел А.Т. Болотов. Новиков издавал огромное количество французской просветительской литературы. Наконец, он издавал ряд газет (в частности, «Московские ведомости»). Ненавидя всей душой самодержавно-крепостнический строй, Новиков объяснял его язвы чисто моральными причинами, падением нравственности помещиков, общей темнотой и невежеством. Выходом из этого тупика, по мысли Новикова, было широкое просвещение народных масс. Мучительные поиски путей развития способствовали тому, что в конце 70-х годов Новикова увлекли в свои ложи масоны.

Масонство являло собой своеобразную форму идеологической реакции, форму борьбы с рационализмом идей Просвещения. Вместе с тем среди масонов удивительно уживались набожность и вольнодумство, просветительство с крепостнической идеологией.

§ 3. Революционные общественно-политические взгляды А.Н. Радищева

Резкий поворот во внутренней политике, который произошел после разгрома восстания Е.И. Пугачева, сама Крестьянская война с ее грандиозным размахом народной борьбы способствовали зарождению в русском просветительстве качественно иного направления, связанного с именем А.Н. Радищева — первого в России дворянского революционера.

В 1766 г. в числе 12 молодых даровитых дворян А.Н. Радищев был отправлен в Лейпцигский университет. Однако главное внимание в период жизни за границей он уделил

самообразованию, изучая в основном работы французских просветителей в области философии, политэкономии, литературы и права. По возвращении в 1771 г. на родину Радищев служит в различных учреждениях (протоколист Сената, военный прокурор, помощник управляющего и управляющий таможней в Петербурге). В период службы в Коммерц-коллегии у него устанавливаются теплые дружеские отношения с президентом Коллегии князем А.Р. Воронцовым. Однако основным содержанием духовной жизни Радищева была отнюдь не служба. В течение многих лет он усиленно занимается вопросами философии, политэкономии, права, пристально изучает экономическую и политическую жизнь страны, быт крепостного крестьянства. Вместе с тем Радищев начинает свою литературную деятельность. В частности, для формирования мировоззрения Радищева была важна работа над переводом «Размышлений о греческой истории» французского социалиста-утописта XVIII в. аббата Мабли. Перевод был опубликован Н.И. Новиковым в 1773 г. В «Примечаниях к Мабли» Радищев уже бросил открытый вызов русскому абсолютизму: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». Однако поражение Крестьянской войны надолго прерывает его творческую деятельность. Пережить этот своего рода кризис Радищеву помогают события, связанные с Войной за независимость Северной Америки.

Размышляя над итогами победоносной американской революции, анализируя политику российского «просвещенного абсолютизма», Радищев постепенно приближается к убеждению в том, что единственный выход для России — революционное низвержение самодержавия.

В 1783 г. Радищев создает свою знаменитую оду «Вольность». В ней он осуждает самодержавную власть как власть, поправшую элементарные права народа. Исходя из теории «общественного договора», объясняющей происхождение государства как акт добровольного согласия людей на выделение над ними органа управления, Радищев считает самодержца узурпатором всех прав народа, нарушителем «общественного договора». В оде «Вольность» воспет тот миг, когда восставший народ разрушит все здание монархического строя.

Вскоре Радищев приступает к написанию своего главного произведения, в котором он дает обоснование своей револю-

ционной концепции, — книги под названием «Путешествие из Петербурга в Москву».

Автор выбрал весьма распространенный тогда жанр «путешествий» исключительно из цензурных соображений, так как различного рода «путешествия» и описания маршрутов влюбители проходили через руки цензоров. Заведя в своем доме в Петербурге миниатюрную типографию, Радищев решил самостоятельно издавать свой главный политический памфлет.

И вот, в мае 1790 г. книга вышла, благополучно проскользнув все цензурные рогатки (разумеется, там на нее не обратили какого-либо внимания). Автор подарил 5 экземпляров знакомым, а 25 экземпляров от тиража отдал поначалу книгопродавцу Зотову. Успех книги был мгновенный. Все экземпляры исчезли. Но очень быстро книга дошла до Екатерины II, и умная императрица, прочитав ее, быстро поняла всю взрывную силу этого сочинения. Резюме царицы было весьма четким и недвусмысленным: Радищев был объявлен «бунтовщиком хуже Пугачева». Немедленно были приняты меры. 30 июня 1790 г. Радищев был арестован. 24 июля, по окончании следствия, уголовная палата приговорила арестованного к смертной казни. В начале августа Екатерина II заменила казнь 10-летней ссылкой в Сибирь, в Илимский острог.

Итак, что же собою представляло скромное и незаметное по названию «Путешествие из Петербурга в Москву»? Если оставить в стороне чисто внешний сюжет путешествия с его маршрутом, с его остановками на почтовых станциях, где имщички меняли лошадей, если оставить в стороне названия глав, полученные от деревень и городов, стоящих на почтовом тракте из Петербурга в Москву, то перед нами раскроется сюжет внутренний. Герой, от лица которого ведется повествование, анализирует государственный и общественный строй своей страны, изучает положение народа. Перед ним крестьяне, задавленные гнетом помещиков, обрабатывают свою землю лишь по ночам; их продают как скот, проигрывают в карты; им некуда жаловаться, так как в судах сидят взяточники. Убедившись, что в России процветает злоупотребление властью, жестокий гнет рабства, герой повествования ищет выход из положения. Главы «Путешествия» под названием «Спасская полесь», «Крестцы», «Хотиллов», «Выдропуск» рассказывают об иллюзиях и тщетных надеждах на монарха героя повествования. Постепенно герой убеждается, что мнение о том, что стоит монарху «открыть глаза» на

несправедливость и все уладится, есть мнение ложное, иллюзия, самообман. У героя теперь формируется твердое убеждение, что народ может добыть свободу, только повстав против самодержца, только путем революционного низвержения монарха. Этому посвящены главы «Медное», «Горючая», «Тверь». Огромное значение в идейной композиции произведения имеет вставленная в «Путешествие» ранее написанная ода «Вольность». Таково вкратце идейное содержание центрального творения первого русского революционера, сыгравшего величайшую роль в истории русской общественной-политической мысли.

Со смертью Екатерины II Радищев в 1801 г. возвращается в Петербург. В период либеральных тенденций Александра I А.Н. Радищев вновь на государственной службе. Он составляет ряд проектов законодательных реформ. Но вскоре в порыве отчаяния, утром 11 сентября 1802 г. он принимает на себя и в тяжких муках умирает.

Глава 15

Внешняя политика Российской империи во второй половине XVIII века

§ 1. Проект «Северной системы» Н.И. Панина и диссидентский вопрос в Польше

Приход на трон Екатерины II мало что изменил в основных направлениях внешней политики России. Они в сущности остались прежними. В центре внимания русских дипломатов был возврат исконных земель Древней Руси, традиционная черноморская проблема и активная охрана завоеваний на Балтике.

Вскоре после Семилетней войны произошла очередная перегруппировка сил в Европе. Почти распался длительный союз России и Австрии. После свержения Петра III Екатерина II не сочла нужным возобновить войну с Пруссией, хотя

генерал-маршал Салтыков захватил было вновь все территории, утраченные Пруссией Петром III.

Истинные причины такой позиции заключались в том, что в итоге Семилетней войны Россия добилась преимущественного влияния в Польше. Мы уже говорили о давней мечте внешней политики русского правительства, сводящейся к воссоединению древнерусских земель, в пределах которых в период отторжения стали складываться народы Белоруссии и Украины. Последние события, казалось, приблизили момент окончательного решения этой проблемы. Однако у Австрии насчет Польши были свои планы. Она шла на стремительное сближение и упрочение отношений с Францией — давним недругом России, в течение многих десятилетий выколачивавшего антирусские блоки и на севере Европы, и в центре ее, и на юге. Все это делало непрочными отношения Австрии с Россией.

Иначе складывались отношения с Пруссией. Фридрих II всеми силами старался искать дружбы с Россией. Ведь устремления Пруссии были теперь направлены исключительно на Польшу как объект своей будущей агрессии, и успех мог быть лишь при условии союза с Россией. Однако Россия рассчитывала достичь своих целей и без помощи Пруссии. Вместе с тем она не хотела и сближения Пруссии с Францией. Тема, вокруг которой завязывалась дипломатическая игра, была подсказана самой жизнью: это тема о новом польском ставленнике.

Смерть польского короля Августа III, как ее не ждали, была внезапной. Теперь Россия сразу же объявила своего кандидата — им был Станислав Понятовский, давний друг сердечный Екатерины II. Расчеты императрицы, правда, были лишены при этом каких-либо эмоций: «из всех претендентов на корону он имеет наименее средств получить ее, следовательно, наиболее будет обязан тем, из рук которых он ее получит».

Случилось так, что в разгар предвыборных интриг курфюрст Саксонский умер от оспы. Это ослабило борьбу с Пруссией, и на избирательном сейме в сентябре 1764 г. спойно был избран Станислав Понятовский.

Следствием преобладания русского влияния был и сравнительно быстрый переход Курляндии на положение территории, зависимой от России. Екатерина II извлекла для этого из небытия небезызвестного Э.И. Бирона, права которого на курляндское герцогство не были никем отменены. Сын поль-

ского короля Августа, Карл, занимавший стол герцога Мекленбургского, был вынужден выехать из Митавы. В конце 1764 г. там водворился Э.И. Бирон.

После выборов Понятовского на польский престол русско-прусское сближение завершилось заключением 31 января 1765 г. союза. Это был, как всегда в то время, военный союз, оговаривавший в случае войны помощь одному из партнеров либо деньгами, либо войсками.

Заключение этого союза было большим успехом фактического руководителя внешней политики России князя Панина Ивановича Панина. Ведь союз с Пруссией был едва ли не важнейшим звеном проектируемого Паниным так называемого «Северного аккорда». Это был своего рода протиполог все еще существовавшему франко-испано-австрийскому блоку. По мысли Панина, в «Северный аккорд» должны были включиться Дания, Англия, а также Швеция и Польша. При этом Панин сильно рассчитывал на Польшу в качестве будущего союзника.

Однако Н.И. Панину это не удалось, как не удалась и попытка «Северная система». Ни Фридрих II, ни Екатерина II не были заинтересованы в сильной Польше. Фридрих вообще был против «Северной системы», заявляя, что он нуждается «только в одном русском союзе» и не хочет других. Что касается Екатерины II, то она была за «счастливую анархию», в которую погружена Польша и которую распоряжаемся мы по своей воле». Сохранение в Польше так называемой «республики» постоянно воодушевляло Фридриха II на раздел этой страны, а с заключением договора с Россией эта идея стала не столь уж безнадежной. Длительные переговоры с Англией окончились заключением в 1766 г. лишь торгового договора.

Таким образом, «Северного аккорда» не получилось. Надежды на Швецию были также тщетны, ибо при слабости государственной власти эта страна всерьез не могла быть принята.

Вскоре после воцарения С. Понятовского в Польше внутри страны вновь обострились противоречия между католиками и так называемыми диссидентами (православными и протестантами). Традиционная политика покровительства «диссидентам» позволила русскому правительству вмешаться в этот конфликт.

В диссидентском вопросе российская дипломатия выставила не только требование веротерпимости, но и уравнивания

диссидентов» в гражданских правах. Но именно это требование было встречено в штыки великопольскими кругами.

Итак, с 1764 по 1768 г. Польша снова находилась в состоянии внутреннего напряжения. Тяжелая дипломатическая борьба по диссидентскому вопросу шла с переменным успехом. Положение короля в этой ситуации было незавидным. Целиком обязанный русской императрице, постоянно получавший от нее денежные субсидии, Станислав Понятовский буквально разрывался на части. В условиях полного бессилия короля повлиять на сейм вопрос о диссидентах решался традиционным польским путем. Вожди диссидентской образовали в марте 1767 г. конфедерации: одну в Торне, другую в Слупске. На сторону диссидентов был привлечен бывший литовский гетман Карол Радзивилл, и появилась католическая конфедерация в Радоме.

Предстоял чрезвычайный сейм. Осенью 1767 г. русские войска были придвинуты к подступам Варшавы, но созданный в октябре 1767 г. сейм не удался и его перенесли на февраль 1768 г. В феврале запуганный сейм все-таки решил диссидентский вопрос. Католическая вера была объявлена господствующей. Король и королева могли быть только из римских католиков. Но вместе с тем диссиденты были уравнены во всех правах. Они отныне объявлялись способными занимать все посты вплоть до сенаторских и министерских. Им разрешено вновь заводить свои церкви, школы, консистории, кладбища, госпитали, печатать богослужебные книги, разрешены были браки католиков и диссидентов и т.п.

Это был, несомненно, акт исторически прогрессивный. Вместе с тем этот успех российской дипломатии был коротким. Противники реформ образовали в 1768 г. конфедерацию в г. Баре (Барская конфедерация) и начали военные действия. Польша была свергнута в анархию. 27 марта 1768 г. Сенат решил просить русскую императрицу обратить свои войска, находившиеся в Польше, на подавление мятежников. Очаги восстаний были подавлены в Люблине, Гнезне. Конфедераты устремились на юг, в Подолию, к турецким границам. Однако русские войска взяли Бар, Бердичев и вынудили конфедератов переместиться в Санок. В августе у конфедератов был взят штурмом Краков.

Как и ранее, появление русских войск на территории Западной Украины всколыхнуло народные массы на борьбу с ненавистным панским гнетом. В середине XVIII в. на территории Правобережной и Карпатской Украины усилились го-

нения на диссидентов, что обострило классовую борьбу в национально-освободительное движение. В течение десятилетия времени здесь действовали так называемые опришки. В 1770 г. отдельные движения слились в общее восстание, известное в истории под названием «Колиивщина». Возглавили его руководимые Максимом Зализняком казацкие отряды, прибывшие на Правобережье из Запорожья для борьбы с козацкими федератами. Вскоре к ним присоединились отряды казацкого сотника Ивана Гонты. Восстание разрасталось. Его участники уже объявили себя Брацлавским и Киевским воеводами. Поднятия докатились до Львова. Но, как и прежде, российский царизм, боясь разрастания антифеодальной борьбы и захвата ею территории Левобережья, предпочел задушить восстание. Однако борьба с конфедератами продолжалась. Более точной эта борьба все более затягивала Россию в пучину нового русско-турецкого конфликта.

§ 2. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. и первый раздел Польши

Россия и Турция в XVIII столетии — это постоянно напряженные отношения. Мы уже говорили о тяжелой для России проблеме южных степных границ, о постоянной крымско-турецкой агрессии, наконец, о проблеме выхода России к побережью Черного моря, имевшего громадное значение для экономического развития страны. Однако столкновения России и Турции не исчерпывались лишь названными моментами. Довольно острыми были взаимоотношения этих стран из-за Молдавии.

В середине XVIII в. в Молдавии наблюдается интенсивный процесс закрепощения крестьян (царин). В 1776 г. был запрещен переход крестьян от боярина к боярину. Были узаконены новые повинности в пользу феодалов. Тяжким бременем лежали на резешах (крестьянах-общинниках) турецкие натуральные налоги. Масса косвенных налогов, единовременные поборы — все это тяжело сказывалось на положении народных масс. В 1759 г. вспыхнуло большое восстание в Яссах, во второй половине века разрослось гайдуцкое движение. Население края постоянно стремилось с помощью России освободиться от турецкого ига. Во время

войны России с Турцией оно оказывало русским войскам большую помощь.

Интересы России и Турции сталкивались и на Северном Кавказе. На обширной территории Северного Кавказа не было крупных государственных образований. Многочисленные народности, населявшие этот край, переживали в своем социально-экономическом развитии либо стадию разложения феодального строя и складывания феодальных отношений (балкарцы, чеченцы, ингуши и т.д.), либо активное развитие феодализма (кабардинцы, часть осетин, население Дагестана и др.). Феодальные владельцы (князья, ханы и т.д.) вели междоусобные распри. В XVII—XVIII вв. западные районы Северного Кавказа были зависимы от крымского хана. Они должны были поставлять хану рабов из числа пленников или зависимых крестьян. Территория Дагестана служила объектом агрессии иранских правителей, но овладеть Дагестаном Иран не смог, а часть его владельцев ориентировалась на Россию. К русскому покровительству стремились и осетины. В 40-х и 50-х годах XVIII в. были неоднократные просьбы осетинских старшин о русском подданстве.

В связи с активизацией русской политики на Северном Кавказе, строительством линии крепостей стали более активными и турецкие эмиссары. Особенно бурную деятельность развило мусульманское духовенство, вовлекая в лоно ислама кабардинскую феодальную верхушку и многих черкесских князей. Древние христианские храмы, разбросанные по всему Северному Кавказу, были теперь в развалинах. Идеологическое влияние Турции проникало и в Дагестан. Однако простой народ был еще далек от влияния этой политики. Больше того, «черный народ» Кабарды бежал от гнета своих феодалов за русскую границу, где в районе Кизляра и Моздока устраивались поселения.

Интересы Турции и России сталкивались не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье.

В тяжелейшем положении находилась Грузия, переживавшая в ту пору феодальную раздробленность. Нашествия иноземцевнесли Грузии разорение, непосильный гнет, рабство. Надир-шах, например, лишь при вступлении на престол роздал в рабство своим подданным свыше 8 тыс. грузинских пленников, турецкие и иранские купцы продавали в рабство тысячи жителей Кахетии и Картли.

В 1736 г. в Восточной Грузии вспыхнуло освободительное движение, и к середине XVIII в. она стала, наконец,

фактически независимой. Кахетия и Картлия были объединены под властью одного правителя.

В условиях постоянной угрозы со стороны Ирана и Турции среди грузинских политических и государственных деятелей давно определилась русская ориентация. В 1750 г. Источная Грузия возобновляет свои связи с Россией. В 1754 г. грузинские цари отправляют в Петербург своих послов с просьбой о помощи: «спасение мыслимо лишь в том случае, если русское правительство протянет Грузии руку помощи против врагов, которых еще много».

Еще более тяжелым было положение в Западной Грузии. Здесь, как и в Восточной Грузии, в XVIII в. царил феодальный анархизм. Защищая свои привилегии, грузинские феодалы шли на любые союзы. В итоге в руках турок было все побережье с целой цепью крепостей. На Имерети и Мегрелию лежала тягчайшая турецкая дань.

Центральная власть стала значительно сильнее с приходом на трон Соломона I, который начал вооруженную борьбу с турками и одержал ряд побед (Хресильская битва 1757 г.). Соломон I пошел на союз с Восточной Грузией (1758—1770). И вновь борьба с турками поставила вопрос о помощи России. В 1768 г., в год начала русско-турецкой войны, в Петербург, как и в 1760 г., был снова отправлен посол.

Наконец, еще один узел, где переплетались турецкие и российские интересы, — это Армения. Из всех государств Закавказья эту страну постигла едва ли не самая тяжкая участь. Огромная территория так называемой Западной Армении находилась под властью шахского Ирана. Армения, как и многие государства Закавказья, переживала в XVIII в. пору развития феодальных отношений с очень медленным прогрессом производительных сил. Внутренние раздоры и междоусобия феодалов усугубляли и без того тяжелое положение страны. Произвол и гнет турецких и курдских пашей, насилия и угон в рабство, наконец, уничтожение людских ресурсов Армении — все это давало толчок к массовой эмиграции армян.

Большой эмиграционный поток шел и в Россию. Армянское купечество играло заметную роль в российской внешней торговле и пользовалось многочисленными привилегиями. Армян охотно принимали на военную и государственную службу в России. В самой Армении в среде господствующих сословий были сильны тенденции сближения с Россией. Эч-

армянские католикосы неоднократно обращались к Елизавете и Екатерине II с посланиями и специальными посланцами в Петербург и ставили вопрос о покровительстве России армянскому народу. Таким образом, Турция и Россия имели многочисленные точки столкновения интересов.

Несмотря на то, что в XVIII в. Турция начинала испытывать симптомы упадка, ее агрессивные замыслы, и, в частности, виды на Подолию, были по-прежнему широки и честолюбивы.

* * *

Дипломатический конфликт, приведший к войне 1768—1774 гг. разгорался с неуклонным crescendo. Французские посланники в Константинополе по мере развития борьбы по диссидентскому вопросу все резче и решительнее убеждали турецкие правительственные круги в том, что Россия полностью завладела Польшей и уничтожает ее традиционные вольности. На каждое подобное заявление турецкие правители реагировали очень болезненно.

Сильное обострение отношений произошло летом 1767 г., когда Турция получила сведения о вторжении русских войск в Подолию. В это же время вожди конфедератов, обращаясь к Турции, восклицали, что кроме Бога Польша может получить помощь только от Порты.

В этих условиях разрыв с Турцией был неминуем. 25 сентября 1763 г. великий визирь потребовал от Обрезкова немедленной гарантии отмены всех постановлений февральского сейма в Польше по вопросу о диссидентах. Русский посланник, разумеется, такой гарантии дать не мог, тут же был подвергнут аресту и тем самым России была объявлена война.

Надо сказать, что военные ресурсы России после Семилетней войны были в наилучшем состоянии, чем у кого-либо в Европе. Армия накопила значительный опыт, на вооружении были новые образцы оружия. Боевой опыт вождения войск был накоплен и генералитетом. Возможно, это и имела в виду Екатерина II, когда, узнав о войне, довольно самоуверенно писала графу Салтыкову: «Не первый раз России побеждать врагов».

В начале ноября при императрице был созван совет. Помимо действия двух основных армий в Молдавии и Валахии,

было решено срочно воздвигнуть крепости в Азове и Таганроге, оборудовать гавани и строить флот для Черного моря. В Грузию немедленно был отправлен посол для вовлечения Имерети и Картли-Кахети в военные действия против Турции. По получении согласия на Кавказ был послан для помощи корпус во главе с генералом Тотлебенем и денежная субсидия.

Для подрыва тылов блистательной Порты в Греции и Черногорию были посланы специальные эмиссары, дабы поднять греков и славян на борьбу с турецким игом. Для оказания поддержки из Балтики была послана большая эскадра под командованием адмирала Г.А. Спиридова.

Военные действия открыл крымский хан Крым-Гирей вторгнувшийся в середине января 1769 г. в пределы России. Опустошив русские земли и территорию своих «друзей поляков», хан вернулся в Крым, захватив около тысячи пленных. Второй набег татар был сделан возле Бахмута.

В апреле русские войска устремились к крепости Хотин с целью не допустить соединения турок с конфедератами. На первые два похода были неудачны. Командующий войсками князь А.М. Голицын был снят. Правда, перед отъездом он все-таки взял Хотин 10 сентября 1769 г., а 26 сентября в Яссы. Это было первое сильное поражение турок. Затем русские войска взяли Бухарест. Молдавский и валахский господари попали в плен, но население Молдавии и Валахии приветствовало русские войска и оказывало им поддержку. В частности, отряды валахского вельможи Кантакузина Молдавия вскоре присягнула России.

Тем временем закавказский корпус генерала Тотлебена добрался до грузинских пределов. Второй кубанский подошел к Кабарде. Крымский хан настойчиво требовал от кабардинцев поддержки Турции. Но простой народ Кабарды открыто объявил о поддержке России. «Они, холопы, такое намерение имеют, — писал русский агент в Кабарде Е. Чорин, — что, как бы скоро войска российское... подошло, тотчас предаются к нему, а через то владельцы и уздени их обессилеют и противиться уже не могут». После ряда побед корпуса Медеда Кабарда присягнула на подданство России. В этот период была принята и давняя просьба о подданстве осетин.

В 1770 г. Россия одержала над Турцией еще более крупные победы под Фокшанами и Журжею. Главная армия П.А. Румянцева долго стояла в Подолии, не рискуя вторгнуться в пределы Молдавии, так как Молдавия была сплошь

зажжена и выжжена турками. Это создало серьезные осложнения в снабжении войск провиантом и фуражом. Румянцева пришлось настоятельно просить население не взимать никакие подати взамен снабжения войск за счет местных жителей. В мае 1770 г., имея трехмесячный запас продовольствия, Румянцева перешел в наступление у Хотина. Это был тяжелейший поход в условиях обильных дождей и полного бездорожья. Но самое главное — в войска проникла чума. В июле едва насчитывающее 40 тысяч человек войска Румянцева на устье р. Ларги встретилось с 80-тысячным войска турок и татар.

Искусный полководец блестяще выиграл сражение малыми силами. Спустя едва две недели на берегах р. Кагула у Гройнова вала войска Румянцева, численностью около 20 тысяч человек, имело сражение со 100-тысячным полчищем Холил-бея, обратив его в бегство. Противник потерял убитыми около 20 тысяч человек. Русские войска заняли Измаил, Килию, Аккерман. После долгого и упорного сопротивления турки осенью 1770 г. сдали Браилов и Бендеры.

Лето 1770 г. было отмечено и блестящими победами русского флота в Эгейском море у берегов Турции. Совершив тяжелейший 200-дневный переход из Балтики в Средиземное море, обессилевшая эскадра Спиридова стала на якорь у берегов Морен. На помощь ей была послана вторая эскадра. В мае обе эскадры соединились, и теперь флот гонялся по морю в поисках турок. Наконец, 24 июня у входа в Хиосский пролив русские флотоводцы увидели огромную эскадру турецкого флота. Бой длился четыре часа, и турецкий флот отступил, укрывшись в Чесменской бухте. В ночь на 26 июня 1770 г. русские корабли двинулись в атаку. Начался знаменитый Чесменский бой. Русские моряки — брандеры на шлюпках прицеплялись к громадинам кораблей и поджигали их. Обширное зарево осветило страшную картину горящих обломков судов. К утру турецкого флота не стало. А летом 1770 г. из войны вышли ногайские орды и приняли покровительство России.

Успехи России в войне буквально ошеломили Европу. Победы России активизировали дипломатов Австрии и Пруссии. Одновременно через своих послов обе державы прощупывали позицию России. Это заняло 1770, 1771 и частично 1772 г.

Столь долгие торги были обусловлены сложностью ситуации. И Австрия, и Пруссия решили объединить с русско-турецким миром польский вопрос, т.е. реализовать раздел

Польши. Эта тема давно была на устах многих европейских деятелей. Теперь ситуация существенно изменилась. Выторговывая мир, выгодный Турции, Пруссия тем самым рассчитывала вырвать у России так долго ожидаемое согласие на раздел Польши. Причем в виде компенсации за невыгодный для России мир с Турцией Фридрих II щедро предлагал Екатерине II любой кусок Польши при ее разделе.

У Австрии позиция была несколько иной. Для нее важным был польский вопрос, но еще важнее было не допустить усиления позиций России за счет Турции.

Таковы были, так сказать, исходные позиции в долгой дипломатической борьбе за раздел Польши.

Международную обстановку дополняли и другие штрихи. Борьба с конфедератами в Польше приобрела затяжной характер. Конфедераты предложили договор Турции, уступая ей Киевскую область взамен поддержки в войне с Россией, но неудачи Турции толкнули конфедератов в объятия Франции, и та послала в Польшу своего генерала. Усилением России была явно недовольна и Англия. Все это приводило к тому, что несмотря на поражения турецкий султан упорно отвергал переговоры.

В 1771 г. Россия, сосредоточив боевые действия в Крыму, пошла на штурм Перекопа, который защищало около 60 тыс. татар и турок во главе с самим ханом Селим-Гиреем. 14 июня Перекоп был взят. Вновь начались переговоры об условиях мира. Чтобы ускорить их ход, русские взяли Кафу, Керчь и Еникале. Это подействовало на крымцев. 27 июля Долгорукому было объявлено об утверждении вечной дружбы с Россией и вручен присяжный лист со 110 подписями татарских вельмож. Ханом стал Сагиб-Гирей.

Россия сформулировала свои условия Турции: 1) независимость Крыма, 2) свобода плавания русских судов по Черному морю, 3) независимость Валахии и Молдавии, 4) передача России одного из островов в Эгейском море, так как население многих островов принимало подданство России.

Такие условия не устраивали Австрию, и она выдвинула другие, по которым России отходил Азов с округом, Большая и Малая Кабарда, объявлялась свобода плавания по Черному морю и Россия получала денежную компенсацию за потери в войне. За реализацию этого Австрия должна была по проекту конвенции Тугута получить от Турции 34 млн. гульденов и Малую Валахию. Король Пруссии, в отличие от Австрии, соглашался на независимость Крыма, а за возврат Турции

Валахии и Молдавии сулил России большую долю польской территории.

Тем временем 1771 год с его чумой, поразившей войска докатившейся до Москвы, неудачи на Кавказе, туманные перспективы в войне с конфедератами, военные демонстрации Австрии на границах, — все это повлияло на позиции России, и она была вынуждена объявить, что Дунайские княжества можно будет вернуть Турции при условии принятия других пунктов. Итак, Россия уступала, несмотря на то, что население Молдавии и Валахии выражало определенное стремление остаться в русском подданстве.

Итак, фактический раздел Польши уже начался. В 1770 г. Австрия захватила польские области Ципсе, Новиторга, Чорыстани, Велички и Бохни. Фридрих II одобрил этот захват, и австро-прусское сближение усилилось. В этих условиях екатерининское правительство, наконец, решилось на раздел Польши.

В итоге длительных переговоров три державы, наконец, пришли к согласию: Австрия захватила Галицию; Пруссия — Поморье и часть Великой Польши. Россия не претендовала на земли с коренным польским населением и получила Восточную Белоруссию с границами по Западной Двине, Друти и Днепру. Важным моментом раздела было обязательство Австрии содействовать России в заключении мира с Турцией.

Тем временем военные победы 1771 г. сделали турок более уступчивыми, и после объявления со стороны России об отказе от требований независимости Валахии и Молдавии Турция заключила в мае 1772 г. перемирие и согласилась на открытие переговоров в Фокшанах.

Конгресс в Фокшанах открылся 27 июля 1772 г. Однако переговоры быстро зашли в тупик. Фокшанский конгресс был распущен. Но менее чем через 2 недели Турция предложила новые переговоры в Бухаресте и продление перемирия. Новый конгресс в Бухаресте открылся 29 октября, а перемирие было продлено до 9 марта. Теперь почти все пункты будущего договора были обговорены, но Турция не соглашалась на передачу России Керчи и Еникале. В марте 1773 г. переговоры прервались.

Еще в феврале 1773 г. главнокомандующий дунайской армией фельдмаршал П. А. Румянцев получил наказ: походом за Дунай вынудить мир силой оружия. России срочно нужен был мир, ибо резко ухудшилась обстановка на Балтике. В

Швеции прекратилось равновесие придворных партий («шляп» и «колпаков»), произошел переворот, который привел к усилению королевской власти Густава III. В связи с этим усилилась и опасность шведского нападения на Россию. Однако военная кампания лета 1773 г. для России была неудачна, как и кампания в октябре 1773 г.

Тем временем правительственные круги России уже примирились с мыслью об отдаче Еникале и Керчи и готовы были настаивать лишь на Кинбурне. Все это решено было променять лишь на самый крайний случай.

В июне 1774 г. русские войска вновь совершили рейд на Дунай. Турки потерпели сразу несколько поражений и особенно сильное под г. Козлуджи, где А.В. Суворов разбил на 40-тысячное войско. Турецкие соединения стали отступать и вскоре запросили мира. Основательно поманежив их, П.А. Румянцев, наконец, вступил в переговоры. 10 июля 1774 г. в деревеньке Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор. Его условия были следующими: Крымское ханство объявлялось независимым. Крепости Керчь, Еникале и Кинбурн со степью между Бугом и Днепром переходят к России. Черное и Мраморное моря объявлены свободными для торговли судов подданных России. Во владение России переходили Кабарда. Грузия освобождается от тяжелейшей дани юношами и девушками, отправляемыми в Турцию. Права народов, подвластных Турции (молдован, румын, греков, славян, грузин и т.д.), несколько расширились. Наконец, Турция уплачивает России 4,5 млн. руб. за военные издержки.

Так окончилась еще одна тяжелая война. Так окончился один из этапов сложнейшей дипломатической борьбы в Европе. Это был крупный успех внешней политики России, существенным образом выполнившей основные задачи, поставленные правительством Екатерины II.

§ 3. Война на два фронта

Русско-турецкая война 1787—1791 гг. Могущество России и рост ее влияния на международное положение в Европе в этот период были продемонстрированы отказом России на просьбу Англии в 1775 г. послать русских солдат (20-тысячный корпус) для помощи в войне с Североамериканскими штатами. Возможно, в этом проявилось охлаждение России к Англии и недовольство монополией англичан

русской торговле России. Так или иначе, но Россия в 1775 г. выступила со знаменитой «Декларацией вооруженного нейтралитета», направленной против деспотических действий Англии на море. К декларации сразу же присоединились Дания, Швеция, Голландия, Пруссия и Австрия. Вооруженный нейтралитет признали Франция, Испания и США.

Еще ранее Екатерина II умела проявить свою силу и влияние в Европе. Речь идет о войне Пруссии и Австрии из-за Польши, вспыхнувшей в 1778 г. Война была прекращена громким окриком России. В итоге Тешенского мира влияние Австрии, и Пруссии было заметно ослаблено. Но Фридрих II был вынужден искать по-прежнему союза с Россией.

Ввиду столь стремительно возросшего авторитета в Европе русское правительство не было особенно обеспокоено непрочностью Кючук-Кайнарджийского мира и решительно реагировало на все акции Турции, убеждающие в том, что независимости Крыма от Турции практически нет.

Поэтому русское правительство берет курс на присоединение Крыма к России, однако делается это весьма осторожно. В 1778 г. около 30 тыс. армян и греков были переселены в Крым в южные губернии России. Тем самым Петербург серьезно подорвал экономический потенциал ханства и сделал его более зависимым от России.

В 1779 г. принятием Айналы-Кавакской конвенции турки признали Шагин-Гирея ханом, а территория между Южным Бугом и Днестром с согласия России закрепилась за Турцией. Был подтвержден и мир 1774 г. Но борьба не прекратилась. Вскоре Турция снова неоднократно нарушает мир и предпринимает захват кубанских владений крымского хана, подняв ногаев. В 1782 г. турки устроили мятеж против Шагин-Гирея, который бежал под защиту русских войск в Еникале. Вопрос о Крыме был тем самым предрешен. В 1780 г. состоялась встреча Екатерины II и Иосифа II. Итогом ее было соглашение о взаимной помощи на случай нападения Турции. Соглашение гарантировало вместе с тем целостность Польши и предусматривало противодействие прусским претензиям к Польше.

Итак, зная позицию Австрии, в 1783 г. Екатерина II публикует манифест об отречении Шагин-Гирея и присоединении Крыма к России. Через два месяца население Крыма официально присягнуло Екатерине II. Остались мятежными лишь ногайские мурзы на Кубани, но их вскоре разгромили.

В январе 1784 г. Турция косвенно признала присоединение Крыма и Прикубанья к России.

Так была окончена многовековая борьба с татаро-турецкой агрессией на юге России. Выход России к Черному морю имел громадное значение для экономического развития обширных земель не только степной зоны, но и старого черноземного центра России. С выходом к морю стремительными темпами растет колонизация и освоение огромных безлюдных пространств с плодороднейшими почвами, строятся порты, развивается торговый флот.

Одновременно с событиями в Причерноморье существенные сдвиги в соотношении сил России и Турции произошли в Закавказье. В крепости Георгиевск 27 июля 1783 г. был подписан так называемый Георгиевский трактат. Отныне царь Кахети и Картли признавал верховную власть лишь русского государя. Заключение Георгиевского трактата было важным политическим событием как для России, так и для всего Закавказья, так как облегчало многовековую борьбу народов Кавказа против ига Ирана и Турции.

Опасаясь войны с Турцией, русское правительство было вынуждено отказаться от заключения аналогичного соглашения с Западной Грузией, но война назревала стремительными темпами.

Турецкие государственные деятели готовы были любыми средствами воспрепятствовать усилению России на Черном море и теперь готовы были в любой момент открыть военные действия. Дело было лишь за минимальными военными приготовлениями. Но эти приготовления Турции помешали выполнить Англия и Пруссия.

Мы уже говорили об охлаждении англо-русских отношений. Что касается Пруссии, то она рассчитывала ослабить Россию войной с Турцией и захватить новые земли в Польше.

Таким образом, ситуация в Европе снова довольно сильно изменилась. Англия и Пруссия всячески подстрекали Турцию к открытию военных действий. Не удержалась от искушения ослабить Россию и Франция. Все это создавало крайне неблагоприятную обстановку для России, очутившейся лицом к лицу с отрицательными последствиями своего могущества, приобретенного в последней войне. Не была надежна и новая союзница Австрия.

Итак, неблагоприятная внешнеполитическая обстановка да еще сильнейший неурожай 1787 г. заставляли Россию оттягивать конфликт, но Турция перешла в наступление.

Летом 1787 г. рейс-эфенди потребовал от России признания верховной власти Турции над Грузией и допуска в Крым турецких консулов. К этим требованиям присоединились наущения турками соглашения, достигнутого в 1784 г. и пожившего конец их произволу в смещении молдавских и валахских господарей. 15 августа 1787 г. Турция предложила русскому посланнику в Константинополе Булгакову немедленно вернуть Крым, чего посланник сделать не мог. Как обычно в таких случаях, посланник был арестован и это было объявлением войны.

Военные действия развернулись очень быстро. Уже 21 августа 1787 г. турецкий флот напал на русские сторожевики у мыса Кинбурна. Сюда же в сентябре был направлен турецкий десант. В начале октября — второй десант, более крупный (5 тыс. человек). Но так же, как и первый, он был полностью истреблен, несмотря на то, что гарнизон Кинбурна под командой А.В. Суворова насчитывал едва 3 тыс. человек. Разгром турок сорвал их попытки овладеть с моря Крымом и уничтожить главную гавань — Севастополь.

Швеция объявляет России войну. С началом военных действий обстановка в Европе стала еще более неблагоприятной для России. Правда, союзница России Австрия с января 1788 г. вступила в войну с Турцией, но ее участие было скорее символическим. Стремясь сорвать поход русской балтийской эскадры в Средиземное море, Англия весной 1788 г. запретила России нанимать английские транспортные суда, делать закупки продовольствия и наем моряков. Летом 1788 г. был создан Тройственный союз, направленный против России. В нем участвовали Англия, Пруссия и Голландия. Наконец, Пруссия, Англия и Турция добились, и это кардинально ухудшило обстановку, военного нападения на Россию Швеции.

Как уже упоминалось, недавний переворот в Швеции и усиление власти короля Густава III в корне изменили положение. Вновь была создана благоприятная почва для реваншистских замыслов. В июне 1788 г. шведские войска осадили крепости Нейшлот и Фридрихсгам. Вступил в действие и шведский флот, вошедший в Финский залив. Густав III, с подачи Пруссии и Англии, предъявил России на редкость агрессивные требования: вернуть все земли, завоеванные Россией со времен Петра I, вернуть Турции Крым и т.д. Не реальность претензий Швеции была бы очевидной, если бы за ее спиной не стояли Англия и Пруссия.

Военные действия в 1788 г. ограничились лишь действиями на море. Сражение со шведским флотом у о. Гогланд в июле 1788 г. выиграли русские. В августе Дания османила Гетеборг, но вынуждена была прекратить войну.

Переключим теперь свое внимание на главный театр военных действий, на юг России. В 1788 г. боевые действия русской армии сосредоточились на штурме важнейшей турецкой крепости Очаков. Здесь действовала 132-тысячная армия Г.А. Потемкина и Черноморский флот, так как в гавани Очакова стояли основные силы турецкого флота (около 100 боевых единиц). Боевые действия начались на море. В сражении у о. Змеиногубого эскадра знаменитого Ф.Ф. Ушакова. В Днепровско-Бугском лимане была уничтожена турецкая гребная флотилия. Турки понесли огромные потери в людских силах (около 6 тыс. убитых и раненых и около 2 тыс. пленных).

В декабре 1788 г. русские войска предприняли решительный и успешный штурм Очакова. Несколько ранее 50-тысячная армия П.А. Румянцева взяла Хотин. Летом 1789 г., когда турецкие войска численностью в 30 тыс. человек, форсировав Дунай, взяли направление на Фокшаны, австрийцы отступили и призвали русских на помощь. Союзников выручил 10-тысячный корпус А.В. Суворова, который с ходу атаковал турок при Фокшанах. После 9-ти часов упорного сопротивления турки не выдержали штыковой атаки и бежали. К сожалению, успех этой победы из-за позиции Г.А. Потемкина не был развит наступлением русских войск.

Еще более значительная победа была одержана блистательным стратегом А.В. Суворовым над 100-тысячной армией Османской империи. Осенью 1789 г., соединив свои силы (7 тыс. человек) с австрийскими (18 тыс. человек), А.В. Суворов, используя разведку, внезапно напал на турок, стоявших тремя группами между реками Рымна и Рымник, потеряв при этом 45 человек убитыми и 133 — ранеными. У турок было убитыми около 17 тыс. человек. Секрет этого феноменального успеха был в высокой выучке войск и боевых качествах русского солдата.

Столь громадное поражение решило успех кампании 1789 г. Россия продвинула свои войска до низовьев Дуная. Были взяты крепости Гаджибей, Аккерман, Бендеры. Русские войска заняли прочные позиции между реками Днестр и Серет. Под влиянием поражений Турция вступила было в переговоры о мире, но под нажимом Англии и Пруссии от-

казалась от них. Война для России продолжалась и с Турцией, и со Швецией.

Тем временем Англия и Пруссия продолжали энергичные действия против России. Пруссия немало потрудились, чтобы в Польше резко увеличились антирусские силы, и Россия в 1789 г. была вынуждена вывести оттуда свои войска. В 1790 г. Пруссии даже удалось заключить союзный договор с Польшей (такова была ирония судьбы!). Двойной нажим Англии и Пруссии и прямые угрозы объявления войны заставили в 1790 г. Австрию выйти из войны.

Это осложнило положение России, тем не менее кампания 1790 г. была для нее успешной. Прежде всего это был ряд важных побед Черноморского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова, захват ряда крепостей и знаменитый штурм Измаильской крепости с ее 8-метровым валом и рвом, шириною в 12 м. Турки оказывали отчаянное сопротивление, отдавая с боем каждый дом и каждый камень. В итоге 6-часовой схватки крепость была взята страшным для турок «оружием российских штыков». Потери турок были огромны — 26 тыс. убитых и 9 тыс. пленных. Потери войск А.В. Суворова — 5 тыс. убитых. Этот штурм вошел в историю русского военного искусства как беспримечный героический подвиг русских воинов во главе с одним из величайших полководцев России.

Успешны были и действия России в войне со Швецией. В 1789 г. русские войска предприняли наступление в Финляндии. Флот России выиграл сражение в Роченсальме. Весной 1790 г. русские моряки выиграли еще два морских сражения со шведами (у Красной Горки), но одно сражение проиграли.

Штурм Измаила, а главное, успехи русских в Швеции действовали отрезвляюще на правительство Швеции. В марте 1790 г. начались мирные переговоры, завершившиеся в августе заключением мира на условиях *status quo ante bellum*. Это было несомненным поражением английских и прусских дипломатов.

§ 4. Окончание русско-турецкой войны 1787—1791 гг.

Однако Англия была далека от признания этого поражения. Наоборот, она вновь напрягла все силы для достижения своей цели. У. Питт сосредоточился теперь на создании в Ев-

ропе антирусской коалиции, куда должны были войти Пруссия, Турция, Дания, Швеция и даже Польша. Разрыва с Россией не бивались и от Австрии. Для русской дипломатии это было тяжелейшим испытанием. Понадобились неистощимая гибкость и ловкость и осторожность, чтобы нейтрализовать нажим Англии и Пруссии. А речь шла уже о предъявлении России ультиматума в 10-дневный срок с требованием отказа от завоеванного Очакова и принятия английского посредничества в переговорах с Портой. Сама Англия уже готовила войну с Россией. Екатерининское правительство срочно перебазировало войска на западный берег Балтийского моря (до 32 линейных кораблей).

Но война не состоялась, во-первых, потому что общеевропейской коалиции не получилось: лишь Турция была готова воевать. Во-вторых, У. Питт недооценил быстро растущую оппозицию его политике внутри страны.

Огромный военный авторитет русской армии, слава о ее непобедимости, заинтересованность определенных кругов английской буржуазии в торговле с Россией — все это сделало идею войны Англии с Россией крайне непопулярной. Провал планов У. Питта сразу же привел к развалу Тройственного союза. Обстановка для России стала более благоприятной. Правда, оставалась еще Турция, но кампания 1791 г. и новые победы русской армии и русского флота заставили Порту заговорить о мире.

В июле 1791 г. главнокомандующий русской армией князь Н.В. Репнин подписал в Галаце предварительные условия мира. Вслед за этим в Яссах начался конгресс. Турция по Ясскому договору от 23 декабря 1791 г. уступала России все земли Причерноморья до р. Днестр, отдавала Очаков. Турция обязывалась также не допускать нападений ахалцихского паши на царя Картли и возместить ущерб за набеги на Северном Кавказе. Но вместе с тем Молдавия, Бессарабия и Валахия оставались по-прежнему в руках Порты, а вопрос о протекторате Грузии не был решен.

Так окончилась вторая тяжелейшая для России война с Турцией.

§ 5. Россия и французская революция 1789 г. Второй и третий разделы Польши

Одновременно с событиями русско-турецкой войны Европу потрясла грандиозная эпопея французской буржуазной

революции. В России, как и в других странах Европы, события во Франции приковали внимание и вызвали восхищение русских представителей русской демократической общественной мысли. В то же время российское дворянство отнеслось к ним очень настороженно, а потом проявило открытую враждебность. В петербургских придворных кругах вначале просто не поняли серьезности происходящих во Франции событий, а поняв, затаили злобу. Придворное общество немедленно выбросило из своего обихода все «просветительские игрушки» в виде сочинений французских энциклопедистов, скульптурных портретов Вольтера и проч. Императрица, понимая грозу революции, прониклась глубокой ненавистью к любимым течениям революционной Франции, и радикальным, и умеренным. Всем подданным России было приказано немедленно покинуть Францию. Внутри страны царил реакция. Екатерина беспощадно расправилась с А.Н. Радищевым, П.И. Новиковым, Иоганном Мельманом и др. Более того, царизм впервые взял на себя активную роль в организации интервенции монархических государств против революционной Франции.

Французская контрреволюция возлагала на русскую императрицу большие надежды и держала ее в курсе всех своих политических комбинаций. Екатерину II даже просили «впредь руководить всеми их демаршами». Русская царица способствовала ликвидации раздоров между королевской «партией» и «партией принцев». Она оказывала щедрую финансовую поддержку контрреволюции, выделив лишь на наем войска неслыханно большую сумму в 2 млн. рублей. Она провела общий демарш европейских держав с требованием свободы Людовику XVI.

С окончанием войны со Швецией Екатерина II сумела договориться со шведским королем Густавом III о походе его войск против Франции, оказав ему помощь денежной субсидией. К России и Швеции примкнула Австрия, а потом целый ряд европейских держав (Пруссия, Испания, Сардиния, Неаполь). Англия гарантировала свой нейтралитет. Густав III, Леопольд II и Екатерина II разработали план интервенции.

Но так случилось, что Леопольд II в разгар подготовки неожиданно умер (по слухам, его отравили), а буквально спустя две недели в середине марта 1792 г. в результате заговора погиб другой вдохновитель интервенции Густав III. Это сильно задержало выступление интервентов. К тому же

революционная Франция сама объявила войну Австрии и Пруссии.

Тем временем в 80-х годах отношения России и Польши весьма осложнились. В Польше быстро падало русское влияние. Прусские дипломаты неустанно трудились над дальнейшим ухудшением польско-русских отношений. Польский сейм в конце 80-х годов упразднил так называемый Постоянный совет, резко увеличил военные силы. Россия вынуждена была вывести из Польши войска и продовольственные склады. Польша запретила проход войск России через свою территорию к границам Турции. Сейм единолично ликвидировал русские гарантии польского государственного строя и заключил союз с Пруссией, направленный против России. В 1791 г. новая конституция в Польше отменила пресловутое *liberum veto* и тем самым серьезно укрепила государственный строй страны. Все это внушало тревогу Екатерине II. Великодержавная стратегия царизма не могла примириться с произошедшим. В итоге царизм вновь решился на новый раздел несчастной Польши.

С окончанием русско-турецкой войны царское правительство вновь готово было ввести свои войска в Польшу, о чем шли переговоры с Австрией, но смерть Леопольда II временно вывела Австрию из игры. Последовало быстрое русско-прусское сближение. Участие Пруссии в интервенции против Франции было обусловлено разделом Польши. Летом 1792 г. между Пруссией и Россией был подписан союзный договор, а в январе 1793 г. последовал договор о втором разделе Польши. Пруссия получила коренные польские земли — Гданьск, Торунь и часть Великой Польши, Россия — Белоруссию и Правобережную Украину.

Тем временем события, связанные с интервенцией против Франции, развивались следующим образом. Прусско-австрийские войска вторглись на территорию Франции 17 августа 1792 г., но 20 сентября австро-пруссские войска потерпели от революционных сил грандиозное поражение под Вальми. Коалиция против Франции развалилась. Но борьба не окончилась.

Известие о казни Людовика XVI в январе 1793 г. потрясло русское придворное общество. Екатерина II «слегла в постель и больна и печальна», двор оделся в траур. С Францией были порваны дипломатические и торговые отношения. Все французы, признавшие республику, должны были в трехнедельный срок покинуть Россию. При ввозе книг в Россию

была установлена строжайшая цензура в Петербурге, Москве, Риге, Одессе и Радзивиловской таможне. Были запрещены и многие русские издания.

Успехи революционной Франции встревожили Англию, которая выставила перед французским Конвентом ряд невыполнимых требований. 1 февраля Франция объявила войну Англии, а 25 марта заключено было англо-русское соглашение по координации действий против Франции. Для французских судов были закрыты все порты этих держав, приняты меры и для воспреещения торговли Франции с нейтральными державами. В Россию для переговоров об организации новой интервенции прибыл граф д'Артуа, младший брат Людовика XVI. В Лондон отправились русские военные корабли для усиления морской блокады Франции.

После нового поражения войск интервентов в июне 1794 г. державы Тройственного союза, заключенного между Англией, Россией и Австрией в конце 1795 г., предприняли организацию нового похода против Франции. В нем уже должен был принять участие 60-тысячный экспедиционный корпус русских войск, и только внезапная смерть русской императрицы помешала реализации этого плана.

События борьбы монархических держав Европы с французской революцией тесно переплетались, как мы уже видели, с польским вопросом. В Польше второй раздел усилил национально-освободительное движение. Весной 1794 г. вспыхнуло мощное крестьянское восстание, во главе которого встал Тадеуш Костюшко. Движение приняло широкий размах и носило вместе с тем ярко выраженный антифеодалный характер. Однако своекорыстная позиция польской шляхты, не желавшей каких-либо уступок, ослабила общее движение и предопределила его поражение.

Вслед за подавлением восстания в 1795 г. Россия, Австрия и Пруссия предприняли третий и последний раздел Польши. Отныне Польша как государство прекратила свое существование. По третьему разделу к России отошли Западная Белоруссия, Литва, Курляндия и часть Волыни. Австрия и Пруссия захватили собственно польские земли, включая Варшаву и Краков. Русский царизм хотя и не захватил коренные польские территории, однако нес полную ответственность за историческую трагедию польского государства. Вместе с тем объединение белорусских и украинских земель яв-

лялось несомненным прогрессивным актом для развития этих народов.

§ 6. Контрреформы Павла

Мать была еще в агонии, но у сына не хватало терпения и выдержки дождаться ее конца — он приступил к стремительным действиям. Начал Павел с того, что опечатал все бумаги Екатерины II и бумаги последнего екатерининского фаворита Платона Зубова. Видимо, Павел боялся, что слухи о желанин Екатерины II назначить наследником не его, а Александра Павловича, могут найти подтверждение в бумагах царицы. По приказу Павла священнослужители произвели традиционный обряд над умирающей императрицей. Смерть наступила 6 ноября. Присутствующие во дворце тут же были приведены к присяге новому императору Павлу I. Вскоре присягнули войска и население.

Первое же распоряжение Павла было на редкость странным. Он приказал хоронить Екатерину II вместе с ... Петром III в Александро-Невской лавре вскрыли могилу Петра III. Павел I совершил над останками отца нечто вроде обряда, надев на него корону. Затем состоялись торжественные похороны Екатерины II и Петра III в Петропавловском соборе. В этом было что-то мистическое.

Так или иначе, но в политике Павла I действительно было немало такого, что шло вразрез с законодательством Екатерины II. Вместе с тем в распоряжениях Павла I отразилась в известной мере и специфика его личности.

Новый император, которому было уже 42 года, обладал тяжелым и странным характером. В далеком детстве это был живой, веселый и очень впечатлительный мальчик, окруженный многочисленной придворной прислугой, но лишенный материнского внимания и ласки. Воспитание и образование юноши, впрочем, не очень способного, велось довольно сумбурно. Вместе с тем Н.И. Панин сумел заронить в душу своего воспитанника сомнения в правильности политической линии его царственной матери. Это еще более взаимно отдалило сына и мать.

С годами запальчивость, прямодушность, резкость Павла превращались в грубость, нетерпимость, подозрительность и мелочность. Павел мучительно жаждал деятельности, но Екатерина II тщательно отстраняла его от малейшей возмож-

ности коснуться государственных проблем. Единственной радостью царевича была миниатюрная армия в три батальона и три эскадрона в Гатчине. Вынужденная бездеятельность, пренебрежение фаворитов еще больше озлобляли Павла. Дважды женатый, Павел и с первой, и со второй супругой (Софией-Доротеей) был, видимо, счастлив, но царственная мать и здесь мешала; она отнимала у него рождавшихся сыновей и сама занималась вопросами их воспитания.

Вразрез со взглядами Екатерины II складывалась и внешнеполитическая ориентация Павла I. Н.И. Панин содействовал развитию симпатий наследника к Пруссии, что было закреплено личным знакомством с Фридрихом II и родственными связями жены Павла, вюртембергской принцессы. Неодобрительно относился Павел к политике Екатерины в польском вопросе и т.п. Всей душой он ненавидел екатерининских фаворитов, в частности Г.Г. Орлова и Г.А. Потемкина. Могилу Г.А. Потемкина он приказал сравнять с землей.

Все это послужило достаточным основанием для тех «контрреформ», которые Павел I успел наметить в свое столь короткое царствование. Но сразу же оговоримся, что в целом политика Павла I была, несмотря ни на что, прямым продолжением линии екатерининского правительства. «Контрреформы» касаются большей частью второстепенных моментов.

Это видно, в частности, из следующего. Если Екатерина II раздала своим фаворитам около 800 тыс. крестьян, то Павел I всего за 5 лет успел раздать 600 тыс. крестьян. В 1796 г. закрепляются за частными владельцами крестьяне Области Войска Донского и Новороссии. В 1798 г. вновь выходит указ, позволяющий заводчикам из купцов покупать крестьян с землей и без земли к фабрикам и заводам. Развернувшаяся в 1796—1797 гг. огромная волна крестьянских движений, охватившая 12 губерний центра России, была задавлена кровавыми карательными походами князя Н.В. Репнина. Правда, под угрозой этих волнений Павел I сделал ряд отступлений. В 1796 г. крестьянам вновь разрешили присягать новому императору. В 1797 г. был издан указ о непродаже дворовых и крепостных крестьян без земли «с молотка», хотя все дело свелось в итоге лишь к изменению формы публикации о продаже в газете. Наконец, в 1798 г. запрещена была продажа без земли малороссийских крестьян.

Павел I пытался ввести регламентацию эксплуатации помещичьих крестьян, но указ был составлен так, что предписание не превышать барщину свыше 3-х дней в неделю помещики восприняли лишь как пожелание.

Типичной контрреформой был пересмотр Павлом I екатерининской системы губерний. Вместо 50-ти он решил оставить лишь 41 губернию. Были отменены все преобразования Екатерины II в Прибалтике, Выборгской губернии и на Украине.

Наиболее неприемлемыми для дворянства были преобразования Павла I в армии. Ярый поклонник прусской военной доктрины Фридриха II, он уже через три недели после своего воцарения издал новые пехотный и конный уставы. Буквально на другой день после смерти Екатерины II дворец наполнился одетыми в прусскую форму гатчинцами. Главным занятием гвардии стали бесконечные парады и развод караулов. Мелочный император придирался к ничтожнейшим пустякам, так как знал шагистику прусского образца до тонкости.

Все это вызывало в гвардии ропот недовольства. Павел I словно забыл о том, что придворная гвардия — цвет дворянства России — была основным рычагом в механизме дворцовых переворотов. Правда, за долгие десятилетия правления Екатерины II этот механизм мог слегка и «заржаветь», но ведь детали его все были в сохранности. У кормила правления продолжали оставаться лишь ставленники господствующего класса — дворянства. Следовательно, объективные предпосылки дворцовых переворотов продолжали сохраняться. Дело было лишь за субъективными предпосылками.

Главное же заключалось в том, что военные преобразования Павла I были типично реакционной затеей, так как предавали забвению передовые принципы стратегии и тактики русского военного искусства.

Павел I стремился к еще большему укреплению и возвышению принципа самодержавия, к единоличной власти и управлению. Сенат при нем уже потерял всякое значение. Именно Павел I был автором проекта замены коллегиального управления системой министерств, так как уловил ход развития будущей системы государственного управления, угадал его основную тенденцию. Павел I провел общую и необходимую ревизию служилого офицерства армии. Однако он приказал абсолютно всем немедленно явиться на службу. В итоге смотров все малолетние офицеры были со службы ис-

ключены, все формально числившиеся на службе также отставлены от нее. Прекращена была практика бесконечных отпусков. В войсковых частях был введен строгий режим. Однако в широких кругах дворянства эти меры вызвали раздражение.

Еще больше дворянство было раздражено отменой некоторых пунктов Жалованной грамоты. В частности, Павел I отменил свободу от телесных наказаний дворянам, совершившим уголовное преступление. Он отменил выборные должности в нижнем земском суде. Он запретил губернское дворянское собрание, реорганизовал дворянскую опеку и сиротский суд и т.д. Все это вызывало ропот и возмущение дворянства. Павла I потихоньку стали обвинять в деспотизме, в ущемлении политических прав дворянства. Конечно, все это ни в малейшей степени не делало из Павла I противника дворянства. Но ряд просчетов, сделанных там, где он стремился навести порядок и усилить власть самодержавия, вызвал безмерное недовольство дворянства.

Обстановку дополняли бьющие в глаза разного рода мелочи. Павел I стремился всё и вся подчинить своим вкусам и привычкам. В армии носили неудобную прусскую форму с косами и буклями. В стране в изобилии появились черно-белые полосатые караульные будки, шлагбаумы, мосты. По его указам в Петербурге были запрещены к ношению круглые шляпы, фраки и сапоги, а разрешены лишь камзолы и т.п. Именно по его указам Петербург начинал службу в 6 часов утра, а должен был засыпать в 10 часов вечера. Именно по его указам запрещено было употреблять такие слова, как «гражданин», «отечество», «общество» и др.

Борясь с влиянием революции, Павел I ввел жесточайшую цензуру и запретил все частные типографии. Особый надзор был установлен за литературой, поступающей из-за рубежа. На этом фоне довольно нелепо и нелогично выглядит освобождение из крепости Н.И. Новикова, возвращение А.Н. Радищева из Сибири и т.п.

Придворная обстановка вокруг Павла I становилась все более неблагоприятной. Павловские фавориты (брадобрей Кутайсов, А.А. Аракчеев и др.) своим усердием и рабской преданностью усугубляли недовольство дворянства. Различного рода проекты стали появляться даже в кругу приближенных Павла I. В частности, канцлер граф А.А. Безбородко составил «Записку о потребностях империи Российской», где предлагалось ограничить самодержавие. Придворное дворян-

ство позволяло себе и открытые высказывания против царского произвола.

Постепенно в гвардейских кругах созрел заговор, инициаторами которого были две весьма приближенных к Павлу I фигуры крупных государственных деятелей — граф П.А. Пален и граф Н.И. Панин. Об их замыслах, видимо, знал и Александр Павлович.

Вечером 11 марта 1801 г. заговорщики собрались на ужин у генерала Талызина, который жил недалеко от Летнего сада. Вино лилось рекой. После ужина заговорщики (около 60 человек) тронулись в путь, пробираясь Летним садом к замку. Они обезоружили несопротивляющуюся охрану замка. Сопротивление оказали лишь два гусара у входа в спальню императора. Группа в 12 человек ввалилась в спальню. Среди них были последний фаворит Екатерины, бездарнейший администратор Платон Зубов и его брат Николай, а также Бенигсен, Яшвиль и др. Постель оказалась пуста, но после короткой паники заговорщики обнаружили императора за ширмой, скорчившегося в одной ночной рубашке. Шум подходившей второй группы заговорщиков во главе с Паленом ускорил события, так как присутствовавшие в спальне приняли этот шум за тревогу. Началась свалка. Свидетельства очевидцев этой трагедии весьма разнообразны, но большинство из них выделяют два основных орудия убийства Павла — офицерский шарф и массивную табакерку Николая Зубова, огромного расщепившего детины, набросившегося на Павла. Таков был последний в истории России дворцовый переворот.

Глава 16

Культура России в XVIII веке

§ 1. Просвещение

Как и в предыдущие столетия, основным субъектом, основным активным созидательным элементом в области культуры были представители господствующего класса дворян.

задавленное эксплуатацией, забитое и темное крестьянство не имело ни средств, ни сил, ни времени, ни условий для получения образования, для деятельности в области науки, литературы, искусства. Поэтому вполне понятно, что здесь речь пойдет о достижениях, главным образом, в области дворянской культуры.

Вместе с тем нужды и последствия социально-экономического развития страны ставили перед наукой, просвещением, общественно-политической мыслью и т.п. задачи, выходящие за пределы потребностей дворянства. Это приобщило в XVIII столетии к активной деятельности в некоторых областях культуры выходцев из городского мещанства, купечества, белого духовенства, государственных и экономических крестьян.

Со времен Петра I просвещение в России обрело все более четкий светский характер, все более определенную практическую направленность.

Вместе с тем традиционная форма «обучения грамоте» все еще была наиболее массовой и повсеместной. Речь идет об обучении чтению часослова и псалтыри дьячками и другими служителями культа.

Увеличилось число солдатских гарнизонных школ — прямых продолжателей традиций петровских «цифирных школ». В 1721 г. их насчитывалось около 50, а в 1765 г. школы были при 108 гарнизонных батальонах, где училось до 9 тыс. солдатских детей. Здесь обучали не только чтению, письму и арифметике, но давали начальные сведения в области геометрии, фортификации и артиллерии. Менее способные ученики обучались различным ремеслам. Существовали национальные военные школы на Кавказе.

Основное же внимание уделялось образованию дворянских детей в закрытых учебных заведениях. В 1731 г. был создан Шляхетский кадетский корпус, а в 1752 г. Морской шляхетский корпус. В 1758 г. артиллерийская и инженерная школы в Петербурге объединились и составили третье закрытое дворянское учебное заведение. Помимо этого дворянских детей обучали в частных пансионах, а также в домашних условиях. В XVIII в. входит в моду приглашение учителей-иностранцев, особенно французов. Во второй половине века это увлечение достигло своих крайних, извращенных форм.

Важнейшим событием середины XVIII в. была организация первого в стране высшего гражданского учебного заве-

дения — Московского университета. Куратором его был влиятельнейший елизаветинский вельможа — И.И. Шувалов, известный меценат, основатель и президент Академии художеств, оказавший содействие развитию русской культуры.

Однако идейным строителем Московского университета был гениальный русский ученый М.В. Ломоносов. Он разработал проект организации университета. Он добивался того, чтобы университет был бессловесным и светским учебным заведением (в нем не было богословия). Открытый в 1755 г. Московский университет принял первых студентов на свои три факультета — философский, юридический и медицинский. Первые студенты были преимущественно представители разночинных слоев тогдашнего общества. И только позднее, при Екатерине II, состав университетского студенчества становится преимущественно дворянским. В начале XIX в. число университетов увеличивается (Петербург, Харьков и др.).

Для подготовки студенческих кадров при университете была создана специальная гимназия с двумя отделениями — для дворян и разночинцев. Здесь изучались русский, латинский, один из европейских языков, математика, словесность и история. В создании учебников активное участие принял М.В. Ломоносов, написавший «Риторику» и «Российскую грамматику».

На русском языке велось преподавание и в самом университете, что отличало его от типичных западноевропейских университетов. Во второй половине столетия Московский университет стал крупнейшим центром русской науки и просвещения. В нем преподавали такие выдающиеся ученые-профессора, как С.Е. Десницкий, Д.С. Аничков, Н.Н. Поповский, А.А. Барсов и др. Большую пользу оказал университет распространению просвещения среди нерусских народов России. По образцу московской была создана гимназия в Казани. Из стен Московского университета вышла чувашская грамматика, грузинская и татарская азбуки.

Несмотря на столь крупные успехи в области просвещения в России, потребность в организованной системе школьного образования ощущалась все более остро. По инициативе императрицы проекты школьного образования были поручены одному из образованнейших представителей русской знати — И.И. Бецкому.

Главная идея плана И.И. Бецкого, опиравшегося и на французских просветителей, отчасти на А. Локка и даже на

и А. Коменского, заключалась в создании из молодого поколения «новой породы людей» — гуманных и справедливых, которые и смогут сделать общество справедливым. Однако для реализации этой идеи Бецкой предложил систему закрытых учебных заведений, где бы дети жили от 6 до 18 лет. При этом соблюдался сословный принцип организации училищ — для дворян особо, для купечества особо и т.п. Бецкой пропагандировал гуманную систему обучения без наказаний и приурочения ребенка, с учетом его склонностей и т.п. Реализация этого плана выразилась в реформе гимназии в Петербурге, Сухопутного и Морского шляхетских корпусов. Кроме того, было создано училище для мальчиков при Академии художеств, коммерческое училище в Москве. Открыт московский воспитательный дом для «незаконнорожденных» детей и подкидышей.

И.И. Бецкой был инициатором женского образования. Под Петербургом, возле деревни Смольной был открыт первый в России Институт благородных девиц с широкой программой обучения. При Смольном институте было особое «мещанское отделение».

Деятельность И.И. Бецкого и реализация его плана ни в коей мере не решали проблему создания системы начального образования, потребность в котором с годами возрастала все больше. Для решения этого вопроса в 1782 г. организуется «Комиссия об учреждении училищ». Первым итогом работы Комиссии было открытие главных (четырёхклассных) и малых (двухклассных) народных училищ в Петербургской губернии. В 1786 г. такие училища были открыты в 25 губерниях. Программа малых народных училищ ограничивалась преподаванием навыков чтения, письма, чистописания и рисования, знание основ грамматики и «христианского закона и добронравия». Программа главных училищ сверх того включала изучение российской грамматики, арифметики, геометрии, механики, физики, российской и всеобщей географии, российской и всеобщей истории, естественной истории и гражданской архитектуры. Помимо того учащимся прививались навыки в делопроизводстве и составлении деловых писем.

Всего в конце XVIII в. в России насчитывалось около 550 различных учебных заведений с числом учащихся до 62 тыс. человек. Из них около 400 народных училищ, свыше 60 духовных семинарий и школ и около 60 закрытых дворянских учебных заведений.

Это был огромный шаг в развитии просвещения, хотя в отношении к общей численности населения страны он был еще очень небольшим. Крестьянству путь в школу был закрыт.

Школьная реформа 1786 г. распространилась и на Левобережную Украину, где была создана сеть четырехклассных, трехклассных и двухклассных училищ. Основным центром развития просвещения и науки на Украине была Киспеловская академия, где учились представители казачьих старшины, духовенства и отчасти мещан, казаков и крестьян. Программа обучения в академии носила традиционный богословско-схоластический характер, и лишь под влиянием новейших приоритетов в России во второй половине XVIII в. в нее были внесены изменения. Появились такие предметы, как география, математика, естественная история, иностранные языки. В конце века основным языком преподавания вместо латыни стал русский. Помимо академии на Левобережной Украине действовали три духовных коллегіума (в Переяславле, Чернигове и Харькове).

Белорусская шляхта учила своих детей в шести орденских школах (католических и униатских), двух кадетских корпусах и нескольких духовных семинариях. Туда же попадали и дети горожан. Помимо этого существовали и частные пансионы.

Просвещение Прибалтики в середине и второй половине XVIII в. было представлено мызными школами Эстонии, низшими школами при костелах в Литве и Латвии. В Таллине были гимназия и женское училище, в Тарту — гимназия. В Вильнюсе иезуиты имели свою высшую школу — академию. Помимо этого в Литве насчитывалось 7—8 инженерных школ с 6—7-летним обучением, кадетский корпус и инженерная школа. В Пярну и Курессаре в Эстонии были училища для мальчиков и девочек, а в Нарве финская и немецкая школы. В 1761 г. в Латвии вышла первая латышская грамматика. Появляются первые школы, где преподавание велось на родном языке, и в Молдавии, но в них учились лишь дети бояр, купечества и духовенства.

§ 2. М.В. Ломоносов и русская наука

Создание в России Академии наук, бурное развитие в XVIII в. мирового естествознания способствовали становлению и развитию русской науки. Однако обстановка, сложив-

шаяся в те годы в Академии наук, характеризовалась преобладанием приглашенных в Академию немцев. После 1739 г. на должность президента стали обычно назначать какого-либо вельможу, уделявшего мало внимания делам Академии. Вследствие этого фактическим управителем ее был советник канцелярии Шумахер — человек в высшей степени ограниченный. В результате грубого произвола, чинимого Шумахером, из Петербурга уехал ряд крупных иностранных ученых. В знак протеста Академию покинули Д. Бернулли и Л. Эйлер (ученые с мировым именем), а также Герман, Буильфингер и др. Русские пока еще практически отсутствовали в Академии. До 1741 г. здесь был единственный русский адъюнкт Ададулов, да и тот незадолго до приезда М.В. Ломоносова ушел из нее.

С воцарением Елизаветы в Академии произошел сдвиг и вместо одного стало два русских адъюнкта — М.В. Ломоносов и Г. Теплов.

Ярка и удивительна судьба гениального русского ученого — Михаила Васильевича Ломоносова, родившегося в 1711 г. в далекой поморской деревне Мишанинской, что возле Холмогор. Уже будучи взрослым юношей, в 1730 г. Михаил Ломоносов, выхлопотав годовой паспорт, с одним из обозов отправляется в далекую Москву. Там он поступает в Славяно-греко-латинскую академию. Успешно окончив Академию Ломоносов вместе с 11 другими выпускниками в 1735 г. был направлен для прохождения курса наук в Петербургскую Академию. Вскоре его посылают в Германию, в Марбург, к профессору Вольфу, а потом во Фрайбург к известному металлургу, профессору Генкелю. Пять лет, проведенные за границей, были для Ломоносова годами серьезной самостоятельной учебы.

Глубокие знания, исключительная одаренность, самостоятельность мышления способствовали формированию незаурядного исследователя, ученого с огромным диапазоном знаний и интересов.

В июне 1741 г. М.В. Ломоносов возвращается в Петербургскую Академию наук и становится адъюнктом профессора физики Крафта. В 1745 г. он был утвержден профессором химии и стал полноправным членом Академии. Одолевая препятствия, Ломоносов добился создания в 1748 г. химической лаборатории. Острую борьбу пришлось вести ему и с академиками-немцами, препятствовавшими выдвижению русских ученых.

Диапазон интересов М.В. Ломоносова как ученого был огромен. Объектом пытливого исследования гениального ученого были физика, химия, геология, астрономия и другие науки. Ломоносов был создателем атомно-молекулярной теории строения вещества, послужившей прочным основанием для дальнейшего развития фундаментальных естественных наук в XVIII столетии. В 1748 г. в письме к Л. Эйлеру он впервые в мире формулирует общий закон сохранения материи и движения, имеющий огромное значение для познания всего процесса мироздания. В 1756 г. Ломоносов осуществляет классические опыты, экспериментально обосновывающие закон сохранения вещества, формулирует предположение, объясняющее явление нагрева тел как следствие движения частиц. Эта гениальная догадка намного опередила эпоху.

Великий русский ученый много занимался вопросами связанными с тайнами происхождения Вселенной. Он выдвинул, в частности, тезис, гласящий, что «во всех системах вселенной имеются одни и те же начала и элементы... Одна и та же материя у раскаленного солнца и у раскаленных тел на Земле». Ломоносову принадлежит честь открытия на Венере атмосферы и ряд других важных наблюдений в области астрономии.

Темпераментный исследователь, Ломоносов никогда не удовлетворялся чистой наукой. Он был блестящим экспериментатором и изобретателем, новатором во многих областях техники, горного дела, металлургии, пробырного искусства, производства фарфора и стекла, солей и красок, строительной техники.

Многогранный талант М.В. Ломоносова проявился и в области гуманитарной. Он был выдающимся поэтом и теоретиком в вопросах стихосложения. Огромен его вклад в формирование русского литературного языка. М.В. Ломоносов увлекался и искусством мозаики, и изучением истории своей Родины. Итогом его трудов по истории стали созданные им «Краткий Российский летописец» и «Древняя Российская история».

М.В. Ломоносов затратил много сил и энергии для выдвижения национальных кадров русской науки. Он читал лекции студентам при Петербургской Академии. Первые профессора Московского университета Н.Н. Поповский и А.А. Барсов были его учениками. Еще при жизни Ломоносова ярко зазвучал талант таких ученых, как астроном С.Я. Румовский, математики М.Е. Головин и С.К. Котельников, натуралист

И.И. Делехин, юрист А.Я. Поленов и др., о творческом росте которых великий ученый непрестанно заботился.

Широко известны и другие российские ученые: В.М. Севергин — основоположник минералогии, Д.И. Виноградов — вопросы обоснования технологии и химии производства фарфора. Мировую известность получил А.М. Шумлянский, капитанник Киево-Могилянской академии, автор выдающейся исследования в области экспериментальной биологии (диссертация о строении почек).

В Российской Академии успешно трудились и многие иностранные ученые. Это прежде всего гениальный математик Л. Эйлер (работы в области теории движения Луны, интегрального исчисления, а также разработка таких проблем, как теория баллистики, гидродинамики и кораблестроения); Д. Бернулли, известный своими трудами этого периода в области теории стрельбы, расширения газов и т.п.

Ряд интереснейших достижений имела в России и техническая мысль. Русский народ выдвинул из своих рядов замечательных новаторов, гениальные изобретения которых подчас опережали то, что появлялось в ту эпоху за рубежом. Но в большинстве случаев технические новшества не находили реальной опоры в уровне и потребностях промышленного развития и оставались без практического применения.

Еще при жизни Ломоносова в 1760 г. Р. Глишков изобрел механический двигатель для прядильных машин, заменяющий труд 9 человек. Другой выдающийся изобретатель Козьма Дмитриевич Фролов (1726—1800) в 60-х годах на Змеиногорском заводе заставил энергией воды работать лесопильню, рудоподъемник, водоподъемник, а также рельсовую внутризаводскую систему самодвижущихся и саморазгружающихся вагонеток. Талантливый самородок Иван Иванович Ползунов (1728—1766) сконструировал на Кольвано-Воскресенских заводах Алтая первую в мире паровую универсальную машину. За несколько дней до ее пуска Ползунов умер, однако «огнедействующая машина» проработала на заводе несколько месяцев и только в результате незначительной течи в котле вышла из строя.

Поразительной разносторонностью дарования отличался механик Академии наук Иван Петрович Кулибин (1735—1810). Талантливый изобретатель был непревзойденным мастером часового дела, создавая механизмы самых причудливых форм. Он создавал механизмы изумительной точности. В частности, были широко известны его астрономические

часы показывавшие времена года, месяцы, часы, минуты, секунды, фазы Луны, время восхода и захода солнца в Петербурге и Москве. Кулибин разработал смелый уникальный проект одноарочного деревянного моста через Неву с решетчатой фермой. Пролет его достигал 298 м. Талантливым изобретателем создан «самобегущая сеялка» и семафорный телеграф, «самобегущую коляску» и прожектор («кулибинский фонарь»), протезы для инвалидов и гидросиловые установки и т.д.

Широкое развитие получили физико-географические исследования и естествознание. Труды академических экспедиций по изучению ресурсов страны 1768—1774 гг. (всего их было около 100) принадлежат к числу наиболее замечательных достижений русского естествознания XVIII в.

В 1724 г. по приказу Петра I была снаряжена Первая Камчатская экспедиция во главе с В. Берингом и А.И. Чириковым. В итоге ее был проложен путь вдоль восточных берегов Камчатки и южных и восточных берегов Чукотки. В 1733—1743 гг. была предпринята Вторая Камчатская экспедиция. В ней участвовало 13 кораблей и около тысячи человек во главе с В. Берингом и А.И. Чириковым. Целью ее было изучение северного и восточного побережий Сибири, берегов Северной Америки и выяснение вопроса о проливе между Азией и Америкой. Экспедиция была успешно завершена, несмотря на то, что ее мужественный руководитель В. Беринг погиб в 1741 г. на Командорских островах. В число участников экспедиции заметно выделяется имя С.П. Крашенинникова, в течение четырех лет изучавшего Камчатку. Итогом этой работы был капитальный труд «Описание земли Камчатки». Огромная работа по изучению Сибири была проведена Г.Ф. Миллером, собравшим грандиозную коллекцию богатейших архивных материалов. Крупные экспедиции в районы Поволжья, Урала, Крыма и другие предпринял академик П.С. Паллас. Академик И.И. Лепехин обследовал далекие земли по маршруту Москва—Симбирск—Астрахань—Гурьев—Оренбург—Кунгур—Урал—побережье Белого моря и собрал огромный материал по экономике, географии и этнографии этих районов. Экспедиция академика И.П. Фалька также обследовала районы Восточной России (Астрахань—Оренбург—Омск—Барнаул—Алтай) и, кроме того, Северный Кавказ. Х. Берданес обследовал так называемую киргизскую степь, И.Г. Георги — Урал, Башкирию, Алтай и Байкал. Академик С.Г. Гмелин прошел район бассейна Дона, низовья Волги и берега Каспия; Н.Я. Озерецковский — се-

веро-запад России, В.Ф. Зуев — Южное Причерноморье и Крым и т.п.

Итоги этих экспедиций грандиозны: описаны рудные богатства Урала, Сибири и Алтая, собраны материалы по физической и экономической географии, зоологии, ботанике, этнографии и т.п. В 1768—1769 гг. снаряжается экспедиция К. Креницына и М.Д. Левашова для изучения Русской Америки — Аляски. Первое русское поселение на о. Кадьяк основывается русским купцом и землепроходцем Г.И. Шелеховым в 1784 г., а с 1786 г. русские поселения появляются на американском материке.

Во второй половине XVIII в. под влиянием потребностей развития помещичьего хозяйства зарождается русская агрономическая наука. У ее истоков стоят такие замечательные ученые, как А.Т. Болотов, И. Комов, П.И. Рычков и др.

В это время интенсивно растет интерес общества к историческому прошлому России, появляются первые историко-географические труды. Первый русский историк Василий Никитич Татищев (1686—1750) пишет «Историю Российской с самых древнейших времен». Вслед за Татищевым появляются исторические труды М.В. Ломоносова, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, И.И. Голикова, Г.Ф. Миллера и др. В 70—80-е годы на страницах периодической печати публикуются исторические документы. В это же время начинается широкий поиск по монастырям древних книг и рукописей, из небытия были извлечены такие ценнейшие произведения, как Лаврентьевская и Ипатьевская летописи, древнерусская поэтическая повесть XII в. «Слово о полку Игореве» и др.

В России XVIII столетия развивалась и философская мысль. Ее прогресс был тесно связан и обусловлен состоянием философии в передовых западноевропейских странах. Крупным центром философской мысли был прежде всего Московский университет. Среди его профессоров привлекает внимание один из талантливейших учеников Ломоносова Н.Н. Поповский. Из оригинальных философских сочинений сохранилась, в частности, его «Речь о пользе и важности теоретической философии», произнесенная на торжественном акте Университета в 1755 г. Университетским профессором был и Д.С. Аничков — автор интереснейшего труда о происхождении религии. В нем Аничков дает материалистическое объяснение причин возникновения религии. Единомышленник и коллега Д.С. Аничкова по университету, профессор С.Е. Десницкий в области философии отстаивал идею

изменяемости и развития природы, подчеркивая ее «непостоянное и порывчивое движение». Идею постоянного развития С.Е. Десницкий переносил и на общество.

Наконец, интереснейший мыслитель Яков Петрович Козельский, автор оригинальных «Философических предложений», впервые в русской философии сформулировал определение ее предмета как науки, обнимающей «одне только материальные познания о вещах и делах человеческих». Козельский выступал как материалист: он признавал объективность существования мира, который, по его мнению, никем не создан и существует сам по себе. Правда, материализм у Я.П. Козельского, как и у других русских философов, механистический по своему характеру.

Во второй половине XVIII в. философская мысль развивается на Украине. Крупнейший ее представитель — Григорий Саввич Сковорода (1722—1794), происходивший из бедной казацкой семьи с Чернухи на Лубенщине. Широко образованный выпускник Киево-Могилянской академии, Г.С. Сковорода в течение трех лет изучал философию в Венгрии и Германии. С 1759 г. он преподавал в Харьковском коллегиуме. Отстраненный за «богопротивные» идеи, он до конца жизни оставался странствующим учителем. Как философ Сковорода колебался между материализмом и идеализмом. Г.С. Сковорода был ярким противником православной церкви, ее обрядности и т.п.

§ 3. Литература и журналистика

В условиях феодально-крепостнического строя литература была по преимуществу дворянской. Народное творчество в силу традиции и специфики условий труда было устным. XVIII век дал литературному устному творчеству российского народа преимущественно два развитых жанра — песни и сказания, с одной стороны, и сатирические сказки, повести, юморески — с другой.

Центральное место в фольклоре второй половины XVIII в. занимают произведения, связанные с Крестьянской войной 1773—1775 гг. Это главным образом песни и предания. В них представлен овеянный симпатией образ Емельяна Пугачева, «доброго молодца Емельяна-казака» в песнях «Судил тут граф Панин», «Пугач и Салтычиха». Пугачев воспет в чувашских, мордовских, башкирских и татарских песнях и

преданиях. Любимым героем башкирских песен и легенд был Салават Юлаев.

Богат и разнообразен героическими сказаниями и песнями украинский и белорусский фольклор. Народ воспевал таких борцов за свободу, как Б. Хмельницкий, Максим Кривонос, Иван Богун, Максим Зализняк и др. Много песен посвящено Запорожской Сечи, гайдамакам и т.д.

Чрезвычайно богат и разнообразен сатирический жанр народного творчества. Это и крестьянские повести «Сказание о царевне Киселихе», «Повесть пахринской деревни Камкина», и солдатская сатира «Горестное сказание» и «Челобитная крымских солдат», язвительная юмореска «Дело о побеге петуха от курицы из Пушкарских улиц» и др. Таковы и украинские сатиры про попа Негребецкого, Марка Пекельного, богатого мужика Гаврилу, Данилея.

Гневные сатирические пародии на чиновничество, канцелярскую волокиту, продажный суд и т.п. проникали в рукописные сборники («Копия с просьбы в небесную канцелярию», «Беседа у секретаря», «Разговор двух министров, земского суда канцеляристов», «Разговор о кокушке в суде», «Глухой паспорт» и др.). Интересны в этом плане произведения украинца Ивана Некришевича, а также анонимные сатиры «Плач лаврских монахов», «Синаксар на память пьяницам о изобретении горилки» и др.

С горьким смехом повествовал народ о своей заветной безнадежной мечте — освобождении от крепостной неволи. Это юмореска «Апшит, данный от хозяина серому коту», знаменитый «Плач холопов» и т.д.

Дворянская литература XVIII в. развивалась главным образом в русле классицизма, четко проявляя при этом особенности, присущие русскому классицизму. Идейной основой его была борьба за национальную государственность под эгидой абсолютизма. Русскому классицизму был свойствен высокий пафос гражданственности, сильные просветительские тенденции и рано созревшие обличительно-сатирические моменты.

Все эти элементы в той или иной степени видны у наиболее раннего представителя классицизма XVIII столетия — Антиоха Дмитриевича Кантемира. В 1729—1738 гг. он создал цикл из девяти сатир. Основной их темой была борьба с суеверием, невежеством, высмеивание дворянской спеси напудренных и разодетых щеголей. При том, что автор был

защитником привилегий дворян, в его сатирах намечается и тема защиты естественных прав человека.

Важным этапом в развитии русского классицизма стало творчество придворного поэта Василия Кирилловича Тредиаковского (1703—1769), сына астраханского священника. После окончания Славяно-греко-латинской академии он попадает в Голландию и вскоре «своей охотой» перебирается в Париж, где учится в Сорбонне. В Петербург Тредиаковский приезжает с помощью князя А.Б. Куракина. В 1740 г. выходит его первый труд по переводу иностранных произведений, где отстаивается идея нового литературного языка как языка живого «мирского», разговорного. Вскоре Тредиаковский создает теоретический труд «Способ к сложению российских стихов», сыгравший видную роль в становлении русской светской поэзии. Оды Тредиаковского по случаю важнейших придворных событий написаны тоническим сложением.

Глубоким патриотизмом проникнуто поэтическое творчество М.В. Ломоносова, девизом которого была его знаменитая фраза: «Для пользы общества коль радостно трудиться!» Развивая идеи В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносов создает учение о трех литературных «штилях», отстаивает чистоту русского литературного языка. Основные темы его творчества — военные подвиги России, пропаганда просвещения и великой роли науки (поэмы «Петр Великий», «Похвальное слово Петру Великому», трагедии «Тамира и Селим», «Демонфонт», оды «На взятие Хотина», «Письмо о пользе стекла», «О пользе химии», знаменитый сатирический антицерковный памфлет «Гимн бороде» и мн. др.). «С Ломоносова начинается наша литература, — писал знаменитый русский критик В.Г. Белинский. — Он был ее отцом и пестуном, он был ее Петром Великим».

Демократизм творчества М.В. Ломоносова, считавшего, что героем может быть всякий «от земледельца до царя», резко противостоит творчеству А.П. Сумарокова (1717—1777), несущего в литературу ярко выраженное самосознание дворян как «первых членов отечества». Создатель 9 трагедий и 12 комедий, лирический поэт, литературный теоретик, критик и публицист, Сумароков, ярко отразивший самосознание дворянства, был защитником крепостничества, хотя в своих произведениях подвергает осмеянию бюрократизм, взяточничество, «развращенные нравы дворян».

В зрелый период его творчества отчетливо видны признаки формирования сентиментализма.

Сентиментализм любовных переживаний пышно расцветает в творчестве таких последователей Сумарокова, как М.М. Херасков (1733—1807), И.Ф. Богданович (1743—1803) и В.И. Майков (1728—1778).

В цикле так называемых слезных драм и эпической поэме «Россиада» Херасков все социальные проблемы сводит к вопросам личной добродетели и филантропии. Те же идеи, хотя и под покровом юмора и шутки, проводятся в «Душеньке» Богдановича.

В сатире В.И. Майкова сильны реалистические моменты, подчеркнуто выражен интерес к быту городского мещанства. В поэмах «Игрок ломбера» и «Елисей, или Раздраженный Вакх» поэт выступает как балагур и пародист.

Дворянский сентиментализм достигает своего расцвета в творчестве Н.М. Карамзина (1766—1826).

Николай Михайлович Карамзин — выдающийся русский писатель и историк. Сын симбирского помещика. В 1785—1789 г. сблизился с московскими масонами, в том числе и с Н.И. Новиковым, в журнале которого «Детское чтение» опубликовал свою первую оригинальную повесть «Евгений и Юлия». В 1789 г. совершает путешествие по Европе, побывав, в частности, в революционной Франции, что способствовало формированию у Карамзина монархических взглядов. В 1792 г. в издаваемом Карамзиным «Московском журнале» была опубликована его повесть «Бедная Лиза», принесшая писателю известность. «Бедная Лиза», «Фрол Силин», «Наталья — боярская дочь» и «Письма русского путешественника» стали манифестом русского дворянского сентиментализма.

Карамзин отвергал основу классицизма с его гипертрофированным выражением интересов государства, поставив в центр внимания жизнь обыкновенного человека, требовал гуманного, сочувственного, доброго отношения к нему. В 1802 г. Н.М. Карамзин основал журнал «Вестник Европы». С 1803 г. Карамзин только историк, причем в звании официального историографа Александра I.

Наряду с дворянским сентиментализмом в XVIII столетии намечается и развитие мещанского сентиментализма. Это прежде всего Ф.А. Эмин (1735—1770) с его романами и особенно «Письмами Эрнста и Доравары». Автор заявляет: «Страсть и любовь — вот что является основой жизни».

Яркими представителями мещанского сентиментализма являются М.И. Попов (1742—ок. 1790) и М.Д. Чулков (1740—1793). В комической опере Попова «Анюта» сочетаются наряду с чувствительностью и элементы обличения крепостничества и власти денег. В романе Чулкова «Приглашая повариха» развита тема сочувствия к падшей женщине.

В конце XVIII в. наблюдается все более четкий отход от принципов классицизма, преодоление сентиментальной тематики и постепенное формирование реалистических тенденций. Этот процесс намечается прежде всего в драматургии.

Раньше всего это проявилось в творчестве выдающегося русского писателя-драматурга Дениса Ивановича Фонвизина (1745—1792). От стихотворных сатир («Лисица-казнодей», «Послание к слугам»), переводов басен Гольберга, Вольтера Д.И. Фонвизин переключается на драматургию. Уже первый его пьеса «Бригадир» имела большой успех. В ней ярко выражен реализм русского провинциального быта. Образы персонажей Фонвизина лишены схематизма и односторонности, в частности, бригадирша хотя глупа и невежественна, но ей не чужда и искренняя материнская любовь. В комедии звучат мотивы тяжелой женской доли в семье, брака по принуждению. Как дань сентиментализму в пьесе проходит тема высокой бескорыстной любви.

Более отчетливо указанная тенденция выражена в знаменитой комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» с ее главным героем, дворянским сыном — баловнем и неучем. Здесь уже дана целая палитра ярких реалистических характеров (Митрофанушки, его матери госпожи Простаковой, учителя Цифиркина, Еремеевны и др.). В пьесе действуют дворяне, разночинцы, крепостные. Важная роль в пьесе отведена бытовым сценам, раскрывающим растлевающее действие крепостничества. Как дань классицизму обнаруживает себя нравоучительность, символизм ряда фамилий (Вральман, Стародум и т.д.). Точно так же дано в пьесе и воспитание — не как процесс просвещения ума, а как воспитание чувств. Великое творение Фонвизина надолго стало образцом литературного творчества.

Видное место в литературе конца XVIII — начала XIX в. занимает Гаврила Романович Державин — разрушитель традиции классицизма в русской лирике. В поэзии Державина элементы античной мифологии почти исчезли, его поэзия приблизилась к русской природе, к быту. Поэзия Державина

разнообразна. Это и высокая ода о военных подвигах. Это и своеобразные элегии. Это, наконец, и сатирические произведения, широко представленные в творчестве знаменитого «бича вельмож», как называл Державина А.С. Пушкин.

Реалистические тенденции заметны в конце XVIII в. и у других народов. В частности, литовский поэт Кр. Донелайтис создал реалистическую поэму «Времена года», а Д. Пошка — поэму «Мужик Жемайтии и Литвы».

В литературе 80-х годов XVIII в. нашли отражение взгляды передового русского дворянства, рост его самосознания. Речь идет, в частности, о трагедиях Я.Б. Княжнина «Вадим Новгородский» и Н.П. Николаева «Сорена и Замир». В первой явственны тираноборческие, антимонархические мотивы. Трагедия Княжнина полна гражданской патетики и насыщена соответствующими понятиями (самодержавие, тиран, гражданин, свобода, рабство и т.д.).

А.Н. Радищев также сделал в «Путешествии из Петербурга в Москву» серьезнейшую заявку на переход от сентиментализма к критическому реализму. Его оригинальная трактовка жанра путешествия, потрясающие по реализму картины окружающей его действительности, наконец, страстный протест против ужасающего крепостничества и призыв к революционному ниспровержению монархического строя — все это неотъемлемые элементы критического реализма, к которому русская литература пришла лишь в XIX в.

Таков вкратце сложный процесс развития литературы XVIII в., в котором, отражая сложность социально-экономического развития страны, различные стили и жанры развиваются в острых противоречиях друг с другом, притом что эти противоречия неразрывно связаны с борьбой взглядов и идеологических течений.

Развитие журналистики в России падает главным образом на вторую половину XVIII столетия, но оно совершается вместе с тем чрезвычайно бурными темпами.

Первый журнал в России был научно-популярным. Это «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», издаваемые Академией наук с 1755 г. С конца 20-х годов XVIII в. выходили первые предшественники журналов. С конца 50-х годов появились первые частные журналы. Среди них «Праздное время, в пользу потребленное», издаваемое группой лиц, «Трудолюбивая пчела» А.П. Сумарокова, «Полезное увеселение», в издании которого участвовал М.М. Херасков. В 60-х годах число журналов возрастает. Стали вы-

ходить университетские «Свободные часы, в пользу употребленные», «Невинное упражнение» И.Ф. Богдановича, «Доброе намерение» В.Д. Санниковского и т.д. В основном это были дворянско-сословные издания. В 1766 г. в Пылтсаме выходит еженедельник «Краткое наставление» на эстонском языке.

В конце 60-х — начале 70-х годов XVIII в. число выходящих журналов резко возрастает. Только в 1769 г. появилось восемь новых изданий. И что особенно знаменательно — издавать журналы стали представители разночинной интеллигенции (М.Д. Чулков, Ф.А. Эмин, В.Г. Рубан и др.). Такие журналы были рассчитаны не на дворянскую, а на разночинную аудиторию. Среди журналов этого периода первое место занимают журналы Н.И. Новикова «Трутень», «Живописец», «Пустомеля» и «Кошелек». Первенствующая роль этих журналов объясняется их заостренным критическим направлением. В центре внимания Новикова-журналиста были язвы крепостнического строя, плутовство и взяточничество чиновников, судей и т.п.

Последователями Новикова были такие журналы, как «Адская почта» Ф. Эмина, «Смесь», частично и «И то и сё» М. Чулкова. Как мы уже знаем, полемика кончилась закрытием целого ряда сатирических журналов и прежде всего новиковских.

С конца 70-х годов XVIII в. довольно активно проявляются специальные научные и научно-популярные издания. Еще с 1765 г. выходят «Труды» Вольного Экономического общества. В 1777 г. появляются «Санкт-Петербургские ученые ведомости». В 1778 г. — «Санкт-Петербургское еженедельное сочинение». В Москве начинает выходить журнал «Сельский житель» А.Т. Болотова. В 80-х годах Болотов издает «Экономический магазин», Новиков — «Магазин натуральной истории, химии и физики». В самом конце XVIII в. А.Т. Болотов издает «Деревенское зеркало или Общественную книгу» (в 3 частях).

Указ 1783 г. о вольных типографиях вызвал оживление в журнально-издательской деятельности. Важной особенностью этого периода является возникновение журналов в провинции.

В Ярославле появляется «Уединенный пошехонец», а потом «Ежемесячное сочинение, издаваемое в Ярославле». В Тобольске начинает выходить «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» и «Журнал исторический».

В Москве выходит много специализированных изданий. Это «Детское чтение для сердца и разума» Н.И. Новикова, «Музыкальное увеселение», «Собрание некоторых театраль- ных сочинений», «Древняя российская вивлиофика» Н.И. Новикова. В Петербурге в 43-х частях выходит «Российский театр». В официальном петербургском издании «Собеседник любителей российского слова» продолжает выступать Екатерина II. Из новиковских журналов этого периода наиболее значительным является «Покоящийся трудолюбец», ставящий вопросы воспитания патриотизма. В конце 80-х — начале 90-х годов из журналов, проявляющих углубленный интерес к социально-политической тематике, выделяются «Бегущий гражданин», издаваемый «Обществом друзей словесных наук», и «Почта духов» И.А. Крылова. Правда, за излишне резкое бичевание пороков и невежества дворян, чиновничества и купечества «Почта духов» была в том же 1789 г. закрыта.

Таким образом даже столь краткий обзор может дать представление о довольно высоком уровне развития в России журнальной публицистики и журналистики в целом.

§ 4. Искусство

В XVIII столетии в России довольно широкое развитие получило театральное искусство, преодолев тесный круг придворного общества, где к тому же и появлялось-то время от времени. Первый русский профессиональный общедоступный театр был создан в середине XVIII в. в Ярославле выходцем из костромских мещан Ф.Г. Волковым (1729—1763). Ему обязаны своим мастерством крупнейшие актеры той эпохи: И.А. Дмитриевский (Нарыков), Я.Д. Шумский, А. Попов и др. Выдающимся актером был и сам Ф.Г. Волков, великолепно выступавший в трагедиях А.П. Сумарокова «Хорев», «Сенира», «Синав и Трувор», сочетавший в себе талант трагика и комедийного актера.

Многогранным талантом обладал друг и преемник Ф.Г. Волкова, виднейший деятель русского театра И.А. Дмитриевский — блестящий актер, режиссер, педагог, драматург. Дмитриевский был избран членом Российской Академии и создал по ее поручению первую историю русского театра. Чрезвычайно многогранен талант Дмитриевского-актера. В 70-х годах Дмитриевский перешел к сентиментальной драме,

а в 1782 г. создал образ Стародума в «Недоросле» Д.И. Фонвизина, оставивший глубокое впечатление у современников.

Важную роль играли и любительские публичные театры в Петербурге при Шляхетском корпусе, при Академии художеств, где воспитанием актеров руководил известный комический актер Я.Д. Шумский. В Москве при университете и при воспитательном доме труппу возглавлял И.И. Каллиграф (1775—1778). Помимо этого любительские труппы разночинцев показывали на зимних и весенних праздниках в российских городах «русские комедии». В 1765 г. в Москве предпринимается попытка создания бесплатного публичного театра «для народа» под надзором полиции (актеры-любители получали по 50 коп. за спектакль). В Белоруссии на народных гуляньях и ярмарках выступали профессиональные труппы.

Постепенно любительские труппы сливаются с антрепризами (частными театрами), образуя профессиональные театры. В Москве в 1759—1762 гг. и с 1779 г. вплоть до начала нового века действовал так называемый «Русский театр», в 1779—1783 гг. в Петербурге — театр на Царицыном Лугу. В 1783 г. открывается многоярусный каменный театр («Большой театр»). Тогда же переходит в казну театр К. Книппера, получивший название «Малого театра».

Любительские и профессиональные театры возникают в Нижнем Новгороде, Калуге, Харькове, Тамбове, Воронеже, Пензе, Иркутске и других городах России.

К 50—80-м годам относится возникновение крепостных театров в дворянских усадьбах и городских особняках. В одной лишь Москве их было около пятнадцати. Известнейший театр с великолепной труппой крепостных актеров был у графов П.Б. и Н.П. Шереметевых в с. Останкино под Москвой. В труппе Шереметева блистала, в частности, знаменитая крепостная актриса, певица П.И. Ковалева-Жемчугова (1768—1803). В Гродно Тизенгаузен создал крепостную балетную труппу и оркестр. Крепостные труппы были и у ряда других магнатов. На примере жизни крепостных актеров ярко виден ужасающий трагизм положения крепостного интеллигента, подчас широко образованного и одаренного человека, находившегося в полнейшей власти грубого невежественного помещика-крепостника, за малейшую ошибку могущего приказать избить его на конюшне батогами и т.п.

В крестьянской среде в XVIII в. широкое распространение, как и ранее, получила народная устная драма, украин-

ский вертеп и кукольный театр Петрушки. Большой популярностью на Украине пользовался жанр интермедий, а в Белоруссии кукольный театр — батлейка.

В актерской игре в российском театре XVIII в. наблюдается уже знакомый нам по литературе процесс постепенного отхода от классицизма, появление реалистических тенденций в трактовке ролей. От выпяченной пластики красивых актерских поз намечается переход к созданию живых реалистических образов. Такова эволюция Ф.Г. Волкова и И.А. Дмитриевского. Еще резче это проявилось в игре П.А. Плавильщикова (1760—1812), С.Н. Сандунова (1756—1820), А.М. Крутицкого (ум. 1803), А.М. Мусина-Пушкина и др.

Интересную эволюцию в XVIII в. претерпевает музыкальное творчество. Пожалуй, нигде так ярко не проявилось великое влияние народных музыкальных традиций, как в русской музыке XVIII столетия.

В дворянской среде широко распространяется русская народная песня, а особенно стилизация под народный склад песни. Впервые появляются и широко расходятся печатные песенники русских и украинских народных песен (В.Ф. Трутовского, Мейера, И. Прача и др.). В 1772 г. был издан «Песенник» П. Капанци — автора армянских светских жанровых песен, а также «Песенник» Б. Дпиру. В 80-х годах создается опубликованный в 1818 г. знаменитый сборник Кириши Данилова с записью напевов русского народного эпоса.

К 70-м годам столетия относится формирование русской национальной оперы (главным образом комической), также испытывавшей сильное влияние песенного фольклора. Таковы оперы сына солдата Е.И. Фомина (1762—1800) «Ямщики на подставе» и «Мельник — колдун, обманщик и сват», М. Матинского «Санкт-Петербургский гостинный двор», оперы В.А. Пашкевича, оперные обработки Соколовского и др.

Наряду с оперой появляется камерная и инструментальная музыка, представителями которой были крепостной И.Е. Хандошкин, известный прекрасными и многочисленными вариациями на русские темы, и украинский композитор Д.С. Бортнянский, автор интересных клавирных сонат и церковных хоров.

Одной из наиболее ярких страниц в истории российского искусства стало изобразительное искусство XVIII столетия. После петровских реформ его светская направленность твердо встала на ноги. Изобразительное искусство этой эпохи во

многим носит торжественно-праздничный характер, отличается необыкновенной пышностью, игрою красок, форм и линий. Оно словно отражает рост и могущество грандиозной империи под властью абсолютного монарха.

С наибольшей полнотой эти особенности передает русское зодчество, которое дало России немало произведений мирового значения. Наиболее ярким талантом середины столетия был В.В. Растрелли (1700—1771). По происхождению итальянец, В.В. Растрелли родился и жил в Париже. В Россию приехал 16-летним мальчиком вместе с отцом, известным скульптором петровской эпохи. Среди основных его работ: дворец в Петергофе, дворцовый ансамбль в Царском Селе, Смольный монастырь под Петербургом, четвертый Зимний дворец в Петербурге, особняки Воронцова и Строганова в Петербурге, проект Андреевского собора в Киеве. Благодаря таланту Растрелли, глубоко впитавшему национальные особенности русской культуры, удавалось буквально все. Он строил пышные дворцы, храмы, павильоны, загородные комплексы и т.п.

Петергофский дворец по своей конструкции, типичной для петровского времени, состоит из боковых каменных флигелей, соединенных с центральным зданием крытыми галереями, с расположенным перед дворцом огромным парадным двором. Архитектура этого здания еще довольно скромна. Она носит плоскостный характер, так как основным элементом ее служат плоские пилястры (полуколонны). Фантазия архитектора нашла простор в завершении боковых павильонов изумительными пышными куполами с луковичными главами, придающими всему ансамблю весьма торжественный вид.

В полном блеске творчество Растрелли развернулось при перестройке Царскосельского дворца. Архитектор применил здесь смелое решение. Из конструкции, напоминавшей Петергофский дворец, надстройкой галерей он резко вытянул весь фасад дворца, придав ему поистине грандиозный размах (длина его около 300 м). Вместе с тем архитектор сделал протяженность дворца весьма разнообразной, выделив пять основных корпусов, соединенных крытыми галереями. Яркой конструктивной особенностью интерьера стала торжественная анфилада залов, как бы уходящая в бесконечность.

Лебединая песня архитектора — Зимний дворец в Петербурге. Грандиозный, прямоугольный в плане, он имеет уже внутренний двор. Растянута дворца вдоль величественной

набережной Невы и великолепной Дворцовой площади вовсе не делает его приземистым. Наоборот, дворец поражает сочетанием своей мощи, грандиозности со стремительностью вверх. Растрелли щедро применил во внешнем декоре дворца элемент колонн. Самые разнообразные, они живописно образуют стройные вертикальные линии, завершаемые изящными скульптурами, как бы тающими в воздухе.

Построенный, по словам Растрелли, «для славы российской», Зимний дворец — наиболее выдающееся творение парадной архитектуры русского классицизма.

Дворцово-парковая архитектура представлена и такими архитекторами, как Ф. Аргунов, воздвигнувший в загородном дворцово-усадебном ансамбле усадьбы Шереметевых в Кускове (под Москвой) множество павильонов в затейливо-барочном стиле, А. Ринальди, построивший дворец К. Разумовского в Батурине, «Китайский дворец» и Кательную горку в Ораниенбауме, где четко определился так называемый стиль рококо с его множественными измельченными декоративными элементами. Ринальди построил также дворец в Гатчине и Мраморный дворец в Петербурге. В этих постройках уже сказывается переход к лаконичному стилю так называемого неоклассицизма, творчески переработавшего античное наследие.

Во второй половине XVIII в. появляется ряд крупнейших талантливых русских зодчих, среди которых в первую очередь следует упомянуть В. Баженова, М. Казакова, И. Старова. В их деятельности русский классицизм обрел свои основные черты.

В.И. Баженов (1737—1799) — великий русский зодчий, один из первых представителей русского неоклассицизма. Сын дьячка с Дольского Калужской губернии. С 1754 г. учился в гимназии Московского университета. С 1758 г. обучался живописи в Академии художеств. С 1760 г. был отправлен «пенсионером» в Париж, а в 1762—1764 гг. работал в Италии, где участвовал в проектировании капитулийской лестницы в Риме. В этот период Баженова избирают профессором Римской академии, а Болонская и Флорентийская академии — действительным членом. Его работы, выполненные в моделях, вызывали всеобщее восхищение. В 1765 г. по возвращении в Петербург «пенсионер» Елизаветы был встречен враждебно. Хотя Баженов получил в Петербурге диплом академика, профессором его все-таки не избрали. Великого зодчего постигла трагическая судьба: проект грандиозного

дворца в Московском Кремле был одобрен, но не осуществлен. Вторая его работа — проектирование и строительство царского загородного дворца в с. Царицыно под Москвой — была доведена до окончания постройки, но по приказу Екатерины II разрушена. Долгие годы В.И. Баженов выполнял заказы частных лиц и только в 90-е годы создал проект Михайловского замка, построенного для Павла I в 1797—1800 гг. архитектором Бренна.

Творчество В.И. Баженова характерно своей яркой индивидуальной «непохожестью» на архитектуру середины столетия. Для неоклассицизма этого зодчего свойственно глубокое уважение античной классики с ее строгостью линий и продуманностью форм. Вместе с тем он широко внедряет новые круглые и овальные архитектурные объемы. Баженов обильно применял колоннаду, гирлянды, барельефы. Вместе с тем его дворцам присуща спокойная монументальность. Неоклассицизм Баженова надолго определил пути развития русской архитектуры.

В загородном Царицынском дворце великий зодчий проявил иную манеру. Здесь Баженов дал первый пример так называемой русской «псевдоготике», сочетая во внешнем декоре старомосковское узорочье, кокошники, колонны-дудочки и готические фиалы с изогнутыми стенами, стрельчатые проемы дверей и т.п. Вместе с тем это была отнюдь не стилизация под старину, а современное строение.

Среди частных заказов в Москве наибольшую известность получил проект Баженова дома Пашкова — шедевр русского классицизма XVIII в.

Наряду с дворцово-парковой архитектурой в XVIII столетии все большее значение приобретает строительство зданий общественного назначения. Одной из первых построек подобного типа является знаменитое Адмиралтейство в Петербурге русского архитектора И.К. Коробова (1700—1747). Архитектор создал новые корпуса, а над аркой главного здания возвел знаменитую золоченую «адмиралтейскую иглу» (шпиль), сделав этот архитектурный элемент органической частью строящегося городского ансамбля. В 1764—1783 гг. сооружается здание Академии художеств, выполненное архитектором А.Ф. Кокориновым в стиле неоклассицизма.

В строительстве крупных общественных сооружений в Москве большой вклад внес великий русский зодчий М.Ф. Казаков (1738—1812). Сын подканцеляриста, М.Ф. Казаков родился и вырос в Москве. Еще мальчиком работал и

жил у Д.В. Ухтомского. В 1760 г. курс обучения Казакова закончен, он стал «прапорщиком архитектуры». Его основные работы: строительство зданий Путевого дворца в Твери, сооружение здания Сената в Московском Кремле, Петровского дворца в Москве, здание Благородного собрания в Москве, здание Голицынской больницы, Московского университета (сгорел в 1812 г.), а также множество частных домов в Москве.

Будучи одним из учеников и почитателей В.И. Баженова, М.Ф. Казаков продолжил совершенствование тех особенностей русского неоклассицизма, которые внес в архитектуру Баженов. В совершенстве овладев античным наследием, великий зодчий вносит вместе с тем свое творческое начало, сделав неоклассицизм еще более строгим и простым. Замечательный пример творчества Казакова — Сенатское здание в Московском Кремле. Оно решено (впрочем, из-за места, отведенного для постройки) в виде равнобедренного треугольника с внутренним двором. Архитектурным центром здания служит грандиозный купол над ротондой, помещенной над кремлевской стеной в центре Красной площади. Огромный размах купола сам по себе был невиданным техническим новшеством. Не менее интересен Петровский подъездной дворец, решенный в стиле «псевдоготике».

В строительстве общественных зданий в Москве еще долго применяется так называемый усадебный принцип с парадным двором перед зданием. Многие постройки М.Ф. Казакова (Голицынская больница, Московский университет и др.) решены в таком плане. В этих и во многих других творениях проявился особый вкус Казакова к купольным ротондам, явившимся великолепным декоративным завершением всех его зданий. Особое место в творчестве Казакова занимает здание Благородного собрания. Оно перестроено зодчим из дома Долгоруких в 1784 г. «Душою» этого здания явился великолепный колонный зал, воспетый А.С. Пушкиным. Это творение М.Ф. Казакова является поистине жемчужиной русской архитектуры этой поры.

Лучшей постройкой И.Е. Старова (1745—1808) стал дворец Г.А. Потемкина в Петербурге, более известный как Таврический. В его конструкции центром является дорический портик и купол здания. Старов, в отличие от своих предшественников, стены здания сделал совершенно гладкими. Великолепие дворцу придают широко распахнутые крылья. Чудесны внутренние покои дворца, где талантливый зодчий

применял уникальный прием для разделения парадных залов, вместо стен здесь применена двойная прозрачная колоннада.

Одновременно с русскими зодчими в России успешно работали и иностранцы. Среди них наиболее талантливыми были шотландец Чарльз Камерон (1730—1812), итальянец Джакомо Кваренги (1744—1817).

Выдающимся памятником зодчества крепостных мастеров является деревянный дворец Шереметевых в с. Останкино под Москвой, где работали такие мастера, как А.Ф. Миронов, Г.Е. Дикушин, П.И. Аргунов.

Украинское зодчество XVIII столетия широко представлено деревянными многоглавыми высотными композициями храмов, среди которых выделяются знаменитые творения неизвестных архитекторов: церкви г. Ромны, в с. Кривки и др. Народным зодчим Якимом Погребняком в 70-х годах построен Запорожский собор в Новомосковске. На Украине плодотворно работали русские зодчие А.В. Квасов, П.И. Неелов, В.В. Растрелли, И.Е. Старов, из местных архитекторов И.Г. Григорович-Барский, крепостной С.Д. Ковнир. На Украине работали Ч. Камерон и Кваренги.

Интересные достижения в XVIII столетии были и в области живописи. Своеобразную эволюцию переживает в этот период жанр портретной живописи, где сквозь официальную парадность постепенно прорывается психологизм и реализм в изображении характера человека. Жизненная правда уже пробивается в портретах А.П. Антропова (1716—1795), солдатского сына по своему происхождению. В частности, в рамках жанра камерного портрета он сумел воссоздать реалистический портрет Петра III (1762). В портрете А.М. Измайловой перед нами предстает довольно чопорная нарумяненная старуха. Успешно работал в жанре портрета крепостной художник Шереметева И.П. Аргунов (1729—1802). Яркие реалистические характеристики даны им в портретах П.Б. Шереметева, В.А. Шереметевой, Хрипуновых и т.д.

Дальнейшим шагом в развитии этого жанра явилось искусство Ф.С. Рокотова (1736—1808). Наряду с пышным парадным портретом в творчестве Рокотова появляется портрет неофициальный, интимный, все внимание в котором обращено не на пышные одежды, а на лицо человека. Именно таким является портрет поэта В.И. Майкова.

Многообразно и широко представлено творчество Д.Г. Левицкого (1735—1822). Украинец, получивший живописное

образование в Киеве у отца-гравера, завершает его в Петербурге у А.П. Антропова. Парадные портреты Левицкого наполнены великолепием разнообразнейших одежд, передают богатство предметной фактуры. Но вместе с тем живописец умеет в рамках условных поз и жестов показать реальные черточки характера, разрушая тем самым показную монументальность и парадность образа. Примеры тому портрет богатейшего заводчика П.А. Демидова, серия портретов благородных воспитанниц Смольного института — подростков-девочек в роли светских дам (Е.И. Нелидовой, Е.Н. Хрущовой и др.).

Продолжателем традиций Левицкого был другой выходец из Украины — В.Л. Боровиковский (1757—1825), в портретах которого искусство психологизма достигло большой высоты. Мастер изображения человеческих чувств, Боровиковский близок к сентиментализму. Таковы портреты мечтательной и томной М.И. Лопухиной — один из лучших образцов этого жанра, царицы Екатерины II, гуляющей в саду в простой одежде, без всяких признаков ее царственного положения.

В Академии художеств в круге задач преподавания живописного искусства в XVIII столетии меньше всего имелся в виду жанр портретной живописи. Он был тогда сугубо второстепенным. В то время как жанру исторической живописи уделялось главное внимание. Это и не удивительно, ибо этот жанр лучше всего мог реализовать задачу изображения высокой патетики классицизма. В исторической живописи постоянными героями были действующие лица героических мифов античности. Например, картина А.П. Лосенко (1737—1773) «Владимир и Рогнеда», «Прощание Гектора с Андромахой» и др. Художников привлекали героические сюжеты и из русской истории. Примером здесь может служить картина Г.И. Угрюмова (1764—1823) «Испытание силы Яна Усмаря». На ней изображен простой воин, остановивший бег разъяренного быка.

Наряду с исторической живописью развивается и пейзажная, включающая сельский, часто античный, и современный городской пейзаж.

Наконец, в XVIII столетии получает начало своего развития и жанровая живопись. В этой живописи ранее всего появляется крестьянская тема. Однако решается она у разных художников по-разному. У одних это слащавые изображения «поселян», а у других — глубокие проникновенные

характеристики сельских тружеников. В числе последних следует назвать таких интересных художников, как Михаил Шибанов, крепостной Г.А. Потемкина («Крестьянский обед», «Сговор» и др.), а также И.А. Ерменев.

Наконец, нельзя не упомянуть о великолепных достижениях русских скульпторов XVIII столетия, среди которых были таланты потрясающей силы. В числе первых стоит знаменитый земляк М.В. Ломоносова — Ф.И. Шубин (1740—1805). Тенденции реализма, острая портретная характеристика выражены в творчестве Шубина еще четче, еще рельефнее. Он создал изумительный по вдохновению образ М.В. Ломоносова. Широко известны его скульптурные портреты скептика аристократа А.М. Голицына, талантливого и сурового военного полководца З.Г. Чернышева и его брата-тупицы И.Г. Чернышева и конечно же скульптурный портрет Павла I.

В области декоративной скульптуры в эту эпоху работала целая плеяда выдающихся мастеров. Это Ф.Г. Гордеев, М.И. Козловский, И.П. Прокофьев, Ф.Ф. Щедрин, И.П. Мартос, давшие замечательные образцы декоративной и монументальной скульптуры. Особо следует отметить памятник Петру I, созданный французским скульптором Фальконе (1716—1791). Это произведение огромного пафоса и могучей титанической силы. Петр I изображен всадником, стремительно осадившим скакуна на самом обрыве крутой скалы. Это образ могучего властелина, готового растоптать все мешающее на пути преобразований. Замечательный «Медный всадник» Фальконе стал неотъемлемой частью Петербурга.

Россия в XIX веке

Глава 17

Закат крепостной эпохи

§ 1. Россия в начале XIX в.

К началу XIX в. *территория* России раскинулась на тысячи верст — от Балтийского моря до Тихого океана. На этом пространстве проживало 43,7 млн. человек. Из них на долю Сибири приходилось 3 млн. человек. Наиболее плотно были заселены центральные губернии. Плотность населения составляла здесь около 8 человек на 1 кв. версту (в большинстве европейских стран в это время — 40—49 человек). К югу, северу и востоку от центра страны плотность населения резко падала. В Заволжье и на Дону она составляла не более 1 человека на 1 кв. версту. Еще меньше плотность населения была в Сибири. А Дальний Восток представлял собою огромные незаселенные территории.

В России, стране многонациональной, бок о бок с русским народом, самым многочисленным, жили другие народы, связанные с ним общностью исторических судеб. В западных и южных губерниях русское население соседствовало с украинским и белорусским. На огромных просторах от Волги до Восточной Арктики расселились тюркоязычные народы (татары, чуваша, башкиры, якуты и др.). Область распространения финно-угорских народов (мордва, мари, коми, удмуртов) охватывала Поволжье, север Европейской России, Урал.

В религиозном отношении Россия тоже была неоднородна. Большинство населения придерживалось православной веры. От официального православия отделилось старообрядчество. В западных губерниях было распространено католичество, в Прибалтике — протестантство. Значительная группа народов (татары, башкиры, большинство горцев Кавказа) придерживалась ислама. Калмыки, кочевавшие в низовьях Волги, и буряты в Забайкалье исповедовали буддизм. Многие поволжские, северные и сибирские народы сохраняли традиционные родоплеменные (языческие) верования.

В дореформенной России господствовал *сословный строй*. Самым богатым, образованным и привилегированным сословием было дворянство. Важнейшей его привилегией было владение крепостными крестьянами. Их труд был главным источником дворянских доходов.

Ряд важных привилегий имело купечество. Оно было освобождено от некоторых податей и рекрутчины. Самые богатые купцы (первой гильдии) имели преимущественное право вести крупную внешнюю и внутреннюю торговлю. Купцы второй гильдии обладали привилегиями в крупной внутренней торговле, а третьей — в мелкой торговле.

К числу привилегированных сословий относилось и духовенство. О нем пойдет речь в особом разделе.

В мещанстве состояло непривилегированное население городов — ремесленники, мелкие торговцы, наемные работники. В прежние времена всех их называли посадскими людьми. Мещане были обложены высокой податью, поставляли рекрутов в армию и не освобождались от телесных наказаний.

Самым многочисленным и угнетенным сословием было крестьянство. К середине XIX в. его численность составила более 30 млн. человек. Из них 15 млн. принадлежали к государственному крестьянам. На севере России и в Сибири они составляли большинство населения. Много государственных крестьян было и в центральных губерниях. В этот разряд были зачислены народы Поволжья (чуваши, мордва, мари, татары). Государственные крестьяне платили подати, терпели поборы и произвол властей. Но в сравнении с помещичьими крестьянами они жили свободнее и имели больше земли.

Крепостных крестьян, которых А.И. Герцен с горькой иронией называл «крещеной собственностью», насчитыва-

лось более 14 млн. человек. В нечерноземных губерниях центральной России 2/3 населения было крепостным. В черноземной полосе помещикам принадлежало менее половины всех крестьян, а в Среднем Поволжье — около 1/3.

«Ярем он барщины старинной/Оброком легким заменил», — писал А.С. Пушкин о хозяйственных делах Евгения Онегина. Пушкинский герой, по-видимому, жил в одной из нечерноземных губерний. Именно там многие помещики переходили от барщины к оброку. Малопродуктивная земля Нечерноземья кое-как кормила крестьянина и его семью, но надо было еще заплатить оброк. И крестьянин занимался ремеслами или шел на заработки в город, чтобы отдать помещику добрую часть заработанных денег. Состоятельных крестьян помещик облагал более высоким оброком.

В черноземных губерниях царил барщина. Многие помещики в страдную пору заставляли крепостных пять дней в неделю работать на господских полях. Для работы на себя у них оставалось лишь два дня. Другие помещики переводили крестьян на «месячину»: выдавая им раз в месяц определенное количество хлеба, они заставляли их все время работать в барском хозяйстве, отпуская лишь на праздники. Желая получить максимальный доход от каждого двора, помещики, случалось, сами подбирали невест для повзрослевших парней или переводили крестьянских детей из одной семьи в другую. В крестьянстве из поколения в поколение копилась обида и недовольство. Но крупных волнений, за исключением кратковременных и разрозненных бунтов, не было в течение всего XIX века.

Расслоение крестьянства и зарождение товарных отношений в деревне сдерживались системой крепостничества, шли очень медленно и в начале XIX в. еще не имели необратимого характера. Одна и та же семья при жизни одного поколения могла пройти через несколько социальных групп — бедноты, середняков, богатых — и вернуться в исходное положение. Все зависело от соотношения едоков и работников. Молодая семья с большим числом малых детей билась в постоянной нужде. Когда дети подрастали и начинали работать, положение улучшалось. Но старел и умирал глава семьи, сыновья разделялись — и все начиналось сначала. Крестьяне, сильно разбогатевшие на торговле, выкупались на волю и переселялись в город. Плохих работников помещики старались сбыть в рекруты, а их семейства присоеди-

нить к другим дворам. Так «подравнивалось» население крепостной деревни.

Труд крепостных был малоэффективен. Крестьянина не возможно было заставить работать на помещика так же хорошо, как на себя. На своем участке крестьянин работал в два раза производительнее, чем на господском поле. Некоторые помещики пытались совершенствовать свое хозяйство (переходили от трехполья к многопольным севооборотам, применяли машины). Но эти нововведения, основанные на труде крепостных, принесли мало пользы. Тем не менее помещичьи хозяйства были теснее связаны с рынком, чем крестьянские, продукция которых в основном шла на собственное потребление.

Особой группой крестьянства было казачество (1,5 млн человек). Прошли те времена, когда казачья вольница причиняла властям крупные неприятности. В XVIII в. власти установили полный контроль над казачьими областями, а в XIX в. стали создавать новые казачьи войска для охраны границ. В казаки зачислялись помимо их воли лица других сословий, прежде всего государственные крестьяне. Так было образовано Сибирское казачье войско, а затем Забайкальское.

В середине XIX в. в России существовало 9 казачьих войск: Донское, Черноморское (позднее преобразованное в Кубанское), Терское, Астраханское, Оренбургское, Уральское, Сибирское, Забайкальское и Амурское. Самым большим было Донское войско, вторым по численности — Оренбургское, а третьим — Черноморское. Впоследствии Кубанское войско вышло на второе место. Позднее других были созданы Семиреченское (в Туркестане) и Уссурийское войска.

Атаманом всех казачьих войск считался наследник престола. Во главе каждого войска стоял наказной (назначенный) атаман. Станичные атаманы избирались на станичных сборах (сходах). Только в этом нижнем звене еще сохранялся изначальный казачий демократизм.

Казак являлся на службу со своей строевой лошастью, обмундированием и холодным оружием. Благодаря хорошей боевой подготовке и военным традициям казачьи части сыграли видную роль в Отечественной войне 1812 г. и в других войнах. Сохранялось их значение в охране внешних рубежей России.

Казаки отличались своеобразием своего быта, традиций, языка, фольклора. Они были трудолюбивы, гостеприимны,

добры (особенно старообрядцы), почтительны к старшим. В казачьей семье слово и воля родителей считались законом.

Сословный строй постепенно себя изживал — прежде всего в городах. Купечество уже не контролировало всю торговлю. К середине XIX в. в больших городах купцы 3-й гильдии растворились среди торгующих мещан и крестьян, мещанство перемешалось с пришлым крестьянством. Среди городского населения образовывались новые классы — буржуазия и пролетариат. Они формировались не на юридической, а на чисто экономической, имущественной основе, что характерно для капиталистического общества. В рядах предпринимательского (буржуазного) класса оказывались многие дворяне, купцы, разбогатевшие мещане и крестьяне. Среди рабочих преобладали крестьяне и городская беднота.

Слабым местом в экономике России были *пути сообщения*. В первой половине XIX в. основной поток грузов внутри страны двигался по рекам. В XVIII в. была построена Вышневолоцкая система каналов, связавшая с Петербургом реки Волжского бассейна. В 1810 г. открылся новый путь в том же направлении — Мариинская система. На следующий год стала действовать Тихвинская система.

Судоходство на юге и в центре страны, где реки были полноводны, глубоки и неторопливы, очень отличалось от судоходства на северных реках, мелких, узких и порожистых. Поэтому на юге и севере использовались разные типы судов. Местом перегрузки был Рыбинск. За одно судоходство товары с юга и востока редко успевали в Петербург — чаще зимовали в пути. По рекам в Петербург шли хлеб, лес, пенька, железо, в обратном направлении — изделия столичной промышленности и товары из-за рубежа.

В южных губерниях, где не было такого густого переплетения рек и озер, как на севере, грузы перевозились по грунтовым дорогам. «В степи кочующий обоз», запряженный медлительными волами, совершал свой путь в течение долгих месяцев. Весной и осенью грунтовые дороги становились непроходимыми. В середине XIX в. началось строительство шоссейных дорог. Они соединили важнейшие города Европейской России. В 1851 г. открылось движение на первой в России железной дороге, связавшей Петербург и Москву.

В местах пересечения торговых путей устраивались ярмарки. В 1816 г. сгорел волжский городок Макарьев и знаменитая Макарьевская ярмарка была перенесена в Нижний

Новгород. Ежегодно в июле—августе сюда стекалось множество товаров, отечественных и зарубежных, из стран Европы и Востока, вплоть до Китая. Общая сумма проданного товара достигала нескольких миллионов рублей. Действовали и другие ярмарки — в Ростове Великом и в Ирбите (на Урале). На ярмарках и базарах Северного Кавказа встречались кавказцы, русские переселенцы, горцы, купцы из центральной России. Горские товары (скот, шерсть, кожи, ремесленные изделия) обменивались на зерно, ткани, чай, сахар.

И все-таки на ярмарки и торжища вывозились далеко не все товарные излишки, производившиеся в России. У помещиков и некоторых зажиточных крестьян скапливались не реализованные запасы хлеба за несколько лет. А между тем хлебный экспорт России оставался на одном уровне с начала и до середины XIX в.

В 1811 г. численность *городского населения* России составляла 2765 тыс. человек, или 6,6% всех российских жителей. Самым крупным городом был Петербург (335 тыс. жителей). В Москве насчитывалось 270 тыс. человек. Третьим по величине городом в России был Вильно (56 тыс.). В Сибири наиболее крупным городом был Тобольск (16 тыс.).

Многие малые города имели аграрный характер. Их жители пахали землю, держали скот. В среднерусских городах было развито садоводство. Такие города, как Болхов, Калуга, Путивль, Ржев, буквально утопали в садах. Преобладала деревянная застройка. Пожары, случалось, опустошали целые города.

Некоторые города (Петербург, Москва, Тула, Ярославль, Коломна, Кунгур и др.) выделялись большим количеством промышленных предприятий. В *промышленности* начиналась конкуренция между крепостным трудом и вольнонаемным. Первый использовался на старых уральских заводах, переживавших затяжной кризис, и в помещичьих мануфактурах. Второй применялся на мелких, но быстро развивавшихся предприятиях, которые открывали купцы, мещане, разбогатевшие крестьяне. К середине XIX в. доля вольнонаемных рабочих в русской промышленности составляла около половины от всего числа работающих. Но надо помнить, что вольнонаемным рабочим нередко был крепостной оброчный крестьянин. Кадры потомственных вольнонаемных рабочих были пока еще невелики.

Горнодобывающая и металлургическая промышленность размещалась, в основном, на Урале, Алтае и в Забайкалье.

Основными центрами металлообработки и текстильной промышленности стали Петербург, Московская и Владимирская губернии, Тула. Особенно быстро развивалась текстильная промышленность. К концу 20-х годов Россия почти перестала ввозить ситец из-за рубежа. Но в целом отечественная промышленность, несмотря на природные богатства России, не удовлетворяла потребностей населения в промышленных товарах. В середине XIX в. Россия ввозила каменный уголь, сталь, химические продукты, льняные ткани.

На некоторых заводах началось применение паровых машин. В 1815 г. в Петербурге на машиностроительном заводе Берда был построен первый отечественный пароход «Елизавета». С середины XIX в. в России исподволь начался промышленный переворот.

Однако крепостническая система, всевластие бюрократии, плохое состояние путей сообщения — все это ограничивало развитие производительных сил страны и определяло тот замедленный темп экономической жизни, который так отличал Россию от стран Западной Европы.

§ 2. Начало царствования Александра I

Александр I вступил на престол 12 марта 1801 г. в возрасте 23 лет. Он имел хорошее образование. Его воспитатель, швейцарец Лагарп, придерживался идей французского Просвещения. Будучи наследником престола, Александр немало фрондировал против отца. Он говорил, что мечтает дать народу конституцию, устроить его жизнь и удалиться в маленький домик где-нибудь на берегах Рейна.

Тень убитого отца преследовала Александра до конца его дней, хотя вскоре по воцарении он выслал из столицы участников заговора. В первые годы своего правления Александр опирался на небольшой круг друзей, который сложился около него еще до восшествия на престол. П.А. Строганов, А. Чарторыйский, Н.Н. Новосильцев, В.П. Кочубей по-прежнему заходили на чай к Александру, а заодно обсуждали государственные дела. Этот кружок стали называть Негласным комитетом. Его члены, во главе с Александром, были молоды, исполнены благих намерений, но очень неопытны.

И все же первые годы царствования Александра I оставили наилучшие воспоминания у современников. «Дней

Александровых прекрасное начало» — так обозначил эти годы А.С. Пушкин. Наступил короткий период «просвещенного абсолютизма». Открывались университеты, лица гимназии. Принимались меры к облегчению положения крестьян. Александр прекратил раздачу государственных крестьян во владение помещикам. В 1803 г. был принят указ о «вольных хлебопашцах». Согласно указу, помещик мог отпустить своих крестьян, наделив их землей и получив с них выкуп. Но помещики не спешили воспользоваться этим указом. За время царствования Александра I было освобождено всего 47 тыс. душ мужского пола. Но идеи, заложенные в указе 1803 г., впоследствии легли в основание реформы 1861 г.

В Негласном комитете было высказано предложение о запрещении продавать крепостных без земли. Торговля людьми осуществлялась в России в неприкрытых, циничных формах. Объявления о продаже крепостных печатались в газетах. На Макарьевской ярмарке их продавали наряду с прочим товаром, разлучали семьи. Иногда русский крестьянин, купленный на ярмарке, отправлялся в далекие восточные страны, где до конца своих дней жил на положении раба-чужестранца.

Александр I хотел пресечь подобные постыдные явления, но предложение о запрещении продавать крестьян без земли натолкнулось на упорное сопротивление высших сановников. Они считали, что это подрывает крепостное право. Не проявив настойчивости, молодой император отступил. Было запрещено только публиковать объявления о продаже людей.

К началу XIX в. административная система государства находилась в состоянии очевидного развала. Введенная Петром I коллегиальная форма центрального управления явно себя не оправдала. В коллегиях царил круговая безответственность, прикрывавшая взяточничество и казнокрадство. Местные власти, пользуясь слабостью центрального управления, творили беззакония.

На первых порах Александр I надеялся навести порядок и укрепить государство путем введения министерской системы центрального управления, основанной на принципе единоначалия. В 1802 г. вместо прежних 12 коллегий было создано 8 министерств: военное, морское, иностранных дел, внутренних дел, коммерции, финансов, народного просвещения и юстиции. Эта мера укрепила центральное управление.

Но решительной победы в борьбе с злоупотреблениями достигнуто не было. В новых министерствах поселились старые пороки. Разрастаясь, они поднимались до верхних этажей государственной власти. Александру были известны сенаторы, бравшие взятки. Желание изобличить их боролось в нем с опасением уронить престиж Сената. Становилось очевидно, что одними перестановками в бюрократической машине нельзя решить задачу создания такой системы государственной власти, которая активно содействовала бы развитию производительных сил страны, а не пожирала ее ресурсы. Требовался принципиально новый подход к решению задачи.

Александру I удалось найти человека, который с полным правом мог претендовать на роль реформатора. Им стал Михаил Михайлович Сперанский (1772—1839). Сперанский происходил из семьи сельского священника. Выдающиеся способности и трудолюбие выдвинули его на важные государственные посты. В 1807 г. Александр приблизил его к себе, а затем взял с собой, отправляясь в Эрфурт на свидание с Наполеоном. Французский император быстро оценил скромного статс-секретаря, внешне ничем не выделявшегося в русской делегации. «Не угодно ли вам, государь, — в шутку спросил он Александра, — обменять мне этого человека на какое-нибудь королевство?»

Сперанский отличался широтой кругозора и строгой системностью мышления. Он не терпел хаоса и сумбура. Любой, самый запутанный вопрос в его изложении приобретал упорядоченную стройность. В 1809 г. по поручению Александра он составил проект коренных преобразований. В основу государственного устройства Сперанский положил принцип разделения властей — законодательной, исполнительной и судебной. Каждая из них, начиная с самых нижних звеньев, должна была действовать в строго очерченных рамках закона. Создавались представительные собрания нескольких уровней во главе с Государственной думой — все-российским представительным органом. Дума должна была давать заключения по законопроектам, представленным на ее рассмотрение, и заслушивать отчеты министров.

Все власти — законодательная, исполнительная и судебная — соединялись в Государственном совете, члены которого назначались царем. Мнение Государственного совета, утвержденное царем, становилось законом. Если в Государственном совете возникало разногласие, царь по своему вы-

бору утверждал мнение большинства или меньшинства. Ни один закон не мог вступить в действие без обсуждения в Государственной думе и Государственном совете.

Реальная законодательная власть по проекту Сперанского оставалась в руках царя. Но Сперанский подчеркивал, что суждения Думы должны быть свободными, они должны выражать «мнение народное». В этом и заключался его принципиально новый подход: действия властей в центре и на местах он хотел поставить под контроль общественного мнения. Ибо безгласность народа открывает путь к безответственности властей.

По проекту Сперанского избирательными правами пользовались все граждане России, владеющие землей или капиталами, включая государственных крестьян. Мастеровые, домашняя прислуга и крепостные крестьяне в выборах не участвовали, но пользовались важнейшими гражданскими правами. Главное из них Сперанский сформулировал так: «Никто не может быть наказан без судебного приговора». Это должно было ограничить власть помещиков над крепостными.

Осуществление проекта началось в 1810 г., когда был создан Государственный совет. Но затем дело остановилось: Александр I все более входил во вкус самодержавного правления. Однажды он накричал на престарелого Г.Р. Державина, поэта и государственного деятеля: «Ты все хочешь учить, а я — самодержавный царь и хочу, чтобы было так, а не иначе!»

Высшее дворянство, прослышав о планах Сперанского наделить гражданскими правами крепостных, выражало недовольство. Против Сперанского объединились все консерваторы, среди которых особо выделялся А.А. Аракчеев, бывший фаворит Павла, попавший в милость и к новому императору. Сперанский был окружен платными и добровольными шпионами, которые передавали царю каждое его неосторожное слово. В марте 1812 г. он был арестован и сослан в Нижний Новгород.

Александр I, как и его предшественники, вел активную внешнюю политику. Продолжалось сближение России с Грузией, начавшееся во второй половине XVIII в. В основе его лежала общность интересов в борьбе с Турцией и Ираном, которые пытались подчинить себе народы Закавказья. В 1801 г., когда обстановка в Грузии крайне осложнилась,

грузинский царь Георгий XII отрекся от власти в пользу русского царя. В 1804 г. началась война России с Ираном, длившаяся до 1813 г. По мирному договору Иран признал присоединение к России Дагестана и Северного Азербайджана. Русские войска обеспечили народам Закавказья защиту от агрессии со стороны южных соседей и от набегов горских племен. В Закавказье пришел долгожданный мир.

В Европе с конца XVIII в. шла череда непрерывных войн. Они начались тогда, когда коалиция европейских держав во главе с Англией выступила против республиканской Франции. В кровопролитной борьбе Франция отстаивала свое право на выбор формы государственного устройства. Ветхие феодально-аристократические режимы континентальной Европы терпели поражения от французской армии, рожденной в революции и закаленной в борьбе против захватчиков. К несчастью, эта армия не заметила той границы, перейдя которую она подавила свободу собственного народа и превратилась в орудие закабаления соседних стран. Во Франции к власти пришел генерал Наполеон Бонапарт, провозгласивший себя императором. Теперь Франция, по существу, вела войны за мировое господство.

Пожар европейских войн захватывал все новые и новые страны. В борьбу постепенно вовлекалась Россия. В 1805 г. она вступила в военный союз с Англией и Австрией против Франции. В конце того же года русские и австрийские войска потерпели тяжелое поражение от наполеоновской армии в сражении под Аустерлицем.

После этого турецкое правительство, подстрекаемое французской дипломатией, закрыло для русских судов Босфор. В 1806 г. началась затяжная русско-турецкая война. Театром военных действий стали Молдавия, Валахия и Болгария.

Тем временем против Франции сложилась коалиция в составе Англии, России, Пруссии, Саксонии и Швеции. Главной силой коалиции были армии России и Пруссии. Союзники действовали несогласованно, и в 1806—1807 гг. Наполеон нанес им ряд серьезных ударов. В июне 1807 г. русская армия потерпела поражение под Фридландом. Через несколько дней в местечке Тильзит (на территории тогдашней Восточной Пруссии) состоялась встреча Александра I и Наполеона. Там же был заключен мирный договор.

Россия не понесла территориальных потерь, но была вынуждена присоединиться к континентальной блокаде, т.е. по-

рвать торговые отношения с Англией. Этого требовал Наполеон от всех правительств европейских держав, с которыми заключал соглашения. Таким путем он надеялся расстроить английскую экономику. К концу первого десятилетия XIX в. под контролем французского императора оказалась почти вся континентальная Европа.

Присоединение к блокаде поставило Россию во враждебные отношения с Англией. Швеция же отказалась прекратить торговлю с Англией и разорвать с ней союз. Возникла угроза нападения на Петербург. Это обстоятельство, а также нажим со стороны Наполеона заставили Александра I пойти на войну со Швецией. Военные действия продолжались с февраля 1808 по март 1809 г. Швеция потерпела поражение и вынуждена была уступить России Финляндию.

Александр I даровал Финляндии автономию (под властью шведского короля она ею не пользовалась). Кроме того, в состав Финляндии был включен Выборг, находившийся во владении России со времен Петра I. Великое княжество Финляндское стало обособленной частью Российской империи. Оно чеканило собственную монету и имело таможенную границу с Россией.

Континентальная блокада была невыгодна России. Русские хлеботорговцы терпели убытки, в казну не поступали налоги на экспорт. В конце концов, в обход соглашения с Наполеоном, торговля с Англией стала осуществляться на американских судах, а между Россией и Францией развернулась таможенная война. Самолюбивый Александр I тяготился навязанным ему Тильзитским миром и отвергал попытки Наполеона диктовать ему свою волю. Наполеон видел, что Россия не покорилась. Ее сокрушение с последующим расчленением на несколько полузависимых государств должно было, по замыслу французских стратегов, завершить покорение континентальной Европы и открыть заманчивые перспективы похода в Индию.

Отношения с Францией быстро ухудшались. При этом значительная часть русской армии была задействована на юге, где продолжалась война с Турцией. В 1811 г. здесь командующим армией был назначен Михаил Илларионович Кутузов (1745—1813). Ему удалось одержать ряд побед. Затем, проявив незаурядное дипломатическое искусство, Кутузов склонил турецких представителей к подписанию мирного договора. Граница с Турцией была установлена по р. Прут, к

России отошла Бессарабия. Сербия, находившаяся под турецким владычеством, получила автономию. Это положило начало полной ее независимости.

В мае 1812 г., менее чем за месяц до вторжения в Россию французской армии, военный конфликт с Турцией был улажен. Наполеон, еще не начав новую войну с Россией, потерпел в ней первое (дипломатическое) поражение.

§ 3. «Гроза двенадцатого года...»

На рассвете 12 июня 1812 г. «Великая армия» Наполеона (640 тыс. человек), переправившись через Неман, вторглась в пределы Российской империи. Русская армия насчитывала 590 тыс. человек. Она была разделена на три далеко отстоящих друг от друга группы (под командованием генералов М.Б. Барклая-де-Толли, П.И. Багратиона и А.П. Тормасова). Александр I находился при штабе армии Барклая. «Я не положу оружия, — заявил он, — доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем».

Быстрое продвижение мощной французской армии опрокинуло планы русского командования задержать ее силами армии Барклая и ударить во фланг силами Багратиона. Стратегическая обстановка требовала скорейшего соединения двух армий, а это заставляло отступать. Численное превосходство неприятеля ставило вопрос о срочном пополнении армии. Но в России не было всеобщей воинской повинности. Армия комплектовалась путем рекрутских наборов. И Александр I решился на необычный шаг. 6 июля, находясь в военном лагере близ Полоцка, он издал манифест с призывом создавать народное ополчение. В тот же день Александр оставил армию и выехал в Смоленск. В Смоленске царь встретился с местным дворянством, которое просило о разрешении вооружиться самим и вооружить крестьян. Одоблив это ходатайство, Александр обратился к смоленскому епископу Иринею с рескриптом, в котором возлагал на него долг ободрять и убеждать крестьян, чтобы они вооружались, чем только могут, не давали врагам пристанища и наносили им «великий вред и ужас». Рескрипт узаконил партизанскую войну. Но крестьяне, покинувшие свои жилища и ушедшие в лес, ничего не знали о нем. Их борьба против захватчиков разворачивалась независимо от царских рескриптов. В августе

на смоленской земле уже действовали первые партизанские отряды.

Оставляя заслоны против фланговых ударов, теряя свои позиции в результате быстрых маршей и стычек с партизанами, «Великая армия» таяла на глазах. К Смоленску под водительством Наполеона подошло только 200 тыс. человек.

В это время Александр I был уже в Москве. Населению древней столицы было охвачено патриотическим подъемом, «Наполеон не может нас победить, — говорили простые москвичи, — потому что для этого нужно всех нас наперед перебить». На встрече с императором дворянство выразило желание выставить в ополчение по 10 человек на каждые сотни душ своих крепостных. Московское купечество собрало на подписку 2,4 млн. руб. Городской голова, капитал которого составлял 100 тыс. рублей, первый подписался на 50 тыс. руб., крестясь и говоря: «Бог дал их мне, и я отдаю их Отечеству».

Александр I в те дни вел себя необыкновенно скромно, даже робко. Проходя по Кремлю, кланялся народу, просил не расталкивать теснившихся вокруг него людей. Прежде чем выйти к дворянству и произнести речь, долго «набирался духу». Судьба его царствования висела на волоске, но он уже уловил настроение народа, понял, что война приобретает народный характер и что только это может спасти его в схватке с Наполеоном. Кто-то осмелился спросить, что он намерен делать, если Бонапарт захватит Москву. «Сделать из России вторую Испанию», — твердо отвечал Александр. В Испании в это время шла народная борьба против французских оккупантов.

Недаром, однако, говорили, что у Александра I всегда было как бы две политики — либерально-просвещенная и полицейско-репрессивная. В период Отечественной войны А.А. Аракчеев держался в тени, но неотступно следовал за императором. Другой представитель той же политики, граф Ф.В. Ростопчин, был назначен на пост московского генерал-губернатора. Отличаясь самодурством и крайней подозрительностью, он всюду искал шпионов и озадачивал москвичей своими выходками. Когда в одном из московских дворцов дворяне и купцы собрались на встречу с царем, у бокового выхода расторопный Ростопчин поставил возок с двумя полицейскими, одетыми по-дорожному. Все знали, что в этом возке отправится в Сибирь тот, кто скажет лишнее слово.

В конце июля у Смоленска русским армиям удалось соединиться. Александр, к тому времени вернувшийся в Петербург, медлил с назначением главнокомандующего. Общее руководство армиями было поручено Барклаю-де-Толли, занимавшему пост военного министра. Хороший стратег и мужественный воин, он был молчалив, замкнут, малодоступен, почти никогда не говорил с солдатами. В армии его не любили. Багратион, сторонник более активных действий, открыто выражал несогласие с тактикой Барклая. Генералы не любили друг с другом. В несогласованности их действий многие видели причину того, что после кровопролитного сражения русские войска оставили Смоленск. Отступление снижало боевой дух армии, участились случаи мародерства, поползли слухи об измене. В армии и обществе заговорили о том, что Барклай «ведет гостя в Москву».

Тем временем, победоносно завершив войну с Турцией, в Петербург вернулся М.И. Кутузов. В ту пору ему шел 67-й год. Ученик и соратник Суворова, он обладал широким стратегическим мышлением, был опытным военачальником и дипломатом. О Кутузове сразу заговорили как о единственном человеке, способном занять пост главнокомандующего. Московское и Петербургское ополчения избрали Кутузова своим начальником, причем в Петербурге он был избран единогласно, а в Москве обошел Ростопчина. Александр I недолюбливал Кутузова, но в создавшейся обстановке должен был уступить. «Общество желало его назначения, и я его назначил, — сказал он в сердцах, — сам же я умываю руки». В дальнейшем царь не раз подумывал о замене Кутузова на Барклая, но так и не решился это сделать.

Справедливости ради надо сказать, что Александр I был тверд в борьбе со Наполеоном и внес в нее немалый вклад. Проведя трудные переговоры со шведским королем, он сумел удержать его от союза с французским императором. Так была достигнута еще одна дипломатическая победа в этой войне.

По дороге в армию Кутузов часто повторял: «Если только Смоленск застану в наших руках, то неприятелю не бывать в Москве». За Торжком он узнал, что Смоленск оставлен. «Ключ к Москве взят», — с огорчением сказал Кутузов. После этого его мысли вновь и вновь возвращались к тому, какой выбор он должен сделать. «Не решен еще вопрос, — писал он в одном из писем, — потерять ли армию или потерять Москву».

17 августа у села Царево-Займище Кутузов прибыл в армию, встреченный общим ликованием. Офицеры поздравляли друг друга, а солдаты быстро сложили поговорку: «Пришел Кутузов бить французов». «Разве можно с такими молодцами отступить?» — говорил он, осматривая войска. Но затем, разобравшись в обстановке, дал приказ продолжить отступление: надо было навести порядок в армии и соединиться с подходившими резервами. Рядом решительных мер Кутузов улучшил снабжение армии, пресек мародерство, подтянул дисциплину. Большие надежды главнокомандующий возлагал на формирувавшееся в Москве ополчение.

Москва в эти дни жила необычной жизнью. Большинство тех, кто мог носить оружие, записывалось в ополчение. Старики, женщины, дети готовились в путь. После оставления Смоленска от московских застав потянулись вереницы карет и колясок. Потом их сменили повозки и простые телеги. А затем — пешие.

Торжественные проводы московского ополчения состоялись 14 августа. Замечательный русский поэт В.А. Жуковский, ушедший с ополчением, был человеком совсем не военным. Он писал, что пошел «под знамена не для чина, не для креста и не по выбору собственному, а потому что в *это время* всякому *должно* было быть военным, даже и не имея охоты». Московское ополчение участвовало в Бородинской битве.

В Петербурге с 27 августа на трех плацах в течение пяти дней производилось ускоренное обучение 13 тыс. ратников. Впоследствии Петербургское и Новгородское ополчения использовались для усиления войск, прикрывавших Петербург. Несколько позднее включились в военные действия другие ополчения, а также калмыцкие, татарские и башкирские полки.

В конце августа численный перевес все еще был на стороне французов. Но Кутузов знал, что нельзя слишком долго сдерживать рвущуюся в бой армию. Тем более, что русское общество требовало решительных действий и было готово сделать все для победы.

Вечером 22 августа главные силы русской армии остановились у села Бородина на Новой Смоленской дороге, в 110 км от Москвы. К югу от села, километрах в пяти, была деревня Утица — на Старой Смоленской дороге. Развернувшись между ними на холмистой местности, русская армия преградила неприятелю путь на Москву. Когда главнокоман-

дующий осматривал поле будущего сражения, высоко в небе над ним парил исполинский орел. «Куда он, туда и орел», — вспоминал ординарец Кутузова. Это сочли за добрый знак.

Русская армия насчитывала 132 тыс. человек (в том числе 21 тыс. плохо вооруженных ополченцев). Французская армия — 135 тыс. Штаб Кутузова, полагая, что в армии противника около 190 тыс. человек, избрал оборонительный план.

Французы подошли к Бородину на следующий же день, но были задержаны у деревни Шевардино. 24 августа неприятель штурмовал Шевардинский редут, защищавшийся небольшим отрядом русских войск. В это время на Бородинском поле спешно возводились укрепления. В центре обороны, на Курганной высоте, была развернута батарея из 18 орудий. Она входила в состав корпуса, которым руководил генерал Н.Н. Раевский. Впоследствии ее стали называть батареей Раевского. Левее от нее, недалеко от села Семеновского, были вырыты земляные укрепления (флеши), на которых разместили 36 орудий. Это был ключевой пункт обороны левого фланга, которым командовал П.И. Багратион. Его имя закрепилось в названии флешей.

26 августа 1812 г. в половине шестого утра началось знаменитое *Бородинское сражение*. Наполеон намеревался прорвать русские позиции в центре, обойти левый фланг, отбросить русскую армию от Старой Смоленской дороги и освободить путь на Москву. Но обходный маневр не удался: близ Утицы французы были остановлены. Основной же удар Наполеон обрушил на Багратионовы флеши. Их штурм продолжался почти непрерывно в течение шести часов. Багратион получил тяжелое ранение, командование флангом перешло к генерал-лейтенанту П.П. Коновницину. Около полудня, ценой огромных потерь французы овладели укреплениями. Русские войска отошли на ближайшие холмы. Попытка французской кавалерии сбить русских с новой позиции успеха не имела.

В это же время были отбиты две атаки французов на батарею Раевского. Пока готовилась третья атака, в тылу французов оказалась русская кавалерия во главе с казачьим атаманом М.И. Платовым и генералом Ф.П. Уваровым. Прошло несколько часов, пока французы организовали отпор. Это время Кутузов использовал для переброски подкреплений в «горячие точки». Третья, решающая, атака французов на батарею Раевского была предпринята около двух часов

дня. Схватка длилась более полутора часов. Под напором превосходящих сил русские были вынуждены отойти. Наполеон бросил им вслед кавалерию. Но русская кавалерия ответила контратакой и французы были остановлены. Вклинившись в оборону русских войск, они не смогли добиться прорыва. Путь на Москву по-прежнему был для них закрыт. День закончился под грохот артиллерии. Канонада Бородинского сражения, как говорили, была слышна у московских застав. С наступлением темноты Наполеон приказал оставить ряд захваченных высот, в том числе батарею Раевского.

Атакующая сторона обычно несет более крупные потери. В боях 24—26 августа Наполеон потерял 58,5 тыс. солдат и офицеров. Потери русской армии были не намного меньше — 44 тыс. Это объяснялось тем, что по ходу боя армии неоднократно менялись ролями — русские выбивали французов с захваченных позиций. Большие потери русские войска несли от вражеской артиллерии. В Бородинском сражении русская армия имела небольшой перевес в количестве пушек, но французы вели более сосредоточенный огонь. На действиях русской артиллерии сказалась гибель в разгар сражения ее командующего генерала А.И. Кутайсова. Русская армия потеряла около тысячи офицеров и 23 генерала. Умер от раны отважный Багратион.

Ввиду больших потерь и принимая во внимание, что у Наполеона остался нетронутый резерв (Старая гвардия), Кутузов приказал утром 27 августа отойти с поля сражения.

Армия подошла к Москве, в которой к тому времени осталась примерно четвертая часть населения. 1 сентября в деревне Фили под Москвой состоялся военный совет, на котором Кутузов поставил вопрос, дать ли под стенами древней столицы еще одно сражение или отступить без боя. Ряд генералов (Бенигсен, Дохтуров, Уваров, Коновницын) настаивали на сражении. Барклай возражал: в случае неудачного исхода армия не сможет быстро отступить по узким улицам большого города и произойдет катастрофа. Кутузов тоже не был доволен позицией, занятой русской армией. «Пока будет еще существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, — сказал он, — до тех пор останется еще надежда с честью окончить войну, но при уничтожении армии не только Москва, но и вся Россия была бы потеряна».

Встал вопрос, в какую сторону отступать. Барклай предложил идти к Волге: «Волга, протекая по плодороднейшим

губерниям, кормит Россию». Если бы приняли это предложение, отступить пришлось бы по Владимирской дороге. Но Кутузов не согласился: «Мы должны помышлять теперь не о краях, продовольствующих Россию, но о тех, которые снабжают армию, а посему нам следует взять направление на полуденные [южные] губернии». Решено было идти по Рязанской дороге. Закрывая совет, Кутузов сказал: «Что бы ни случилось, я принимаю на себя ответственность пред государем, Отечеством и армиею».

На следующий день русская армия вышла из Москвы. Когда удалось оторваться от неприятеля, Кутузов приказал оставить Рязанскую дорогу и проселочными дорогами, через Подольск, перейти на Калужскую. В Калуге и ее окрестностях были сосредоточены продовольственные склады, необходимые для армии. Вечером того же дня проходящие войска заметили огромное зарево, поднявшееся над Москвой.

В оставленной русскими войсками и обезлюдевшей Москве орудовали мародеры из «Великой армии» и обыкновенные грабители. Французское командование сначала не придало значения начавшимся в разных местах пожарам. Но в сухую и теплую погоду огонь быстро распространялся. И вот уже сплошь загорелись Арбат и Замоскворечье, вспыхнули деревянные дома на Моховой. Огонь охватил торговые ряды Китай-города. В огромные костры превратились баржи с сеном на Москве-реке.

Огненное кольцо сжималось вокруг Кремля, где остановился Наполеон. Поздно вечером император со свитой выехал из Кремля и по горящей Тверской перебрался в Петровский загородный дворец.

Кутузов пил чай и беседовал с крестьянами, когда ему сообщили о пожаре. Помолчав, он сказал: «Жалко это, правда, но подождите, я ему голову проломаю».

Москва горела шесть дней. Пожар уничтожил три четверти городских построек и провиантские склады. Французская армия сразу оказалась на грани голода.

Русская армия расположилась у села Тарутина, в 80 км от Москвы, прикрывая тульские оружейные заводы и плодородные южные губернии. Подтягивались резервы, залечивались раны. Обосновавшийся в Москве Наполеон полагал, что кампания окончена, и ждал предложений о мире. Но никто не слал к нему послов. Гордому завоевателю пришлось самому обращаться с запросами к Кутузову и Александру I.

Кутузов отвечал уклончиво, ссылаясь на отсутствие полномочий. Однако возглавляемая им армия была решительно против переговоров о мире. А при дворе шла закулисная борьба. Вдовствующая императрица Мария Федоровна, брат царя Константин и царский любимец Аракчеев возглавили придворную клику, требовавшую мира с Наполеоном. К ним присоединился канцлер Н.П. Румянцев. Между армией и двором возникли напряженные отношения, и генералы довели до сведения царя свое пожелание об отставке Румянцева. Александр посчитал такой поступок величайшей дерзостью, но подавил свой гнев. Румянцев остался на посту канцлера. Но вступать в переговоры с Наполеоном царь отказался.

Положение наполеоновской армии быстро ухудшалось. Оторвавшись от своих тыловых баз, она существовала за счет изъятия продуктов у местного населения. Повсюду бесчинствовали фуражиры и мародеры. Подмосковные крестьяне, как прежде смоленские, уходили в леса. На смоленской земле и в Подмосковье развернулось партизанское движение. Отрядами партизан руководили солдаты, бежавшие из французского плена, местные помещики, особо авторитетные крестьяне. Так под командованием крепостного крестьянина Герасима Курина в Подмосковье сражалось свыше 5 тыс. пеших и 500 конных крестьян. В Смоленской губернии широкую известность получила старостиха Василиса Кожина, возглавлявшая отряд из подростков и женщин. Партизаны выслеживали и уничтожали отдельные небольшие группы наполеоновских солдат.

Кутузов, быстро оценивший значение партизанской войны, стал засылать в тыл неприятеля кавалерийские отряды. Пользуясь поддержкой населения, они наносили чувствительные удары по врагу. Одним из первых пошел в партизаны поэт и гусар Денис Васильевич Давыдов (1784—1839). Подполковник А.С. Фигнер проник в оккупированную Москву и слал донесения в штаб Кутузова. Затем он организовал партизанский отряд. Смелые рейды по тылам противника совершал отряд А.Н. Сеславина. Отряд И.С. Дорохова, взаимодействуя с крестьянскими повстанцами, в конце сентября освободил г. Верею. В октябре отряды Давыдова, Фигнера, Сеславина и В.В. Орлова-Давыдова, действуя совместно, окружили и взяли в плен 2 тыс. французов. За месяц пребывания в Москве французская армия потеряла около 30 тыс. человек.

Приближались холода, и Наполеон понял, что зимовать на московских пепелищах было бы безумием. В начале октября у села Тарутина произошло сражение между французским авангардом и частями русской армии. Французы отступили с большими потерями. Будто бы для того, чтобы «наказать» русских, Наполеон 7 октября вывел свою армию из Москвы. Передовые части двух армий встретились у Малоярославца. Пока город переходил из рук в руки, подошли главные силы. Перед Наполеоном встал вопрос: давать ли генеральное сражение, чтобы прорваться на Калужскую дорогу, или отступить по Смоленской, где его ожидали разграбленные села и озлобленное население. На этот раз непобедимый Наполеон решил не искушать судьбу и дал приказ отступать на Смоленск.

Но оказалось, что от судьбы не уйдешь. Отступавшие французские войска подвергались ударам казаков, летучих кавалерийских отрядов, партизан. От бескормицы падали лошади — приходилось бросать артиллерию, спешивалась кавалерия. Кутузовская армия двигалась параллельно наполеоновской, все время угрожая вырваться вперед и отрезать пути отступления. Из-за этого Наполеон не смог задержаться в Смоленске дольше четырех дней. С наступлением холодов положение французской армии стало критическим. Только гвардия и присоединившиеся к ней два корпуса сохраняли боеспособность. Огромные потери французская армия понесла при переправе у р. Березины 14—16 ноября. Вскоре после этого Наполеон тайно уехал в Париж, оставив армию. В середине декабря жалкие ее остатки перешли обратно через Неман. Преследовавшая Наполеона русская армия тоже понесла большие потери — не только в боях, но и от холода, плохого питания, болезней, изнурительных маршей. К берегам Немана вышла лишь половина той армии, что стояла у Тарутина.

Наполеоновское нашествие было огромным несчастьем для России. В прах и пепел были обращены многие города. В огне московского пожара навеки исчезли драгоценные реликвии прошлого. Громадный урон понесли промышленность и сельское хозяйство. Впоследствии Московская губерния быстро оправилась от опустошения, а в Смоленской и Псковской вплоть до середины века численность населения была меньше, чем в 1811 г.

Но общая беда, как известно, сближает людей. В борьбе с врагом тесно сплотилось население центральных губерний,

составлявшее ядро русской нации. Не только губернии, но посредственно пострадавшие от нашествия, но и примыкавшие к ним земли, принимавшие беженцев и раненых, отправлявшие ратников, продовольствие и вооружение, жили в те дни одной жизнью, одним делом. Это значительно ускорило сложный и длительный процесс консолидации русской нации. Теснее сблизилась с русским народом другая народность России.

Жертвенная роль, выпавшая на долю Москвы в драматических событиях 1812 г., еще более возвысила ее значение как духовного центра России. Наоборот, сановный Петербург, двор, официальное правительство оказались на периферии событий. О них в тот грозный год как бы почти забыли. Александру I так и не удалось сблизиться с народом Аракчеев, Ростовчин, полицейский возок — все это по-прежнему отделяло его от простого народа, от общества.

М.И. Кутузов, в ком счастливо сочетались лучшие черты русского характера, не случайно оказался в центре событий. Выдвинутый народом, обществом, в тот год он стал, по существу, национальным лидером. В самом названии Отечественной войны как бы подчеркивается ее общественный, народный характер. (Недаром император Павел в свое время пытался запретить слово «Отечество».) В 1812 г. русское общество, заставив самодержавное правительство потесниться, вновь, как во времена Минина и Пожарского, взяло дело защиты Отечества в свои руки. В борьбе с иностранными захватчиками Россия отстояла свою независимость и территориальную целостность.

Эти события произвели очень сильное впечатление на современников, особенно на молодежь. «Мы были дети 12-го года», — говорили о себе декабристы. «Гроза двенадцатого года» наложила неизгладимый отпечаток на творчество А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова. На ее преданиях выросли А.И. Герцен и Н.П. Огарев. Она не прошла бесследно.

§ 4. Заграничный поход русской армии и Венский конгресс

К весне 1813 г. значительная часть Польши была освобождена от наполеоновских войск. Русская армия под командованием М.И. Кутузова вступила на территорию Пруссии.

Прусский король, боявшийся Наполеона как огня, настаивал на продолжении союза с ним. Но прусская армия объявила о прекращении военных действий против русских войск. По всей Германии развернулось народное движение против оккупаторов. В тылу французских войск действовали партизанские отряды. Одним из них командовал русский офицер А.С. Фигур (Осенью он погиб, пытаясь вырваться из окружения.)

В феврале 1813 г. Россия и Пруссия заключили союзный договор, а затем французы были изгнаны из Берлина. Наполеон, однако, собрал новую армию, численно превосходившую действовавшие против него войска. В апреле умер Михаил Илларионович Кутузов. После этого русско-прусские войска потерпели ряд поражений. В военных действиях наступила пауза и развернулась дипломатическая борьба.

Наполеоновская дипломатия, проявившая неуступчивость, не смогла предотвратить образование новой антифранцузской коалиции в составе России, Англии, Пруссии, Австрии и Швеции. В октябре 1813 г. произошло грандиозное Лейпцигское сражение («битва народов»). С обеих сторон в нем участвовало более полумиллиона человек. Наполеон был разбит, но из-за несогласованности действий союзников сумел выйти из окружения. В конце 1813 — начале 1814 г. союзные армии вступили на территорию Франции. 18 (30) марта капитулировал Париж.

Наполеон был сослан на о. Эльбу в Средиземном море. Но через год он неожиданно вернулся во Францию и без единого выстрела вступил в Париж. На этот раз его правление продолжалось всего сто дней. В июне 1815 г. в битве на картофельных полях близ селения Ватерлоо в Бельгии он потерпел решающее поражение от соединенных сил английской, голландской и прусской армий.

В 1814 г. в Вене был созван конгресс для решения вопроса о послевоенном устройстве Европы. В австрийскую столицу съехались представители 216 европейских государств, но главную роль играли Россия, Англия и Австрия. Русскую делегацию возглавлял Александр I.

Победа народов Европы над тиранией Наполеона была использована европейскими правителями для восстановления прежних монархий. Но крепостное право, сметенное в ряде стран по ходу наполеоновских войн, восстановить оказалось невозможно.

По венским соглашениям в состав России перешла значительная часть Польши вместе с Варшавой. Александр I предоставил Польше конституцию и созвал сейм.

В 1815 г., когда конгресс закончился, русский, прусский и австрийский монархи подписали договор о Священном союзе. Они взяли на себя обязательство обеспечивать неизменность решений конгресса. В дальнейшем к союзу присоединилось большинство европейских монархов. В 1818—1822 гг. регулярно созывались конгрессы Священного союза. Англия не вступила в союз, но активно его поддерживала.

После наполеоновского устройства мира, осуществленного на консервативной основе, оказалось непрочным. Некоторые из восстановленных феодально-аристократических режимов вскоре стали трещать по швам. Священный союз был активен лишь первые 8—10 лет, а затем фактически распался. Тем не менее Венский конгресс и Священный союз нельзя оценивать только отрицательно. Они имели и положительное значение, обеспечив на несколько лет всеобщий мир в Европе, измученной кошмаром непрерывных войн.

После наполеоновского нашествия возникло длительное отчуждение между Россией и Францией. Лишь к концу XIX в. отношения потеплели, а затем началось сближение. В 1912 г. в России широко отмечалось столетие Отечественной войны. 26 августа на Бородинском поле состоялся парад. Были возложены венки к памятнику на батарее Раевского, на могилу Багратиона. У деревни Горки, где находился командный пункт русских войск, был открыт памятник Кутузову. В торжествах участвовала французская военная делегация. На холме у села Шевардина, откуда руководил сражением Наполеон, был установлен обелиск в память о французских солдатах и офицерах, павших на полях России. Так, через сто лет, произошло примирение. Ибо не могут и не должны народы вечно хранить обиду друг на друга.

§ 5. Внутренняя политика Александра I после Отечественной войны

После наполеоновских войн передовая часть русского общества ожидала, что в истории России начнутся новые времена. Солдаты и офицеры, познакомившись с более свободной жизнью европейских народов, в новом свете восприни-

Полемика между западниками и славянофилами шла с переменным успехом. Западникам, например, не удалось доказать, что современная крестьянская община не имеет ничего общего с древней, что она была создана государством специально для взимания податей. В этом вопросе многие западники стали на сторону славянофилов. Кавелин, например, считал, что община — «великое хранилище народных сил». Но в вопросе о путях дальнейшего развития России западникам удалось привлечь общественное мнение на свою сторону. Едва ли не решающую роль в этом сыграло знаменитое письмо Белинского Гоголю.

Белинский много сделал для пропаганды творчества Гоголя. Но последняя его книга, «Выбранные места из переписки с друзьями», вызвала у него резкий протест. Основная мысль книги была та, что бороться с недостатками общественного устройства следует только путем религиозного самосовершенствования. Этот способ улучшения жизни, который проповедовали Н.В. Гоголь и Л.Н. Толстой, нельзя отбрасывать. Становясь добрее к другим людям и требовательнее к себе, человек улучшает окружающий мир. Но борьбу за лучший мир нельзя сводить только к самосовершенствованию, ибо тогда зло может восторжествовать. Примерно это и доказывал Белинский Гоголю с излишней, быть может, запальчивостью.

Белинский писал, что Россия представляет собою «ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми», где «нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей». Белинский подчеркивал: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть». Самодержавие, с сарказмом отмечал он, вблизи не так красиво и не так безопасно, как оно кажется Гоголю из «прекрасного далека».

Письмо было написано летом 1847 г., когда Белинский лечился за границей от чахотки. Гоголь тоже был за границей, и Белинский писал свободно, не опасаясь, что письмо будет вскрыто русской полицией. Тем же летом Белинский встречался в Париже с Герценом, которому разрешили, наконец, выехать за границу.

Заграничное лечение не спасло Белинского, в мае 1848 г. он умер. К концу своей жизни он разочаровался в учении французских социалистов, но не успел развить эти свои мысли. А «Письмо к Гоголю» в тысячах списков разошлось по России. Управляющий Третьим отделением Л.В. Дубельт, как говорят, «яростно сожалел», что Белинский умер: «Мы бы его сгноили в крепости».

Но не спаслись от преследования многие из тех, кто распространял это письмо и пропагандировал его идеи. С особой силой это сказалось на судьбе членов кружка М.В. Буташевича-Петрашевского, чиновника Министерства иностранных дел. Этот кружок посещали чиновники, литераторы, офицеры. Они говорили о необходимости отмены крепостного права, введении свободы печати, знакомили друг друга с произведениями французских социалистов, читали и обсуждали «Письмо к Гоголю». До организации тайного общества с определенной программой и выборным руководством дело не дошло.

Приговор по делу петрашевцев был потрясающим. Суд приговорил к расстрелу 21 человека, в числе которых оказался Ф.М. Достоевский, в то время начинающий писатель, виновный только в том, что читал «Письмо к Гоголю» и передал его другому. 22 декабря 1849 г. приговоренные были привезены на площадь. На них надели предсмертные рубахи. Первых троих, в том числе Петрашевского, привязали к столбу. Забили барабаны, офицер скомандовал целиться. Один из осужденных в это время сошел с ума. Но вдруг ударили отбой, и осужденным объявили «царскую милость» — смертную казнь заменить каторгой. После суда над петрашевцами имя Белинского надолго было запрещено упоминать в печати.

Революционные события 1848 г. в Европе отозвались в России волной репрессий и усилением цензурного гнета. Кавелин вынужден был уйти из Московского университета. Попали в немилость и славянофилы. Юрий Самарин и Иван Аксаков побывали под арестом. Общественная мысль в России на несколько лет, казалось, замерла.

Герцен за границей переживал нелегкие времена. Западно-европейская жизнь при ближайшем рассмотрении показалась ему уже не столь привлекательной, какой он видел ее издали. Более всего отталкивала Герцена та откровенная погоня за чистоганом, которая была столь характерна для

капитализма на ранних его стадиях. Тяжелое впечатление на него произвела кровавая расправа над парижскими повстанцами в июне 1848 г.

Определенное разочарование испытывал Герцен и в идеях французских социалистов. Он спрашивал: «Где лежит необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?»... «Отчего верить в Бога смешно, а верить в человечество не смешно, верить в царство небесное — глупо, а верить в земные утопии — умно?»

Когда Герцен потерял жену, ему казалось, что все рухнуло — общее и частное, европейская революция и домашний кров. Только вера в Россию спасла его в те времена. Он пришел к выводу, что Россия пойдет иным путем, чем Западная Европа. В крестьянской общине Герцен увидел зародыш социалистического будущего России. Произошло своеобразное соединение славянофильства с социалистической доктриной. Герцен, конечно, знал, что порядки в России гораздо хуже, чем в Европе. Но европейские порядки ему тоже не нравились, ему не хотелось такого будущего для России, хотелось лучшего будущего. Возникла довольно опасная иллюзия, что можно «перепрыгнуть» через целый этап исторического развития. Герценовский социализм был столь же утопичен, как и теория французских социалистов, над которыми он иронизировал. Но в тот момент эта новая теория помогла Герцену выйти из кризиса. В дальнейшем она положила начало целой полосе общественного движения в России. Герцен, однако, никогда не ставил вопрос о непосредственной борьбе за введение в России социалистического строя.

В 1852 г. Герцен приехал в Лондон, а на следующий год основал здесь Вольную русскую типографию, чтобы распространять в России идеи освободительного движения.

Драматические события произошли в судьбе М.А. Бакунина, уехавшего в 1840 г. за границу изучать философию. Одна из его статей, опубликованная в Берлине, наделала много шума. Она заканчивалась словами: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть». Через несколько лет он доказал, что его слова не расходятся с делами. В 1848 г. он участвовал в восстании в Праге, а в 1849 г. — в Дрездене. В Саксонии его приговорили к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Затем его выдали в Австрию, где он тоже был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Но здесь с ним об-

ращались более сурово. Когда тюремщики прослышали, что он готовит побег, его приковали к стене. Так он провел несколько месяцев, пока в 1851 г. по требованию Николая I не был выдан русским властям. Три года провел Бакунин в Петропавловской крепости и три — в Шлиссельбурге. Только новый император Александр II разрешил перевести его на поселение в Сибирь.

В конце 20-х годов, с небольших интеллигентских кружков философского направления, исподволь начался новый этап освободительного движения. В чем-то оно в 30—40-е годы еще уступало движению декабристов. При Николае I никто не разрабатывал конституционных проектов. Но вопрос о правах человека был поставлен более основательно. В 40-е годы движение стало более широким, чем при декабристах. Более заметную роль теперь играли в нем разночинцы. Начавшийся этап освободительного движения можно назвать дворянско-разночинским. «Удивительное время наружного рабства и внутреннего освобождения», — так характеризовал А.И. Герцен начало нового этапа освободительного движения.

§ 6. Крымская война

В 1850 г. в Палестине произошел конфликт между православным и католическим духовенством. Речь шла о том, кто будет блюстителем особо чтимых храмов в Иерусалиме и Вифлееме. Палестина тогда входила в состав Османской империи. Под давлением президента Франции Луи-Наполеона Бонапарта султан решил вопрос в пользу католиков. Это вызвало недовольство в Петербурге.

Спор из-за палестинских святынь сыграл роль детонатора в давно назревшем европейском конфликте. Это было время медленного распада 400-летней Османской империи и формирования новых империй — Британской, Французской и Российской. Когда отгремели европейские революции 1848—1849 гг., Николай I решил упрочить стратегическое положение своей Империи. Он считал это законным вознаграждением за те услуги, которые он оказал европейским монархам. В первую очередь он хотел решить проблему черноморских проливов. По действовавшим тогда соглашениям русский военный флот не мог проходить через проливы. Тур-

ция же в случае войны могла пропускать в Черное море флот своих союзников. Кроме того Николай хотел укрепить влияние России на Балканском полуострове.

Воспользовавшись спором из-за святынь, Николай I усилил нажим на Турцию. На переговоры в Константинополь был послан царский любимец А.С. Меншиков. Светлейший князь пробовал свои силы на разных поприщах (военном, морском, дипломатическом), но нигде не достиг особых успехов. Он был человеком средних способностей, но при помощи светских манер, неожиданных выходов и натужного остроумия умел создать преувеличенное о себе представление. При дворе султана Меншиков повел себя крайне надменно. Переговоры вскоре зашли в тупик, и миссия Меншикова только обострила конфликт.

Готовясь к войне, Николай I рассчитывал на неприязненное отношение английского правительства к отпрыску Наполеона. Но сильно просчитался. Традиционная политика Англии заключалась в том, чтобы не допускать преобладания на европейском континенте какой-то одной державы. Возвышение Николая после подавления европейских революций и его широкие планы беспокоили Лондон.

Николая I не смутил отказ английского правительства от союза с ним. Он продолжал нажим на Турцию, требуя от султана признать его покровителем всех православных, живущих в Турции. В подкрепление этих требований были введены русские войска в Молдавию и Валахию, которые находились в вассальной зависимости от Турции. В ответ английская и французская эскадры вошли в Мраморное море. Ободренный этим, турецкий султан в октябре 1853 г. объявил России войну.

Военные действия в Дунайских княжествах развертывались вяло. Основной удар Турция намеревалась нанести в Закавказье, рассчитывая на встречные удары отрядов Шамиля. Предполагалась высадка десанта на побережье Грузии. Но этот замысел сорвали решительные действия русского флота. 18 ноября 1853 г. русская эскадра под командованием Павла Степановича Нахимова прорвалась в Синопскую бухту, где стоял турецкий флот, и наголову его разбила.

В последующие месяцы русские войска нанесли ряд поражений туркам в Закавказье. Воины Шамиля, прорвавшиеся до селения Цинандали, были остановлены и отброшены в горы.

Спасая Турцию от неминуемого поражения, в январе 1854 г. англо-французская эскадра вошла в Черное море. В ответ русское правительство отозвало своих послов из Парижа и Лондона. В марте 1854 г. русские войска перешли через Дунай. Ультиматум Англии и Франции об оставлении Молдавии и Валахии был отвергнут. 15 (27) марта английская королева Виктория объявила России войну. Днем позже это сделал Луи Бонапарт, успевший к тому времени провозгласить себя императором Наполеоном III.

Союзникам не удалось создать общеевропейскую коалицию против России. Лишь небольшое Сардинское королевство примкнуло к ним. Но Австрия, формально оставаясь нейтральной, сосредоточила свою армию на границе Дунайских княжеств. Русские войска вынуждены были отойти сначала за Дунай, а затем за Прут.

Англо-французская эскадра появилась в Балтийском море, блокировала Кронштадт и Свеаборг. На Белом море английские корабли подвергли варварской бомбардировке Соловецкий монастырь, а на Мурманском побережье сожгли старинный русский город Колу.

В августе того же года англо-французская эскадра появилась перед Петропавловском-Камчатским. Небольшой русский гарнизон под командованием адмирала В.С. Завойко оказал героическое сопротивление и вынудил противника отступить.

С лета 1854 г. на побережье Болгарии стала сосредотачиваться англо-французская армия. Ею командовали маршал Сент-Арно и лорд Раглан. До русского командования доходили слухи, что союзники нацеливаются на Севастополь. Но А.С. Меншиков, командующий русскими войсками в Крыму, лишь посмеивался над такими слухами.

Местом высадки десанта Сент-Арно избрал пустынные пляжи близ Евпатории. 60-тысячная армия союзников сразу же двинулась на Севастополь. 8 сентября 1854 г. она встретилась на р. Альме с 35-тысячной русской армией под командованием Меншикова. Огонь англо-французской эскадры позволил союзникам обойти русские войска с фланга и продолжить движение на Севастополь.

Главная база Черноморского флота почти не имела сухопутных укреплений. Союзники могли овладеть Севастополем с ходу. Тем более, что Меншиков, не очень заботясь о его судьбе, отступил к Бахчисараю. Но на подходе к городу у

защитников возникли сомнения относительно успешности намеченного штурма. Решающее слово было за Сент-Арно, но неожиданно обострившийся давний недуг не позволил ему принять правильное решение. Союзники пошли в обход бухты, чтобы обеспечить себе морскую базу в Балаклаве и действовать против Севастополя с юга.

Адмиралы В.А. Корнилов, П.С. Нахимов и В.И. Истомин, возложившие на себя командование обороной, удачно использовали неожиданную передышку. Вокруг города срочно возводились укрепления. Их схему разработали военные инженеры под руководством Э.И. Тотлебена. Наскоро сделанные укрепления из земляных валов, траншей, мешков с песком, корзин с землей (туров) были хорошо приспособлены к местности и отвечали современным условиям боя. К тому же защитники Севастополя затопили у входа в бухту несколько судов и преградили доступ в нее вражескому флоту.

Утром 5 октября союзники начали бомбардировку. В тот день адмирал Корнилов, объезжая бастионы, отмечал недостатки в обороне, давал указания, старался определить успешность ответного огня русских батарей. На Малаховом кургане он был смертельно ранен. «Отстаивайте же Севастополь...», — сказал он, теряя сознание.

Бомбардировка нанесла большие потери защитникам города. Не избежали их и союзники. У них было взорвано три пороховых склада, получили повреждения некоторые корабли, участвовавшие в обстреле города. Главное же, не удалось заставить замолчать русскую артиллерию. И поэтому не состоялся штурм, который должен был последовать сразу после бомбардировки.

После высадки союзников в Крыму Меншиков считал войну проигранной. Но царь требовал активных действий. Главнокомандующий правильно рассчитал, что слабым местом у союзников является Балаклава. Здесь стояли англичане. С тыла их прикрывали турки. 13 октября русская армия сбросила турок с нескольких редутов. Затем русские войска были остановлены подоспевшими англичанами. На место сражения явились Раглан и Ф. Канробер, заменивший умершего Сент-Арно. В подзорную трубу Раглан разглядел, что русские стаскивают с редутов турецкие пушки, и ему стало досадно. Канробер был против штурма утраченных редутов, но Раглан бросил в атаку отборный полк легкой кавалерии. Отпрыски древнейших аристократических родов Англии слу-

жили в этом полку. В атаку их несли чистокровные английские лошади. Русские занимали окружающие долины высоты, и их позиция напоминала вытянутую подкову. Они выждали, когда полк углубился в эту «подкову», и начали обстрел картечью с флангов и в лоб. Разгром завершила русская кавалерия. Лишь при помощи подоспевших французов остаткам полка удалось вырваться из «долины смерти». «Атака легкой кавалерии» стала потрясением для английского общества.

Русское командование не использовало успех под Балаклавой. Через несколько дней произошло новое сражение, под Инкерманом. Оно началось удачными атаками русских войск против англичан. Но тем на помощь вовремя пришли французы, а в русской армии из-за неразберихи резервы не были задействованы. Большой урон русским войскам причинило новейшее стрелковое оружие союзников (нарезные дальнобойные винтовки). Русские пули из гладкоствольных кремневых ружей не долетали до неприятеля. Сражение под Инкерманом закончилось поражением русских войск.

Война приобрела затяжной характер. Союзники наращивали свои силы, получая по морю боеприпасы и подкрепления. Для русской армии проблема боеприпасов становилась все острее. Маломощная русская военная промышленность не справлялась с возросшими заданиями, обозы с боеприпасами вязли на размытых дорогах. Защитникам Севастополя приходилось отвечать одним выстрелом на 3—4 неприятельских. Поскольку сохранялась угроза со стороны Австрии, одна из русских армий оставалась близ юго-западной границы. После Инкермана поражение России в этой войне стало очень вероятным.

Жители Петербурга с конца 1854 г. все чаще замечали по ночам высокую фигуру императора, в одиночестве ходившего по Дворцовой набережной. Здоровье все чаще подводило его, но он не обращал на это внимания. В начале февраля 1855 г. Николай слегка простудился. Несмотря на это, к изумлению придворных, он надел легкий плащ и при 20-градусном морозе поехал на смотр войск в открытых санях. На завтра он повторил эту поездку. Возмущенный доктор заявил, что это самоубийство. И действительно, вечером царь слег. Последним его распоряжением было смещение Меншикова и назначение на его место М.Д. Горчакова. Прощаясь с семьей и старшим сыном Александром Николаевичем, он сказал: «Мне хотелось, приняв на себя все трудное,

все тяжелое, оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое. Провидение судило иначе. Теперь иду молиться за Россию и за вас. После России, я вас любил более всего на свете. Служи России». 18 февраля 1855 г. Николай I умер. Современников поразила эта внезапная смерть. Нечаянная реплика доктора передавалась из уст в уста, обрастая причудливыми подробностями. Говорили даже, будто по требованию царя доктор дал ему яду.

Замена главнокомандующего не внесла перелом в ход войны. Весной возобновились бомбардировки Севастополя. После одной из них, особенно продолжительной, на рассвете 6 июня союзники пошли на штурм. Сразу же заговорили русские пушки. Французам, атаковавшим Малахов курган, удалось зайти в тыл и захватить несколько домов на Корабельной стороне. Перелом в ход сражения внесла отчаянная атака роты саперов, случайно оказавшихся рядом. Подоспевшими подкреплениями неприятель был выбит с окраин города. Англичане, шедшие на штурм Третьего бастиона, были остановлены в 400 м от цели. В восьмом часу утра союзное командование дало отбой. Штурм был отбит с большими потерями у нападавших. Лорд Раглан, находившийся в подавленном настроении, через несколько дней скоропостижно скончался.

Много отважных людей защищало Севастополь, но среди них первое место по праву принадлежит адмиралу Нахимову. В руках Павла Степановича находились все нити обороны. Неутомимый в своих бесчисленных заботах, простой и доступный, невозмутимо спокойный в момент опасности, он пользовался одинаковой любовью офицеров, матросов, солдат, жителей города. К нему и обращались чаще не как положено было по уставу («ваше превосходительство»), а по имени и отчеству. Больше всего Нахимов не любил барства в армии и на флоте. «Пора нам перестать считать себя помещиками, а матросов — крепостными людьми!» — говорил он командирам.

Редели ряды защитников Севастополя. Еще в марте 1855 г. погиб ближайший помощник Нахимова адмирал Истомин. Летом, когда бомбардировки участились, резко возросли потери. Подкрепления не успевали подходить. Против 75-тысячного севастопольского гарнизона стояла 170-тысячная армия союзников. Полевая армия, под непосредственным командованием князя Горчакова, вела себя пассивно.

Духовная жизнь России в первой половине XIX века

§ 1. Образование и наука

Сподвижники Нахимова с некоторых пор начали догадываться, что он решил погибнуть вместе с Севастополем. У адмирала появилась опасная привычка выходить на бруствер и наблюдать в подзорную трубу за неприятельскими позициями. «Ждет свинца», — с тревогой говорили солдаты. 28 июня он приехал на Малахов курган, по обыкновению вышел на вал. Его золотые эполеты блестели в лучах вечернего солнца. «Они сегодня довольно метко стреляют», — сказал он, когда одна пуля попала рядом в мешок с песком. Другая пуля попала ему в голову. Через день П.С. Нахимов умер, не приходя в сознание.

24 августа началась новая бомбардировка, а 27-го союзники вновь пошли на штурм. Теперь им удалось захватить Малахов курган. Горчаков дал приказ к отступлению. Закончилась 349-дневная оборона Севастополя.

Его падение решило исход войны. Русская армия была обескровлена, казна пуста, хозяйство расстроено. Взятие Карса на Кавказе не исправило положение. В конце 1855 г. Австрия предъявила России ряд жестких требований, угрожая вступить в войну. Новый император, Александр II, решил пойти на переговоры о мире.

Вскоре в Париже открылся мирный конгресс. Вопреки ожиданиям, союзники не стали выдвигать заведомо неприемлемых требований. Слишком еще свежи были воспоминания об изнурительной и кровопролитной осаде Севастополя. По Парижскому мирному договору, подписанному в марте 1856 г., Россия потеряла острова в дельте Дуная и часть Южной Бессарабии. Самым тяжелым для России условием договора было запрещение держать военный флот на Черном море.

Николаевская Империя потерпела серьезное военное поражение. Жестокий удар был нанесен по официальной доктрине о превосходстве российских порядков над европейскими. Наоборот, война беспощадно обнажила отсталость России, гнилость николаевской Империи. Однажды Александр II услышал рассказ хирурга Н.И. Пирогова, вернувшегося из Севастополя, о царящем в армии наглом воровстве. «Неправда, не может быть!» — резко сказал царь, повысив голос. «Правда, государь, когда я сам это видел», — отвечал Пирогов, тоже повысив голос. «Это ужасно!» — воскликнул Александр, сразу сдаваясь.

Вместе с тем героическая оборона Севастополя осталась в народной памяти как подвиг величественной красоты и огромной моральной силы.

Начало XIX в. — время культурного и духовного подъема в России. Отечественная война 1812 г. ускорила рост национального самосознания русского народа, его консолидацию. Произошло сближение с русским народом других народов России. Культурному подъему содействовала также политика «просвещенного абсолютизма», которой придерживался Александр I в начале своего царствования.

В XVIII в. в России был открыт только один университет — Московский. Согласно указу 1803 г., страна была разделена на 6 учебных округов, в каждом из которых намечалось основать университет. В 1804 г. был открыт Казанский университет, в 1805 г. — Харьковский. В 1819 г. начал действовать Петербургский университет и в 1834 г. — Киевский. В самом большом университете, Московском, в 1811 г. училось всего 215 студентов, в 1831 г. их было 814. Николай I запретил принимать в университеты детей крепостных крестьян. Уровень знаний, близкий к университетскому, давали лицеи — Царскосельский под Петербургом и Демидовский в Ярославле. Но они сохраняли, в основном, сословно-дворянский характер.

К началу XIX в. в России было только одно высшее учебное заведение технического профиля — Горный институт в Петербурге. При Александре I был открыт Лесной институт. Николай I покровительствовал инженерно-техническому и военному образованию. При нем были открыты Петербургский технологический институт и Московское техническое училище, а также Академия Генерального штаба, Инженерная академия и Артиллерийская академия.

Средние учебные заведения (гимназии) по указу 1803 г. предполагалось открыть в каждом губернском городе. Но это было сделано далеко не сразу. В 1824 г. в России действовало 49 гимназий. На всю Сибирь была только одна гимназия — в Тобольске. Через 30 лет число гимназий было доведено

до 77. В Сибири стали действовать три гимназии (в Тобольске, Томске и Иркутске). Многие дворянские дети воспитывались в частных пансионах или домашними учителями и гувернерами. Среди последних преобладали французы и немцы.

В первой половине XIX в. продолжалось развитие женского образования, основы которого были заложены при Екатерине II. Новые институты для дворянских дочерей были открыты в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Астрахани, Саратове, Иркутске и других городах.

Сильно отставало развитие начального народного образования. Церковь, некоторые помещики, отдельные ведомства (например, Министерство государственных имуществ) открывали кое-где школы для детей из народа. Но общей системы начального образования не было. Значительная часть городского населения была грамотной (хотя неграмотные встречались даже среди купечества). Среди крестьян грамотность составляла около 5%. Тем не менее в числе русских ученых были выходцы из простого народа. В основном же в науку шли юноши из дворян, духовенства, купцов, из потомственной интеллигенции.

Русская наука в те годы достигла больших успехов. Профессор Казанского университета Н.И. Лобачевский (1792—1856) построил новую, неевклидову, геометрическую систему. В Казанском университете в те же годы работал другой крупный русский ученый — Н.Н. Зинин (1812—1880). Ему удалось осуществить синтез анилина — органического красителя для текстильной промышленности. До открытия Зинина это красящее вещество добывали из индиго, произрастающего в южных странах. Зинин получил его из каменноугольного дегтя. Это был один из первых крупных успехов в развитии органической химии.

В области физики важные открытия сделали В.В. Петров и Б.С. Якоби. Первый из них исследовал электрическую дугу и электрический разряд в разреженном газе и показал возможность их использования для освещения и плавки металлов. Второй вел исследования в области электрохимии, открыл метод гальванопластики.

В 1839 г. завершилось строительство Пулковской обсерватории под Петербургом. В конструкции здания были предусмотрены три вращающиеся башни для главных телескопов. Известны высокие отзывы зарубежных ученых об уст-

ройстве здания обсерватории и точности ее приборов. В Пулковской обсерватории трудился выдающийся астроном XIX в. В.Я. Струве (1793—1864). Именно он обнаружил концентрацию звезд в главной плоскости Млечного пути.

Широкой русской общественности имя замечательного хирурга Николая Ивановича Пирогова (1810—1881) стало известно в связи с его самоотверженной работой в осажденном Севастополе. Нелегко было ему наблюдать страдания раненых — он знал, как можно было бы им помочь, но не всегда мог это сделать. Еще в 1847 г. в Академии наук он выступал с докладом об операциях под эфирным наркозом. Но в Севастополе не хватало не только эфира, но и обычных бинтов. И все же тысячи раненых были спасены благодаря его умелым рукам.

Первая половина XIX в. — время становления русской исторической науки. Рост национального самосознания народа невозможен без освещения его прошлого. Между тем систематических трудов по истории России тогда не было. Откликаясь на запросы общественности, Александр I поручил Николаю Михайловичу Карамзину (1766—1826) написать историю России. Карамзин, писатель и публицист, не был профессиональным историком. Но он воспринял поручение как свой патриотический долг и в течение нескольких лет упорного труда сумел добиться крупных успехов. Первые 8 томов его «Истории государства Российского» вышли в 1816—1817 гг., последний, 12 том, — в 1829 г. Автор успел довести события до 1611 г. Карамзин считал, что история человечества — это история борьбы разума с заблуждением, просвещения — с невежеством. Решающую роль в истории он отводил великим людям. Психологический анализ их действий для него был основным приемом объяснения исторических событий. «История государства Российского» имела огромный успех у публики и неоднократно переиздавалась.

§ 2. Русские путешественники

Россия становилась великой морской державой, и это ставило новые задачи перед отечественными географами.

В 1803—1806 гг. была предпринята первая русская кругосветная экспедиция из Кронштадта до Камчатки и Аляски. Возглавил ее адмирал Иван Федорович Крузенштерн

(1770—1846). Он командовал кораблем «Надежда». Кораблем «Нева» командовал капитан Юрий Федорович Лисянский (1773—1837). Во время экспедиции изучались острова Тихого океана, Китай, Япония, Сахалин и Камчатка. Были составлены подробные карты исследованных мест. Лисянский, самостоятельно совершив переход от Гавайских островов до Аляски, собрал богатый материал о народах Океании и Северной Америки.

Внимание исследователей всего мира давно привлекал таинственный район вокруг Южного полюса. Предполагалось, что там находится обширный Южный материк. Английский мореплаватель Дж. Кук в 70-х годах XVIII в. пересек Южный Полярный круг, натолкнулся на непроходимые льды и заявил, что дальше на юг плавание невозможно. С тех пор очень долго не предпринималось южно-полярных экспедиций.

В 1819 г. Россия снарядила в южные полярные моря экспедицию на двух шлюпах под руководством Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена (1778—1852). Он командовал шлюпом «Восток». Командиром «Мирного» был Михаил Петрович Лазарев (1788—1851). Беллинсгаузен был опытным исследователем, участвовал в плавании Крузенштерна. Лазарев впоследствии прославился как боевой адмирал, воспитавший целую плеяду флотоводцев (Корнилова, Нахимова, Истомина).

Экспедиция несколько раз пересекала Южный Полярный круг, а в январе 1820 г. впервые увидела ледяной берег. Приблизившись к нему в районе современного шельфового ледника Беллинсгаузена, путешественники сделали вывод, что перед ними «льдинный материк». Затем были открыты остров Петра I и берег Александра I. В 1821 г. экспедиция возвратилась на родину, совершив открытие Антарктиды и полное плавание вокруг нее на небольших парусных кораблях, малоприспособленных к полярным условиям.

В 1811 г. русские моряки во главе с капитаном Василием Михайловичем Головниным (1776—1831) обследовали Курильские острова и были увезены в японский плен. Записки Головнина о трехлетнем пребывании в Японии познакомили русское общество с жизнью этой загадочной страны. Ученик Головнина, Федор Петрович Литке (1797—1882) исследовал Северный Ледовитый океан, берега Камчатки и Америки. Он основал Русское географическое общество, которое сыграло большую роль в развитии географической науки.

Крупные географические открытия на русском Дальнем Востоке связаны с именем Геннадия Ивановича Невельского (1813—1876). В 1848—1849 гг. он совершил плавание вокруг мыса Горн на Камчатку, а затем возглавил Амурскую экспедицию. Он открыл устье Амура, пролив между Сахалином и материком и доказал, что Сахалин — остров, а не полуостров.

Экспедиции русских путешественников, помимо чисто научных результатов, имели большое значение в деле взаимного познания народов. В далеких странах местные жители от русских путешественников нередко впервые узнавали о России. В свою очередь, русские люди обогащались знаниями о других странах и народах.

§ 3. «Золотой век» русской культуры

В одном из своих произведений А.И. Герцен писал о русском народе, «мощном и неразгаданном», который «сохранил величавые черты, живой ум и широкий разгул богатой натуры под гнетом крепостного состояния и... на царский приказ образоваться — ответил через сто лет громадным явлением Пушкина». Конечно, не только А.С. Пушкина имел в виду Герцен. Пушкин стал символом своей эпохи, когда произошел стремительный взлет в культурном развитии России. Время Пушкина, первую треть XIX в., называют «золотым веком» русской культуры.

Начало его совпало с эпохой классицизма в русской литературе и искусстве. Классицизм — европейское культурно-эстетическое течение, которое ориентировалось на античное искусство, на античную литературу и мифологию. В русской литературе век классицизма был сравнительно короток и неярок, в русской музыке почти не было классицизма, зато в живописи и особенно в архитектуре он оставил подлинные шедевры.

Здания, построенные в стиле классицизма, отличаются четким и спокойным ритмом, выверенностью пропорций. Главными законами архитектурной композиции были симметрия, подчеркивание центра, общая гармония частей и целого. Парадный вход в здание располагался в центре и оформлялся в виде портика — выступающей вперед части здания с колоннами и фронтоном.

Еще в середине XVIII в. Петербург был городом одиночных архитектурных шедевров, утопал в зелени усадеб и был во многом похож на Москву. Затем началась регулярная застройка города вдоль прорезавших его проспектов, лучами расходящихся от Адмиралтейства. Петербургский классицизм — это архитектура не отдельных зданий, а целых ансамблей, поражающих своим единством и гармоничностью.

Работа по упорядочению центра новой столицы началась с возведения здания Адмиралтейства по проекту А.Д. Захарова (1761—1811). В громадном здании архитектор выделил центральную башню. Ее динамичный вертикальный ритм как бы отталкивается от массивного кубического основания, переходит в меньший куб с легкой колоннадой — и затем стремительно взлетает золоченая игла с корабликом. Торжественно-мажорный ритм Адмиралтейства задал тон всей архитектуре города на Неве, а кораблик стал его символом.

Принципиальное значение имело возведение в начале XIX в. здания Биржи на стрелке Васильевского острова. Именно это здание должно было объединить ансамбли, сложившиеся вокруг самого широкого участка русла Невы. Проектирование Биржи и оформление стрелки были поручены французскому архитектору Тома де Томону. В доработке проекта участвовал А.Д. Захаров. Творческое содружество архитекторов привело к блестящему результату. Зеркало Невы объединило систему Петропавловская крепость — стрелка острова — Дворцовая набережная. Здание Биржи сравнительно невелико, но мощь его архитектурных форм в сочетании с ростральными колоннами позволила ему уверенно противостоять обширному пространству водной глади. Тема господства над водной стихией была развита в дополняющей ансамбль монументальной скульптуре. Могучие фигуры, олицетворяющие главные реки России — Волгу, Днепр, Волхов и Неву, — были созданы скульпторами С.С. Пименовым, И.И. Тереховым и В.И. Демут-Малиновским.

Невский проспект, главная магистраль Петербурга, приобрел вид единого ансамбля с застройкой в 1801—1811 гг. Казанского собора. Зодчий А.Н. Воронихин (1759—1814), сын крепостного крестьянина, взял за образец собор св. Петра в Риме, творение великого Микеланджело. Используя его мотивы, Воронихин создал оригинальное архитектурное произведение. В собор перенесли прах М.И. Кутузова. Перед собором были поставлены памятники Кутузову и Барклаю-де-Толли, выполненные Б.И. Орловским.

В 40—50-е годы XIX в. Невский проспект украсили бронзовые скульптуры П.К. Клодта (1805—1867) «Укротители коней», установленные на устоях Аничкова моста через Фонтанку. Скульптуры Клодта в аллегорической форме раскрывают тему борьбы человека со стихийными силами природы и победы над ними.

Еще одна работа Клодта — памятник Николаю I на Исаакиевской площади в Петербурге. Император изображен верхом на лошади. Лошадь пританцовывает, император неподвижен — явный контраст по сравнению с расположенным невдалеке памятником Петру I.

Сорок лет, с 1818 по 1858 г. строился Исаакиевский собор в Петербурге — самое большое здание, возведенное в России в первой половине XIX в. Проект был разработан французским архитектором Огюстом Монферраном (1786—1858). В оформлении внешнего вида и внутреннего убранства участвовали скульптор П.К. Клодт и художник К.П. Брюллов. По замыслу правительства собор должен был олицетворять мощь и незыблемость самодержавия, его тесный союз с православной церковью. Величественное здание собора производит сильное впечатление. И все же автора проекта и заказчиков можно упрекнуть в определенной гигантомании, которая свидетельствовала о вступлении классицизма в период кризиса.

По проекту Монферрана была возведена и 47-метровая колонна из гранитного монолита на Дворцовой площади (1829—1834) — памятник Александру I и одновременно — монумент в честь победы над Наполеоном. Фигура ангела, держащего крест, выполнена Б.И. Орловским.

Триумфальные мотивы Александровской колонны были подхвачены в скульптурном убранстве арки Главного штаба, охватившего Дворцовую площадь с южной стороны. Вместе с тем здание Главного штаба, построенное по проекту К.И. Росси, как бы повторило торжественно-мажорные мотивы Адмиралтейства, расположенного наискосок от него. Тем самым ансамбль Дворцовой площади соединился с ансамблем Адмиралтейского проспекта.

Карл Иванович Росси (1775—1849), сын итальянской балерины, родился и жил в России. С его творчеством связаны завершающие работы по формированию петербургских ансамблей. По проекту Росси были построены здания Сената и Синода, Александринского театра, Михайловского дворца

(ныне — Русский музей). Не ограничиваясь возведением отдельных зданий, знаменитый маэстро перестраивал прилегающие к ним улицы и площади. Эти работы приобрели такой размах, что Росси одно время, казалось, был близок к осуществлению своей мечты — сделать целый город произведением искусства. Однако зодчий мало учитывал повседневные нужды живущих в городе людей, и его творения стали превращаться в грандиозные декорации, не очень связанные с протекающей на их фоне жизнью. В творчестве Росси русский классицизм переступил вершину своего развития.

И тем не менее старый Петербург, оставленный нам в наследство Растрелли, Захаровым, Ворониным, Монферраном, Росси и другими выдающимися архитекторами, — это шедевр мирового зодчества.

Московский классицизм был характерен отдельными зданиями, а не ансамблями, которые трудно было создать на изогнутых улицах с наслоениями разных эпох. Даже пожар 1812 г. не устранил разностилье московских улиц, живописную хаотичность застройки. В палитру этого разностилья классицизм внес свои яркие краски. После пожара в Москве были возведены такие замечательные по красоте здания, как Большой театр (архитектор О.И. Бове), Манеж (тот же архитектор, инженер А.А. Бетанкур). На Красной площади был воздвигнут памятник Минину и Пожарскому — произведение И.П. Мартоса (1754—1835). Следуя традициям классицизма, ваятель облачил своих героев в античные одежды.

В целом, однако, московский классицизм не отличался такой величественной монументальностью, как петербургский. Для Москвы были характерны небольшие особняки усадебного типа. Московский классицизм более свободен, порою трогательно наивен (когда портик приделывался к оштукатуренному деревянному домику) и более приближен к человеку. Один из лучших московских особняков того времени — дом Лопухиных на Пречистенке (ныне музей Л.Н. Толстого). Строил его архитектор А.Г. Григорьев, выходец из крепостных.

В 30-е годы XIX в. классицизм вступил в пору кризиса. Современников стало угнетать однообразие зданий с колоннами. В то время в столицах разворачивалось строительство доходных (многоквартирных) домов. В них требовалось несколько подъездов, но по канонам классицизма можно было сделать только один главный вход — в центре здания. В нижних этажах доходных домов стали размещаться магазины, но

их широкие витрины никак не сочетались с нормами классицизма. И он ушел, сметенный критикой современников и настоятельными требованиями времени.

Творческая мысль архитекторов остановилась на принципе «умного выбора». Считалось, что здание следует строить в том стиле, который более отвечает его назначению. А на практике все определялось желанием заказчика и вкусом архитектора. Помещики начали строить усадьбы в стиле средневековой готики. В городах появились доходные дома с венецианскими окнами. Наступил период эклектики (смешения стилей).

В 1839—1852 гг. по проекту немецкого архитектора Лео Кленце в Петербурге было построено здание Нового Эрмитажа. Спокойное равновесие его частей, декоративное оформление в новогреческом стиле, мощные гранитные атланты у входа — все это создавало впечатляющий образ музея — хранилища шедевров мирового искусства.

Константин Андреевич Тон (1794—1881) в своем творчестве попытался возродить традиции древнерусской архитектуры. Он строил пятиглавые церкви с узкими арочными (закругленными) окнами, использовал русский и византийский декор. Все это подчинялось строгим пропорциям и симметрии классицизма, от которых Тон не смог отказаться. Русско-византийский стиль Тона многим казался искусственным. В действительности же дело было в пока еще недостаточно глубоком освоении древнерусского архитектурного наследия.

Работы Тона понравились Николаю I. Архитектор получил два крупных заказа для Москвы. В 1838—1849 гг. под его руководством был построен Большой Кремлевский дворец. В 1839 г. на берегу Москвы-реки был заложен храм Христа Спасителя в память избавления России от наполеоновского нашествия. Строительство растянулось на долгие годы. Торжественное освящение храма Христа Спасителя состоялось в 1883 г. В храме были установлены мраморные доски с именами убитых и раненых офицеров, сообщалось о числе погибших солдат в каждом сражении, были увековечены имена людей, отдавших свои сбережения на дело победы. Величественная громада храма органично вписалась в силуэт Москвы.

Покровительство Николая I сыграло роковую роль для наследия Тона. Его творения стали рассматриваться как сим-

вол николаевского царствования. Именно этим объясняются резкие нападки Герцена. Не жаловали Тона и другие оппозиционно настроенные критики. В годы советской власти многие построенные Тоном церкви были снесены. В 1931 г. взорвали храм Христа Спасителя. Не пришло лишь в голову взорвать два главных вокзала на железной дороге между Москвой и городом на Неве. Эти вокзалы — тоже творения Тона. Через них прошли миллионы людей. И хотя мало кто из них вспомнил Тона, дело Мастера продолжает служить людям.

* * *

В 1830 г. на раскопках античного города Помпеи побывал русский художник Карл Павлович Брюллов. Он гулял по древним мостовым, любовался фресками, и в его воображении вставала та трагическая ночь, когда город был засыпан раскаленным пеплом проснувшегося Везувия. Через три года картина «Последний день Помпеи» совершила триумфальное путешествие из Италии в Россию.

Брюллов был в Италии по командировке Академии художеств. В этом учебном заведении было хорошо поставлено обучение технике живописи и рисунка. Но Академия ориентировалась на античное наследие и героическую тематику. Сцены из современной жизни, простой русский пейзаж считались недостойными кисти художника. Классицизм в живописи получил название академизма.

Брюллов был связан с Академией всем своим творчеством. Но он обладал могучим воображением, зорким глазом и верной рукой — и у него рождались живые творения, лишь внешне согласованные с канонами академизма. С присущим одному ему изяществом он умел запечатлеть и красоту обнаженного человеческого тела, и дрожание солнечного луча на зеленом листе. Одногодок Пушкина, он пережил его на 15 лет. Последние годы он болел. С автопортрета, написанного в ту пору, на нас смотрит рыжеватый человек с тонкими чертами лица и спокойным, задумчивым взором.

Своей вершины академическая живопись достигла в творчестве Александра Андреевича Иванова (1806—1858). Более 20 лет работал он над картиной «Явление Христа народу». На переднем плане этого грандиозного полотна мужественная фигура Иоанна Крестителя, указывающего народу

на приближающегося Христа. Его фигура дана в отдалении. Он еще не пришел, но обязательно придет, как бы говорит художник. И светлеют, очищаются лица и души тех, кто ожидает Спасителя.

Два замечательных портретиста своего времени — Орест Адамович Кипренский (1782—1836) и Василий Андреевич Тропинин (1776—1857) — оставили нам прижизненные портреты Пушкина. У Кипренского Пушкин выглядит торжественно и романтично, в ореоле поэтической славы. «Ты мне льстишь, Орест», — вздохнул Пушкин, взглянув на готовое полотно. На портрете Тропинина поэт по-домашнему обаятелен. Каким-то особым старомосковским теплом и уютом веет от работ Тропинина. Свежи и одухотворенны на его полотнах лица простых людей. И бесконечны молодость и очарование его «Кружевницы».

В рамках академизма явно не вписывалось творчество Павла Андреевича Федотова (1815—1852) — родоначальника критического реализма. В 1848 г. на академической выставке была представлена его картина «Свежий кавалер». Это была дерзкая насмешка не только над тупым, самодовольным чиновничеством, но и над академическими традициями. Грязный халат, в который облачился главный герой картины, очень уж напоминал античную тогу. Сатирический характер носят и другие картины Федотова («Завтрак аристократа», «Сватовство майора»). Последние его картины очень печальны («Анкор, еще анкор!», «Вдовушка»).

В 1852 г. в культурной жизни России произошло примечательное событие. Открыл свои двери Эрмитаж, где были собраны художественные сокровища императорской фамилии. В России появился первый общедоступный художественный музей.

* * *

В театральной жизни России большую роль по-прежнему играли иностранные труппы и крепостные театры. Некоторые помещики становились антрепренерами (театральными предпринимателями). Их театры превращались в общедоступные. В них выступали и крепостные и вольнонаемные актеры. Многие талантливые русские артисты вышли из крепостных. Михаил Семенович Щепкин (1788—1863), друг Бе-

линского и Герцена, до 33 лет был крепостным. Павел Степанович Мочалов (1800—1848) вырос в семье крепостного актера. Исполнение Мочаловым роли Гамлета вызывало похищенные отзывы Белинского.

Большим событием в театральной жизни России была премьера гоголевского «Ревизора» — сначала в петербургском Александринском театре, а затем в московском Малом, где роль городничего играл Щепкин. Цензура не пропускала пьесу, и только личное вмешательство Николая I позволило ее поставить. После спектакля царь смущенно сказал: «Всем досталось, а мне более всех!»

В эти же годы в Большом театре была поставлена опера М.И. Глинки «Жизнь за царя» (впоследствии на советской сцене она шла под названием «Иван Сусанин»). В творчестве Михаила Ивановича Глинки (1804—1857) русское музыкальное искусство, усвоив западные средства выражения (общие нормы гармонии, богатый и яркий западный оркестр), поднялось на новую высоту. Глинка первый создал неувядаемые образцы новейшей национальной русской музыки. Некоторые сцены в опере «Жизнь за царя» (например, знаменитый хор «Славься») поражают своим проникновением в самую глубину народного творчества.

Яркостью музыкальных красок, гениальной легкостью техники и классической простотой отличается и другая опера Глинки — «Руслан и Людмила». Но если «Жизнь за царя» имела громкий успех, то вторую оперу Глинки публика встретила холодно. В те времена еще далеко не все признавали подлинное значение его творчества.

Пушкинский сюжет лег в основу оперы А.С. Даргомыжского «Русалка». Эта опера тоже встретила холодный прием у публики, привыкшей к мелодиям итальянских композиторов. Даргомыжский, по его словам, не искал «льстивых для слуха мелодий». Он хотел, «чтобы звуки прямо выражали слово», стремился к раскрытию внутреннего мира своих героев и умел передавать их душевное состояние взволнованной музыкальной речью.

Обаятельно талантливые А.А. Алябьев, А.Е. Варламов и А.Л. Гурилев обогатили русскую музыку многими очаровательными романсами. От них ведет начало русский городской романс, наивный и трогательный. В первой половине XIX в. русская музыкальная культура поднялась на невиданную еще высоту.

* * *

В это же время значительно возросло число газет и журналов. Увеличились их тиражи, хотя даже самые популярные издания (например, «Вестник Европы») печатались не более чем в 1500 экземплярах. Официальной газетой по-прежнему были «Санкт-Петербургские ведомости». Они сохранили характер информационного бюллетеня. В николаевское время известный журналист Ф.В. Булгарин издавал газету «Северная пчела». Она расхваливала правительство и во всем старалась угодить властям. Но ход их мыслей был непредсказуем. Булгарин часто попадал впросак. «Не смей хвалить правительство! Правительство в твоих похвалах не нуждается!» — отчитывал его Дубельт, подручный Бенкендорфа. В другой раз начальственный гнев вызвало очень осторожное замечание насчет петербургской погоды. «Климат императорской резиденции бранишь?! — гремел Дубельт. — Вольнодумствуешь?! Смотри у меня!»

Среди русских журналов особой популярностью пользовался «Вестник Европы», основанный в 1802 г. Н.М. Карамзиным. Журнал придерживался умеренно-консервативного направления, отличаясь взвешенностью суждений и уважением к правительству.

Ярким, но очень коротким оказался век у «Полярной звезды», издававшейся А.А. Бестужевым и К.Ф. Рылеевым. В альманахе сотрудничало целое созвездие русских поэтов: А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский, А.С. Грибоедов, В.А. Жуковский. Но вышло всего три книги. Когда печаталась четвертая, произошли события 14 декабря 1825 г.

В первые годы николаевского царствования наблюдалось засилье реакционно-охранительных журналов. И только «Московский телеграф» выделялся либеральной направленностью. Издавал и редактировал его писатель и историк Н.А. Полевой. Журнал просуществовал 9 лет и был закрыт в связи с критическим отзывом на одну из верноподданнических драм Н.В. Кукольника. «Телескоп», в котором сотрудничал Белинский, издавался всего пять лет.

После закрытия «Телескопа» эстафету передовой журналистики подхватили петербургские журналы «Современник» и «Отечественные записки». «Современник» основал А.С. Пушкин в 1836 г. Вскоре после его гибели журнал захирел. Но в 1847 г. его возглавил Н.А. Некрасов, которому удалось привлечь к участию в нем И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. Около года успел порабо-

тать в «Современнике» Белинский. В 1853 г. в журнале появился Н.Г. Чернышевский.

В 1839 г. издатель А.А. Краевский стал выпускать «Отечественные записки». На их страницах печатались произведения М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, А.И. Герцена. Особую популярность журнал приобрел в 1839—1846 гг., когда отдел критики возглавлял Белинский. Студент, приткнувшийся в коридоре у окна и читающий «Отечественные записки», — это обычная картина университетской жизни тех лет. Чтобы прочесть свежий номер журнала студенты записывались в длинные очереди. В 1846 г. Белинский, не поладив с Краевским, ушел из «Отечественных записок» и журнал стал терять популярность.

Начало XIX в. — время становления русской журналистики. Не успев как следует опереться, она вступила в тяжелую пору николаевского царствования. Но и в эти годы лучшие представители русской журналистики доказали свою стойкость, неподкупность и приверженность свободомыслию и гуманизму.

Очень неровно складывалась судьба России в первые 55 лет XIX в. Эти годы начались с победы в Отечественной войне, а закончились неудачной Крымской войной. В начале века составлялись конституционные проекты, а в середине само слово «конституция» страшно было произнести. И в течение всего этого периода тень крепостного права омрачала жизнь России.

Но вскоре после разгрома декабристов исподволь начался новый подъем общественного движения. Это говорило о том, что свободолюбивый дух России не сломлен. Это вселяло надежду, что Россия постепенно справится со своими трудностями. Наиболее впечатляющих успехов в эти годы страна добилась в области науки и особенно — культуры. Эта половина века дала России и миру Пушкина и Лермонтова, Грибоедова и Гоголя, Белинского и Герцена, Глинку и Даргомыжского, Брjulloва, Иванова и Федотова и, наконец, совместное творение плеяды замечательных зодчих — старый Петербург.

§ 4. Русская православная церковь в первой половине XIX в.

На протяжении XIX века положение Русской православной церкви определялось законами, принятыми при Петре I.

Важнейшие статьи «Духовного регламента» были включены в «Свод законов». В нем содержалось религиозное обоснование царской власти и закреплялся давний союз православной церкви и самодержавного государства. Закон объявлял православие «первенствующей и господствующей» в России верой. Император провозглашался «верховным защитником и хранителем догматов господствующей церкви и блюстителем прав веры и всякого в церкви благочиния». Это давало самодержавию право распоряжаться церковными делами и преследовать религиозное инакомыслие.

Закон разрешал исповедовать в России все религии, если они лояльно относятся к самодержавию. Христианские исповедания имели преимущества перед нехристианскими, православие — перед всеми остальными. Закон разрешал переход из нехристианских исповеданий в христианские и из «инославных» (христианских неправославных) в православие. Переходы в противоположном направлении воспрещались.

В середине XIX в. численность православного духовенства доходила до 60 тыс. человек. Оно разделялось на черное (7 тыс. человек) и белое (53 тыс.). Черное духовенство составляли монахи и монахини. Из числа монахов назначались архиереи (епископы, архиепископы и митрополиты). Белое духовенство состояло из приходских священников и низшего клира (диаконов и псаломщиков).

Высшим органом церковного управления являлся Синод. Его члены назначались царем из видных архиереев. Все важнейшие постановления Синода утверждались царем. Большую роль в церковном управлении играл синодальный обер-прокурор — светский чиновник, представитель царя в Синоде.

Со времен Петра I произошло тесное сращивание православной церкви и самодержавного государства. Она превратилась в часть государственной машины самодержавия. Но полного слияния не произошло. Церковь оставалась обособленной частью государственной машины. Союз церкви и государства имел внутренние противоречия. Церковь тяготилась гнетом светского чиновничества. Трения между Синодом и обер-прокурором никогда не прекращались.

Основным звеном местного церковного управления были епархии, по территории обычно совпадавшие с губерниями. Во главе епархии стоял архиерей. Среди православных архиереев встречалось немало искренних радетелей веры, стре-

мившихся сблизиться с рядовыми верующими, знать их нужды. Так, камчатский епископ Иннокентий объездил всю свою огромную епархию и лично познакомился со всем вверенным его попечению духовенством и почти со всей паствой. Но и в своем большинстве церковная иерархия смыкалась с верхами господствующих классов и была далека от основной массы верующих и от рядовых священников. Недаром многих архиереев иронически называли «духовными губернаторами».

Секуляризация монастырского землевладения в XVIII в. лишила монастыри больших земельных угодий. При Павле I и Николае I каждому монастырю от казны был выделен небольшой земельный надел. Сверх этого они могли приобрести недвижимое имущество (даже в виде дара) всякий раз с особого «высочайшего» разрешения. Тем не менее монастырское землевладение постепенно вновь стало расти. Увеличивались и денежные капиталы монастырей — в основном за счет многочисленных пожертвований.

Среди русских монастырей выделялось несколько особо чтимых — Киево-Печерская и Троице-Сергиева лавры, Соловецкий монастырь и др. Большую известность в народе получил монах Саровской пустыни Серафим (1760—1833). Со всех концов России шли к нему люди, чтобы высказать свое горе, услышать мудрый совет, получить благословение. С той поры Саровская пустынь (в Тамбовской епархии) стала одним из всероссийских религиозных центров. В некоторых монастырях находили приют больные и убогие.

Небольшая часть белого духовенства получала государственное жалованье. Большинство же «питалось от алтаря», т.е. за счет платы за крещение, венчание и другие обряды. Сельское духовенство пользовалось церковными землями. Образ жизни деревенского священника мало отличался от крестьянского. Многие священники сами пахали землю, терпели унижения и обиды от помещиков. Митрополит Платон (Левшин), занимавший московскую кафедру на рубеже XVIII—XIX вв., с сожалением говорил, что он застал свое духовенство в лаптях, да так и не успел обути его в сапоги и ввести в гостиные. Священник оставался за порогом дворянских гостиных, где звучала непонятная ему французская речь.

При Александре I духовно-учебные заведения были объединены в одну систему. В то время в России действовали три духовные академии: Киевская, Петербургская и Московская, преобразованная из Славяно-греко-латинской академии. В 1842 г. была открыта духовная академия в Казани. В каждой епархии были созданы семинарии (средние духовные учеб-

ные заведения). Но лишь к середине века власти добились того, что на должности приходских священников стали назначаться люди с образованием не ниже семинарского.

До середины века православное духовенство составляло замкнутое сословие. Постороннему человеку трудно было стать священником. Существовал стойкий обычай, согласно которому приход передавался по наследству от отца к сыну или зятю. В западных странах в это время духовное сословие стало превращаться в открытый для посторонних корпус профессиональных проповедников. Их деятельность становилась менее обрядовой и более учительной, проповеднической. Русский же священник произносил не более одной-двух проповедей в год — и то по тетрадке. Неутоленная потребность в религиозном наставлении и побуждала русских людей совершать далекие путешествия к Серафиму Саровскому и другим знаменитым старцам.

В начале века обер-прокурор князь А.Н. Голицын, личный друг царя, подыскивая, по его заданию, хороших проповедников, обратил внимание на ученого монаха Филарета, профессора Петербургской духовной академии. Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов, 1782—1867) родился в Коломне, в семье диакона, окончил семинарию и в 1808 г. постригся в монахи. Даровитый и образованный, он произносил яркие проповеди, писал стихи духовного содержания. Надолго запомнилось его слово на смерть Кутузова, произнесенное в 1813 г. Его пригласили выступить с проповедью в дворцовой церкви. Там он в осторожной форме осудил роскошь. Придворным это не понравилось, и проповедь успеха не имела.

Тем не менее Голицын продолжал покровительствовать Филарету, который был удостоен архиепископского сана, занял тверскую кафедру и стал членом Синода. В 1821 г. его перевели на московскую кафедру. В это время он работал над переводом на русский язык книг Священного писания. В конце царствования Александра I Голицын не поладил с Аракчевым и был отставлен. Тесно связанный с Голицыным, впал в немилость и Филарет. Его вывели из Синода, и он удалился в Москву.

В 1826 г., при коронации Николая I, Филарет произнес прочувствованное слово и ему была возвращена «монаршая милость». Он был возведен в сан митрополита и вновь стал членом Синода. Ему, однако, не понравилось, что обер-прокурор Н.А. Протасов, гусарский полковник, решал все дела сам, а с Синодом мало считался. Не мог примириться Филарет и с

тем, что Третье отделение следило за иерархами. Консервативное большинство Синода отвергло предложение о переводе Библии на русский язык. Филарет, оказавшийся в меньшинстве и в изоляции, попросился назад в свою епархию. Разрешение отбыть в Москву означало новую опалу.

С тех пор Филарет, оставаясь убежденным монархистом, невзлюбил сановный Петербург, вездесущее чиновничество, самоуверенных бюрократов, которых он, случалось, осаживал с холодной учтивостью. В Москве передавался из уст в уста рассказ о том, как попросил он спеть «на восьмой глас» полицейского генерала, вздумавшего «исправить» службу в одной из московских церквей. Даже А.И. Герцен, по взглядам очень далекий от Филарета человек, вспоминал о нем с симпатией. Митрополит, писал Герцен, умел «хитро и ловко» унижить светских властителей, «Филарет, — продолжал Герцен, — с высоты своего первосвященнического амвона говорил о том, что человек никогда не может быть *законно* орудием другого, что между людьми может только быть обмен услуг, и это говорил он в государстве, где полнаселения — рабы».

Однако долгое николаевское царствование наложило отпечаток и на Филарета. Его либерализм все более оставался в прошлом. Главная проблема, считал он, заключается во внутреннем возрождении человека, а не во внешних реформах. Такой подход привел его к отрицанию перемен. Он предостерегал против женского образования, против отмены телесных наказаний. В своей епархии Филарет практиковал деспотические методы управления.

При Николае I значительно ухудшилось положение старообрядцев. Старообрядчество не было единой организацией. Оно разделилось на два направления — приемлющих священство и не приемлющих. Первые звали «поповцами», вторых — «беспоповцами». Вторые разбились на множество толков и согласий. Первые держались сплоченнее, но у них не было своих епископов и некому было рукополагать (возводить в сан) священников. Старообрядцы переманивали священников из официальной церкви, переучивали их и рассылали по своим приходам.

Правительство издало указ, запрещавший старообрядцам принимать беглых священников. Вслед за этим начался разгром старообрядческих монастырей на р. Большой Иргиз в Саратовской губернии, где происходило «исправление» беглых священников. В 1841 г. был закрыт последний из иргизских монастырей. Ряды старообрядческого духовенства начали редеть.

Но в «поповщине» вскоре возникла своя собственная церковная иерархия. В 1846 г. в старообрядчество перешел босно-сараевский митрополит Амвросий, ставший митрополитом белокрыницким (Белая Криница — село на Буковине, в пределах тогдашней Австрии). «Австрийское согласие», имевшее своих собственных митрополитов, епископов и священников, стало как бы второй православной церковью в России. Число ее сторонников умножалось, несмотря на то, что главные организаторы новой церкви были вскоре упрятаны в монастырские тюрьмы. В Москве и Московской губернии число последователей белокрыницкой иерархии составляло 120 тыс. человек. К такому результату привели попытки подавить старообрядчество.

К кануну великих перемен в жизни страны православная церковь подошла в состоянии постепенно нарастающего кризиса. В ее рядах не было единства и росло недовольство. Иерархия была недовольна засилием светского чиновничества. Рядовое духовенство — привилегированным положением монашества и деспотизмом архиерейской власти. В своем большинстве приходское духовенство было задавлено нуждой и имело невысокий уровень подготовки. Основную свою задачу оно видело в исполнении обрядов и слабо вело проповедь, недостаточно разъясняло народу нравственные устои религии. Именно поэтому, несмотря на гонения, а то и благодаря им, укреплялось старообрядчество, чья проповедь часто была живей и доходчивей.

Глава 20

Эпоха Освобождения

§ 1. Накануне отмены крепостного права

После Крымской войны в истории России началась новая полоса. Современники называли ее эпохой Освобождения, или эпохой Великих реформ. Этот период русской истории прочно соединился с именем императора Александра II.

Александр II родился 17 апреля 1818 г. В то время царствовал его дядя, Александр I, но поэт В.А. Жуковский, по видимому, догадывался, какая судьба ожидает новорожденного. В стихотворном послании матери младенца поэт выскризал пожелание, чтобы «на чреде высокой» ее сын не забыл «святейшего из званий: человек».

Прошло восемь лет, и император Николай I предложил Василию Андреевичу должность наставника наследника престола. Жуковский был близок ко двору, но не гнался за придворной карьерой. Предложение не привело его в восторг, ибо он знал придворный быт царей, насквозь пронизанный духом милитаризма. Но и отказываться от должности, как он понимал, не следовало: ведь судьба даровала ему уникальный шанс повлиять на будущее России.

Жуковский составил план воспитания наследника и подал его на высочайшее утверждение. По сути это были те условия, на которых он соглашался взяться за дело. Во главу угла ставилось изучение отечественной истории, а военному делу отводилось всего шесть недель в летние месяцы. В письме матери наследника поэт предостерегал от увлечения «воинственными игрушками». «Государыня, простите мои восклицания, — писал он, — но страсть к военному ремеслу стеснит его душу; он привыкнет видеть в народе только полк, в Отечестве — казарму».

План был одобрен, и поэт вступил в должность наставника. Но в обстановке, в которой рос цесаревич, ничто не изменилось. По-прежнему чуть ли не каждый вечер устраивались военные игры с участием родителей наследника. Николай стал вмешиваться в учебные дела. «Я заметил, — сказал он однажды, — что Александр показывает вообще мало усердия к военным наукам. Я буду непреклонен, если замечу в нем нерадивость по этим предметам; он должен быть военный в душе».

Жуковский, видя, как рушится его план, постепенно уходил от воспитания, надолго уезжал за границу. Но он полюбил резвого и отзывчивого мальчика, часто писал ему письма. «Владычествуй не силою, а порядком, — наставлял он его, — истинное могущество государя не в числе его воинов, а в благоденствии народа... Люби народ свой: без любви царя к народу нет любви народа к царю».

Александр рос здоровым и жизнерадостным, успешно учился. Правда, воспитатели замечали в нем отсутствие

упорства в достижении цели. Столкнувшись с трудностями, он иногда впадал в апатию. Александр отличался большой впечатлительностью. Уроки Жуковского глубоко запали в его душу. Но не меньшее влияние оказал на него отец. Он боялся его и восхищался им. Военного дела в той степени, как Николай I (отличный военный инженер), Александр II не постиг. Но мишуру парадов, смотров и разводов он знал до мелочей и самозабвенно любил. Вся жизнь в его душе боролись два начала — гуманное, привитое Жуковским, и милитаристское, унаследованное от отца. Перетягивало то одно, то другое.

Навсегда запомнилось будущему царю путешествие по России в 1837 г. Его сопровождал Жуковский. За семь месяцев они посетили 30 губерний. В Сибири они встречались с декабристами. В Вятке им рассказывал о богатствах местного края ссыльный Герцен. По возвращении наследник просил о смягчении участи декабристов. Тогда же Герцен был переведен во Владимир.

Кроме парадов и балов, было у Александра еще одно увлечение, которое странным образом повлияло на события в начале его царствования. Он был страстным охотником и, конечно, не мог пройти мимо «Записок охотника» И.С. Тургенева. Впоследствии он говорил, что эта книга убедила его в необходимости отмены крепостного права.

Александр II в феврале 1855 г. вступил на престол уже немолодым человеком — в 36 лет. Трудно сказать, что больше повлияло на его решение отменить крепостное право — «Записки охотника» или Крымская война. После нее прозрели многие, в том числе царь. В 1856—1857 гг. в ряде южных губерний произошли крестьянские волнения. Они быстро затихли, но еще раз напомнили, что помещики «сидят на вулкане».

Крепостное хозяйство таило в себе и другую угрозу. Оно не обнаруживало явных признаков скорого своего краха и развала. Истоющая природу и человека, оно могло просуществовать еще неопределенно долго. Но свободный труд производительнее подневольного — это аксиома. Крепостное право диктовало стране крайне замедленные темпы развития. Крымская война показала растущую отсталость России. В ближайшее время она должна была перейти в разряд третьестепенных держав — со всеми вытекающими из этого последствиями.

Нельзя забывать и третью причину. Крепостное право, слишком похожее на рабство, было безнравственно.

Сознавая необходимость преобразований, Александр II не знал, как приступить к ним. Плана реформ у него не было. Между тем в печати по-прежнему не допускалось свободного обсуждения общественных проблем. По рукам стали ходить записки, написанные на злободневные темы. Некоторые из этих произведений оказали сильное воздействие и на общественное мнение и на царя. Особое значение приобрела «Записка об освобождении крестьян», автором которой был К.Д. Кавелин.

Кавелин считал, что можно и нужно пренебречь правом помещиков на личность крестьянина, но нельзя забывать об их праве на его труд и, в особенности, на землю. Поэтому освобождение крестьян может быть проведено только при вознаграждении помещиков. Другое решение, заявлял Кавелин, «было бы весьма опасным примером нарушения права собственности». Но нельзя, подчеркивал Кавелин, упускать из виду и интересы крестьян. Они должны быть освобождены от крепостной неволи, за ними надо закрепить ту землю, которой они владеют в настоящее время. Разработку выкупной операции правительство должно взять на себя. Если оно сумеет учесть интересы помещиков и крестьян, то два сословия в конце концов сольются в один земледельческий класс. Внутри него исчезнут сословные различия и останутся только имущественные. «Опытом доказано, — писал Кавелин, — что частная поземельная собственность и существование рядом с малыми и больших хозяйств суть совершенно необходимые условия процветания сельской промышленности». Отмена крепостного права, как надеялся мыслитель, откроет путь другим реформам: судебной, цензурной, военной, а также и развитию просвещения.

В составлении и распространении записки Кавелин видел свой гражданский долг, «святейшую из святейших обязанностей, хотя бы в конце ее стояли крепость, Сибирь или виселица». Никто ведь не знал, как обернется дело. При Николае I люди отправлялись в ссылку и по менее значительным поводам.

Крепостники встретили записку Кавелина с раздражением. Им удалось настроить против него самого царя. Кавелин потерял место наставника цесаревича, а затем был удален из Петербургского университета. Тем не менее его записка предопределила многие положения крестьянской реформы.

В 1855 г. А.И. Герцен приступил к изданию в Лондоне альманаха «Полярная звезда». В нем печатались материалы о декабристах, Пушкине, Белинском, Чаадаеве. Успех «Полярной звезды» привел Герцена к мысли о выпуске периодического бесцензурного издания, которое могло бы быстро откликаться на текущие события, пропагандировать идеи освободительного движения. С 1 июля 1857 г. Герцен и Огарев стали издавать газету «Колокол». В первом номере Герцен выдвинул программу из трех пунктов: 1) освобождение крестьян, 2) упразднение цензуры, 3) отмена телесных наказаний. В дальнейшем Герцен уточнил, что имеется в виду освобождение крестьян с землей, выкупленной государством.

Это была программа-минимум. Но ее реализация во многом изменила бы обстановку в России. В открытом письме Александру II, называя себя «неисправимым социалистом», Герцен подчеркивал умеренность и реализм своих конкретных требований: «Я стыжусь, как малым мы готовы довольствоваться; мы хотим вещей, в справедливости которых Вы так же мало сомневаетесь, как и все. На первый случай нам и этого довольно».

Издание «Колокола» стало вершиной общественно-политической деятельности Герцена. Его незаурядное мастерство писателя, публициста, редактора содействовало успеху «Колокола». Его читали в России все образованные люди — от сановников до гимназистов, о нем спорили, его передавали из рук в руки. На Нижегородской ярмарке «Полярная звезда» и «Колокол» были в числе самых ходких товаров.

Между тем в России происходило смягчение режима. В 1856—1857 гг. вернулись из ссылки декабристы и петрашевцы. Им, правда, запретили жить в столицах. Бывшие сосланные разъехались по провинции и в дальнейшем приняли активное участие в подготовке и проведении крестьянской реформы.

В 1858 г. журналам разрешили печатать статьи по крестьянскому вопросу. Тогда же Н.Г. Чернышевский опубликовал в «Современнике» записку Кавелина. Взгляды Чернышевского и Кавелина на крестьянскую реформу в то время во многом совпадали. Хотя это не свидетельствовало об их идейной близости.

Кавелин был либерал, приверженец западного пути развития России. Социалистических идей он не разделял, но к их сторонникам относился с присущей ему терпимостью.

Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889) был социалист, материалист и атеист. Российской крепостническую действительность он ненавидел, но не меньшее отвращение вызывал у него капиталистический строй западных стран. Вслед за Герценом Чернышевский полагал, что, используя русскую сельскую общину, можно «перепрыгнуть» через капитализм и построить социализм на заранее разработанных разумных основаниях. Поэтому он считал, что общину нужно во что бы то ни стало сохранить там, где она существует, и путем убеждений и разъяснений насаждать там, где крестьяне ее не знают. Но община казалась Чернышевскому все же несовершенной организацией: в ней было общественное пользование землей, но каждая семья трудилась отдельно. В дальнейшем, считал Чернышевский, произойдет переход к коллективным формам труда.

Проект Кавелина вскоре перестал удовлетворять Чернышевского, который пришел к выводу, что крепостной труд вовсе не должен подлежать выкупу, а за землю, отходящую к крестьянам, помещики должны получить только символическую плату от государства. В споре о крестьянской реформе точка зрения Чернышевского оказалась самой радикальной.

Крайние точки зрения (левые и правые) имеют право на существование. Они помогают найти компромисс, «золотую середину». Но сами по себе радикальные воззрения чаще всего несостоятельны. Крайние решения почти неизбежно приводят к тяжелым последствиям. Реализация плана Чернышевского вызвала бы жестокое потрясение, а то и разорение многих помещичьих хозяйств. Между тем крепостная система строилась на том, что именно помещик изымал излишки продуктов (а часто и не только излишки) у непосредственного производителя и отправлял их на рынок. Само по себе крестьянское хозяйство было в массе своей натуральным и слабо связанным с рынком. Разорение помещиков прекратило бы вывоз хлеба из России и вызвало бы трудности в снабжении продовольствием армии и городов. Поиски компромиссного решения были жизненной необходимостью, а не только уступкой помещикам.

Тем не менее позиция Чернышевского не может не вызывать уважения. Он в меру своих сил и понимания защищал интересы крепостного крестьянства, проявляя при этом решительность и мужество.

В 1857 г. в «Современник» пришел Николай Александрович Добролюбов (1836—1861). Он обладал тонким эстетическим вкусом и как литературный критик превосходил Чернышевского. Одним из первых Добролюбов поднял голос против «темного царства» — против деспотизма семейного и деспотизма среды. Но молодой критик был менее искушен в жизни, чем Чернышевский, а потому отличался большей прямолинейностью и беспощадностью в оценках. Особое раздражение вызывали у Добролюбова бесконечные либеральные разговоры, за которыми он не видел дела, часто не без оснований. Все либеральное движение Добролюбов считал «обломовщиной», а либералов — «лишними людьми». Разочаровавшись в «обломовщине», критик возложил все надежды на «народное дело», как иносказательно называл он революцию.

В те годы «Современник» был очень популярен. Широкая читательская публика разбиралась в сельском хозяйстве еще меньше, чем ее кумиры, позиция которых представлялась поэтому безупречной. С особым упоением «Современник» читали студенты, семинаристы, гимназисты. Отдельные статьи переписывались и передавались из рук в руки. Порыв, нетерпение, энтузиазм молодого поколения оказывали сильное воздействие на Чернышевского и Добролюбова. По-видимому, они уже не могли не писать того, что требовала от них горячая читательская аудитория. В этом были и сила, и слабость радикальных авторов «Современника».

С именами Чернышевского и Добролюбова связано начало размежевания в едином прежде лагере оппозиции. Размежевание между либералами и демократами — естественный процесс, знакомый всем достаточно развитым обществам. Но в России он произошел, пожалуй, слишком рано, когда общество не достигло еще необходимой зрелости.

Герцен был недоволен резкими нападками «Современника» на либералов. Незадолго до крестьянской реформы Чернышевский ездил за границу, встречался с Герценом. По-видимому, беседа не очень получилась. «Какой умница, какой умница! — восклицал после этого свидания Чернышевский. — И как отстал... Ведь он до сих пор думает, что продолжает остроумничать в московских салонах и препираться с Хомяковым... Присмотришься — у него все еще в нутре московский барин сидит!»

В свою очередь, Герцена задело то, как разговаривал с ним Чернышевский (по-видимому, не очень тактично). «Уди-

вительно умный человек, — говорил он, — и тем более при таком уме поразительно его самомнение. Ведь он уверен, что «Современник» представляет из себя пуп России. Нас, грешных, они совсем похоронили. Ну только, кажется, уж очень они торопятся с нашей отходной — мы еще поживем!»

«Колокол» продолжал делать ставку на единство всего лагеря, противостоящего крепостникам. Герцен считал желательным мирное, эволюционное развитие общества, но не отвергал полностью и революционный путь. В сложившейся обстановке он видел все предпосылки для мирной отмены крепостного права.

§ 2. Отмена крепостного права в России

Отмена крепостного права затрагивала жизненные основы огромной страны. Александр II не решался взять ответственность всецело на себя. В конституционных государствах все крупные мероприятия сначала разрабатываются в соответствующих министерствах, затем обсуждаются в Совете министров, а затем вносятся в парламент, которому принадлежит решающее слово. В России в то время не было ни конституции, ни парламента, ни Совета министров. Поэтому потребовалось создать громоздкую систему центральных и местных учреждений специально для разработки крестьянской реформы.

Вскоре после заключения Парижского мира Александр II, выступая в Москве перед предводителями дворянства, заявил, что «лучше начать уничтожение крепостного права *сверху*, нежели ждать того времени, когда оно начнет само собою уничтожаться *снизу*». Намекая на пугачевщину, царь затронул очень чувствительную для помещиков тему. «Передайте слова мои дворянам для соображения», — сказал он в конце речи.

Ожидалось, что дворяне живо откликнутся на призыв царя. В расчете на это в Министерстве внутренних дел началась разработка главных оснований реформы. Из архивов были извлечены проекты Сперанского и Киселева. К ним присоединили ходившие по рукам записки, в том числе и кавелинскую. В итоге чиновники сошлись на том, что освобожденным от крепостной зависимости крестьянам надо дать

небольшие наделы. За это крестьяне должны будут исполнять строго определенные повинности в пользу помещика.

В начале 1857 г., в соответствии с традициями прошлых царствований, был образован Негласный (секретный) комитет для обсуждения министерской программы. Но его деятельность оказалась малопродуктивной. Назначенные в Комитет поседелье сподвижники Николая I толкли воду в ступе да искали способы, как бы загнать все дело в тупик.

Между тем помещики никак не откликнулись на призыв царя. Даже во время коронации их представители явно избегали прямых ответов. Наконец, виленский генерал-губернатор В.И. Назимов сумел склонить местных дворян выступить с предложением об отмене крепостного права. Но возникло новое затруднение: литовские помещики просили освободить крестьян без земли, а министерский проект предполагал освобождение с наделом. Завязавшийся узел разрубил сам Александр II. Он приказал составить рескрипт на имя Назимова, исходя из министерской программы. 20 ноября 1857 г. рескрипт был утвержден царем. Литовским помещикам предлагалось избрать губернский комитет для разработки реформы на условиях, предложенных правительством.

Протесты литовских помещиков (мы-де просили вовсе не о том) были оставлены без внимания. Рескрипт Назимову был опубликован. Негласный комитет преобразовали в Главный комитет по крестьянскому делу. Реформа стала разрабатываться в обстановке гласности. Александр II совершил поступок, достойный потомка Петра I.

Обстановка гласности вынудила помещиков откликнуться на призыв царя. К лету 1858 г. почти повсеместно были созданы губернские дворянские комитеты. В конце того же года стали поступать их отзывы. Для рассмотрения этих отзывов и составления подробного проекта реформы были образованы редакционные комиссии. По воле царя их возглавил Я.И. Ростовцев.

В свое время Ростовцев был близок к декабристам, но в решающий момент сообщил правительству о готовящемся выступлении. Правда, при этом он не назвал имен и о своем шаге известил Рылеева и Оболенского. В дальнейшем, по видимому, он всю жизнь мучился этими воспоминаниями. Узнав, что вернувшийся из Сибири Е.П. Оболенский поселился в Калуге, Ростовцев немедленно выехал туда, чтобы повидаться и объясниться. Оболенский оказался незлопамя-

тен, они расстались друзьями и потом переписывались. Оболенский советовал наделить крестьян землей в том размере, как они владели при крепостном праве. Только гарантированный правительством выкуп, писал он, может удачно решить вопрос. Так один из руководителей Северного общества принял участие в подготовке крестьянской реформы.

Ростовцев много сделал для того, чтобы направить работу редакционных комиссий в либеральное русло. Все текущие дела по подготовке реформы сосредоточились в руках товарища (заместителя) министра внутренних дел Николая Алексеевича Милютина (1818—1872). Милютин был близок к Кавелину и старался реализовать основные положения его записки. Большую помощь оказывал ему славянофил Ю.Ф. Самарин, член редакционных комиссий.

Помещики с недоверием относились к редакционным комиссиям, и Александр обещал, что представители дворянства будут вызваны в Петербург, ознакомлены с документами и смогут высказать свое мнение. К августу 1859 г. проект был подготовлен и встал вопрос о приезде дворянских представителей. Опасаясь, как бы они не образовали какое-нибудь подобие парламента, правительство решило вызвать дворян в столицу в два приема (сначала от нечерноземных губерний, а затем от черноземных). Вызванным было запрещено собираться на официальные заседания. Их приглашали по 3—4 человека в редакционные комиссии и просили отвечать на задаваемые вопросы. Дворяне были очень недовольны таким поворотом дела.

Помещики нечерноземных губерний не возражали против наделения крестьян землей, но требовали за нее выкуп, несопоставимый с ее стоимостью. Тем самым они пытались включить в сумму выкупа компенсацию за оброк. Они настаивали также на том, чтобы правительство гарантировало выкупную операцию.

Кроме того, помещики опасались, что власть правительственной бюрократии слишком усилится, если она заберет в свои руки все дело управления крестьянами. Чтобы отчасти нейтрализовать эту опасность, дворянские депутаты требовали свободы печати, гласности, независимого суда и местного самоуправления. В ответ правительство запретило на ближайших дворянских собраниях обсуждать вопрос о реформах.

Этот запрет вызвал сильное брожение среди дворянства, особенно в нечерноземных губерниях, где оно было более просвещенным и либеральным. На собрании тверского дво-

рянства помещик А.И. Европеус (бывший петрашевец) произнес яркую речь против произвола бюрократии, нарушающей законные права дворян, и был отправлен в новую ссылку — в Пермь. Вятка была избрана местом ссылки для тверского губернского предводителя дворянства А.М. Унковского. Александр II показал, что он кое-чему научился у своего отца. Эти события напомнили о том, как слабо защищены в России права отдельных граждан.

Тем временем, в начале 1860 г., в Петербург съехались дворянские представители от черноземных губерний. Их критика правительственного проекта была еще резче. Они увидели в деятельности редакционных комиссий проявление демократических, республиканских и даже социалистических тенденций. Громкими криками о разных опасностях, якобы грозящих государству, помещики хотели замаскировать свое нежелание дать крестьянам землю. Но землевладельцы из южных губерний не выдвигали требований относительно гласности и различных свобод, и правительство не подвергло их репрессиям. Дворянским представителям было обещано, что их замечания по возможности будут учтены.

В это время умер Ростовцев. Председателем редакционных комиссий был назначен министр юстиции граф В.Н. Панин, известный консерватор. На каждом последующем этапе обсуждения в проект вносились те или другие поправки крепостников. Реформаторы чувствовали, что проект все более сдвигается от «золотой середины» в сторону ущемления крестьянских интересов. Тем не менее обсуждение реформы в губернских комитетах и вызов дворянских представителей не остались без пользы. Милютин и Самарин (главные разработчики реформы) поняли, что она не может осуществляться на одинаковых основаниях во всей стране, что нужно учитывать местные особенности. В черноземных губерниях главную ценность представляет земля, в нечерноземных — крестьянский труд, овеществленный в оброке. Они поняли также, что нельзя без подготовки отдавать помещичье и крестьянское хозяйство во власть рыночных отношений; требовался переходный период. Они утвердились в мысли, что крестьяне должны быть освобождены с землей, а помещикам следует предоставить гарантированный правительством выкуп. Эти идеи легли в основу законоположений о крестьянской реформе.

Заветной мечтой крепостников было так или иначе похоронить реформу. Но Александр II проявил необыкновенную настойчивость. В самый ответственный момент он назначил

председателем Главного комитета по крестьянскому делу своего брата Константина Николаевича, сторонника либеральных мер. На последнем заседании Комитета и в Государственном совете реформу отстаивал сам царь. 19 февраля 1861 г., в шестую годовщину своего восшествия на престол, Александр II подписал все законоположения о реформе и манифест об отмене крепостного права. Поскольку правительство опасалось народных волнений, публикация документов была отложена на две недели — для принятия предупредительных мер. 5 марта 1861 г. манифест был прочитан в церквах после обедни. На разводе в Михайловском манеже Александр сам прочитал его войскам. Так пало крепостное право.

§ 3. Основные положения реформы 19 февраля 1861 г.

С момента публикации законов 19 февраля 1861 г. помещичьи крестьяне перестали считаться собственностью — отныне их нельзя было продавать, покупать, дарить, переселять по произволу владельцев. Правительство объявило бывших крепостных «свободными сельскими обывателями», присвоило им гражданские права — свободу вступления в брак, самостоятельное заключение договоров и ведение судебных дел, приобретение недвижимого имущества на свое имя и пр.

Крестьяне каждого помещичьего имения объединялись в сельские общества. Свои общие хозяйственные вопросы они обсуждали и решали на сельских сходах. Исполнять решения сходов должен был сельский староста, избираемый на три года. Несколько смежных сельских обществ составляли волость. В волостном сходе участвовали сельские старосты и выборные от сельских обществ. На этом сходе избирался волостной старшина. Он исполнял полицейские и административные обязанности.

Деятельность сельского и волостного управлений, а также взаимоотношения крестьян с помещиками контролировались мировыми посредниками. Они назначались Сенатом из числа местных дворян-помещиков. Мировые посредники имели широкие полномочия. Но администрация не могла использовать мировых посредников в своих целях. Они не подчинялись ни губернатору, ни министру и не должны были

следовать их указаниям. Они должны были следовать только указаниям закона. В первом составе мировых посредников было немало гуманно настроенных помещиков (декабристы Г.С. Батеньков и А.Е. Розен, Л.Н. Толстой и др.).

Вся земля в имении признавалась собственностью помещика, в том числе и та, которая находилась в пользовании крестьян. За пользование своими наделами лично свободные крестьяне должны были отбывать барщину или платить оброк. Закон признавал такое состояние временным. Поэтому лично свободные крестьяне, несущие повинности в пользу помещика, назывались «временнообязанными».

Размеры крестьянского надела и повинностей по каждому имению следовало раз и навсегда определить по соглашению крестьян с помещиком и зафиксировать в уставной грамоте. Введение этих грамот было основным занятием мировых посредников.

Допустимые рамки соглашений между крестьянами и помещиками были обозначены в законе. Кавелин, как мы помним, предлагал оставить за крестьянами все земли, которыми они пользовались при крепостном праве. Помещики нечерноземных губерний не возражали против этого. В черноземных же губерниях они яростно протестовали. Поэтому в законе была проведена грань между нечерноземными и черноземными губерниями. В нечерноземных в пользовании крестьян оставалось почти столько же земли, как и прежде. В черноземных же под давлением крепостников был введен сильно уменьшенный душевой надел. При пересчете на такой надел (в некоторых губерниях, например Курской, он опускался до 2,5 дес.) у крестьянских обществ отрезались «лишние» земли. Там, где мировой посредник действовал недобросовестно, в числе отрезанных земель оказывались необходимые крестьянам угодья — прогоны для скота, луга, водопой. За дополнительные повинности крестьяне вынуждены были арендовать у помещиков эти земли. «Отрезки», сильно стеснившие крестьян, на протяжении многих лет отравляли отношения между помещиками и их бывшими крепостными.

Рано или поздно, полагало правительство, «временнообязанные» отношения закончатся и крестьяне с помещиками заключат выкупную сделку — по каждому имению. По закону крестьяне должны были единовременно уплатить помещику за свой надел около пятой части обусловленной суммы.

Остальную часть уплачивало государство. Но крестьяне должны были возвращать ему эту сумму (с процентами) ежегодными платежами в течение 49 лет.

В принципе, в основу суммы выкупа должна была бы лечь доходность выкупаемых земель. В отношении черноземных губерний примерно так и было сделано. Но помещики нечерноземных губерний считали такой принцип для себя разорительным. Они давно уже жили в основном не с доходов от своих бедных земель, а за счет оброка, который платили крестьяне из своих сторонних заработков. Поэтому в нечерноземных губерниях земля была обложена выкупными платежами выше ее доходности. Выкупные платежи, которые правительство в течение многих лет выкачивало из деревни, забирали все накопления в крестьянском хозяйстве, мешали ему перестроиться и приспособиться к рыночной экономике, удерживали русскую деревню в состоянии нищеты.

Опасаясь, что крестьяне не захотят платить большие деньги за плохие наделы и разбегутся, правительство ввело ряд жестких ограничений. Пока производились выкупные платежи, крестьянин не мог отказаться от надела и уехать навсегда из своей деревни без согласия сельского схода. А сход неохотно давал такое согласие, потому что ежегодные платежи спускались на все общество, невзирая на отсутствующих, больных и немощных. За них приходилось платить всему обществу. Крестьяне были связаны *круговой порукой* и прикреплены к своему наделу.

Помещикам-крепостникам удалось ввести в закон еще одну поправку. По соглашению с крестьянами помещик мог отказаться от выкупа, «подарить» крестьянам четверть их законного надела, а остальные земли забрать себе. Крестьянские общества, клюнувшие на эту уловку, впоследствии горько раскаялись. Очень скоро сёла «дарственников» на своих крошечных наделах катастрофически обнищали.

Конечно, крестьяне ожидали не такую реформу. Наслышавшись о близкой «воле», они с удивлением и негодованием воспринимали весть, что надо продолжать отбывать барщину и платить оброк. У них закрадывались подозрения, подлинный ли манифест им прочитали, не запрятали ли помещики, сговорившись с попами, «настоящую волю». Донесения о крестьянских бунтах приходили из всех губерний Европейской России. На подавление высылались войска. Особым драматизмом отличались события в селениях Бездна Спас-

кого уезда Казанской губернии и Кандеевка Керенского уезда Пензенской губернии.

В Бездне жил крестьянин-сектант Антон Петров, тихий и скромный человек. Он вычитывал из «Положений» 19 февраля «тайный смысл» и растолковывал его крестьянам. У него получалось, что почти вся земля должна была отойти именно к ним, а помещикам — «овраги да дороги, и песок да камыш». Со всех сторон шли в Бездну бывшие крепостные, чтобы послушать «про настоящую волю». Из села были изгнаны официальные власти, и крестьяне установили свой порядок.

В село были направлены две пехотные роты. По безоружным крестьянам, плотным кольцом окружившим избу Антона Петрова, было дано шесть залпов. 91 человек был убит. Через неделю, 19 апреля 1861 г., Петрова принародно расстреляли.

В этом же месяце разыгрались события в Кандеевке, где солдаты тоже стреляли в безоружную толпу. Здесь погибло 19 крестьян. Эти и другие подобные известия произвели тяжелое впечатление на общественность, тем более что критиковать в печати крестьянскую реформу было запрещено. Но к июню 1861 г. крестьянское движение пошло на спад.

Реформа получилась не такой, какой мечтали ее видеть Кавелин, Герцен и Чернышевский. Построенная на тяжелых компромиссах, она учитывала интересы помещиков гораздо более, чем крестьян, и обладала очень коротким «ресурсом времени» — не более чем на 20 лет. Затем должна была встать необходимость новых реформ в том же направлении.

И все же крестьянская реформа 1861 г. имела огромное историческое значение. Она открыла перед Россией новые перспективы, создав возможность для широкого развития рыночных отношений. Страна уверенно вступила на путь капиталистического развития. Началась новая эпоха в ее истории.

Велико было и нравственное значение этой реформы, окончившей с крепостным рабством. Его отмена проложила дорогу другим важнейшим преобразованиям, которые должны были ввести в стране современные формы самоуправления и суда, подтолкнуть развитие просвещения. Теперь, когда все россияне стали свободными, по-новому встал вопрос о конституции. Ее введение стало ближайшей целью на пути к правовому государству — такому государству, которым уп-

равляют граждане в соответствии с законом и каждый гражданин имеет в нем надежную защиту.

Надо помнить исторические заслуги тех, кто разрабатывал и продвигал эту реформу, кто боролся за ее проведение — Н.А. Милютин, Ю.Ф. Самарина, Я.И. Ростовцева, великого князя Константина Николаевича, К.Д. Кавелина, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, а в более отдаленной перспективе — декабристов, А.Н. Радищева. Нельзя забывать и заслуг выдающихся представителей нашей литературы — А.С. Пушкина, В.Г. Белинского, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова и др. И, наконец, неоспоримо велики заслуги императора Александра II.

§ 4. Либеральные реформы 60—70-х годов

К крестьянской реформе Россия подошла с крайне отсталым и запущенным местным (земским, как тогда говорили) хозяйством. Медицинская помощь в деревне практически отсутствовала. Эпидемии уносили тысячи жизней. Крестьяне не знали элементарных правил гигиены. Народное образование никак не могло выйти из зачаточного состояния. Отдельные помещики, содержавшие для своих крестьян школы, закрыли их сразу же после отмены крепостного права. О проселочных дорогах никто не заботился. Между тем государственная казна была истощена, и правительство не могло своими силами поднять местное хозяйство. Поэтому было решено пойти навстречу либеральной общественности, которая ходатайствовала о введении местного самоуправления.

1 января 1864 г. был утвержден закон о земском самоуправлении. Оно учреждалось для руководства хозяйственными делами: строительством и содержанием местных дорог, школ, больниц, богаделен, для организации продовольственной помощи населению в неурожайные годы, для агрономической помощи и сбора статистических сведений.

Распорядительными органами земства были губернские и уездные земские собрания, а исполнительными — уездные и губернские земские управы. Для выполнения своих задач земства получили право облагать население особым сбором.

Выборы земских органов проводились раз в три года. В каждом уезде для выборов гласных уездного земского собрания создавалось три избирательных съезда. В первом съезде

участвовали землевладельцы, независимо от сословия, имевшие не менее 200—800 дес. земли (земельный ценз по разным уездам был неодинаков). Второй съезд включал в себя городских собственников с определенным имущественным цензом. На третий, крестьянский, съезд съезжались выборные от волостных сходов. Каждый из съездов избирал определенное число гласных. Уездные земские собрания избирали гласных губернского земства.

Как правило, в земских собраниях преобладали дворяне. Несмотря на конфликты с либеральными помещиками, самодержавие считало поместное дворянство своей основной опорой. Поэтому земство не было введено в Сибири и в Архангельской губернии, где не было помещиков. Не ввели земство и в Области Войска Донского, в Астраханской и Оренбургской губерниях, где существовало казачье самоуправление.

Земства сыграли большую положительную роль в улучшении жизни русской деревни, в развитии просвещения. Вскоре после их создания Россия покрылась сетью земских школ и больниц.

С появлением земства стало меняться соотношение сил в русской провинции. Прежде все дела в уездах вершили правительственные чиновники вкуче с помещиками. Теперь же, когда развернулась сеть школ, больниц и статистических бюро, появился «третий элемент», как стали называть земских врачей, учителей, агрономов, статистиков. Многие представители сельской интеллигенции показали высокие образцы служения народу. Им доверяли крестьяне, к их советам прислушивались управы. Правительственные чиновники с тревогой следили за ростом влияния «третьего элемента».

По закону земства были чисто хозяйственными организациями. Но вскоре они стали играть важную политическую роль. В те годы на земскую службу обычно шли самые просвещенные и гуманные помещики. Они становились гласными земских собраний, членами и председателями управ. Они стояли у истоков земского либерального движения. А представители «третьего элемента» испытывали тяготение к левым, демократическим, течениям общественной мысли.

На аналогичных основаниях в 1870 г. была проведена реформа городского самоуправления. Попечительству городских дум и управ подлежали вопросы благоустройства, а также заведование школьным, медицинским и благотворитель-

ным делом. Выборы в городскую думу проводились по трем избирательным съездам (мелких, средних и крупных налогоплательщиков). Рабочие, не платившие налогов, не участвовали в выборах. Городской голова и управа избирались думой. Городской голова возглавлял и думу и управу, координируя их деятельность. Городские думы проводили большую работу по благоустройству и развитию городов, но в общественном движении были не столь заметны, как земства. Это объяснялось долго сохранявшейся политической инертностью купечества и предпринимательского класса.

Одновременно с земской реформой, в 1864 г., была проведена судебная реформа. Россия получила новый суд: бессловный, гласный, состязательный, независимый от администрации. Судебные заседания стали открытыми для публики.

Центральным звеном нового судебного устройства был окружной суд с присяжными заседателями. Обвинение в суде поддерживал прокурор. Ему возражал защитник. Присяжные заседатели, 12 человек, назначались по жребию из представителей всех сословий. Выслушав судебные прения, присяжные выносили вердикт («виновен», «невиновен» или «виновен, но заслуживает снисхождения»). На основании вердикта суд выносил приговор. Русское общеуголовное законодательство в те времена не знало такой меры наказания, как смертная казнь. Только специальные судебные органы (военные суды, Особое присутствие Сената) могли приговорить к смерти.

Разбором мелких дел занимался мировой суд, состоявший из одного человека. Мировой судья избирался земскими собраниями или городскими думами на три года. Правительство не могло своей властью отстранить его от должности (как и судей окружного суда). Принцип несменяемости судей обеспечивал их независимость от администрации. Судебная реформа была одним из самых последовательных и радикальных преобразований 60—70-х годов.

И все же судебная реформа 1864 г. осталась незавершенной. Для разбора конфликтов в крестьянской среде был сохранен словный волостной суд. Это отчасти объяснялось тем, что крестьянские правовые понятия сильно отличались от общегражданских. Мировой судья со «Сводом законов» часто был бы бессилён рассудить крестьян. Волостной суд, состоявший из крестьян, судил на основании существующих

в данной местности обычаев. Но он был слишком подвержен воздействию со стороны зажиточных верхов деревни и всякого рода начальства. Волостной суд и мировой посредник имели право присуждать к телесным наказаниям. Это позорное явление существовало в России до 1904 г.

В 1861 г. военным министром был назначен генерал Дмитрий Алексеевич Милютин (1816—1912). Учитывая уроки Крымской войны, он провел ряд важных реформ. Они имели целью создание крупных обученных резервов при ограниченной армии мирного времени. На завершающем этапе этих реформ, в 1874 г., был принят закон, отменивший рекрутчину и распространивший обязанность служить в армии на мужчин всех сословий, достигших 20 лет и годных по состоянию здоровья. В пехоте срок службы был установлен в 6 лет, на флоте — в 7 лет. Для окончивших высшие учебные заведения срок службы сокращался до шести месяцев. Эти льготы стали дополнительным стимулом для распространения образования. Отмена рекрутчины, наряду с отменой крепостного права, значительно увеличила популярность Александра II среди крестьянства.

Реформы 60—70-х годов — крупное явление в истории России. Новые, современные органы самоуправления и суда способствовали росту производительных сил страны, развитию гражданского самосознания населения, распространению просвещения, улучшению качества жизни. Россия подключалась к общеевропейскому процессу создания передовых, цивилизованных форм государственности, основанных на самостоятельности населения и его волеизъявлении. Но это были только первые шаги. В местном управлении были сильны пережитки крепостничества, оставались нетронутыми многие дворянские привилегии. Реформы 60—70-х годов не коснулись верхних этажей власти. Сохранялись самодержавие и полицейский строй, унаследованные от прошлых эпох.

§ 5. Промышленность и транспорт в пореформенной России

Реформы 60—70-х годов значительно улучшили политические и правовые условия для развития производительных сил и формирования капиталистических отношений. Другим

непременным условием перестройки народного хозяйства на рыночных отношениях было создание соответствующей инфраструктуры — комплекса вспомогательных отраслей хозяйства (шоссеиных и железных дорог, каналов, портов, средств связи). В России особо остро стоял вопрос о сухопутных путях сообщения.

Железнодорожное строительство началось в России еще при Николае I. 1 ноября 1851 г. было открыто движение по железной дороге от Петербурга до Москвы.

В 60-е годы железнодорожное строительство ускорилося. Широко привлекался частный капитал, в том числе иностранный. Центром железнодорожной сети стала Москва. Особое значение имело строительство дороги от Москвы до Нижнего Новгорода. 1 августа 1862 г. из Нижнего в Москву ушел первый поезд. Эта дорога связала обе столицы и заграничный рынок с Нижегородской ярмаркой и Волгой — основной транспортной магистралью того времени.

В 1869 г. вошла в строй дорога, соединившая Москву с южными хлебородными губерниями (Москва—Рязань—Козлов—Воронеж). Особенно перспективным оказалось открытое этой дорогой рязанское направление. От Рязани линия была продолжена до Самары, а затем — до Урала. Железная дорога вышла к воротам Сибири. В 1891 г. началось строительство Транссибирской железной дороги. К 1894 г. общая протяженность железных дорог России составила 27,9 тыс. верст.

Отмена крепостного права вызвала короткую заминку в промышленном развитии страны. Многие отрасли, прежде всего металлургическая, должны были перейти с принудительного труда на вольнонаемный. Но вскоре промышленное развитие пошло по восходящей. В середине 60-х годов в России наблюдался подъем предпринимательства. Даже офицеры нередко подавали в отставку и открывали книжную или бельевую лавку. Правительство закрыло или передало в частные руки некоторые убыточные казенные предприятия.

Самых значительных успехов в эти годы достигло текстильное производство, которое тогда было ведущей отраслью русской промышленности. За 20 пореформенных лет потребление хлопчатобумажных тканей на душу населения в России удвоилось. Этот рост был достигнут за счет вытеснения домотканых льняных тканей.

Значительный рост наблюдался в пищевой промышленности, особенно в сахарной. Среднедушевое потребление са-

хара за эти же годы также удвоилось (до 2 кг в год в начале 40-х годов). Начался экспорт сахара.

Очень трудно приспособление к новым условиям происходило в металлургической промышленности, где требовалось не только перейти к вольнонаемному труду, но и произвести техническое перевооружение. Между тем уральские горнозаводчики, давно сомкнувшиеся с верхами аристократии, привыкли проживать свои доходы в столицах или за границей. Их капиталовложения в предприятия были недостаточны. Производство железа в первые годы после отмены крепостного права снизилось. Лишь в 1870 г. выплавка чугуна достигла уровня 1860 г. Медленные темпы роста производства в черной металлургии сохранялись до конца 70-х годов. Причиной тому была затянувшаяся перестройка уральской промышленности. Однако в это же время (с середины 70-х годов) стала набирать силу горная и металлургическая промышленность в Донцком бассейне.

Русское машиностроение в первые пореформенные десятилетия еще не могло обеспечить нужды железных дорог в подвижном составе. Паровозы и вагоны в то время ввозились из-за границы. Правительство поощряло развитие отечественного машиностроения, и со второй половины 70-х годов железные дороги стали снабжаться подвижным составом в основном отечественного производства.

Народное хозяйство России, постепенно смыкавшееся с мировой экономикой, начинало испытывать колебания ее конъюнктуры. В 1873 г. Россию впервые затронул мировой промышленный кризис.

В первое пореформенное 20-летие окончательно сформировались основные промышленные районы России — Московский, Петербургский, Уральский и Южный. В Московском районе преобладала текстильная промышленность. Петербургский район приобрел уклон в сторону металлообработки и машиностроения. Уральский и Южный были базой металлургической промышленности.

Самым мощным из них был Московский, опиравшийся на развитую кустарную промышленность центральных губерний (Московской, Владимирской, Костромской, Ярославской, Тверской). Кустарь-одиночка — основа и начало промышленного развития в любой стране. Выходя на рынок, кустарь попадает под власть скупщика. Скупщик постепенно стягивает кустарей в свою мастерскую. Со временем мастер-

ская превращается в фабрику, где ручной труд заменяется машинным. Переход от ремесленной мастерской (мануфактуры) к фабрике называется промышленным переворотом.

Промышленный переворот — это долговременный процесс. Показателем его завершения в той или иной стране является наступление такого момента, когда в главных отраслях промышленности основная масса продукции изготавливается предприятиями, оборудованными машинами, работающими на паровой или электрической тяге.

В России промышленный переворот начался в середине XIX в. В разных регионах и отраслях он протекал неодинаково. В хлопчатобумажной промышленности он раньше начался и быстрее завершился. А в целом по стране машинное производство победило к концу XIX в. Это было связано с промышленным подъемом 90-х годов.

Всюду, где происходил промышленный переворот, он в какие-нибудь несколько десятков лет ломал укоренившиеся географические представления современников о своем Отечестве. Железные дороги выхватывали из захолустий города и местечки, о которых прежде никто не слышал. Проселочные дороги вдруг наполнялись движением, а прежние тракты зарастали травой. Административные центры отбрасывались на периферию, но зато какое-нибудь село, прежде известное лишь своими искусными кузнецами или ткачами, словно по мановению чьей-то таинственной руки превращалось в огромный город, поднявший к небу десятки фабричных труб.

В 1871 г. из села Иванова и Вознесенского посада Шуйского уезда Владимирской губернии был образован город Иваново-Вознесенск — крупный центр текстильной промышленности. Сам же Владимир в это время остановился в своем развитии, как и два других древних города — Новгород и Псков.

На юге стремительно возвысился Ростов-на-Дону, ставший крупным портовым городом и затмивший не только соседний Таганрог, но и Новочеркасск, столицу донского казачества.

Промышленные районы тесным кольцом сомкнулись вокруг Петербурга и отрезали его от моря. В Петербурге в это время насчитывалось 667 тыс. жителей. Он превратился в город с резкими социальными контрастами. В слегка обветшавших дворцах на Миллионной и Литейном доживали свой век николаевские царедворцы и фрейлины. В эти же районы

переселили свои особняки в стиле эклектики дельцы новейшей формации, вчерашние приказчики и подрядчики. А недалеко от Сенной площади располагался огромный комплекс почтовых домов, где ютилась беднота.

Москва быстро догоняла Петербург по числу жителей (601 тыс.) и тоже превращалась в промышленно-капиталистический город. Рабочий класс, скапливавшийся в крупных городах, в огромной своей массе состоял из пришедших на заработки крестьян. На время сева, покоса и жатвы они возвращались в свои деревни. В это время останавливались многие фабрики. Со временем некоторые рабочие оседали в городе и порывали связь с деревней. Но этот процесс шел гораздо медленнее, чем росли ряды промышленной армии труда. В 60—70-е годы рабочие, не связанные с землей, составляли лишь небольшое ядро рабочего класса. Обычно это были самые квалифицированные рабочие.

Третьим по величине городом в то время была Одесса, население которой превысило 100 тыс. человек. В Сибири в пореформенный период самым большим городом стал Томск (33 тыс. жителей). Большой Сибирский тракт, проложенный в середине XIX в., сделал его основным центром сибирской торговли. Тобольск, оказавшийся в стороне от тракта, почти не рос и терял прежнее значение.

В целом же промышленное развитие России в первое пореформенное 20-летие шло успешно. Оно отличалось органичностью, естественностью. Торговля выявляла потребности рынка, потребности человека. На их основе формировалась легкая промышленность. На основе ее потребностей в машинах, а торговли — в средствах доставки товаров развивались транспорт и тяжелая промышленность.

§ 6. Русская деревня после отмены крепостного права

Сельскохозяйственное развитие России в пореформенный период было не столь успешным. Правда, за 20 лет экспорт зерна из России увеличился в 3 раза и составил в 1881 г. 202 млн. пудов. В мировом экспорте хлеба Россия заняла первое место. Цены на хлеб на мировом рынке держались высокие.

Однако рост урожайности хлебов в России был невелик. Увеличение валовых сборов зерна достигалось в основном за счет распашки новых земель. Основным поставщиком экспортного хлеба оставалось помещичье хозяйство.

В руках помещиков находились огромные земельные площади. На каждые 100 десятин крестьянских земель в Центрально-черноземном районе приходилось 56 дес. помещичьей земли, а в Центрально-промышленном — 30. В общей массе помещичьего землевладения велик был удельный вес латифундий (владений размером свыше 500 дес.). Крупнейшие латифундисты (Строгановы, Шереметевы, Шуваловы и др.) владели сотнями тысяч десятин в разных губерниях.

После отмены крепостного права помещикам пришлось перестраивать свое хозяйство на рыночных началах. Они имели возможность организовать систему хозяйства, переходную от барщинной к капиталистической. Сделанные во время реформы «отрезки» вынуждали крестьян арендовать землю у помещика. Но нередко они не могли предложить ему в качестве арендной платы ничего, кроме своего труда. Так возникла отработочная система хозяйства. С барщинной она была сходна тем, что крестьянин и здесь обрабатывал помещичью землю своим рабочим скотом и инвентарем. Подобные формы эксплуатации получили название полукрепостнических.

Вообще после 1861 г. отношение помещиков к крестьянам сильно изменилось. Раньше помещик нередко жалел своих крестьян, приходил к ним на помощь (как-никак все же собственность). Теперь он готов был выжать из них все соки и бросить на произвол судьбы. Только наиболее гуманные и дальновидные помещики, работавшие в земствах, старались как-то восполнить нарушенные отношения и сблизиться с крестьянством на почве общих интересов местного хозяйства.

Передовые помещики пытались строить свое хозяйство по-новому. Они заводили собственный рабочий скот и инвентарь, покупали сельскохозяйственные машины, нанимали рабочих. Но эти формы хозяйствования прививались с трудом. Им непросто было конкурировать с кабальными формами эксплуатации, для которых реформа 1861 г. создала благоприятные условия.

И только в степном Заволжье и на Северном Кавказе, где помещичье землевладение было невелико или его вообще не было, стало быстро утверждаться предпринимательское,

фермерское хозяйство. Эти районы становились житницей России и основными поставщиками хлеба на экспорт.

В пореформенное 20-летие обозначились два пути эволюции аграрного строя России. Центрально-земледельческий район вступил на медленный, затяжной путь перестройки хозяйства с сохранением крупного помещичьего землевладения. А в степных районах Заволжья и Северного Кавказа стал вырисовываться другой путь — фермерский, предпринимательский.

В дореформенной деревне группы богатых, средних и бедных крестьян не были постоянными по своему составу. На протяжении жизни одного крестьянина его семья могла побывать во всех трех группах. После 1861 г. началось наследственное закрепление крестьянских семей в крайних социальных группах. Зажиточные семьи, которым теперь не приходилось делиться с помещиком своим достатком, стали передавать его по наследству. Но с другой стороны, в деревне появились даже и не бедные, а совсем разорившиеся, пролетаризированные двory. Обычно это происходило вследствие дурных качеств домохозяев (лени, пьянства и пр.). Но их дети, как бы трудолюбивы и рачительны они ни были, имели уже мало шансов поправить свое хозяйство. Расслоение крестьянства стало принимать необратимый характер. Но между середняками и беднотой не было четкой грани. Эти две социальные группы, тесно взаимосвязанные, составляли основную массу крестьянского населения.

Хозяйственная и общественная жизнь российского крестьянина протекала в рамках общины, которая существовала на Руси испокон веков. По реформе 1861 г. она получила статус сельского общества. Крестьянская община одновременно являлась и экономическим объединением, и низшей административной единицей. Община распределяла землю среди своих членов, устанавливала правила, как использовать пастбища и леса. В то же время закон возлагал на общину обязанности по распределению налогов и поддержанию порядка на ее территории.

Основными органами общинного управления были сельский сход и сельский староста. Староста должен был исполнять решения схода и распоряжения волостного старшины и мирового посредника. Согласно закону, на сельский сход должны были являться только домохозяева (главы семейств). В губерниях черноземной полосы это правило строго соблюдалось. В нечерноземных же губерниях домохозяева нередко

оказывались «в отходе» (на заработках). На сход приходили их жены. «В иной бабе больше толку, чем в мужике», — говорили здешние крестьяне. Иногда же на сход приходили сыновья отсутствующих домохозяев. В 15—17 лет крестьянский юноша был уже готовым работником и вполне разбирался в тех вопросах, которые обсуждались на сходе. Общинная демократия, вообще не исчезнувшая даже при крепостном праве, в пореформенную эпоху получила новое развитие.

Община строилась на сочетании коллективного землепользования и отдельного ведения хозяйства каждым двором. Землей в общине крестьяне владели чересполосно. Каждый двор получал полосы и хороших, и плохих земель, и ближних, и дальних, и на пригорке, и в низине. Имея полосы в разных местах, крестьянин ежегодно получал средний урожай: в засушливый год выручали полосы в низких местах, в дождливый — на взгорках.

Труд пахаря очень тяжел. В крестьянских семьях издавна существовал такой порядок: женщины смотрели за домом и детьми, а мужчины работали в поле. Поэтому и земля распределялась чаще всего по числу мужчин. Если в семье умирал мужчина, общество отнимало его надел. Если рождался мальчик, он получал надел. Такие «скидки—накидки» назывались частными переделами. Но число родившихся обычно превышало число умерших. Время от времени приходилось разбивать общинные земли на новое число душ. При этом надел на каждую душу становился меньше. Происходил общий (или коренной) передел. Он повторялся в среднем раз в 12 лет. Но некоторые общины не производили переделов — ни общих, ни частных. В таких общинах распределение земли со временем становилось все более неравномерным.

В губерниях Черноземного центра в первое время после реформы переделы были редким явлением. Как ни высоки были здесь выкупные платежи, надел плодородной земли все же кормил крестьянскую семью, и крестьяне очень им дорожили. Но долговременное отсутствие переделов приводило к тому, что крестьяне начинали смотреть на свой надел, как на свою собственность. Кое-где землю начали завещать по наследству и даже продавать. Земля постепенно сосредоточивалась в пользовании зажиточных дворов, а в крестьянском сознании начинало укореняться понятие о частной собственности на землю. Это говорит о том, что первое пореформенное 20-летие было сравнительно благоприятным периодом в жизни крестьян черноземных губерний. Ведь земельные переделы производились не от хорошей жизни. Только когда подступа-

ла крайняя нужда, крестьянин начинал перетряхивать землю, добиваясь идеальной справедливости и всеобщего равенства.

По-иному в те годы обстояли дела в нечерноземных губерниях. Здесь крестьянский надел был обложен сверх его доходности. Только с помощью посторонних заработков крестьянин справлялся с выкупными платежами. Те, кто не мог идти на заработки (малые дети, инвалиды, старики), надела не имели. Земля распределялась по работникам-мужчинам («рабочим душам»). Крестьянин, может быть, и совсем отказался бы от надела, но по закону он не мог оставить навсегда деревню, к которой был приписан. Тем не менее крестьянин старался «спихнуть» с себя надел при всяком удобном случае. Переделы земли в нечерноземных губерниях были частым явлением. Занятый на работе в городе, крестьянин не всегда успевал обработать свой надел. Все больше становилось заброшенных земель, за которые тем не менее взыскивались выкупные платежи и прочие налоги. 60—70-е годы были тяжелым периодом в жизни деревни Нечерноземного центра. Хотя тесное общение с городом быстро развивало у здешних крестьян предпринимательские навыки.

Так по-разному отзывалась реформа 1861 г. в разных российских землях. В общем же, несмотря на тяжесть выкупных платежей и полукрепостническую эксплуатацию со стороны помещиков, эта реформа значительно ускорила переход крестьян от застойного натурально-потребительского хозяйства к товарно-рыночному.

Глава 21

Драма после Освобождения

§ 1. Общественное движение в 1861—1866 гг.

После манифеста 19 февраля 1861 г. в правительственной политике произошли изменения не в лучшую сторону. Александр II оказался больше не в силах противостоять нажиму со стороны придворной камарильи, старой бюрократической гвардии и помещиков-крепостников. По их настоянию

в апреле 1861 г. Н.А. Милютин был удален с поста товарища министра внутренних дел. Он ушел, не закончив работу над проектом земской реформы, проведенной в 1864 г., далеко не исчерпав свой творческий потенциал. П.А. Валуев, новый министр внутренних дел, старался угодить помещикам-латифундистам.

Однако в стране продолжался общественный подъем, начавшийся накануне отмены крепостного права. Впервые со времен декабристов встал вопрос о созыве народных представителей, о конституции. В феврале 1862 г. в Твери собралось губернское дворянское собрание. В своем постановлении тверские дворяне заявили, что правительство обнаруживает свою полную несостоятельность. А в адресе на имя императора подчеркивалось: «Созвание выборных от всей земли русской представляет единственное средство к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных положением 19 февраля». Через несколько дней собралось совещание мировых посредников Тверской губернии. В еще более резкой форме они повторили основные пункты резолюции дворянского собрания.

Все 13 участников совещания мировых посредников были посажены в Петропавловскую крепость. После пятимесячного заключения их отдали под суд, который приговорил их к лишению свободы на срок от двух до двух с половиной лет. Самые суровые наказания были определены главным «зачинщикам» — Алексею и Николаю Бакуниным, братьям М.А. Бакунина. Правда, вскоре они были помилованы, но с запрещением участвовать в каких-либо выборах.

В начале 1863 г. вспыхнуло восстание в Польше. Вскоре оно перекинулось в Литву и Западную Белоруссию. Против повстанцев были направлены войска. Царские генералы проводили массовые репрессии. Силы были неравны, и руководители восстания обратились за помощью к иностранным державам и европейскому общественному мнению. Возникла опасность иностранного вмешательства, а Россия в то время еще не восстановила свой военный потенциал после Крымской войны. В такой обстановке Валуев предложил ввести какое-то подобие представительного органа, чтобы сделать более привлекательным облик России в глазах зарубежной общественности.

В апреле 1863 г. Александр II созвал совещание для обсуждения предложения Валуева. Оно было одобрено, и министру поручили составить проект. Предполагалось введение

в состав Государственного совета выборных представителей от земств при сохранении всей полноты самодержавной власти. Но в ноябре 1863 г., когда работа над проектом закончилась, угроза иностранного вмешательства уже миновала. В Польше и Литве догорали последние очаги восстания. Проект был отправлен в архив. Сам Валуев не вспоминал о нем 15 лет.

Однако произвол и всевластие бюрократии вызывали раздражение даже в высших слоях общества, и вопрос о переходе к представительному строю продолжал стоять на повестке дня. В январе 1865 г. московское дворянство обратилось к царю с адресом: «Довершите, государь, основанное вами государственное здание созванием общего собрания выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству». Принятию адреса предшествовало бурное собрание, на котором произносились речи против окруживших царя «опричников».

Александр был очень недоволен этим адресом, но, не желая портить отношений с влиятельным московским дворянством, не стал прибегать к репрессиям. В частной беседе с одним из московских дворян он сказал, что охотно дал бы «какую угодно конституцию, если бы не боялся, что Россия на другой день после этого распадется на куски». По-видимому, царь ясно отдавал себе отчет в том, что многонациональная Российская империя скрепляется воедино не свободной волей народов, а силой бюрократического аппарата. И, конечно, с введением представительного строя могли возникнуть такие проблемы, которых прежде, казалось, не было. Это, однако, не означало, что следовало сохранять всевластие бюрократии, душившей все проявления свободы. Никакие возможные последствия не должны останавливать дело, если оно исторически созрело.

В 1861 г. в лондонском кружке Герцена появился М.А. Бакунин, бежавший из сибирской ссылки. Вырвавшись из долготного плена, он был одержим множеством блестящих, как ему казалось, замыслов. Герцен же, с его многолетним опытом борьбы, ясно видел, что многие из этих планов являются авантюрой. Но под влиянием Бакунина попал Огарев, неисправимый романтик. Вдвоем они уговорили Герцена поддерживать готовившееся польское восстание. В октябре 1862 г. Герцен напечатал в «Колоколе» обращение к русским офицерам, призывая оказывать содействие польским патриотам.

Этот шаг оттолкнул от «Колокола» русских либералов, которые принципиально отвергали всякие насильственные действия.

Недовольство «Колоколом» росло и в радикально-демократическом движении. Многим его участникам казалось, что Герцен стоит на слишком умеренных позициях. Популярность и тираж «Колокола» быстро падали. В 1867 г. он перестал издаваться.

Герцен не смог удержать от раскола некогда единое общественное движение. А когда либералы и радикальные демократы окончательно разошлись, ему не нашлось места ни у тех, ни у других. Потому что в нем органически сочетались черты либерала и демократа. И не мог он отсечь от себя ни то, ни другое. Последние годы жизни Герцен провел довольно одиноко. Но он мужественно переносил это новое свое положение. Это был все тот же живой, обаятельный и остроумный человек. Он умер в Париже 9 января 1870 г.

В ноябре 1861 г. «Современник» постигла тяжелая утрата. В расцвете своего таланта умер Н.А. Добролюбов. На плечи Чернышевского легло то, что раньше они делали с Добролюбовым вдвоем. В это время он, по-видимому, все более склонялся к мысли о временном союзе с либералами. Выступление тверских дворян произвело на него большое впечатление. В начале 1862 г. в одной из статей он писал, что дворянство заявляет о реформах, нужных всему обществу.

Чернышевский был опытным и трезвым политиком. Но помимо его воли в лагере демократии нарастали радикальные настроения. Летом 1861 г. в имени своего отца за пропаганду среди крестьян был арестован студент Петр Заичневский. В тюрьме он написал прокламацию «Молодая Россия», которая широко разошлась по стране. Автор призывал к «кровавой, неумолимой революции, которая должна изменить радикально все, все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка». Предполагалось введение коммунистического строя с общественным производством, общественным воспитанием детей, отменой брака и семьи.

Появление этой прокламации совпало с грандиозными петербургскими пожарами летом 1862 г., когда выгорело несколько кварталов. Причины пожаров установить не удалось. Среди обывателей ходил слух, что город жгут «нигилисты».

в сложившейся обстановке воспользовались сторонники крайних мер. Полиция разгромила воскресные школы, которые устраивались для простых людей профессорами, офицерами, священниками. В июле 1862 г. был арестован Н.Г. Чернышевский. На несколько месяцев закрыли «Современник».

Полиция приписывала Чернышевскому сочинение прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», в которой содержались призывы к восстанию против помещиков и царя. Около двух лет, пока Третье отделение собирало обвинительный материал, Чернышевский провел в Петропавловской крепости. На суде он хладнокровно отрицал все обвинения, тем более что улики были шаткими. Однако Сенат приговорил его к семи годам каторги. 19 мая 1864 г. на Мытнинской площади в Петербурге был совершен обряд «гражданской казни» Чернышевского. Его возвели на плашфот, повесили на грудь доску с надписью «государственный преступник», сломали над головой шпагу и на несколько часов приковали цепями к столбу.

В обществе сложилось убеждение, что Чернышевский невиновен, и расправа над ним произвела тяжелое впечатление. Вскоре на охоте Александр II спросил у поэта и романиста А.К. Толстого: «Что нового в литературе?» — «Литература скорбит по случаю несправедливого осуждения Чернышевского», — отвечал Алексей Константинович. «Ах, не говорите мне о Чернышевском, граф!» — раздраженно воскликнул император.

Осуждение Чернышевского усилило крайне радикальные настроения среди молодежи. Начали возникать подпольные организации. Еще при Чернышевском близкие к нему люди объединились в общество «Земля и воля». Его отделения были созданы в Москве, Казани, Нижнем Новгороде, Перми. Члены общества надеялись, что в ближайшем будущем произойдет крестьянское восстание. Предполагалось, что это случится в 1863 г. Когда эти надежды рухнули, «Земля и воля» самораспустилась.

Московское отделение не подчинилось решению о самоотпуске. Оно стало налаживать связи с другими кружками распавшейся «Земли и воли», стараясь стянуть их в новую организацию. Во главе ее стоял Николай Ишутин. Ему помогал его двоюродный брат Дмитрий Каракозов. Оба учились в Московском университете.

Ишутинцы ставили своей целью подготовку крестьянской социалистической революции. На первых порах в их деятельности преобладал пропагандистский уклон. Затем некоторые члены общества стали склоняться к тактике партизанских действий и индивидуального террора. С этой целью была создана особо законспирированная группа «Ад». Разрабатывался план устройства побега Чернышевского с каторги. В апреле 1866 г. наступила неожиданная развязка.

4 апреля Александр II гулял в Летнем саду. Когда он вышел из сада и сел в коляску, прозвучал выстрел. Пуля пролетела мимо, потому что Каракозова во время выстрела толкнули в руку. Выстрел Каракозова произвел на общество потрясающее впечатление. Из уст в уста передавались слухи об «адском» заговоре. Реакционеры начали истерическую кампанию против всех, кто им не нравился. Потрясенный Александр II пошел у них на поводу, удалив из правительства почти всех либеральных министров. Только Милютин чудом остался на своем месте. В июне 1866 г. был закрыт «Современник».

Пост министра народного просвещения был вверен Д.А. Толстому. Он поставил университеты под контроль полиции и затруднил доступ в них малообеспеченной молодежи. Министр действовал настолько вызывающим образом, что именно на нем сосредоточилось общественное негодование.

Между тем ключевой фигурой в правительстве стал начальник Третьего отделения П.А. Шувалов. Постоянно запугивая царя докладами о грозящих ему опасностях, он не давал ему отступать от реакционной политики. Именно Шувалов в первую очередь был повинен в том, что вторая половина царствования Александра II оказалась малопродуктивной. Между тем в начале этого периода революционное движение большой опасности не представляло. Каракозов, казненный в сентябре 1866 г., действовал в одиночку. Его друзья считали этот акт несвоевременным. Многие из них вскоре оказались на каторге, ибо организация, включая и пресловутый «Ад», была законспирирована неумело. Однако чем круче были полицейские меры против «нигилистов», тем сильнее раздражалась молодежь и настроения экстремизма распространялись все шире.

§ 2. Возникновение народничества

На рубеже 50—60-х годов среди молодежи распространился тот тип «нигилиста», который был запечатлен Тургеневым в образе Базарова. Отвергая дворянские предрассудки и официальную идеологию, «нигилист» изучал науки, становился врачом, инженером, агрономом и приносил конкретную пользу людям без громких слов и пышных деклараций. Многие молодые люди потянулись тогда в университеты.

Осенью 1861 г. правительство ввело плату за обучение и запретило студенческие сходки. Тогда впервые в университетах произошли волнения. Многие студенты были исключены. Рухнули их мечты стать «нигилистами», повторить подвиг Базарова. Герцен тогда написал в «Колоколе»: «Но куда же вам деться, юноши, от которых заперли науку?.. Сказать вам куда?.. *В народ! к народу!* — вот ваше место, изгнанники науки...»

В последующие годы студенческие волнения происходили все чаще, и вновь «изгнанники науки» искали свое место в жизни. Многие шли в народ добровольно, других высылали полиция. Впервые столкнувшись с крестьянством, они бывали потрясены его бедностью, темнотой и беспорядком. Образ «нигилиста» потускнел, отошел на задний план, а в сознании демократической молодежи (из дворян и разночинцев) стали укореняться идеи «возвращения долга народу», беззаветного ему служения. «Кающийся дворянин» был приметной фигурой конца 60-х — начала 70-х годов. Юноши и девушки становились сельскими учителями, врачами, фельдшерами. А иной раз и совсем уходили в народ, как князь В.В. Вяземский, ставший деревенским кузнецом.

Народничество сложилось в мощное движение со своей собственной идеологией, у истоков которой стояли Герцен и Чернышевский. Именно у них народничество заимствовало самые благородные свои черты: защиту интересов простого народа, прежде всего крестьянства, глубокий демократизм.

У Герцена и Чернышевского народники восприняли отрицательное отношение к буржуазному строю и веру в социалистическую утопию. Это порождало известные противоречия. Действуя в интересах народа, они стремились устранить те крепостнические пережитки, которые мешали народу жить. Но устранение этих пережитков (например, помещичьих латифундий или крестьянского беспорядка) должно было

открыть простор для развития капиталистических отношений в деревне. Значит, народники невольно действовали в пользу того, что отрицали. Но они считали, что Россия, опираясь на свои общинные традиции, сможет «перескочить» через период буржуазного строя — сразу в «разумно устроенное» социалистическое общество.

Народники не придавали особого значения борьбе за конституцию и гражданские свободы. Считалось, что социальное освобождение сразу решит все проблемы. Если же народники участвовали в борьбе за гражданские свободы, то потому, что надеялись с их помощью расширить свою пропаганду, чтобы взять власть и ввести социализм. Это было теневой стороной идеологии народничества.

Одно из течений народничества возглавил Петр Лаврович Лавров (1823—1900). Он был профессором математики Артиллерийской академии. Свою общественную деятельность начинал как сторонник постепенных реформ. Но, разочаровавшись в переменчивой политике Александра II, видя царящий в стране произвол, он пришел к мысли о революции. Вскоре и сам он стал жертвой полицейской расправы. В 1867 г. его выслали в Вологодскую губернию.

В ссылке Лавров написал свои знаменитые «Исторические письма». Именно он высказал мысль о «неоплатном долге» перед народом — мысль, которая до него, как говорится, витала в воздухе. Лавров разделял веру в социалистическую утопию и ряд других народнических иллюзий (самобытность исторического развития России, община как основа ее будущего строя, второстепенность политических вопросов перед социальными). Утвердившись в мысли о необходимости социальной революции, он до конца своих дней стоял на этой точке зрения. Но вместе с тем он сурово критиковал революционный авантюризм. Он указывал, что нельзя «торопить» историю. Поспешность в деле подготовки революции не даст ничего, кроме крови и напрасных жертв. Революция, считал Лавров, должна готовиться теоретическими работами интеллигенции и ее неустанной пропагандой среди народа. Насилие в революции, писал он, должно быть сведено к минимуму: «Мы не хотим новой насильственной власти на смену старой».

В 1870 г. Лавров бежал из ссылки и приехал в Париж. За границей он издавал журнал и газету под общим названием «Вперед!». В конце XIX в. отошел от политической де-

ятельности и остаток жизни посвятил исследованиям в области социологии.

Другим идеологом народничества стал М.А. Бакунин. Теория разрушения, которую он давно вынашивал, оформилась у него в законченное анархистское учение. Он считал, что все государства построены на подавлении человека. Никакие реформы не изменят их антигуманной сущности. Поэтому их надо смести революционным путем и заменить свободными автономными обществами, организованными «снизу вверх». Бакунин требовал передачи всей земли земледельцам, фабрик, заводов и капиталов — рабочим союзам.

В 1869 г. Бакунин познакомился с 22-летним студентом Сергеем Нечаевым, который утверждал, что бежал из Петропавловской крепости. Не зная, что этому человеку ни в чем нельзя верить, Бакунин сблизился с ним и даже попал под его влияние. Решительный и безнравственный, Нечаев проповедовал, что революционер должен разорвать с законами, приличиями и моралью существующего строя. Для достижения высоких целей, говорил он, не следует пренебрегать никакими средствами, даже теми, которые считаются низкими.

В 1869 г. Нечаев поехал в Россию, чтобы воплотить в жизнь свои замыслы. В Москве он быстро собрал воедино осколки разгромленного ишутинского кружка. Свою организацию Нечаев разбил на «пятерки» и построил их в иерархическом порядке. Нижестоящая «пятерка» подчинялась вышестоящей, зная только одного ее члена, который ею руководил. Главный кружок состоял тоже из пяти человек и получал приказания от Нечаева, который выдавал себя за представителя несуществующего «центрального комитета». Одного из членов «главной пятерки» Нечаев заподозрил в отступничестве и велел убить. Следы убийства замести не удалось, и Нечаев бежал за границу. Вся эта авантюра длилась несколько месяцев, в течение которых Нечаеву удалось создать внушительную организацию.

Следствие выявило неприглядную картину нечаевских дел, и власти решили использовать открытый суд. На скамье подсудимых оказалось 87 человек. Членов «главной пятерки» суд приговорил к каторге, 27 человек — к тюрьме на разные сроки, остальные были оправданы.

Нечаевский процесс многих оттолкнул от революционного движения. Под впечатлением от процесса Ф.М. Достоев-

ский написал роман «Бесы». В эмиграции Нечаев оказался в изоляции. Бакунин порвал с ним еще до суда. В 1872 г. Швейцария выдала России Нечаева как уголовного преступника. В 1882 г. он умер в Петропавловской крепости.

После нечаевской истории Бакунин сосредоточил свою деятельность в международном социалистическом движении. Его борьба с Марксом закончилась расколом I Интернационала. Влияние Бакунина было очень сильным среди социалистов южных стран Европы, особенно в Италии. Наиболее податливыми на пропаганду анархизма оказались самые неквалифицированные рабочие, а также люмпен-пролетариат. Бакунин объявил их авангардом рабочего движения. В России он связывал свои надежды с крестьянством. Русского крестьянина он считал «прирожденным социалистом».

Среди малообразованного народа, утверждал Бакунин, наиболее действенной является «пропаганда фактами» — устройство непрерывных бунтов. Он и сам однажды организовал восстание на севере Италии. Авантюра закончилась крахом, и старый бунтарь едва спасся, спрятавшись в воз сена.

Последние годы жизни он провел в большой нужде. Умер в 1876 г. в Берне (Швейцария) в больнице для чернорабочих, куда его поместили по его настоянию. Многочисленные последователи Бакунина продолжали действовать во многих странах. В России они составляли значительный отряд народнического движения и порою, действительно, пытались прибегнуть к «пропаганде фактами».

Петр Никитич Ткачев (1844—1885) был осужден по делу Нечаева, отбыл срок тюремного заключения и был выслан в Псковскую губернию. Оттуда он бежал за границу, где издавал газету «Набат». Ткачев утверждал, что ближайшая цель должна состоять в создании хорошо законспирированной, дисциплинированной организации. Не теряя времени на пропаганду, она должна захватить власть. После этого, проповедовал Ткачев, революционная организация подавляет и уничтожает консервативные и реакционные элементы общества, упраздняет все учреждения, которые противодействуют целям революции, и создает новую государственность. В противоположность бакунистам, Ткачев считал, что и после победы революции сохранится сильное, централизованное государство. С конца 70-х годов идеи Ткачева стали одерживать верх среди народников. Однако в 1882 г. у него началось душевное расстройство, и через три года он умер.

Рис. 1. Петр I. Гравюра Я. Хубрикена с портрета работы К. Моора. 1718 г.

Рис. 2. Сенат петровского времени. Худ. Д. Кардовский. 1908 г.

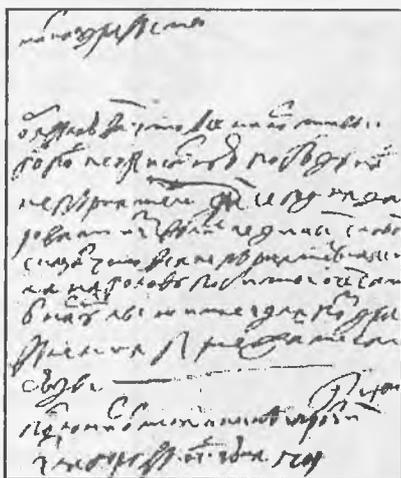

Рис. 3. Письмо Петра I от 27 июля 1709 г. Екатерине Алексеевне о победе под Полтавой.

Рис. 4. Наградная солдатская медаль за участие в Полтавском сражении. Серебро. 1709 г.

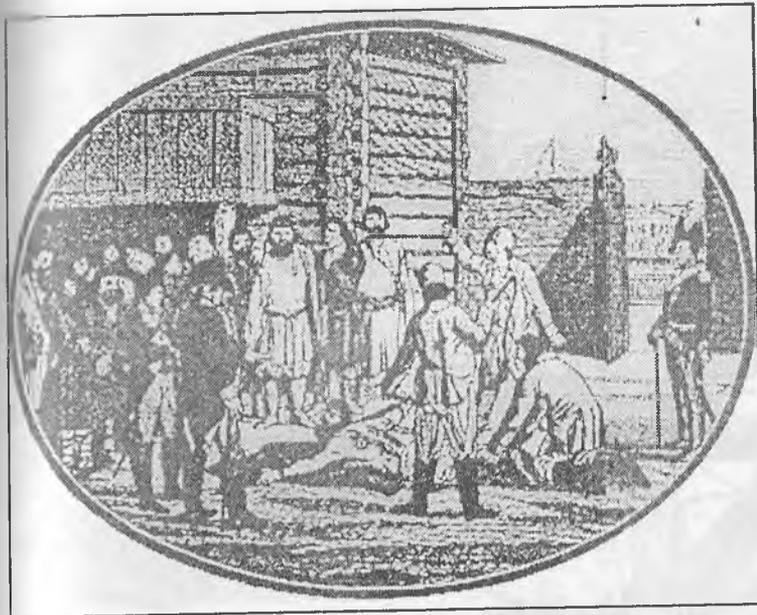

Рис. 7. Наказание плетью в XVIII в. в Тайной канцелярии.

Рис. 5. Знак об уплате пошлины за бороду.

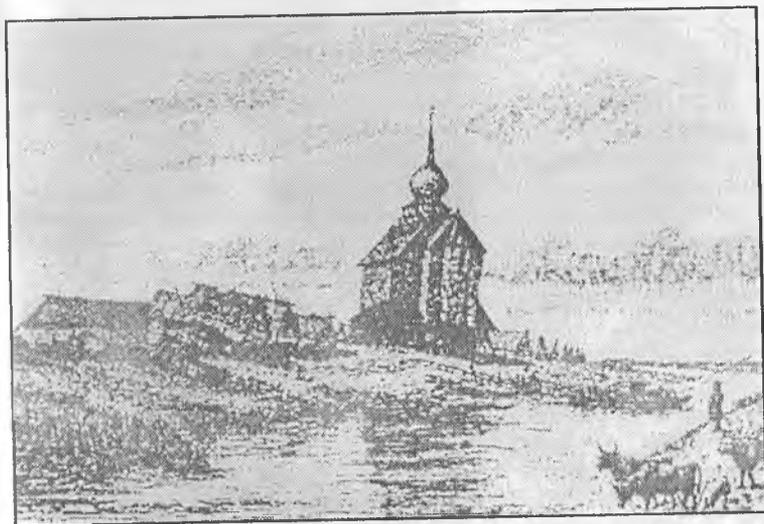

Рис. 8. Русская деревня в XVIII в.

Рис. 6. Крестьяне в Москве. Деталь гравюры "Яузский мост".

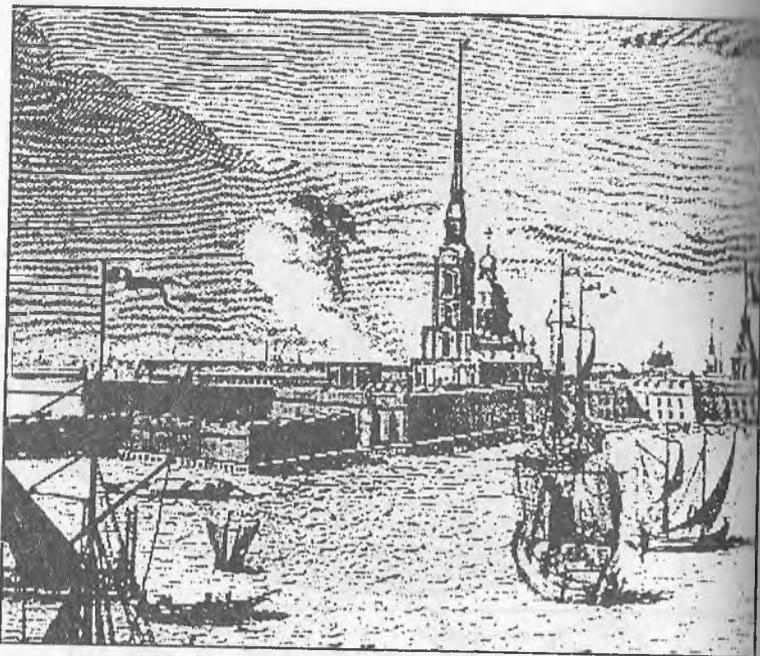

Рис. 9. Петропавловская крепость. Гравюра Е. Виноградова по рисунку М. Махаева. 1733 г.

Рис. 11. М.В. Ломоносов.

Рис. 10. Портрет Екaтeрины I. 1717 г. Ж. Наттье.

Рис. 12. В.И. Беринг. Неизв. худ. 2-я четверть XVIII в.

Рис. 13. В.Н. Татищев. Гравюра А. Осипова.

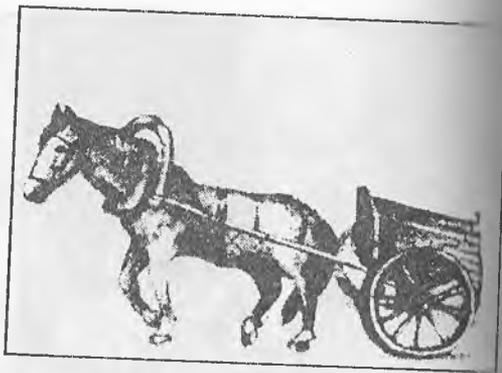

Рис. 14. Рабочие горной промышленности: рудобоец и рудовоз.

Рис. 15. Н.А. Демидов.

Рис. 16. Анна Иоановна.

Рис. 17. Эрцист Иоганн Бирон.

Рис. 18. Елизавета Петровна.

Рис. 19. Екатерина II.

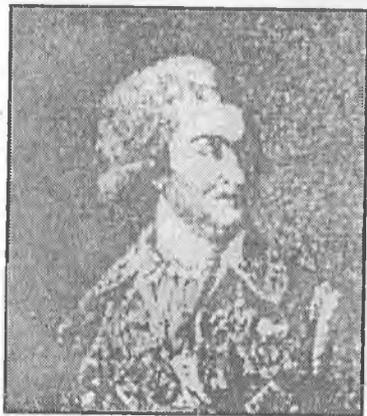

Рис. 20. Князь Г.А. Потемкин.

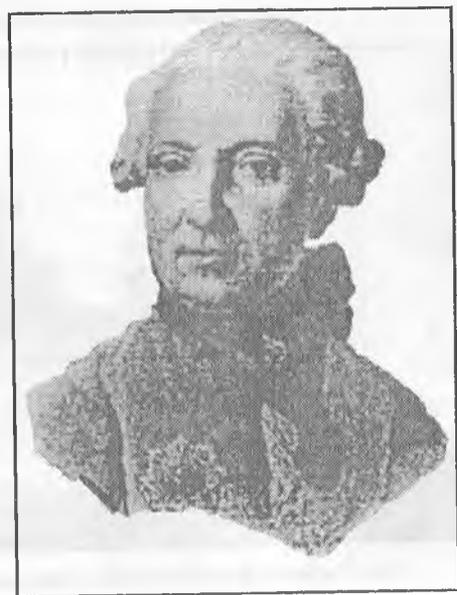
Рис. 21. Д.И. Фонвизин. Неизв. худ. XVIII в.

*Рис. 22. Граф К. Разумовский (1766 г.).
Худ. Баттоши.*

Рис. 23. Н.И. Новиков. Худ. Д.Г. Левицкий.

*Рис. 24. А.П. Сумароков. Худ.
Ф. С. Рокотов.*

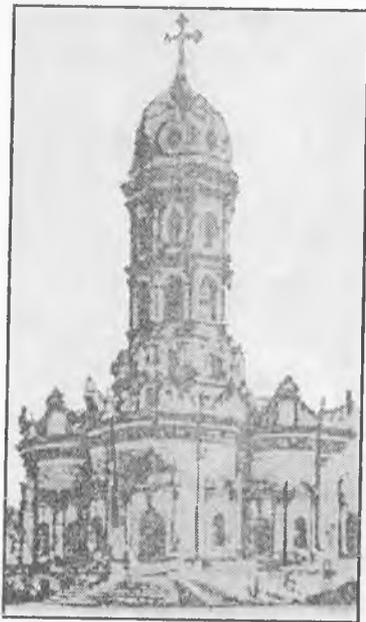

Рис. 25. Храм Богородицы в Дубровицах под Подольском (1690—1704).

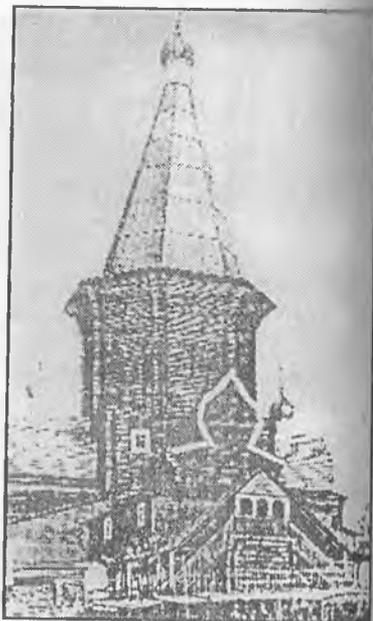

Рис. 26. Вознесенская церковь в Концогорье (1752). Вид с запада.

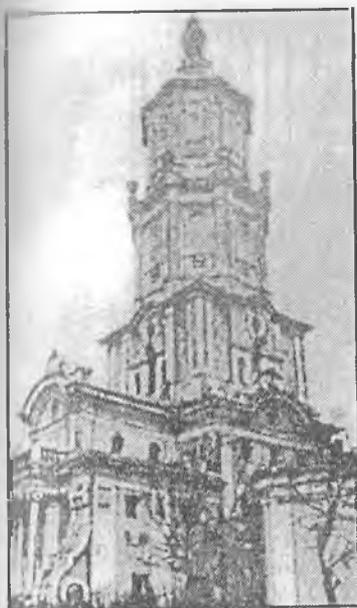

Рис. 28. Меншикова башня в Москве (1705.—1707).

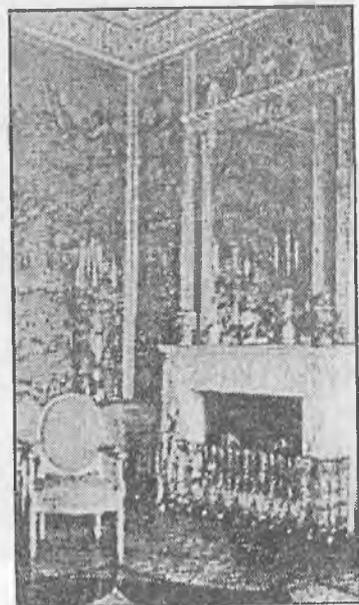

Рис. 29. Дворец в Пушкине. (Царское Село).

Рис. 27. Погост Кижы на Онежском озере (начало XVIII в.). Общий вид.

Рис. 30. Титульный лист журнала "Живописец", 1772 г.

Рис. 31. Е.И. Пугачев, заключенный в клетке. Гравюра конца XVIII в.

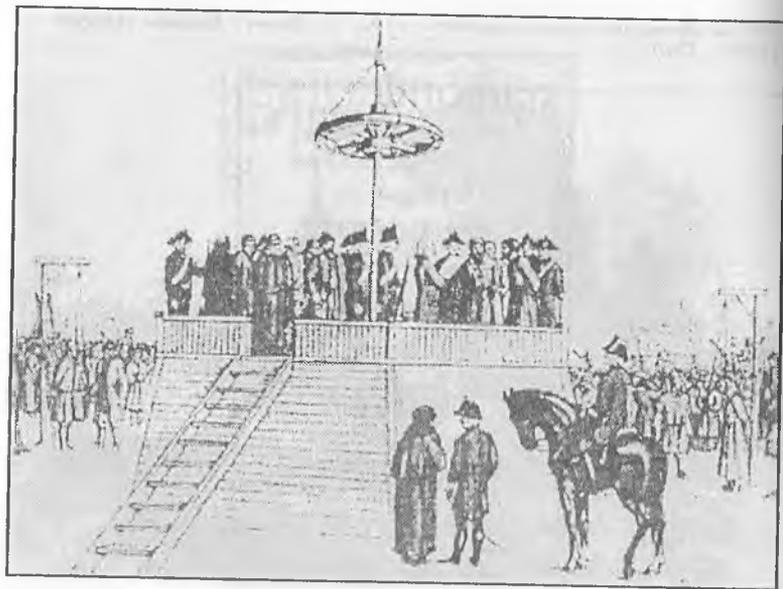

Рис. 32. Казнь Е.И. Пугачева в Москве на Болоте. Рис. А. Болотова.

Рис. 33. А.Н. Радищев. Неизв. худ. XVIII в.

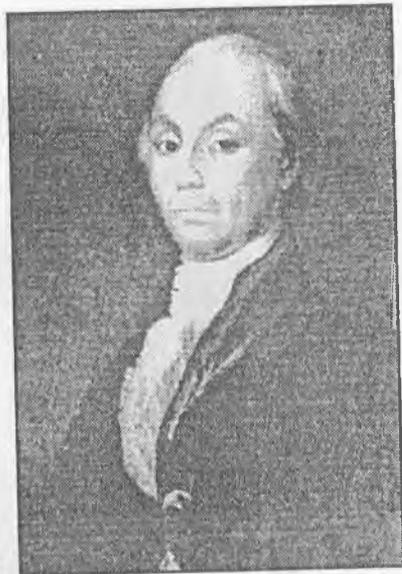

Рис. 34. Князь М.М. Щербатов.

Рис. 35. Ф.Г. Волков — основатель русского театра. Худ. А.П. Лосенко.

Рис. 36. Павел I.

Рис. 37. Граф А.В. Суворов.

Рис. 38. Граф Н.И. Панин.

Рис. 39. Моды конца XVIII в.

Рис. 40. Крестьяне XVIII и начала XIV в.

Рис. 41. Александр I.

Рис. 42. М.И. Кутузов.

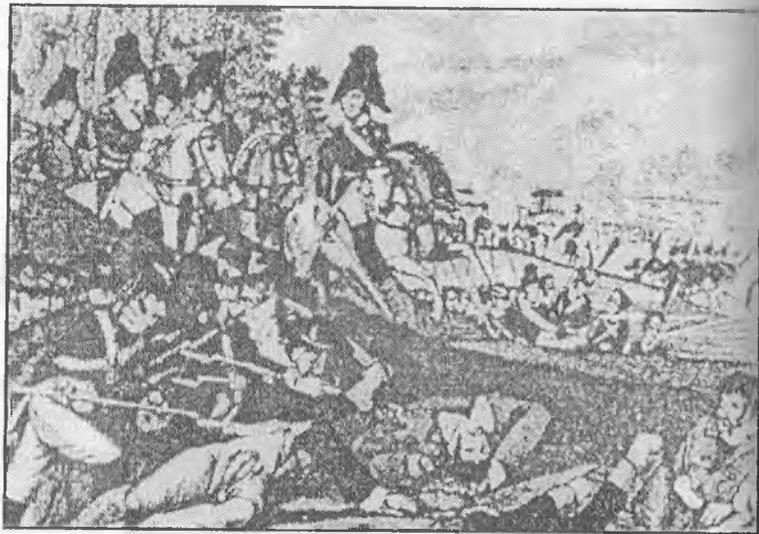

Рис. 43. Сражение при дер. Бородино 26 августа 1812 г.

Рис. 45. Николай I.

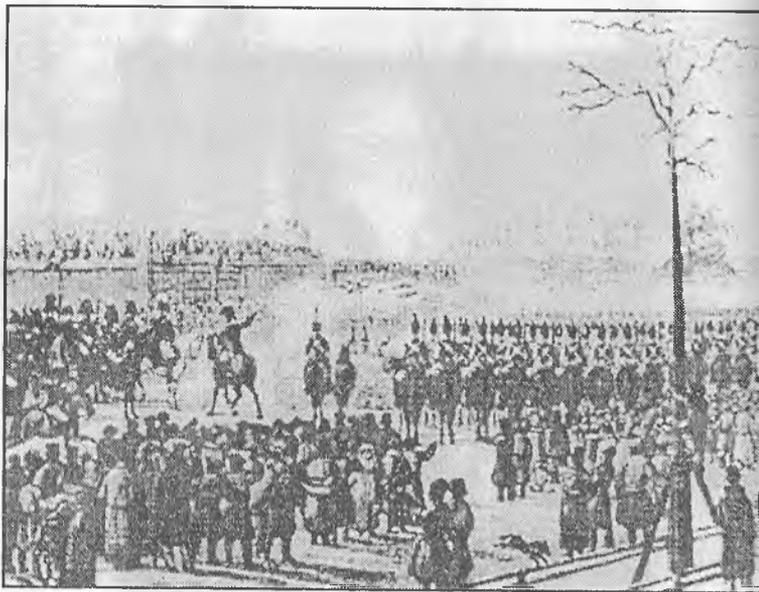

Рис. 44. Восстание на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 г.

Рис. 46. Великий князь Константин Николаевич.

Рис. 47. Александр II.

Рис. 48. Александр III.

Рис. 51. В.О. Ключевский.

Рис. 52. Адмирал П.С. Нахимов.

Рис. 49. Н.М. Карамзин.

Рис. 50. С.М. Соловьев.

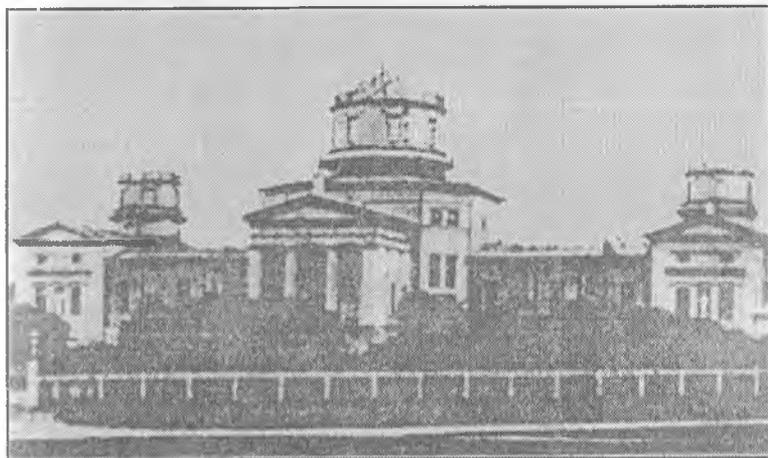

Рис. 53. Пулковская обсерватория. Арх. Брюллов.

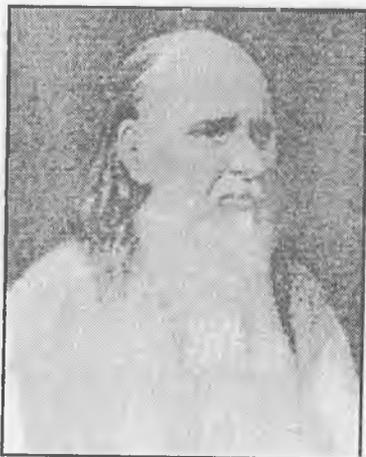

Рис. 54. Портрет старца Амвросия. Конец XIX в. Худ. Изгум. Даниил (Болотов).

Рис. 55. Митрополит Филарет.

Рис. 57. Семейный раздел. Худ. В.М. Максимов.

Рис. 56. Храм Христа Спасителя. Фотоснимок конца XIX в.

Рис. 58. В город на фабрику. Конец XIX в. Худ. А.К. Фендрик.

Рис. 59. Христос в пустыне. Худ. И. Н. Крамской.

Рис. 61. Главный штаб. 1819—1829 гг. Петербург. Архитектор К. И. Росси.

Рис. 60. Крах банка. Худ. В. Е. Маковский.

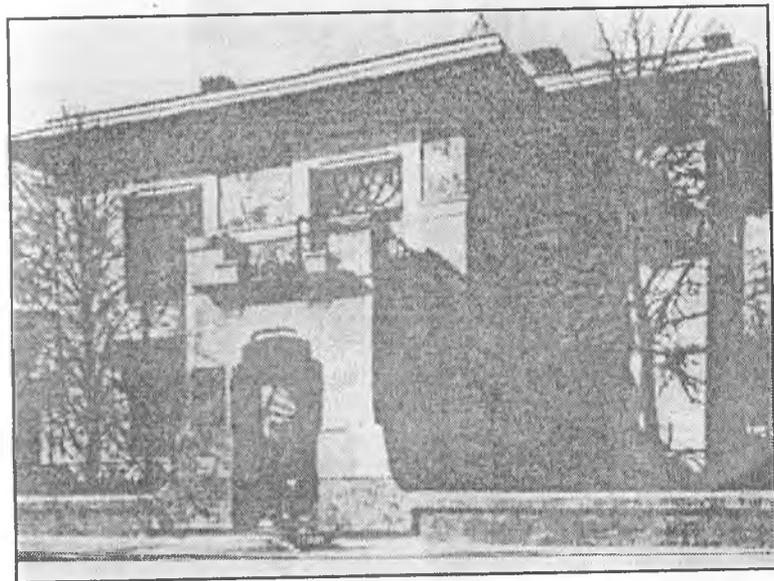

Рис. 62. Особняк Рябушинского. Арх. Шехтель.

Рис. 63. А.С. Пушкин. Худ. В.А. Тропинин. 1827 г.

Рис. 64. А.И. Герцен.

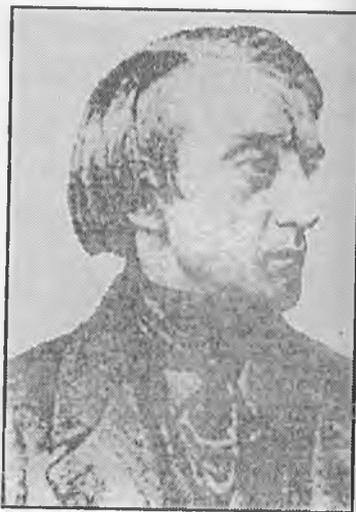

Рис. 65. В.Г. Белинский.

Рис. 66. Д.К. Кавелин. Худ. Ярошенко.

Рис. 67. Г.В. Плеханов.

Рис. 68. Н.А. Столыпин.

Рис. 69. Волжские рыбаки. 1894 г.

Рис. 71. Трамвайная остановка в Москве. Конец XIX в.

Рис. 70. Старообрядцы из заволжских лесов. 1897 г.

Рис. 72. Памятник Александру III в Петербурге. Скульптор П. Трубецкой.

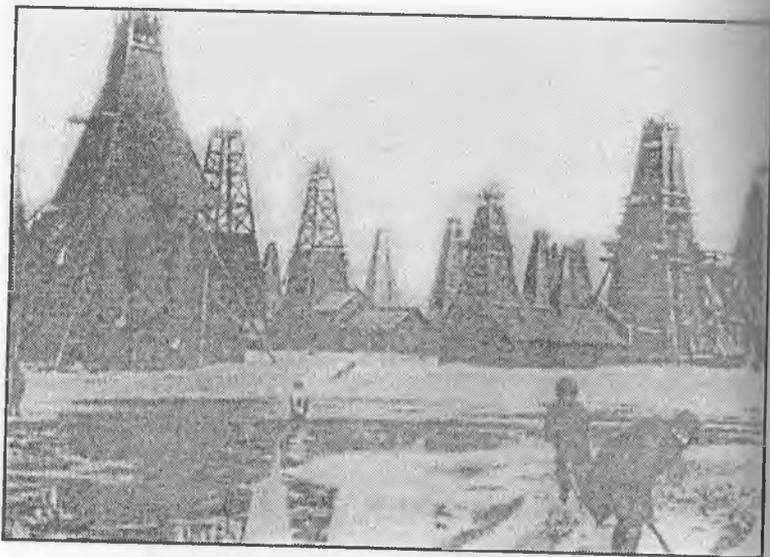

Рис. 73. Нефтяные промыслы в Баку.

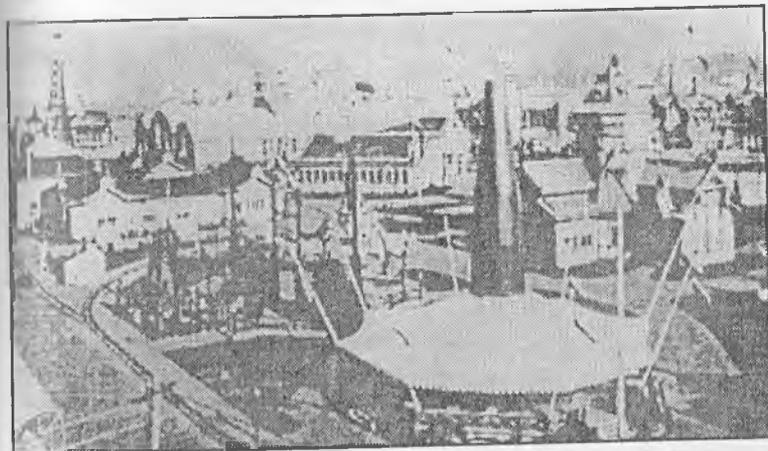

Рис. 75. Всероссийская торгово-промышленная и художественная выставка. Общий вид. 1886 г.

Рис. 74. Ремонтные работы на железной дороге. Художник К.А. Савицкий. 1874 г.

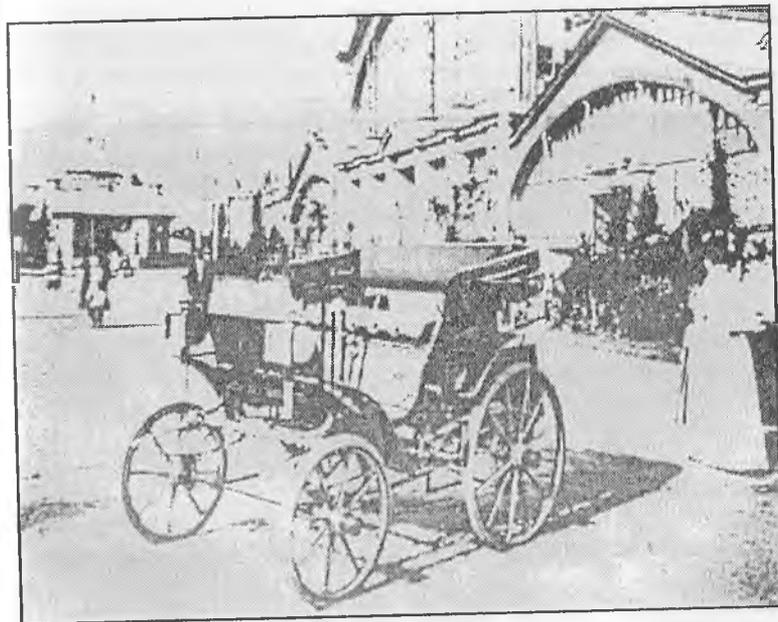

Рис. 76. Первый русский автомобиль конструкции Яковлева и Фрезе. 1896 г.

Рис. 77. Николай II.

Рис. 78. С.Ю. Вумме.

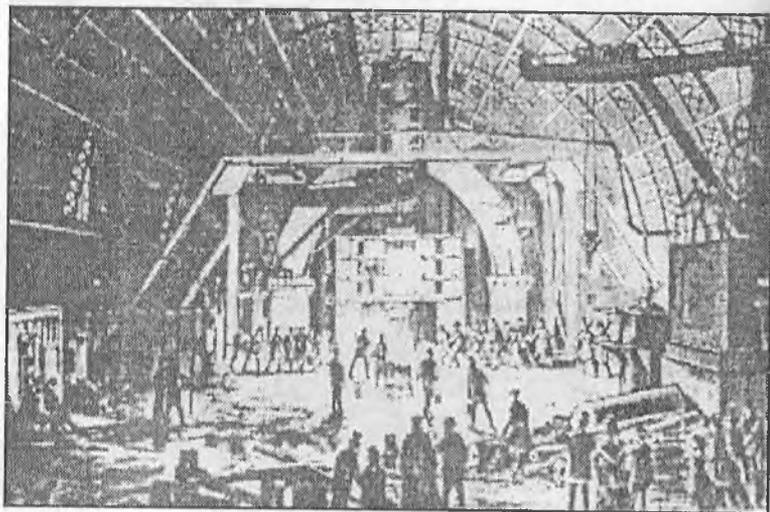

Рис. 79. 3000-пудовый молот на Обуховском заводе. 1900 г.

Одним из идейных предшественников Ткачева был Заичневский, мечтавший о «кровавой, неумолимой революции». Но основные свои идеи Ткачев обобщил на основании нечаевского опыта. Он понял, что главное в этом опыте — создание мощной и послушной воле руководителя организации, нацеленной на захват власти.

С начала 70-х годов в Петербурге существовало несколько народнических кружков, во главе которых стояли М.А. Натансон, С.Л. Перовская и Н.В. Чайковский. В 1871 г. они объединились, и членов возникшего подпольного общества стали называть «чайковцами», по имени одного из лидеров. В отличие от нечаевской организации, здесь не было строгой иерархической подчиненности. Работа строилась на добровольном рвении членов общества. Его отделения возникли в Москве, Казани и других городах. В этой федерации кружков в пору ее расцвета насчитывалось свыше 100 человек.

В 1872 г. в петербургский кружок «чайковцев» вступил князь Петр Алексеевич Кропоткин (1842—1921), ученый-географ, впоследствии — теоретик анархизма. С его приходом в кружке стали распространяться идеи бакунизма, а прежде кружок стоял на позициях лавризма. Главным делом «чайковцев» была пропаганда среди рабочих. Делались попытки наладить работу и в крестьянской среде. В начале 1874 г. полиция выследила и арестовала многих «чайковцев». Но это не прервало связи между теми, кто остался на свободе.

Не остановили аресты и намеченного «чайковцами» на 1874 г. «хождение в народ». Впрочем, это было даже и не организованное мероприятие, а стихийное движение радикальной молодежи. Весной 1874 г. из Петербурга, Москвы, Саратова, Самары «в народ» пошли сотни юношей и девушек — и лавристы, и бакунисты. Первые отправились с долговременной целью перевоспитать народ в революционном духе, вторым не терпелось поднять его на восстание. Революционеры переодевались в крестьянскую одежду, запасались подложными паспортами, нанимались плотниками, грузчиками, корабейниками. Основной костяк странствующих пропагандистов составляли бывшие студенты, но много было и отставных офицеров, чиновников, встречались помещики и даже девушки из аристократических семей.

Крестьяне живо откликнулись на разговоры о малоземелье и о тяжести выкупных платежей. Но проповедь социализма

успеха не имела. Слова заезжего «барина» о том, как будет хорошо, когда все имущество будет общим, встречались с ироническими усмешками. Торопливость, с какой велась тогда пропаганда, не позволила народникам сделать трезвые выводы насчет того, отвечает ли социалистическое учение народным взглядам.

Поднять восстание нигде не удалось. Полиция развернула настоящую охоту на пропагандистов. По 37 губерниям задержано было 770 человек. Те, кому удалось уйти от полиции, бежали в города. «Хождение в народ» подорвало идеи бакунизма и подтолкнуло распространение ткачевских идей.

В 1876 г. возникла новая организация со старым названием — «Земля и воля». В нее вошли некоторые уцелевшие от арестов участники «хождения в народ» — М.А. Натансон, Г.В. Плеханов и др. Позднее в нее вступили Н.А. Морозов и С.Л. Перовская. В организации насчитывалось свыше 150 человек. «Земля и воля» была построена на началах централизма, хотя еще слабого. Ядром ее был «основной кружок». Общество делилось на несколько групп. «Деревенщики», самая большая группа, направлялись на работу среди крестьян. Другие группы должны были вести пропаганду среди рабочих и студентов.

Главная цель общества состояла в подготовке народной социалистической революции. Члены «Земли и воли» должны были вести разъяснительную работу среди крестьян — как в словесной форме, так и в виде «пропаганды фактами». Террористическая деятельность допускалась только как вспомогательное средство в целях самозащиты. Программа общества требовала перехода всей земли в руки крестьян, свободы мирского самоуправления. Землеvolьцы извлекли урок из недавнего «хождения», выдвинув близкие и понятные крестьянам требования. В расчете на поддержку старообрядцев и сектантов в программу включили пункт о свободе вероисповеданий.

6 декабря 1876 г. «Земля и воля» организовала демонстрацию перед Казанским собором в Петербурге. Она замышлялась как смотр революционных сил столицы. Надеялись собрать несколько тысяч человек, развернуть красное знамя, произнести речи и даже пройти по городу. Но собралось всего 300—400 человек. Полиция натравила на них дворников, приказчиков, грузчиков, и началось избиение демонстрантов. Около 20 человек было арестовано, другие разбежались.

Вскоре пятерых отправили на каторгу, 10 человек сослали на поселение. Столь суровая расправа над участниками мирной демонстрации вызвала недоумение и ропот в обществе.

После неудачной демонстрации народники вновь сосредоточили свои усилия в деревне. Отказавшись от «летучей пропаганды», землеvolьцы стали поселяться группами в наиболее беспокойных местах: в Поволжье, на Кубани и Дону. Им казалось, что именно там, где были живы традиции казачьей вольницы и предания о Разине и Пугачеве, легче всего поднять народ на восстание.

Больших успехов «оседлая» деятельность не принесла. Землеvolьцам не удалось создать «революционную рать», о которой они мечтали. Они падали духом, не понимая, сколь наивны их попытки поднять немедленно народ на восстание. Народнические поселения выслеживались полицией. В неравной борьбе гибли лучшие силы. К осени 1877 г. в деревне почти не осталось народнических поселений. В «Земле и воле» назревал серьезный кризис.

§ 3. Внешняя политика России в 60—70-х годах

В 1856 г. министром иностранных дел был назначен князь Александр Михайлович Горчаков (1798—1883), лицейский друг Пушкина. В годы Крымской войны он был посланником в Вене и приложил немало сил к тому, чтобы удержать Австрию от участия в войне. Новый министр был просвещенным человеком и сторонником реформ. Желая обеспечить для них благоприятную обстановку, он вел осторожную политику, избегая вступления в военные коалиции и конфликты. «Россию упрекают в том, что она изолируется и молчит, — писал он. — Говорят, что Россия дуется. Россия не дуется, она собирается с силами».

Тем временем в Европе произошли важные события. В июле 1870 г. началась франко-прусская война, а 2 сентября того же года Наполеон III, окруженный под Седаном, сдался в плен. Воспользовавшись моментом, Горчаков уведомил европейские державы, что Россия более не считает себя связанной обязательством не держать военный флот на Черном море.

Объединение Германии изменило соотношение сил в Европе. На западных рубежах России возникла мощная держава

ва. Появилась угроза образования австро-германского союза, направленного против России. Франция, ослабленная военным поражением, не могла быть надежным союзником. Что бы не допустить складывания австро-германского союза, русская дипломатия пошла на заключение соглашения с Германией и Австро-Венгрией. В 1873 г. возник «Союз трех императоров». Три монарха — Александр II, Вильгельм I и Франц Иосиф — обещали друг другу устранять разногласия между собой путем консультаций, а при угрозе нападения какой-то другой державы договориться о совместных действиях.

Германское правительство надеялось с помощью этого договора обеспечить себе свободу действий в отношении Франции. Этого не произошло. В 1875 г., когда вновь обострились франко-германские отношения, Горчаков дал понять, что Россия не допустит вторичного разгрома Франции. В свою очередь, русской дипломатии не удалось приостановить австро-германское сближение. «Союз трех императоров» не оправдал надежд ни одной из сторон. Но он просуществовал длительное время, обеспечивая мирные отношения в центре Европы.

До середины XIX в. Россия не имела точно установленной границы на Дальнем Востоке. Земли по Амуру и Уссури были мало заселены и почти не исследованы. Большое научное и политическое значение имела Амурская экспедиция 1849—1855 гг. 1 августа 1850 г. Г.И. Невельской поднял российский флаг в устье Амура.

Когда появились значительно уточненные карты района Амура и Уссури, встал вопрос о границе между Россией и Китаем. В 1858 г. в г. Айгуне был подписан договор, согласно которому в российском владении были признаны земли по левому берегу Амура, а в китайском — по правому. Земли же между Уссури и морем временно были оставлены в общем владении двух стран. В 1860 г. в Пекине между Россией и Китаем был заключен новый договор, окончательно установивший границу между ними. Уссурийский край был закреплен за Россией. 20 июня 1860 г. на берегу бухты Золотой Рог был основан Владивосток. Так завершилось великое дело, начатое Ермаком, продолженное Е. Хабаровым и другими русскими землепроходцами.

На территории Средней Азии в середине XIX в. существовало три крупных государства — Кокандское и Хивинское

ханства, Бухарский эмират и ряд мелких княжеств. Они вели между собой непрестанные войны, в которые стремились втянуть русские власти. Некоторые племена, устав от войн и грабежей, просились в русское подданство. Генерал-губернаторы пограничных областей России нередко на свой страх и риск вмешивались в конфликты между властителями.

Когда вопрос о действиях генерал-губернаторов вставал в Петербурге, Военное министерство брало их под защиту. Ведомство Горчакова протестовало, опасаясь международных осложнений. Выражало недовольство и Министерство финансов, которому было известно, каким тяжелым бременем ложатся колонии на государственную казну. Ибо в колониях, как правило, существовала отсталая система хозяйства, а многочисленное население отличалось нищетой и периодически страдало от голодовок и эпидемий.

В этих спорах Александр II всегда вставал на сторону военных. Экспедиции русских войск уходили все дальше на юг. В начале 60-х годов XIX в. завершилось присоединение к России казахских земель. Возник конфликт с Кокандом, претендовавшим на эти земли. В ответ на действия хана русские войска заняли значительную часть его территории. Власть хана оказалась поколебленной, в ханстве разгорелась междоусобная война. Этой кровавой драмой завершилась история Кокандского ханства. В 1876 г. оно было упразднено. На его месте была образована Ферганская область. Хивинское ханство и Бухарский эмират признали вассальную зависимость от России.

На территории Туркмении тогда не было единого государства. Некоторые племена добровольно приняли российское подданство. Но многочисленное и воинственное племя текинцев оказало упорное сопротивление русским войскам. В 1879 г. окончилась неудачей попытка овладеть крепостью Геок-Тепе. Со второй попытки, в январе 1881 г., крепость была взята.

Значительная часть Средней Азии (за исключением вассальных княжеств) попала под власть русского чиновничества. Здесь его злоупотребления и произвол были больше, чем в России, где оно тоже не отличалось щепетильностью. Источником постоянных конфликтов являлось также незнание русской администрацией местных языков и обычаев. И все же после присоединения к России в Средней Азии произошли благоприятные перемены. Закончились кровавые

войны между властителями. Было отменено рабство. В конце XIX — начале XX в. в Средней Азии появились железные дороги. Okрепли культурные связи между ее народами и Россией.

Весной 1875 г. началось восстание против турецкого ига в Боснии и Герцеговине. В 1876 г. восстание вспыхнуло в Болгарии. Турецкие каратели действовали крайне жестоко. Сербия и Черногория летом 1876 г. начали войну против Турции. Но силы были неравные. Плохо вооруженные славянские армии терпели неудачи.

В России ширилось движение в защиту славян. На Балканы отправлялись тысячи добровольцев. Общественность призывала к военному вмешательству. Однако правительство действовало осторожно, сознавая неготовность России к большой войне. Реформы в армии и ее перевооружение еще не были завершены. Не успели воссоздать и Черноморский флот.

Тем временем Сербия потерпела поражение. Сербский князь Милан обратился к царю с просьбой о помощи. Россия предъявила Турции ультиматум: немедленно заключить с Сербией перемирие. Вмешательство России предотвратило падение Белграда.

Путем негласных переговоров России удалось обеспечить нейтралитет Австро-Венгрии, хотя и очень дорогой ценой. Русское правительство согласилось на оккупацию Боснии и Герцеговины австро-венгерскими войсками. Русской дипломатии удалось воспользоваться возмущением мировой общественности зверствами турецких карателей. В марте 1877 г. в Лондоне представители великих держав согласовали протокол, в котором Турции предлагалось провести реформы в пользу своих христианских подданных. Турция отклонила это требование. 12 апреля царь подписал манифест об объявлении войны Турции. Через месяц в войну на стороне России вступила Румыния.

§ 4. Русско-турецкая война 1877—1878 гг.

Русская армия на Балканах, которую возглавил брат царя Николай Николаевич, насчитывала 185 тыс. человек. При штабе армии находился и царь. Численность турецкой армии в Северной Болгарии составляла 160 тыс. человек.

15 июня 1877 г. русские войска переправились через Дунай и развернули наступление. Болгарское население восторженно встречало русскую армию. В ее состав влились болгарские добровольные дружины, показавшие высокий боевой дух.

Русские войска быстро продвигались на юг, торопясь овладеть горными проходами через Балканы и выйти в Южную Болгарию. Особенно важно было занять Шипкинский перевал, откуда шла кратчайшая дорога на Адрианополь. После двухдневных ожесточенных боев перевал был взят. Турецкие войска в беспорядке отступали. Казалось, открывался прямой путь на Константинополь.

Однако 7 июля крупный турецкий отряд под командованием Осман-паши, совершив марш-бросок от сербской границы, занял крепость Плевну в Северной Болгарии. Возникла угроза флангового удара. Две попытки русских войск выбить неприятеля из Плевны успеха не имели. Движение русских войск через Балканы было приостановлено.

Перехватив инициативу, турецкие войска вытеснили русских из Южной Болгарии. В августе начались кровопролитные бои за Шипку. Противник имел пятикратное превосходство. Защитникам Шипки приходилось отбивать до 14 атак в день. Нестерпимая жара усиливала жажду, а ручей находился под обстрелом. На исходе третьего дня боев, когда положение стало отчаянным, подошли подкрепления. Угроза окружения была устранена. Через несколько дней бои затихли. Шипкинский проход остался в руках русских, но южные его склоны удерживали турки.

Подкрепления из России стягивались к Плевне. Но третий ее штурм, в конце августа, тоже закончился неудачей. Всего в трех штурмах русские потеряли 32 тыс., румыны — 3 тыс. человек. Из Петербурга приехал герой Севастополя Э.И. Тотлебен. Осмотрев позиции, он сказал, что выход только один — полная блокада крепости. Без тяжелой артиллерии ее не взять.

Началась зима. Турки удерживали Плевну, русские — Шипку. «На Шипке все спокойно», — сообщало командование. Между тем число обмороженных доходило до 400 в день. В метель прекращался подвоз боеприпасов и продовольствия. С сентября по декабрь 1877 г. русские и болгары потеряли на Шипке 9500 человек обмороженными, больными и замерзшими.

В конце ноября в Плевне закончилось продовольствие. Осман-паша сделал отчаянную, но безуспешную попытку прорыва. 28 ноября Плевна сдалась. В русском плену оказались 43 тыс. человек во главе с самым талантливым турецким военачальником. В ходе войны произошел перелом. Сербия вновь начала военные действия. Чтобы не упустить инициативу, русское командование решило идти через Балканы, не дожидаясь весны.

13 декабря главные силы русской армии во главе с генералом Иосифом Владимировичем Гурко (1828—1901) начали путь на Софию через перевал Чурьяк. Войска двигались днем и ночью по крутым и скользким горным склонам. Начавшийся дождь перешел в снег, закружилась метель, а затем ударили морозы. 23 декабря 1877 г. русская армия вступила в Софию.

Тем временем войска под командованием генерала Михаила Дмитриевича Скобелева (1843—1882) должны были вывести из борьбы группировку, которая блокировала Шипкинский перевал. Скобелев перешел через Балканы западнее Шипки по обледенелому покатуному карнизу над пропастью и вышел в тыл укрепленного лагеря Шейново. Скобелев, которого прозвали «белым генералом» (он имел привычку появляться в опасных местах на белом коне, в белом кителе и белой фуражке), ценил и берег жизнь солдата. Его солдаты шли в бой не плотными колоннами, как тогда было принято, а цепями и быстрыми перебежками. В результате боев у Шипки—Шейново 27—28 декабря 20-тысячная турецкая группировка капитулировала.

Трехдневное сражение к югу от Пловдива завершило военную кампанию. 8 января 1878 г. русские войска вступили в Адрианополь. Русская кавалерия вышла на берег Мраморного моря. Отряд под командованием Скобелева занял местечко Сан-Стефано, в нескольких километрах от Константинополя. Войти в турецкую столицу не составляло труда, но, опасаясь международных осложнений, русское командование не решилось на такой шаг.

На Закавказском театре военных действий командующим русскими войсками формально считался великий князь Михаил Николаевич, младший сын Николая I. Фактическое же руководство осуществлял генерал М.Т. Лорис-Меликов. После нескольких сражений кампания здесь завершилась взятием Карса 6 ноября 1877 г.

19 февраля 1878 г. в Сан-Стефано был подписан мирный договор. По его условиям Болгария получила статус автономного княжества. Сербия, Черногория и Румыния обрели полную независимость и значительные территориальные приращения. России возвращалась Южная Бессарабия, отторгнутая по Парижскому договору, и передавалась Карская область на Кавказе.

Временная русская администрация, управлявшая Болгарией, разработала проект конституции. Болгария провозглашалась конституционной монархией. Гарантировались права личности и собственности. Русский проект был положен в основу болгарской конституции, принятой Учредительным собранием в Тырново в апреле 1879 г.

Англия и Австро-Венгрия отказались признать условия Сан-Стефанского мира. По их настоянию летом 1878 г. состоялся Берлинский конгресс с участием Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, России и Турции. Россия оказалась в изоляции и была вынуждена пойти на уступки. Западные державы категорически возражали против создания единого Болгарского государства. В итоге Южная Болгария осталась под властью Турции. Русским дипломатам удалось добиться лишь того, что в состав автономного Болгарского княжества были включены София и Варна. Территория Сербии и Черногории была значительно урезана. Конгресс подтвердил право Австро-Венгрии оккупировать Боснию и Герцеговину.

В докладе царю глава русской делегации канцлер А.М. Горчаков написал: «Берлинский конгресс есть самая черная страница в моей служебной карьере!» Царь пометил: «И в моей тоже».

Берлинский конгресс, несомненно, не украсил дипломатическую историю не только России, но и западных держав. Движимые мелкими сиюминутными расчетами и завистью к блистательной победе русского оружия, правительства этих стран продлили турецкое владычество над несколькими миллионами славян.

И все же плоды русской победы были уничтожены лишь отчасти. Заложив основы свободы братского болгарского народа, Россия вписала славную страницу в свою историю. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. вошла в общий контекст эпохи Освобождения и стала ее достойным завершением.

§ 5. Подъем общественного движения после русско-турецкой войны

Война вызвала подъем патриотических настроений в обществе. Оживилось либеральное движение. Либералы спрашивали: почему правительство отказывается ввести в Россию конституцию? неужели оно считает, что русский народ менее готов к ней, чем болгарский?

Правительство запрещало земским деятелям съезжаться на совещания — даже по отдельным регионам. Поэтому земцы начали собираться на нелегальные съезды. Конспирировались они не хуже революционеров, и о некоторых съездах полиция так и не узнала. В конце 70-х годов возник нелегальный «Земский союз».

Земские деятели, собравшись на съезд в Киеве, попытались договориться с революционерами о совместных действиях. Непременным условием они ставили приостановку террористических актов. Переговоры не имели успеха, и земцы разработали свой собственный план действий. Первым выступило Харьковское земство, призвавшее правительство изменить внутреннюю политику и возобновить реформы. Министр внутренних дел тотчас же разослал циркуляр с запрещением обсуждать на земских собраниях политику правительства. Поэтому гласный Черниговского земства И.И. Петрункевич, начавший читать проект адреса на «высочайшее имя», был грубо перебит председателем. Петрункевич не подчинился и, поддержанный собранием и публикой на хорах, продолжал чтение. Тогда председатель при помощи полиции закрыл собрание. Это было одно из первых политических выступлений Ивана Ильича Петрункевича (1844—1928), впоследствии ставшего одним из видных и наиболее уважаемых деятелей либерального движения. После инцидента в земском собрании Петрункевич был выслан в г. Варнавин Костромской губернии.

С требованием конституции выступили также Тверское, Полтавское и Самарское губернские земские собрания. Тверское земство заявило, что русский народ должен пользоваться теми же благами конституционных свобод, какие получил болгарский народ.

В 1879 г. в Москве состоялся новый нелегальный земский съезд. Было решено начать широкую пропаганду в земствах и выпуск литературы за границей. Вскоре после этого

на территории Австро-Венгрии была напечатана программа Земского союза, включавшая три основных пункта: свобода слова и печати, гарантии неприкосновенности личности и созыв Учредительного собрания.

Летом 1877 г. петербургский градоначальник Ф.Ф. Трепов во время посещения тюрьмы заметил, что один из арестантов при его появлении не снял шапку. Это был Боголюбов, участник демонстрации перед Казанским собором, осужденный на каторгу. Разгневанный Трепов приказал его высечь. По закону Трепов не мог ни требовать, чтобы перед ним снимали шапку, ни наказывать розгами. Но он был уверен в своей безнаказанности.

24 января 1878 г. молодая народница Вера Засулич явилась к Трепову на прием и выстрелила в него из револьвера. Трепов был тяжело ранен, но остался жив. Общественность не знала о связи между покушением и боголюбовским инцидентом. Консервативные газеты изображали Трепова как жертву служебного долга. Правительство, надеясь подогреть в обществе настроения против террора, направило дело Засулич на суд присяжных заседателей.

Суд состоялся 31 марта 1878 г. Сначала настроение публики было не в пользу обвиняемой, но по ходу разбирательства оно резко изменилось. Присяжные признали Засулич невиновной, и суд под председательством А.Ф. Кони вынес оправдательный приговор. Публика устроила овацию. При выходе из зала полиция попыталась арестовать Засулич, чтобы отправить в ссылку в административном порядке. Но молодежь ее отбила, и в тот же вечер она бежала за границу.

Вера Ивановна Засулич (1849—1919), видная революционерка и общественная деятельница, впоследствии стала принципиальной противницей смертной казни и террора. Свое мнение она отстаивала, не боясь гнева пришедших к власти большевиков. Но тогда, в 1878 г., ее выстрел имел двойственные последствия. С одной стороны, он в самой драматической форме заострил внимание общества на том, что власти на каждом шагу творят беззакония. Но с другой стороны, он поколебал отрицательное отношение общества к террору. Крайние же революционеры, давно настаивавшие на терроре, решили, что общество всецело сочувствует подобным методам борьбы.

В конце 70-х годов в России сложилось напряженное внутривластное положение. Волновалось студенчество.

Все громче становился голос сторонников конституции. После выстрела Засулич по стране прокатилась волна террористических актов. Казни террористов усилили общее напряжение и вызвали новые покушения. Налицо были признаки революционной ситуации.

Но деревня оставалась относительно спокойной. И это приводило в отчаяние «деревенщиков» из «Земли и воли». Среди них росло разочарование в своей работе. Один из них, Александр Соловьев, весной 1879 г. явился в центральный кружок «Земли и воли» и заявил, что хочет убить царя. Большинство голосов руководство организации высказалось против покушения. Но 2 апреля Соловьев все же выследил царя во время прогулки на Дворцовой площади и бросился на него с револьвером. Александр не растерялся и побежал, делая зигзаги. Соловьев стрелял пять раз, но ранил только подоспевшего полицейского. Схваченный террорист разделил судьбу Каракозова.

«Земля и воля» превращалась в террористическую организацию. Некоторые ее члены протестовали против этого, ссылаясь на программу. Сторонники террора поставили вопрос о ее пересмотре. Решили собраться на съезд в Воронеже, чтобы попытаться найти компромисс. Но накануне этого съезда сторонники террора собрались на свой собственный съезд в Липецке — тайный не только от полиции, но и от остальной части «Земли и воли». Самой яркой фигурой на липецком съезде был А.И. Желябов. Он говорил, что социалисты в принципе не должны требовать политических реформ и гражданских свобод. Это дело либералов, но в России они дряблы и бессильны. Между тем отсутствие свобод мешает развернуть агитацию среди крестьян. Значит, революционеры должны сами сломить деспотизм, чтобы затем заняться подготовкой социальной революции. Участники съезда решили не порывать с «Землей и волей», а завоевать ее изнутри.

На воронежском съезде летом 1879 г. Желябову не удалось одержать верх и был достигнут компромисс. Не пересматривая программу, решили усилить борьбу с правительством, отвечая террором на казни революционеров. Только Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918) решительно протестовал против террора.

Сын мелкопоместного дворянина, он здесь же, в Воронеже, окончил военную гимназию, но затем отказался от воен-

ной карьеры, состоял в «Земле и воле» со времени ее основания и был на демонстрации у Казанского собора. Когда компромиссная резолюция была принята, он в знак протеста ушел со съезда.

Компромисс не оказался спасительным. Вновь начались споры, и месяца через два фракции окончательно разъединились. Противники террора создали организацию «Черный передел». Она пыталась вести пропаганду среди крестьян и рабочих, но война, развернувшаяся между правительством и террористами, срывала все такие попытки. В 1880 г. руководитель «Черного передела» Плеханов вынужден был уехать за границу.

Сторонники Желябова объединились в организацию «Народная воля». Народовольцы чувствовали справедливое недовольство существовавшими в стране порядками, но не были приучены разбираться в средствах для достижения целей. Организацией руководили Андрей Иванович Желябов (1851—1881), выходец из крепостных крестьян, и Софья Львовна Перовская (1853—1881), дочь николаевского министра. Это были смелые, решительные люди. Под их руководством «Народная воля» стала хорошо законспирированной, разветвленной и дисциплинированной организацией. Возглавлявший ее Исполнительный комитет имел почти неограниченные полномочия.

Организация сделала резкий крен в сторону ткачевских идей. Главной своей задачей она считала захват власти. После этого предполагалось созвать Учредительное собрание и предложить ему программу мер по передаче земли крестьянам, фабрикам и заводам — рабочим. Вслед за политическим переворотом должна была прийти социалистическая революция.

Это были опасные планы. В случае их осуществления России грозило все то, что она испытала через несколько десятилетий, включая кровавый хаос гражданской войны, диктатуру одной партии и социальные эксперименты с тяжелыми последствиями.

Тактика захвата власти, избранная народовольцами, заключалась в запугивании и дезорганизации правительства путем индивидуального террора. Исподволь готовилось и восстание. Не надеясь более на крестьян, народовольцы старались организовать студентов, рабочих и проникнуть в армию. Эти попытки неожиданно оказались успешными. Наро-

довольческие офицерские кружки появились в Кронштадте, Петербурге и в провинции. Помимо идейной стороны, «Народная воля» привлекала молодых офицеров привычными для них дисциплиной и единоначалием.

С осени 1879 г. народовольцы начали настоящую охоту на царя. Их не смущало число возможных жертв, даже случайных. Дважды они подкладывали мины под рельсы, подкарауливая царский поезд. Один раз взрывной механизм не сработал, в другой раз по ошибке был пущен под откос не тот поезд.

Во время одного из обысков полиция нашла план Зимнего дворца. Крестиком на нем была помечена царская столовая. Однако жандармы не догадались осмотреть дворец и проверить всех работающих в нем людей. 5 февраля 1880 г. в этой столовой должен был состояться обед в честь болгарского князя. К торжественному выходу в столовую собралась почти вся царская семья, и только один человек где-то замешкался. Александр, любивший пунктуальность, начинал сердиться, когда вдруг здание потряс взрыв. Бомба в подвале под столовой была заложена краснодеревщиком Степаном Халтуриним. Погибло несколько солдат.

§ 6. «Диктатура сердца» М.Т. Лорис-Меликова и конец реформ

Вскоре после взрыва Александр II объявил о создании Верховной распорядительной комиссии. Во главе ее был поставлен Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1825—1888). Он происходил из армянских дворян. Боевой генерал, герой русско-турецкой войны.

Верховная распорядительная комиссия имела большие полномочия, но фактически не действовала, а все ее дела были в руках Лорис-Меликова. Но ему казалось неудобным выступать в роли «великого визиря» на турецкий манер, и через несколько месяцев комиссия была распущена, а Лорис-Меликов стал министром внутренних дел.

Главной своей задачей Лорис-Меликов считал борьбу с терроризмом. В этом он был беспощаден. Но вместе с тем он добивался того, чтобы репрессии направлялись только против революционеров и не затрагивали мирных обывателей. По его предложению было ликвидировано Третье отде-

ление императорской канцелярии, показавшее свою несостоятельность, когда дело приняло серьезный оборот. Вместо него был создан Департамент полиции, вошедший в состав Министерства внутренних дел.

Д.А. Толстой был снят с постов министра народного просвещения и обер-прокурора Синода. Было удалено еще несколько одиозных фигур. На освободившиеся места назначались либеральные деятели, правда, не всегда безошибочно. Именно тогда на посту обер-прокурора Синода оказался сенатор К.П. Победоносцев.

Время от времени Лорис-Меликов собирал на совещания редакторов столичных газет и земских деятелей, желая узнать их мнение по разным вопросам. Либералы, не избалованные таким вниманием, назвали время правления Лорис-Меликова «диктатурой сердца». Но демократы сохраняли настороженность. Ведущий критик «Отечественных записок» Н.К. Михайловский считал, что это политика «пушистого лисьего хвоста» и «волчьей пасти».

Под руководством Лорис-Меликова стала разрабатываться программа реформ на ближайшие годы. Предполагалось понизить выкупные платежи. Встал вопрос и о представительном собрании. Министр понимал, что без решения этого вопроса он не сможет сблизиться с «благomyслящей частью общества» и изолировать революционеров. Но он был против немедленного создания парламента по западному образцу, считая, что это внесло бы в Россию «полную смуту». В докладе царю он предложил воспользоваться опытом, полученным при разработке крестьянской реформы: созвать комиссию с участием представителей земств и некоторых крупных городов. Это был отдаленный прообраз представительного собрания.

Тем временем полиции удалось арестовать Желябова. Но Перовская настояла на немедленном исполнении разработанного во всех деталях плана. Были назначены бомбометатели — Николай Рысаков, Игнатий Гриневицкий и Тимофей Михайлов. Народовольцы знали, что царубийство не приведет к немедленному восстанию. Но они надеялись, что напряженность усилится, в верхах начнется паника. Шаг за шагом, удар за ударом, и правительство растеряет весь свой престиж и свою власть, которая падет к ногам «Народной воли».

В последний год своего царствования Александр II чувствовал себя усталым и одиноким человеком. Неудачи во внешней и внутренней политике дополнялись семейными несчастьями и неурядицами. После смерти императрицы Марии Александровны он женился вторым браком на княгине Е.М. Юрьевской. Но наследник престола Александр Александрович отказывался ее признавать. Между отцом и сыном сложились напряженные отношения.

В воскресенье 1 марта 1881 г. утром император принимал министра внутренних дел. Александру понравился его план, который как бы возвращал его в счастливые дни начала царствования. Он одобрил доклад министра и назначил на 4 марта заседание Совета министров под своим председательством. В заключение министр попросил царя не ездить в этот день на развод войск. Такая просьба в последнее время повторялась неоднократно, и Александр почти перестал бывать на разводах. Это его возмутило: «Я не желал бы, чтобы мой народ счел меня трусом!» Разговор, казалось, был окончен, но лукавый министр знал, насколько Александр подвержен женскому влиянию. Хотя и не без труда, но Юрьевской удалось уговорить мужа. Развод отменили. Во дворец явилась великая княгиня Александра Иосифовна. Ее младший сын, племянник царя, должен был предстать перед ним на том разводе первый раз в новом мундире. Она не хотела, чтобы мальчик лишился такого счастья. Александр окончательно решил ехать.

В третьем часу пополудни император возвращался во дворец. Столица казалась необычайно притихшей. Чувствовалось какое-то скрытое напряжение. Царская карета следовала в окружении казаков, за ней — сани полицмейстера. Выехали на Екатерининский канал — и тут словно кто-то выстрелил из пушки. Карету трянуло и окутало дымом. Александр велел остановиться. Выбравшись наружу, он увидел двух окровавленных казаков и кричащего от боли мальчика, случайно пробегавшего мимо. Поодаль молодой человек с длинными волосами (Николай Рысаков) отбивался от наседавшей толпы: «Не трогай меня, не бей меня, несчастный, заблужденный народ!» Александр подошел к нему и спросил: «Что ты сделал, сумасшедший?» Подбежал полицмейстер: «Ваше величество, не ранены?» — «Слава Богу, нет», — сказал царь. «Что? Слава Богу? — вдруг с вызовом переспросил Рысаков. — Смотрите, не ошиблись ли?» Никто не понял скрытый смысл его слов.

Александр склонился над затихшим мальчиком, перекрестил его и пошел к своему экипажу. Вдруг — опять словно

выстрел из пушки, густое облако дыма. Когда дым рассеялся, оставшиеся невредимыми увидели человек двадцать тяжело раненых, царя, прислонившегося к решетке канала, в разорванной шинели и без ног, а напротив него — в таком же состоянии — его убийцу Гриневицкого. «Во дворец... Там — умереть...», — еле слышно сказал Александр II. Через час с небольшим он скончался в своем кабинете в Зимнем дворце.

Совет министров собрался только 8 марта. Несмотря на то, что доклад Лорис-Меликова был одобрен покойным государем, новый император Александр III заявил, что «вопрос не следует считать предрешенным». Высказывались мнения за и против. Чаша весов колебалась, пока не взял слово К.П. Победоносцев, худой и с виду невзрачный. Многим, особенно из числа сторонников проекта, показалось, что он говорил целую вечность.

Обер-прокурор Синода доказывал, что только «чистое» самодержавие, такое, каким оно сложилось при Петре I и Николае I, может противостоять революции. Неумелые реформаторы своими уступками и полууступками, реформами и полуреформами способны только расшатать здание самодержавного государства. Когда Победоносцев умолк, Лорис-Меликов почувствовал себя в отставке. Александр III облегченно вздохнул и сказал, что над проектом еще надо подумать. Больше к проекту не возвращались.

Исполнительный комитет «Народной воли» почти полностью был арестован. 3 апреля 1881 г. были публично повешены пятеро народовольцев: А.И. Желябов, С.Л. Перовская, Н.И. Рысаков, Т.М. Михайлов и Н.И. Кибальчич (конструктор метательных снарядов).

В этих событиях — 1 и 8 марта, 3 апреля — разрядился политический кризис. Вскоре были разгромлены военные ячейки «Народной воли». Грозная организация распалась на ряд мелких кружков и групп.

* * *

Событиями 1881 г. завершился целый этап общественного движения в России. У истоков его стояли гуманисты Белинский, Герцен, Хомяков. На этом этапе общественное движение явственно разделилось на три направления: революционно-демократическое, либеральное и консервативное. Каждое из них

выдвинуло ярких лидеров: Чернышевского, Бакунина и Лаврова (революционно-демократическое), Кавелина (либеральное), Победоносцева (консервативное). Подобное деление общественных сил на три лагеря встречается во многих странах. Но в России наблюдалось чрезмерное развитие крайних группировок при относительной слабости центральной (либеральной). Поэтому внутривластная обстановка в стране отличалась резкими переменами, смотря по тому, какая из крайних группировок начинала задавать тон.

Слабость либерального движения объяснялась прежде всего политической инертностью городской буржуазии. Либералы выходили в основном из числа дворян, а купечество по традиции сторонилось политики. Слабым местом либералов было также то, что они требовали только политических свобод и конституции, мало интересуясь социальными вопросами.

В глазах народников, наоборот, социальные вопросы имели всепоглощающее значение. Чрезмерно уверовав в социалистическую утопию, они вознамерились путем революции, разом и в одночасье разрешить все социальные вопросы, а заодно и политические. Так не бывает. Жизнь совершенствуется шаг за шагом. Прорыв на одном участке иногда сопровождается отступлением на другом. Процесс совершенствования жизни требует терпения. Он бесконечен.

Репрессии правительства привели к появлению и развитию экстремистских группировок в революционно-демократическом лагере. Они были крайне опасны, ибо ставили целью заменить самодержавие режимом революционного деспотизма. И все же крайние группы не составляли большинства в революционно-демократическом лагере. Но в обстановке революционной ситуации они вышли на первый план. Почему события приняли такой опасный оборот?

Победоносцев был умный человек. Он не зря говорил, что только «чистое» самодержавие может противостоять революции. Николаевскую Империю трудно было расшатать. Победоносцев только не упомянул, что она была крайне невосприимчива к переменам. Растущее отставание от передовых стран неизбежно должно было привести к тяжелым последствиям.

При Александре II самодержавие вступило на путь реформ. Этот путь — от неограниченного самодержавия до прочного конституционного режима — очень опасен. В ходе

это государство теряет свою устойчивость и становится очень уязвимо. Этот путь следовало пройти спокойно и осмотрительно, продвигаясь от реформы к реформе, согласно логике их развития, не останавливаясь перед теми, к которым не лежит душа, которые кажутся слишком опасны. Ибо самое опасное на этом пути — остановки. Страна, следующая за правительством по пути реформ, не может вдруг остановиться. Она опрокинет нерешительного реформатора и пойдет дальше, уже никем не управляемая.

Александр II в значительной мере был сам повинен в разыгравшейся драме. К счастью, бразды правления перехватила властная рука Александра III. К несчастью, это была рука ретрограда.

И все же Александр II оставил по себе добрую память. Прошло много лет, произошло множество событий. И когда уже в начале XX в. темных русских крестьян спрашивали, кого из исторических деятелей они знают, мужики отвечали, напрягая память: Стеньку Разина, Емельку Пугачева... Петра, Катерину (Екатерину II)... Суворова, Кутузова, Скобелева... Александра, царя — Освободителя...

Глава 22

На пороге XX века

§ 1. Русская деревня в конце XIX в.

В пореформенной русской деревне происходил быстрый прирост населения. Причин было несколько. Появление земской медицины, внедрение в быт элементарных правил гигиены резко сократили детскую смертность. Выросла и рождаемость. За 40 лет крестьянское население в Европейской России увеличилось с 48,9 до 80 млн. человек.

Прирост населения имел неодинаковые последствия в разных регионах. В Нечерноземной полосе крестьяне были обложены непомерно тяжелыми выкупными платежами. Когда прибавилось рабочих рук, справляться с платежами стало легче. Теперь крестьянин шел в город со своими повзрослев-

шими сыновьями и зарабатывал гораздо больше. Некоторые из крестьянских сыновей в городе и оставались. Города росли, а в деревне не возникало крайнего земельного утеснения. В Нечерноземной полосе положение крестьянства медленно, с трудом, но все же улучшалось.

В Черноземной же зоне назревали катастрофические процессы. Отход на заработки здесь был гораздо слабее (ближайшие города были скорее торговые, а не промышленные). Переселение в Сибирь сдерживалось властями. Они опасались, что помещики лишатся необходимого количества рабочих рук. Во время реформы 1861 г. были сделаны большие «отрезки» из крестьянских земель. Урожайность на крестьянских полях увеличивалась гораздо медленнее, чем происходил прирост населения. Средняя величина душевого надела уменьшилась за 40 лет по Европейской России едва ли не вдвое. В некоторых губерниях (например, в Тульской, Курской) крестьянские наделы недопустимо измельчали. Приходилось арендовать землю у помещика.

В конце 70-х годов XIX в., в связи с удешевлением дальних морских перевозок, в Европу хлынул дешевый хлеб из Америки и Австралии. Цены на зерно покатались вниз, разразился мировой сельскохозяйственный кризис. Русские помещики поспешили переложить убытки на крестьян. В поместьях свертывались собственные запашки, «отработки» уходили в прошлое. Все более значительная часть помещичьей земли отдавалась в аренду крестьянам. Безостановочно росли арендные цены. К началу XX в. они достигли таких высот, что забеспокоились некоторые губернаторы. Они докладывали царю о «несоразмерно высоких арендных ценах».

Положение крестьянства резко ухудшилось. Если богатые крестьяне (всего около 5% сельского населения) еще кое-как держались на плаву, то середняки начинали тонуть в массе бедняков. В черноземных губерниях России росла крестьянская нищета. Под ее давлением рушились понятия о частной собственности на землю, которые стали прививаться в деревне в предыдущий период. С начала 80-х годов крестьяне Черноземного центра вспомнили о земельных переделах. Сопrotивление владельцев «лишних» земельных душ было быстро сломлено. Переделы совершались подобно цепной реакции, перекидываясь из волости в волость, из уезда в уезд, из губернии в губернию. Они охватили огромное про-

странство (Курскую, Орловскую, Воронежскую, Рязанскую, Саратовскую и другие губернии).

В 1891 г. обширную территорию России охватил неурожай. Вслед за ним в деревню пришел голод. Русская общественность организовала сбор средств в помощь голодающим. Активное участие в этой работе принимал Л.Н. Толстой.

После неурожая крестьяне Нечерноземья стали перестраивать свое хозяйство. Расширились посевы льна. В Новгородской, Псковской, Тверской, Ярославской и Московской губерниях крестьянские общества начинали отказываться от устаревшей трехпольной системы земледелия и с помощью земских агрономов переходить к многопольным севооборотам с высевом кормовых трав (клевера, вики, люцерны).

В Черноземной полосе складывалась тяжелая обстановка. В деревне накапливались недовольство, безысходность, отчаяние. Но при этом сохранялось внешнее спокойствие. И правительство не догадывалось, какой силы социальный взрыв там назревает.

§ 2. Александр III и его контрреформы

Александр III родился в 1845 г. Он был вторым сыном Александра II, и его не готовили на престол. Он получил обычное для великих князей военное образование. Особыми успехами в учебе не отличался. Педагоги считали его старательным тугодумом. В 1865 г. умер старший сын Александра II. К этому времени Александр Александрович был уже сложившимся человеком, с определенными взглядами, склонностями, кругозором.

Александр III имел мужиковатую внешность и мужицкие привычки. Он носил бороду лопатой, был неприхотлив в быту, в обыденной обстановке ходил в простой рубашке, не лез в карман за бранным словом. Мало кого из приближенных он беззлобно не называл «скотиной» или «канальей» (не всегда, впрочем, незаслуженно). Любимым занятием его была рыбная ловля, требовавшая усидчивости и отвечавшая его неторопливому темпераменту, позволявшая ему погрузиться в мир своих медленных мыслей. «Европа может и подождать, пока русский царь рыбачит», — сказал он однажды, желая

подчеркнуть свой вес в мировой политике и действительно отправляясь на рыбалку.

Вопреки распространенному мнению, Александр III не был глуп. Но его мышление было слишком приземленным, отсутствовала фантазия, он не умел смотреть вдаль, в перспективу. Был он законченный консерватор и ретроград. Но, подобно многим медвежьим натурам, отличался осторожностью, был слегка трусоват. Мудро избегал войн. Осторожно действовал и во внутренней политике.

Когда Александр III сравнивал царствование отца и деда, сравнение было не в пользу отца. Отец слишком много «нареформировал». Постепенный возврат к старому, укрепление сословного строя и самодержавия составляло суть внутренней политики Александра III. Ему казалось, что он возвращает страну с опасного пути на здоровые исторические основания. На самом деле это были обреченные на неуспех попытки направить вспять течение жизни.

Верноподданнические публицисты именовали Александра III «Миротворцем». Действительно, ему удалось быстро стабилизировать обстановку после убийства Александра II. Но он не принес стране настоящего мира. Среди обманчивого спокойствия царствования Александра III были посеяны семена будущих бурь.

29 апреля 1881 г. был опубликован манифест, над текстом которого трудились К.П. Победоносцев и известный правый публицист М.Н. Катков. В этом манифесте Александр III заявлял, что он вступает на престол «с верой в силу и истину самодержавной власти». После этого ушли в отставку Лорис-Меликов и Милютин.

В августе 1881 г. было издано «Положение об усиленной и чрезвычайной охране». При введении его в какой-либо местности власти могли высылать нежелательных лиц, закрывать учебные заведения, передавать дела на рассмотрение военного суда вместо гражданского, приостанавливать выпуск газет и журналов. Несмотря на временный характер этого закона, он просуществовал вплоть до падения самодержавия. Некоторые местности десятилетиями находились на режиме чрезвычайного управления, хотя особой необходимости в том не было. Просто губернаторы не хотели расставаться с дополнительными полномочиями.

Наиболее сложный характер имела крестьянская проблема. Реформа 1861 г. за 20 лет исчерпала свой положительный

природ. Требовались новые меры, которые сделали бы крестьянина полноправным членом общества и помогли бы ему приспособиться к рыночным отношениям. Сначала правительство попыталось кое-что сделать в этом отношении. В 1882 г. начал действовать Крестьянский банк, выдававший ссуды на покупку земли. В 1883 г. все крестьяне, еще не заключившие с помещиками выкупных сделок, были переведены на обязательный выкуп. Сумма выкупных платежей была немного понижена.

Но затем Александр III пошел в противоположном направлении — по пути укрепления помещичьего хозяйства, власти поместного дворянства над крестьянством и поддержания патриархального строя в деревне. Этот поворот был связан с назначением на пост министра внутренних дел Д.А. Толстого, того самого, чью отставку в 1880 г. приветствовала чуть ли не вся Россия.

В 1883 г. Александр III заявил волостным старшинам, собранным на его коронацию: «Следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным и нелепым слухам и толкам о даровых прирезках и тому подобному».

В 1885 г. был создан Дворянский банк. Правительство опасалось, что в условиях падения цен на зерно многие помещики разорятся и самодержавие потеряет свою опору. В этом банке они получали самый льготный кредит под залог имений. Правительство фактически субсидировало помещиков.

Со стороны помещиков шли постоянные жалобы на то, что мужики «разбаловались», а мировые судьи недостаточно строги. В связи с этим в 1889 г. правительство ввело «Положение о земских участковых начальниках». Мировой суд в деревне был упразднен. Земские начальники (к земству они отношения не имели) сосредоточили в своих руках административную и судебную власть. На эти должности назначались дворяне из числа местных помещиков. Общее руководство земскими начальниками в уезде осуществлял предводитель дворянства.

Земский начальник стал полновластным распорядителем в своем участке. В полной зависимости от него оказались сельские и волостные сходы. Он мог отменить любой их приговор, арестовать сельского старосту, волостного старшину, оштрафовать всех участников схода.

В эти же годы был принят ряд законов, которые затруднили семейные разделы, выход из общины отдельных крестьян и земельные переделы. Эти законы имели целью загнать крестьян в большую патриархальную семью и в общину, усилить начальственный надзор над ними. В такой обстановке крестьянину трудно было проявить хозяйственную инициативу, чтобы выпутаться из растущей нищеты. По-видимому, Александр III не ведал, что творил. Его крепостническая политика делала положение в деревне еще более взрывоопасным.

В конечном счете три фактора подготовили социальный взрыв в деревне: растущее крестьянское малоземелье, мировой сельскохозяйственный кризис и крепостническая политика правительства.

Когда министром внутренних дел стал Д.А. Толстой, вновь начались притеснения земств. В 1890 г., уже на излете своего короткого царствования, Александр III провел земскую контрреформу. По новому закону был усилен правительственный контроль над земством. Для дворян-землевладельцев был понижен имущественный ценз, для горожан — повышен. Крестьянские гласные стали назначаться губернатором из числа кандидатов, заявленных на волостных сходах. Однако контрреформа почти не коснулась «третьего элемента», ставшего к тому времени основным двигателем земской работы. И потому земское дело продолжало развиваться, несмотря на все трудности.

§ 3. Рабочее движение и распространение марксизма в России

В течение последней трети XIX в. численность рабочих в России увеличилась втрое и к 1900 г. составила около 3 млн. человек. Основным источником пополнения кадров рабочих по-прежнему оставались крестьяне. Отрыв их от земли происходил медленно. Страхования от болезней и несчастных случаев тогда не существовало, пенсий тоже не было. Земельный надел в родной деревне рабочий считал единственной своей страховкой.

На фабриках, работавших в одну смену, рабочий день доходил до 14—15 часов, на предприятиях с двухсменным

режимом он составлял 12 часов. Широко использовался труд женщин и подростков.

Заработная плата рабочих в России была в 2 раза ниже, чем в Англии, в 4 раза ниже, чем в США. Администрация штрафовала рабочих за малейшие провинности. На большинстве фабрик заработная плата выдавалась нерегулярно или с большими интервалами — на Рождество, Пасху, Покров. До очередной полочки рабочий вынужден был брать продовольствие в кредит в фабричной лавке — обычно неважного качества и по высоким ценам.

Рабочие жили в казармах при предприятиях. Часть казарм отводилась под общие спальни, часть разгораживалась на каморки. На нарах в общих спальнях располагались на ночлег взрослые и дети, мужчины и женщины. Только к концу века для мужчин и женщин стали выделяться отдельные спальни. Каморки отводились для семейных рабочих. Для каждой семьи отдельной каморки не хватало. Чаще жили по две семьи в одной каморке, а то и больше. Лишь высококвалифицированные рабочие, постоянно жившие в городе, имели возможность снять квартиру или купить собственный домик.

Промышленный кризис начала 80-х годов с особой силой ударил по текстильной промышленности. Хозяева стали сокращать производство, увольнять рабочих. Снижалась заработная плата, увеличивались штрафы. Но вскоре обнаружилось, что рабочие вовсе не обладали тем бесконечным терпением, каким отличались крестьяне. Те же самые люди на фабрике вели себя иначе, чем в деревне, где их сковывали отцовская власть и патриархальные традиции. Крестьянин приносил с собой на фабрику накопившееся в деревне недовольство, здесь оно возрастало еще больше и прорывалось наружу.

Первые забастовки, очень похожие на бунты, начались еще в 70-е годы. В 1880 г. произошла стачка на Ярцевской мануфактуре купцов Хлудовых в Смоленской губернии. Бросив работу, ткачи побили стекла на фабрике. В Ярцево были вызваны войска. В последующие годы волнения произошли в Московской губернии, в Ярославле и Петербурге. 1885 год начался знаменитой Морозовской стачкой.

Никольская мануфактура Тимофея Морозова (близ Орехово-Зуева) была самой крупной хлопчатобумажной фабрикой в России. На ней трудилось около 8 тыс. рабочих. С

наступлением кризиса на мануфактуре пять раз снижалась заработная плата. Резко возросли штрафы, доходившие до 24 коп. с заработанного рубля. Руководителями стачки стали Петр Моисеенко и Василий Волков. Моисеенко был родом из этих мест, работал в Петербурге, участвовал в нескольких стачках. После одной из них его сослали в Сибирь. Затем он работал на Никольской мануфактуре. Молодой ткач Волков выдвинулся как рабочий вожак в ходе выступления.

Стачка началась утром 7 января. Руководителям не удалось удержать от самоуправства забастовавших ткачей. Толпа начала громить квартиры директора и некоторых мастеров, а также продовольственную лавку. К ночи того же дня в Орехово-Зуево прибыли войска.

На фабрику приехал губернатор. Из толпы, окружившей главную контору, вышел Волков и представил заранее выработанные требования. Речь шла о повышении заработной платы и упорядочении штрафов. Рабочие требовали также чтобы администрация предупреждала об увольнении за 15 дней. Во время переговоров Волков был арестован. Негодующая толпа бросилась его освобождать. Произошла схватка с воинским караулом. Полиция произвела новые аресты. Многих рабочих выслали в свои деревни. Под воздействием репрессий стачка пошла на убыль. Схватили и Моисеенко 18 января стачка закончилась.

Состоявшийся в следующем году суд над стачечниками привлек внимание всей страны. Прокурор выдвинул против них обвинения по 101 пункту. Присяжные заседатели, убедившись, сколь безобразны были порядки на фабрике Морозова, признали подсудимых невиновными по всем пунктам. Консервативная газета «Московские ведомости» назвала этот вердикт 101 салютационным выстрелом «в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса». Моисеенко был выслан в Архангельскую губернию в административном порядке.

В 1886 г. правительство приняло закон, по которому участие в забастовке каралось арестом сроком до месяца. Предпринимателям же запрещалось налагать штрафы сверх установленного размера. Контроль за исполнением закона возлагался на фабричную инспекцию.

Издание закона не остановило стачечную борьбу. Забастовки вспыхивали то в Петербурге, то в Твери, то под Москвой, по-прежнему сопровождаясь погромами и изгнанием

особо ненавистных управляющих. Очевидец вспоминал, что в 1893 г. во время стачки на Хлудовской мануфактуре в Рязанской губернии речка Гуслиянка едва не вышла из берегов, смаленная мотками пряжи. Чуть ли не каждая крупная стачка заканчивалась столкновениями с властями, которые всегда становились на сторону хозяев. Лишь с наступлением промышленного подъема в 1893 г. волнения рабочих постепенно улеглись.

Жестокие удары и разочарования, которые испытали революционные народники на рубеже 70—80-х годов, заставили их многое переосмыслить и переоценить. Некоторые из них начинали испытывать разочарование в революционных возможностях крестьянства. Взоры вчерашних «деревенщиков» обращались в сторону рабочего класса. Тем более, что социалистическое движение на Западе в это время приняло марксистскую окраску.

Одним из первых русских марксистов стал Г.В. Плеханов, в прошлом — бакунист и руководитель «Черного передела». К нему примкнули другие члены этой организации — В.И. Засулич, П.Б. Аксельрод, Л.Г. Дейч, В.Н. Игнатов. В 1883 г., собравшись в Женеве, они объединились в группу «Освобождение труда». Через два года состав группы стал еще меньше: Дейч был задержан германской полицией и выдан русским властям, а молодой Игнатов умер от туберкулеза. Плеханов, бесспорный руководитель группы, оказался и основным ее работником.

В первой своей марксистской работе, «Социализм и политическая борьба», он решил рассчитаться со своим народническим прошлым. Вопреки Бакунину, а отчасти и Чернышевскому, Плеханов заявил, что борьба за социализм включает в себя и борьбу за политические свободы и конституцию. Также вопреки Бакунину, он считал, что ведущей силой в этой борьбе будут промышленные рабочие. Плеханов полагал, что между свержением самодержавия и социалистической революцией должен быть более или менее длительный исторический промежуток. Он предостерегал от «социалистического нетерпения», от попыток форсирования социалистической революции. Самым печальным их последствием, писал он, может стать установление «обновленного царского деспотизма на коммунистической подкладке».

Ближайшей целью русских социалистов Плеханов считал создание рабочей партии. Он призывал не запугивать либера-

лов «красным призраком социализма». В борьбе с самодержавием рабочим потребуется помощь и либералов, и крестьян. Правда, в этой же работе «Социализм и политическая борьба» присутствовал тезис о «диктатуре пролетариата», сыгравший весьма печальную роль в социалистическом движении.

В другой работе, «Наши разногласия», Плеханов попытался объяснить российскую действительность с марксистской точки зрения. Вопреки народникам, он считал, что Россия уже бесповоротно вступила в период капитализма. И крестьянской общине, доказывал он, давно нет былого единства, она раскалывается на «красную и холодную стороны» (на богатеев и бедняков), а потому не может быть основой для построения социализма. В перспективе — полный распад и исчезновение общины. Работа «Наши разногласия» стала значительным событием в развитии русской экономической мысли и в общественном движении, хотя Плеханов явно недооценил жизнестойкость крестьянской общины.

Главную свою задачу группа «Освобождение труда» видела в пропаганде марксизма в России и сплочении сил для создания рабочей партии. Плеханов и Засулич перевели ряд работ К. Маркса и Ф. Энгельса. Группе удалось наладить издание «Рабочей библиотеки», состоявшейся из научно-популярных и агитационных брошюр. По мере возможности они переправлялись в Россию.

Появление в России первых марксистских работ Плеханова вызвало взрыв возмущения среди убежденных народников. Плеханова обвиняли в «отступничестве», «оскорблении святыни», переходе «на службу реакции». Устраивались торжественные сожжения его книг.

Тем не менее один за другим в России стали появляться марксистские кружки. Один из первых, под руководством болгарского студента Димитра Благоева, возник в 1883 г. — почти одновременно с группой «Освобождение труда». Между ними установилась связь. Члены благоевского кружка, петербургские студенты, начали пропаганду среди рабочих. В 1885 г. Благоева выслали в Болгарию, но его группа продолжала еще два года. В 1889 г. среди студентов Петербургского технологического института возникла другая группа, которую возглавил М.И. Бруснев.

В 1888 г. марксистский кружок появился в Казани. Его организатором был 17-летний Н.Е. Федосеев, исключенный

из гимназии за «политическую неблагонадежность». Осенью 1888 г. в кружок Федосеева впервые пришел бывший студент В.И. Ульянов.

Владимир Ильич Ульянов (Ленин) (1870—1924) родился в Симбирске в семье инспектора народных училищ И.Н. Ульянова. Многолетняя семья была счастлива до начала 1886 г., когда внезапно умер отец. Старший сын Александр в это время был студентом Петербургского университета, второй сын, Владимир, учился в гимназии.

С этого времени несчастья, одно за другим, преследовали осиротевшую семью. В том же 1886 г. Александр вместе с несколькими студентами начал готовить покушение на царя. Действовали они не очень умело и в марте 1887 г. были арестованы, не совершив задуманного дела. Александр III, боявшийся покушений как огня, придал преувеличенное значение заговору пятерых студентов, и они были повешены.

Владимир Ульянов в это время заканчивал гимназию. Известны его слова: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти». Неясен, правда, смысл этих слов. О марксизме тогда он не имел представления. Скорее всего, видя слезы и горе матери, он зарекался от революционного пути. Жизнь, однако, сложилась иначе.

Осенью 1887 г. В. Ульянов поступил на юридический факультет Казанского университета, но проучился недолго. В декабре он участвовал в студенческой сходке. Многих, кто был на ней, исключили из университета и выслали из города — в том числе и первокурсника Ульянова.

После недолгой ссылки в село Кокушкино Владимир Ульянов вернулся в Казань и подал прошение о восстановлении в университете. О том же хлопотала и его мать. Многих участников сходки восстановили, но ходатайства Ульянова всегда вызывали настороженное отношение. «Уж не брат ли того Ульянова? — написал на прошении один важный чиновник. — Ведь тоже из Симбирской гимназии? Да, это видно из конца бумаги. Отнюдь не следует принимать». В.И. Ульянов просил о разрешении выехать за границу для продолжения образования — и вновь получил отказ.

Со времени исключения из университета и до 1891 г. В.И. Ульянов не имел определенных занятий. В это тяжелое время, чувствуя себя отверженным, пришел он в кружок Федосеева. Марксистское учение сразу привлекло молодого человека. Ему казалось, что оно несет в себе такой заряд, который способен взорвать весь этот несправедливый мир.

В 1891 г. В.И. Ульянову, наконец, разрешили держаться экзамены экстерном на юридическом факультете Петербургского университета. Получив университетский диплом, он занял должность помощника присяжного поверенного при Самарском окружном суде. Здесь он вел мелкие уголовные и гражданские дела, не получая удовлетворения от службы. Продолжал ходить на собрания марксистов, писал рефераты с критикой народников и постепенно втягивался в подпольную работу.

Юридическое образование, полученное наспех, экстерном, почти не отразилось ни на взглядах В.И. Ульянова, ни на его сочинениях. Наоборот, верный ученик Чернышевского, он с презрением относился к «буржуазному» праву и «буржуазным» конституциям. Гражданские свободы он ценил лишь за то, что они дают возможность беспрепятственно вести социалистическую пропаганду.

В 1893 г. В.И. Ульянов перевелся из Самары в Петербург на такую же должность, но здесь не вел ни одного судебного дела. Отныне все свои силы он отдавал организации марксистского движения, пропаганде среди рабочих и полемике с народниками. В ходе борьбы с народничеством В.И. Ульянов, вольно или невольно, позаимствовал многие его черты. Он никогда не скрывал своего восхищения перед народовольцами, перед их организацией, отлаженной и четко действовавшей. Его мечтой было создание дисциплинированной и сплоченной партии, ведущей за собой миллионную армию пролетариата, который, в свою очередь, увлечет за собой крестьянство. Народовольцы идейно породнили его с Ткачевым, а через него — и с Нечаевым.

Первые шаги к созданию сильной и централизованной организации В.И. Ульянов предпринял в 1895 г. Он выезжал за границу, где встречался с Плехановым. Осенью того же года он участвовал в создании петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». «Союз» стал самой многочисленной из всех прежде существовавших социал-демократических (марксистских) организаций. В его руководство входили В.И. Ульянов, Г.М. Кржижановский, Н.К. Крупская, Ю.О. Мартов (Цедербаум) и др. Руководящему центру были подчинены районные группы, а им — рабочие кружки. Поддерживались связи со многими заводами. Издавались листовки, готовился первый номер нелегальной газеты. Однако в ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. полиция аресто-

вала 57 членов «Союза», в том числе Ульянова. В 1897 г. он был сослан в село Шушенское Енисейской губернии.

Петербургский «Союз борьбы» продолжал действовать. В 1898 г. по его инициативе в Минск съехались представители ряда марксистских кружков и групп (всего 9 человек). Они объявили о создании Российской социал-демократической рабочей партии. Минский съезд известен как I съезд РСДРП. Но вскоре после съезда было арестовано большинство членов избранного на нем Центрального Комитета. Отчасти по причине арестов, а также из-за внутренних несогласий распался петербургский «Союз борьбы». В условиях промышленного подъема стачечное движение шло на спад. Для социал-демократов настали нелегкие времена.

За время ссылки В.И. Ульянов написал ряд трудов по экономическим вопросам и теории социализма. Работа «Развитие капитализма в России» не утратила научного значения и по сей день. В 1900 г. срок ссылки истек.

Первые свои публикации В.И. Ульянов подписывал псевдонимами «Туллин», «Ильин». В 1901 г. он впервые подписался: Н. Ленин. Под именем Ленина он и вошел в мировую историю.

Глава 23

Духовная жизнь России во второй половине XIX века

§ 1. Образование и наука

Эпоха Освобождения дала сильный толчок культурному развитию России. Втягивание в рыночные отношения все более широких слоев крестьянства со всей остротой поставило вопрос о начальном народном образовании. Это вызвало невиданный прежде рост числа сельских и городских школ. Промышленность, транспорт и торговля предъявляли все более широкий спрос на специалистов со средним и высшим образованием. Значительно выросли ряды интеллиген-

ции. Ее духовные запросы вызвали рост книгоиздательского дела, поднимали тиражи газет и журналов. На этой же волне шло развитие театра, живописи, других искусств. Яркий отпечаток на них накладывал свободолобивый дух того времени.

Наследием крепостной эпохи был крайне низкий уровень грамотности народа. Даже в Петербурге в конце 60-х годов доля неграмотных (за исключением детей до семи лет) составляла 44%. В Москве по переписи 1871 г. неграмотных оказалось 55%. В губернских городах их процент повышался до 60—70, в уездных — до 70—80, в деревне грамотность была редким явлением.

Положение улучшалось по мере развития земской школы. Увеличивалось количество и городских школ. Несколько позднее, с 80-х годов, стала расширяться сеть церковно-приходских школ. В конце 90-х годов начальное образование в сельской местности охватило несколько миллионов учащихся. Однако высокий прирост населения осложнял задачу ликвидации неграмотности. К концу XIX в. всего лишь около четверти населения России было грамотно. В Сибири, где не было земств, грамотность составляла чуть больше 12%.

Во второй половине XIX в. обрели собственную письменность некоторые народы Поволжья (марийцы, мордва, чуваш и др.). Важную роль в ее создании сыграли православные миссионеры. Стали выходить книги на языках народов Поволжья, открылись национальные начальные школы, появилась местная интеллигенция.

По вопросу о среднем образовании велась длительная борьба между сторонниками реального и классического направлений. Первые настаивали на расширении преподавания естественных наук и современных иностранных языков. Вторые считали необходимым сохранить ориентацию на изучение классической древности как основы европейской культуры. Верх одержали сторонники классического направления, опиравшиеся на консервативных министров народного просвещения Д.А. Толстого и И.Д. Делянова.

Основой среднего образования стала классическая гимназия, в значительной мере оторванная от запросов современной жизни. В конце XIX в. в России действовало 180 мужских гимназий. С 1862 г. появились женские гимназии. К концу века их число дошло до 142.

Только выпускники мужских гимназий имели право поступать в университеты. При Александре III правительство старалось ограничить доступ в гимназии выходцев из простого народа. Печальную известность приобрел циркуляр Делянова, в котором не рекомендовалось принимать в гимназии детей кучеров, прачек, мелких лавочников и т. п.».

Наряду с гимназиями существовали мужские реальные училища, ориентированные на средние слои населения. Здесь в большем объеме преподавались физика, химия, новые языки. Выпускники реальных училищ допускались к поступлению в высшие специальные учебные заведения. Реальных училищ было меньше, чем гимназий. В целом же лишь небольшая часть молодых людей, в основном из обеспеченных классов, получала среднее образование.

Продолжался рост высшей школы. Число студентов университетов с 1862 г. до середины 90-х годов увеличилось втрое и составило 17 тыс. человек. 22 июля 1888 г. открылись двери Томского университета. Тем самым было положено начало высшего образования в Сибири.

Высшее техническое образование развивалось гораздо медленнее, чем того требовала жизнь пореформенной России, в которую стремительно вторгся технический прогресс. За 40 лет было открыто считанное число высших технических учебных заведений. В 1900 г. начал действовать Томский технологический институт.

Музыкальное образование финансировалось всецело за счет общественных средств. В 1862 г. Русское музыкальное общество открыло консерваторию в Петербурге, а в 1866 г. — в Москве. В отличие от казенных учебных заведений, юноши и девушки здесь обучались совместно.

В пореформенной России было положено начало высшему женскому образованию. В 1878 г. в Петербурге начали действовать Высшие женские курсы. По имени первого их директора, профессора русской истории К.Н. Бестужева-Рюмина, их стали называть Бестужевскими. Позднее высшие женские курсы были открыты в Москве и ряде других городов.

В пореформенный период дело народного просвещения в России достигло немалых успехов. Наиболее быстрыми темпами развивалось начальное образование. (Прежде на него меньше всего обращалось внимание.) Развитие высшей шко-

лы тормозилось вследствие противоречивой политики правительства. Оно понимало, что страна нуждается в высокообразованных людях, но в то же время высшая школа всегда была у него на подозрении как очаг неистребимой «красавы».

Общественный подъем в период отмены крепостного права создал благоприятные условия для развития русской науки. В глазах молодого поколения росли значение и привлекательность научной деятельности. Выпускники российских университетов стали чаще ездить на стажировку в зарубежные научные центры, оживились контакты русских ученых с коллегами из Западной Европы.

Большие успехи были достигнуты в области математики и физики. Пафнутий Львович Чебышев (1821—1894) сделал крупные открытия в математическом анализе, теории чисел, теории вероятностей. Он положил начало петербургской математической школе. Из нее вышло много талантливых ученых, в том числе Александр Михайлович Ляпунов (1857—1918). Его открытия положили начало ряду важнейших направлений математики.

В развитии физики выдающуюся роль сыграл Александр Григорьевич Столетов (1839—1896). Ему принадлежит ряд исследований в области фотоэлектрических явлений, впоследствии использованных при создании современной электронной техники.

Развитие физической науки определило успехи в электротехнике. П.Н. Яблочков создал дуговую лампу («свеча Яблочкова») и первым осуществил трансформацию переменного тока. А.Н. Лодыгин изобрел более совершенную лампу накаливания.

Открытием мирового значения было изобретение радиотелеграфа. Александр Степанович Попов (1859—1905), сын священника, еще в студенческие годы проявил интерес к электротехнике. В дальнейшем изучение электрических явлений, электромагнетизма стало главным направлением его научных поисков. В 1895 г. на заседании Русского физико-химического общества он выступил с докладом об использовании электромагнитных волн для передачи сигналов. продемонстрированный им прибор, грозоотметчик, был по существу первой в мире принимающей радиостанцией. В последующие годы он создал более совершенные аппараты, но

его попытки наладить радиосвязь на военно-морском флоте натолкнулись на скептицизм и непонимание командования.

Морской офицер Александр Федорович Можайский (1825—1890) посвятил свою жизнь созданию летательного аппарата тяжелее воздуха. Он изучал полет птиц, делал модели, а в 1881 г. начал постройку самолета с двумя паровыми машинами мощностью 20 и 10 л. с. Официальных документов об испытании этого самолета нет. Судя по всему, попытка полета закончилась неудачно. Создание самолета на паровых двигателях вряд ли вообще было технически осуществимо. Уровень тогдашней техники не позволил Можайскому воплотить в жизнь свой смелый замысел, но изобретатель вплотную подошел к решению задачи, и его имя по праву вписано в историю авиации.

60—70-е годы XIX в. называют «золотым веком» русской химии. Ученик Н.Н. Зинина, Александр Михайлович Бутлеров (1828—1886) разработал теорию химического строения, основные положения которой не потеряли значения до настоящего времени.

Во второй половине XIX в. сделал свои открытия великий химик Дмитрий Иванович Менделеев (1834—1907). Родился он в Тобольске в семье директора гимназии. Талант его как ученого развернулся в Петербургском университете. Величайшей заслугой Менделеева стало открытие периодического закона химических элементов. На его основании Менделеев предсказал существование многих тогда еще неизвестных элементов. Книга Менделеева «Основы химии» была переведена почти на все европейские языки.

Д.И. Менделеев много думал о судьбах России. Ее выход на путь экономического и культурного подъема он связывал с широким и рациональным использованием природных богатств, с развитием творческих сил народа, распространением просвещения и науки. Свои раздумья о настоящем и будущем страны он изложил в книгах «К познанию России», «Заветные мысли», «Заметки о народном просвещении России».

Используя достижения химии и биологии, Василий Васильевич Докучаев (1846—1903) положил начало современному почвоведению. Он раскрыл сложный и длительный процесс происхождения почв. Мировую славу Докучаеву принесла монография «Русский чернозем». В книге «Наши

степи прежде и теперь» (1892) ученый изложил план борьбы с засухами. Идеи Докучаева оказали влияние на развитие лесоведения, мелиорации, гидрогеологии и других наук.

Выдающимся русским естествоиспытателем, основоположником отечественной физиологической школы стал Иван Михайлович Сеченов (1829—1905). На первых порах его судьба складывалась так же, как и большинства его сверстников из дворянских семей. Он стал офицером, служил в саперном полку. Но вскоре понял, что его призвание иное, вышел в отставку и поступил вольнослушателем на медицинский факультет Московского университета. Окончив курс наук, он за свой счет отправился за границу совершенствоваться в медицине. Ему посчастливилось стать учеником знаменитого немецкого ученого Г. Гельмгольца. За границей Сеченов подготовил докторскую диссертацию по физиологии алкогольного опьянения. Вернувшись в Россию, он возглавил кафедру физиологии в петербургской Медико-хирургической академии и организовал физиологическую лабораторию — одну из первых в России. Выдающееся значение имел его курс лекций «О животном электричестве» (т.е. о биоэлектричестве). В дальнейшем он занимался проблемами человеческой психики. Широкую известность получили его работы «Рефлексы головного мозга» и «Психологические этюды».

Деятельность другого всемирно известного русского биолога, Ильи Ильича Мечникова (1845—1916), сосредоточилась в области микробиологии, бактериологии, медицины. В 1887 г. Мечников по приглашению французского ученого Луи Пастера переехал в Париж и возглавил одну из лабораторий Пастеровского института. До конца своих дней он не порывал связей с Россией, переписывался с Сеченовым, Менделеевым, другими русскими учеными, неоднократно приезжал на родину, помогал русским практикантам в своем знаменитом институте.

Профессиональных историков давно уже не удовлетворял многолетний труд Н.М. Карамзина «История государства Российского». Было выявлено много новых источников по истории России, усложнились представления об историческом процессе. В 1851 г. вышел первый том «Истории России с древнейших времен», написанный молодым профессором Московского университета Сергеем Михайловичем Соловьевым (1820—1879). С тех пор в течение многих лет ежегодно

выходил новый том его «Истории». Последний, 29-й том вышел в 1880 г. События были доведены до 1775 г.

Сравнивая историческое развитие России и других стран Европы, Соловьев находил много общего в их судьбах. Отмечал он и своеобразие исторического пути России. По его мнению, оно заключалось в промежуточном ее положении между Европой и Азией, в вынужденной многовековой борьбе со степными кочевниками. Сначала наступала Азия, полагал Соловьев, а примерно с XVI в. в наступление перешла Россия — передовой форпост Европы на Востоке.

«История России» С.М. Соловьева написана на высоком профессиональном уровне, до сих пор используется специалистами, переиздается. Она знакома всем, кто интересуется отечественной историей. Однако стиль изложения в ней несколько суховат, в этом отношении она уступает «Истории» Карамзина.

Учеником С.М. Соловьева был Василий Осипович Ключевский (1841—1911). Он сменил своего учителя на кафедре русской истории в Московском университете. В согласии с духом нового времени Ключевский проявил большой интерес к социально-экономическим вопросам. Он старался детально проследить процесс складывания крепостных отношений на Руси, выявить их суть с экономической и юридической точек зрения. Ключевский обладал незаурядным даром живого, образного изложения. Его «Курс русской истории», составленный на основании университетских лекций, до сих пор имеет широкую читательскую аудиторию.

Ключевский вел тихую, размеренную жизнь кабинетного ученого, внешне небогатую событиями. «В жизни ученого и писателя, — говорил он, — главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли».

Широкую известность не только в России, но и за рубежом получили крупнейшие русские ученые, работавшие в области всеобщей истории. Максим Максимович Ковалевский (1851—1916) прославился своими трудами по истории европейской крестьянской общины. Особое значение для русского читателя имела его работа «Происхождение современной демократии», где рассматривались поворотные моменты европейской истории конца XVIII в.

Во второй половине XIX в. русские ученые добились значительных успехов в разных отраслях знаний. Москва и Петербург вошли в число мировых научных центров.

§ 2. Русские путешественники

Особое значение имели достижения русских ученых области географических исследований. Русские путешественники побывали в таких местах, куда прежде не ступала нога европейца. Во второй половине XIX в. их усилия были сосредоточены на исследовании глубинных районов Азии.

Начало экспедициям в глубь Азии было положено Петром Петровичем Семеновым-Тянь-Шанским (1827—1914), географом, статистиком, ботаником. Он совершил ряд путешествий в горы Средней Азии, на Тянь-Шань. Возглавив Русское географическое общество, он стал играть ведущую роль в разработке планов новых экспедиций. По его инициативе было предпринято многотомное издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества».

С Русским географическим обществом была связана деятельность и других путешественников — П.А. Кропоткина и Н.М. Пржевальского.

П.А. Кропоткин в 1864—1866 гг. совершил путешествие по Северной Маньчжурии, Саянам и Витимскому плоскогорью. В дальнейшем он стал известным революционером.

Николай Михайлович Пржевальский (1839—1888) первую свою экспедицию совершил по Уссурийскому краю, затем его пути пролегли через самые труднодоступные районы Центральной Азии. Он несколько раз пересек Монголию, Северный Китай, исследовал пустыню Гоби, Тянь-Шань, побывал в Тибете. Он умер в пути, в начале своей последней экспедиции. В связи с известием о его смерти А.П. Чехов писал, что такие «подвижники нужны как солнце». «Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, — добавлял он, — они возбуждают, утешают и облагораживают... Если положительные типы, создаваемые литературой, составляют ценный воспитательный материал, то те же самые типы, даваемые самою жизнью, стоят вне всякой цены».

Заокеанские путешествия русских ученых во второй половине XIX в. приобрели более целенаправленный характер. Если прежде они, в основном, ограничивались описанием и нанесением на карту береговой линии, то теперь изучались быт, культура, обычаи местных народов. Это направление, начало которому в XVIII в. положил С.П. Крашенинников, было продолжено Николаем Николаевичем Миклухо-Макла-

ем (1846—1888). Первые свои путешествия он совершил на Канарские острова и по Северной Африке. В начале 70-х годов он посетил ряд островов Тихого океана, изучал быт местных народов. 16 месяцев прожил он среди папуасов на северо-восточном берегу Новой Гвинеи (это место с тех пор называется «берегом Маклая»). Русский ученый завоевал доверие и любовь местных жителей. Затем он путешествовал по Филиппинам, Индонезии, Малакке, вновь возвращался на «берег Маклая». Составленные ученым описания быта и нравов, хозяйства и культуры народов Океании в значительной части были опубликованы лишь после его смерти.

Мировая географическая наука в те годы во многом опиралась на достижения русских исследователей. К концу XIX в. завершилась эпоха географических открытий. И только ледяные просторы Арктики и Антарктики все еще хранили многие свои тайны. Героическая эпопея последних географических открытий, активное участие в которых приняли русские исследователи, падает на начало XX в.

§ 3. Большой мир русской культуры

Во второй половине XIX в. перед русскими зодчими встали новые задачи. Прежде они строили, в основном, дворцы и храмы, а теперь приходилось проектировать железнодорожные вокзалы, фабричные корпуса, громадные магазины, банки. Расширилось применение железа и стекла, началось использование бетона.

Теперь, в век денег и чистогана, надо было думать прежде всего не о красоте здания, а о его назначении — функции. Правда, сначала архитекторы пытались ее скрывать. Первые вокзалы, построенные К.А. Тоном, с фасадов больше походили на ратушу. И только в облике Балтийского вокзала в Петербурге, построенного А.И. Кражау в 1857 г., впервые нашла художественное выражение главная функция этого здания. Огромный застекленный арочный проем в верхней части фасада как бы выводил наружу пространство крытого перрона и переносил человека в атмосферу железной дороги со сверкающими лентами стальных путей, клубами пара, стуком колес.

В это же время, по примеру Западной Европы, в России началось строительство торговых пассажей. Европейский

пассаж, прорезая толщу тесно застроенного квартала, имел два фасада (на параллельных улицах) и застекленную галерею. По ее сторонам в два яруса шли торговые ряды. Первые пассажи в России появились еще при Николае I. В Москве Голицынский пассаж соединил Петровку и Неглинную. В Петербурге пассаж был построен между Невским проспектом и Итальянской улицей. Пассажи стали местом прогулок и светских встреч.

В дальнейшем в композициях больших торговых зданий стали совмещаться черты пассажа и традиционного русского гостиного двора. Такое здание занимало весь квартал, и по нему, как по пассажи, можно было пройти с одной улицы на другую. Так было построено Главное здание Нижегородской ярмарки (архитекторы К.В. Трайман, А.Т. Тромбицкий, А.И. фон Гоген). Оно имело трехъярусную галерею.

В 1889—1893 гг. были построены Верхние торговые ряды в Москве (архитектор А.Н. Померанцев). В те времена это было самое крупное торговое здание в России (ныне в нем размещается ГУМ). Три трехъярусные галереи соединили Никольскую улицу и Ильинку. Три поперечных нефа позволили переходить с галереи на галерею. Центральный световой купол строился по проекту инженера В.Г. Шухова. С технической, функциональной точки зрения Верхние торговые ряды представляли максимум возможных тогда удобств. Неброская архитектура этого здания позволила избежать разрушения ансамбля Красной площади.

Во второй половине XIX в. в России не строилось больших, парадных театральных зданий. Новые здания были менее монументальны, имели меньшее число ярусов и более глубокий амфитеатр. Таковы лучшие театральные здания того времени, построенные В.А. Шретером в Рыбинске, Иркутске и Нижнем Новгороде. Демократизация театрального искусства повлекла за собой строительство маленьких театров — в столицах и провинции. Иногда театр строился в одном комплексе с пассажем, гостиницей и рестораном.

В эти же годы было построено несколько крупных музеев. В 1877 г. был открыт Политехнический музей в Москве (архитекторы И.А. Монигетти и Н.А. Шохин). Большим событием в культурной жизни России стало открытие Исторического музея на Красной площади. Его строительство велось с 1875 по 1883 г. Проект был разработан В.О. Шервудом при участии историка И.Е. Забелина, знатока старой Москвы.

Архитектура не успевала осваивать те новые типы зданий, которые быстро распространялись в пореформенной России. Принцип «умного выбора», положивший начало периоду эклектики, быстро показал свою несостоятельность. Декоративные украшения разных эпох и стилей (вплоть до мавританского) накладывались на здания, с которыми не имели ничего общего. Тот же Балтийский вокзал, в композиционном отношении блестяще задуманное сооружение, оформлен был в стиле Ренессанса. Некоторые другие вокзалы строились в «готическом вкусе».

«Русский стиль» стал применяться при строительстве не только храмов, но и светских сооружений. Однако в его использовании возникли сложности. «Русско-византийская» стилистика К.А. Тона была слишком парадной, торжественной. Она не подходила для зданий, имеющих более обыденное, бытовое назначение. Поэтому появилась новая разновидность «русского стиля». Она основывалась на традициях резьбы по дереву, народной вышивки. Широко использовались башенки, резные наличники, бочкообразные столбики и другие элементы деревянного зодчества. В дереве все это смотрелось легко и изящно, в каменном же исполнении приводило к созданию очень тяжелых архитектурных форм. В таком стиле были построены Главный дом Нижегородской ярмарки, Политехнический музей.

Многие современники сомневались в высоких эстетических достоинствах «мраморных полотенцев» и «кирпичной вышивки». Главное же, «русский стиль», как и «неоготика» или «неоренессанс», остался лишь внешним оформлением построек, органически не слитым с их функцией. Здания вокзалов, магазинов можно было совершенно «раздеть», лишить внешнего декора — и они продолжали бы исполнять свое предназначение. Между тем в архитектуре эпохи классицизма или Древней Руси были органически слиты и внешняя отделка, и внутренняя композиция здания, и его пространственное размещение.

Зодчим XIX века не удалось разгадать тайну живой и часто асимметричной гармонии древнерусской архитектуры. Главное же, в новых условиях она была так же невозпроизводима, как византийская архитектура или средневековая готика, рублевская иконопись или живопись Возрождения. Проблема нового стиля так и не была решена в течение всего затянувшегося периода эклектики.

Сходные проблемы, хотя и не столь остро, стояли в области скульптуры.

В конце 50-х годов XIX в. был объявлен конкурс на создание памятника «Тысячелетие России». Его намечено было воздвигнуть в Новгороде в 1862 г. в ознаменование тысячелетия со времени призвания Рюрика новгородцами. Победителем конкурса стал 25-летний выпускник Академии художеств Михаил Осипович Микешин (1835—1896). Под его руководством в работе над памятником принимала участие многочисленная группа ваятелей. В скульптурных изображениях, опоясывающих сооружение, были запечатлены основные вехи в истории России. Здесь мы видим великих князей, царей, императоров, выдающихся полководцев и флотоводцев, поэтов и писателей, композиторов и многих других славных сынов России. Всего было отлито 129 скульптурных фигур. Верхняя часть монумента, в виде шара, символизирует державу — эмблему царской власти. Коленопреклоненная женщина на шаре олицетворяет Россию. Ее осеняет крестом крылатый ангел.

Позднее по проекту Микешина был сооружен памятник Екатерине II в Петербурге. Дробная многофигурность, отличающая оба памятника, — своеобразная дань эпохе эклектики. В «Тысячелетии России» это выглядит оправданно, в памятнике Екатерине — не столь удачно. Отказавшись от многофигурных композиций, Микешин создал очень динамичный памятник Богдану Хмельницкому в Киеве.

В работе над «Тысячелетием России» принимал участие Александр Михайлович Опекушин (1838—1923), выходец из крепостных крестьян. Самым значительным его произведением стал памятник А.С. Пушкину. На его открытие в 1880 г. собрались многие выдающиеся деятели русской культуры. Среди выступавших был Ф.М. Достоевский. С тех пор уже более ста лет стоит на Тверской задумчивый Пушкин — один из лучших московских памятников.

* * *

Это произошло 9 ноября 1863 г. Большая группа выпускников Академии художеств отказалась писать конкурсные работы на предложенную тему из скандинавской мифологии и покинула Академию. Во главе бунтарей стоял Иван Нико-

лаевич Крамской (1837—1887). Они объединились в артель и стали жить коммуной. Через семь лет она распалась, но к этому времени зародилось «Товарищество передвижных художественных выставок», профессионально-коммерческое объединение художников, стоявших на близких идейных позициях.

«Передвижники» были едины в своем неприятии «академизма» с его мифологией, декоративными пейзажами и напыщенной театральностью. Они хотели изображать живую жизнь. Ведущее место в их творчестве заняли жанровые (бытовые) сцены. Особой симпатией «передвижников» пользовалось крестьянство. Они показывали его нужду, страдания, угнетенное положение. В ту пору — в 60—70-е годы XIX в. — идейная сторона искусства ценилась выше, чем эстетическая. Лишь со временем художники вспомнили о самоценности живописи.

Пожалуй, самую большую дань идейности отдал Василий Григорьевич Перов (1834—1882). Достаточно вспомнить его картины «Приезд станового на следствие», «Чаепитие в Мытищах». Некоторые работы Перова проникнуты подлинным трагизмом («Тройка», «Старики-родители на могиле сына»). Кисти Перова принадлежит ряд портретов его знаменитых современников (Островского, Тургенева, Достоевского).

Некоторые полотна «передвижников», написанные с натуры или под впечатлением от увиденного, обогатили наши представления о крестьянской жизни. В картине С.А. Коровина «На миру» показана стычка на сельском сходе между богачом и бедняком. В.М. Максимов запечатлел ярость, слезы и горе семейного раздела. Торжественная праздничность крестьянского труда отражена в картине Г.Г. Мясоедова «Косцы».

В творчестве Крамского главное место занимала портретная живопись. Он писал Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Некрасова. Ему принадлежит один из лучших портретов Льва Толстого. С особой силой талант и мастерство художника раскрылись в картине «Христос в пустыне».

«Передвижники» совершили подлинные открытия в пейзажной живописи. Алексей Кондратьевич Саврасов (1830—1897) сумел показать красоту и тонкий лиризм простого русского пейзажа. Его картина «Грачи прилетели» (1871) заставила многих современников по-новому взглянуть на родную природу.

Федор Александрович Васильев (1850—1873) прожил короткую жизнь. Его творчество, оборвавшееся в самом начале, обогатило отечественную живопись рядом динамичных, волнующих пейзажей. Художнику особенно удавались переходные состояния в природе: от солнца к дождю, от затишья к буре.

Певцом русского леса, эпической широты русской природы стал Иван Иванович Шишкин (1832—1898). Архипа Ивановича Куинджи (1841—1910) привлекала живописная игра света и воздуха. Таинственный свет луны в редких облаках, красные отсветы зари на белых стенах украинских хат, косые утренние лучи, пробивающиеся сквозь туман и играющие в лужицах на раскисшей дороге — эти и многие другие живописные открытия запечатлены на его полотнах.

Своей вершины русская пейзажная живопись XIX в. достигла в творчестве ученика Саврасова Исаака Ильича Левитана (1860—1900). Левитан — мастер спокойных, тихих пейзажей. Человек очень робкий, стеснительный и ранимый, он умел отдыхать только наедине с природой, проникаясь настроением полюбившегося пейзажа.

Однажды он приехал на Волгу писать солнце, воздух и речные просторы. Но солнца не было, по небу ползли бесконечные тучи, не прекращались унылые дожди. Художник нервно начал, пока не обнаружил особую прелесть сизо-сиреневых красок русского ненастья. С той поры верхняя Волга, заштатный городок Плес прочно вошли в его творчество. В тех краях он создал свои «дождливые» работы: «После дождя», «Хмурый день», «Над вечным покоем». Там же были написаны умиротворенные вечерние пейзажи: «Вечер на Волге», «Вечер. Золотой плес», «Вечерний звон», «Тихая обитель».

В последние годы жизни Левитан обратил внимание на творчество французских художников-импрессионистов (Э. Моне, К. Моне, К. Писсарро). Он понял, что у него с ними много общего, что их творческие поиски шли в том же направлении. Как и они, он предпочитал работать не в мастерской, а на воздухе (на «пленэре», как говорят художники). Как и они, он осветлил палитру, изгнав темные, землистые краски. Как и они, он стремился запечатлеть мимолетность бытия, передать движения света и воздуха. В этом они пошли дальше него, но почти растворили в световоздушных потоках объемные формы (дома, деревья). Он избежал этого.

«Картины Левитана требуют медленного рассматривания, — писал большой знаток его творчества К.Г. Паустовский. — Они не ошеломляют глаз. Они скромны и точны, подобно чеховским рассказам, но чем дольше вглядываешься в них, тем все милее становится тишина провинциальных посадов, знакомых рек и проселков».

На вторую половину XIX в. приходится творческий расцвет И.Е. Репина, В.И. Сурикова и В.А. Серова.

Илья Ефимович Репин (1844—1930) родился в г. Чугуеве, в семье военного поселенца. Ему удалось поступить в Академию художеств, где его учителем стал П.П. Чистяков, воспитавший целую плеяду знаменитых художников (В.И. Сурикова, В.М. Васнецова, М.А. Врубеля, В.А. Серова). Многому научился Репин также у Крамского. В 1870 г. молодой художник совершил путешествие по Волге. Многочисленные этюды, привезенные из путешествия, он использовал для картины «Бурлаки на Волге» (1872). Она произвела сильное впечатление на общественность. Автор сразу выдвинулся в ряды самых известных мастеров.

Не меньшее впечатление, чем «Бурлаки», производит картина Репина «Крестный ход в Курской губернии». Яркое голубое небо, пронизанные солнцем облака дорожной пыли, золотое сияние крестов и облачений, полиция, простой народ и калеки — все уместилось на этом полотне — величие, сила, немощь и боль России.

Во многих картинах Репина затрагивается революционная тематика («Отказ от исповеди», «Не ждали», «Арест пропагандиста»). Революционеры на его картинах держатся просто и естественно, чуждаясь театральных поз и жестов. На картине «Отказ от исповеди» приговоренный к смерти слово было нарочно спрятал руки в рукава. Художник явно сочувствовал героям своих картин.

Ряд репинских полотен написан на исторические темы («Иван Грозный и его сын Иван», «Запорожцы, сочиняющие письмо турецкому султану» и др.). Репин создал целую галерею портретов ученых (Пирогова, Сеченова), писателей (Толстого, Тургенева, Гаршина), композиторов (Глинки, Мусоргского), художников (Крамского, Сурикова). В начале XIX в. он получил заказ на картину «Торжественное заседание Государственного совета». Художнику удалось не только композиционно разместить на полотне такое большое число

присутствующих, но и дать психологическую характеристику многим из них. Среди них были такие известные деятели, как С.Ю. Витте, К.П. Победоносцев, П.П. Семенов-Тянь-Шанский. Малозаметен на картине, но очень тонко выписан Николай II.

Василий Иванович Суриков (1848—1916) родился в Красноярске, в казачьей семье. Расцвет его творчества приходится на 80-е годы, когда он создал три самые знаменитые свои исторические картины: «Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Березове» и «Боярыня Морозова».

Суриков хорошо знал быт и нравы прошлых эпох, умел давать яркие психологические характеристики. Кроме того, он был прекрасным колористом. Достаточно вспомнить ослепительно-свежий, искрящийся снег в «Боярыне Морозовой».

Валентин Александрович Серов (1865—1911), сын композитора, писал пейзажи, полотна на исторические темы, работал как театральный художник. Но славу ему принесли прежде всего портреты.

В 1887 г. 22-летний Серов отдыхал в Абрамцеве, подмосковной даче мецената С.И. Мамонтова. В обществе его многочисленных детей молодой художник был своим человеком, вольным или невольным участником их шумных игр. Однажды после обеда в столовой случайно задержались двое — Серов и 12-летняя Веруша Мамонтова. Они сидели за столом, на котором остались персики, и за разговором Веруша не заметила, как художник начал набрасывать ее портрет. Работа растянулась на месяц, и Веруша сердилась, что Антон (так по-домашнему звали Серова) заставляет ее часами сидеть в столовой.

В начале сентября «Девочка с персиками» была закончена. Несмотря на небольшой размер, картина, написанная в розово-золотистых тонах, казалась очень «просторной». В ней много света и воздуха. Девочка, присевшая за стол как бы на минуту и остановившая свой взор на зрителе, зачаровывала ясностью и одухотворенностью. Да и все полотно овеяно чисто детским восприятием повседневности, когда счастье себя не сознает, а впереди — целая жизнь.

Обитатели абрамцевского дома, конечно, понимали, что на их глазах свершилось чудо. Но только время дает окончательные оценки. Оно и поставило «Девочку с персиками»

в ряд лучших портретных работ в русской и мировой живописи.

На следующий год Серов сумел почти повторить свое волшебство. Он написал портрет своей сестры Марии Симанович («Девушка, освещенная солнцем»). Название закрепилось немного неточное: девушка сидит в тени, а лучами утреннего солнца освещена поляна на втором плане. Но на картине все так слитно, так едино — утро, солнце, лето, молодость и красота, что лучшее название трудно придумать.

Серов стал модным портретистом. Ему позировали известные писатели, артисты, художники, предприниматели, аристократы, даже цари. По-видимому, не ко всем, кого он писал, лежала у него душа. Некоторые великосветские портреты, при филигранной технике исполнения, получились холодными.

Несколько лет Серов преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Он был требовательным педагогом. Противник застывших форм живописи, Серов вместе с тем считал, что творческие поиски должны основываться на твердом владении техникой рисунка и живописного письма. Многие выдающиеся мастера считали себя учениками Серова: М.С. Сарьян, К.Ф. Юон, П.В. Кузнецов, К.С. Петров-Водкин.

Многие картины Репина, Сурикова, Левитана, Серова, «передвижников» попали в собрание Третьякова. Павел Михайлович Третьяков (1832—1898) происходил из старинного московского купеческого рода. Худой и высокий, с окладистой бородой и тихим голосом, он более походил на святого, чем на купца. Сбирать картины русских художников начал с 1856 г. Увлечение переросло в главное дело жизни. В начале 90-х годов собрание достигло уровня музея, поглотив почти все состояние собирателя. Позднее оно перешло в собственность Москвы. Третьяковская галерея стала всемирно известным музеем русской живописи, графики и скульптуры.

В 1898 г. в Петербурге, в Михайловском дворце (творение К. Росси), был открыт Русский музей. В него поступили произведения русских художников из Эрмитажа, Академии художеств и некоторых императорских дворцов. Открытие этих двух музеев как бы увенчало достижения русской живописи XIX в.

60—70-е годы XIX в. вошли в историю русского театра как время А.Н. Островского. Его пьесы составляли основу репертуара Малого театра в Москве. Широко представлены они были и на сцене Александринского театра в Петербурге.

В провинциальных театрах в конце '50-х годов нередко еще игрались спектакли с превращениями, провалами под сцену, бенгальскими огнями, летающими драконами и прочей буффонадой. Позднее такие пьесы стали давать только на ярмарках для «простолюдов», а в репертуаре основное место заняла серьезная драматургия. К концу 60-х годов в провинциальных театрах шло 23 пьесы Островского, 6 — Гоголя, 4 — Тургенева. В 1863 г. к повсеместной постановке разрешили «Горе от ума» Грибоедова. Из трилогии А.К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис» только первая пьеса была поставлена при жизни автора. Другие долго оставались под запретом. Считалось, что они умаляют царское достоинство. Лишь в конце века запрет был снят.

В 80—90-е годы в репертуар стали входить пьесы Достоевского и Чехова. Из пьес Шекспира чаще всего ставили «Гамлета». Большое место в репертуаре занимали мелодрамы — Шиллера, Гюго, Дюма-отца и других иностранных авторов, ныне забытых. Многие их пьесы в художественном отношении были неприятны. Критика разносила их в клочья, но публика буквально ломилась на мелодрамы, и без них театр не смог бы сводить концы с концами.

Театр, из всех видов искусства в то время самый доступный для публики, стал центром культурной жизни провинции. Театральные труппы заезжали даже в уездные города. Признанными театральными центрами, кроме столиц, считались Казань, Саратов, Астрахань, Воронеж.

Русский театр испытывал много разных притеснений и ограничений. До 80-х годов в столицах существовала монополия императорских театров. Частные театры в Петербурге и Москве появились лишь в конце века. Театральная цензура была очень придирчивой: то, что шло в столицах, не всегда разрешалось в провинции; то, что дозволялось к печати, не всегда допускалось к постановке.

С другой стороны, суровое шефство над театром взяла демократическая критика, столичная и провинциальная, рав-

нившаяся на «Современник». От театра требовали соответствия его постановок «передовым идеям». Беспомощность и жалтура драматурга или актера карались не очень строго, если пьеса отвечала «духу времени».

В 1863 г. умер М.С. Щепкин. С ним ушла целая полоса в истории русского театра — театра времен Гоголя. Щепкин искал в своих героях прежде всего привлекательные черты. Его искусство утверждало благородство «маленького человека». «Новый театр» сосредоточился на критике социальных условий и показе «социальных типов». Это было полезное дело, пока оно не доходило до упрощения, до откровенной тенденциозности. Театру 60-х годов была свойственна некоторая прямолинейность.

В последующие годы этот недостаток был изжит, но зато снизилась идейная заряженность. На смену «социальным типам» пришли «психологические типы». Театру вновь стал интересен внутренний мир обыкновенного человека. Это подготовило приход «театра Чехова» с его тихими драмами повседневности.

В середине XIX в. в Малом театре ярко блистал талант Прова Михайловича Садовского (1818—1872). Свой путь артиста он начинал в провинции. Играл в разных городах. На казанской сцене его увидел Щепкин и пригласил в Малый театр. Москвичам пришелся по душе своеобразный юмор этого актера, который в самых комических сценах оставался серьезным. В «Ревизоре» Щепкин играл Городничего, а Садовский — Осипа.

Главное место в творчестве Садовского заняла драматургия Островского. В 28 его пьесах он исполнил 29 ролей. Играл и Дикого, и Тита Титыча («В чужом пиру похмелье»), но, пожалуй, лучшей его ролью из Островского был Любим Торцов («Бедность не порок»). Это был образ человека, тяжело переживающего свое падение и сохранившего лучшие черты своего характера. В те годы, когда критика требовала от артистов «социальных типов», Садовский давал и психологические портреты своих персонажей. Большой мастер русской речи, он всегда тщательно разрабатывал текст ролей. Оттого каждый его персонаж по-особому говорил и держался. Во многом благодаря Садовскому в Малом театре сохранились и были развиты традиции Щепкина.

Пристальное внимание современников привлекало творчество Пелагеи Антипьевны Стрепетовой (1850—1903). Вос-

питывалась она в семье театрального парикмахера, родители ее неизвестны. Когда Стрепетова начала выступать на сцене, ей давали комедийные и опереточные роли. Не имея никакого успеха, актриса переезжала из города в город. И только в Казани ей доверили роли Лизаветы («Горькая судьбина» А. Ф. Писемского) и Катерины в «Грозе». У Стрепетовой была сутулая фигура, движения были резки и угловаты. Играла она не всегда ровно. Но лучшие ее выступления производили потрясающее впечатление. «Не играет, а живет на сцене», — говорили о ней критики.

Жизнь сложилась так, что Стрепетова не сыграла ни одной роли из Достоевского. Но многие говорили об их духовном родстве. Покаяние и искупление страданием — эти мотивы, столь близкие Достоевскому, пронизывали творчество великой русской актрисы.

В 1881 г. Стрепетову пригласили в Александринский театр. Здесь она играла в пьесах Островского, Чехова. Но в целом репертуар петербургского театра был ей чужд. К тому же из-за своего прямого и резкого характера она не поладила с дирекцией и в 1890 г. ушла из театра. Заканчивала свой творческий путь снова в провинции. Те, кому посчастливилось видеть в роли Катерины Стрепетову и Ермолову, говорили, что Стрепетова трагичнее, а Ермолова проще, теплей.

Мария Николаевна Ермолова (1853—1928) родилась в семье суфлера Малого театра. В 1871 г. она впервые вышла на его сцену. Она мечтала о героических ролях, а ей давали роли болтливых барышень из водевилей. Только через два года, с блеском исполнив роль Катерины, она доказала, в чем ее призвание. В 1876 г. она сыграла роль Лауренсии в пьесе Лопе де Вега «Овечий источник». В роли простой девушки, поднимающей народ на восстание против угнетателей, талант Ермоловой раскрылся во всей полноте. Спектакль имел огромный успех, но власти заподозрили в этом политическую демонстрацию. «Овечий источник» был снят с репертуара.

Ермолова, оставшись без главной роли, несколько лет добивалась разрешения на постановку «Орлеанской девы» Ф. Шиллера. В 1884 г. премьеры, наконец, состоялась. Ермолова исполнила роль Жанны д'Арк. Она играла эту роль 18 лет. Желающих побывать на спектакле было так много, что его перенесли на сцену Большого театра.

Громкую славу Ермоловой принесли героико-романтические роли. Но в трагедиях ей удавались и тихие, женствен-

ные роли: Катерины в «Грозе», Офелии в «Гамлете». Если Садовский продолжил и развил традиции Щепкина, то Ермолова — Мочалова.

Русский театр XIX века — это преимущественно театр актера. Только в очень слаженной труппе просматривался ансамбль. Обычно же каждый актер играл свою роль в силу собственного разумения. Слабым местом театра была режиссура. Редко появлялись спектакли, отмеченные ярким режиссерским решением.

В 1898 г. возник Московский Художественный театр, который возглавили К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко. Его расцвет приходится на первые годы XX в., когда в истории русского театра наступили новые времена.

* * *

Дело создания национальной русской музыки, начатое М. И. Глинкой, в середине XIX в. было еще далеко не закончено. На оперных сценах по-прежнему тон задавали итальянские артисты, в концертных залах почти не звучала русская музыка.

В 60-е годы в Петербурге сплотилась небольшая группа композиторов, задавшаяся целью продолжить дело М. И. Глинки. Впоследствии эту группу назвали «Могучей кучкой». Ее главным организатором и теоретиком был Милий Алексеевич Балакирев (1836—1910). В 1866 г., после кропотливой работы, он издал «Сборник русских народных песен». В состав «Могучей кучки» входили М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков, А. П. Бородин.

В 1873 г. была поставлена «Псковитянка» — первая опера Николая Андреевича Римского-Корсакова (1844—1908). Она занимает особое место в его творчестве. По силе и глубине музыкального драматизма «Псковитянка» превосходит почти все другие его оперы. По верности же и последовательности в проведении национального колорита она стала в один ряд с операми Глинки. Народными песенными мелодиями пронизана вся музыка «Псковитянки», с особой силой они звучат во втором акте, где изображается псковское вече. Многие другие оперы Римского-Корсакова написаны на сказочные сюжеты. Акварельной прозрачностью отличается музыка «Снегурочки», грустной сказки о весне и первой любви.

Музыкальная драма занимала главное место в творчестве Модеста Петровича Мусоргского (1839—1881). Влечение к музыке он почувствовал с шести лет. Но профессия музыканта считалась недостойной дворянина. Мусоргского отдали в Школу гвардейских подпрапорщиков. Однако он не забывал о музыке, брал частные уроки, а после знакомства с Даргомыжским и Балакиревым вышел в отставку и целиком посвятил себя любимому делу. В 1869 г. он предложил дирекции императорских театров оперу «Борис Годунов» (по драме Пушкина). В 1874 г. она была поставлена в петербургском Мариинском театре.

Постановка не имела успеха. Публика оказалась не готовой к восприятию русской музыкальной драмы. Критики осыпали насмешками творение Мусоргского, преувеличивая недостатки и замалчивая достоинства. У композитора наступила длительная депрессия, связанная с непризнанием его творчества, одиночеством, бедностью. Умер он в солдатском госпитале.

Мусоргский оставил незаконченной музыкальную драму «Хованщина» (из эпохи стрелецких бунтов при Петре I). Римский-Корсаков привел в порядок рукописи Мусоргского и по возможности доработал его произведения. Некоторые места в «Хованщине» (например, «Рассвет над Москвой-рекой») необыкновенно красивы. Кульминационные сцены полны захватывающего драматизма. «Борис Годунов» и «Хованщина» многие годы не сходят с оперных подмостков в нашей стране и за рубежом.

«Князь Игорь», единственная опера Александра Порфирьевича Бородина (1833—1887), была поставлена после его смерти. Опера отличается правдивостью и красотой национального колорита, которому противопоставляется восточный (половецкий) колорит.

Бородин был профессором химии, музыкой же занимался в немногие часы досуга. Тем удивительней та легкость, с которой он решал сложные музыкальные задачи и в опере и в симфониях (Вторую его симфонию критики назвали «Богатырской»). Бородин стремился к широте и эпичности музыкального повествования. Это не лишало его музыку задушевности и тонкой лиричности.

Деятельность «Могучей кучки» — настолько яркое явление в русской культуре, что современники говорили о «музыкальной революции» 60—70-х годов. С блеском справив-

шись с поставленной задачей, «Могучая кучка» окончательно утвердила в музыке русские национальные начала.

Петр Ильич Чайковский (1840—1893) не входил в «Могучую кучку». Он тяготел к общеевропейским музыкальным формам, хотя в его музыке чувствуется принадлежность к русской школе. Его опера «Евгений Онегин», написанная для консерваторского спектакля в Москве, вскоре была поставлена в театре, а затем завоевала мировое признание. Свежесть и изящество, тонкая отделанность, мелодическое богатство и проникновенная лиричность — основные черты музыки Чайковского. Особенно ярко они проявились в его симфонических поэмах «Ромео и Джульетта», «Буря», «Франческа да Римини». Из симфоний особо выделяется последняя, Шестая, написанная незадолго до смерти и пронизанная предчувствием надвигающейся трагедии.

Балеты Чайковского («Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик») вошли в мировую балетную классику. Чайковский написал более ста романсов, много других произведений. Все их трудно перечислить. Музыка его, в европейских одеждах и с русской душой, — гордость России и достояние всего мира.

Таким образом, вторая половина XIX в. — время окончательного утверждения и закрепления национальных форм и традиций в русском искусстве. Наиболее успешно это произошло в музыке, менее успешно — в архитектуре. В живописи «русская тема» выражалась в жанровых сценках из крестьянской жизни, в исторических полотнах Репина и Сурикова, в пейзаже «проселочной России». Русская культура не замыкалась в национальных рамках, не отделялась от культуры остального мира. Достижения зарубежного искусства находили отклик в России. В свою очередь, русская культура (прежде всего литература и музыка) получила всемирное признание. Русская культура заняла почетное место в семье европейских культур.

* * *

До последней четверти XIX в. газеты в России не имели широкого распространения. Основным видом повременных изданий оставались журналы. В период отмены крепостного права самым популярным из них был «Современник». При

Чернышевском и Добролюбом его тираж превышал 7 тыс. экземпляров. Ни одно издание не имело тогда такого тиража. В 1862 г. «Современник» был приостановлен на 8 месяцев. После возобновления журнала в 1863 г. руководящая роль в нем перешла к М.Е. Салтыкову-Щедрину. Вплоть до окончательного закрытия в 1866 г. «Современник» оставался лучшим из демократических журналов.

В 1868 г. Некрасов и Салтыков-Щедрин взяли в аренду «Отечественные записки». В истории журнала начался новый взлет. В нем печатались произведения Салтыкова-Щедрина, стихотворения Некрасова, очерки Г.И. Успенского. В это время «Отечественные записки» играли в русском обществе примерно такую же роль, как при Белинском. Зная об огромной популярности журнала, власти до 1884 г. не решались его закрыть.

В 1876 г. был основан журнал «Русское богатство». На первых порах это было специализированное издание по вопросам коммерции. Но в 1879 г. оно приобрело народническое направление. Идеальным руководителем журнала стал Н.К. Михайловский. На страницах «Русского богатства» печатались произведения Г.И. Успенского, В.М. Гаршина, В.Г. Короленко, А.М. Горького, А.И. Куприна. «Русское богатство» играло в общественном движении более скромную роль, чем «Отечественные записки». Но журнал, просуществовавший до 1918 г., всегда твердо отстаивал свою линию, избегая крайностей, не заискивая ни перед правительством, ни перед общественным мнением.

В начале 60-х годов самым известным журналом либерального направления был «Русский вестник», выходивший в Москве под редакцией М.Н. Каткова. Пока журнал стоял за конституцию, в нем сотрудничали К.Д. Кавелин, А.М. Унковский, С.М. Соловьев и другие видные либералы, печатали свои произведения М.Е. Салтыков-Щедрин, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой. Но в 1862 г. журнал круто изменил свою позицию, перешел в лагерь консерваторов и утратил былое влияние.

В 1866 г. после долгого перерыва возобновилось издание «Вестника Европы». Теперь журнал выходил в Петербурге. 42 года «Вестник Европы» редактировал известный историк М.М. Стасюлевич. В журнале сотрудничали К.Д. Кавелин, А.Ф. Кони, В.О. Ключевский, М.М. Ковалевский, В.Д. Спасович (знаменитый адвокат). «Вестник Европы» стал журна-

лом ученых и профессоров. По числу подписчиков он уступал только «Отечественным запискам». На протяжении многих лет у Стасюлевича ежегодно собирались ближайшие друзья журнала. Постоянными гостями бывали здесь К.Д. Кавелин, И.А. Гончаров и В.Д. Спасович. Кавелин, любивший пошутить и пошутить, называл Стасюлевича «королем Артуром», а его гостей — «рыцарями круглого стола».

Старейшей русской газетой были «Санкт-Петербургские ведомости». Академия наук, официальный издатель газеты, сдавала ее в аренду частным лицам. В 1863 г., когда арендатором стал Е.Ф. Корш, «Санкт-Петербургские ведомости» приобрели либеральную направленность. Газета последовательно выступала против Д.А. Толстого, за что и поплатилась. Под нажимом правительства договор с Коршем был расторгнут, газета обесцветилась и оказилась.

Сложную судьбу претерпела другая старейшая русская газета — «Московские ведомости». Принадлежала она Московскому университету, который сдавал ее в аренду. В 1862 г., когда в очередной раз решался вопрос об аренде, одним из претендентов стал М.Н. Катков, имевший в то время репутацию либерала и англомана. Университет склонялся в пользу другой кандидатуры, но правительство неожиданно поддержало Каткова, который и получил аренду. Предварительно же, как видно, состоялось какое-то соглашение, потому что Катков, завладев газетой, сразу же покончил со своим либерализмом, начал громить «нигилистов» и требовать «твердой власти». «Московские ведомости» стали авангардом консервативных сил, упрекая правительство в нерешительности. Катков держал себя довольно независимо по отношению к властям. Некоторые министры его побаивались. После его смерти «Московские ведомости» сохранили воинственно-консервативный характер, ибо правительство сразу же подыскало достойного преемника.

В противовес «Московским ведомостям» с 1863 г. в Москве стала выходить газета «Русские ведомости». Она проповедовала конституционные идеи. Вокруг «Русских ведомостей» группировались земские деятели и либеральная профессура. В разное время в «Русских ведомостях» сотрудничали П.Л. Лавров, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, Н.К. Михайловский. Газета постепенно увеличивала тираж и к концу века заняла прочное место среди главных столичных газет.

После разгрома в 1875 г. «Санкт-Петербургских ведомостей» один из их сотрудников, никому не известный тогда А.С. Суворин, приобрел захудалую газету «Новое время», издававшуюся с 1868 г. Первое время с ним вместе работали некоторые его прежние коллеги по «Санкт-Петербургским ведомостям». Но вскоре они должны были уйти, ибо Суворин, как и Катков, перешел в консервативный лагерь.

В отличие от Каткова, Суворин не приобрел большого влияния в верхах. Он не пытался делать политику, а действовал как коммерсант. «Новое время», не печатавшее длинных трактатов и разгромных статей, но отличавшееся большой осведомленностью, стало первой массовой русской газетой. На грани XIX—XX вв. тираж «Нового времени» достигал 50—60 тыс. экземпляров. Суворинское предприятие стало выпускать ряд «дочерних» газет. Суворин открыл даже собственный театр.

В конце XIX в. большие газеты появились и в провинции. В Томске выходила либеральная «Сибирская жизнь», распространявшаяся по всей Сибири. На юге России была популярна газета «Приазовский край», издававшаяся в Ростове-на-Дону.

Все более заметной отраслью предпринимательства становилось книгоиздательское дело. Некоторые издатели стремились придать своей деятельности просветительскую направленность. Ф.Ф. Павленков (1839—1900), бывший офицер, за выпуск сочинений своего друга, критика-демократа Д.И. Писарева, попал в Петропавловскую крепость, а затем в ссылку. Вернувшись, он продолжил свое дело, издавая общественно-политическую, научную, художественную, детскую литературу. Особой популярностью пользовалась его серия «Жизнь замечательных людей», в которой вышло 130 томов.

И.Д. Сытин (1851—1934), сын волостного писаря из Костромской губернии, начинал с издания лубочных картинок, сонников, оракулов. Затем начал печатать буквари, календари, художественную и научно-популярную литературу — по дешевой цене в расчете на массовый спрос. В сытинском издательстве сосредоточился выпуск журналов для детей и юношества: «Мирок», «Заря», «Вокруг света», «Вестник спорта и туризма» и даже — «Модный журнал».

В конце XIX в. две издательские фирмы — Ф.А. Брокгауза (Лейпциг) и И.А. Ефрона (Петербург) задумали осуще-

ствить в России издание немецкой энциклопедии в переводе на русский язык с небольшим добавлением русского материала. Но редакция повернула дело к созданию самостоятельной русской энциклопедии. В работе над ней приняли участие Д.И. Менделеев, А.И. Воейков и другие ученые. «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, в 82 томах, вышел в свет в 1890—1907 гг. и стал лучшей российской энциклопедией.

Печать и книгоиздательское дело — неотъемлемая часть русской культуры. В условиях продолжавшегося цензурного гнета печать отстаивала свое право на выражение общественного мнения. Залогом ее независимости была финансовая самостоятельность. Получать казенные подачки считалось постыдным делом. Печать принимала все более массовый характер, дохода до широких слоев народа сначала в виде лубочной литературы, а потом все более серьезных изданий. В целом же русская культура, несмотря на трудности в экономике и политике, успешно развивалась на протяжении всего XIX века. Лучшие ее достижения известны далеко за пределами России и составляют подлинную славу нашей страны.

§ 4. Русская православная церковь во второй половине XIX в.

Подготовка реформы 1861 г. проходила в обстановке острой борьбы. В числе противников реформы находились и некоторые православные иерархи. Казанский епископ Афанасий в речи перед дворянами заявил, что «церковь не находит причин действовать своим влиянием к освобождению крестьян».

Противники реформы пытались опереться на поддержку московского митрополита Филарета. Он был давно уже не в опале, хотя продолжал безвыездно жить в своей епархии. К его голосу прислушивался Александр II. В то время Филарет был наиболее авторитетным представителем церкви. Зная о консерватизме Филарета, некоторые помещики обращались к нему с просьбой отговорить царя от реформы. Митрополит отвечал, что это дело вне круга его обязанностей. Подобную же уклончиво-выжидательную позицию занимала православная церковь в целом. Но отдельные ее служители высказы-

вались в пользу реформы. Калужский епископ Григорий в речи перед дворянским собранием заявил, что «улучшить быт крестьян — дело богоугодное».

Как ни сторонился Филарет крестьянской реформы, в круговорот событий вовлекся и он. В начале 1861 г. власти обратились к нему с просьбой написать текст манифеста об отмене крепостного права. Для переговоров в Москву был отправлен сенатор М.И. Тапильский. Уговаривая Филарета, он, по его признанию, употребил немало льстивых слов, митрополит же ссылался на недостаточное знакомство с «предметом поручения». Хотя во время беседы выяснилось, что секреты петербургских канцелярий митрополиту хорошо известны.

Согласившись исполнить поручение царя, митрополит действовал очень быстро. Работа была сделана за один день, 4 февраля. На следующий день Филарет послал председателю редакционных комиссий В.Н. Панину письмо с объяснениями к тексту. Митрополит подчеркивал, что он «исполнил только долг повиновения» и молится о том, чтобы государственным мужам были даны «проницательная мудрость и прямотдушная ревность». Это был намек на отсутствие у мужей таких качеств. Манифест об освобождении крестьян был обнародован в том виде, как написал его Филарет, с незначительными редакционными исправлениями.

Падение крепостного права изменило весь уклад русской жизни. Филарет опасался, как бы реформы не коснулись и церкви. Он писал, что ее внутреннее устройство «особенно нужно охранить от потрясения, когда многое потрясено». До конца своих дней сохранял он настороженное отношение к преобразованиям в церкви. А то благое дело, ради которого он когда-то принял опалу, было осуществлено уже после его смерти. В 1876 г. была издана Библия на русском языке.

Филарет был личностью выдающейся, хотя и противоречивой. Его деятельность не поддается однозначной оценке. С одной стороны, он всегда стремился охранить церковь от вмешательства светских властей — и при Александре II это ему в значительной степени удавалось. Принимал участие в крестьянской реформе. Но с другой стороны, он был мало восприимчив ко всему новому — особенно в последние годы жизни. Но среди высшего духовенства московский митрополит занимал, пожалуй, даже не самые консервативные позиции. Не один Филарет, а почти вся иерархия противилась

преобразованиям. И потому реформы 60-х годов лишь в не-большой степени коснулись православной церкви.

Когда не стало Филарета, государственное вмешательство в дела церкви многократно возросло — особенно при обер-прокуроре К.П. Победоносцеве. Церковь и государство в России, утверждал Победоносцев, должны находиться в неразрывной связи. Распадение ее губительно и для церкви, и для государства. «Безверное государство, — поучал Победоносцев, — есть не что иное, как утопия, невозможная к осуществлению, ибо безверие есть прямое отрицание государства».

25 лет возглавлял Победоносцев «духовное ведомство». За это время он до минимума свел роль Синода, взяв в свои руки фактически все дела церковного управления. Иерархия все более тяготилась деспотической властью обер-прокурора, мечтала о возвращении к тем порядкам, когда во главе церкви стояли патриархи. В свою очередь, среди белого духовенства начали распространяться идеи «соборности» — имелось в виду расширение участия в делах церкви рядовых священников и верующего народа.

Несмотря на то, что при Победоносцеве церковь сильно «оказенилась», многие ее представители пользовались громадным авторитетом и влиянием в русском народе и обществе. Обычно это были рядовые монахи и священники. Всероссийскую известность приобрел старец Амвросий из Оптиной пустыни (А.М. Гренков, 1812—1891). Человек очень болезненный и слабый телом, он ежедневно принимал целые толпы стекавшихся к нему людей и отвечал на десятки писем. На встречу со старцем ехали крестьяне и мастеровые, купцы и военные, аристократы и интеллигенты. С ним встречались Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский, передавший многие его черты в образе старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы». Тонкий психолог, Амвросий деликатно выслушивал собеседника, а затем в тактичной форме указывал ему на его слабости, давал совет. Большим авторитетом среди верующих пользовались и другие оптинские старцы — Иосиф (Литовкин, 1837—1911) и Варсонофий (Плиханков, 1845—1913).

Все это говорит о том, что православная церковь обладала большими возможностями нравственного воздействия на народ. Но в обстановке конца XIX в. этот потенциал использовался далеко не в полной мере. Главные причины тому —

сращивание церкви с государством (в известном смысле — пленение ее самодержавием) и слишком тесное сближение иерархии с сановным миром.

В системе общественных отношений церковь выполняет важную стабилизирующую роль. Напоминая о вечных человеческих ценностях, призывая различные классы умерить свои запросы и аппетиты, не боясь иногда испортить отношения с властями, она поддерживает общественные связи, противодействует смуте и анархии. Но эти задачи может выполнить лишь такая церковь, которая находится на уровне своего века, учитывает происходящие перемены и не подчинена государству.

Русская православная церковь, жившая представлениями прошлых веков, зависящая от государства, в конце XIX в., вступив в состояние кризиса, начинала терять контроль над обществом. Патриархальная набожность крестьянина у рабочих сменялась равнодушием к религии и даже атеизмом. В деревне отход от церкви происходил медленнее и незаметнее. Но русские рабочие были тесно связаны с деревней, их настроения передавались и крестьянам. К тому же церковь занимала пассивную позицию в аграрном вопросе, особенно обострившемся к концу века. Поэтому влияние церкви слабло и в деревне. Со снижением же авторитета церкви общество теряло важный стабилизирующий фактор.

Глава 24

Империя двуглавого орла на пороге XX века

§ 1. Смерть Александра III и воцарение Николая II.

Личность последнего императора

1894 год оказался переломным рубежом в истории России. Главным событием его стала смерть императора Александра III и воцарение последнего российского самодержца.

Однако произошла не только смена венценосца; постепенно стали обозначаться перемены в курсе государственной политики, во всем строе жизни государства и общества. В любой авторитарной системе личность верховного правителя играет огромное значение, вольно или невольно накладывая заметный отпечаток на различные стороны общественной и политической деятельности. Особенно велика эта роль при монархическом авторитаризме русского образца: единовластия, базировавшемся на харизматическом принципе.

Власть царя опиралась на Божественное соизволение; он венчался на царство и принимал присягу у алтаря. Монарх отвечал за свои дела не перед смертными, а перед Богом, что для православного христианина (последние монархи были глубоко верующими людьми) являлось абсолютной формой ответственности. Известный деятель правого толка князь В.П. Мещерский уже в XX в. писал, что «самодержавный русский царь ответственностью перед Богом и своею совестью несравненно более ограничен, чем президент Французской республики». Подобные представления о верховной власти, лежавшие в основе монархической государственности, возникли еще до воцарения Романовых. В имперский же период русской истории абсолютистская модель государственного устройства проявилась во всем блеске своих достоинств, несуразностей и недостатков. И последним коронованным носителем этой идеи, последним полноправным самодержцем был именно Александр III, преждевременно сошедший в могилу на пятидесятом году жизни.

Еще в январе 1894 г. стало известно, что царь тяжело заболел пневмонией и несколько дней находился в критическом состоянии. Хотя он вскоре излечился от простуды, но обострилась давняя почечная болезнь и на протяжении последующих месяцев его состояние то улучшалось, то ухудшалось, пока не наступили роковые дни октября. Уже с сентября, по совету врачей, монарх находился в Ливадии в Крыму, где несколько недель лучшие отечественные и европейские врачи боролись за жизнь царя. Его кончина 20 октября стала огромным потрясением для императорской фамилии, для всех русских монархистов, видевших в умершем сильного, властного и справедливого самодержца, сумевшего побороть смуту, растерянность и неопределенность последних лет царствования его отца — императора Александра II.

Ольга Константиновна, жена греческого короля Георга I и двоюродная сестра Александра III, находившаяся в Ливадии, в письме своему брату, президенту Российской Академии наук великому князю Константину Константиновичу, описала смерть императора и свое состояние: «Надо только удивляться, что сердце человеческое может вынести подобное волнение! Императрица убита горем; с каждым днем это горе становится тяжелее, потеря ощущается все больше, пустота ужасная! Конечно, один Господь может утешить, исцелив такую душевную боль. Перед ее скорбью как-то не решаешься говорить о своей, а ведь нет души в России, которая бы не ощущала глубокой скорби, это собственная боль каждого русского человека! Он умер как Он жил: просто и благочестиво; так умирают мои матросики, простой русский народ... В 10 часов утра, когда Он причащался, Он повторял каждое слово молитв: «Верую Господи и исповедую» и «Вечери Твоей тайный» и крестился. Всем нам он протягивал руку и мы ее целовали... Никогда не забуду минут, когда Ники позвал меня под вечер посмотреть на выражение Его лица... Мы долго с Ники стояли на коленях и не могли оторваться, все смотрели на это чудное лицо».

Ольга Константиновна стояла вечером на коленях перед гробом усопшего монарха рядом с новым императором. Уже через полтора часа после смерти отца в маленькой ливадийской церкви Николаю II стали присягать лица императорской свиты и другие должностные чины. Началась эпоха последнего царствования, длившаяся более 22 лет. Николай, которого называли в семейном кругу «милый Ники» и любили за добрый нрав и хорошие манеры, превратился в самодержца Николая II, наделенного огромными властными функциями. Он стал правителем великой мировой державы и главой императорской фамилии, породнившейся почти со всеми монархическими домами Европы. Ему было всего 26 лет.

О последнем русском царе написано и сказано невероятно много. Если же приглядеться ко всем этим суждениям и умозаключениям, то нельзя не заметить две главные тенденции, два основных подхода, которые условно можно обозначить как уничижительно-критический и апологетический. В первом случае на Николая II Александровича возлагают главную ответственность за крушение монархии и России; его обвиняют в неумении владеть ситуацией, в неспособности понять нужды времени, потребности страны и осуществить

необходимые преобразования для предотвращения нарастания напряженности. Согласно этим расхожим представлениям, в критический момент русской истории на престоле оказался недееспособный правитель, человек небольшого ума, слабой воли, рефлексирующий, подверженный реакционным влияниям.

Другая мировоззренческая тенденция прямо противоположна первой и оценивает последнего монарха в превосходных степенях, приписывая ему множество благих дел, чистоту помыслов и величие целей. Его жизнь — это крестный путь России, это — судьба истинного православного христианина, павшего жертвой злокозненных устремлений космополитических антирусских кругов, довершивших свое черное дело ритуальным убийством царской семьи в Екатеринбурге в 1918 г. Подобные взгляды до сих пор широко распространены в кругах русской монархической эмиграции, а русская зарубежная православная церковь еще в 1981 г. причислила царя и его близких к лику святых. Апологетический подход характерен в последние годы и для многих отечественных публикаций.

Кто прав? Где истина? В какой же цветовой гамме, в темной или светлой, создавать облик последнего царя, какими красками рисовать портрет того времени России? Однозначно на эти вопросы вряд ли кто-либо рискнет сейчас отвечать. Одномерные подходы, схематизм и догматизм, так долго определявшие ракурс видения прошлого, не могут адекватно отразить то последнее время монархической России и людей его. Все, что было написано о последнем русском царе, почти всегда ангажировано политическими интересами, идеологическими и политическими пристрастиями авторов. Тема эта до настоящего времени еще не освобождена от предубеждений прошлого, от клише и ярлыков длительной социально-идеологической конфронтации. И неудивительно, что до сих пор не написано ни одной сколько-нибудь полной исторической биографии Николая II, а имеющиеся в распоряжении сочинения откровенно необъективны.

Николай II принял монарший скипетр на переломе эпох; ему пришлось стоять у руля огромной державы в сложное и бурное время, когда подвергались переосмыслению и отбрасывались многие традиционные исторические ценности, когда все громче и громче звучали голоса о необходимости пре-

образования России по меркам западных стран. Молодой император, выросший и воспитанный в простой атмосфере патриархальной русской семьи, в первые годы своего правления никаких новаций не признавал, намереваясь «твердо и неколебимо» стоять на страже тех принципов власти, тех устоев и основ, которые так твердо и последовательно отстаивал Александр III.

Для Николая II смерть отца была глубоким потрясением. 20 октября 1894 г. он занес в дневник: «Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого дорогого горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется — кажется до того неправдоподобной ужасная действительность». Любящий и послушный сын переживал не только от потери близкого человека. Его мучили страхи и опасения, связанные с новой для него общественной ролью, с той вероятной ответственностью, которая была возложена судьбой на его плечи. Он не имел фактически никакого административного опыта, мало касаясь дел государственного управления. Но он был истинным сыном своего отца и для него Самодержавие было символом веры, тем догматом, который не мог подлежать не только пересмотру, но и обсуждению. Он прекрасно знал русскую историю, дела своих предков, а любимыми и особо почитаемыми среди них были царь Алексей Михайлович и отец, император Александр III.

С первых дней воцарения на имя Николая II шел огромный поток писем и телеграмм с выражением верноподданнейших чувств, в некоторых из них содержались намеки на желательность привлечения представителей общественных кругов к принятию политических решений. Особенно отчетливо это прозвучало в адресе тверского земства, давно являвшегося лидером либеральных устремлений среди органов местного самоуправления. Через три месяца после восшествия на трон новый император решил положить конец этим поползновениям. 17 января 1895 г., принимая в Зимнем дворце представителей от земства и городов, Николай II сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный Родитель».

Император сказал то, что думал, во что искренне верил и в чем не сомневался. Эта речь произвела сильное впечатление в России. Одни приветствовали «твердое слово государя», другие же, и таких было немало, выражали неудовольствие и даже возмущение. Конечно, высказать открыто свое несогласие было невозможно, условия общественной жизни были таковы, что не было никакой возможности критиковать публично действия власти, и тем более высшей. Но зато в узком кругу, в частных беседах можно было себе позволить говорить начистоту. И говорили. И критиковали. И негодовали. Гостинные барских особняков, столичные аристократические салоны, отдельные залы фешенебельных ресторанов и дорогих трактиров стали аренами бурных дискуссий. Здесь формировалось то, что издавна в России считалось «общественным мнением». Оно складывалось не в пользу нового монарха, и к началу XX в. критическое отношение к самодержавию и к самодержцу стало признаком хорошего тона в кругах так называемого «образованного общества», где пользовались популярностью либеральные идеи.

Прослыть «прогрессивным» было довольно легко: надо было лишь постоянно выступать против «деспотизма», «произвола» и осмеивать и критиковать все начинания государственной власти. При этом многие из этих «законодателей свободомыслия» состояли на государственной службе, давали присягу верности власти, получали жалованье от этой самой «реакционной силы», но вне времени своих служебных занятий, на отдыхе в имении или на модном европейском курорте, в кругу единомышленников, друзей и родственников не стеснялись в выражениях, осуждая режим. Это салонно-банкетное свободомыслие привело в годы революции 1905 г. к созданию крупнейшего партийного объединения либералов: конституционно-демократической партии («кадеты»), включавшей видных и образованных представителей «русских европейцев». Ратуя за тотальное преобразование страны, они до самого крушения России так и не сумели понять, что западные рецепты общественного устройства были малю пригодны для буквального репродуцирования в России.

Николай II всю свою жизнь был противником либеральных представлений и всегда считал, что никакого настоящего общественного мнения в России (в отличие от Западной Европы) нет, а есть лишь салонное краснбайство и либераль-

ная маниловщина. И даже тогда, когда под воздействием трагических обстоятельств осени 1905 г. царь согласился на крупные преобразования в системе государственного устройства, в душе он остался верен традиционным представлениям.

Став наследником престола в неполные тринадцать лет, Николай Александрович всегда помнил о своем происхождении и предназначении, но долго серьезно не задумывался над реальностью воцарения. Он и представить не мог, что отец, еще совсем не старый человек, так быстро отойдет в мир иной. Когда же случилось неожиданное для него трагическое событие, то он далеко не сразу осознал свою новую роль и, главное, — новые права и обязанности. Молодой император не сомневался в одном: правила по управлению Россией не существуют, поэтому этой огромной державой, обнимавшей шестую часть земной суши, протянувшейся от берегов реки Вислы на западе до Алеутских островов на востоке и включавшей сотни племен и народов, можно править, лишь опираясь на волю Всевышнего, на чувства русского человека и на государственные традиции. Но эти представления, подобные приемы государственного управления все меньше и меньше годились для нового времени.

В конце XIX — начале XX в. Россия часто походила на огромный корабль, плывущий не по воле стоявшей у штурвала команды, а в соответствии со случайными и непредсказуемыми течениями, определявшими и менявшими курс. Был потерян ориентир в будущем, исторические цели, и в результате — мощная иерархическая машина работала часто на холостом ходу. Уже к концу прошлого века отчетливо проступили признаки того, что принято называть кризисом власти. Особенности же личности монарха могли усугубить или смягчить подобное положение, но не инициировали его. Этот принципиальный момент необходимо учитывать при анализе той достаточно тупиковой общественно-политической ситуации, в которой была историческая власть, когда Николай Романов вступил на престол.

Новое в стране причудливо переплеталось со старым, которое лишь с большим трудом сдавало свои позиции. Амбиции, традиции, привычки и привилегии одних вызывали недовольствие и возмущение других. Российская империя и к началу XX века продолжала сохранять черты огромной дворянской вотчины, где представители первого, или «благород-

ного», сословия и особенно высшей, аристократической, его части находились, по сравнению со всеми остальными подданными, в преимущественном положении, охраняемом и защищаемом всей силой государственной системы. Человеком этой среды, впитавшим в себя ее многие обычаи и предрассудки, и был император Николай II.

За весь период правления последнего царя только первые несколько лет можно назвать относительно спокойными, хотя и в это время происходили трагически-зловещие события, например, Ходынская катастрофа, когда в результате образовавшейся давки на коронационных торжествах в Москве в 1896 г. погибли сотни людей. Большая же часть царствования — постоянные потрясения, смуты, войны. По различным причинам, но недовольство охватывало все новые и новые круги общества, и в конце империи к числу недовольных относилось едва ли не все политически сознательное население страны. Убеждение в том, что Россией управляют «не так» стало всеобщим, а утверждения о том, что «хуже быть не может» и «так больше жить нельзя», сделались расхожими. Многие желали политических перемен.

Николай II с первого дня воцарения искренне желал благу стране, «своей России», любовь к которой он пронес с детских лет и до последнего часа своей жизни. Воспитанный в духе безусловного уважения и поклонения прошлому России и тем государственно-мировоззренческим принципам, на которых она зиждлась, последний монарх был убежден, что императорская власть есть благо для страны, а историческое предназначение монарха состоит в том, чтобы, опираясь на свою волю и чувство, править в согласии с волей Божией для благополучия своих подданных. В одном из писем П.А. Столыпину в 1907 г. он заметил: «Я имею всегда одну цель перед собой: благо родины; перед этим меркнут в моих глазах мелочные чувства отдельных личностей».

Николай II был фактически заложником унаследованных им структуры и принципов власти, отход от которых он воспринимал как предательство интересов России, как надругательство над священными основами, завещанными предками. Ему были чужды амбиции правителя, а властолюбием он никогда не отличался. Но ему не было и не могло быть безразлично будущее страны, о чем так много всегда говорили и писали. За судьбу империи он нес ответственность перед Богом и перед любимым больше всего на свете сыном Алексеем.

Николай II был примерный муж и отец, а свой брак всегда расценивал как великое счастье. В обстановке глубокого траура, вскоре после похорон Александра III, 14 ноября 1894 г он соединил у алтаря свою жизнь с жизнью гессенской принцессы Алисы, принявшей православие и при миропомазании получившей имя Александры Федоровны. Алиса-Александра приходилась внучкой английской королеве Виктории и была дочерью владетельного гессенского герцога Людвига IV и его жены, английской принцессы Алисы. Она родилась в столице герцогства, в городке Дармштадте в 1872 г. Русский принц и англо-германская принцесса полюбили друг друга еще задолго до свадьбы. Этот союз двух любящих сердец принес четырех дочерей: Ольгу (1895), Татьяну (1897), Марию (1899), Анастасию (1901). Почти через десять лет, 30 июля 1904 г., на свет появился долгожданный сын и наследник престола Алексей, последний русский цесаревич.

Стиль правления и общения Николая II во многом не соответствовали распространенным в народе представлениям о строгом верховном правителе. Да и во внешности его было мало имперского величия, способного вызвать раболепный трепет. Картину «несерьезности» монарха дополняли его манеры. Царь слушал всех всегда довольно внимательно, редко кому возражал даже в тех случаях, когда приходилось общаться с несимпатичными ему людьми. За всю свою жизнь государственного деятеля он не позволил себе ни разу сорваться, никогда не повышал голос на собеседника. Воспитанную с детства сдержанность и природную незлобивость многие окружавшие его люди, сформировавшиеся в атмосфере чиновничества и сословно-иерархического хамства, воспринимали как безволие и слабохарактерность. Были и другие мнения. Так, впавший в немилость известный сановник С.Ю. Витте в 1911 г. заметил, что «отличительные черты Николая II заключаются в том, что он человек очень добрый и чрезвычайно воспитанный. Я могу сказать, что я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий император».

Последний монарх был аккуратным, даже педантичным человеком и свои обязанности выполнял всегда тщательно и с большой пунктуальностью. Даже в самые тяжелые минуты жизни он не позволял себе расслабиться и жил в соответствии с установленным для правителя распорядком дня, очень редко его меняя. Личное недомогание, серьезная болезнь

члена семьи, какое-либо другое неприятное событие лишь в исключительном случае могли заставить Николая II отменить прием министра, отложить ознакомление с очередными деловыми бумагами или отказать в назначенной аудиенции.

В повседневной жизни, в своих привычках и наклонностях царь был простым и бесхитростным. Неприхотливость в одежде и еде его всегда отличали, как и почти полное безразличие к роскоши и комфорту. Старался жить всегда по определенному распорядку: ложился спать и вставал в одно и то же время и практически ежедневно совершал продолжительные пешие прогулки, преодолевая многокилометровые расстояния. В молодости любил плавать на байдарке, затем увлекся теннисом и бильярдом. Всю жизнь любил охоту, которую считал настоящим мужским делом. Хотя он курил и не отказывался выпить рюмку-другую вина или водки, но до конца своих дней отличался физической крепостью и лишь один раз серьезно болел: брюшным тифом в конце 1900 г. Юношей Николай Александрович много и напряженно занимался, и с семилетнего возраста почти каждый день бывали занятия или самоподготовка по различным предметам. Это был усердный ученик, что отмечали все учителя, и хотя «звезд с неба не хватало», имел хорошие знания в различных областях. Прекрасно владел немецким, французским и английским языками, писал очень грамотно по-русски. В молодости неплохо играл на фортепиано, рисовал, обучался игре на скрипке.

Во многих своих проявлениях авторитарная самодержавная система замыкалась на высшей власти; всякое сколь угодно значительное решение почти на любом уровне требовало ее одобрения. От различных должностных лиц, общественных и частных организаций на имя царя шел огромный поток докладов, памятных записок, прошений, ходатайств и другой корреспонденции по самым различным вопросам. Вся эта лавина оседала в Императорской канцелярии и различных других управлениях. Определенная часть попадала к императору, который все это читал очень внимательно, и это занятие почти ежедневно отнимало по несколько часов.

Практически каждый день на приеме бывали министры, крупные военные чины, родственники, занимавшие различные должности в госаппарате, русские и иностранные дипломаты и многие другие. И почти каждый ставил какой-нибудь вопрос, который часто требовал незамедлительного разрешения. Во

многих случаях именно императору приходилось формулировать решения в широком диапазоне проблем: от поиска места под строительство царскосельской оранжереи до формы и времени объявления войны. Уклониться от своего предназначения было нельзя, но знаний не всегда хватало и, чтобы избежать болезненных ошибок, требовался совет. В большинстве случаев принимался в расчет лишь тот, который отвечал собственным представлениям. Много времени отнимали смотры и парады войск, участие в торжественных церемониях.

Как глава государства, имевший огромные полномочия, Николай II обязан был стоять на страже порядка в империи. Консерватизм же политических воззрений отнюдь не означал, что монарх раз и навсегда был противником всяческих новаций и преобразований; если убеждался, что та или иная мера будет способствовать укреплению государства, росту его престижа, то почти всегда ее поддерживал. Он не мог не видеть, что улучшения нужны в различных областях жизни, но в то же время до конца был уверен, что важнейший и основополагающий принцип — самодержавие — является неперменным для существования российского государства.

Достаточно точное суждение о Николае II принадлежит известному английскому политическому деятелю У. Черчиллю, заметившему: «Он не был ни великим полководцем, ни великим монархом. Он был только верным, простым человеком средних способностей, доброжелательного характера, опиравшимся в своей жизни на веру в Бога». Вера в Бога, искренняя и глубокая, очень многое объясняет в жизни этого человека и государственного деятеля. В 1894 г., еще цесаревичем, он писал матери: «Во всем волен Бог один, Он делает все для нашего блага и нужно с молитвой покориться Его святой воле! Это верно, но иногда чрезвычайно тяжело!» Вера давала надежную опору в окружающем мире, помогала мужественно и достойно переносить любые испытания, неприятности, трагедии. Но эта же великая вера делала монарха нередко больше созерцателем, чем активным фигурантом политического действия. Среди цинизма, безверия, нигилизма, конформизма, социальной демагогии и непримиримости, характеризовавших русскую политическую сцену в конце XIX — начале XX в., верующий в Бога, почитающий традицию, милосердный и доброжелательный политик не мог не проиграть свою историческую партию. И он ее проиграл.

Любой разговор о последнем царе неизбежно поднимает вопрос о месте его в историческом контексте, об исторической оценке этой личности. Невозможно отбросить очевидное и дистанцировать Николая II от провалов во внешней и внутренней политике страны, от конечного крушения государства и всего миропорядка. Но несправедливо и выпячивать его вину, придавая ей некое абсолютное значение. Царь пытался сохранить самодержавие, т. е. то, что было обречено временем, но что являлось стержнем государственности, основой исторической России. Самодержавие существовало века и способствовало организации и укреплению государства. Однако такая форма управления отвечала историческим задачам тогда, когда общество было достаточно простым, а поступательное развитие можно было обеспечивать указаниями и директивами из единого центра. Когда же общественная структура усложнилась, когда стало складываться гражданское общество и возникла внутренняя потребность перехода от авторитарных методов управления к демократическим, к развитию полицентризма и самостоятельности во всех сферах жизни, к передаче власти и ответственности новым, свободно возникающим структурам, то стало выясняться, что этот традиционный для многих европейских стран путь в силу различных причин не может быть калькирован в России, стране, где ослабление строгой административной иерархии власти неизбежно пробуждало центробежные силы, способные разрушить все здание государства.

Николай II это понимал и пытался сохранить самодержавие не в силу приверженности каким-то пресловутым «классовым интересам» (о чем написано невероятно много), а исходя из глубокого убеждения, что такая форма организации является наилучшей для империи, волею исторических обстоятельств соединившей часто несоединимое: где окраины и метрополия развивались в рамках единой территории, где новейшие достижения цивилизации и культуры были вписаны в невежество и отсталость, где роскошь и изысканность чередовались с нищетой и дикостью.

Самодержавие и Россия, по его мнению, были вещи неразрывные. В опросном листе Общероссийской переписи населения на вопрос о роде занятий он написал: «Хозяин Земли Русской». Этому мировоззренческому принципу поклонялся всю жизнь и никакие политические бури не могли поколебать его. Николай II целиком разделял точку зрения извест-

ного консерватора князя В.П. Мещерского, в 1914 г. писавшего: «Как в себе ни зажигаи конституционализм, ему в России мешает сама Россия, ибо с первым днем конституции начнется конец единодержавия, а конец самодержавия есть конец России». Эти, как тогда казалось многим, совершенно абсурдные пророчества всего через несколько лет полностью сбылись.

Анализируя трагическое минувшее, выдающийся мыслитель Семен Франк писал: «Подлинным фундаментом русской государственности был не общественно-сословный строй и не господствовавшая бытовая культура, а была ее политическая форма — монархия. Замечательной, в сущности, общеизвестной, но во всем своем значении не оцененной особенностью русского общественно-государственного строя было то, что в народном сознании и народной вере была непосредственно укреплена только сама верховная власть — власть царя; все же остальное — сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии, все это в том или ином отношении держалось лишь косвенно, силой царской власти, и не имело непосредственных корней в народном сознании. Глубоко в недрах исторической почвы, в последних религиозных глубинах народной души было укреплено корнями — казалось, незыблемо — могучее древо монархии; все остальное, что было в России, — вся правовая, общественная, бытовая и духовная культура произрастала из ее ствола и держалась только им... Неудивительно, что с крушением монархии рухнуло сразу и все остальное — вся русская общественность и культура — ибо мужицкой России она была непонятна, чужда и — по его сознанию — не нужна».

Эта констатация представляется исторически достоверной. Но чтобы понять, почему же все-таки засохло «могучее древо монархии», необходимо принимать в расчет массу событий и явлений, составивших портрет истории России периода роковых канунов. В этом сцеплении роковых обстоятельств русский монарх оказался обреченным. И в конечном итоге поражение Николая II, за которое он принес немислимую искупительную жертву, оказалось поражением всех и вся.

§ 2. Социальный и экономический облик России 90-х годов XIX в.

Общероссийская перепись 1897 г.

Имущие и неимущие

В 80-е годы XIX в. закончилось территориальное формирование Российской империи и новых приобретений у России уже не было. Это была огромная мировая держава, оказывавшая большое влияние на ход мировых дел. В конце XIX в. практически ни один сколько-нибудь значительный глобальный вопрос не мог быть решен без участия Петербурга.

Александр III укрепил монархический авторитаризм, несколько поколебленный в эпоху реформ Александра II. Самодержавие, как казалось, стояло прочно и нерушимо. Все высшие функции власти (законодательной, исполнительной и судебной) сосредоточивались в руках императора, но реализация каждой из них осуществлялась через систему государственных институтов.

Высшим законодательным органом, как и раньше, оставался Государственный совет, наделенный законосовещательными правами. Он состоял из лиц, назначенных царем, и министров. В большинстве своем это были известные царедворцы и сановники, многие из которых были в весьма преклонных летах, что позволяло фрондирующей публике в салонах именовать их не иначе как «госсоветовские старцы». Законодательной инициативы Государственный совет не имел; его компетенция состояла лишь в том, чтобы обсуждать законопроекты, вносимые по инициативе монарха и при его согласии и разработанные в соответствующих министерствах. В некоторых случаях, когда тот или иной вопрос затрагивал интересы нескольких ведомств, учреждались по монаршей воле специальные межведомственные комиссии, заключения которых рассматривались отдельными департаментами, а затем обсуждались в общем заседании Государственного совета. Решения этого бюрократического синклита передавались императору, который мог поддержать мнение и большинства и меньшинства (если при голосовании обнаруживались различные точки зрения). Проект приобретал силу закона лишь после утверждения императором, вступал в действие после опубликования и обратной силы не имел.

Главным органом административной власти являлся Комитет министров, и его возглавлял председатель, функции которого были весьма ограничены. В состав Комитета министров входили не только министры, но и главы департаментов и государственных управлений. На рассмотрение Комитета выносились дела, требовавшие одобрения разных министров. Комитет министров не был единым органом, координирующим деятельность отдельных ведомств. Это было собрание административно независимых друг от друга сановников. Каждый министр имел право прямого доклада императору и руководствовался его указаниями и распоряжениями.

К началу царствования Николая II действовало 15 министерств и равнозначных им государственных установлений: иностранных дел, военное, морское, внутренних дел, юстиции, финансов, земледелия и Государственных имуществ, путей сообщения, народного просвещения, Министерство Императорского двора, Главное управление Государственного коннозаводства, Государственный контроль, Собственная Его Величества Канцелярия, Собственная Его Величества Канцелярия по учреждениям императрицы Марии, Собственная Его Величества Канцелярия по принятию прошений на Высочайшее имя. Министр назначался исключительно монархом, имел от одного до трех заместителей («товарищей») и особый совет министра.

Наиболее обширную компетенцию имели два министерства: внутренних дел и финансов. Первое занималось поддержанием внутреннего порядка в империи, осуществляло цензуру, ведало общей статистикой, почтой и телеграфом, сословными учреждениями и земским самоуправлением, ветеринарным и медицинским делом, народным продовольствием и общественным призрением, делами исповеданий (кроме православного). В ведении Министерства финансов находились дела финансов, торговли и промышленности, прямые и косвенные налоги, таможенные сборы, винная монополия, вся кредитная часть, торговое мореплавание, железнодорожная тарифная политика.

Император считался главой суда и судебного управления, а весь суд осуществлялся от его имени. На конкретное судопроизводство компетенция монарха фактически не распространялась; ему принадлежала роль высшего и последнего арбитра. Свой надзор за судом и администрацией самодер-

жец осуществлял через Правительствующий Сенат, наблюдавший за тем, чтобы распоряжения верховной власти надлежащим образом исполнялись на местах и разрешавшего жалобы на действия и распоряжения всех властей и лиц до министров включительно.

Царь являлся и главой Русской православной церкви, но непосредственными делами церковного управления ведал Святейший Синод, учрежденный еще при Петре I. Он состоял из присутствия и собственно управления. Присутствие объединяло высших иерархов православной церкви, выносивших свои решения по важнейшим вопросам ее жизни. Компетенции Святейшего Синода принадлежали все дела церкви: истолкования церковных догматов, распоряжения по церковной обрядовости и молитвам, назначение церковных должностных лиц, заведование церковным имуществом, церковное просвещение, борьба с еретиками и раскольниками, церковная цензура, судебные дела духовных лиц. Возглавлял это влиятельное ведомство обер-прокурор Святейшего Синода. С 1880 г. и до конца 1905 г. на этой должности бессменно находился К.П. Победоносцев.

В административном отношении Россия делилась на 78 губерний, 18 областей и остров Сахалин. В состав Российской империи с 1809 г. входила и Финляндия («Великое княжество Финляндское»), главой которой был российский император и которая имела широкую внутреннюю автономию (собственное правительство — Сенат, внутреннюю таможню, полицию, собственную денежную единицу). Кроме того 4 города (Петербург, Одесса, Севастополь, Керчь-Еникале) были выведены из состава губерний и управлялись градоначальниками, непосредственно подчиненными центральной власти. Губернии делились на уезды, а области — на округа. Уезд являлся низшей общеадминистративной единицей, и дальнейшее деление его имело уже специальное назначение: волость — для крестьянского самоуправления, участки земских начальников, участки судебных следователей и т. д. В конце XIX в. земское самоуправление было введено только в 34 губерниях Европейской России, а в остальных районах делами местного хозяйства ведали правительственные органы.

В общественном отношении люди не были равны, а согласно закону подразделялись на отдельные категории — со-

словия. В Своде законов Российской империи говорилось, что «в составе городского и сельского населения, по различию прав состояния, различаются четыре главные рода людей: дворянство; духовенство; городские обыватели; сельские обыватели». Дворянство делилось на личное и потомственное. «Благородное сословие» всегда было высшим в сословной иерархии, имело систему льгот и привилегий, законодательно зафиксированных еще при Екатерине II в Жалованной грамоте дворянству 1785 г.

Более сложное деление имели два последних «рода людей». В разряд горожан входили следующие сословия: потомственные почетные граждане, купцы, мещане, или посадские, ремесленники, или цеховые. К числу «сельских обывателей» относились крестьяне и поселяне разных наименований: однодворцы, казаки, бывшие заводские, горнозаводские и фабричные «государственные люди», колонисты-поселенцы и некоторые другие категории лиц, занимавшихся сельскохозяйственным трудом в различных районах Российской империи, а также те, кто порвал с сельскохозяйственным промыслом, но все еще оставался «приписанным» к своему сословию.

Говоря о социальном ранжировании российского общества, необходимо обязательно принимать в расчет одну очень важную и характерную особенность: соотношение классового и сословного признаков. Первоначально, когда законодательно оформлялось сословное деление, существовала определенная взаимосвязь между юридическим сословным статусом и профессионально-имущественным положением отдельного лица и общественной группы. Скажем, отличительными чертами дворянства было землевладение и государственная служба; признаками купечества являлись предпринимательские занятия; крестьянин был синонимом землепашца. Но постепенно, по мере развития производительных сил, по мере становления гражданского общества подобная взаимосвязь становилась все более и более условной. Это особенно стало заметным после отмены в 1861 г. крепостного права и вступления России на путь интенсивного капиталистического развития.

Капитализм преодолевал многие традиционные социальные схемы, внедрял новые социальные институты, иную шкалу ценностей и приоритетов. Общественную значимость оп-

ределяли уже не только и не столько юридические нормы, не наследственное или приобретенное сословное состояние, а имущественное положение конкретного лица, его место в системе общественного производства и распределения или, проще говоря, отношение к собственности и род занятий. Определяющего значения сословные признаки здесь уже не имели. К концу XIX в. эта нивелирующая тенденция проявилась уже со всей очевидностью. Сословно-классовое деление сменялось классовым. Директорами банка, страхового общества, промышленной корпорации могли быть (и были в действительности) и «благородные господа», и купцы, и мещане, и крестьяне. Успешная предпринимательская деятельность не зависела от древности рода, от принадлежности к престижным сословным группам. Капитализм разрушал сословную обособленность, и хотя сословное деление общества сохранялось вплоть до 1917 г., но оно уже мало что определяло, особенно в сфере частного предпринимательства.

90-е годы XIX в. стали периодом интенсивного экономического роста России. Динамические процессы в народном хозяйстве обозначились еще раньше. В первой составленной для Николая II росписи государственных доходов и расходов на 1895 г. министр финансов приводил достаточно наглядные показатели. С 1881 г. по 1893 г. выплавка чугуна в империи поднялась с 27,3 до 70,8 млн. пуд. (+160%), выплавка стали — с 18,7 до 59,3 млн. пуд. (+59,3%), добыча угля — с 200,9 до 460,2 млн. пуд. (+129%), нефти — с 21,4 до 337 млн. пуд. (+1475%) и т. д. Если средний показатель сбора хлебов за 1881—1887 гг. составлял 263 млн. четвертей, то в 1894 г. он превысил 332 млн. четвертей. Протяженность железнодорожного пути к 1 января 1881 г. в России (без Финляндии) составляла 21 226 верст, а к 1 января 1894 г. возросла до 33 869 верст (+60%) и т. д.

Но при всех очевидных успехах хозяйственного развития Россия все еще оставалась по преимуществу аграрной страной, где подавляющая часть населения была занята в сельском хозяйстве, а главными статьями экспорта являлись предметы земледелия и животноводства. В середине 90-х годов структура землевладения в 49 губерниях Европейской России (без Области Войска Донского, Царства Польского, Финляндии и Северного Кавказа) была следующей:

Государственных земель	164,3 млн. га	(38,5%)
Удельных земель	8,0 млн. га	(1,9%)
Земель учреждений и юридических лиц (церкви, монастыри, города и т. д.)	9,4 млн. га	(2,2%)
Земель крестьянских обществ	155,3 млн. га	(34,3%)
Земель частных собственников	99,5 млн. га	(23,1%)

По данным на 1900 г. среди частных землевладельцев преобладали представители высшего сословия.

	% лиц	% земель
дворяне	23,8	79,8
купцы и потомственные почетные граждане	2,6	10,7
мещане	12,1	2,1
крестьяне	56,7	5,5
прочие (духовенство, иностранцы и др.)	4,8	1,9

К началу XX в. в России имелась небольшая, но чрезвычайно влиятельная группа земельных магнатов, земельная собственность которых превышала 50 тыс. десятин (одна десятина равна 1,09 га). В Европейской России в общей сложности 155 личным собственникам (представителям 102 семей) принадлежали земельные владения площадью 16,2 млн. десятин, что составляло около 20% всего земельного фонда, находившегося в частных руках. Здесь преобладали представители старых аристократических фамилий: Бярятинские, Белосельские-Белозерские, Бобринские, Волконские, Гагарины, Голицыны, Долгорукие, Меллер-Закомельские, Мусины-Пушкины, Нарышкины, Орловы, Строгановы, Шереметевы, Шуваловы, Юсуповы и некоторые другие. Этой дворянской элите принадлежали не только сотни тысяч десятин усадебных владений, разбросанных в разных губерниях, но и крупная недвижимость в городах: дворцы, особняки, иногда целые кварталы доходных домов. Но со второй половины XIX в. уверенно утверждали себя среди крупнейших землевладельцев и предприниматели, к которым во все большем масштабе переходила собственность разорявшегося и бедневшего дворянства. Правда, это «оскудение» практически не касалось элитарной аристократической группы, но их

монополия на владение латифундиями подходила к концу. К началу XX в. появились купеческие фамилии, имевшие в личном владении десятки, а иногда и сотни тысяч десятин земли.

Россия с конца XIX в. занимала лидирующее положение на мировом рынке сельскохозяйственной продукции. Около трети ее производилось в крупных аграрных хозяйствах. В крестьянско-общинном же землепользовании преобладали рутинные агротехнические приемы и архаичные сельскохозяйственные орудия. Продуктивность подобного производства была чрезвычайно низка, хотя крестьянские хозяйства и поставляли большую часть товарного зерна. В 1895 г. в России насчитывалось 26,6 млн. лошадей и 31,6 млн. крупного рогатого скота.

90-е годы стали периодом бурного развития промышленного сектора экономики. По темпам среднегодового прироста промышленной продукции Россия в конце прошлого века обогнала все европейские страны и шла вровень с США. С 1890 по 1897 г. стоимость продукции отраслей по обработке волокнистых веществ увеличилась с 519 365 до 946 296 тыс. руб., а число рабочих в этих отраслях возросло с 433 320 до 642 520 человек; в горной и горнозаводской промышленности стоимостный показатель продукции изменился с 202 894 до 393 749 тыс. руб., а число занятых рабочих выросло с 426 635 до 544 333 человек; в металлургии и машиностроении стоимость продукции в 1890 г. составляла 127 920 тыс. руб. (при числе рабочих 106 982 человек), а в 1897 г. — 310 626 тыс. руб. (рабочих — 214 311) и т. д. В конце 90-х годов средний прирост промышленной продукции в ведущих отраслях промышленности составлял 12% и более в год.

Особенно ускоренно развивались новые отрасли производства: тяжелое машиностроение, химические производства, электроиндустрия, железнодорожный транспорт. В 1895 г. Россия произвела 338 млн. пуд. нефти и стала крупнейшим мировым производителем этого важнейшего вида топлива. В 90-е годы удельный вес промышленного сектора в валовом национальном продукте постоянно возрастал и Россия постепенно превращалась из страны аграрной в индустриально-аграрную. Наряду со старыми промышленными зонами, такими как Центрально-промышленный район, Польский регион, Урал, к концу XIX в. возникли новые, выросшие на волне капиталистической индустриализации: Донбасс, Бакинский район, Кузбасс. В повседневную хозяйственную жизнь уже

прочно вошли капиталистические структуры и элементы: коммерческий банк, биржа, акционерная компания, коммерческий кредит, дивидендная бумага и др. Акционерная форма организации капитала и предпринимательской деятельности все более уверенно внедрялась в частновладельческом хозяйстве и именно в 90-е годы начинает доминировать над остальными (единоличные фирмы, торговые дома, паевые товарищества).

Первые акционерные компании появились в России еще в конце XVIII в. Однако в силу архаичных условий хозяйственной деятельности, наличия жесткого административного контроля, крепостной зависимости части населения, низкого уровня материальной обеспеченности основной массы населения и невысоких темпов промышленного развития эти структуры распространялись чрезвычайно медленно. С 1799 по 1866 г. всего в России была учреждена 251 акционерная компания, причем основная часть — с середины 50-х годов XIX в. Положение начинает заметно меняться лишь с 60-х годов, когда акционерное учредительство захватывает неведомые ранее области деятельности. В 1864 г. возник и первый акционерный С.-Петербургский Частный коммерческий банк. На 1 января 1889 г. в России оперировало 504 акционерных общества, в том числе и более трех десятков частных коммерческих банков. В 1893 г. действовало уже 522 компании с капиталом 601 млн. руб. В последующие годы обозначился резкий подъем акционерного учредительства. В 1894 г. было основано 47 компаний, в 1895 г. — 86, в 1896 г. — 120, в 1897 г. — 118, в 1898 г. — 153 компании. В большинстве своем эти фирмы учреждались в быстроразвивающихся и наиболее капиталоемких отраслях производства.

В середине 90-х годов XIX в. в России (без Финляндии) имелось 52 высших учебных заведения, в которых обучалось в 1892/93 учебном году 25 166 человек, а также 177 мужских гимназий, 58 мужских прогимназий, 104 реальных училища, 55 духовных семинарий, 105 духовных училищ, 163 женских гимназии, 61 женское епархиальное и духовное училище, 30 женских институтов, 30 женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии и 34 военно-учебных заведения с общеобразовательным курсом; действовало 78 724 начальных школ и училищ с числом учащихся 3 801 133 человек.

В 1897 г. в России произошло весьма примечательное событие: проведена первая (и последняя) всеобщая перепись населения. Проведение переписи вызывалось потребностями экономического развития страны, а непосредственными организаторами и пропагандистами ее выступали известные русские статистики-экономисты с кафедры статистики Петербургского университета и статистических комиссий городских управлений Петербурга и Москвы.

Положение о всеобщей переписи населения Российской империи было утверждено Николаем II 5 июня 1895 г. В законе устанавливалась однодневность, всенародность и периодичность переписей, но последнее не оговаривалось конкретным сроком. Сама перепись была проведена 28 января 1897 г., и в ее основе лежал принцип опроса. Переписной формуляр включал более 10 вопросов: фамилия, имя, отчество лица; пол; отношение к главе семейства; семейное положение; сословие или звание; место рождения; место приписки и проживания; вероисповедание; родной язык; грамотность; род занятий.

Согласно результатам этой переписи всего в Российской империи (без Финляндии) проживало 125 680 682 человека. Наиболее населенными губерниями были: Вятская (3 030 831), Область Войска Донского (2 564 238), Екатеринославская (2 113 674), Казанская (2 170 665), Киевская (3 559 229), Курская (2 371 012), Минская (1 247 621), Московская (2 430 581), Орловская (2 033 798), Пермская (2 994 302), Подольская (3 018 299), Полтавская (2 778 151), Самарская (2 751 336), С.-Петербургская (2 112 033), Саратовская (2 405 829), Тамбовская (2 684 030), Уфимская (2 196 642), Харьковская (2 492 316), Херсонская (2 733 612), Черниговская (2 297 854). Ни в одном из других районов численность населения не превышала двух миллионов.

В городах проживало 16 785 212 человек, или около 13%. В России имелось всего 19 городов, население которых превышало 100 тыс. жителей: Петербург (1 267 023), Москва (1 035 664), Варшава (638 208), Одесса (405 041), Лодзь (315 209), Рига (282 943), Киев (247 432), Харьков (174 846), Тифлис (160 645), Вильна (159 568), Ташкент (156 414), Саратов (137 109), Казань (131 508), Екатеринослав (121 216), Ростов-на-Дону (119 889), Астрахань (113 001), Баку (112 253), Тула (111 048), Кишинев (108 796). Большинство

самых населенных пунктов империи размещалось как раз в районах высокого развития промышленности и торговли.

По сословному признаку население подразделялось следующим образом: потомственное дворянство (1 220 169 человек), лица духовного звания христианского исповедания (с семьями — 588 947 человек), потомственные и личные почетные граждане (342 927), купцы (с семьями — 281 179 человек), мещане (13 386 392), крестьяне (99 825 486 человек). Остальные относились к разряду «инородцев», финляндских уроженцев, иностранцев и лиц, не указавших свою сословную принадлежность. Из этих данных со всей очевидностью следует, что Россия по преимуществу была страна крестьянская. Однако данные переписи, давая сословную дифференциацию населения, к сожалению, не позволяют составить сколько-нибудь надежный классовый портрет российского общества. Как уже было замечено выше, имущественное положение отдельного лица и его сословная принадлежность далеко не всегда находились в прямой взаимосвязи. Скажем, среди петербургских и московских рабочих имелись и дворяне, и потомственные и личные почетные граждане, хотя большинство рабочих всех районов империи составляли выходцы из крестьянских сословий. В 1894 г. численность рабочих в империи достигала 1,5 млн. человек.

Материалы переписи сразу стали широко использоваться различными общественными течениями для подтверждения тех или иных представлений и выводов о характере российского общества, о путях и направлении его эволюции. Одни, например марксисты, считали, что Россия движется по пути капиталистического развития и, ссылаясь на данные переписи, утверждали, что в стране уже сформировались основные классовые группы населения. Другие же, используя те же данные, говорили, что в России капитализм находится лишь в зачаточном состоянии, что страна идет своим, не похожим на других, общественным путем развития. Но материалы переписи позволяют делать социальные обобщения лишь в самой приблизительной форме, с большими допущениями как в ту, так и в другую сторону.

Русские статистики прилагали много усилий, чтобы включить в опросник как можно больше пунктов, отражающих социальное и имущественное положение населения. При разработке переписного формуляра в статистическом

совете Министерства внутренних дел им удалось добиться включения в программу пунктов показателей источников основного и дополнительного дохода и положения в промысле. При этом в самом формуляре требовалось указать лишь свое занятие, и только в правилах для переписчиков говорилось, что кроме занятий необходимо регистрировать должность, род торговли.

Положение в промысле фиксировалось переписчиками, и при разработке первичных данных была уже сделана разбивка самостоятельного населения на три группы: хозяева, служащие, рабочие. Однако в 1901 г. Особое совещание в МВД под председательством товарища министра внутренних дел П.Н. Дурново, как было сказано в отчете, «озабочиваясь сокращением расходов и не будучи уверено в достаточной правильности указаний, данных в переписном материале о положении каждого лица в занятии, решило ответы на этот вопрос не подвергать разработке». В силу этого решения, не были доведены до сведения публики даже те данные о занятиях населения, которые уже были собраны. В опубликованных материалах под одной рубрикой «промысловое население» были объединены три различные по социальному положению группы: буржуазия (владельцы), администрация и рабочие. Например, председатель правления банка и расквальный в том же банке попадали в одну учетную группу: «служащие в банке».

При всей несовершенности учета и обработки данных переписи 1897 г. ее материалы дают большую сумму достаточно надежных сведений о составе и численности населения Российской империи, о его делении по возрастному и половому признакам, о распределении его по районам, по возрастным и сословным группам. Вторую общеимперскую перепись населения в России не успели провести, и сводных данных об изменении демографических и территориальных характеристик населения нет.

В то же время для первых лет XX в. имеются важные материалы, раскрывающие имущественную дифференциацию россиян, данные, которых для более раннего периода нет. Они появились в результате многолетней деятельности казенных ведомств по введению в России подоходного налогообложения. К концу XIX в. система налогообложения в стране носила многоступенчатый и архаичный характер, а основную роль играли косвенные сборы, или налоги на по-

требление. Прямые же налоги взимались по видам собственности и роду занятий. Главными среди государственных налогов были поземельный, с недвижимых имуществ (со строений и домовладений), с денежных капиталов, квартирный и промысловый налоги. Они взимались не с доходов отдельных лиц, а с формы собственности и носили в большинстве своем окладный характер, мало касаясь уровня доходности. Доля их в государственном бюджете была весьма скромной: в 1900 г. принесли казне около 7% дохода, в 1907 г. — 7,8%, в 1913 г. — 7,9%.

Рост государственных расходов требовал пересмотреть устоявшиеся подходы к взиманию налогов и перейти на более эластичную и справедливую форму подоходного налогообложения, которая к концу XIX в. была введена в целом ряде стран и дала прекрасные финансовые результаты. Но прежде чем устанавливать подобную систему, требовалось выяснить контингент возможных плательщиков, чтобы иметь представление о финансовой результативности нововведения. Поскольку подоходный налог, как и в других государствах, планировалось брать лишь с лиц, имеющих определенный уровень обеспечения, то именно состоятельные группы населения и стали объектом учета налоговой инспекции.

Исходным рубежом была принята сумма в одну тысячу рублей, что в условиях России было немало. В 1904 г. чиновниками казенных палат по всей России была проведена огромная работа по выявлению и систематизации данных о доходах как физических, так и юридических лиц, получивших в год не менее тысячи рублей совокупного чистого дохода (за вычетом всех текущих затрат и производственных издержек). И выяснилось, что около 0,5% населения России входило в эту группу. Даже если принять в расчет, что часть доходополучателей не была выявлена, то и тогда можно смело утверждать, что всего примерно 1 млн. человек в России относились к разряду обеспеченных. Сюда входили собственники обширных земельных владений, крупные коммерсанты и промышленники, хозяева ведущих деловых корпораций, биржевики, верхи интеллигенции, чиновничества и офицерского корпуса. Остальные являлись или относительно обеспеченными, или откровенно неимущими.

Есть все основания считать, что в числе имущего миллиона населения подавляющую часть составляли лица, имею-

щие доходы чисто капиталистического характера. В числе же тех, кто имел значительную собственность и крупные доходы (10 и более тыс. руб. в год), капиталистические элементы составляли абсолютное большинство. В общем составе населения их число в этот период не превышало 30 тысяч человек.

Работа по найму, в первую очередь на промышленных предприятиях, оплачивалась довольно скудно. По данным на 1901 г. в Петербургской губернии заработная плата рабочих-машиностроителей (наиболее высокооплачиваемая категория) колебалась в пределах 15—75 руб. в месяц, в хлопчатобумажном производстве — от 12 до 50 руб. В Московской губернии эти показатели были иные. В машиностроении — от 6 до 75 руб., в хлопчатобумажном производстве — от 6 до 30 руб. В остальных отраслях и прочих районах этот уровень нигде не превышал столичный. Низкая техническая оснащенность многих фабрик и заводов, аграрное перенаселение центральных районов, делавшее рабочую силу чрезвычайно дешевой, не стимулировали предпринимателей укорачивать рабочий день и повышать заработную плату. Хотя на отдельных предприятиях уже к концу XIX в. существовала развитая система медицинского и социального обеспечения, но в целом в России жизненный уровень рабочих уступал западноевропейскому, хотя при сопоставлении абсолютных величин заработной платы необходимо обязательно учитывать и такие факторы, как стоимость продовольствия и стоимость жилья, а эти показатели в России были в общем существенно ниже, чем в большинстве других стран.

§ 3. Сергей Юльевич Витте: человек и политик. Успехи и проблемы хозяйственной модернизации

В истории России конца XIX — начала XX в. фигура Сергея Юльевича Витте занимает исключительное место. Глава Министерства путей сообщения, многолетний министр финансов, председатель Комитета министров, первый глава Совета министров, член Государственного совета — таковы основные служебные посты, на которых проходила его деятельность. Этот известнейший сановник оказал заметное, а во многих случаях и определяющее, влияние на различные направления внешней, но особенно внутренней политики им-

перии, став своеобразным символом возможностей и одновременно беспомощности мощной государственной системы. Значение и масштабы его исторической роли сравнимы только с личностью другого выдающегося администратора-преобразователя периода заката монархии — Петра Аркадьевича Столыпина.

Описать жизнь и дела Сергея Юльевича Витте трудно. Это объясняется не только тем, что он довольно долго, без малого двадцать лет, занимал лидирующие позиции в императорских коридорах власти, но в еще большей степени тем, что это была чрезвычайно сложная и противоречивая натура. В его характере, в его поступках и намерениях удивительным образом переплетались искренность и лживость, целеустремленность и беспринципность, преданность долгу и откровенный цинизм, глубокие знания и поразительное невежество. Он был парвеню на петербургском бюрократическом Олимпе и в силу своей натуры так и не смог стать «своим» в этой специфической среде, заручиться хотя бы какой-либо поддержкой или симпатией. Он умер одиноким, сломленным человеком, полным желчи и ненависти ко всем и вся, хотя свою судьбу, свою участь всегда созидал собственными руками. Но критическая самооценка ему была неведома, и он до последнего мгновения своего земного существования безнадёжно играл роль отверженного гения.

Родился Сергей Юльевич Витте 17 июня 1849 г. в Тифлисе в небогатой дворянской семье. Его отец, Юлий Федорович (потомок выходцев из Голландии), служил в канцелярии Кавказского наместничества. Мать, урожденная Е.А. Фадеева, находилась в родстве с известнейшим княжеским родом Долгоруких. Детские и юношеские годы С.Ю. Витте провел в доме своего дяди, известного военного писателя и адъютанта кавказского наместника князя А.И. Барятинского, генерала Р.А. Фадеева, близкого к славянофильским кругам. Сдав экстерном экзамен за гимназический курс, С.Ю. Витте поступил на физико-математический факультет Новороссийского университета. В 1869 г. начал службу в канцелярии одесского генерал-губернатора, где занимался учетом железнодорожного движения, а через год был назначен начальником службы движения казенной Одесской железной дороги.

Вскоре эта линия акционировалась, а затем стала частью одной из крупнейших российских железнодорожных компа-

ний — Общества Юго-Восточных железных дорог, где молодой выпускник университета занял пост начальника эксплуатации. В конце 70-х — начале 80-х годов С.Ю. Витте опубликовал серию статей по тарифным вопросам в газетах «Московские ведомости», «Киевское слово» и журнале «Инженер». В 1883 г. они вышли отдельной книгой под названием «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов», где сформулированы важнейшие условия рационального хозяйствования на транспорте. Тем самым Витте заявил о себе как о серьезном знатоке бурно развивавшегося железнодорожного строительства и железнодорожного дела. Основная идея книги была по тому времени необычайно новаторской: автор ратовал за установление железнодорожных тарифов не произвольно, а на основе экономического закона спроса и предложения.

Бюрократическая карьера С.Ю. Витте началась в 1888 г. Именно тогда он стал лично известен Александру III, когда предупредил об опасности проводить тяжелые царские поезда с той скоростью, какая требовалась царской свитой, чем и вызвал неудовольствие влиятельных придворных. Этот эпизод мог бы так и остаться лишь курьезным случаем недопустимой строптивости, если бы не последовавшие затем события. Через два месяца, 17 октября, возвращаясь в Петербург, около местечка Борки под Харьковом императорский поезд потерпел страшное крушение, в результате которого погибло несколько десятков человек. Хотя сама царская семья отделалась лишь ушибами и испугом, но «инцидент с гнилой шпалой» напомнил Александру III о личности дальновидного железнодорожного служащего и его предостережениях.

Предпоследний самодержец всегда ценил людей простых, честных, знающих свое дело и умеющих его делать. В своих решениях он был крут, не терпел интриг и околичностей. Безвестность С.Ю. Витте, отсутствие знатного происхождения, чиновных заслуг и влиятельных связей в сановных сферах не стали помехой для взлета его служебной карьеры «по царскому благоволению». В начале 1889 г. Сергею Юльевичу был предложен важный пост директора Департамента железнодорожных дел Министерства финансов. Причем Александр III распорядился резко повысить ему оклад по должности, чтобы тот не испытывал «материальных неудобств» (ответственные служащие в ведущих акционерных компаниях получали значительно больше, чем в госаппарате).

В феврале 1892 г. С.Ю. Витте стал министром путей сообщения, а в августе того же года занял один из ключевых постов в высшей администрации, возглавив Министерство финансов, в компетенцию которого входили все вопросы торговли, промышленности, кредита, налогообложения. Это было огромное ведомство, включавшее в конце XIX в. одиннадцать подразделений. Ему подчинялись Государственный банк, Дворянский земельный банк, Крестьянский поземельный банк, Монетный двор. Только в центральном аппарате министерства работало свыше тысячи чиновников. Министр финансов имел собственных официальных агентов в крупнейших странах мира. На этом влиятельном посту С.Ю. Витте оставался бессменно одиннадцать лет, вплоть до августа 1903 г. С его именем связано осуществление ряда важных экономических преобразований.

С молодых лет С.Ю. Витте был адептом славянофильских взглядов, которые ему и приходилось существенно корректировать под воздействием обстоятельств, но важнейшему постулату их идейно-политических воззрений — пиететному отношению к самодержавной монархии — он оставался всегда предан. Славянофильская ориентация объясняет и большой интерес, проявленный им к учению немецкого экономиста первой половины XIX в. Фридриха Листа, разработавшего, в противовес «космополитической политической экономии», теорию «национальной экономики». Взгляды Ф. Листа на роль национального хозяйства и его государственного регулирования составили основу программы российского министра финансов. Будучи сторонником жесткой протекционистской политики, Ф. Лист считал, и этот взгляд целиком разделял С.Ю. Витте, что важнейшей задачей государства является поощрение развития отечественной промышленности, при слабом развитии которой общий экономический прогресс страны невозможен. Согласно этим представлениям, индустрии надлежало играть роль локомотива всего народного хозяйства. Концепция базировалась на представлениях, что «бедным странам» в целях экономической модернизации необходимо добиваться баланса экспорта и импорта с помощью таможенного покровительства, прочной кредитной системы и устойчивого денежного обращения. Эти меры должны были создать условия для развития внутреннего рынка и финансовой независимости от зарубежных сырьевых и денежных источников.

Принимая учение Ф. Листа, С.Ю. Витте не считал необходимым распространять таможенную защиту на сельское хозяйство. «Из всех видов покровительства, — писал он, — таможенная защита земледелия оправдывается наименее. Меры к подъему сельского хозяйства должны быть иные: создание обширного внутреннего рынка путем развития местной промышленности, уменьшения накладных расходов, посредством развития техники и торговли сельскохозяйственными продуктами и подъемом сельскохозяйственных знаний для лучшего использования почвенных богатств и уменьшения расходов производства». Эти взгляды сановник будет пропагандировать многие годы, но так и не сможет сформулировать конкретно принципы и механизмы, позволившие бы в такой сельскохозяйственной стране, как Россия, достичь столь важной цели. Аграрная тема навсегда осталась его мировоззренческой «ахиллесовой пятой».

При ближайшем участии С.Ю. Витте в империи были проведены крупные экономические преобразования, укрепившие государственные финансы и ускорившие промышленное развитие России. В их числе: введение казенной винной монополии (1894 г.), строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, заключение таможенных договоров с Германией (1894 г. и 1904 г.), развитие сети технических и профессиональных училищ. Узловым же пунктом виттевской экономической программы стало проведение в середине 90-х годов денежной реформы, стабилизировавшей русский рубль и стимулировавшей крупные инвестиции из-за границы в ведущие отрасли промышленности. Будучи долгое время убежденным монархистом-славянофилом, С.Ю. Витте далеко не сразу осознал необходимость преобразования экономики России по западным образцам. Однако, став министром, довольно быстро уверился в том, что ускоренное промышленное развитие страны — залог государственной устойчивости.

Нестандартность фигуры С.Ю. Витте, его ум, тщеславие, доходившее нередко до пренебрежительного отношения к людям, постоянно плодили недругов и недоброжелателей. Граф В.Н. Коковцов, много лет близко знавший «русского Бисмарка», справедливо написал, что «самовозвеличение, присвоение себе небывалых деяний, похвальба тем, чего не было на самом деле, не раз замечались людьми, приходившими с ним в близкое соприкосновение». Но при этом все всегда отдавали должное уму Витте, его деловым качествам. Симпатии императора Александра III, а затем поддержка Николая II лишь множили завистников и откровенных врагов, использовав-

ших против него оружие светской клеветы. Вся служебная карьера Сергея Юльевича сопровождалась то нарастающей, то ослабевающей, но никогда не прекращавшейся кампанией лжи и оскорбительных измышлений. Чего только о нем не говорили в салонах! Утверждали, что он взяточник, что женился чуть ли не на куртизанке, что он сумасшедший, что он продался еврейским банкирам, что это тайный масон, задумавший погубить Россию и т. д. Несомненно, что без покровительства Николая II (никогда не любившего Витте, но ценившего его административные способности) служебная звезда сановника закатилась бы очень быстро.

В 90-е годы положение С.Ю. Витте в административной иерархии было необычайно крепко благодаря поддержке и Николая II, и вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и благодаря наличию небольшой, но довольно сплоченной команды специалистов высокого класса, окружавших его. Министр финансов умел быстро распознавать деловые качества людей и старался наиболее способных сделать членами «своей команды».

Позиции министра финансов в конце XIX в. были устойчивы и потому, что наблюдался очевидный и уверенный подъем производительных сил, особенно в промышленности. Так, из 1292 русских акционерных компаний, действовавших в 1903 г., 794 были учреждены за 1892—1902 гг., а из 241 иностранной компании — 205 появились в России в указанное десятилетие. В 90-е годы прокладывалось ежегодно в среднем 2,5 тыс. верст новых железнодорожных магистралей (этот показатель никогда не был впоследствии превышен). За время министерства С.Ю. Витте в Россию было инвестировано из-за границы около 3 млрд. руб. Существенно изменялись главные статьи бюджета, что подтверждало экономический динамизм.

Государственные доходы и расходы России в 1894—1901 гг.

Год	Доходы	Расходы	Превышение или перерасход
1894	1 247 349 514	1 155 141 662	+92 207 852
1895	1 443 474 546	1 520 819 171	-77 344 525
1896	1 474 308 142	1 484 352 935	-10 044 793
1897	1 472 476 235	1 494 598 224	-22 121 989
1898	1 689 759 455	1 772 211 002	-82 454 577
1899	1 869 217 113	1 787 112 311	+84 104 802
1900	1 800 738 909	1 889 216 137	-88 477 228
1901	2 019 181 151	1 874 257 059	+144 924 092

За эти восемь лет государственные доходы увеличились почти на 40%, а расходы более чем на 60%. За эти годы у России лишь трижды было положительное сальдо, и казалось бы, что опасения и страхи за судьбу экономики были вполне обоснованными. Но Россия не приближалась к финансовому банкротству, как о том иногда писали и говорили в то время. Разница погашалась за счет иностранных займов, значительная часть которых шла на производительные нужды, в первую очередь на железнодорожное строительство. Подобная практика не была наилучшей, но она позволяла не только обеспечивать текущую стабильность финансовой системы, но и способствовала развитию важнейших элементов индустриальной инфраструктуры.

В частновладельческой экономике наблюдалась бурная деловая активность, подтверждавшая правильность проводимого экономического курса. Однако вскоре ситуация резко ухудшилась. Изменение мировой экономической конъюнктуры привело сначала к спаду деловой активности, а с 1900 г. — и к кризису в отраслях производства, интенсивно развивавшихся в 90-е годы: металлургии, машиностроении, нефте- и угледобыче, электроиндустрии. Иностранные фирмы одна за другой терпели банкротства. В российских деловых кругах царили уныние и растерянность, усугублявшиеся громкими крахами нескольких ведущих отечественных промышленных и финансовых групп: П.П. фон Дервиза, С.И. Мамонтова, А.К. Алчевского. Все это активизировало противников министра финансов, во весь голос заговоривших о том, что его политика — авантюра. Особенно большой общественный резонанс вызвало крушение дела Саввы Мамонтова, известного предпринимателя и мецената. Беспощадная молва приписывала его падение не экономическим факторам, а исключительно злой воле министра финансов и якобы стоявших за ним «еврейских банкиров».

Коренная причина была, конечно же, в другом. Экономический кризис начала XX в. наглядно продемонстрировал, что государственный патернализм, интервенционное раскручивание экономики имеют свои логические пределы. Государственная власть при самых благих намерениях ее проводников и носителей построить органичную капиталистическую систему не может. Казенный карман, казенная субсидия, государственное вспомоществование могут быть важными, но не могут быть долго единственными опорами

частновладельческого хозяйства. Здоровая и продуктивная хозяйственная среда формируется и функционирует на основе саморегуляции, при сохранении за государственными институтами лишь некоторых законотворческих и контрольных функций. В пореформенной России воздействие государственной системы на хозяйственное развитие было во многих случаях преобладающим, особенно в тех случаях, когда это касалось больших финансово-промышленных проектов, многие из которых инспирировались государственными органами и находились под их патронажем, а часто и на их содержании. Поэтому темпы, интенсивность и масштабы хозяйственных усилий далеко не всегда диктовались внутренними экономическими факторами, естественными и обусловленными процессами.

Экономический кризис изменил и некоторые представления самого министра финансов. В начале XX в., читая лекции по экономике и финансам великому князю Михаилу Александровичу (брату Николая II, наследнику престола в 1899—1904 гг.), С.Ю. Витте уже несколько иначе, чем прежде, формулировал понимание роли государства в хозяйственной области. «Роль государства в развитии капитализации далеко не является исчерпывающей», — констатировал ученик Ф. Листа. И далее продолжал: «Государство не столько созидает, сколько восполняет, истинными же созидателями являются все граждане. Чем дальше идет прогресс, тем сложнее становятся все отправления производственного процесса и тем труднее роль его участников — всех граждан. Чтобы справиться с этой ролью, они должны обладать не только капиталами, но и личными качествами — предприимчивостью и энергиею, развивающимися на основе самостоятельности. Не налагать руку на самостоятельность, а развивать ее и всячески помогать ей, создавая благоприятные для ее применения условия — вот истинная задача государства, в наше время все усложняющегося народного хозяйства».

В России власть издавна выступала ментором и партнером во всех сколько-нибудь крупных деловых начинаниях, что приводило к абсурдным ситуациям. Скажем, предпринимателю для осуществления определенного экономического проекта часто требовались не столько деловые таланты и навыки, знания финансовой конъюнктуры, а в значительно большей степени умение найти верный подход к важному сановному лицу и добиться от него благорасположения. Это

порождало коррупцию, разлагавшую и тех и других. Министр финансов понимал ненормальность ситуации, при которой результативность предпринимательского начинания зависела порой от суммы подношения или стоимости подарка, полученного высокопоставленным петербургским чиновником, его женой или любовницей. Конечно, использовали служебное положение для извлечения личных материальных выгод в высшем эшелоне служилого сословия лишь единицы, хотя эта тема всегда была излюбленной для столичных либеральных и околотиберальных изданий. Сам С.Ю. Витте, несмотря на многочисленные обвинения, никаких взяток никогда не брал и, насколько известно, ни в каких финансовых махинациях не участвовал. Но проблема коррупции была всегда лишь частностью в контексте кардинальных социальных проблем.

Все усилия по капиталистической перестройке народного хозяйства России неизбежно поднимали важнейшую социально-экономическую проблему, связанную с характером землевладения и землепользования. Без коренных преобразований в этой области создать устойчивую экономику, емкий внутренний рынок было невозможно. Основная часть российского крестьянства и в конце XIX в. замыкалась в традиционной общинной среде; была лишена права собственности на основное средство производства — землю, находившуюся в коллективном владении. Община — архаичный продукт ушедших эпох — не давала крестьянину умереть с голоду, но эта форма ведения хозяйства не способствовала проявлению хозяйственной инициативы, мешала наиболее способным, трудолюбивым и предприимчивым людям вырасти в крепких, самостоятельных хозяев. Она сдерживала прогресс агрикультуры, продуктивность сельского производства. Рост населения и вызванные этим постоянные переделы владений вели к обезземеливанию крестьянства, к обнищанию его. Община формировала и духовно-нравственные представления, хозяйственную и социальную этику, исключавшую сколько-нибудь уважительное отношение к «кулакам» и «мироедам».

Разрушение общины и предоставление каждому крестьянину свободы хозяйственной деятельности на собственной земле, испытание его ответственности риском свободного рынка было настоятельно необходимо. После отмены крепостного права эту очевидность понимали многие, в том числе

и в высших эшелонах власти. Но одновременно постоянно возникали опасения социальных осложнений: появление большого числа лишних людей на селе, наплыв их в города и возникновение больших групп недовольных. Эти соображения мешали принятию сколько-нибудь кардинальных решений. Играли свою роль и соображения фискально-полицейского свойства: заключенную в общину крестьянскую массу было легче контролировать и держать в узде. При подобной организации было проще собирать и подати.

Сами крестьяне-общинники в большинстве своем не проявляли желания расстаться с жизненным укладом, который вели их отцы и деды. Власть учитывала и эти настроения, поддерживала их и долго не решалась выступить инициатором преобразований. И лишь когда по стране прокатилась революционная буря, когда в 1905—1906 гг. запылали дворянские усадьбы и когда на выборах в Первую Государственную думу многие крестьяне поддержали антиправительственных радикалов, иллюзорные взгляды на крестьянство как на надежную опору монархии и порядка стали исчезать. Пришел П.А. Столыпин и стал реализовывать программу аграрного переустройства, но было уже поздно. Сколько-нибудь широкий слой русских фермеров так и не сложился.

Будучи умным и проницательным человеком, С.Ю. Витте не мог не видеть очевидные диспропорции и противоречия экономической и социальной среды. По его словам, большая часть Российской империи находилась «или в совершенно некультурном (диком) или полудиком виде, и громадная часть населения с экономической точки зрения представляет не единицы, а полу- и даже четверти единиц». При заметном развитии индустриального сектора в аграрной сфере царил застой. Возникавшие крупные промышленные предприятия, оснащенные по последнему слову техники, выпускавшие первоклассные изделия, сплошь и рядом соседствовали с бедными, убогими жилищами, лишенными элементарных удобств. В разных направлениях были проложены железно-дорожные магистрали, а на пронесившиеся по ним составы смотрели люди, пользовавшиеся допотопным инвентарем, который был в ходу еще до воцарения Романовых.

Эти несуразности российской действительности С.Ю. Витте осознавал, но довольно долго придерживался убеждения, что улучшение, осовременивание хозяйственного уклада в деревне надо проводить лишь после того, как промышлен-

ность крепко станет на ноги. В первые годы своего министерства он являлся сторонником сохранения общины и поддерживал без всяких оговорок закон 14 декабря 1893 г., запрещающий выход из общины без согласия двух третей домохозяев и ограничивавший залог и продажу выделенных в собственность наделов земли. Он был тогда убежден, что «общинное землевладение наиболее способно обеспечить крестьянство от нищеты и бездомности».

Понадобилось время, чтобы С.Ю. Витте осознал необходимость проведения преобразований и в этой области. В письме Николаю II в октябре 1898 г. констатировал: «Крестьянин находится в рабстве произвола... Крестьянин надежен землей. Но крестьянин не владеет этой землей на совершенно определенном праве, точно ограниченном законом. При общинном землевладении крестьянин не может даже знать, какая земля его». Министр финансов возглавил работу специального межведомственного «Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности», действовавшего около трех лет (1902—1905 гг.) и разработавшего новые принципы сельскохозяйственной политики. И внутри этого органа и в более широких общественных кругах шла в это время ожесточенная тайная и явная борьба между теми, кто отстаивал незыблемость, неизменность организации жизни на селе и считал общину краеугольным камнем стабильности и порядка, и теми, кто, опираясь на трезвый расчет и мировой опыт, выступали сторонниками реформ.

Лагерь последних в этот период возглавлял С.Ю. Витте. По его инициативе были проведены такие важные решения, как отмена круговой поруки (закон 12 марта 1903 г.) и облегчение паспортного режима для крестьян. Свои взгляды он изложил в специальной работе, вышедшей в 1904 г. Суть его рекомендаций состояла в том, чтобы снять с крестьян административные ограничения, юридически уравнивать их с другими гражданами империи и укрепить права собственности, но не призывать ликвидировать общину как таковую, ратуя лишь за придачу ей формы свободной ассоциации производителей. Он выступал сторонником разрешения для крестьян, внесших выкупные платежи, выходить из общины с наделом. Административные же функции должны были отойти от общины к волостным земствам.

В этих пунктах взгляды С.Ю. Витте почти совпадали с положениями программы П.А. Столыпина, но они содержали

один существенный изъян. Качественно изменить хозяйственный и социальный строй на селе лишь этими мерами было нельзя. Предоставление некоторых юридических прав и закрепление в личную собственность, как правило, мизерного крестьянского надела — подобные шаги вряд ли могли вызвать коренные сдвиги. Крестьянину, обобранныму выкупными платежами, с жалким лоскутком земли было очень трудно, а чаще всего просто невозможно вырасти в современного агрария, стать полноценным субъектом развитой рыночной экономики. Для этого ему нужна была ощутимая помощь, широкая государственная финансовая и социальная поддержка. Но сколько-нибудь внятных рекомендаций в этой области министр не предложил. Очень скоро этот пробел стал очевиден и ему. В своих мемуарах, писавшихся в годы столыпинских преобразований, экс-министр и экс-премьер пытался задним числом приписать себе заслуги, которых у него в действительности не было. Он утверждал, например, что уже в 90-е годы боролся за выделение крестьянам в личную собственность свободных земель в Сибири и за отмену выкупных платежей. Однако эта деятельность не отразилась в свидетельствах и документах той поры.

В начале XX в. положение С.Ю. Витте становится весьма шатким. Против него объединяются влиятельные придворные и правительственные силы, недовольные и самим сановником и многими аспектами его политической деятельности. Помимо возмущения курсом на ускоренную индустриальную модернизацию страны, ущемлявшим интересы крупных землевладельцев, министр финансов стал объектом критики и в связи с его неприятием внешнеполитического курса на Дальнем Востоке, того курса, который в конце концов завершился русско-японской войной. Как монархисту Витте была понятна и близка имперская экспансия России, но он всегда ратовал за экономическую экспансию, в то же время постоянно выступая против «демонстрации мускулов» перед лицом своих соседей. Министр финансов был уверен, что любой военный конфликт неизбежно приведет к нежелательным финансовым потерям и социальным потрясениям. Для программы же хозяйственного развития, тесно завязанной на иностранные займы и внешние денежные рынки, война может стать просто убийственной. Но его доводы и призывы к осторожности мало кого убеждали.

В 1902—1903 гг. антивиттевские настроения объединили весьма влиятельные фигуры. Его врагом был муж сестры царя, великий князь Александр Михайлович, министр внутренних дел В.К. Плеве, контр-адмирал, управляющий Особого комитета Дальнего Востока А.М. Абаза, наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев, председатель Комитета министров И.Н. Дурново. В обществе хорошо знали и о нелюбви к министру финансов императрицы Александры Федоровны, возмущенной и оскорбленной поведением Витте во время тяжелой болезни Николая II осенью 1900 г., когда сановник посмел обсуждать публично последствия смерти императора и воцарения младшего брата царя Михаила Александровича.

Натиску такой сильной партии стал уступать Николай II, его поддержка министра финансов начала ослабевать. Развязка наступила в августе 1903 г., когда С.Ю. Витте был снят с должности министра и переведен на почетный, но почти декоративный пост главы Комитета министров. Однако это не было окончательным крушением служебной карьеры. В последующие несколько лет Сергей Юльевич сумел неоднократно заявить о себе и вознестись на вершины успеха и известности. В августе 1905 г. ему удается заключить в г. Портсмуте (США) мир с Японией, который лишь незначительно ущемлял русские интересы. За эту заслугу перед Россией ему высочайше был пожалован титул графа. Осенью 1905 г. Витте становится «крестным отцом» русских политических свобод — манифеста 17 октября. С середины октября 1905 до конца апреля 1906 г. он возглавляет объединенный Совет министров.

За несколько дней до открытия 29 апреля 1906 г. сессии Первой Государственной думы С.Ю. Витте ушел с поста главы Кабинета и хотя остался членом Государственного совета, но активной политической роли уже больше не играл. Опала невероятно уязвила его честолюбие, и он решил расчитаться со своими многочисленными врагами и недоброжелателями. Орудием его мести стали ныне широко известные «Воспоминания», наполненные самовосхвалением и клеветническими измышлениями в адрес многих лиц, в том числе и последнего монарха.

До последних дней своей жизни (умер граф в Петрограде в ночь на 25 февраля 1915 г., немного не дожив до 66 лет) С.Ю. Витте не оставлял надежды на возвращение к активной

политической деятельности. Будучи опытным царедворцем, не имея за собой поддержки никаких общественных групп или течений, но мастерски владея правилами закулисных ходов, он использовал различные приемы. В обществе циркулировали слухи о том, что для своего возвращения из политического небытия экс-премьер прибегал к протекции Григория Распутина. В этом сюжете до сих пор больше сомнительных утверждений (кочующих из книги в книгу), чем документальных свидетельств. Доподлинно известно мало. Сам отставной сановник общений с одиозным старцем не имел (один раз они лишь виделись в церкви), но жена, Матильда Ивановна, с ним встречалась и, как установила Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства в 1917 г., по крайней мере дважды была в распутинской квартире на Гороховой улице. О чем на этих встречах графиня говорила с «отцом Григорием», неизвестно. Нет до сих пор и надежных подтверждений версии о том, что Григорий Распутин якобы ходатайствовал за графа перед царем. Если подобный факт имел место в действительности, то трудно предположить, что это делалось вопреки желаниям «его сиятельства».

Однако всем попыткам вернуться к власти мешала непреклонность императора, раз и навсегда решившего в 1906 г. никогда не прибегать к услугам этого человека. В письме матери 2 ноября 1906 г. Николай II заметил: «Сюда вернулся на днях гр. Витте. Гораздо умнее и удобнее было бы ему жить за границей, потому что сейчас же около него делается атмосфера всяких слухов, сплетен и инсинуаций... Нет, никогда, пока я жив, не поручу я этому человеку самого маленького дела». Еще ранее, в апреле, вскоре после отставки премьера, император заметил В.Н. Коковцову, что он «окончательно расстался с графом Витте» и с ним больше уже не встретится. По монаршей милости Сергей Юльевич был вознесен на сановные верхи и по царской же немилости был оттуда низвергнут!

Нежелание использовать графа на государственной службе нельзя объяснять каким-то капризом монарха, только его личным нерасположением. Император никогда не питал личных симпатий к этому амбициозному деятелю, но довольно долго считал необходимым в интересах дела использовать его навыки, опыт и организаторские дарования. Но время менялось, менялись условия политической деятельности, что

требовало новых людей, иных приемов реализации государственных решений. Когда в 1905 г. началось общественное брожение, переросшее в анархию и хаос, когда возникла реальная угроза трону, то верховная власть не только поняла настоятельную необходимость реформ, но и ощутила острую потребность в умных, целеустремленных людях, искренне преданных и самому монарху и идее монархизма. К числу этих людей С.Ю. Витте царь уже не относил. Его постоянное лавирование, конформизм вели к беспринципности, что было чрезвычайно опасно в сложной ситуации.

§ 4. Золотой рубль

Окончание XIX в. охарактеризовалось в России проведением крупнейшей финансовой реформы, качественно изменившей положение русской денежной единицы. Рубль стал одной из стабильнейших валют мира. Преобразования 1895—1897 гг. явились составной частью широкой программы экономических нововведений 90-х годов. Они ускорили индустриальную модернизацию России и в последующем помогли народнохозяйственному организму выдержать тотальные потрясения русско-японской войны и революции 1905—1907 гг. Реформа отразила острую потребность государства преодолеть очевидную архаическую замкнутость, рыхлость и неэластичность многих основополагающих финансовых структур и в первую очередь самого рубля. Она способствовала интеграции России в систему мирового рынка.

Это был прорыв из прошлого в будущее, неразрывно связанный с именем министра финансов С.Ю. Витте. Однако результативность его реформаторских усилий во многом была следствием двух взаимосвязанных обстоятельств. Во-первых, огромной подготовительной работы его предшественников на посту главы финансового ведомства. Но, пожалуй, еще в большей степени успех невиданного в истории России начинания обеспечивала несомненная и однозначная поддержка, которую получали конкретные предложения и проекты Витте на самом вершине иерархической пирамиды. Без покровительства же императора Николая II некоторые принципиальные предложения Витте не могли бы материализоваться. Сама идея укрепления рубля переходом на золотой паритет отвечала в первую очередь интересам промышленности: на-

дежность валюты стимулировала инвестиции капиталов. Аграрному же сектору подобное преобразование не сулило в обозримом будущем никаких особых выгод и даже наоборот: стабилизация отечественной денежной единицы, повышение ее курса неизбежно должно было привести к удорожанию экспорта. Главными же продуктами российского вывоза исстари служили продукты сельского хозяйства, и намечаемая реформа ущемляла интересы крупных дворян-землевладельцев, давно «правивших бал» в имперских коридорах власти, оказывая существенное влияние на курс государственной политики.

Весьма влиятельные силы, в первую очередь из кругов Государственного совета, неоднократно пытались блокировать их, умышленно тормозя обсуждение намеченных мер, и по старой бюрократической традиции старались если и не отвергнуть сразу же нежелательное предложение, то похоронить его в бесконечных обсуждениях и согласованиях. Реализация узловых пунктов виттевской программы, превращение идей в законоположения происходило в большинстве случаев, вопреки мнению «государственных старцев», прямыми царскими указами, что и гарантировало успех.

Ко времени занятия должности министра финансов С.Ю. Витте уже не сомневался в необходимости ускоренного промышленного развития России. Однако ко времени занятия им министерских должностей он уже не сомневался в целесообразности и необходимости ускоренного промышленного развития страны, в чем видел залог государственной стабильности. Для осуществления этой стратегической цели необходимо было решить важнейшие задачи: увеличить инвестирование капитала, создать надежную систему кредита и обеспечить гарантии иностранным вкладчикам. В деле индустриализации России зарубежным финансовым центрам Витте придавал огромное значение, так как внутренние источники представлялись ему недостаточными. Однако добиться сколько-нибудь благоприятных результатов было невозможно, пока русская денежная единица не была надежно обеспечена и не являлась стабильной.

Рубль кредитный, ставший основой денежного обращения еще с середины XIX в., служил объектом беззастенчивых спекулятивных манипуляций за границей, а в Берлине даже существовала специальная «рублевая биржа». Здесь в 1888—1890 гг. (благоприятные годы) курс был довольно вы-

соким и составлял 81,8% номинала (за 100 рублей давали 265,2 марки), но уже в 1891 г., вследствие сильного неурожая, упал до 59,3% (за 100 рублей давали уже менее 200 марок). Положение бумажных денег не было прочным и внутри страны. В 70—80-е годы курс в среднем составил 64,3 копейки золотом.

Для ликвидации шаткости финансовой системы требовалось изыскать надежный металлический эквивалент, которым уже давно служило серебро. Однако начиная с 70-х годов цена «второго благородного металла» в силу ряда причин неуклонно падала и было мало надежд на изменение этой устойчивой тенденции. Государство стремилось всеми силами поддержать рубль и с этой целью искусственно ограничивало эмиссию бумажных денег: в 1881 г. их количество составляло 1180 млн. руб., а к 1896 г. даже несколько уменьшилось — 1175 млн. руб. Между тем за эти пятнадцать лет население увеличилось на 29 млн. человек, производство зерновых поднялось с 248 до 335 млн. пудов, добыча нефти возросла с 40 до 344 млн. пудов, производство чугуна поднялось с 29,9 до 80 млн. пудов, стали — с 14,2 до 38,5 млн. пудов, протяженность железных дорог увеличилась с 21 195 до 345 000 верст и т.д. Налицо был несомненный экономический прогресс. Однако количество дензнаков было недостаточным для потребностей населения и государства. Нужны были решительные действия, чтобы изменить подобное аномальное положение.

Позднее С.Ю. Витте писал, что когда он стал министром финансов (в 1893 г.), то уже не сомневался в том, что «денежное обращение, основанное на металле, есть благо; но так как я ранее этим вопросом глубоко не занимался, то поэтому у меня являлись не то чтобы некоторые колебания, а непоследовательные шаги, и в этом нет ничего удивительного». Если этот важнейший принцип новым министром финансов был принят сразу, то конкретные пути его претворения в жизнь первые год-полтора его министерства служили предметом оживленных дискуссий и раздумий.

Первоначально Сергей Юльевич был сторонником укрепления кредитного рубля посредством административного контроля. Ему казалось, что ужесточение надзора за обращением денег и усиление ответственности отечественных финансовых кругов за исполнение распоряжений центральной власти позволят укрепить рубль. В начале 1893 г. был

предпринят ряд шагов, показавших, что финансовое ведомство настроено весьма решительно. Были установлены таможенные пошлины (1 копейка за 100 рублей), запрещены сделки, основанные на курсовой разнице рубля, как и прочих ценностей, усилен контроль за биржевыми операциями в России и введен запрет на производство биржевых сделок маклерами-иностранцами. Благодаря этим решениям колебания курса стали уменьшаться. Так, если в 1891 г. в Лондоне они составляли 28,4%, то в 1892 г. — 8,8%, а в 1893 г. — 5,3%. Но довольно быстро министр финансов понял, что эти меры малоэффективны и что необходима качественная перестройка всей финансовой системы.

Но прежде чем приступить к реформированию, надо было окончательно решить для себя и доказать другим, в первую очередь монарху, в каком направлении осуществлять реформу: на базе монометаллизма (золото) или биметаллизма (серебро и золото). В пользу второго варианта выступала как традиция российского денежного обращения, так и огромные запасы серебра, накопленные в стране. Но привязка кредитного рубля к биметаллическому эквиваленту таила в себе и большую опасность: при высокой конъюнктуре одного из паритетов неуклонное снижение стоимости другого могло не только не привести к стабильности денежной единицы, но даже усилить ее неустойчивость. Введение золотого обращения в этом отношении представлялось предпочтительней, но здесь были скрыты неведомые до того «финансовые рифы». Не произойдет ли массовый отток благородного металла из обращения в «кубышки» внутри страны и не уйдет ли он за границу? Хватит ли резервов золота для его свободного обмена? Не приведет ли удорожание денежной единицы к падению жизненного уровня? Убедительные ответы на эти вопросы могла дать лишь жизнь. Трезвый расчет и видение исторических возможностей России сделали С.Ю. Витте убежденным сторонником монометаллизма.

Введению монометаллического паритета рубля, устойчивой конвертируемости способствовали общие политические условия в стране и мире и относительно благоприятное экономическое положение. Международная обстановка оставалась спокойной, успехи торговой деятельности очевидными, и уже многие годы Россия имела положительное торговое сальдо. Формировались и внушительные золотые авуары.

Торговый баланс России за 1884—1893 гг. (млн. руб.)

Год	Экспорт	Импорт	Итог
1884	550,5	486,3	+ 64,2
1885	497,9	379,7	+ 118,2
1886	436,5	382,8	+ 53,7
1887	568,5	333,2	+ 235,3
1888	728,0	332,2	+ 395,8
1889	687,0	373,6	+ 313,4
1890	610,4	361,3	+ 249,1
1891	627,3	326,3	+ 301,0
1892	399,6	346,5	+ 53,1
1893	520,4	395,1	+ 125,3

Решительным шагом к золотому обращению стал закон, утвержденный Николаем II 8 мая 1895 г. В нем два основных положения: всякие дозволенные законом письменные сделки могут заключаться на российскую золотую монету; по таким сделкам уплата может производиться либо золотой монетой, либо кредитными билетами по курсу на золото в день платежа. В последующие месяцы правительство предприняло еще ряд мер, направленных на утверждение золотого эквивалента. В их числе: разрешение конторам и отделениям Государственного банка покупать золотую монету по определенному курсу, а столичным — продавать и производить платежи по тому же курсу; затем были введены правила приема Государственным банком золотой монеты на текущий счет. Вскоре эта же операция вводится и в частных коммерческих банках, объявивших, что они будут принимать золото по текущим счетам и по всем обязательствам.

Несмотря на указанные меры, золотая монета очень медленно утверждалась в качестве приоритетного платежного средства. Это объяснялось и отсутствием привычки к ней у населения, и очевидным неудобством золотой монеты при крупных платежах и пересылке, так как не было соответствия между нарицательной и рыночной ценами. ПолуимперIALы и имперIALы с обозначением 5 рублей и 10 рублей циркулировали по 7 руб. 50 коп. и 15 руб., что постоянно вызывало недоумение и многочисленные злоупотребления при расчетах. Спрос на золотую монету сдерживали и опасения того, что Государственный банк понизит курс админи-

стративным путем, что может привести к финансовым потерям (весной и летом 1895 г. об этом было много слухов). Стремясь развеять подобные страхи, Государственный банк 27 сентября 1895 г. объявил, что он будет покупать и принимать золотую монету по цене не ниже 7 руб. 40 коп. за полуимпериал, а на 1896 год покупной курс был определен в 7 руб. 50 коп. Эти решения привели к стабилизации соотношения между рублем золотым и кредитным в пропорции 1:1,5. Для стабилизации рубля Министерство финансов признало необходимым девальвировать кредитную денежную единицу на основе монометаллизма. Паритет между бумажным рублем и кредитным устанавливался исходя не из нарицательного обозначения, а в соответствии с реальным курсом обращения.

Деятельность Министерства финансов стала мишенью ожесточенных нападков со стороны консервативных кругов общества. Сторонники исторической исключительности и национальной самобытности развернули шумную кампанию по дискредитации и самого С.Ю. Витте, и его финансовых начинаний. Наивысшего накала общественные страсти достигли в 1896 г. Русское общество, совсем еще недавно очень далекое от экономических интересов, вдруг с невиданным жаром погрузилось в оживленные дискуссии о путях и методах финансовой реорганизации. Трудно было найти газету или журнал, где бы не дебатировалась эта проблема; лекции по этому вопросу собирали полные залы; тема проникла в закрытые клубы и аристократические салоны.

Конкретных и весомых аргументов у противников золотого рубля практически не было. Нападки базировались почти исключительно на эмоциях. Звучали голоса о «грядущем разбазаривании национальных богатств», об обнищании страны, о превращении ее во вторую Индию и т.д. Удивительную неосведомленность и тенденциозность взглядов и суждений демонстрировали даже люди, имевшие специальную подготовку. Вот, например, рассуждения одного из известнейших отечественных экономистов того времени, профессора финансового права Петербургского университета Л.В. Ходского. Выступая на весьма многолюдном заседании Императорского Вольного экономического общества 16 марта 1896 г. (через день после представления в Государственный совет проекта С.Ю. Витте о введении золотого обращения), он заявил, что «едва ли можно сомневаться в том, что

как только золото появится у нас в достаточном количестве в обращении при одинаковой номинальной цене с бумажными деньгами, то все сбережения, которые теперь хранятся в кредитных рублях, будут обменены на золото, которое исчезнет из обращения». И далее докладчик предположил, что «с открытием золотого обращения золото, хранимое теперь в подвалах Государственного банка, делается для других государств свободным товаром и, как скоро по состоянию денежного рынка усилится спрос на него, золото быстро может уйти из России в обмен на ее фонды, размещенные за границей». Заключая свое выступление, Л.В. Ходский пожелал, чтобы подобные проекты никогда бы «не переходили в действительную жизнь», что вызвало бурные рукоплескания публики.

Подобного рода опасения и доводы были хорошо известны министру финансов и его «монометаллической команде». Однако, во-первых, согласно министерской программе, введение золотого эквивалента рубля не предполагало установление тождества бумажных и металлических денег. Мысль об этом была признана опасной и в планах не фигурировала. В основу реформы был положен принцип существенной девальвации. Во-вторых, весьма расхожие страхи об утечке золота из страны базировались на плохом знании экономического потенциала страны. К тому же, как неоднократно разъяснял С.Ю. Витте, если часть золота действительно уйдет за границу (с такой возможностью министр считался), то оно туда поступит «не просто так», а как плата за кредиты, товары и услуги, способствовавшие росту промышленности.

Вся реформа денежного обращения была рассчитана на будущее индустриальное развитие России, и ему она служила. Но неизбежно вставал вопрос о том, как девальвация и свободный размен рубля на золото отразятся на внутренней деятельности и в первую очередь на положении основной части подданных российской короны в ближайшем времени. С.Ю. Витте считал (и его предположения оправдались полностью), что ни к каким заметным общественно-экономическим пертурбациям реорганизация финансового обращения не приведет. Система конвертации валюты затрагивала главным образом внешнеэкономическую деятельность, а вводимое соотношение металлических и бумажных денежных знаков лишь закрепляло реально сложившееся положение. Уклад жизни основной массы населения, его повседневно-

ное материальное и производственное обеспечение фактически не зависели ни от самого золотого паритета, ни от характера мировых денежных расчетов. Русские крестьяне в массе своей оставались вне системы мирового денежного рынка, а «ценовая погода» внутри империи поддавалась контролю со стороны государства.

В представленном в Государственный совет в марте 1896 г. законопроекте «Об исправлении денежного обращения» С.Ю. Витте следующим образом определял главные условия проведения и цели реформы: «Закрепить достигнутые успехи в области финансового хозяйства посредством подведения под них прочного фундамента металлического денежного обращения». При этом реформа «должна быть осуществлена так, чтобы не произвести ни малейшего потрясения и каких бы то ни было искусственных изменений существующих условий, ибо на денежной системе покоятся все оценки, все имущественные и трудовые интересы населения... Проектируемая реформа, не нарушая народных привычек, не колебля цен, не внося беспорядка во все расчеты, поведет за собой переход нашей родины от неопределенного с юридической стороны, вредного в экономическом и опасного в политическом отношении бумажноденежного обращения к обращению золотой монеты и разменных на нее знаков».

Введение размена рубля на драгоценный металл устанавливалось исходя из реально сложившегося и достаточно стабильного курсового соотношения: рубль кредитный — 66²/₃ копейки золотом. К первому января 1896 г. в наличии имелось 1121,3 млн. кредитных рублей, а золотой запас оценивался в 659,5 млн. руб., из которых в разменном фонде числилось 75 млн. руб. В течение 1896 г. разменный фонд был доведен до 500 млн. руб. Это был рубеж, представлявшийся достаточным для развертывания обменной операции и введения золотой монеты в широкое обращение, хотя бумажные дензнаки некоторое время и сохраняли свое преобладающее влияние на денежном рынке.

Накопление золотого запаса государства и формирование обменного фонда происходило различными путями, но главными были два: добыча и покупка. По размерам добычи Россия в конце XIX в. занимала одно из лидирующих мест в мире. В 1893 г. всего в мире было добыто 236,662 кг золота; из них в России — 41,842 кг, или 17,7% (на первом месте находились США — 54 кг, затем шли Австралия — 53,698

кг и Африка — 43,55 кг). В 1894 г. положение было следующим: всего добыто в мире 271,768 кг золота, в том числе в России — 36,313 кг, или 13,4% (США — 59,434 кг, Австралии — 62,836 кг, Африке — 60,592 кг). В 1895 г. Россия продолжала сохранять четвертое место — 43,436 кг, или 14,4% (США — 70,132, Австралия — 67,406 и Африка — 67,040 кг). В конце 1897 г. золотой запас России (авуары Государственного банка) оценивался в 1315 млн. руб., а в обращении находилось 155 млн. золотых рублей, а через год, в конце 1898 г., уже соответственно 1146 и 445 млн. руб.

В 1896 г. возникла необходимость приступить к изготовлению золотой монеты нового образца. К тому времени она уже несколько лет не производилась ввиду намечаемой финансовой реорганизации. Министерство финансов считало, что выпускать монеты пяти- и десятирублевого номинала, притом что они стоили на 50% дороже, неэффективно. Подобное несоответствие обозначенного достоинства и реальной стоимости было одним из важнейших препятствий в распространении обращения. Было решено чеканить новую монету с надписью на империале «15 рублей» и на полумпериале «7 рублей 50 копеек» (первые золотые империальные монеты достоинством 10 рублей и полумпериальные — 5 рублей появились в России еще в 1755 г.). Стоимость кредитного рубля была определена $1/15$ империала, и закон обязывал обменивать бумажные деньги на золотые без ограничения.

Решающий этап реформы денежного обращения наступил в 1897 г., когда серией именных высочайших указов законодательно были закреплены важнейшие элементы новой финансовой системы. 3 января последовал указ о выпуске в обращение золотой империальной монеты в 15 руб. и полумпериальной в 7 руб. 50 коп.; 29 августа — об установлении твердого основания для эмиссии кредитных билетов. Государственный банк обязывался выпускать дензнаки в соответствии с потребностями денежного обращения, но непременно под обеспечение золотом: не менее чем в половине суммы, пока общий размер эмиссии не достигнет 600 млн. руб. Сверх этой нормы кредитные билеты должны обеспечиваться в пропорции рубль за рубль (один империал равен пятнадцати рублям кредитным). Затем последовало распоряжение (14 ноября) о чеканке и выпуске в обращение пятирублевой золотой монеты, равной одной трети импери-

ала. В этот же день появился и еще один указ, касавшийся надписи на кредитных билетах: на них теперь обозначалось обязательство государства и Государственного банка непременно разменивать кредитные билеты на золото и было установлено определение новой монеты (1 рубль — $1/15$ импернала, содержащего 17,424 доли чистого золота).

Преобразование денежной системы на основе золотого монометаллизма потребовало изменить монетный устав, новая редакция которого была утверждена Николаем II 7 июня 1899 г. Основные положения его сводились к следующему. Государственной денежной единицей России являлся рубль, содержащий 17,424 доли чистого золота. Золотая монета могла чеканиться как из золота, принадлежащего казне, так и из металла, предоставляемого частными лицами. Полноценная золотая монета обязательна к приему во всех платежах на неограниченную сумму. Серебряная и медная монеты изготовлялись только из металла казны и являлись вспомогательными в обращении, обязательными к приему в платежах до 25 руб. Серебряная монета в 1 руб. 50 коп. содержала в себе 900 частей чистого серебра и 100 частей меди, а серебряная монета в 20, 15, 10 и 5 коп. — 500 частей меди. Кроме золотой монеты в 15 руб. (импернал), 10 руб., 7 руб. 50 коп. и 5 руб. обращались монеты прежнего чекана. Из них имперналы (10 руб.) и полумперналы (5 руб.), произведенные по закону 17 декабря 1885 г., принимались в правительственные кассы: имперналы по 15 руб. и полумперналы по 7 руб. 50 коп., если вес первых был не менее трех золотников и одной доли, а вторых — не менее одного золотника и сорока восьми долей. Монеты меньшего веса, а также чекана более ранних лет принимались по стоимости чистого металла. Золото довольно быстро утвердилось в качестве главного платежного средства, что способствовало прекращению колебания курса.

Очень быстро стали заметны результаты денежной реформы. В отчете Государственного контролера за 1897 г. говорилось: «Судя по отзывам, какими она встречена повсюду за границей, не может быть никакого сомнения в плодотворном ее значении, как доказательстве финансовой силы России, которую начали признавать даже явные наши недоброжелатели. О влиянии же, оказанном денежной реформой внутри страны, можно судить по тому, что количество выпущенных в народное обращение кредитных билетов сократи-

лось за время с января 1897 г. по 1 мая 1898 г. на 221 млн. руб. (с 1121 до 900 млн. руб.), а взамен этого торговый и промышленный рынок внутри страны насыщается золотой и серебряной монетой, которой уже выпущено в обращение свыше 250 млн. руб. (в том числе свыше 170 млн. руб. золотом). Факт этот свидетельствует о том, что золотое обращение не только расширяет круг своего распространения, но уже проникло в отдаленные местности нашего обширного Отечества, входя в повседневную практику народа».

В общих чертах денежное обращение России в начале XX в. выглядело следующим образом. Монетной единицей служил рубль, содержащий 0,7742 г (17,424 доли) чистого золота, разделенный на 100 коп. Главной монетой являлась золотая, выпуск которой был не ограничен, и владелец золотого слитка мог свободно представить его для чеканки монеты. Она изготовлялась в 15 руб. (импернал, равноценный 40 франкам), в 10 руб., в 7 руб. 50 коп. и в 5 руб. Вспомогательной монетой в платежах служили серебряная и медная монеты; первая изготовлялась двоякой пробы: 900-й достоинством в рубль, 50 и 25 коп. и 500-й — в 20, 15, 10 и 5 коп. Медная же монета чеканилась достоинством 5, 3, 2, 1, $1/2$ и $1/4$ коп. Чеканка серебряной монеты за счет частных лиц не допускалась, и выпуск ее был ограничен определенным пределом: количество ее в обращении не должно было превышать суммы в 3 рубля на каждого жителя империи. Закон требовал производить все расчеты на золотую монету и счетную единицу (рубль) и устанавливал обязательный прием полновесной золотой монеты во всех платежах на неограниченную сумму. Монетное дело в империи находилось в ведении Министерства финансов, а сама монета чеканилась на Монетном дворе в Петербурге.

Государственные кредитные банкноты выпускались Государственным банком в размере, ограниченном потребностями денежного обращения, но непременно под обеспечение золотом. Металлическое обеспечение устанавливалось в следующем соотношении: до 600 млн. руб. билеты обеспечивались золотом наполовину, а сверх этого предела — в соответствии рубль за рубль. Государственный банк разменивал кредитные билеты на золотую монету без ограничения суммы. Размен билетов как государственных денежных знаков обеспечивался независимо от металлического покрытия вы-

пусков всем достоянием государства, а кредитные билеты обращались на тех же основаниях, что и золотая монета, символом которой они служили. Достоинства кредитных билетов установлены были в 500, 100, 25, 10 руб., а также в 5, 3 и 1 руб. На 1 января 1900 г. металлическое обеспечение составляло 189% суммы кредитных билетов, а на золотую монету уже приходилось 46,2% всего денежного обращения.

Введение золотой валюты укрепило государственные финансы и стимулировало экономическое развитие. В конце XIX в. по темпам роста промышленного производства Россия обгоняла все европейские страны. Этому в большой степени способствовал широкий приток иностранных инвестиций в индустрию страны. Только за время министерства С.Ю. Витте (1893—1903 гг.) их размер достиг колоссального размера — 3 млрд. руб. золотом. В конце XIX — начале XX в. золотая единица преобладала в составе российского денежного обращения и к 1904 г. на нее приходилось почти две трети денежной массы. Русско-японская война и революция 1905—1907 гг. внесли коррективы в эту тенденцию, и с 1905 г. эмиссия кредитных рублей опять стала возрастать. Однако вплоть до первой мировой войны России удалось сохранить в неприкосновенности важнейший принцип валютной реформы: свободный обмен бумажных денег на золото.

§ 5. Место России в «концерте мировых держав»

В конце октября 1894 г., выступая в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете в Москве, известный историк В.О. Ключевский говорил об историческом значении скончавшегося царя: «Наука отведет Императору Александру III подобающее место не только в истории России и всей Европы, но и в русской историографии, скажет, что Он одержал победу в области, где всего труднее достаются эти победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению...» Маститый профессор имел в виду те позиции и те результаты, которых добилась Россия при Александре III («Царе-Миротворце») на мировой арене.

После окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Россия не принимала участия в вооруженных столкновениях и усилила ее дипломатии и политического руководства своди-

лись к поддержанию мира и стабильности как в Европе, так и в других районах. Будучи мировой державой, Россия имела политические, стратегические и экономические интересы в различных точках земного шара. Первостепенное же значение для нее имели Европа, Ближний, Средний и Дальний Восток. В этих регионах ситуация постоянно менялась и была далеко не всегда благоприятной для Петербурга.

В последние десятилетия XIX в. главные события происходили в Европе, где складывалась новая геополитическая обстановка. Возникли два новых государства — Италия и Германия. Объединение Италии под главенством Савойской династии мало занимало правящие круги России, а вот создание консолидированной Германской империи под эгидой прусской династии Гогенцоллернов непосредственно затрагивало важнейшие нервы русских интересов и в самой Европе и вне ее. Отношения между Петербургом и Берлином большую часть XIX в. носили дружественный характер, что в немалой степени было результатом тесных родственных связей между двумя династиями: женой императора Николая I и матерью Александра II была урожденная прусская принцесса Шарлотта-Каролина, принявшая в России имя Александры Федоровны. Первый император Германской империи Вильгельм I приходился дядей царю Александру II.

В 60-е годы XIX в., когда Пруссия начала кровавую борьбу за германское единство, Россия хранила благожелательный нейтралитет. Она сохраняла его и во время франко-прусской войны 1870—1871 гг., закончившейся разгромом Франции и провозглашением Германской империи. В 1873 г. между Россией, Германией и Австро-Венгрией было заключено соглашение, получившее в истории название «Союза трех императоров». Петербург, Берлин и Вена брали на себя обязательства решать спорные вопросы путем переговоров, а в случае, если одна из стран подвергнется нападению, «договариваться о совместных действиях» и при необходимости заключить военную конвенцию.

В конце 70-х годов XIX в. «сердечная дружба» между Россией и Германией начинает подвергаться серьезным испытаниям. На Берлинском конгрессе 1878 г. европейские державы выступили единым фронтом и совместными усилиями постарались свести на нет успехи и преимущества России, полученные ею в результате кровопролитной и дорогостоящей русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Становилось

все более ясным, что Германия в международных вопросах не собирается руководствоваться чувствами симпатии к своему восточному соседу. В ее внешней политике начинали доминировать собственные имперские устремления. Осознание очевидного стало горьким разочарованием для многих в России, в том числе и для царя Александра II. Хотя император Вильгельм I и могущественный канцлер О. Бисмарк по любому поводу и разными путями уверяли Петербург в «неизменной дружбе», но чувства досады и раздражения от предательства Берлина в российских правящих кругах все усиливались. Это со всей очевидностью стало проявляться в 80-е годы.

Когда в 1881 г. на престол вступил Александр III, то к этому времени он испытывал стойкие антигерманские чувства. И в то время и в последующее много рассуждали о том, что личные настроения монарха определяли курс государственной политики, что если бы не пристрастия одного лица, то рисунок мирового политического действия в конце XIX — начале XX в. был бы совсем иным, а следовательно, иной могла бы стать и судьба России. Не говоря уже о том, что к истории нельзя применять сослагательное наклонение («если бы...»), необходимо в первую очередь учитывать обстоятельства более общего порядка.

Конечно, симпатии самодержца в той или иной степени, но неизбежно влияли на все аспекты внутренней и внешней политики империи. Но степень этого влияния, его результативность далеко не всегда напрямую определяли курс государственного корабля. В 1884 г. при посещении своих родственников в Германии императрица Мария Федоровна встретила принца Александра Баттенбергского (двоюродного брата Александра III), который к тому времени уже пять лет был князем Болгарии, страны, освобожденной от турецкого ига Россией. В своей же политике болгарский правитель придерживался стойкой антирусской позиции, ориентируясь на Вену и Берлин. Это вызывало сильное недовольство в Болгарии, и Александр Баттенбергский пытался хоть как-то улучшить отношения с Россией. Встреча с царицей давала шанс, и князь стал уверять ее, что питает наилучшие чувства к царю. Описывая этот эпизод в письме к мужу, Мария Федоровна заметила: «Я ответила ему, что было бы ошибкой отделять твою личность от твоей политики, потому что это — одно и то же». Царица была права. Но правда была и в

том, что внешнеполитический курс страны формировался не по прихоти или капризу венценосца; здесь была своя логика, своя преемственность; она вызывалась и диктовалась принципом целесообразности и перспективного государственного интереса.

Говоря об антигерманских чувствах последних царей, необходимо учитывать один важный момент. Монархи питали собственно не столько антигерманские чувства, сколько антипруссские. Пруссия и Германия, по этим представлениям, — не одно и то же. Царский дом был оплетен густой сетью родственно-династических уз со многими владетельными домами в Германии, с теми карликовыми княжествами, герцогствами, графствами и королевствами, которые стали объектом притеснений со стороны именно Пруссии, игравшей руководящую роль в Германском союзе, а затем ставшей почти полноправным хозяином конгломерата формально независимых, но фактически полностью вассальных административно-государственных образований. «Наглость Пруссии», «беззастенчивость Гогенцоллернов» и вызывали возмущение. Потребности политической целесообразности требовали часто от правителей перешагивать через личные симпатии и антипатии, осуществляя комбинации, диктуемые государственными интересами.

Весь XIX век главными мировыми политическими центрами, где принимались касавшиеся геополитических проблем решения, были Лондон, Париж, Петербург, Вена. С середины века к числу таких центров присоединился и Берлин. Все остальные страны и столицы были на далекой периферии мировой политики. Лишь в самом конце века на роль «первых скрипок» в «концерте мировых держав» стали претендовать еще две страны: Япония и США.

У России складывались непростые отношения с мировыми лидерами. Огромность империи царей, ее медленное, но неуклонное расширение на юг и восток вызывали беспокойство и неудовольствие других мировых держав. Крымская война неблагоприятно отразилась на характере русско-французских и русско-английских отношений и исключила возможность тесного сближения и с Англией и с Францией. Но уже вскоре ситуация стала меняться. В 60-е годы, когда на европейском горизонте появился германский колосс, Наполеон III начал выказывать знаки явного расположения к Александру II и к России, и неоднократно сетовал на то, что

случилось «это несчастье», имея в виду Крымскую войну. Но эти сигналы из Парижа не вызвали ответной реакции в Петербурге. Горечь крымской баталии здесь еще не прошла.

Сложными были отношения у России с Англией. Экспансия Лондона в Азии наталкивалась на такие же претензии Петербурга. Находившаяся на английском престоле с 1837 по 1901 г. королева Виктория была убежденной русофобкой. В России хорошо помнили, что во время Крымской войны она на своей яхте провожала «до последнего маяка» военную эскадру, показав тем всему миру, что это была не только война Британии, но и ее личная война. Да и после окончания сражений отношения оставались натянутыми. В 60-е годы премьер Дизраэли заявлял: «Россия непрерывно усиливается. Катится как снежная лавина к границам Афганистана и Индии и представляет собой величайшую опасность, какая только может существовать для Британской империи». Эти чувства полностью разделяла и королева, и область внешней политики являлась сферой ее особых забот и интересов.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Англия стояла за спиной Турции и помогала ей. Сложные коллизии возникали в Средней Азии. Россия с середины XIX в. уверенно продвигалась в глубь обширных, малонаселенных территорий на востоке от Каспийского моря. По мере этого движения русские рубежи все ближе и ближе подходили к владениям Британии в Индии. Уже вскоре после воцарения Александра III наметился конфликт из-за района Мерва, чуть не приведший к войне между двумя крупнейшими мировыми империями. Еще более острая обстановка сложилась через четыре года в том же районе Средней Азии.

В начале 1885 г. отряд афганцев, вооруженный англичанами под руководством английского инструктора, занял территории, расположенные по соседству с крепостью Кушка, угрожая форпосту русских войск. Возмущенный царь отправил командующему грозный циркуляр, предписывая немедленно выгнать пришельцев и «проучить их как следует». Воля монарха была исполнена: афганцы бежали, а инструктор попал в плен. Посол Великобритании в Петербурге от имени правительства «Ее Величества» потребовал извинений. Александр III не только не собирался извиняться, но даже демонстративно наградил начальника пограничного отряда Георгиевским крестом. В Лондоне негодовали. Была произведена частичная мобилизация армии, а флот приведен в

боевую готовность. Петербург получил новую, еще более грозную ноту, и русские дипломаты нервничали. Сам же царь сохранял хладнокровие и на замечание министра иностранных дел Николая Гирса, что Россия на пороге войны, melancholически изрек: «Хотя бы и так». Тема была исчерпана. Англии пришлось уступить и проглотить «горькую русскую пилюлю».

Холодность англо-русских отношений в XIX в. существенно не изменили даже близкие родственные отношения, возникшие между Романовыми и Ганноверской (с 1917 г. — Виндзорской) династией. Старшая сестра русской цесаревны (с 1866 г.), а с 1881 г. — императрицы Марии Федоровны, урожденная датская принцесса Александра была замужем за старшим сыном королевы Виктории, наследником английской короны принцем Альбертом-Эдуардом, герцогом Уэльским. (С 1901 г. — король Эдуард VII.) Позже возникли и другие фамильные узы: в 1874 г. единственная дочь Александра II Мария Александровна стала женой второго сына королевы Виктории Альфреда, герцога Единбургского, а в 1884 г. внучка королевы, гессенская принцесса Елизавета, вышла замуж за брата Александра III, великого князя Сергея Александровича. И, наконец, в ноябре 1894 г. молодой царь Николай II венчался с младшей внучкой английской королевы, принцессой Алисой Гессенской, ставшей последней русской царицей Александрой Федоровной. Межгосударственные связи между Россией и Англией стали улучшаться лишь в начале XX в., и это сближение закончилось заключением в 1907 г. англо-русского договора о разделе сфер влияния.

Несмотря на свои антигерманские настроения, вскоре после восшествия на престол, Александр III пошел на возобновление «Союза трех императоров». Правящие круги России сделали этот шаг, чтобы предотвратить складывание тесного военно-стратегического альянса между Германией и Австро-Венгрией. В июне 1881 г. был подписан новый договор между тремя монархами, согласно которому стороны обязывались поддерживать «благожелательный нейтралитет», если случится война одной из них с четвертой страной. Правда, была сделана оговорка, что в случае войны с Турцией нейтралитет определяется специальным соглашением об условиях мира, а возможные изменения территориальных владений Турции в Европе могут происходить лишь с согласия сторон. Этот договор не был выгоден России, но, чтобы

не оказаться в опасной изоляции на мировой сцене, Петербург согласился на подобные условия.

В 1882 г. в расстановке политических сил в Европе произошло важное событие: Германия, Австро-Венгрия и Италия заключили тайное соглашение, получившее название «Тройственного союза». В отличие от «Союза трех императоров», где стороны на себя брали в основном моральные обязательства самого общего порядка, в данном случае имело место образование военно-стратегической коалиции, направленной напрямую против Франции и завуалированно против России. Участники соглашения обязывались не участвовать ни в каких соглашениях, направленных против одного из участников Тройственного союза, и оказывать друг другу взаимную военную поддержку в случае любых военных действий. Этот договор неоднократно продлевался и просуществовал вплоть до 1915 г., когда Италия выступила на стороне Антанты против своих бывших союзников.

Острое столкновение интересов России и Австро-Венгрии на Балканах (претензии на турецкое территориальное наследство, борьба за влияние в Болгарии и т.д.) вполне определенно вырисовывали возможность военного столкновения между тремя державами и Россией. В Петербурге прекрасно понимали опасность подобной ситуации. Чтобы разорвать политико-дипломатическую изоляцию, в 1887 г. Россия пошла на заключение тайного соглашения с Германией, которое обычно в литературе называют «Договором перестраховки». Канцлер О. Бисмарк таким путем старался обезопасить Германию с Востока в случае возникновения военного конфликта с Францией. Некоторые политические выгоды получила и Россия. Стороны обязывались соблюдать нейтралитет в случае войны одной из сторон с третьей державой, кроме «случаев нападения Германии на Францию или России на Австро-Венгрию». Иными словами, Германия как бы подтверждала свои союзнические обязательства перед Австро-Венгрией, а Россия оставляла за собой право поддержать Францию. Договор был заключен на три года, но продлен не был. В 1890 г. ситуация существенно изменилась. Главой Германской империи был уже Вильгельм II, человек резкий, неуживчивый, амбициозный и труднопредсказуемый. Сторонник мирных отношений с Россией, престарелый князь О. Бисмарк был отправлен в отставку, а между Россией и Германией бушевала жестокая таможенная война.

В начале 90-х годов XIX в. Россия пошла на шаг, который трудно было еще недавно и представить: она заключила военно-политический союз с республиканской Францией, страной, где находили прибежище русские диссиденты и престолоненавистники. Но государственные интересы возобладали над консервативными убеждениями, и две столь непохожих страны стали союзниками, определив тем самым расстановку геополитических сил в последующие десятилетия.

Первым шагом к образованию союза стало политическое соглашение от августа 1891 г., в котором стороны обязывались прилагать все силы к поддержанию мира и для этого проводить консультации по всем острым международным вопросам. Через год, в августе 1892 г., Россия и Франция заключили военную конвенцию. Ее основной смысл содержался в первой статье: «Если Франция подвергнется нападению со стороны Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все войска, какими она может располагать для нападения на Германию. Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все войска, какими может располагать для нападения на Германию». В конвенции говорилось, что Франция должна выставить против Германии армию в 1300 тыс. человек, Россия от 700 до 800 тыс. Обе стороны обязывались ввести эти силы в действие «полностью и со всей быстротой», с тем чтобы Германии пришлось одновременно сражаться и на Западе и на Востоке. Положения франко-русского союза были секретными. На этом настаивали в Петербурге, чтобы не форсировать военно-стратегическое сближение между Берлином и Венной. Но сохранять долго в тайне столь важный международный договор было сложно, и через несколько лет Франция и Россия официально признали свои союзнические обязательства.

Когда в апреле 1894 г. наследник престола цесаревич Николай Александрович был помолвлен с гессенской принцессой Алисой, то в Париже возникли опасения за судьбу Союза, тем более, что в Берлине умышленно раздували этот факт, стараясь придать ему некое политическое значение. Но эти опасения были совершенно безосновательными. Россия твердо была намерена придерживаться заключенного соглашения. Александр III недвусмысленно заявил, что, пока будет существовать Тройственный союз, «наше сближение с Германией невозможно».

В октябре 1894 г. в России появился новый царь и сразу возникли вопросы о том, насколько новый монарх будет следовать прежним курсом в вопросах внешней политики. Здесь узловым пунктом являлся франко-русский союз. За несколько дней до похорон Александра III, состоявшихся 7 ноября, русским дипломатическим представителям за границей был разослан циркуляр, опубликованный затем и в газете «Правительственный вестник», где говорилось: «Россия ни в чем не уклонится от вполне миролюбивой, твердой и прямодушной политики, столь мощно содействовавшей всеобщему успокоению». Это служило подтверждением неизменности внешнеполитического курса.

Вступивший на престол Николай II не был посвящен во многие подробности дипломатической деятельности, а содержание статей франко-русского союза ему было известно в самой общей форме. В своем дневнике великий князь Константин Константинович записал разговор с Николаем II вскоре после восшествия его на трон. «Я спрашивал, слышал ли Он советы от Отца перед кончиной? Ники ответил, что Отец ни разу и не намекнул Ему о предстоящих обязанностях. Перед исповедью отец Янышев (духовник. — Авт.) спрашивал умирающего Государя: говорил ли Он с наследником? Государь отвечал нет; он сам все знает». Но очень скоро император был введен в курс дела, ему были сообщены все детали дипломатических переговоров и условия заключенных Россией соглашений и конвенций. Принимая главу официальной делегации Франции генерала Р. Буадефра, прибывшего на похороны Александра III, Николай II заверил его, что и во внутренней и во внешней политике он «будет свято продолжать дело отца».

Общий внешнеполитический курс России не изменился: союз с Францией и поддержание как можно более дружеских отношений с другими державами. Особенно велика была роль подобных отношений с Германией, экономическая и военная мощь которой росли год от года, а ее международное влияние постоянно усиливалось. Берлин был заинтересован в политическом сближении с Петербургом, и Вильгельм II, осознавая значение России, стал пропагандировать идею о необходимости возобновить альянс двух монархий для поддержания равновесия в мире и укрепления консервативных принципов в политике. Эти сигналы не находили отклика в России. В начале 1895 г. русский МИД отправил послу в

Берлине директиву, где говорилось, что в случае проявления попыток кайзера возобновить существовавший ранее политический договор («Договор перестраховки») необходимо недвусмысленно дать понять, что Николаю II «не угодно возобновлять какое-либо письменное соглашение», поскольку оно оказалось бы «в некотором противоречии с установившимися отношениями нашими и Франции». Послу предписывалось «поддерживать и развивать самые дружеские отношения лично с Вильгельмом II и Берлинским кабинетом, не поощряя, однако, его стремление к заключению секретного соглашения».

Великобритания, находившаяся к концу XIX в. в политическом «блистательном одиночестве», тоже проявляла признаки внимания к России. Приход к власти нового правителя давал возможность изыскать обоюдоприемлемую формулу сосуществования двух империй. Эта стратегическая цель манила и Россию: во всех отношениях представлялось гораздо более выгодным иметь с Альбионом если уж не дружеские, то хотя бы приемлемые отношения. Королева Виктория, для которой внешняя политика являлась излюбленной сферой интересов, была готова отойти от своей русофобии. Династические матримониальные связи открывали большие возможности. Правда, первоначально она без всякого энтузиазма отнеслась к брачной партии своей внучки Алисы с русским престолонаследником, но когда познакомилась с ним лично, то предубеждение сошло почти на нет. В день бракосочетания Николая II, 14 ноября 1894 г., королева устроила пышный прием в Виндзорском замке, на который, впервые за время ее правления, были приглашены все члены русской дипломатической миссии. «Королева Великобритании и Ирландии и Императрица Индии» была необычайно любезна с гостями, удостоила многих из них беседой, а на банкете провозгласила тост «за здоровье моих дорогих внучат».

Николай II испытывал большое уважение к престарелой королеве: ведь она была так любима его женой, которой еще в раннем детстве заменила мать. Однако родственные симпатии — симпатиями, а интересы государства — прежде всего. В одном из своих посланий в Англию «любимый внук» заметил: «Увы! Политика, это не то, что частные или домашние дела, и в ней нельзя руководствоваться личными чувствами и отношениями. Подлинный учитель в этих вещах — история, а передо мной лично, кроме этого, всегда священ-

ный пример моего любимого Отца, так же как и результаты его деяний». Британская королева все это знала как никто. Упоминание же имени умершего царя не могло не воскресить в ее памяти неприятные минуты и дипломатические неудачи, которые она всегда остро переживала.

Николай II написал «дорогой бабушке» несколько писем, каждое из них было полно изъявлений нежных чувств. Но рядом с этим встречаются пассажи уже совсем иного свойства. В октябре 1896 г. царь писал: «Что касается Египта, дорогая Бабушка, то это очень серьезный вопрос, затрагивающий не только Францию, но и всю Европу. Россия весьма заинтересована в том, чтобы были свободны и открыты ее кратчайшие пути к Восточной Сибири. Британская оккупация Египта — это постоянная угроза нашим морским путям на Дальний Восток; ведь ясно, что у кого в руках долина Нила, у того и Суэцкий канал. Вот почему Россия и Франция не согласны с пребыванием Англии в этой части света и обе страны желают реальной независимости канала».

В начале 1899 г. Николай II, обращаясь к королеве, писал: «Как Вам известно, дражайшая Бабушка, я теперь стремлюсь только к возможно более длительному миру во всем мире, это ясно доказали последние события в Китае — я имею в виду новое соглашение о постройке железной дороги. Все, чего хочет Россия, — чтобы ее оставили в покое и дали развиваться свое нынешнее положение в сфере ее интересов, определяемой ее близостью к Сибири. Обладание нами Порт-Артуром и Маньчжурской железной дорогой для нас жизненно важно и нисколько не затрагивает интересы какой-либо другой европейской державы. В этом нет и никакой угрозы независимости Китая. Пугает сама идея крушения этой страны и возможности раздела ее между разными державами, и я считал бы это величайшим из возможных бедствий».

В этом послании обрисованы основные приоритеты и направления русской внешней политики. С конца XIX в. во внешнеполитической деятельности выступает на первый план дальневосточный регион. Другой важный момент, о котором говорится в процитированном письме, это упоминание о «стремлении к длительному миру».

С именем последнего российского монарха неразрывно связана одна важнейшая международная политическая инициатива, о которой всегда мало говорили или вообще умалчивали многочисленные недоброжелатели и хулители Нико-

лая II. Речь идет о предложении России созвать международную конференцию для обуздания гонки вооружений. Эта идея несколько месяцев обсуждалась в дипломатическом ведомстве России, и в конечном итоге царь поддержал это предложение. 12 августа 1898 г. представителям иностранных держав в Петербурге от имени министра иностранных дел была вручена нота, содержащая предложения России. В ней кратко была изложена точка зрения царского правительства на разворачивавшуюся мировую гонку вооружений, признавалась ее порочность для финансового благополучия отдельных стран и констатировалась угроза мировому спокойствию. Помимо прочего, в ней говорилось: «Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья — таков высший долг для всех государств. Преисполненный этим чувством, Государь Император повелел мне обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем дворе, с предложением о созвании конференции в видах обсуждения этой важной задачи. С Божьей помощью конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века».

Этот призыв прозвучал тогда, когда ведущие мировые державы или уже реализовали обширные военные программы, или готовились к этому. В силу этого реакции в Берлине, Лондоне, Вене, Париже, Вашингтоне и Токио были более чем сдержанные. Естественно, что в силу общеполитических условий никто не мог решиться отбросить сразу подобные предложения, отвечавшие чаяниям и мечтам многих и многих. Но никакого энтузиазма не наблюдалось, и в правительственных кругах европейских стран отнеслись к призыву России критически, расценивая ее как «несвоевременную акцию». Но все-таки известный результат русская инициатива имела. В начале лета 1899 г. в голландском городе Гааге, под председательством русского посла в Лондоне барона Е.Е. Стаала, состоялась первая международная конференция полномочных представителей двадцати семи стран. На ней были приняты важные международные правовые акты, касающиеся важнейших вопросов войны и мира: декларации о мирном разрешении военных споров; о законах и обычаях сухопутной войны и о ведении морской войны. В соответствии с решениями конференции был учрежден Международный суд в Гааге (действующий и поныне под эгидой

ООН), ставший международной арбитражной инстанцией в разрешении межгосударственных спорных ситуаций.

Но действительно глубоких изменений в развязанной гонке вооружений русская инициатива не принесла. К ней отнеслись критически не только руководители иностранных держав, но и многие в России. Среди «либеральной публики» мало кто верил, что данная акция была продиктована доброй волей верховного правителя, который, согласно всем модным представлениям, должен был олицетворять лишь «реакцию» и «империализм». Отчуждение от власти той части общества, кого было принято называть «образованными слоями», было уже вполне отчетливым.

Но этот внутренний социальный разлом был еще почти неразличим и в международном ландшафте империя царей представлялась мощным монолитом. К началу XX в. позиции России на мировой арене были прочны и общепризнанны. У нее была самая большая армия в мире (около 900 тыс. человек), третий в мире флот (после Англии и Франции). И хотя вооруженные силы России уступали ведущим мировым странам по уровню военно-технического оснащения, но с конца прошлого века этот разрыв начал стремительно сокращаться. Противоречия между Россией и европейскими державами на Балканах, в Турции (старая и большая проблема черноморских проливов), в Средней Азии и на Дальнем Востоке сохранялись и порой приводили к острым конфронтациям в различных географических пунктах, но до рубежа военного столкновения дело не доходило. России боялись и с ней считались. Русско-японская война и последующие затем социальные волнения сильно поколебали эти представления, и некоторые политические лидеры, например германский император Вильгельм II, буквально начали воспринимать Россию как «колосса на глиняных ногах». Это было опасное заблуждение, которое, тем не менее, непосредственно повлияло на развитие последующих событий.

Оглавление

Предисловие	5
-----------------------	---

Раздел I

Россия при Петре I

Глава 1. Первые шаги в государственной деятельности Петра I. Азовские походы и начало Северной войны	9
§ 1. «Двоецарствие» Ивана и Петра. Стрелецкие бунты и политика Софьи	14
§ 2. Азовские походы. «Великое посольство»	21
§ 3. Первые реформы	25
§ 4. Создание Северного союза и осада Нарвы	28
§ 5. Первый период Северной войны. Полтавская битва	33
Глава 2. Политика и экономика	40
§ 1. Царь и сельское хозяйство	40
§ 2. Роль государства в развитии крупного производства	42
§ 3. Мелкое производство и ремесло в петровской России	46
§ 4. Торговля	49
§ 5. Положение крестьянства, дворянства, купечества	52
Глава 3. Реформы органов управления и суда	63
§ 1. Губернская реформа	63
§ 2. Сенат и коллегии	65
§ 3. Реформа местного управления	67
§ 4. Финансы и бюджет	69
Глава 4. Рождение петровской армии и флота	71
§ 1. Формирование новой армии	71
§ 2. Создание флота	74
§ 3. Волнения и восстания низов	76
§ 4. Опозиция в верхах. Трагедия царя и трагедия наследника	80
Глава 5. Война и дипломатия после Полтавы. Ништадтский мир	83
§ 1. Итоги Полтавы и присоединение Прибалтики и Карелии	83
§ 2. Война с Турцией	85
§ 3. К господству на море	87
§ 4. Завершение Северной войны	88
§ 5. Каспийский поход	90
Глава 6. Ломка старых традиций и зарождение новой культуры	91
§ 1. Политические идеи. Инициативы. Проекты	91
§ 2. Просвещение и наука	94
§ 3. Литература. Театр	98
§ 4. Трансформация придворного быта	100

§ 5. Живопись и архитектура	101
§ 6. «Всяк человек смертен»	104

Раздел II

Россия при преемниках Петра I и в правление Екатерины II

Глава 7. Дворцовые перевороты	108
§ 1. Борьба придворных партий за власть	108
§ 2. Кондиции 1730 г. и бирюковщина	114
§ 3. Дворцовые перевороты середины века	123
Глава 8. Государственные преобразования и финансовая политика	138
§ 1. Органы государственного управления	138
§ 2. Финансовый кризис 20—30-х годов XVIII в.	141
§ 3. Областная контрреформа	142
§ 4. Эволюция финансовой политики	144
Глава 9. Социально-экономическое развитие России и социальные взрывы во второй четверти XVIII века	147
§ 1. Земледелец и его труд	147
§ 2. Помещик и крестьянин	150
§ 3. Крестьянские промыслы в XVIII в.	152
§ 4. Развитие внутреннего рынка сельскохозяйственной продукции	154
§ 5. Развитие промышленности в XVIII в. Формирование капиталистического уклада	155
§ 6. Социальные взрывы и национальные движения после Петра I	160
§ 7. Национальное движение в Башкирии	164
Глава 10. Россия и европейские державы после Петра I	166
§ 1. Война за «польское наследство»	169
§ 2. Восточный вопрос и русско-турецкая война 1735—1739 гг.	171
§ 3. Русско-шведская война 1741—1743 гг.	176
§ 4. Россия и война за «австрийское наследство» (1743—1748 гг.)	177
§ 5. Семилетняя война (1757—1763 гг.)	178
Глава 11. Россия в эпоху Екатерины II. «Просвещенный абсолютизм»	181
§ 1. Императрица и трон	181
§ 2. Российское дворянство и проблемы социально-экономического развития страны	184
§ 3. Политические иллюзии и реальная политика Екатерины II. «Просвещенный абсолютизм»	196
§ 4. Секуляризация церковных земель	199
§ 5. Уложенная комиссия 1767 г.	200

§ 6. Конкурс Вольного Экономического общества	204
§ 7. Poleмика сатирических журналов	206
Глава 12. Крестьянская война 1773—1775 гг.	208
§ 1. Предвестники восстания	208
§ 2. Е.И. Пугачев и его скитания по России	210
§ 3. Начало восстания и осада Оренбурга	211
§ 4. Второй этап восстания	215
§ 5. Третий этап восстания	216
§ 6. Идеология восставших. Причины крушения замыслов Е. Пугачева	218
Глава 13. Преобразования государственной машины и социальная политика	219
§ 1. Губернская реформа	219
§ 2. Реформа центральных учреждений	222
§ 3. Жалованная грамота дворянству 1785 г.	223
§ 4. Жалованная грамота городам 1785 г.	224
§ 5. Управление окраинами империи	226
Глава 14. Формирование различных тенденций в общественно-политической мысли России	235
§ 1. Критика «просвещенного абсолютизма» Екатерины II М.М. Щербатовым	235
§ 2. Борьба двух тенденций в критике крепостничества. Формирование просветительства в России	237
§ 3. Революционные общественно-политические взгляды А.Н. Радищева	241
Глава 15. Внешняя политика Российской империи во второй половине XVIII века	244
§ 1. Проект «Северной системы» Н.И. Панина и диссидентский вопрос в Польше	244
§ 2. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. и первый раздел Польши	248
§ 3. Война на два фронта	256
§ 4. Окончание русско-турецкой войны 1787—1791 гг.	261
§ 5. Россия и французская революция 1789 г. Второй и третий разделы Польши	262
§ 6. Контрреформа Павла	266
Глава 16. Культура России в XVIII веке	270
§ 1. Просвещение	270
§ 2. М.В. Ломоносов и русская наука	274
§ 3. Литература и журналистика	280
§ 4. Искусство	287
Раздел III	
Россия в XIX веке	
Глава 17. Закат крепостной эпохи	297
§ 1. Россия в начале XIX в.	297

§ 2. Начало царствования Александра I	303
§ 3. «Гроза двенадцатого года...»	309
§ 4. Заграничный поход русской армии и Венский конгресс	318
§ 5. Внутренняя политика Александра I после Отечественной войны	320
§ 6. Первые организации будущих декабристов	324
§ 7. Северное и Южное общества декабристов	327
§ 8. 1825 год. Декабрь и декабристы	330
Глава 18. Николай I и его Империя	335
§ 1. Начало периода реакции	335
§ 2. Реформы Николая I	340
§ 3. Начало кризиса николаевской Империи	343
§ 4. Общественное движение после декабристов	345
§ 5. «Люди сороковых годов»	350
§ 6. Крымская война	356
Глава 19. Духовная жизнь России в первой половине XIX века	363
§ 1. Образование и наука	363
§ 2. Русские путешественники	365
§ 3. «Золотой век» русской культуры	367
§ 4. Русская православная церковь в первой половине XIX в.	376
Глава 20. Эпоха Освобождения	381
§ 1. Накануне отмены крепостного права	381
§ 2. Отмена крепостного права в России	388
§ 3. Основные положения реформы 19 февраля 1861 г.	392
§ 4. Либеральные реформы 60—70-х годов	396
§ 5. Промышленность и транспорт в пореформенной России	399
§ 6. Русская деревня после отмены крепостного права	403
Глава 21. Драма после Освобождения	407
§ 1. Общественное движение в 1861—1866 гг.	407
§ 2. Возникновение народничества	413
§ 3. Внешняя политика России в 60—70-х годах	419
§ 4. Русско-турецкая война 1877—1878 гг.	422
§ 5. Подъем общественного движения после русско-турецкой войны	426
§ 6. «Диктатура сердца» М.Т. Лорис-Меликова и конец реформ	430
Глава 22. На пороге XX века	435
§ 1. Русская деревня в конце XIX в.	435
§ 2. Александр III и его контрреформы	437
§ 3. Рабочее движение и распространение марксизма в России	440

Глава 23. Духовная жизнь России во второй половине XIX века	447
§ 1. Образование и наука	447
§ 2. Русские путешественники	454
§ 3. Большой мир русской культуры	455
§ 4. Русская православная церковь во второй половине XIX в.	473
Глава 24. Империя двуглавого орла на пороге XX века	476
§ 1. Смерть императора Александра III и воцарение Николая II. Личность последнего императора	476
§ 2. Социальный и экономический облик России 90-х годов XIX в. Общероссийская перепись 1897 г. Имущие и неимущие	489
§ 3. Сергей Юльевич Витте: человек и политик. Успехи и проблемы хозяйственной модернизации	501
§ 4. Золотой рубль	515
§ 5. Место России в «концерте мировых держав»	526

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — «Книги по почте».

Сахаров Андрей Николаевич
Милов Леонид Васильевич
Зырянов Павел Николаевич
Боханов Александр Николаевич

ИСТОРИЯ РОССИИ С НАЧАЛА XVIII ДО КОНЦА XIX ВЕКА

Учебное пособие

Ведущий редактор *Н.А. Еремина*
Редактор *О.К. Смирнова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.03.01.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.

Гарнитура «Антиква». Печать высокая с ФПФ.

Усл. печ. л. 30,24. Тираж 15 000 экз. Заказ 967.

Общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»

Изд. лиц. ИД № 02694 от 30.08.2000 г.

674460, Читинская область, Агинский р-н,

п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84.

Наши электронные адреса:

www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32
от 10.01.2001. 220040, Минск, ул. М. Богдановича, 155-1204.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.650.

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.